Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

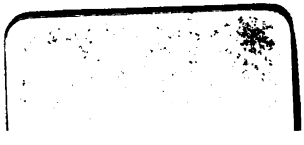
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Pr. 278975 d. 80



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae planè aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и К°.

1844.

Digitized by Google

BODLEIAN
P
16 OCT 1956
LIBRARY

Печатать позволяется С. Петербургъ, 30 іюня 1844.
Цензоры *А. Никитенко* и *С. Куторга*.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЛА.

Въ двухъ сценахъ.

(Соч. Ф. Шиллера.)

—

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юнона.
Семела, оивская царевна.
Юпитеръ.
Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Оивахъ, во дворцѣ Кадма.

—

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Юнона.

(Сходитъ въ колесницы, окруженная облакомъ.)

Прочь съ вашей крылатой возницей,
Павлины Юноны; ждите меня

Digitized by Google

На заоблачныхъ высяхъ Цитеры.

(Колесница и облако исчезаютъ.)

А, здравствуй, домъ моей несытой злобы,
Привѣтъ тебѣ, проклятья вражій кровъ
И ненавистный дворъ! Такъ вотъ то мѣсто,
Гдѣ предъ лицомъ стыдливымъ дня Юпитеръ
Безчеститъ ложе гордое мое!
Здѣсь громовержца смѣетъ женщина —
Простая смертная, мгновенный прахъ,
Исхитивъ лаской изъ моихъ объятій,
Теперь къ своимъ приковывать устамъ.
Юнона, Юнона!
У горняго трона
Ты одна стоишь.
Храмы шлютъ тебѣ куренье,
Всюду чтители твои.
Безъ любви на что почтенье?
Что и небо безъ любви?
Нужно было мнѣ въ обиду,
Чтобы пѣна родила Киприду,
Вѣчныхъ и смертныхъ
Всѣхъ побѣдныхъ ея взоръ огневей.
Горе! — въ гнѣвъ тебѣ Юнона
Родила и Герміона —
И навѣкъ прости покой!

Иль не царица боговъ я?
Иль не сестра громовержца?
Иль мнѣ властитель Зевесъ не супругъ?
Развѣ не мнѣ повинуются оси
Грузнаго неба? Не я ли блистаю въ вѣнцѣ олимпійскомъ?

Га! Я чувствую
Въ жилахъ безсмертныхъ сатурнову кровь,
Сердце богини въ груди разрослось.
Мести! мести!
Унижать меня безнаказанно!
Безнаказанно сѣять раздоръ между богами,
И въ ясный чертогъ небожителей звать
Эриду? Какая безмѣрная дерзость!
Знай же, безумная!
Смерть у Коцита научитъ тебя
Божеское различать отъ праха земли!
Пусть задавитъ тебя твой гигантскій уборъ;
Прахомъ ты будешь
Вмѣсто богини.
Въ доспѣхахъ мести
Схожу съ Олимпа высокаго я,
И сладко-снотворныя
Льстивыя рѣчи
Изобрѣла;

Digitized by Google

Смерть и погибель
Скрываются въ нихъ.
Чу, шаги ея!
Вотъ ближе,
Ближе къ паденью и гибели вѣрной!
Увѣйся покровомъ земнымъ, божество!

(Уходитъ.)

Семела *(кричитъ на сцену).*

Ужь солнце къ западу!.. Скорѣй, служанки,
Наполните чертогъ пріятной амброй,
Розъ и нарцизовъ набросать вокругъ;
Да не забудьте златотканный пологъ,
Ужь солнце къ западу, а онъ еще не йдетъ!

Юнона *(входитъ въ образѣ старухи).*

Благодареніе безсмертнымъ! Дочь моя!

Семела.

О, боги! Бодрствую иль брежу я? Бероя!

Юнона.

Уже-ль свою кормилицу-старушку
Забыла ты?

Семела.

Бероя, видитъ Зевсъ!
Позволь, чтобъ дочь тебя прижала къ сердцу!
Здорова ль ты? Зачѣмъ изъ Эпидавра
Пришла ко мнѣ? Ну, какъ живешь? Не правда ль,
По-прежнему еще ты мать мнѣ?

Юнона.

Мать!
Давно ты такъ звала меня.

Семела.

Зову,
И буду звать — пока изъ темной Леты
Я не напьюсь.

Юнона.

Бероѣ, можетъ-быть,
Не долго ждать до волнъ самозабвенья;
Но Кадма дочь изъ нихъ не будетъ пить.

Семела.

Какъ, милая? Загадками ты прежде
Не говорила; духъ сѣдыхъ волосъ
Теперь въ уста твои влагаетъ рѣчь;
Ты говоришь: я Леты не увижу?

Юнона.

Да, я сказала. Что жь сѣдинамъ ты
Смѣешься? Правда, что богамъ онѣ,
Какъ свѣтлые власы, сѣтей не ставятъ.

Семела.

Прости! Могла ль смѣяться я власамъ
Сѣдымъ — какъ будто эти вѣчно будутъ
Златой волной катиться мнѣ на плечи?

Digitized by Google

Но что же ты сквозь зубы проворчала?
Богъ, говоришь ты?

Юнона.

Богъ, сказала я?
Ну, да, вѣдь боги всюду! Ихъ молить
Намъ слабымъ смертнымъ должно. Боги тамъ,
Гдѣ ты, Семела. — Какъ спросила ты?

Семела.

Какая злость! Однакожь говори,
Что привело тебя изъ Эпидавра?
Не то ли ужь, что боги окружаютъ
Твою Семелу?

Юнона.

Только то, клянусь!
Какимъ огнемъ твои покрылись щеки,
Когда «Юпитеръ» я произнесла!
Послушай, дочь моя: ужасный моръ
Свирѣпствуетъ въ несчастномъ Эпидаврѣ.
Тамъ каждое дыханье ядовито,
Женихъ невѣсту, мать сжигаетъ сына;
Костры горятъ и превращаютъ въ день
Полночный сумракъ. Вопли и рыданья
По воздуху разносятъ смертный ужасъ,
Прогнѣваннымъ Юпитеръ смотритъ окомъ
На бѣдный нашъ народъ. Вотще предъ нимъ
Струится жертвенная кровь. Вотще
У алтаря, измучась на колѣняхъ,
Взываетъ жрецъ — онъ на моленье глухъ.
И вотъ меня несчастная отчизна
Ко дщери Кадма шлетъ: не упрошу ль
Ее избавить насъ отъ смертной кары.
Кормилица Бероя, говорятъ,
Должно быть, много значитъ у Семелы,
Семела же у Зевса много значитъ;
А вотъ и все — не поняла я словъ:
«Семела много значитъ у Зевеса.»

Семела *(со жаромъ и забывшись)*.

Скажи, что завтра кончится зараза!
Меня Зевсъ любитъ — пыньче жь стихнетъ моръ!

Юнона *(неожиданно пораженная)*.

Такъ правда, что стоустная молва
Отъ Гемуса до Иды разглашаетъ?
Тебя Зевсъ любитъ? Зевсъ привѣтствуетъ
Тебя во всемъ величьи, какъ Юнону
Средь изумленныхъ небожителей?
О, боги! пусть теперь сокроетъ Оркусъ
Мои сѣдины — я жила довольно,
Во всемъ величіи восходитъ сынъ Сатурна
Къ ней, къ ней — она сосала грудь мою!
Къ ней!

Digitized by Google

Семела.

О, Бероя, онъ явился мнѣ
Красавцемъ краше всѣхъ авроринхъ дѣтей.
Да! въ этотъ мигъ онъ былъ небесньй и свѣтлѣй,
Чѣмъ Гесперусъ, уханьемъ окруженный
И членами въ эфирѣ вогруженный.
Онъ гордо шелъ, какъ-бы Гиперіонъ,
Когда за мощными плечами
Звѣнятъ колчанъ и лукъ. Зефиромъ окрилевъ
Блисталъ покровъ, вился за нимъ клубами.
Такъ океанъ сребристыми волнами
Блистаетъ. Серебра пріятный звонъ
Его слова; ихъ переливъ свѣтлѣе
Живой мелодіи на лирѣ у Орфея.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Какъ все въ тебѣ полно
Минувшаго небеснымъ наслажденьемъ;
Что жь дѣлалось тогда съ твоими слухомъ, зрѣньемъ,
Когда воспоминаніе одно
Тѣснится въ грудь дельфійскимъ вдохновеньемъ!
Но что же ты не склонишь разговоръ
На зевсовъ драгоцѣннѣйшій уборъ?
Что жь ты скупишься? Разскажи, какъ стрѣлы
Громовыя сверкаютъ предъ Семелой,
А имъ бы рвать густыя облака!
Девкаліонъ и Прометей красою
Могли снабжать — громить же лишь Зевесъ.
Одинъ лишь громъ, который онъ бросалъ
Къ твоимъ ногамъ, одинъ лишь громъ тебя
Такъ высоко возноситъ надъ землей.

Семела.

Что говоришь ты? Здѣсь о громѣ рѣчи
Не можетъ быть.

Юнона.

Тебѣ къ лицу и шутки!

Семела.

Небесньй моего Юпитера не можетъ
Быть сынъ земли; но громъ... какой же громъ?

Юнона.

И... ревность!

Семела.

Нѣтъ, Бероя! Видитъ Зевсъ.

Юнона.

Клянешься?

Семела.

Видитъ Зевсъ! мой Зевсъ!

Юнона.

Клянешься?
Несчастная!

Семела *(в испуге)*.

Бероя! что съ тобой?

Digitized by Google

Юнона.

Ну, повтори слова тѣ, по которымъ
Несчастнѣй нѣтъ тебя на всей землѣ,
Погибшая! То былъ не Зевсъ!

Семела.

Не Зевсъ?
Презрѣнная!

Юнона.

Коварный соблазнитель
Изъ Аттики, подъ маской божества
Похитилъ честь твою, невинность, стыдъ!

(Семела падаетъ въ обморокъ.)

Да, упади! чтобъ вѣчно не вставать!
Пусть ночь навѣкъ потушитъ свѣточъ твой,
Пусть тишина скуетъ на вѣкъ твой слухъ!
Останься здѣсь на мѣстѣ хладнымъ камнемъ!
О, стыдъ, о, срамъ! стыдливый день бѣжитъ
Опять назадъ въ объятія Гекаты!
О, боги! боги! Не-уже-ль Бероѣ
Шестнадцать лѣтъ въ разлукѣ пострадать
И встрѣтить такъ дочь Кадма суждено!
Я съ радостью пошла изъ Эпидавра,
И со стыдомъ должна идти домой.
Отчаянье я принесу... О, горе!
О, мой народъ! Скорѣе до втораго
Потопа моръ пробудетъ, онъ скорѣй
Загромоздитъ тѣлами темя Эты,
Скорѣй вся Грецiя въ кладбище превратится,
Чѣмъ ты, Семела, гнѣвъ боговъ смягчишь;
Обмануты я, ты, и Грецiя, и все!

Семела.

Моя Бероя!

Юнона.

Другъ, очнись. Быть-можетъ,
То былъ Зевесъ! Но кажется, что нѣтъ!
А все жь, быть-можетъ, онъ! Теперь узнать нашъ долгъ;
Пусть онъ скроется, не то на вѣкъ
Бѣги его; пусть Оивы за тебя
Презрѣнному отмстятъ кровавой местью.
Взгляни, о, дочь! взгляни своей Бероѣ
Въ лицо: уже не симпатiя я
Всегда твоя. — Не испытать ли намъ
Его, Семела?

Семела.

Нѣтъ, клянусь богами,
Я въ немъ ошиблась бы.

Юнона.

Уже-ли бъ ты
Была покойнѣй, вѣчно сомнѣвалась,
Хотя бы онъ и подлинно былъ Зевсъ?

Digitized by Google

Семела (скрывает лицо на колѣнях Юноны).

Нѣтъ! онъ не Зевсъ!

Юнона.

И блескомъ окруженный
Тебѣ бы такъ явился, какъ едва-ль
Являлся онъ Олимпу? Что тогда
Семела? Ты бы каялась, зачѣмъ
Его пытала.

Семела (съ силой).

Онъ открыться долженъ.

Юнона (скоро).

Дотолѣ онъ не знай твоихъ объятій—
Откройся прежде! — Слушай, дочь моя,
Что вѣрная кормилица тебѣ
Съ любовью отъ души совѣтуетъ.
Скажи, когда онъ явится? скажи!

Семела.

Онъ обѣщалъ, что прежде чѣмъ къ Ѳетидѣ
Въ объятія сойдетъ Гесперіонъ.

Юнона (забывшись, съ жаромъ).

Какъ? Га! Сегодня снова пусть прійдетъ,
И только-что въ восторгѣ упоенья
Онъ распахнетъ объятья за тобой,
Ты отступи — прикопки — будто громомъ
Поражена. Га! Какъ смутится онъ!
Не долго, дочь моя, ты для смущенья
И продолжай желѣзнымъ хладнымъ взоромъ
Отталкивать его. Страстнѣй, сильнѣе
Онъ будетъ льнуть къ тебѣ; вѣдь спѣсь красавицъ
Плотина лишь, что дождевой потокъ
Запретъ на мигъ, и съ яростію новой
Нахлынутъ волны... тутъ ты станешь плакать;
Противъ Гигантовъ онъ стоялъ спокойно,
Глядя какъ гнѣвъ сторукаго Тифея
Въ его престолъ кидалъ Олимпъ и Оссу,
Но слезы милой побѣдятъ его...
Ты улыбаешься? А, вижу, ученица
Здѣсь превзошла наставницу свою!
Вотъ и попросишь ты, чтобъ богъ исполнилъ
Одно твое невинное желанье
Въ знакъ божества и пламенной любви
Онъ Стиксомъ поклянется—избѣжать
Ему нельзя—ужъ Стиксъ его связалъ.
А ты скажи: «Не знай меня, доколѣ
«Во всей красѣ, какъ дочери Сатурна,
«Не явишься ты царской дщери Кадма.»
Семела — ты не бойся, если онъ
Начнетъ тебѣ присутствіе свое
Описывать ужаснымъ, въ пламени
Трескучемъ, при раскатахъ громовыхъ,
Чтобъ запугавъ, лишить тебя желанья...

Digitized by Google

Семела, это всё пустые страхи
И боги лишь скупятся для людей
Такой красой, такимъ величьемъ славы
Не отступайся, и сама Юнона
Завистливо скосится на тебя...

Семела.

Дурная-то, съ воловьими глазами?
Въ жару любви онъ часто признавался,
Какъ черной желчью мучаетъ она
Его.

Юнона.

Га! смерть червю за поношенье!

Семела.

Что? какъ, Беroя? Что ты тамъ ворчишь?

Юнона.

Такъ, ничего, Семела! Черной желчью
И я терзаюсь... часто строгій взглядъ
Зовется у влюбленныхъ черной желчью;
Воловьи же глаза не такъ дурны.

Семела.

О! самые безпутные, Беroя,
Какіе могутъ въ головѣ свѣтить!
Къ-тому жь примѣта ядовитой злобы
Желто-зеленый цвѣтъ ланитъ. Мнѣ жаль
Зевеса: отъ навязчивой любви
И вздорной ревности царицы нѣтъ ему
Одной покойной ночи. Это просто
Должна быть въ небѣ пытка Иксіона.

Юнона.

(Съ ужаснымъ смущеніемъ и злобою ходитъ взадъ и впередъ.)
Ну, полно же!

Семела.

Беroя! Что за горечь?
Иль я сказала болѣе, чѣмъ правда
И умъ велитъ?

Юнона.

Ты болѣе сказала,
Чѣмъ умъ и правда дѣвушкѣ велятъ.
Считай за счастье, если голубые
Глаза твои не рано въ челнъ Харона
Заглянутъ. У Юноны тоже храмы...
Бродя между людьми, она не мститъ
Такъ ни за что, какъ за насмѣшки злыя.

Семела.

Что жь! Пусть прійдетъ и слушаетъ! что мнѣ?
Юпитеръ каждый волосъ на главѣ
Моей хранитъ, такъ что же тутъ Юнона?
Однако же, Беroя, бросимъ это.
Еще сегодня я во всей красѣ
Увижу Зевса. Пусть себѣ Юнона
Хоть въ Оркусъ путь отыщетъ.

Digitized by Google

Юнона *(в сторону)*.

Этотъ путь
Найдетъ другая, можетъ-быть, но прежде,
Ужь въ этомъ мнѣ порукой зевсовъ громъ!
(Къ Семелѣ.)
Да, да! у ней займетъ дыханье зависть,
Когда дочь Кадма предъ лицемъ Эллады
Подымется съ тріумфомъ на Олимпъ.

Семела.

Уже-ль
Про Кадма дочь узнаетъ Грецiя?

Юнона.

А будто-бъ отъ Сидона до Аѳинъ
Про что другое говорятъ? Семела!
Боги, боги, станутъ предъ тобой
На колѣни, — боги предъ тобой!
Смертные съ покорной головою
Будутъ ждать за трепетной чертою,
Что невѣста громовержца...

Семела.

Ахъ!

Юнона.

И въ вѣка во всѣ предѣлы
То разскажетъ мраморъ бѣлый,
Что Семелу чтили здѣсь —
Ту красавицу Семелу
Чьи лобзанія свели
Въ прахъ владыку громовержца
Съ олимпiйской высоты.
Тысячезвучныя крылья молвы встрепенутся
Звуки ихъ съ моря возстанутъ и съ горъ разольются.

Семела *(въ себя)*.

О, Аполлонъ! О, Пиѳiя! что жь онъ
Не явится!

Юнона.

И сквозь облако куренья
Ты услышишь ихъ моленья.

Семела *(вдохновенная)*.

И доступна буду всѣмъ,
Гнѣвъ его смягчу мольбами,
Молнiи — залью слезами,
Счастье, счастье обѣщаю всѣмъ.

Юнона *(про себя)*.

Бѣдная! зачѣмъ?

(Погрузясь въ размышленiе.)

Чувствую!.. но звать меня безпутной...
Нѣтъ же! въ тартаръ состраданье. *(Къ Семелѣ.)*
Ну, бѣги жь, мой другъ, бѣги же,
Чтобы Зевсъ не видѣлъ; чѣмъ онъ долѣ
Будетъ ждать, тѣмъ пламеннѣй восхощетъ
Онъ къ тебѣ...

Digitized by Google

Семела.

Бероя, небеса
Въ твои уста вложили сами рѣчи!
О, блаженство! Боги предо мною
На колѣни станутъ, а вокругъ
Смертные съ покорной головою —
Нѣтъ же, нѣтъ, бѣгу, бѣгу, мой другъ!

(Поспѣшно удаляется.)

Юнона *(съ восторгомъ смотритъ ей въ-слѣдъ).*

Слабая, гордая женщина! жаль мнѣ тебя!
Огнь пожирающій страстные взоры его;
Въ каждомъ лобзаніи смерть, въ каждомъ объятіи
Вихрь удушающій! Смертному тѣлу нельзя
Снесть лицезрѣнье того, чья рука
Громы кидаетъ: Га! пусть *(въ изступленномъ восторгѣ)*
Подъ молньеносной рукой
Воскъ ея смертнаго тѣла растаетъ,
Какъ предъ лампадою солнца
Утренній снѣгъ, — и невѣрный,
Вмѣсто нѣжнаго стана невѣсты,
Собственный ужасъ обниметъ. Съ какимъ торжествомъ я тогда,
Взоръ пресыщая, съ вершины Цитеры къ нему воззову
Такъ что въ рукѣ у него задрожитъ громовая стрѣла:
Полно; что̀ жь ты, Сатурній,
Такъ обнимаешь жестоко!

(Уходитъ.)

(Симфонія.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Прежняя зала.)

Внезапный свѣтъ.

Зевесъ *(въ образѣ юноши)*, Меркурій *(въ отдаленіи)*.

Зевесъ.

Сынъ мой!

Меркурій *(съ преклоненной головой становится на колѣни).*

Зевсъ!

Зевесъ.

Скорѣй! спѣши! лети!
Направь полетъ на берега Скамандра:
Тамъ плачетъ надъ холмомъ своей пастушки
Пастухъ — никто не долженъ плакать,
Когда Сатурній любитъ.
Ступай и оживи умершую!

Меркурій *(вставая).*

Твоей главы могучей мановенье
Меня уноситъ вдаль въ одно мгновенье
И въ мигъ назадъ.

Digitized by Google

Зевесъ.

Летя черезъ Аргосъ,
Я встрѣтилъ дымъ, клубящійся отъ жертвы
На алтарѣ моемъ — пріятно было мнѣ,
Что мой народъ такъ чтитъ меня; слетай
Къ моей сестрѣ Церерѣ и скажи,
Чтобъ въ десять тысячъ разъ она посѣвъ
Умножила Аргійцамъ на полвѣка.

Меркурій.

Я съ быстротою трепетной всегда
Спѣшу исполнить гнѣвъ твой, вседержитель,
А милость — съ радостной; вѣдь счастьемъ надѣлять
Людей богамъ отрадно, а карать
Людей богамъ прискорбно. — Гдѣ велишь
Принесть ихъ благодарность: на низу,
Въ пыли, иль наверху въ божественномъ чертогѣ?

Зевесъ.

Въ низу, въ божественномъ чертогѣ? Во дворцѣ
Моей Семелы! Ну, лети! *(Меркурій уходитъ.)*
Она не йдетъ
Принять царя Олимпа, какъ всегда,
На грудь свою, взволнованную нѣгой.
О, что жь не йдетъ по мнѣ моя Семела
На встрѣчу? Мертвое, пустынное молчанье
Во всемъ дворцѣ, который прежде такъ
Вакхически неистово шумѣлъ.
Ни вѣтерка... я видѣлъ торжество
Въ очахъ Юноны — своему Зевесу
Не хочетъ въ срѣтенье Семела поспѣшить...
(Молчаніе. Онъ продолжаетъ.)
Га! Не-ужель преступная войдти
Въ святилище моей любви дерзнула?
Сатурнія — Цитера и тріумфъ.
Ужасно... признаки... Семела, ты не бойся!
Не бойся, я твой Зевсъ. Дохну, и небеса,
Подвинувшись, покажутъ: я твой Зевсъ!
Гдѣ воздухъ тотъ, который смѣетъ сильно
Подуть на ту, что Зевсъ своей зоветъ?
А ковни мнѣ смѣшны... Семела, гдѣ ты?
Давно я жду прильнуть къ твоей груди
Главою, отягченной цѣлымъ міромъ,
Отъ бурь правленья чувства убаюкать,
Забыть во снѣ кормило и бразды
И потонуть въ отрадѣ наслажденья
О, счастіе! О, нѣга опьянѣнья
Самимъ безсмертнымъ! Что Урана кровь,
Что нектаръ и амброзія, и что
Олимпа тронъ, златой вѣнецъ небесъ,
Могущество, безсмертье, вѣчность, Богъ
Безъ любви?
Пастухъ, что подъ журчаніемъ ручья

Digitized by Google

Въ объятьяхъ милой забываетъ стадо,
Моимъ громамъ не позавидуетъ.
Она идетъ... О, перлъ моихъ созданій!
О, женщина! Передъ творцомъ твоимъ
Молиться должно. Я тебя создалъ —
Молися мнѣ. Зевсъ молится Зевесу,
Создавшему тебя. Га! Кто во всей вселенной
Мнѣ изрѣчетъ проклятье? Какъ презрѣнны,
Какъ незамѣтны всѣ мои міры
Мои моря лучей, мои системы
И вся моя огромная цѣпница,
Какъ мудрецы твердятъ, какъ это все мертво
Въ сравненіи съ душой.

Семила *(приближается не подымая глазъ)*.

Зевесъ.

Моя краса! престолъ мой — прахъ! Семела! Ты
(Спѣшитъ ей на встрѣчу; она хочетъ уйдти).
Бѣжишь? Безмолвствуешь? Семела! Ты бѣжишь?

Семила *(отталкивая его)*.

Прочь!

Зевесъ *(пораженный; послѣ молчанія)*.

Грезитъ Зевесъ? Или природа хочетъ
Разрушиться? — Такъ говоритъ Семела? —
Какъ, нѣтъ отвѣта? Жадно простираю
Къ тебѣ объятья — такъ не билось сердце
Мое предъ дщерью Агенора, такъ
Оно и къ Ледѣ не рвалось, уста
Мои такъ устъ Данаи не искали,
Какъ въ этотъ мигъ.

Семила.

Молчи! Ты лжецъ!

Зевесъ *(съ нѣжнымъ упрекомъ)*.

Семела!

Семила.

Прочь!

Зевесъ *(смотря на нее)*.

Я Зевесъ!

Семила.

Ты Зевесъ?
Страшись, хвастунъ! онъ грозно у тебя
Потребуетъ украденный уборъ,
Которымъ ты ругался — ты не Зевесъ!

Зевесъ *(величественно)*.

Вселенная, вращаясь въ кругъ меня,
Такъ назвала меня.

Семила.

Га! Богохульство!

Зевесъ *(кротче)*.

Какъ, милая? Откуда рѣчь такая?
Кто жъ у меня похитилъ это сердце?

Digitized by Google

Семела.

Оно того, кого ты обезьянишь.
Чтобъ женщину увлечь приходятъ люди
Подъ маской божества. — Прочь! ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Ты сомнѣваешься? уже-ль сомнительно
Семелѣ божество мое?

Семела *(печально)*.

Когда бы ты
Былъ Зевесъ, никто изъ смертныхъ не коснулся бъ
До этихъ устъ... О, еслибъ ты былъ Зевесъ!

Зевесъ.

Ты плачешь? Здѣсь Зевесъ, а ты въ слезахъ, Семела?
Скажи, проси — и рабская природа
Падетъ, дрожа, къ твоимъ ногамъ. Скажи—
И рѣки бой начнутъ съ своимъ теченьемъ,
И горы: Геликонъ, Кавказъ и Цинтъ,
Аѳосъ, Микала, и Родопъ, и Пиндъ,
Въ-слѣдъ за моимъ могучимъ мановеньемъ,
Сорвавшись, на поля и долы налетятъ,
Завьются въ воздухѣ и солнце затемнятъ.
Скажи — и вѣтры всѣ въ одно мгновенье ока
Помчатся съ сѣвера на море и съ востока,
Посидаона тронъ тяжелый покачнутъ;
Пучины вздуются и берега зальютъ;
Въ огняхъ предстанетъ ночь, изъ грома громъ родится,
И полюсъ затрещитъ и небо задымится.
Волнами Океанъ начнетъ топить Олимпъ;
Передъ тобой Орканъ засвищетъ пѣснь побѣды...
Скажи!

Семела.

Я женщина, я смертная.
Какъ можно предъ горшкомъ горшечнику склониться,
Или художнику передъ статуею пасть?

Зевесъ.

Пигмаліонъ палъ предъ своимъ созданьемъ, —
Своей Семелѣ молится Зевесъ.

Семела *(плачетъ)*.

Ну, встань же, встань! О, горе мнѣ несчастной!
Я лишь боговъ могу любить, а боги
И самъ Зевесъ — смѣются надо мной!

Зевесъ.

Зевесъ у ногъ твоихъ.

Семела.

О, встань же! Высоко
Тамъ на громахъ въ объятіяхъ Юноны
Зевесъ смѣется слабости червя.

Зевесъ *(съ жаромъ)*.

Семела и Юнона! Га! Кто червь?

Семела.

О, необъятно-счастлива была

Бы Кадма дочь, Когда бы ты былъ Зевсъ, —
Но ты не Зевсъ!

Зевесъ (*встаетъ*).

Я Зевсъ!

(*Онъ протягиваетъ руку; въ залѣ появляется радуга. Музыка сопровождаетъ явленіе.*)

Что? видишь ли?

Семела.

И человѣкъ могучъ любовью вѣчныхъ.
Тебя Сатурній любитъ — я однихъ
Боговъ могу любить.

Зевесъ.

Еще сомнѣнья!
Какъ-будто власть свою я у боговъ
На время выпросилъ, а не родился съ ней.
Семела, боги людямъ сообщаютъ
Благотворенья силу, но не каръ,
А смерть и гибель — вотъ печать боговъ:
Карающимъ увидишь ты Зевеса.

(*Онъ протягиваетъ руку. Ударъ, вѣтръ, дымъ и землятрясеніе. Музыка сопровождаетъ эти явленія*).

Семела.

Довольно! Опусти десницу! О, помилуй!
Помилуй бѣдный свой народъ! Тебя
Родилъ Сатурнъ!

Зевесъ.

А, легковѣрная!
Уже-ль Зевесу, женщинѣ въ угоду,
Планетъ и солнцъ теченье измѣнять?
Зевсъ все исполнитъ! Часто сынъ боговъ
Скалѣ огнечреватой рвалъ утробу,
Но онъ землей и связанъ; это можетъ
Одинъ Зевесъ!

(*Онъ протягиваетъ руку, солнце исчезаетъ, внезапная ночь.*)

Семела (*падаетъ предъ нимъ.*)

О! еслибъ, всемогущій,
Ты могъ любить!

(*Снова день.*)

Зевесъ.

Дочь Кадма вопрошаетъ
Кроніона, что любитъ ли Кроніонъ.
Одинъ намекъ — и, сбросивъ божество,
Онъ пріиметъ плоть, чтобъ только быть любимымъ.

Семела.

И будто Зевесъ?...

Зевесъ.

Самъ Аполлонъ признался
Намъ, какъ отрадно человѣкомъ быть
Между людьми. Скажи — я человѣкъ!

Семела (*кидается къ нему на шею*).

Зевсъ, въ Эпидаврѣ женщины зовутъ

Твою Семелу дѣвушкою глупой:
Любима Зевсомъ, говорятъ, а что жь
Не выпроситъ у Зевса ничего?

Зевесъ (*съ жаромъ*).

Пусть женщины краснѣютъ въ Эпидаврѣ!
Проси, проси—и видитъ Стиксъ—владыка
Самихъ боговъ—и если Зевсъ замедлитъ
Пусть грозный богъ меня въ одно мгновенье
Въ бездонный мракъ небытія сразитъ!

Семела (*вспыхиваетъ съ радостію*).

Теперь я вижу своего Зевеса!
Ты поклялся—и клятву слышалъ Стиксъ!
Такъ никогда не обнимай иначе
Меня, какъ ты...

Зевесъ (*кричитъ въ испугѣ*).

Несчастная! Постой!

Семела.

Сатурнію...

Зевесъ (*хочетъ ей [illegible]*).

Умолкни!

Семела.

Обнимаешь.

Зевесъ.

Ужь поздно! Звукъ разлился! Стиксъ! Семела!
Ты [illegible] смерть.

Семела.

А, такъ-то любитъ Зевсъ!

Зевесъ.

Я небо отдалъ бы за то, чтобъ менѣе
Любилъ тебя! (*Съ холоднымъ ужасомъ смотритъ на нее.*)
Погибшая!

Семела.

Юпитеръ!

Зевесъ (*свирѣпо уставивъ глаза въ землю*).

Теперь я понялъ твой тріумфъ, Юнона!
Проклятье ревности! Увы, красотка-роза,
Ты слишкомъ-хороша, ты слишкомъ-драгоцѣнна
Для Ахерона!

Семела.

Не скупись же славой!

Зевесъ.

Проклятье славѣ! ей ослѣплена ты!
Проклятье моему величью, раздробило
Оно тебя! Проклятіе, проклятье
Мнѣ, — счастіе я строилъ на пескѣ!

Семела.

Пустые страхи, Зевсъ! я не боюсь
Твоихъ громовъ.

Зевесъ.

Обманутый ребенокъ!
Ступай, простись въ-послѣдніе съ твоими

Digitized by Google

Подругами: ничто, ничто не въ силахъ
Теперь спасти тебя, Семела! Я твой Зевсъ.
И этого ужь нѣтъ — стукай.

Семела.

Завистникъ!... Стисъ!
Ты не уйдешь теперь.

(Уходитъ.)

Зевсъ.

Нѣтъ, не тріумфъ, а трепетъ ждетъ ее!
И въ-силу власти, по которой мнѣ
Подножіемъ земля и небо служатъ,
Къ утесу самому крутому, во Өракіи,
Алмазной цѣпью прикую злодѣйку...
Да, я клянусь.

(Меркурій является въ отдаленіи.)

Что значитъ твой полетъ?

Меркурій.

Горячія, признательныя слезы
Счастливыхъ.

Зевсъ.

Всѣхъ ихъ погуби опять!

Меркурій *(въ изумленіи)*.

Зевсъ!

Зевсъ.

Никто не долженъ быть счастливымъ!
Она умретъ...

(Зевесъ опускается.)

А. ФЕТЪ.

Digitized by Google

ЗЯТЬ, КАКИХЪ МАЛО.

Повѣсть Шарля-Бернара.

—

I.

Въ небольшой гостиной загороднаго дома, изъ которой можно было видѣть Сену и высоты мёдонскія, происходилъ довольно-жаркій разговоръ между двумя лицами. Разговаривали мужчина лѣтъ около пятидесяти-пяти, съ кроткимъ лицомъ, одѣтый въ широкое платье, которое такъ любятъ старики, и женщина, годами десятью моложе; изъисканный нарядъ ея ясно доказывалъ, что кокетство иногда переживаетъ прелести.

— Но, другъ мой! говорилъ мужчина умоляющимъ голосомъ.

— Вашъ другъ! Не въ этомъ дѣло; скажите мнѣ рѣшительно, хотите вы или нѣтъ исполнить мое предложеніе?

— Но, мой другъ, это невозможно.

— Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Но вы не хотите понять, что здѣсь дѣло идетъ о священномъ обязательствѣ.

— Ребячество! Развѣ въ семейныхъ дѣлахъ обращаютъ вниманіе на такіе пустяки?

— Позвольте вамъ замѣтить, что это вовсе не ребячество: это очень-серьёзное дѣло. Выдавъ нашу Адольфину за Шодьѐ, мы назначили ей сорокъ тысячь франковъ, которые и должны были уплатить чрезъ три мѣсяца по подписаніи контракта; но прошло уже пять мѣсяцовъ, и Шодьѐ не получилъ еще ни одного су.

— Есть о чемъ безпокоиться! Развѣ Адольфина не единственная наша дочь? развѣ не ей все достанется послѣ нашей смерти?

— Послѣ смерти! Мы, слава Богу, кажется, еще далеки отъ это-

Digitized by Google

го. А между-тѣмъ, я все долженъ нашему зятю, и мнѣ, право, совѣстно, что до-сихъ-поръ я не заплатилъ ему сорока тысячь франковъ! Этотъ бѣдный Шодьѐ не смѣетъ ничего сказать; но я увѣренъ, что онъ не откажется принять наши деньги. Этотъ домъ, вѣрно, обошелся ему недешево и, можетъ-быть, онъ надѣялся нашими деньгами уплатить часть издержекъ.

— Я не вижу тутъ большой бѣды, что онъ подождетъ немного.

— Конечно, сказалъ г-нъ Бальёль съ важностью.

— И развѣ, кромѣ Бенуа Шодьѐ, не нашлось бы жениха для Адольфины?

— Вѣроятно, нашлись бы. Но вотъ ужь прошло два мѣсяца, какъ онъ долженъ получить отъ насъ деньги; мнѣ будетъ очень-непріятно, если онъ попроситъ ихъ, и я не въ силахъ буду выполнить его справедливаго требованія.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ онъ позволитъ себѣ подобную дерзость, презрительно отвѣчала госпожа Бальёль. — Я бы научила его какъ должно вести себя съ такими людьми, какъ мы. Но вы напрасно безпокоитесь. Шодьѐ никогда не рѣшится на такую дерзость; въ этомъ отношеніи, я довольна имъ какъ-нельзя-больше.

— Отъ-того мнѣ такъ и совѣстно, что этотъ Шодьѐ настоящій барашекъ, возразилъ старикъ.

— Еслибъ онъ былъ волкомъ, вамъ было бы еще стыднѣе... Но, вмѣсто пустыхъ споровъ, поговоримъ о дѣлѣ. Изъ сорока тысячь франковъ, которые мы должны Шодьѐ, вы отдали 10,000, три мѣсяца тому назадъ, г-ну Лабуасьеру, который хочетъ употребить ихъ на свое предпріятіе и обѣщаетъ вамъ за то по-крайней-мѣрѣ десять процентовъ вѣрной прибыли. Нынѣче, г-нъ Лабуасьеръ проситъ, на тѣхъ же условіяхъ, второй взносъ въ 10,000 франковъ, и я ужь дала ему слово. Не хотите ли вы, чтобъ жена ваша не сдержала его?

— Я не говорю этого, другъ мой, отвѣчалъ старикъ, устрашенный взглядомъ госпожи Бальёль: — я согласенъ на все, что тебѣ угодно; но меня безпокоитъ Шодьѐ.

— Васъ все безпокоитъ. Знаете ли, что вы должны сдѣлать? Вмѣсто того, чтобъ отдавать Шодьѐ 40,000 франковъ, вы платите ему проценты изъ денегъ, отданныхъ г-ну Лабуасьеру, по двѣ тысячи въ годъ. Что онъ можетъ сказать противъ этого? Итакъ, вы пріобрѣтаете нетратясь и имѣете 20,000 франковъ сверхъ того. Я думаю, это ясно.

— Разумѣется; но я никогда не рѣшусь предложить такого условія нашему зятю.

Digitized by Google

— Это ужь мое дѣло.

— И притомъ, можно ли положиться на эти пароходы?

— Можно, потому-что ихъ никогда не взорветъ на воздухъ.

— Параходы-то не взорветъ! А деньги акціонеровъ?

— Это другое дѣло! Считаете ли вы г-на Лабуасьера за благороднаго человѣка?

— Разумѣется.

— Не думаете ли вы, что онъ хочетъ завлечь васъ въ дурное предпріятіе?

— Я не говорю этого.

— Итакъ, что̀ жь вы скажете?

— Я говорю...

— Черно, потому-что я говорю бѣло; это всегдашнее ваше обыкновеніе. Я думаю, вы заболѣли бы, еслибъ вамъ пришлось согласиться со мной.

— Однако, мнѣ кажется, я всегда этимъ оканчиваю, сказалъ мужъ, тяжело вздохнувъ.

— Въ такомъ случаѣ, отъ-чего же не начать прямо съ конца? это избавило бы насъ отъ утомительнаго спора; надѣюсь, что онъ ужь кончился и мы помирились. Итакъ, рѣшено: вы отдадите 10,000 франковъ г-ну Лабуасьеру. Кстати, онъ сегодня будетъ у насъ, и вамъ сто̀итъ только дать ему коротенькую записку къ вашему нотаріусу.

Господинъ Бальёль прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, повѣся печально голову, какъ собака, которая еще живо чувствуетъ недавніе побои. Спустя минуту, онъ остановился передъ женою, и, посмотрѣвъ на нее съ нерѣшительностію, спросилъ въ полголоса:

— Развѣ Лабуасьеръ обѣдаетъ у насъ сегодня?

— А что̀, это вамъ не нравится? сухо возразила г-жа Бальёль.

— Я не говорю этого. Лабуасьеръ веселый малый и во всякомъ другомъ мѣстѣ я встрѣтился бы съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ; но, сказать между нами, я бы желалъ, чтобъ онъ посѣщалъ насъ рѣже.

— Почему это?

— А! если ты будешь сердиться, я замолчу.

— Развѣ я когда-нибудь сержусь? отвѣчала госпожа Бальёль, которой голосъ съ каждымъ возраженіемъ повышался на цѣлую ноту.

— Я не говорю этого.

— Вы начали, такъ должны и кончить; что̀ хотѣли вы сказать противъ г-на Лабуасьера?

Послѣ этихъ словъ, госпожа Бальёль слегка покраснѣла, что̀ мог-

Digitized by Google

ло показаться страннымъ въ особѣ такихъ лѣтъ и такого характера.

Мужъ, занятый составленіемъ отвѣта, который бы могъ утишить грозу, вовсе не замѣтилъ этого замѣшательства.

— Я! противъ Лабуасьера! воскликнулъ онъ: — ничего! увѣряю тебя! И въ доказательство я дамъ ему, если ты этого требуешь, еще 10,000 франковъ. Что касается собственно до меня, я ни въ чемъ не могу упрекнуть его; но... наконецъ, ты, вѣроятно, угадываешь, что я хочу сказать?.. На счетъ Адольфины...

— Если только это...

— Можетъ-быть, бѣдный Шодье пайдетъ, что уже и это слишкомъ-много.

— Ваши слова не имѣютъ здраваго смысла. Конечно, передъ свадьбой Адольфины, г-нъ Лабуасьеръ приходилъ къ намъ именно для того, чтобъ видѣться съ нею, и очень желалъ, чтобъ она вышла за него.

— Еслибъ ты захотѣла, дѣло было бы кончено.

— Онъ не годился для дочери.

— Въ добрый часъ! но я боюсь, что и теперь онъ не годится для нея.

— Господинъ Бальёль! сказала мать Адольфины строгимъ тономъ.

— Я знаю, что я говорю, возразилъ старикъ, противъ обыкновенія довольно-твердымъ голосомъ.—Тебя боятся, и потому при тебѣ они осторожны; но на меня они смотрятъ какъ на добряка, который не видитъ дальше своего носа, и лишь-только ты отвернешься, они не обращаютъ на меня никакого вниманія.

Непонятная перемѣна произошла вдругъ въ лицѣ госпожи Бальёль: презрительная, холодная недовѣрчивость уступила мѣсто сильному волненію. Щеки ея раскраснѣлись, глаза засверкали и жилы на шеѣ расширились до того, что эта тощая часть ея приняла видъ грифа и контр-баса. Господинъ Бальёль, видя ужасное дѣйствіе, имъ произведенное, отступилъ нѣсколько назадъ.

— Объяснитесь, говорите! Что вы видѣли? спрашивала разгнѣванная жена прерывающимся голосомъ.

— Прежде всего, мой другъ, успокойся. Любить свою дочь похвально; но Адольфина ужь не ребенокъ. Впрочемъ...

— Да говорите!.. отвѣчайте же! прервала она, возвысивъ тонъ.

— Чего ты хочешь? бормоталъ г-нъ Бальёль, смущеніе котораго увеличивалось по мѣрѣ возрастанія горячности его супруги:— мнѣ казалось, что я нѣсколько разъ видѣлъ... я видѣлъ въ-самомъ-дѣлѣ, или нѣтъ... мнѣ, можетъ-быть, показалось, что Лабуасьеръ не только не переставъ думать о нашей дочери, какъ ты говоришь,

Digitized by Google

но, напротивъ, думаетъ о ней болѣе, нежели когда-нибудь. Это будетъ очень-непріятно, особенно этому бѣдному Шодьé... Наконецъ, Адольфина... виноватъ, госпожа Адольфина, хотѣлъ я сказать, — слишкомъ кокетничаетъ съ Лабуасьеромъ; я ужь нѣсколько разъ собирался ей это замѣтить.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло, а мое, прервала госпожа Бальёль.

— Очень радъ. Мнѣ непріятно будетъ говорить съ Адольфиной о подобномъ предметѣ; а тебѣ, какъ матери, это гораздо-приличнѣе.

— Повторяю вамъ, что это совсѣмъ не ваше дѣло, отвѣчала разгнѣванная жена столь грознымъ тономъ, что господинъ Бальёль въ страхѣ прижался къ креслу, на которомъ сидѣлъ.

Послѣ этого, кроткій мужъ не смѣлъ вымолвить слова, чтобъ еще болѣе не разгнѣвить жены, которая также молчала, въ-слѣдствіе негодованія, какое рѣдко испытываютъ матери, въ случаѣ даже самыхъ непростительныхъ дѣтскихъ проступковъ. Наконецъ, не будучи въ состояніи болѣе владѣть собою, госпожа Бальёль поспѣшно подошла къ окну, какъ-бы желая освѣжиться.

Въ эту минуту послышался стукъ отъ приближающагося экипажа, и почти въ то же время звонъ колокольчика возвѣстилъ о посѣтителѣ. Скрытая шторою, г-жа Бальёль могла все видѣть, оставаясь сама невидимою. Вскорѣ ворота отворились, и на дворъ въѣхалъ красивый кабріолетъ; хозяинъ этого легкаго и блестящаго экипажа былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, не высокій, но хорошо-сложенный, гордо державшій голову. Взглядъ его былъ смѣлъ, чтобъ не сказать надмѣненъ; насмѣшливая улыбка бродила на устахъ его; малѣйшее движеніе его дышало увѣренностію, близкою къ дерзости. Его черные волосы и усы, оттѣняя лицо, возвышали еще болѣе выразительность физіономіи, съ которой, казалось, совершенно гармонировалъ костюмъ его съ золочеными пуговицами, на военный покрой, напоминавшій мундиръ временъ имперіи. Вышедъ изъ кабріолета, этотъ ловкій господинъ отдалъ возжи слугѣ, почти столь же гордому, какъ онъ самъ. Слуга тотчасъ отправился въ сарай такъ же свободно, какъ у себя дома.— Хозяинъ экипажа, проходя по зеленому ковру, ведущему въ домъ, граціозно поклонился женщинѣ, которая была не госпожа Бальёль. Тогда г-жа Бальёль приподняла штору, ее скрывавшую, и сквозь рѣшетку увидѣла у окна нижняго этажа дочь, которая почти въ ту же минуту отошла прочь, хотя ничто не показывало ей, что за ней подсматриваютъ. Госпожа Бальёль, съ своей стороны, сдѣлала движеніе, чтобъ отойдти отъ окна, и столкнулась съ мужемъ, незамѣтно помѣстившимся за нею и непропустившимъ ничего изъ этой сцены.

Digitized by Google

— Что? обманулся я? сказалъ онъ, таинственно кивнувъ головой: — она ждала его у окна, въ надеждѣ скорѣе увидѣться! Не успѣлъ онъ выйдти изъ экипажа, и вотъ ужь они вмѣстѣ; намъ нечего теперь опасаться, что они прійдутъ сюда; Адольфина вѣрно знаетъ, что мы здѣсь.

— Да осмѣлится ли она еще принять его? спросила гнѣвно госпожа Бальёль.

— Я не говорю этого; но садъ великъ.

— Да вѣдь тамъ Шодьé!

— Онъ въ огородѣ краситъ свои рѣшетки. Бѣдняжка!.. А между-тѣмъ, эта вѣтренница Адольфина... Ты можешь быть увѣрена, они не пойдутъ въ ту сторону. Не сойдти ли намъ?

Вмѣсто отвѣта, госпожа Бальёль устремила глаза въ полъ съ самымъ мрачнымъ видомъ.

— Ты не хочешь идти въ садъ? спросилъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, добрый старикъ, безпокоясь объ опасности, по его мнѣнію, угрожавшей зятю.

— Вы останетесь здѣсь! отвѣчала повелительно мать Адольфины, какъ-бы пробудясь отъ тягостнаго сна, и приняла рѣшительное намѣреніе. Повторяю вамъ, это мое дѣло, и вамъ неприлично въ него вмѣшиваться. Особенно, ни подъ какимъ предлогомъ не выходите изъ гостиной прежде моего возвращенія.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, дай мнѣ журналъ, осмѣлился сказать послушный мужъ, бросивъ жадный взглядъ на «Moniteur», который жена его судорожно мяла въ рукахъ съ самаго начала этого разговора.

Извѣстно, что въ домѣ, гдѣ власть перейдетъ къ женщинѣ, право распечатывать журналъ и читать его неоспоримо принадлежитъ ей первой. Госпожа Бальёль безжалостно пользовалась этимъ преимуществомъ, которое мужъ ея, исполненный патріотизма, переносилъ съ большимъ трудомъ, чѣмъ всѣ прочія злоупотребленія; но, по своему обыкновенію, даже и это онъ терпѣлъ съ покорностію. Въ эту минуту, политика замолкла въ сердцѣ раздраженной жены: она, не говоря ни слова, съ неожиданною снисходительностью бросила на столъ журналъ, прочитанный ею только до половины.

— Покорно благодарю! вскричалъ старикъ, съ жадностію кинувшись на листъ давно ожидаемый; и, не думая болѣе о кокетствѣ своей дочери и объ опасности, угрожавшей зятю, съ наслажденіемъ углубился въ чтеніе: отецъ семейства уступилъ мѣсто гражданину.

Не успѣлъ онъ надѣть очковъ, какъ уже госпожа Бальёль вышла изъ гостиной въ садъ. Изъ словъ мужа и по собственной проницательности, она угадала, что найдетъ тѣхъ, кого ищетъ, на

Digitized by Google

выходѣ извилистой и тѣнистой аллеи, оканчивавшейся бесѣдкою, изъ которой взоръ могъ слѣдить за прихотливыми изгибами Сены. Это мѣсто, отдаленное отъ дома и защищенное отъ нескромныхъ глазъ густотою деревъ, лучше всякаго другаго благопріятствовало откровенному разговору.

Вмѣсто того, чтобъ идти туда широкою аллеею, госпожа Бальёль отправилась по маленькой тропинкѣ, которая привела ее къ бесѣдкѣ такъ, что бывшіе въ ней не могли ее видѣть. Будучи довольно-близко, она удвоила шаги, и продолжала идти, подобно волку, сказали бы мы, но не смѣемъ, потому-что здѣсь дѣло идетъ о женщинѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ этого скрытаго маневра, она остановилась позади толстой ясени, окруженной чашею кустарника, впереди которой, на скамьѣ, сидѣли Адольфина Шодьѐ и Гюставъ Лабуасьеръ.

Не болѣе трехъ шаговъ отдѣляли госпожу Бальёль отъ разговаривающихъ, и хотя они говорили въ-полголоса, но съ такимъ волненіемъ, что она могла ихъ слышать и все объяснить себѣ своею материнскою заботливостію.

II.

Адольфина Шодьѐ была хорошенькая брюнетка двадцати-трехъ лѣтъ и походила на свою мать столько, сколько позволяло различіе ихъ лѣтъ. По едва-согнутымъ черными бровямъ ея, орлиному носику, рѣшительному очертанію рта и особенно по увѣренности взгляда можно было угадать, что эта привлекательная женщина вовсе не расположена была оставить фамильнаго обычая пользоваться верховною властію надъ мужчиною. Поступки ея родителей въ-отношеніи къ ней и противорѣчіе въ ихъ характерахъ принесли плоды свои. Слабости своего отца она отвѣчала странными капризами; строгости матери противопоставляла принужденную покорность: любила перваго не боясь его, и боялась другой не любя ея.

Что касается до ея мужа, то въ-продолженіи пяти мѣсяцевъ, Адольфина еще не имѣла случая завести съ нимъ одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ споровъ, которые, въ домашнемъ быту, соотвѣтствуютъ кабинетнымъ вопросамъ въ конституціонномъ правленіи. Однакожъ, во время медовыхъ мѣсяцовъ, она предварительно дала нѣсколько почувствовать власть свою, какъ это дѣлаютъ всѣ молодыя жены. Чтобъ болѣе утвердить эту власть и сдѣлать непоколебимою, она полагалась на два обстоятельства: во-первыхъ, на свою волю, а потомъ на безусловную покорность Бенуа Шодьѐ, который во всѣхъ отношеніяхъ показывалъ себя достойнымъ зятемъ господина Бальёль. Въ обоихъ замѣтна была та же снисхо-

Digitized by Google

дительность, то же отчужденіе отъ споровъ, та же покорность. Молодой человѣкъ и старикъ, казалось, родились на то, чтобъ быть нижайшими слугами женъ своихъ.

Выходя за-мужъ, Адольфина приготовилась къ борьбѣ за свободу и власть свою. Рѣшившись храбро сражаться для побѣды, она почувствовала удивленіе, смѣшанное съ какимъ-то неудовольствіемъ, увидѣвъ себя побѣдительницею безъ выстрѣла. При совершенной покорности мужа, къ чему бы послужили ей приготовленія къ битвѣ — капризы, сердитый видъ, повелительный тонъ, ласкательства, все побѣждающія улыбки, драматическія слезы, нервическіе припадки и другія штуки, которыя она угадала бы по инстинкту, если бы примѣръ матери не внушилъ ихъ ей съ давняго времени? И такъ, госпожа Шодьé принуждена была сложить въ магазинъ военные снаряды, готовая впрочемъ прибѣгнуть къ нимъ при первой тревогѣ. Все это она сдѣлала съ тѣмъ удовольствіемъ, которое чувствуетъ искусный инженеръ, когда, готовясь привесть въ дѣйствіе свои осадныя баттареи, вдругъ видитъ знаки покорности на стѣнахъ непріятельскихъ.

Всякій разъ, когда молодая женщина находитъ жизнь однообразною и жалуется на медленность времени, отъискивается чувствительный человѣкъ, считающій своею обязанностію примирить ее съ дѣйствительностію. Въ этомъ случаѣ, утѣшитель тѣмъ скорѣе могъ явиться на сцену, что онъ уже былъ за кулисами. Принятый съ давняго времени у господина Бальёль ма-короткой-ногѣ, Гюставъ Лабуасьеръ естественно былъ принятъ и въ домѣ Шодьѐ, быть-можетъ, и потому больше, что имѣлъ нѣкогда намѣреніе жениться на Адольфинѣ, какъ увѣряла въ этомъ госпожа Бальёль. По ея же мнѣнію, онъ сохранялъ еще къ Адольфинѣ самую нѣжную наклонность, хотя другая причина, менѣе-сантиментальная, руководила имъ въ этомъ случаѣ, и побуждала его приняться за то дьявольское дѣло, которое поэты называютъ любовью, а моралисты развратомъ. Онъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для выполненія этого адскаго плана: — былъ пріятенъ, не будучи красивымъ, ловокъ до совершенства, и смѣлъ до безстыдства; славился въ свѣтѣ нѣсколькими счастливыми дуэлями, число которыхъ старался увеличить; словомъ, забіяка умомъ и сердцемъ. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ у многихъ женщинъ, которыя, по словамъ госпожи Савиньи, очень любятъ удары шпагъ. Адольфина не была свободна отъ этой слабости. Когда, въ ея присутствіи, разсказывали о дѣлахъ, которыя Лабуасьеръ оканчивалъ побѣдоносно съ необыкновенно-дерзкою отвагою, она чувствовала маленькую дрожь, которая была для ней не непріятна; и когда потомъ видѣла его передъ собою услужливымъ, нѣжнымъ, покорнымъ, то не безъ

Digitized by Google

тайной гордости наслаждалась этимъ преобразованіемъ. Невольно прислушивалась она къ любовнымъ блеяніямъ волка, который для нея одной перемѣнялся въ кроткаго барашка.

Нѣтъ почти женщины, которой бы не понравился Геркулесъ за прялкою; предпріимчивые люди охотно покоряются этому ребяческому требованію женскаго тщеславія, обращая его въ свою пользу. Лабуасьеръ также прялъ у ногъ своей новой Омфалы и почти также покорно, хотя и съ небольшими предосторожностями, внушенными опытностію. Онъ скрывался всего-болѣе отъ госпожи Бальёль (причина этого объяснится въ-послѣдствіи), немного таился и отъ мужа Адольфины и думалъ, что дѣлаетъ тѣмъ большую честь ему; что же касается до господина Бальёль, то онъ имѣлъ свои причины почитать его слѣпымъ, и обращалъ на него столько же вниманія, сколько на чайный столъ или фортепьяно, стоявшіе въ гостиной.

Изъ этого краткаго очерка видно, что уже въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, между Гюставомъ Лабуасьеромъ и Адольфиною Шодьé существовала связь, и хотя еще въ колыбели, но была уже здоровымъ ребенкомъ, которому по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ нихъ, желалъ долгой и счастливой жизни. Лабуасьеръ не щадилъ ничего для воспитанія этого дитяти, развивалъ его понятія, укрѣплялъ ихъ, и одѣлъ его наконецъ въ платье взрослаго. Мы не скроемъ отъ читателей разговора, который началá подслушивать госпожа Бальёль. Изъ него видно, что Лабуасьеръ, безъ большаго труда, поставилъ себя въ положеніе близкое къ успѣху.

— Умоляю васъ, назначьте мнѣ время, чтобъ объясниться съ вами, говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, приличнымъ просителю.

— Вы шутите, отвѣчала Адольфина разсѣянно, ощипывая розу: —какое вы будете имѣть обо мнѣ мнѣніе, если я допущу себя до такого безразсудства?

— Вы хотите принудить меня обойдтись безъ вашего согласія?

— Вы не осмѣлитесь этого сдѣлать, говорила молодая женщина, сдѣлавъ движеніе головою, въ знакъ угрозы.

— Клянусь жизнію, осмѣлюсь! отвѣчалъ Лабуасьеръ самымъ рѣшительнымъ тономъ: —ровно въ полночь я буду у вашего окна.

— Такъ вы перелѣзете черезъ стѣну?

— Это бездѣлица; но къ-чему перелѣзать, когда можно войдти въ дверь?

— Въ какую?

— Которая ведетъ въ огородъ.

— Кто же вамъ ее отворитъ? спросила Адольфина съ усмѣшкой.

— Вотъ кто, отвѣчалъ Лабуасьеръ спокойно, вынимая ключъ изъ кармана.

Digitized by Google

— Ключъ, который пропалъ съ нѣкотораго времени, и который мы считали затеряннымъ?

— Вы видите, что онъ пропалъ не для всѣхъ.

— Такъ вы его взяли?

— Я.

— Но это воровство.

— Нѣтъ, это просто любовная хитрость.

— И вы надѣетесь ею воспользоваться?

— Не позже сегодняшняго вечера.

Госпожа Шодьé пожала плечами.

— Это такъ нелѣпо, сказала она:—что я считаю смѣшнымъ сердиться.

— Хоть я чрезвычайно боюсь вашего гнѣва, но онъ не перемѣнитъ моей рѣшимости.

— И такъ — упрямецъ, вѣтренникъ, воръ! Положимъ, что въ-самомъ-дѣлѣ вы осмѣлитесь войдти въ садъ; знаете ли, что васъ ожидаетъ тамъ?

— Турокъ, сказалъ Лабуасьеръ.

— Да, Турокъ, и вы можете почитать себя счастливымъ, если онъ только залаетъ; прошедшій вечеръ, онъ чуть-было не растерзалъ работника.

— Вы забываете, что эта собака подарена вамъ мною; Турокъ собака скромная и благоразумная, неспособная вредить своему прежнему господину: она не пикнетъ.

— Не съ этимъ ли намѣреніемъ вы намъ и подарили ее? спросила молодая женщина, едва удерживая улыбку.

— Конечно, не съ другимъ! спокойно отвѣчалъ Лабуасьеръ.—Я все предвидѣлъ; по опытности, мнѣ не менѣе шестидесяти лѣтъ.

Минуту продолжалось молчаніе. Терзаемая самымъ мучительнымъ волненіемъ, госпожа Бальёль едва удерживалась. Ея дыханіе прерывалось, глаза сверкали отъ злобы; она наклонилась къ ближайшему дереву, чтобъ еще лучше разслышать.

— А! вы думаете чрезъ садъ?.. воскликнула Адольфина, обрывая еще сильнѣе цвѣтокъ, который держала въ рукахъ.—Вмѣсто того, чтобъ разорвать васъ на куски, этотъ измѣнникъ Турокъ переходитъ къ непріятелю. Ну, а потомъ?

— Потомъ, подобно сильфу, подобно тѣни, тихими, неслышными шагами пройду впередъ; ударитъ часъ, и я подъ окномъ вашей комнаты, которая въ нижнемъ этажѣ.

— Потомъ? перебила госпожа Шодьé съ большею насмѣшкою.

Лабуасьеръ, не смотря на легкое сопротивленіе, взялъ ея руку.

— Потомъ, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, готовый стать на колѣни.—Выслушайте и скажите, слишкомъ ли многаго я про-

Digitized by Google

шу. Въ-старину, въ Испаніи, прелестныя синьйоры часто уходили отъ своихъ дуэннъ, и позднимъ вечеркомъ, когда все спитъ, кромѣ Амура, подъ какимъ-нибудь низенькимъ рѣшетчатымъ окошкомъ не мѣшали влюбленнымъ смотрѣть на свои прелести. Не-уже-ли вы будете строже этихъ синьйоръ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, окно мое низко, но безъ рѣшетокъ, возразила съ улыбкой Адольфина.

— Развѣ у васъ нѣтъ гардинъ?

— Это все не то, что̀ рѣшетки.

— Чего жь вамъ бояться?

— Странный вопросъ, чего бояться вора? Отдайте мнѣ ключъ.

— Никогда! и хотя вы обращаетесь со мной, какъ съ воромъ, но знайте, что за счастье видѣть васъ одну минуту, я рѣшусь на хитрости. Занавѣсъ и окошко не такъ трудно открыть снаружи, какъ вы думаете.

— Отъ-часу не легче! Я вижу, что вы намѣрены мѣшать мнѣ спать, и почти готова спорить, что увижу во снѣ осаду, разбой, убійство; а при малѣйшемъ шумѣ буду воображать, что цѣлая шайка негодяевъ врывается въ мою комнату.

— А если такой шумъ вы услышите въ полночь?..

— И если другіе, кромѣ меня, его услышатъ? сказала Адольфина серьёзнымъ тономъ, глядя пристально на Лабуасьера.

— Это будетъ несчастіе; но вы въ силахъ удалить его.

— Ка́къ? Не думаете ли вы сломать окно?

— Зачѣмъ разламывать открытыя окна? сказалъ въ-полголоса Лабуасьеръ.

— Госпожа Шодье́ отняла у него свою руку и поспѣшно встала.

— Не сто̀итъ напрасно терять слова; видно, что вы съ ума сошли.

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, такъ не соглашался съ ними, что Лабуасьеръ, вставъ также, едва не началъ воспѣвать свою побѣду. Однако онъ удержался, хорошо зная, ка́къ женщины не любятъ, чтобъ смѣялись надъ тѣмъ, что̀ онѣ считаютъ за важное.

— Пойдемте въ домъ, сказала Адольфина: — вѣроятно знаютъ, что вы пріѣхали, и, пожалуй, замѣтятъ ваше отсутствіе.

— Кто же? Мужъ вашъ? Я видѣлъ, ка̀къ онъ сидѣлъ на лѣстницѣ передъ виноградною шпалерою; въ этомъ прекрасномъ занятіи, онъ едва-ли скоро вспомнитъ о васъ; а отецъ вашъ получилъ позволеніе читать журналъ.

— Но я боюсь матушки.

— Помилуйте, сказалъ Лабуасьеръ съ сардонической улыбкой: —я увѣренъ, что она теперь румянится, и это продолжится до обѣда.

Госпожа Бальёль, слыша, что объ ней отзываются такъ непо-

Digitized by Google

чтительно, затрепетала отъ гнѣва; она сдѣлала движеніе, чтобъ броситься на человѣка, который такъ осмѣялъ ее, и, кромѣ этой грубости, нанесъ ей другую обиду. Злоба ея не имѣла границъ.

— Я отмщу за себя! сказала она:—но это время еще не наступило.

Между-тѣмъ, Адольфина и Лабуасьеръ удалялись медленно, останавливаясь на каждомъ шагу, какъ молодые люди, которымъ еще пріятно быть вмѣстѣ. Госпожа Бальёль, внѣ себя отъ досады, пошла на-угадъ по одной аллеѣ, которая, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, привела ее къ дому. У дверей увидѣла она своего мужа.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросила она съ досадой: — не говорила ли я, что вамъ должно остаться въ гостиной?

— Ахъ, Боже мой, что съ тобой, мой другъ? воскликнулъ испуганный добрякъ:— ты красна, точно вся кровь бросилась тебѣ въ лицо.

— Развѣ вы не видите, что это мои румяна? сказала госпожа Бальёль съ дикимъ хохотомъ.

— Твои румяна?

— Да, я румянюсь, имѣю, вѣроятно, накладные волосы, и, можетъ-быть, даже поддѣльные зубы, продолжала она, скрежеща зубами, какъ-бы желая ихъ истереть въ порошокъ.

Господинъ Бальёль, видя жену свою въ такомъ положеніи, рѣшительно подумалъ, что она въ горячкѣ. Пораженный этою мыслію, онъ еще съ большимъ страхомъ оглядывался вокругъ себя, какъ неожиданный случай спасъ его. Адольфина и Лабуасьеръ, послѣ долгой прогулки, наконецъ рѣшились зайдти домой. Они безпечно проходили дворъ, совсѣмъ не понимая знаковъ старика, которые издали онъ дѣлалъ имъ, какъ-бы угрожаемому бурей кораблю; но скоро они подошли къ милой четѣ. При видѣ ихъ, госпожа Бальёль съ трудомъ удержала внутреннюю бурю, которая готовилась разразиться надъ старикомъ, и сказала, что лихорадка и дурно-проведенная ночь привели ее въ самое разстроенное положеніе, что больше всего виноватъ ненавистный Турка, который своимъ лаемъ мѣшаетъ ей спать. Все это она сказала человѣку, который такъ смертельно оскорбилъ ее, спокойно, даже съ какой-то улыбкой.

— Бѣдняжка! сказалъ про себя добродушный мужъ:—она сегодня худо спала; отъ-того, вѣрно, такая сердитая.

Что касается до Лабуасьера, онъ выдержалъ свою роль прекрасно и велъ себя какъ человѣкъ, старающійся угодить всѣмъ. Съ господиномъ Бальёль, значительно богатымъ, онъ говорилъ о биржѣ и вообще о денежныхъ оборотахъ; разсказывалъ содержаніе новой пьесы Французскаго-Театра госпожѣ Бальёль, которая обы-

Digitized by Google

кновенно старалась въ литературныхъ разговорахъ выказать свой вкусъ, которымъ такъ славятся женщины, имѣющія, впрочемъ, самыя неосновательныя свѣдѣнія о литературѣ. Наконецъ, освѣдомился даже о Бенуа Шодьé, о которомъ никто и не думалъ.

— Гдѣ жь хозяинъ? спросилъ вдругъ Лабуасьеръ: — у меня есть письмо къ нему.

— Письмо? возразила Адольфина: — отъ кого?

— Не знаю. Мнѣ отдалъ его вашъ дворникъ.

— Нашъ дворникъ?

— Да, проходя по двору, я спросилъ у него, нѣтъ ли чего вамъ доставить. И видите, какъ кстати былъ мой вопросъ.

— Хорошо, подумалъ про себя господинъ Бальёль съ неудовольствіемъ: — онъ старается быть услужливымъ. Ну, если бѣдному Шодьé не откроютъ глазъ, то ужь прійдется мнѣ вмѣшаться въ дѣло.

— Твой мужъ вѣрно теперь въ огородѣ, сказала госпожа Бальёль своей дочери: — вотъ ужь два дня, какъ онъ только и думаетъ о своемъ виноградѣ.

— Къ вашимъ услугамъ, подхватилъ Лабуасьеръ, предлагая руку матери и между-тѣмъ бросая страстные взоры на дочь.

Они отправились всѣ четверо въ огородъ, отдѣленный отъ сада нѣсколькими густыми деревьями. Первое, что̀ ихъ встрѣтило, былъ Бенуа Шодьé, сидѣвшій на двусторонней лѣстницѣ. Онъ красилъ рѣшетку, и, чтобъ облегчить себя, снялъ жилетъ, сюртукъ и галстухъ и все это повѣсилъ на вѣтвяхъ сливы. Облегченный такимъ образомъ, онъ надѣлъ на голову шляпу съ широкими полями, и засучивъ рукава, водилъ кистью такъ скоро, что трудно было слѣдить за ней. Притомъ, онъ такъ былъ занятъ своею работою, что не прежде замѣтилъ вошедшихъ, какъ они ужь были подлѣ него.

III.

Если ежедневные примѣры доказываютъ, что садоводство и всѣ сельскія работы никакъ не приличны почетному отдохновенію даже самой старости, то тѣмъ страннѣе видѣть, какъ дѣятельный членъ общества, полный силъ, гражданинъ и особенно молодой Парижанинъ, очищаетъ яблони или поливаетъ салатъ. Дѣятельность ума, предпріимчивость, необузданное честолюбіе, которыя мучатъ юное поколѣніе, такъ удалили насъ отъ всего пастушескаго, что даже воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ кажется смѣшнымъ. Впрочемъ, оставивъ насмѣшку, нельзя не подивиться странным занятіямъ г. Шодьé: какъ-будто во Франціи еще не существовало ни

Digitized by Google

желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, ни обществъ, ни акцій!..

Наружность мужа Адольфины очень-согласовалась съ его работою. Представьте себѣ молодаго человѣка двадцати-восьми лѣтъ, высокаго роста и здороваго сложенія; вотъ всѣ его физическія достоинства. Лицо вполнѣ выражало спокойствіе и счастливое здоровье; но въ чертахъ его не видно было ни правильности, ни благородства. Гладкіе, каштановаго цвѣта волосы, небольшая борода и сѣрые глаза безъ жизни, при широкомъ, смугломъ лицѣ, составляли цѣлое, совершенно-чуждое характера презрительно-задумчиваго и раздражительно-дикаго, который наши молодые люди, одаренные отъ природы достаточною блѣдностію и бородою, — считаютъ типомъ мужской красоты. Главное выраженіе лица Шодьé было спокойствіе, близкое къ дремотѣ и означающее отсутствіе всякой мысли. Прибавимъ еще, что еслибъ Галль пощупалъ эту голову, которая шла больше къ плечамъ плотника, онъ вѣрно нашелъ бы въ ней нервъ упрямства чрезвычайно-развитый. Бонуа Шодьé былъ Бретонецъ, родомъ изъ Нанта.

Подошедъ къ работавшему, всѣ четверо не могли удержаться отъ чувства насмѣшки, но выразили его каждый по своему. Лабуасьеръ улыбнулся. Господинъ Бальёль, съ досады, пожалъ плечами. Адольфина въ половину зѣвнула, что́ часто случается съ молодыми женщинами, когда онѣ видятъ мужа. Наконецъ, госпожа Бальёль, разсмотрѣвъ своего зятя, котораго надѣялась однимъ взглядомъ столкнуть съ лѣсницы, вскричала рѣзкимъ голосомъ:

— Это вѣроятно шутка! быть не можетъ, чтобъ вы насъ не замѣтили.

Шодьé повернулъ голову и устремилъ глаза на стоявшую предъ нимъ группу.

— Къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ и снова принялся за работу.

— Развѣ вы не видите г-на Лабуасьера? возразила госпожа Бальёль строгимъ тономъ.

— Извините, я съ нимъ не церемонюсь; онъ мнѣ вѣрно позволитъ кончить работу.

— Разумѣется, сказалъ Лабуасьеръ смѣясь: — художниковъ грѣшно безпокоить. Если я не ошибаюсь, это фресковая живопись.

— Сходите же, Шодьé, сказалъ въ свою очередь господинъ Бальёль: — вотъ къ вамъ письмо.

— Письмо? воскликнулъ Шодьé, поворотивъ голову.

— Изъ Марселя, отвѣчалъ Лабуасьеръ, подавая его.

— А-а! изъ Марселя, вскричалъ страннымъ голосомъ мужъ Адольфины: — и вы мнѣ его принесли!

Не говоря болѣе ни слова, онъ бросилъ кисть въ горшокъ съ

Digitized by Google

красками, и повѣсивъ его на одну изъ перекладинъ лѣстницы, спустился съ совершеннымъ хладнокровіемъ. Потомъ, взявъ письмо отъ Лабуасьера, внимательно посмотрѣлъ на конвертъ и преспокойно положилъ его въ карманъ.

— Какъ у васъ мало любопытства! сказалъ ему тесть.

— Я знаю о чемъ писано, отвѣчалъ Шодьё двусмысленно, надѣвая свое платье. Теперь, сказалъ онъ съ веселымъ видомъ: — я надѣюсь, вы не откажетесь посмотрѣть мою спаржу.

— Ужь не рѣдкость ли какая ваша спаржа? возразила съ презрѣніемъ госпожа Бальёль и отвернулась отъ него.

Адольфина сдѣлала то же, и господинъ Бальёль, не желая навлечь на себя брани за снисхожденіе къ страсти зятя своего къ садоводству, тоже отвернулся.—Лабуасьеръ одинъ согласился полюбоваться спаржей, и нашелъ ее прекрасною. Послѣ этого пріятнаго препровожденія времени, любовникъ и мужъ пошли домой, гдѣ ждалъ ихъ обѣдъ. Хотя Шодьё, по-видимому, не торопился узнать содержаніе письма, однакожь прочелъ его прежде, нежели сѣлъ за столъ. При видѣ бумаги, которая была включена въ конвертъ, лицо его, бывшее обыкновенно безъ выраженія, просіяло радостію; но когда онъ прочелъ письмо, минутное волненіе его снова исчезло.

Послѣ обѣда, госпожа Бальёль, видя, какъ ежеминутно мѣняются взглядами дочь ея и Лабуасьеръ, потеряла всякое терпѣніе. Будучи не въ состояніи владѣть собою, и не надѣясь сокрывать долѣе затаенной злобы, она рѣшилась уйдти въ свою комнату, говоря, что ее безпокоитъ мигрень. Всѣхъ болѣе раздосадованъ былъ ея отсутствіемъ Лабуасьеръ, неподозрѣвавшій, что госпожа Бальёль рѣшилась отмстить ему. Надѣясь получить чрезъ нее десять тысячъ франковъ, онъ подождалъ-было ее нѣсколько времени; но, видя наконецъ, что это напрасно, обратился къ господину Бальёль.

— Кстати, сказалъ онъ, съ рѣшительностію отведя его въ сторону: — ваша супруга, конечно, говорила вамъ, что я беру у васъ безъ церемоніи десять тысячъ франковъ?

— Да, говорила сегодня утромъ, сказалъ старикъ нахмурившись.

— Итакъ, смѣю надѣяться послѣ завтра получить эту сумму?

При этомъ вопросѣ, сдѣланномъ съ такою увѣренностію, какъ-будто дѣло шло о пяти франкахъ, господинъ Бальёль повѣсилъ носъ и расширилъ ротъ.

— Послушайте, милый Лабуасьеръ, сказалъ онъ съ видимымъ смущеніемъ:—я готовъ услужить вамъ во всякомъ случаѣ; но здѣсь дѣло деликатное, очень-деликатное: какъ уговорить госпожу Бальёль? Не подумайте, однако, что я упрекаю ее за что-нибудь,—нѣтъ,

Digitized by Google

это женщина съ большими достоинствами; но у ней ужасныя странности: при малѣйшемъ спорѣ, нервы ея приходятъ въ разстройство, и я, боясь за ея здоровье, долженъ молчать. Я увѣренъ, что и сегодняшій мигрень ея произошелъ отъ небольшаго спора, бывшаго у насъ по случаю этихъ десяти тысячь франковъ.

— Не думаете ли вы, что ваши деньги пропадутъ въ рукахъ моихъ? спросилъ Лабуасьеръ съ такою гордой улыбкой, какую могъ позволить себѣ только богачъ.

— Я согласился бы съ вами, еслибъ онѣ принадлежали мнѣ; но онѣ собственность моей дочери, и я долженъ отдавать въ нихъ отчетъ зятю.

— Я увѣренъ, что и господинъ Шодьé не будетъ противиться проекту, который не только можетъ удвоить капиталъ вашъ, но представляетъ много и другихъ выгодъ. Подумайте только, что мои атлантическіе пароходы...

— Ну, да, конечно! перебилъ господинъ Бальёль, увидя случай выпутаться изъ бѣды: — спросимъ Шодьé; если онъ согласится, то дѣло кончено; а если нѣтъ, то я не въ правѣ располагать ничѣмъ. Тогда позвольте просить васъ принять вину на себя, и ужь сами поговорите съ женою. Не думайте, чтобъ я ее боялся, вы понимаете меня; но ея раздражительность дѣлаетъ ее столь жалкою, что всячески стараюсь не противорѣчить ей.

Лабуасьеръ, видя, что нѣчего ждать отъ старика, который безъ жены былъ гораздо-свободнѣе, согласился на его предложеніе.

Спустя нѣсколько времени, господинъ Бальёль подошелъ къ зятю, съ улыбкой, которая не скрывала, впрочемъ, его смущенія. Шодьé уже давно былъ въ огородѣ и о чемъ-то думалъ.

— Ну, другъ мой, сказалъ старикъ, останавливая его:—скоро ли мы окончимъ нашу изгороду?

— Надѣюсь, завтра будетъ готова, отвѣчалъ Шодьé, думая совсѣмъ о другомъ.

— Знаете ли что? вы такъ хорошо владѣете кистью, что еслибъ захотѣли, то могли бы писать картины.

— Можетъ-быть.

— Вотъ прекрасная лоза! она даетъ чудный виноградъ. А ваша исполинская спаржа, когда мы ее попробуемъ?

Обхожденіе тестя было такъ странно-ласково, что зять невольно пріостановился и, устремивъ на него глаза, сказалъ:

— Вы вѣрно пришли поговорить со мной не о спаржѣ и винограде? Что же нужно? скажите откровенно.

Вопросъ сдѣланъ былъ такъ рѣшительно, что господинъ Бальёль долженъ былъ немедленно приступить къ дѣлу.

— Любезный Шодьé, сказалъ онъ, стараясь скрыть свое сму-

Digitized by Google

щеніе:—позабудемъ виноградъ и спаржу, и обратимся къ дѣламъ. Знаете ли вы, что я долженъ былъ отдать вамъ сорокъ тысячъ франковъ черезъ два мѣсяца послѣ вашей свадьбы?

— Знаю, сказалъ Шодьѐ разсѣянно.

— Такъ послушайте, любезный другъ, что́ случилось, началъ старикъ, собравшись съ духомъ. — Вы знаете, я думаю, что нашъ общій другъ Лабуасьеръ составилъ прекрасный проектъ: постройку атлантическихъ пароходовъ, для сообщенія Франціи съ Америкою?

— Знаю.

— Это предпріятіе представляетъ большія выгоды. Вашей тещѣ вздумалось хоть немножко ими воспользоваться, и, — продолжалъ старикъ прерывающимся голосомъ:—и, какъ у насъ въ наличности были только приданыя деньги Адольфины, то мы съ женою положили, что вы вѣрно не откажете намъ въ необходимой на то суммѣ. И вотъ, мы взяли акцій на десять тысячъ франковъ, на невзрываемые атлантическіе пароходы.

— Знаю, отвѣчалъ въ третій разъ Бенуа Шодьѐ, съ обыкновеннымъ спокойствіемъ.

— Такъ вы все знаете? возразилъ Бальёль, начавъ дышать свободнѣе.

— Все, да не совсѣмъ.

— Но кто же вамъ могъ сказать, что я далъ десять тысячъ франковъ на предпріятіе Лабуасьера?

— Самъ Лабуасьеръ, который не нашелъ чѣмъ лучше побудить меня къ согласію, какъ вашимъ участіемъ.

— Такъ онъ и у васъ тоже просилъ денегъ?

— Если я васъ понимаю, то мнѣ кажется, вы не отказались бы взять свои деньги назадъ, сказалъ Шодьѐ, не давая положительнаго отвѣта.

— То-есть, отвѣчалъ господинъ Бальёль, еще съ бо́льшимъ смущеніемъ: — вашей тещѣ такъ понравились эти пароходы, что она хочетъ взять еще на десять тысячъ франковъ акцій, и какъ мы должны взять эту сумму изъ приданаго дочери, то думаемъ, что вы согласитесь брать проценты вмѣсто капитала.

Старикъ, ожидая съ большимъ страхомъ отвѣта отъ зятя, для бодрости взялъ щепотку табаку.

— Я не прочь отъ этого... воскликнулъ наконецъ Шодьѐ, послѣ минутнаго молчанія.

— И такъ, мнѣ можно покончить все съ Лабуасьеромъ?

— Еще лучше. У меня у самого есть свободныхъ пятьдесятъ тысячъ франковъ; они приносятъ только пять на сто; я хочу воспользоваться случаемъ и предложить ихъ Лабуасьеру.

Digitized by Google

При этой неожиданной выходкѣ, господинъ Бальёль, который сталъ мало-по-малу оправляться, впалъ въ прежнее раздумье.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ:—вы не любите мѣшкать въ дѣлахъ. А стóитъ подумать! пятьдесятъ тысячъ франковъ не шутка! Вы знаете, какъ опасно класть всѣ яйца въ одну корзинку.

— Во-первыхъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ составляютъ не весь мой капиталъ, или, по-вашему, не всѣ яйца, а во-вторыхъ, судя по тому, что вы мнѣ прежде говорили, корзинка должна быть крѣпка.

— Конечно, предпріятіе чудесное; но...

— Но?

— Въ вашемъ положеніи, мнѣ кажется, что не такъ-большіе проценты и вѣрное мѣсто...

— Послушайте. Если вы думаете, что дѣло хорошо, зачѣмъ же меня отъ него отвлекаете? если жь оно ненадежно, то къ-чему самимъ вамъ участвовать въ немъ?

Господинъ Бальёль не отвѣчалъ ни слова. Въ-самомъ-дѣлѣ, будучи отъ природы чрезвычайно-остороженъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ пристрастія къ большимъ предпріятіямъ. Что жь касается до пріобрѣтенія имѣнія, то онъ уважалъ только недвижимое, и дѣлалъ еще различіе между землями и строеніями. Домъ можетъ сгорѣть, говорилъ онъ, а поле никогда. Замѣтное, съ каждымъ годомъ, уменьшеніе доходовъ, получаемыхъ съ капитала изъ банка, побудило господина Бальёль промѣнять капиталъ свой на недвижимость. Акціи, купленныя имъ у Лабуасьера, только безпокоили его, и онъ никогда бы не рѣшился пріобрѣсть ихъ, еслибъ могъ избавиться отъ строгаго деспотизма своей жены. Участвуя, только по безотчетной покорности къ женѣ, въ предпріятіи, выгоды котораго были такъ сомнительны, господинъ Бальёль провозглашалъ еще его дѣльнымъ. Онъ съ сожалѣніемъ видѣлъ теперь, что и зять впутывался въ дѣло; но что могъ сказать онъ ему, послѣ рѣшительныхъ его словъ? Сознаться, что его обстоятельства совсѣмъ другія, и побудительныя причины участвовать въ спекуляціи Лабуасьера такія-то, значило бы невольно сознаться въ своей зависимости. Но не будучи въ-силахъ освободиться отъ рабскаго ига, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ столько гордъ, что не могъ не скрывать его.

— Вотъ вамъ! добрый малый сдѣлаетъ глупость, подумалъ про-себя господинъ Бальёль: — и все по милости госпожи Бальёль и глупой страсти ея къ спекуляціямъ. Семь бы чертей въ бороду проклятому изобрѣтателю пароходовъ!

—

Digitized by Google

Между-тѣмъ, какъ Шодьé и тесть его разговаривали, прогуливаясь въ огородѣ, Лабуасьеръ освободился отъ госпожи Бальёль, но не спѣшилъ однако къ Адольфинѣ, которая уже давно дожидалась его въ гостиной: думы дѣловаго человѣка заглушили въ немъ на время чувство любви. Онъ съ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ кончится его предложеніе, какъ вдругъ увидѣлъ, что Бенуа и Бальёль идутъ къ нему изъ сада. Чтобъ приличнѣе встрѣтить ихъ, онъ старался, какъ могъ, показаться спокойнымъ и увѣреннымъ на счетъ своего дѣла.

— Кажется, между вами завязался жаркій разговоръ? началъ Лабуасьеръ съ безпечною улыбкой.—Господинъ Бальёль похожъ на побѣжденнаго оратора. Ну, черный или бѣлый?

— Бѣлый, отвѣчалъ шутя старикъ.

— Такъ любезный Шодьé соглашается участвовать въ нашемъ маленькомъ предпріятіи?

— Съ условіемъ, отвѣчалъ холодно мужъ Адольфины.

— Посмотримъ, что за условія, отвѣчалъ спекуляторъ, и веселость его исчезла.

— А вотъ что: кромѣ акцій, взятыхъ моимъ тестемъ, вы мнѣ дадите еще на пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Видя, что въ его паутину попала другая муха, еще жирнѣе, нашъ наукъ вздрогнулъ отъ радости, и едва въ состояніи былъ удержать ее.

— Вы говорите на пятьдесятъ тысячъ франковъ? Не знаю, право, можно ли будетъ принять... Жаль, что вы не предупредили меня.

— Какъ, развѣ ужъ всѣ ваши акціи разобраны? спросилъ господинъ Бальёль:—отъ-чего жъ вы мнѣ ихъ предлагали съ такою поспѣшностью?

— Это особенный случай, отвѣчалъ не запинаясь Лабуасьеръ:—а на самомъ-то дѣлѣ у меня точно остается очень-мало акцій; впрочемъ, господину Шодьé я готовъ услужить во что бы то ни стало. Вы мнѣ, кажется, говорили о шестидесяти тысячахъ франкахъ?

— О пятидесяти.

— Да, шестьдесятъ тысячъ, прибавивъ десять тысячъ франковъ господина Бальёль. Мы, впрочемъ, еще поговоримъ объ этомъ; можете ли вы быть у меня завтра?

— Я только-что хотѣлъ предложить вамъ это; будете ли вы свободны въ часъ?

— Совершенно-свободенъ.

— И такъ, въ часъ я явлюсь къ вамъ съ деньгами, которыя возьму у своего нотаріуса.

— Такъ по рукамъ! въ часъ! воскликнулъ прожектёръ невзры-

Digitized by Google

ваемыхъ пароходовъ, едва удерживая порывы неистовой радости.

Спустя нѣсколько времени, Лабуасьеръ, садясь въ кабріолетъ, поклонился госпожѣ Шодьé и тихо сказалъ ей на-ухо одно изъ словъ, играющихъ столь важную роль въ трагедіяхъ и романахъ: *полночь!*

IV.

Послѣ отъѣзда господина Лабуасьера, ничто не нарушало обыкновеннаго однообразія въ-теченіи вечера. Госпожа Бальёль не являлась больше, и къ десяти часамъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Мало-по-малу, все стихло, и можно было подумать, что въ домѣ всѣ ужь предались благодатному сну. Пробило одиннадцать. Въ эту минуту, дверь одной изъ комнатъ тихо отворилась, и изъ нея вышла женщина съ свѣчой въ рукахъ. Это привидѣніе, хотя довольноматеріальное, спустилось въ первый этажъ безъ малѣйшаго шума; здѣсь оно прошло столовую, потомъ корридоръ и, пришедъ къ двери, такъ скоро повернула ручку замка, что она даже не скрипнула.

При этомъ внезапномъ нападеніи, Адольфина, также несомкнувшая еще глазъ, съ трудомъ удержала въ груди крикъ испуга. Угрожаемая внѣшнимъ нападеніемъ, она никакъ не ожидала внутренняго. Узнавъ свою мать, лицо которой, ярко освѣщенное, было строго и угрюмо, Адольфина растерялась еще болѣе.

— Это вы, маменька? сказала она, поспѣшно вставая: — что съ вами? не больны ли вы?

Первый взглядъ госпожи Бальёль устремился на окно; занавѣски были задернуты.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь? спросила Адольфина, еще болѣе смущенная движеніемъ матери: — не прикажете ли позвать Мадлену?

— Нѣтъ, ненадо, отвѣчала важно госпожа Бальёль: — ты одна должна меня выслушать. Ступай за мной.

— Куда? спросила Адольфина съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Ко мнѣ въ комнату; тамъ намъ будетъ лучше.

Дочь покорно послѣдовала за матерью. Часъ свиданія былъ близокъ и Лабуасьеръ съ каждой минутой могъ войдти въ комнату; приходъ его причинилъ бы ей новыя хлопоты: теперь она надѣялась счастливо избѣжать выговора болѣе или менѣе неспоснаго.

Госпожа Бальёль, вошедъ въ свою комнату, заперла двери, сѣла противъ Адольфины и поглядѣла на нее такъ пристально, какъ смотритъ судья на допрашиваемаго имъ преступника, желая насквозь видѣть самое сердце его.

Digitized by Google

— Послушайте, сказала госпожа Шодьé съ принужденною улыбкой:—если вы не перестанете на меня такъ странно смотрѣть, то можно подумать, что я снова сдѣлалась дѣвочкою, которую вы пошлете для наказанія въ темную комнату.

— Адольфина! возразила съ достоинствомъ госпожа Бальёль:— дай Богъ, чтобъ поступки твои заслуживали только дѣтскаго наказанія; сердце мое не терзалось бы такъ, еслибъ я могла, наказывая тебя, не терять къ тебѣ любви своей.

— Матушка! воскликнула молодая женщина умоляющимъ голосомъ въ отвѣтъ на высокопарныя слова матери.

— Да, я твоя мать, и это меня терзаетъ! Твоя добрая мать, слышишь ли ты? Не смотря на всѣ огорченія, которыя ты мнѣ причиняешь, я, твоя бѣдная мать, вмѣсто того, чтобъ гордиться и радоваться тобою, вижу въ тебѣ только причину огорченій и стыда!

Не смотря на эти слова, рѣчь была не очень-трогательна, будучи произнесена съ чувствомъ болѣе-раздражительнымъ, нежели нѣжнымъ. Впрочемъ, госпожа Бальёль не лишнимъ почла поднести къ глазамъ платокъ свой. Она могла бы избавить себя отъ этого драматическаго движенія, еслибъ не имѣла странной привычки придавать имъ силу словамъ своимъ.

— Что жь я сдѣлала? за что вы такъ сердитесь на меня? спросила Адольфина съ важно-спокойнымъ тономъ.

— Что вы сдѣлали, сударыня! возразила госпожа Бальёль, бросивъ грозный взглядъ на молодую женщину: — вы еще можете у меня объ этомъ спрашивать? Не думаете ли вы, что я слѣпа, или что можно обманывать мать такъ же ловко, какъ мужа? Говорю вамъ, мнѣ все извѣстно. Такъ вотъ плоды моихъ неусыпныхъ попеченій. Вотъ награда за мою нѣжность! Послѣ пяти мѣсяцовъ брака, забывать долгъ свой, нарушать свои клятвы, безчестить благороднаго человѣка, своего мужа, котораго ни въ чемъ упрекнуть нельзя! Это ужасно!

— Я васъ не понимаю, отвѣчала Адольфина, понизивъ голосъ.

— А! вы меня не понимаете! Тотчасъ поймете! Человѣкъ безъ правилъ, безъ чести, безъ совѣсти, короче, господинъ Лабуасьеръ вашъ любовникъ!

— Это не правда! воскликнула громко госпожа Шодьé.

Госпожа Бальёль засмѣялась.

— Не правда, говорите вы? Сегодня? можетъ-быть! Но завтра сказали ли бъ вы, что это неправда, еслибъ я не пришла къ вамъ, чтобъ спасти васъ? Развѣ не правда, что у этого человѣка ключъ отъ садовой калитки, и что онъ, быть-можетъ, чрезъ нѣ-

Digitized by Google

сколько минутъ будетъ подъ вашими окнами? Правда это, или нѣтъ? отвѣчайте!

Адольфина, видя свою тайну въ рукахъ матери, совсѣмъ потерялась и, какъ прежде сказала шутя, сдѣлалась въ-самомъ-дѣлѣ ребенкомъ. Голова ея опустилась, щеки запылали, она, казалось, ждала страшнаго приговора.

Насладившись жалкимъ смущеніемъ своей дочери, госпожа Бальёль продолжала съ возрастающимъ жаромъ:

— Завтра поговоримъ объ этомъ подробнѣе; теперь довольно. Вы останетесь здѣсь и подождете меня.

— Куда же вы? тихо спросила молодая женщина.

— Иду принять этого человѣка, отвѣчала трагически госпожа Бальёль.

— Какъ! вы хотите...

— Да, я хочу! оставьте меня!

— Но это невозможно, сказала Адольфина, бросясь къ дверямъ.

Госпожа Бальёль вѣрно предвидѣла это, схватила ее за руку и съ чрезвычайною скоростію оттолкнула въ средину комнаты.

— Останьтесь здѣсь! сказала она тономъ, неповолявшимъ никакого возраженія.

Адольфина еще не успѣла оправиться, какъ госпожа Бальёль вышла, заперла за собой дверь и взяла отъ нея ключъ. Потомъ, она вошла въ комнату дочери; первымъ дѣломъ ея было осмотрѣть окно, которое, какъ она и ожидала, было отперто.

— Все готово, думала она про себя и, ничего не измѣняя въ комнатѣ, задернула занавѣсъ, погасила свѣчу и оставила зажженною только лампу. Сдѣлавъ все это, она расположилась въ самомъ отдаленномъ и темномъ углу и съ нетерпѣніемъ ждала урочной минуты, какъ охотникъ своей добычи. Такъ прошли ужасные полчаса, казавшіеся ей полстолѣтіемъ.

Между-тѣмъ, на верху происходила другая сцена, не менѣе-интересная.

—

Бенуа Шодьé, вмѣсто того, чтобъ лечь спать, по возвращеніи изъ сада безъ устали ходилъ вдоль и поперегъ комнаты, какъ человѣкъ, занятый важнымъ предпріятіемъ. По-временамъ, онъ разсматривалъ бумагу, которая была въ письмѣ изъ Марселя, и сравнивалъ почеркъ ея съ почерками другихъ бумагъ, наполнявшими его бюро. Во все это время, онъ не переставалъ молча ходить и тереть руку объ руку. Наконецъ, часа черезъ два, онъ остановился и сказалъ самъ себѣ:

Digitized by Google

— Если мнѣ дѣйствовать ни съ кѣмъ не совѣтовавшись, это будетъ невѣжливо; меня обвинятъ въ скрытности, недовѣрчивости; а я не хочу подать къ этому ни малѣйшаго повода. Теща вертитъ всѣмъ домомъ, надо ее предупредить, и сегодня же; завтра мы уже не увидимся. Она ложится спать очень-поздно; я успѣю переговорить съ ней,—и Шодьé тотчасъ рѣшился исполнить свое намѣреніе.

Была почти полночь, когда онъ вышелъ изъ своей комнаты и отправился къ тещѣ. Подошедши къ дверямъ, Шодьé тихо постучался; наша плѣнница вздрогнула и не отвѣчала ни слова.

— Это я, сказалъ онъ въ полголоса, постучавъ еще:—отворите! мнѣ нужно сообщить вамъ важное дѣло.

Узнавъ голосъ мужа, Адольфина, вмѣсто отвѣта, притаила даже дыханіе.

— Она уже заснула, проворчалъ раздосадованный этою мыслію Шодьé, и хотѣлъ-было удалиться, но свѣтъ, проходившій чрезъ замочную скважину, остановилъ его.

— Если она спитъ, то къ чему этотъ свѣтъ? подумалъ онъ:— кажется, читать въ постели она не имѣетъ привычки. Нѣтъ, она не спитъ, и, что еще вѣрнѣе, ушла; но куда? въ такое позднее время? Къ Бальбю не пойдетъ, подумалъ молодой супругъ, смѣясь внутренно.—Вѣрно къ своей дочери? Именно, она можетъ быть только у нея. Тѣмъ лучше; надо объясниться съ Адольфиной, и разомъ все кончить. Вздумано—сдѣлано. Чрезъ минуту, онъ положилъ руку на ручку дверей комнаты своей супруги, какъ вдругъ услышалъ голосъ мужчины; это остановило его. Видя, что здѣсь дѣло идетъ о чести, вмѣсто того, чтобъ предаться необузданной ярости, Шодьé сдѣлалъ гораздо-лучше: онъ очень-хладнокровно потушилъ свѣчку и прилалъ ухомъ къ двери. Съ первыхъ словъ, онъ узналъ, что это были голоса тещи и Лабуасьера; все показывало, что Адольфины нѣтъ въ комнатѣ. Ея отсутствіе успокоило его, но не уничтожило любопытства. Никогда драма, игранная съ успѣхомъ, не имѣла такого усерднаго слушателя; Бенуа Шодьé ни слова не проронилъ изъ горячаго ихъ разговора.

V.

Гюставъ Лабуасьеръ, какъ и всѣ любовники, былъ очень-исправенъ: за пять минутъ до срока, онъ былъ ужь у садовой калитки, а ровно въ полночь какъ-разъ подъ окнами Адольфины. Освободившись ласками отъ Турка, поведеніе котораго можетъ служить примѣромъ скромности и обходительности, искатель приключеній скорѣе отгадалъ, чѣмъ увидѣлъ, судя по темнотѣ ночи, окно, назна-

Digitized by Google

ченное для прохода въ комнату Адольфины. Онъ отворилъ его безъ малѣйшаго сопротивленія. Теперь дорога открыта, осталось совершить самый приступъ. Одинъ легкій прыжокъ, и онъ въ комнатѣ; здѣсь Лабуасьеръ заперъ окно и задернулъ занавѣсъ.

— Милая Адольфина! я подлѣ васъ, сказалъ онъ страстно, при видѣ темной фигуры въ углу комнаты.

Ему не отвѣчали; но, судя по обстоятельствамъ, это молчаніе не устрашало его. Онъ смѣло подошелъ къ особѣ, принимаемой имъ за госпожу Щодьé, какъ вдругъ эта особа встала предъ нимъ, прибавила огню въ лампѣ, и движеніемъ, которое было бы очень-эффектно на сценѣ, освѣтила столь извѣстное ему лицо свое. Лабуасьеръ, не смотря на всю смѣлость и находчивость, отступилъ болѣе нежели на почтительное разстояніе.

— Это не Адольфина, начала госпожа Бальёль съ строгимъ видомъ:— это я, человѣкъ безъ совѣсти и чести!

Видя себя въ такомъ затруднительномъ положеніи, другой совсѣмъ потерялъ бы голову, но Лабуасьеръ былъ не изъ такихъ. Едва прошелъ первый порывъ изумленія, къ нему возвратилась прежняя смѣлость, и онъ мужественно вынесъ сверкающіе взгляды матери Адольфины.

— Добрый вечеръ, сударыня! сказалъ онъ съ наглою непринужденностію:—судя по вашимъ глазамъ, я съ радостію вижу, что ваша мигрень прошла.

— Чудовище! проворчала госпожа Бальёль глухимъ голосомъ.

Молодой человѣкъ снялъ шляпу и почтительно поклонился.

— Неблагодарный, вѣроломный! говорила она съ возрастающимъ жаромъ.

За эти слова Лабуасьеръ, вмѣсто отвѣта, поклонился еще ниже.

— Нищій! воскликнула наконецъ госпожа Бальёль въ изступленіи.

— Теперь позвольте вамъ замѣтить, что злоба приводитъ васъ въ заблужденіе, сказалъ онъ съ иронической улыбкой:—нищій не имѣетъ экипажа, а меня ждетъ у подъѣзда кабріолетъ.

— Благодаря простакамъ, которые такъ слѣпо вамъ ввѣряются; я тоже не избѣжала этого.

— Вы клевещете на себя и на меня, сударыня; у васъ, кажется довольно ума, чтобъ не позволить обмануть себя, а у меня не достаетъ его...

— Чтобъ быть плутомъ? Извините, у васъ его вдвое больше, чѣмъ нужно; но вамъ не достаетъ одного качества.

— Какого? позвольте спросить.

— Осторожности; вы бы должны были предвидѣть, что я могу

Digitized by Google

сдѣлаться врагомъ вашимъ, самымъ опаснымъ, самымъ непримиримымъ!

— Не угодно ли вамъ сѣсть, сударыня? сказалъ Лабуасьеръ съ досаднымъ хладнокровіемъ. — Я предвижу, что нашъ разговоръ будетъ и дологъ и интересенъ, а я не люблю говорить стоя.

И, не дождавшись предложенія, онъ повалился въ кресла и протянулъ ноги такъ фамильярно, какъ-будто у себя дома. Вмѣсто того, чтобъ послѣдовать его примѣру, госпожа Бальёль драматически выпрямилась.

— Теперь, сударыня, возразилъ Лабуасьеръ: — я готовъ съ вами разговаривать хоть до скончанія вѣка; глядя на лицо ваше, можно угадать, что васъ волнуютъ самыя трагическія чувства. Теперь потрудитесь объяснить, чѣмъ я разгнѣвилъ васъ?

— Вы здѣсь, и можете еще спрашивать о причинѣ моего негодованія! воскликнула госпожа Бальёль съ горестію.

— А! понимаю, сказалъ Лабуасьеръ.— Присутствіе мое въ этой комнатѣ въ глазахъ вашихъ непростительное преступленіе; но, можетъ-быть, еслибъ я былъ тамъ, на-верху, вы скорѣе извинили бы меня?

Говоря такимъ-образомъ, онъ показалъ на потолокъ, надъ которымъ находилась комната госпожи Бальёль.

При этой грубой и жестокой обидѣ, госпожа Бальёль закрыла лицо руками.

— Я достойна такого поруганія, сказала она съ мрачнымъ видомъ: — но благородный человѣкъ не воспользовался бы этимъ.

— Честь, сударыня, составляетъ принадлежность женщинъ и мужчинъ, сказалъ безжалостный Лабуасьеръ.— Не забудьте, что всѣ обидныя слова — оружія съ двойнымъ лезвіемъ; обращаясь съ ними неосторожно, можно обрѣзаться. Что значитъ, что вы здѣсь? что привело васъ сюда? какая была у васъ цѣль?

Госпожа Бальёль, такъ повелительно обращавшаяся съ своимъ мужемъ, дочерью и зятемъ, казалось, потеряла всю свою твердость противъ человѣка, которому ея слабости давали надъ ней права, употребляемыя имъ безъ милосердія.

— Вы любите Адольфину? сказала она ему почти шопотомъ.

— Кто жъ виноватъ въ этомъ? спросилъ онъ отрывисто.

— И вы признаётесь? вскричала она съ судорожнымъ трепетомъ.

— По-неволѣ, клянусь вамъ! Сказать откровенно, я отъ-души желалъ бы обмануть васъ; но въ эту минуту, сидя въ западнѣ, которую вы же мнѣ приготовили, не имѣю къ тому никакой возможности; и такъ, я откровенно долженъ признаться въ своей ошибкѣ, но не вполнѣ отвѣчаю за нее; вы тоже виноваты.

— Я?

Digitized by Google

— Да. Вы меня обвиняете, позвольте же и оправдаться. — Вотъ ужь три года, какъ я въ цѣпяхъ вашихъ; но кто мнѣ совѣтовалъ казаться влюбленнымъ въ вашу дочь, чтобъ отклонить малѣйшее подозрѣніе со стороны вашего мужа? Не вы ли сами? Совѣтъ былъ превосходный, и я строго ему послѣдовалъ. Что̀ жь вышло изъ этого? Весьма-обыкновенное дѣло, которое вы легко могли предвидѣть: играя роль влюбленнаго, я въ-самомъ-дѣлѣ влюбился.

— Такъ вы осмѣливаетесь еще повторять свое признаніе? возразила госпожа Бальёль, сгибая въ рукахъ ножикъ изъ слоновой кости.

— Къ-счастію, что это не кинжалъ, сказалъ Лабуасьеръ съ сардоническою улыбкою.

Въ порывѣ бѣшенства, обманутая женщина схватила ножикъ въ обѣ руки, сломала его и бросила куски къ ногамъ вѣроломнаго любовника.

— Кинжалъ дурное оружіе для мести, сказала она: — онъ скоро убиваетъ.

— У насъ есть медленный ядъ, отвѣчалъ Гюставъ смѣясь.

— Не смотря на всю вашу находчивость, не вамъ учить женщину мести. Здѣсь не будетъ дѣйствовать ни кинжалъ, ни ядъ; но ваше разоренье, вашъ стыдъ, будутъ слѣдствіемъ моего мщенія! Вы видите этотъ ножикъ... чрезъ мѣсяцъ я поступлю съ вами почти также.

Лабуасьеръ поднялъ куски и поглядѣлъ на нихъ съ принужденнымъ безпокойствомъ.

— Знаете ли что? вы меня пугаете, сказалъ онъ робкимъ тономъ. — Будто я такъ же хрупокъ, какъ эта кость.

— Смѣйтесь! возразила дико госпожа Бальёль: — смѣйтесь, въ ожиданіи заставить другихъ смѣяться надъ собою.

— Если я смѣюсь, сударыня, то это изъ вѣжливости, чтобъ сказать должную честь вашимъ шуткамъ.

— Моимъ шуткамъ?

— Какъ же иначе могу назвать я эти угрозы? Вы, вѣроятно, не захотите, чтобъ я ихъ принялъ за серьёзныя?

— Однакожь онѣ серьёзны, отвѣчала оскорбленная женщина.

— Въ такомъ случаѣ, потрудитесь объяснить мнѣ все это. Чтобъ вамъ понравиться, я, пожалуй, буду дрожать всѣми членами; но все-таки не понимая, къ-чему...

При этихъ словахъ, госпожа Бальёль бросила на своего прежняго любовника такой суровый взглядъ, въ которомъ отразилось презрѣніе, столь часто слѣдующее за преступными страстями.

— Я была слаба, а вы почитали меня слѣпою, сказала она тихимъ голосомъ. — Двадцать разъ испытывали вы мою къ вамъ пре-

Digitized by Google

данность. Привыкнувъ къ обману, вы видѣли въ вашей благодѣтельницѣ только...—Лабуасьеръ хотѣлъ говорить.— Ни слова! для женщины это имя ужасно! я краснѣю отъ него; но ни вы, ни я не можемъ опровергать его... Вы видѣли въ вашей благодѣтельницѣ женщину, которую можно было обмануть. Вы не поняли, что она можетъ любить человѣка, не уважая его; знайте жь это, если еще не знали. Ваши коммерческія спекуляціи, почетныя имена, которыя вы выставляли, кредитъ, которымъ вы гордитесь, внѣшній блескъ, роскошь, васъ окружающіе,—все обманъ, плутовство! У васъ ничего нѣтъ... впрочемъ, извините! я ошиблась, у васъ въ рукахъ промыселъ, хотя онъ и преслѣдуется правосудіемъ...

— Сударыня! воскликнулъ Лабуасьеръ, вскочивъ отъ ярости.

— Успокойтесь! я еще не все сказала, возразила г-жа Бальёль: — я васъ знала и была такъ глупа, что могла васъ полюбить. Надѣюсь, этотъ проступокъ будетъ мнѣ прощенъ; онъ самъ-собою есть уже наказаніе. Угадавъ васъ, я служила вамъ съ самоотверженіемъ, поддерживала васъ и заставила всѣхъ вѣрить вашимъ выдумкамъ. Для васъ я даже готова была подвергнуть опасности свое состояніе. Не я ли заставила мужа отдать вамъ часть дочернаго приданаго? Еще сегодня, для васъ же, я готова была повторить этотъ гнусный поступокъ... Да, гнусный, потому-что мнѣ было извѣстно, въ какой омутъ попадутъ отданныя вамъ деньги. Вотъ, что я для васъ сдѣлала, и вотъ какъ вы меня за то награждаете! О! небо правосудно! я была очень-виновата.

Госпожа Бальёль закрыла лицо руками и замолчала; видъ ея выражалъ горесть и изнеможеніе.

Иногда забываютъ обиды; но рѣдко прощаютъ тѣхъ, которыхъ обидѣли. Если Лабуасьеру измѣнили, то, можетъ-быть, жестокій эгоизмъ его характера смягчился бы предъ виновницей; но при видѣ страданій женщины, спокойствіе которой было для него ничтожно, онъ почувствовалъ безотчетную свирѣпость.

— Вы плачете? сказалъ онъ холодно. — Напрасно! Я бы вамъ не совѣтовалъ; отъ этого можетъ пострадать ваша красота, особенно цвѣтъ лица.

— Ахъ! я позабыла, что у меня румяна, воскликнула госпожа Бальёль съ судорожнымъ смѣхомъ.

Она приложила къ глазамъ платокъ и показала потомъ своему жестокому любовнику лицо свое: волненіе смѣнилось на немъ спокойствіемъ, но это спокойствіе было страшнѣе самой злобы.

— Теперь знайте, возразила она: — это вамъ нужно знать, отъ этого, можетъ-быть, разстроится немного твердость вашего духа: я буду стараться уничтожить васъ съ такою же ревностію, съ ка-

Digitized by Google

ною прежде вамъ услуживала. Со стороны сердца, вы непобѣдимы; и съ этой стороны я не нападу на васъ.

— Такъ вы угрожаете моему состоянію? спросилъ Лабуасьеръ съ безпечною улыбкою.

— Хорошо состояніе! стоитъ мнѣ только отдернуть руку, и оно обрушится.

— Но вы этого не сдѣлаете.

— Это сдѣлано.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Я вамъ обѣщала десять тысячь франковъ завтра...

— Я надѣюсь получить ихъ.

— Напрасно! совѣтую вамъ поискать ихъ въ другомъ мѣстѣ.

Лабуасьеръ еще небрежнѣе развалился въ креслахъ, и еще выше поднялъ голову.

— Теперь я съ удовольствіемъ вижу, что мы приходимъ къ развязкѣ. До-сихъ-поръ, упреки, вздохи, рыданія, проклятія и другія реторическія фигуры были главными элементами вашего краснорѣчія; я долженъ былъ играть страдательную роль слушателя, и мнѣ совсѣмъ невозможно было вмѣстѣ съ вами плакать и страдать судорожными припадками. Но какъ теперь начинается настоящій разговоръ, то вы мнѣ позволите тоже вымолвить словечко. Будьте такъ добры, послушайте меня хоть минуту со вниманіемъ!

Лабуасьеръ остановился и сказалъ съ важнымъ видомъ:

— Здѣсь передъ вами человѣкъ въ двухъ лицахъ; съ одной стороны свѣтскій, съ другой дѣловой. Сознаюсь, первый виноватъ передъ вами. Назовите меня вѣроломнымъ, неблагодарнымъ, Донъ-Хуаномъ, Ловеласомъ, это будетъ справедливо. Еще лучше: убейте меня — я достоинъ этого! Такъ говоритъ свѣтскій человѣкъ. Съ дѣловымъ человѣкомъ совсѣмъ другое дѣло! Тутъ я рѣшительно отвергаю вашъ судъ и права на мой бумажникъ. Однимъ словомъ: я очень отличаю спекулятора отъ любовника, и думаю, что первому совсѣмъ не йдетъ расплачиваться за грѣхи послѣдняго. Завтра господинъ Шодьé долженъ пріѣхать ко мнѣ за покупкой акцій на мои пароходы. Вы вѣроятно будете столько добры, что не попрепятствуете окончанію дѣла.

— Шодьé не поѣдетъ къ вамъ, сказала громко г-жа Бальёль.

— Поѣдетъ, возразилъ съ увѣренностію спекуляторъ.

— Я ему не позволю этого.

— А я васъ не допущу помѣшать ему.

Проговоривъ эти дерзкія слова, Лабуасьеръ всталъ, сложилъ на груди руки и, гордо поднявъ голову, посмотрѣлъ на женщину, которая, забывъ свои слабости, смѣла ему противиться.

— Вы понимаете меня, сказалъ онъ повелительнымъ тономъ: —

Digitized by Google

вы не должны говорить о моихъ дѣлахъ ни вашему зятю, ни вашему мужу, ни даже кому-нибудь; иначе... бойтесь! Вы недавно говорили о моей неосторожности; что̀ бы можно сказать о вашей? Развѣ вы все позабыли? Вы говорите, что мой кредитъ въ вашихъ рукахъ; за то ваша честь — въ моихъ. Поразите вы, поражу и я! ударъ за ударъ; посмотримъ, кто кого уничтожитъ. Довольно-хорошее о васъ мнѣніе, которое поддерживалось только лицемѣріемъ, уничтожится однимъ моимъ словомъ. Не думаете ли вы, что у меня такъ много добродѣтели, что я не скажу этого слова? А? Я промышленикъ! хорошо! а что̀ такое вы сами, сударыня?

— Несчастная женщина! сказала госпожа Бальёль съ глубокимъ вздохомъ.

— Еще будетъ время говорить о вашихъ несчастіяхъ, когда, со степени добродѣтельной женщины и примѣрной матери, я низведу васъ на приличное мѣсто.

— Этого вы не въ-силахъ сдѣлать.

— Если слаба ваша память, то позвольте напомнить, что у меня отъ васъ сорокъ-три письма.

— Такъ вы не истребили ихъ, какъ клялись честію? воскликнула, поблѣднѣвъ, г-жа Бальёль.

— Честію! но вы сами же говорили, что у меня нѣтъ чести! Какъ же вы положились на мою клятву? Нѣтъ, сударыня! я еще не былъ такъ глупъ, чтобъ уничтожить вашу переписку: сегодняшній разговоръ вполнѣ доказалъ, что я правъ. Ваши письма не такого рода, чтобъ ихъ жечь, и если они сдѣлаются извѣстными, то, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть большой успѣхъ.

— Я васъ еще не знала, воскликнула мать Адольфины и упала въ кресло; послѣднее извѣстіе, казалось, совсѣмъ ее уничтожило.

Она замолчала, Лабуасьеръ тоже; не слыша болѣе противорѣчій, онъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ волосы, пригладилъ усы, оправилъ галстухъ и наконецъ поглядѣлъ на часы.

— Вотъ ужь часъ, сказалъ онъ. — Ка̀къ скоро идетъ время подлѣ васъ! Пора домой. У меня завтра много работы, а вамъ, при вашей мигрени, полезнѣе лечь спать раньше. И такъ, прощайте! Не сердитесь на меня и помните, что миръ и война въ вашихъ рукахъ; что касается до меня, я болѣе люблю миръ, и всегда противъ воли огорчаю женщинъ. Господинъ Шодьé обѣщалъ прійдти ко мнѣ завтра въ часъ. Если онъ не прійдетъ, или если я увижу изъ его обращенія, что вы проговорились, то можете быть вполнѣ увѣрены, что сантиментальная переписка сдѣлаетъ свое... Между прочимъ, позвольте мнѣ пожелать вамъ спокойной ночи.

Лабуасьеръ насмѣшливо поклонился женщинѣ, въ глазахъ его

Digitized by Google

ничтожной, и подошелъ къ окну. Онъ ужь хотѣлъ скрыться; но вдругъ вернулся.

— Кстати, сказалъ онъ:—я обѣдаю у васъ послѣ-завтра. Я сдержу свое слово, въ надеждѣ, что, не смотря на маленькую бурю, случившуюся сегодня, вы пріймите меня съ прежнимъ радушіемъ.

Госпожа Бальёль ничего не отвѣчала; она была уничтожена. Лабуасьеръ еще разъ взглянулъ на нее презрительно и поднялъ занавѣсъ. Спустя минуту, окно тихо затворилось, и онъ удалился безъ дальнѣйшихъ приключеній.

VI.

Послѣ первыхъ припадковъ лихорадки, г-жа Бальёль быстро встала, осмотрѣлась вокругъ, торопливо накинула шаль и вышла изъ комнаты. Проходя черезъ корридоръ, она увѣрилась, что никто не былъ свидѣтелемъ ея униженія. Бенуа Шодьé удалился, не оставивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ своего пребыванія за дверью. Она нашла, что всѣ двери были отворены, какъ и прежде; ей ничто не мѣшало возвратиться въ свою комнату. Но здѣсь силы ее оставили, и она почти упала на стулъ. Адольфина, уже три часа находясь въ чрезвычайномъ безпокойствѣ и утомленіи, едва не заснула на софѣ; но скрипъ двери разсѣялъ тревожный сонъ ея, и она, не произнося ни слова, съ надменностію рѣшилась ждать новой бури.

Мать и дочь уже нѣсколько времени сидѣли одна противъ другой неподвижно и молчаливо. Можно было бы подумать, что онѣ заснули, еслибъ мрачные взгляды, бросаемые ими другъ-на-друга, не доказывали противнаго. Хотя Адольфина никогда не подозрѣвала своей матери въ слабости; но какое-то тайное предчувствіе заставляло ее думать, что она найдетъ въ ней самаго строгаго и несправедливаго судью. Съ своей стороны, г-жа Бальёль видѣла въ этой прекрасной молодой женщинѣ первую причину своей горести; иногда она какъ-бы позабывала, что это ея дочь, и видѣла въ ней только свою соперницу; тогда взгляды ея сверкали ненавистью и раздирали сердце устрашенной Адольфины.

Съ обѣихъ сторонъ, непарушаемая грустная тишина становилась съ каждой минутой еще грустнѣе, еще тягостнѣе и невыносимѣе. Г-жа Шодьé рѣшилась наконецъ прервать это молчаніе.

— Позволено ли мнѣ будетъ сойдти въ свою комнату? сказала она сухимъ тономъ, который такъ противорѣчилъ покорности этихъ словъ.

У г-жи Бальёль родилась мысль, которую въ состояніи породить только одна ревность: «если онъ еще не уѣхалъ!» думала она: «и если теперь, когда я вышла, онъ воротился!»

Digitized by Google

— Я ожидаю вашего приказанія, сказала Адольфина, недовольствуясь молчаніемъ матери.

Г-жа Бальёль взглянула на нее недовѣрчиво.

— Вы видите, что я больна, сказала она. — Развѣ вамъ трудно провести хотя одну ночь подлѣ страждущей матери?

— Если кто нездоровъ, тотъ ложится спать, сказала Адольфина съ досадою.

Госпожа Бальёль встала съ усиліемъ и прошла нѣсколько шаговъ по комнатѣ, дрожа отъ лихорадки. Хотя дѣтская любовь была очень-слаба въ сердцѣ Адольфины, но видя нетвердую походку своей матери, она не удержалась отъ безпокойства.

— Какъ вы дрожите! сказала она, спѣша поддержать ее.—Сядьте. Я позову Мадлену; она лучше меня знаетъ, что нужно сдѣлать. У васъ, въ-самомъ-дѣлѣ, лихорадка.

— Это ничего; мнѣ никого не нужно, сказала госпожа Бальёль и легла спать, не позволивъ дочери даже раздѣть себя.

Адольфина снова сѣла на софу, и обѣ женщины провели такимъ образомъ всю ночь, не говоря ни слова. Между этими двумя созданіями, такъ тѣсно связанными природою, возникла теперь ужасная преграда. Въ этой грустной и мрачной бесѣдѣ, гдѣ теперь царствовали безпокойство и ревность, не существовало больше ни матери, ни дочери; здѣсь были только двѣ женщины-соперницы.

При первыхъ лучахъ восходящаго солнца, боязнь ревности госпожа Бальёль разсѣялась.

— Вы устали, сказала она Адольфинѣ: — ложитесь спать; я тоже постараюсь заснуть.

Госпожа Шодьé не замедлила тотчасъ же удалиться въ свою комнату, въ надеждѣ хоть немного въ ней успокоиться.

Спустя нѣсколько часовъ, господинъ Бальёль вошелъ въ комнату своей жены и остановился, изумленный ея болѣзненнымъ видомъ.

— Я слышалъ, что Адольфина была почти всю ночь подлѣ тебя, сказалъ онъ съ участіемъ.—Зачѣмъ же ты не послала за мной? я бы не оставилъ тебя; вѣдь я вокрѣпче дочери.

Этотъ упрекъ, вмѣсто того, чтобъ тронуть больную, только разсердилъ ее. Перенесши наканунѣ столько обидъ, она, при видѣ своего мужа, сдѣлалась снова раздражительною. Несчастный, казалось, нарочно пришелъ за тѣмъ, чтобъ навлечь на себя новую грозу.

— Ваше упрямство причиною моей болѣзни, сказала она съ досадой: — вашъ глупый вчерашній разговоръ напалъ на меня лихорадку. Что, довольны ли вы теперь?

Digitized by Google

— Но, другъ мой, сказалъ смиренно господинъ Бальёль: — развѣ ты не помнишь? я исполнилъ все, чего ты хотѣла. Лабуасьеръ получилъ сегодня же десять тысячъ франковъ.

При этомъ имени, госпожа Бальёль вздрогнула.

— Кто вамъ велѣлъ отдать ихъ такъ скоро?

— Если не ошибаюсь, ты сама, отвѣчалъ мужъ, удивленный такимъ вопросомъ жены.

— Я вамъ ни слова не говорила объ этомъ, я совсѣмъ не назначала времени; вы всегда иначе понимаете мои слова.

— Я ничего еще не сдѣлалъ, воскликнулъ добрякъ, обрадованный позволеніемъ не бросать десяти тысячъ франковъ на акціи невзрываемыхъ пароходовъ.—Если ты перемѣнила желаніе, то тебѣ стоитъ только сказать слово, и я тотчасъ напишу Лабуасьеру, чтобъ онъ не разсчитывалъ на наши деньги.

— Кто вамъ говоритъ объ этомъ? сказала госпожа Бальёль строгимъ голосомъ: она вспомнила угрозы своего любовника.

— Ты знаешь, что я самъ оставилъ бы при себѣ эти деньги, возразилъ добрякъ:—да вотъ Шодьé тоже хочетъ непремѣнно отдать пятьдесятъ тысячъ на эти акціи, и такимъ образомъ все наше имѣніе, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, будетъ въ рукахъ Лабуасьера. Не думай, чтобъ я въ немъ сомнѣвался, но вѣдь не хорошо класть всѣ яйца...

— Шодьé покупаетъ акціи? воскликнула госпожа Бальёль, невольно поднявшись.

— На пятьдесятъ тысячъ франковъ; онъ тебѣ развѣ не говорилъ объ этомъ?

— Когда жь это будетъ?

— Сегодня, и Шодьé тотчасъ же ѣдетъ.

— Поди за нимъ, да чтобъ онъ пришелъ сію же минуту, сказала больная такимъ тономъ, что мужъ ея, вмѣсто того, чтобъ послушаться, остался предъ кроватью съ разинутымъ ртомъ.

— Что жь вы? воскликнула она грозно.

— Иду, иду, другъ мой; не сердись, сказалъ старикъ и ушелъ поскорѣе.

— Чтобъ Шодьé одинъ пришелъ! закричала она ему вслѣдъ.

Въ-продолженіе десяти минутъ промежутка между уходомъ мужа и приходомъ зятя, госпожа Бальёль успѣла разсмотрѣть, какая страшная бездна ждетъ ее. Увидѣвъ, что для нея все потеряно, она рѣшилась на все, чего требовала необходимость и что хотя немного, но обѣщало успѣхъ.

— Теперь я постигла всю черную душу этого человѣка; деньги — вотъ кумиръ его! Онъ любилъ меня не болѣе, какъ средство перевести къ себѣ наше богатство; сегодня онъ еще надѣется имѣть

Digitized by Google

столько надо мной власти, чтобъ заставить меня подписаться на нашу собственную погибель; но этого ему мало: ему нужно богатство моего зятя! Адольфина служитъ ему такимъ же орудіемъ, какъ я. Бѣдная женщина! она думаетъ, что ее любятъ! Развѣ онъ любилъ меня?... Если эти письма останутся въ его власти, я погибну! Имѣя ихъ, онъ увѣренъ въ моей покорности. Какая женщина остановится между стыдомъ и бѣдностію? Во что бы то ни стало, мнѣ нужно достать эти письма, даже еслибъ они мнѣ стоили не золота, а крови.

Женщины, не выходя на дуэль, за ничто считаютъ подобныя выходки; но мужчины, даже самые отважные, принимаютъ это иначе. Женщина, которая упадетъ въ обморокъ отъ булавки, нашла бы очень-предосудительнымъ, еслибъ какой-нибудь мужчина отказался драться на шпагахъ. Этотъ героизмъ въ корсетѣ становится тѣмъ болѣе рѣшительнымъ, что для него почти не существуетъ опасности. Въ глазахъ этихъ романическихъ героинь, дуэль необходимое средство выказать свое благородство.

Чрезъ нѣсколько минутъ, госпожа Бальёль рѣшила, что зять ея долженъ драться съ Лабуасьеромъ. Непремѣннымъ предлогомъ къ поединку будутъ ея письма, какъ это читала она въ большей части романовъ. Небо, вѣроятно, будетъ покровительствовать правому дѣлу, и раненный Лабуасьеръ отдастъ переписку. Если же, по несчастному случаю, Шодьé будетъ побѣжденъ, то и эта неудача все-таки не увеличитъ опасности, которая страшила ее.

Въ это время, г-жа Бальёль, столько же возненавидѣвъ Лабуасьера, сколько прежде любила его, нимало не заботилась объ угрожавшей ему опасности. Иногда казалось ей, что она его увидитъ смертельно-раненнаго, испускающаго послѣдній вздохъ у ногъ ея, какъ Мональдески у ногъ Христины, и тщетно умоляющаго ее о прощеніи. Теперь оставалось ей узнать мысли Бенуа Шодьé: окажетъ ли онъ столько усердія, что возьмется за чужое дѣло.

По ея мнѣнію, зять былъ лицо довольно-непріятное для глазъ, но необходимое въ хозяйствѣ,—лицо, состоящее изъ мяса и костей, годное для того, чтобъ рѣзать за столомъ кушанья, носить шаль или мантилью, приказать подавать карету, предлагать руку, читать вслухъ журналы, и проч. Въ другихъ случаяхъ, его ожидали высшія обязанности: когда былъ недостатокъ въ деньгахъ, ему позволялось предлагать свои деньги; онъ имѣлъ право рѣзаться, если того требовала оскорбленная честь семейства, и Шодьé былъ бы очень-грубъ, еслибъ неохотно исполнилъ такую должность. Г-жа Бальёль, совершенно-успокоенная на счетъ этого, ожидала своего рыцаря.

Digitized by Google

Рыцарь не замедлилъ представиться съ своей вѣчно-сонливой и безпечной физіономіей.

— Вы даете мнѣ порученіе въ Парижъ? спросилъ онъ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тещиной кровати.

— Я хочу говорить о дѣлѣ болѣе-серьёзномъ, отвѣчала госпожа Бальёль съ важностью: — но прежде всего, поклянитесь мнѣ никому не говорить о нашемъ разговорѣ... слышите ли? даже вашей женѣ.

— Напрасно вы безпокоитесь о совѣтахъ; женщинамъ можно говорить только о томъ, что всѣ могутъ знать.

— Это ваши правила? сказала мать Адольфины, удивленная отвѣтомъ зятя.

— Это бретонская пословица, отвѣчалъ Бенуа Шодьё.

Смуглое и костлявое лицо молодаго мужа приняло выраженіе холодной рѣшимости, которая сильно подѣйствовала на г-жу Бальёль. Ей казалось, что она видитъ зятя своего въ первый разъ, и, вспомнивъ роль, которую ему готовила, вполнѣ понадѣялась, что она хорошо будетъ исполнена.

— Выслушайте меня, сказала она торжественно: — и вникните въ каждое мое слово. Еслибъ ваша мать была жива, и ее кто-нибудь обидѣлъ, не защитили ль бы вы ее? Не употребили ли бы вы всей силы и мужества, дарованныхъ вамъ небомъ, чтобъ защитить мать свою и отмстить за нее?

— Я исполнилъ бы долгъ свой, отвѣчалъ Шодьё.

— Матушка ваша умерла, продолжала г-жа Бальёль съ какимъ-то умиленіемъ:—но супружество ваше дало вамъ вторую мать, которая, не сравнивая себя съ первою, употребляетъ всѣ усилія, чтобъ замѣнить ее, и питаетъ къ вамъ самую искреннюю привязанность...

Бенуа Шодьé бросилъ на тещу взглядъ, который ясно говорилъ: «я не зналъ, что я для васъ такъ дорогъ»; потомъ поклонился, не говоря ни слова.

— Послѣ родства крови, которое всего важнѣе, продолжала госпожа Бальёль:—есть ли что-нибудь священнѣе того, которое происходитъ отъ взаимно-счастливаго и приличнаго супружества? Мужъ мой и я смотримъ на васъ, какъ на своего сына, и увѣрены, что, въ случаѣ нужды, вы исполните долгъ свой.

— Я думаю, отвѣчалъ скромно Шодьé.

— А я такъ вполнѣ увѣрена въ этомъ: вы честный и благородный человѣкъ, истинный Бретонецъ!

Сынъ Бретани отвѣтствовалъ на это лестное привѣтствіе вторичнымъ поклономъ, не менѣе двусмысленнымъ, какъ и первый.

— Еслибъ я вамъ сказала, Шодьé: одинъ человѣкъ меня тяжко

Digitized by Google

обидѣлъ, глубоко и смертельно обидѣлъ; онъ врагъ мой; отъ него я должна ожидать всего ужаснаго. Мужъ мой старъ, сына у меня нѣтъ, сама я слабая женщина: вы одни можете спасти меня, отъ васъ ожидаю я защиты и спасенія; что вы предпріймете, другъ мой? Скажите...

Бенуа Шодье поднялъ голову къ потолку, сложилъ пониже жилета руки и, повертѣвъ нѣсколько разъ большими пальцами, вздохнулъ тяжко.

— Что бы я сдѣлалъ? Право, не знаю, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Кажется, вы должны сказать мнѣ, какъ должно дѣйствовать въ такомъ случаѣ.

— Какъ! вы мужчина и не находите, что отвѣчать на мой вопросъ? сказала женщина, снова раздраженная вовсе нерыцарскимъ поведеніемъ своего зятя. — Вамъ говорятъ о непростительномъ оскорбленіи, объ опасности, о жизни и смерти — и вы не знаете, что дѣлать! Подумайте хорошенько; вы вѣрно меня не поняли?

— Да не совсѣмъ-то, отвѣчалъ Шодье съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ. — Бретонцы честные люди, какъ вы говорили недавно сами; но они немного-тупоголовы; въ этомъ я не отстаю отъ своихъ земляковъ. Еслибъ вы говорили пояснѣе, я, можетъ-быть, понялъ бы васъ.

— Еслибъ васъ ударили въ щеку, что бы вы тогда сдѣлали? сказала отрывисто мать Адольфины.

— Я ударилъ бы въ обѣ, отвѣчалъ Бретонецъ.

— И вызвали бы на дуэль обидчика? Да?... А я доказала вамъ, что узы, насъ соединяющія, дѣлаютъ вашу и мою честь общею. Вы обижены во мнѣ, понимаете?

— Теперь я начинаю догадываться, въ чемъ дѣло; вы хотите, чтобъ я дрался? Но на счетъ этого позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣкоторое замѣчаніе.

— Извольте, сказала г-жа Бальёль, и лицо ея вспыхнуло.

— Два мѣсяца тому назадъ, отвѣчалъ Шодье съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ: — мы были въ гостиной. Я дремалъ на диванѣ; вы подумали, что я сплю, и говорили Адольфинѣ: «Ты часто жаловалась, что твой мужъ глупъ и нелюбезенъ; правда; но зато у него нѣтъ ни силы воли, ни силы характера, а это главное. Ты дѣлаешь изъ него все, что тебѣ угодно. Лучше имѣть мужа-глупца, котораго можно водить за носъ, чѣмъ бойкаго говоруна, который будетъ управлять тобою.

— Я не говорила этого! прервала г-жа Бельёль, покраснѣвъ до ушей.

— Извините, говорили. Изъ вашихъ же словъ было видно, что у меня нѣтъ ни силы воли, ни силы характера, отъ-чего я и уди-

Digitized by Google

вляюсь, что вы предлагаете мнѣ роль, требующую обоихъ этихъ качествъ.

Г-жа Бальёль закусила губы и внутренно проклинала свою неосторожность.

— Вы еще мнѣ не отвѣчали на вопросъ, сказала она послѣ короткаго молчанія.

— Вы хотите отвѣта? Извольте, возразилъ Шодьé, не смутившись.—Съ самаго начала моей женитьбы, я не выходилъ изъ положенія, въ какое вы меня поставили. Вполнѣ управляя своею дочерью, а моей женою, вы заставляете ее слѣдовать, въ обращеніи со мной, своимъ совѣтамъ. Слѣдовательно, здѣсь вы повелительница. Я почти не смѣю пригласить къ обѣду пріятеля; слушаютъ не меня, а васъ; въ домѣ, въ саду, вездѣ, гдѣ только можно, вы перемѣнили все, не спрашивая на то ни моего мнѣнія, ни моего согласія; словомъ, я здѣсь нуль. Я не жалуюсь на это; но если мнѣ даютъ какую-нибудь должность, то обязаны дать и выгоды отъ нея. Еслибъ я имѣлъ власть въ семействѣ, и вы сказали бы мнѣ: «зять! вотъ что случилось; это твое дѣло», я сказалъ бы: «да, это до меня касается», и началъ бы дѣйствовать; но если здѣсь управляетъ веретено, то пусть оно и стоитъ за себя; я не вмѣшиваюсь въ его дѣло.

— О, какъ я объ васъ ошибочно думала! сказала г-жа Бальёль презрительно. — Вы слабый и ничтожный человѣкъ; я разгадала васъ теперь съ перваго слова.

— Не правда ли, я второе изданіе господина Бальёля?

— Подите, сударь! воскликнула она съ пылающими отъ гнѣва глазами: — я никогда не стерплю, чтобъ въ моемъ присутствіи вы такъ ругались надъ своимъ тестемъ.

Шодьé въ третій разъ низко поклонился.

— Больше ничего вамъ не нужно сказать мнѣ? спросилъ онъ съ равнодушіемъ, которое еще болѣе раздражило сердитую тёщу.

— Глупый трусъ! сказала она сквозь зубы, однакожь такъ, что Шодьé услышалъ.

— Это очень идетъ старой кокеткѣ, сказалъ молодой человѣкъ, и пошелъ къ дверямъ.

Г-жа Бальёль сдѣлала движеніе, чтобъ броситься съ постели, но въ изнеможеніи упала на подушки, произнеся нѣсколько невиятныхъ словъ. Между-тѣмъ, какъ она, въ краснорѣчивомъ монологѣ, изъявляла свое негодованіе на трусость мужчинъ вообще и на неблагодарность дѣтей въ-особенности, Шодьé отправился въ столовую, гдѣ, предъ свиданіемъ съ тёщей, онъ завтракалъ и недозавтракалъ, будучи прерванъ въ своемъ скромномъ занятіи приходомъ тестя. Теперь, поговоривъ съ г-жею Бальёль, онъ снова

Digitized by Google

сѣлъ за столъ, взялъ кусокъ байоннскаго окорока, налилъ стаканъ вина и такимъ-образомъ продолжалъ завтракъ съ чрезвычайно-хорошимъ аппетитомъ. Ужь онъ допивалъ свое вино, какъ г-нъ Бальёль отворилъ дверь столовой и снова вошелъ къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Ну, что повепькаго? былъ первый его вопросъ: — о чемъ вы говорили съ женой?

— Мы толковали съ ней объ акціяхъ Лабуасьера, началъ Шодьé, наливая рюмку мадеры.

— Я такъ и думалъ. Что, она не перемѣнила своего мнѣнія?

— Ничего покуда. Тотчасъ послѣ завтрака, я ѣду въ Парижъ. Да, кстати, у васъ эти десять акцій, которыя вы взяли нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ?

— Да, онѣ у меня въ бумажникѣ. — И онъ вынулъ его изъ кармана.

— Вотъ на столѣ перо и чернила, отвѣчалъ Шодьé: — перепишите, пожалуйста, эти акціи на мое имя; я ихъ беру на счетъ сорока тысячь франковъ, которые вы мнѣ должны.

Старикъ поспѣшно открылъ портфѣль и, вынувъ изъ него десять листовъ, съ радостью спѣшилъ отдать ихъ своему зятю; ужь онъ обмакнулъ перо, какъ вдругъ остановился, и рука его опустилась.

— Такъ вы на все согласны съ женой моей? воскликнулъ онъ, пристально глядя на зятя.

— Конечно, отвѣчалъ Шодьé: — мы согласны во всѣхъ пунктахъ. Подпишите скорѣй; ужь поздно; я ровно въ часъ долженъ быть у Лабуасьера.

Успокоенный старикъ сдѣлался торопливѣе обыкновеннаго.

— Вотъ, сказалъ онъ, подписавъ: — теперь я вамъ долженъ только тридцать тысячь франковъ. Но послушайте меня, любезный Шодьé, обдумайте хорошенько свое предпріятіе съ Лабуасьеромъ; онъ хитрецъ, онъ сильнѣе васъ, гораздо-сильнѣе. Онъ вамъ насулитъ золотыя горы; но не ввѣряйтесь ему слишкомъ. На вашемъ мѣстѣ, я бы еще разъ освѣдомился объ этихъ пароходахъ. Подумайте: пятьдесятъ тысячь франковъ не шутка; ихъ не подымешь съ пола!

— Будьте покойны, отвѣчалъ Бенуа Шодьé съ улыбкой: — я вижу, что вы имѣете слишкомъ-дурное мнѣніе о моей головѣ; но я, можетъ-быть, не такъ глупъ, какъ вамъ кажется.

Не дождавшись отвѣта тестя, Шодьé вышелъ изъ столовой, и чрезъ десять минутъ былъ уже на дорогѣ въ Парижъ. Только-что на биржѣ пробилъ часъ, онъ вошелъ къ Лабоасьеру, жившему въ улицѣ Нёв-Вивьенъ.

—

Digitized by Google

VII.

Комнаты Лабуасьера были невелики, но имѣли тотъ внѣшній блескъ, который обнаруживаетъ богатаго человѣка. Въ мёблировкѣ видна была пышность, съ перваго взгляда бросающаяся въ глаза, которую такъ уважаетъ извѣстный классъ людей не столько по вкусу, сколько по разсчету. Лабоасьеръ жилъ въ такихъ богатыхъ покояхъ, что въ его кабинетѣ самый осторожный кліентъ, самый угрюмый акціонеръ терялъ къ нему мало-по-малу свою недовѣрчивость и, наконецъ, даже упрекалъ себя въ ней. Въ извѣстной пѣсни, одинъ поэтъ благодаритъ свой сюртукъ; Лабуасьеръ долженъ былъ благодарить свои богатые покои, которымъ обязанъ былъ бо́льшею частію своихъ кредиторовъ.

Не смотря на происшествіе прошлой ночи, которое заставило нашего спекулятора не спать до трехъ часовъ утра, онъ давно ужь сидѣлъ у своего бюро. На немъ былъ зеленый шелковый халатъ, бѣлые кашемировые брюки, на ногахъ сафьянныя туфли, а на головѣ китайская узорчатая шапочка. Прежде, этотъ нарядъ показался бы для насъ, дѣловыхъ людей, немного страннымъ; но теперь, когда и служащіе по финансамъ носятъ шпоры, костюмъ нашего аферіста былъ весьма-обыкновененъ.

На кругломъ столѣ, посереди кабинета, между другими бумагами, валялся планъ, представлявшій въ различныхъ положеніяхъ наружныя и внутреннія части невзрываемыхъ атлантическихъ пароходовъ. Сказать правду, онѣ были очень-мило раскрашены, хотя и существовали только на бумагѣ, и ни одно судно не появлялось на верфи.

На одномъ концѣ бюро, гдѣ писалъ Лабуасьеръ, лежалъ портфёль изъ краснаго сафьяна. Онъ былъ открытъ и въ немъ видно было, между кипою бумагъ, нѣсколько банковыхъ билетовъ. Это была приманка почти всегда удачная: въ денежныхъ дѣлахъ, деньга добывается деньго́ю.

Видно было, что волкъ не позабылъ подбавить свѣжей травки, чтобъ удобнѣе приманить овцу, которую поджидалъ. Шодьé, какъ мы уже говорили, былъ весьма-точенъ. Въ часъ ровно, онъ вошелъ въ кабинетъ, изъ котораго всѣ почти выходили болѣе или менѣе общипанными. Когда дверь отворилась, Лабуасьеръ уставилъ глаза на лежавшія предъ нимъ бумаги и казался совершенно погруженнымъ въ свои занятія; въ такомъ положеніи, онъ пробылъ нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на докладъ слуги; наконецъ, какъ-бы нечаянно, взглянулъ на Шодьé.

— Ахъ! извините, сказалъ онъ, не вставая съ мѣста: — я такъ

Digitized by Google

занятъ, что, право, не замѣтилъ васъ. Садитесь, пожалуйста. Надѣюсь, вы позволите мнѣ окончить письмо?

— Извольте, мнѣ не къ спѣху, отвѣчалъ Шодьé, садясь въ кресла.

Лабуасьеръ написалъ нѣсколько строкъ, и сказалъ, небрежно подпявъ голову:

— Тамъ, на столѣ, лежитъ планъ нашихъ пароходовъ. Разсмотрите его; я между-тѣмъ кончу письмо, а вы получите понятіе о ихъ устройствѣ.

Шодьé подошелъ къ столу и взялъ рисунокъ невзрываемыхъ пароходовъ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ Лабуасьеръ, складывая Богъ-знаетъ какое письмо. — Но прежде, чѣмъ мы начнемъ говорить о дѣлахъ, скажите: какъ ваши? здоровы ли дамы?

— Теща что-то не совсѣмъ, отвѣчалъ очень-натурально Шодьè.

— Она, вѣрно, дурно провела ночь?

— Должно быть такъ.

Лабуасьеръ едва удержалъ улыбку и, переставъ говорить о болѣзни госпожи Бальёль, перешелъ къ предмету болѣе для него занимательному.

— Я вамъ говорилъ вчера, сказалъ онъ, небрежно развалившись въ креслахъ:—объ акціяхъ на невзрываемые пароходы; онѣ ужасно расходятся. Время бы давно приняться... Опоздайте вы нѣсколько дней, и было бы поздно! Дѣло идетъ прекрасно, и, вѣроятно, будетъ имѣть полный успѣхъ; но, можетъ-быть, вы пожелали бы знать наши средства и результаты нашего предпріятія.

Бенуа Шодьè кивнулъ головою въ знакъ своего согласія.

— Однимъ словомъ, вотъ въ чемъ дѣло, началъ Лабуасьеръ догматическимъ тономъ.—Не смотря на чудеса, которыя совершила Америка, и постоянныя усилія Англіи, у насъ пароходное плаваніе еще не вполнѣ развито. Въ этомъ случаѣ, наше любезное отечество очень-далеко отъ совершенства. Поправить подобное положеніе вещей, которое такъ вредитъ Франціи, значитъ оказать доблестную услугу родинѣ; а единственный способъ для достиженія счастливаго въ этомъ результата — постройка пароходовъ, которые плавали бы между Франціею и Америкою. Не думайте, что цѣль моя какая-нибудь ничтожная спекуляція; нѣтъ, я имѣю въ виду предпріятіе обширное... понимаете?

— Я думаю, что ваше исполинское предпріятіе имѣетъ главною цѣлію получить больше денегъ? говорилъ Шодьè съ скромнымъ видомъ ученика, спрашивающаго своего наставника.

— Безъ сомнѣнія; главная пружина войны и промышлености одна и та же; но какая разница! война разрушаетъ, а торговля

Digitized by Google

созидаетъ. Здѣсь, мы сѣемъ серебро, чтобъ получить золото. Представимъ себѣ, что дѣло въ полномъ разгарѣ. Мы устроили между Бордо и главными пунктами Америки: Нью-Йоркомъ, Мехикою, Островами Антильскими и Ріо-Жанейро сообщеніе постоянное, быстрое, вѣрное и дешевое; постоянное—разумѣется само-собою; надобно только построить для этого достаточное количество пароходовъ; быстрое—вы вскорѣ узнаете, сколько мы будемъ дѣлать въ часъ; безопасное—какъ это говоритъ имя нашихъ пароходовъ, въ которыхъ приборъ въ случаѣ взрыва заливается водою; но главное: мы не употребляемъ угля.

— Вы не употребляете угля? возразилъ съ удивленіемъ будущій акціонеръ.

— Да, отвѣчалъ Лабуасьеръ:—только позвольте мнѣ не открывать вамъ, чѣмъ мы его замѣняемъ; это наша тайна. Уголь, занимая огромное мѣсто на судпѣ, не позволяетъ достаточно запасаться припасами. А океанъ не почтовая дорога, на которой можно по волѣ наставить постоялыхъ дворовъ. Благодаря нашему способу, это препятствіе уничтожается; больше я ничего не скажу; вы сами теперь можете предвидѣть выгоды этого новаго двигателя. А главныя поруки успѣха: увеличеніе скорости и уменьшеніе расходовъ.

Бенуа Шодьé кивнулъ головою, какъ человѣкъ во всемъ согласный.

— Это легко понять, продолжалъ Лабуасьеръ еще съ бóльшею увѣренностію, видя, что его слушатель такъ внимательно слѣдитъ за каждымъ словомъ.—Это такъ ясно, какъ дважды-два—четыре; такъ просто, какъ «здравствуйте»! Въ такой торговлѣ, какъ наша, можно брать въ соображеніе три вещи: товаръ, тарифъ и транспорты. Ускореніе есть тоже важный пунктъ, особенно для перевозки предметовъ роскоши, которые такъ часто мѣняетъ прихотливая мода. Подумайте, что моды Гумана и Бовé, новости Делиля и Гагелина, искусственныя произведенія Жюсса и Обера прибудутъ изъ Нью-Йорка чрезъ двадцать дней.

— Чрезъ двадцать дней, только?

— Это разсчитано. Намъ нéчего бояться портовъ, которые захотѣли бы соперничать съ Бордо. Нашъ новый способъ лишаетъ ихъ всего. Однимъ ударомъ мы уничтожимъ торговлю Нанта!

— Чортъ возьми! прервалъ Шодьé:—а я изъ Нанта!

— Полноте, вы шутите, что̀ за патріотизмъ! Наше отечество — земля, которая насъ кормитъ. Мы уничтожимъ также торговлю Марселя.

— И Марселя?

— Да. По-крайней-мѣрѣ, мы сдѣлаемъ его второстепеннымъ.

Digitized by Google

Оставимъ Марселю Египетъ, Востокъ, Средиземное-Море; а у Бордо будетъ Америка, Антильскіе-Острова и Океанъ! Мы уничтожаемъ Гавръ.

— Да вы рѣшительно всѣхъ уничтожаете?

— Любезный господинъ Шодьé! въ политическихъ, военныхъ и торговыхъ дѣлахъ, можно слить всѣ правила въ одно: убивай сегодня, чтобъ не быть убитымъ завтра. Весь міръ — вѣчная арена соперничества! Дуракъ тотъ, кто на поединкѣ стрѣляетъ въ воздухъ. Но обратимся къ другому; положимъ, что вы имѣете виды на колоніальные товары, и если посредствомъ нашихъ пароходовъ вы можете значительно уменьшить цѣну, хоть, на-примѣръ, на мартиникскій сахаръ, то остановитесь ли вы, когда это пониженіе цѣны нанесетъ страшный ударъ промышлености сѣверныхъ департаментовъ? Вы, вѣрно, объ этомъ и не подумаете, не-правда-ли?.. Именно, лучше заботиться о собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о ходѣ дѣлъ чужихъ сахарныхъ заводовъ.

— Вы правы; мнѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

— Я замѣтилъ вамъ объ этомъ такъ, мимоходомъ, къ слову, пропуская множество частностей. А сколько можетъ быть другихъ, болѣе важныхъ случаевъ! Возьмите, на-примѣръ, колонизацію Гвіаны: она сдѣлается французскою Индіею. Алжиръ, на который тратятъ такія огромныя суммы, ни къ чему не служитъ, между-тѣмъ, какъ Гвіана можетъ принести огромныя выгоды своей богатой почвой; нужно только людей. Доходы будутъ отъ двадцати до двадцати-пяти на сто. Не-правда-ли, это порядочно?

— Не только-что порядочно, даже прекрасно, отвѣчалъ Шодьé довѣрчиво.—Судя по тому, что вы мнѣ сказали, можно ожидать отъ вашего предпріятія огромнаго успѣха. Это, просто, счастіе — быть членомъ такого общества.

Лабуасьеръ вздохнулъ радостно. Онъ ужь видѣлъ, какъ банковые билеты изъ кармана довѣрчиваго акціонера переходятъ въ огромный портфѣль его. Не медля болѣе, онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— И такъ, вы говорили, что вамъ угодно взять акцій на пятьдесятъ тысячъ франковъ...

— Извините, мы совсѣмъ объ этомъ не говорили, отвѣчалъ равнодушно Шодьé.

— Мнѣ кажется, что вы сами упомянули вчера эту сумму.

— Вчера? можетъ-быть.

— Такъ вы перемѣнили намѣреніе?

— Намѣренія не перемѣнилъ; но, можетъ-быть, перемѣню слова.

— Скажите же, пожалуйста, сколько вамъ угодно акцій, болѣе или менѣе?

Digitized by Google

— Ни болѣе, ни менѣе, отвѣчалъ Шодьé.

— Какъ такъ?

— Я не беру ни одной.

Заключеніе было такъ неожиданно, что, не смотря на все умѣнье владѣть собою, пріобрѣтенное безпрестанными интригами, Лабуасьеръ невольно зашевелился въ креслахъ; впрочемъ, онъ тотчасъ же оправился и спросилъ Шодьé насмѣшливымъ тономъ:

— Кажется, вы все раздумали въ эту ночь?

— Вы угадали, я раздумалъ ночью.

— Вѣрно по совѣтамъ госпожи Бальёль? возразилъ Лабуасьеръ.

— Нѣтъ, госпожа Бальёль мнѣ ничего не совѣтовала.

Раздосадованный спекуляторъ началъ щипать усы и нахмурилъ брови. — Ну, объ этомъ я еще справлюсь! сказалъ онъ свирѣпо, въ полголоса.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Шодьé, не показавъ вида, что понялъ весь обидный смыслъ его послѣднихъ словъ.

— Я нахожу, что ваши мнѣнія весьма-скоро перемѣняются. Вы прямо отъ бѣлаго переходите къ черному. Но окончимъ это, сказалъ Лабуасьеръ съ притворной улыбкой, чтобъ скрыть свою досаду. — Позвольте лучше узнать цѣль вашего посѣщенія?

— Двѣ, отвѣчалъ Бенуа Шодьé съ непоколебимымъ хладнокровіемъ:—первая та, что, три мѣсяца тому назадъ, господинъ Бальёль взялъ у васъ на десять тысячъ франковъ акцій; теперь эти акціи принадлежатъ мнѣ, то-есть, онъ переписалъ ихъ на мое имя; а я, какъ уже сказалъ вамъ, не имѣю желанія участвовать въ вашемъ предпріятіи; и какъ оно, судя по собственнымъ словамъ вашимъ, въ большомъ ходу, то вы, вѣроятно, не откажетесь промѣнять мнѣ эти десять акцій на десять тысячъ франковъ.

— Вы говорите, сказалъ Лабуасьеръ, съ изумленіемъ глядя на человѣка, сдѣлавшаго ему столь странное и неожиданное предложеніе: — что...

— Я говорю, перебилъ Шодьé:—что имѣю десять акцій въ своемъ бумажникѣ, а въ вашемъ вижу гораздо-больше векселей, чѣмъ стоятъ эти акціи. Итакъ, нѣтъ ничего легче, какъ размѣняться.

Лабуасьеръ съ громкимъ хохотомъ повалился на спинку креселъ.

— Любезный господинъ Шодьé, сказалъ онъ, переводя дыханіе:—я зналъ, что вы прекрасный человѣкъ, чудесно красите рѣшетки, прекрасный садовникъ и, думаю, мастерски играете въ домино, но я никакъ не подозрѣвалъ въ васъ другихъ качествъ. Знаете ли, что вы чрезвычайно-хорошо умѣете дурачить? Жалко, право, что вамъ не суждено быть актёромъ! Въ роли Арналя, вы имѣли бы большой успѣхъ.

Digitized by Google

Бенуа Шодьé улыбнулся едва-замѣтно.

— Мы послѣ поговоримъ о десяти тысячахъ франкахъ, сказалъ онъ: — а теперь, не угодно ли будетъ вамъ выслушать вторую причину моего посѣщенія?

— Извольте, извольте! Случаи посмѣяться отъ души такъ рѣдки! Вы же вѣрно послѣдуете законамъ возрастающаго порядка; слѣдовательно, можно надѣяться, что и второй нумеръ будетъ не скучнѣе перваго?

— Вы сами это увидите, отвѣчалъ Шодьé, котораго холодная физіономія такъ не гармонировала съ нѣжнымъ смѣхомъ дѣловаго человѣка. — У васъ сорокъ-три письма госпожи Бальёль; я прошу васъ отдать ихъ мнѣ.

— А! вотъ и разгадка, вскричалъ съ движеніемъ Лабуасьеръ.— Я былъ увѣренъ, что госпожа Бальёль схватится за это! Бѣдная женщина! Такъ она хочетъ войны, — пожалуй!

Лицо его, обезображенное яростію, вдругъ приняло этотъ гордый и холодный видъ, который часто принимаютъ забіяки, хотя они задѣты сами.

— Господинъ Шодьé, ваше первое требованіе казалось мнѣ ничтожною шуткою, и я только отъ души посмѣялся надъ нимъ; но послѣднее,.. Можетъ-быть, вы не подумали о послѣдствіяхъ такого порученія госпожи Бальёль?

— Госпожа Бальёль не дѣлала мнѣ никакихъ порученій.

— Развѣ не она вамъ говорила о своихъ письмахъ?

— Ни слова!

— Кто жь могъ вамъ сказать?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Такъ позвольте и мнѣ съ своей стороны подумать о вашемъ молчаніи что мнѣ будетъ угодно. Вы говорите, что дѣйствуете отъ собственнаго имени?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ мой отвѣтъ: хотя вы и зять госпожи Бальёль, но это не даетъ вамъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла, которыя касаются только до нея. Итакъ, я не даю писемъ! Что же касается до другаго, то я продаю свои акціи, а не покупаю ихъ.

— Я ожидалъ этого отказа, отвѣчалъ Шодьé: — и потому принялъ мѣры, чтобъ заставить васъ согласиться.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! а какія, позвольте узнать?

— Вы ихъ узнаете, если выслушаете меня съ небольшимъ вниманіемъ.

— Я готовъ, хоть до вечера. Право, чрезвычайно-любопытно

Digitized by Google

узнать, какъ вы заставите меня сказать: да, или нѣтъ. Не будетъ ли безпокоить васъ дымъ моей сигары?

— Нѣтъ, отвѣчалъ отрывисто Шодьé.

Лабуасьеръ закурилъ сигару, сложилъ на колѣняхъ полы своего халата, отодвинулъ немного кресла, повалился въ нихъ, и спокойно положилъ обѣ ноги на бюро. Въ такомъ учтивомъ положеніи, онъ пустилъ струю дыма, и сказалъ съ нахальной улыбкой:

— Теперь, мой почтеннѣйшій, извольте говорить, я слушаю въ оба уха.

VIII.

Бепуа Шодьé, посмотрѣвъ нѣсколько времени на спекулятора, началъ тихимъ и спокойнымъ тономъ:

— Когда вы развивали вашу замысловатую теорію, то вѣрно думали, что объясняете ее человѣку совершенно-незнакомому съ этимъ предметомъ: вы ошиблись. Разумѣется, въ коммерческихъ спекуляціяхъ я не такой знатокъ, какъ вы, но могу сказать, что и не совершенный невѣжда. Доказательствомъ тому можетъ послужить бывшее, четыре года назадъ, тѣсное знакомство мое съ однимъ коммерческимъ домомъ, который имѣлъ огромные обороты; его составляли господа Ру и Жоберъ съ компаніей.

При этихъ словахъ, сильное движеніе Лабуасьера отодвинуло кресла назадъ, и ноги его, потерявъ опору, свалились на полъ.

— Однажды, продолжалъ Шодьé, зорко слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ своего слушателя:—это было 30 апрѣля 1832 года, неизвѣстный намъ человѣкъ явился въ контору для полученія нѣкоторой суммы, по билету, переведенному на насъ домомъ Рюля и Дентцеля, въ Страсбургѣ.

Спекулятюръ потупилъ глаза.

— Хотя мы не получили никакого предварительнаго письма отъ нашихъ корреспондентовъ, продолжалъ Шодьé:—но билетъ уплатили. Что жь? билетъ былъ поддѣльный; на это мы получили довольно неоспоримыхъ доказательствъ. Правда, это точно было заемное письмо дома Рюля и Дентцеля, оно имѣло даже его гербъ; но подпись была поддѣльная. Подозрѣніе нашихъ корреспондентовъ тотчасъ же пало на одного молодаго человѣка, который, послѣ кратковременнаго занятія въ конторѣ, по случаю довольно-важной пропажи, былъ изъ нея исключенъ. Этотъ молодой человѣкъ назывался Шабо; но онъ имѣлъ еще другое имя... Вы погасите сигару...

Digitized by Google

Лабуасьеръ, дыханіе котораго, казалось, замерло послѣ этого замѣчанія разскащика, началъ-было сильно раскуривать свою сигару; но было уже поздно: она потухла.

— Не смотря на тройную поддѣлку подписей Рюля и Дентцеля и росписку извѣстнаго вамъ просителя, именемъ Фридриха Боне, и содержаніе акта и подписи были одной руки; сравнивая потомъ этотъ явно-ложный билетъ со многими бумагами Шабо, мы легко замѣтили рѣшительное сходство почерковъ. Ясно, что Шабо, совершенно-изучившій подпись торговаго дома, въ которомъ служилъ, составилъ это заемное письмо и, можетъ-быть, еще много другихъ, которыя ему было легко захватить, и потомъ началъ требовать по нимъ уплаты въ Парижѣ. Между-тѣмъ, освѣдомились о мѣстѣ жительства такъ-называемаго Боне; что жь? и тутъ вышелъ обманъ. Въ упомянутомъ домѣ вовсе не существовало такой фамиліи. Такимъ образомъ, простыли слѣды и представителя и его поддѣлывателя. Скоро новыя дѣла заставили забыть это происшествіе. Выданную сумму записали въ расходъ и перестали о ней думать. Только два лица видѣли Шабо въ то время, когда онъ является въ улицѣ Клери: одинъ былъ кассиръ Бланкаръ, нынѣшній чиновникъ казначейства, другой—товарищъ торговаго дома. Эти два человѣка, изъ которыхъ послѣдній былъ я, старались самымъ тонкимъ образомъ узнать, кто былъ дѣйствительный представитель фальшиваго письма? ..

Спекуляторъ крестообразно сложилъ на груди руки, и судорожно сосалъ уже давно-потухшую сигару.

— Наконецъ, мы узнали, продолжалъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ Шодьé:—что этотъ Боне, этотъ Шабо, который имѣетъ еще другое имя, наконецъ этотъ мошенникъ—вы!

Лабуасьеръ собралъ всю свою силу, чтобъ встрѣтить этотъ столь же нежданый, сколько неизбѣжный ударъ. Въ порывѣ негодованія, онъ бросился съ креселъ, остановивъ на своемъ обвинителѣ ужасный взглядъ.

— Это подлая клевета! вскричалъ онъ:—низкая ложь, и вы своею жизнію заплатите за обиду!

— Не думаю. Дайте мнѣ окончить. Я не хочу знать того, что вы сдѣлали 30 апрѣля 1832 года и какимъ образомъ, спустя годъ, успѣли пріобрѣсть расположеніе моего тестя. Происшествія вашей жизни могутъ отвлечь насъ отъ прямаго разговора; да притомъ, здѣсь совсѣмъ-безполезно говорить о времени, предшествовавшемъ моей женитьбѣ. Начнемъ съ того, когда я женился на дѣвицѣ Бальѣль. Тогда вы находились въ Бордо, подъ предлогомъ составленія тамъ пароходнаго общества. Послѣ вашего пріѣзда, первая наша встрѣча была у моего тестя. У меня прекрасная память: ваше ли-

Digitized by Google

но тотчасъ же бросилось мнѣ въ глаза; я вспомнилъ все прошедшее и узналъ васъ.

— Подлая ложь, говорю я вамъ!

— Я васъ такъ хорошо узналъ, что съ этой минуты не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Ваше имя еще болѣе доказало мнѣ, что я не ошибся. Чрезъ господъ Рюля и Дентцеля мнѣ удалось узнать, что человѣка, ими подозрѣваемаго, зовутъ Шарль-Луи-Гюставъ-Шабо-Лабуасьеръ. Въ Страсбургѣ, васъ просто называли Шабо; но, разсудивъ, что надо дать отставку этому имени, вы назвались Лабуасьеромъ; это похоже на то, какъ въ сраженіи бросаютъ убитую подъ собою лошадь, чтобъ сѣсть на другую, еще здоровую.

— Хорошо! хорошо! проговорилъ спекуляторъ дрожащимъ голосомъ:—ругайтесь надо мною! Когда вы кончите, мы разсчитаемся.

— Еслибъ я послѣдовалъ минутному побужденію, то обличилъ бы васъ въ ту же минуту, возразилъ Шодье, вовсе несмущенный угрозою: — но я не имѣю привычки дѣйствовать такъ... какъ-нибудь; а потому и рѣшился говорить только теперь, когда получилъ неоспоримыя доказательства. Вотъ два года, какъ я оставилъ домъ Ру и Жобера, которые переѣхали въ Марсель. Получивъ должныя свѣдѣнія, я тотчасъ отправилъ письмо къ Франсуа Жоберу, у котораго и были ваши фальшивые билеты. Онъ былъ тогда въ Италіи, а потому и не могъ скоро прислать мнѣ ихъ. Такимъ образомъ, прошло пять мѣсяцовъ. Во все это время, я долженъ былъ принимать у себя, сажать за свой столъ человѣка, къ которому семейство жены моей было такъ привязано, не подозрѣвая нисколько, что этотъ человѣкъ—бездѣльникъ.

— Мерзавецъ! воскликнулъ Лабуасьеръ, бросясь на разскащика.

Шодье хладнокровно отвелъ руку, поднятую для удара; и, заставивъ сѣсть своего противника, такъ сильно сжалъ ему кисть, что отнялъ всякую охоту вторично подвергнуться этой пыткѣ.

— Будьте терпѣливѣе, я оканчиваю. Письмо, котораго ожидалъ я, чтобъ обличить васъ, я получилъ вчера, и вы потрудились сами принести его мнѣ. Франсуа Жоберъ, возвратившись изъ путешествія, прислалъ мнѣ эти векселя. Они у меня здѣсь, въ бумажникѣ, и если вы не исполните моего требованія, увѣряю васъ, что, вышедши отсюда, я представлю ихъ королевскому прокурору.

Пораженный Лабуасьеръ угрюмо задумался.

— Во сколько вы цѣните эти бумаги? спросилъ онъ наконецъ съ досадою.

— Отдайте десять банковыхъ билетовъ въ замѣнъ моихъ десяти акцій, и сорокъ-три письма госпожи Бальёль въ замѣнъ вашихъ векселей.

Спекуляторъ взялъ изъ своего портфеля десять банковыхъ биле-

Digitized by Google

товъ, въ тысячу франковъ каждый и, вынувъ изъ маленькаго ларчика связку писемъ, молча отдалъ все Бенуа Шодье.

— Позвольте мнѣ пересчитать ихъ, сказалъ послѣдній, принявъ кипу записокъ.

Лабуасьеръ горько улыбнулся, какъ человѣкъ жестоко-обиженный, но неимѣющій права обнаруживать своей обиды.

— Сорокъ-три, точно! сказалъ Шодье, внимательно пересчитавъ связку.—Теперь, сдѣлайте милость, положите всѣ эти письма въ пакетъ и приложите къ нему печать свою.

— Къ чему такая предосторожность? спросилъ Лабуасьеръ, взявъ, однако, съ бюро большой листъ бумаги.

— Я не хочу, чтобъ госпожа Бальёль подумала, когда я возвращу ей эти письма, что я хоть на минуту заглянулъ въ нихъ.

Несопротивляясь требованію, котораго деликатность очень-мало занимала его, старинный любовникъ сорока-пяти-лѣтней женщины завернулъ всю нѣжную переписку, приложилъ, по желанію господина Шодье, печать къ пакету и, присоединивъ къ нему десять банковыхъ билетовъ, которые Бенуа положилъ покуда на бюро, онъ вторично вручилъ ему все это. Бенуа, въ свою очередь, вынулъ изъ порфѣля акціи невзрываемыхъ пароходовъ и фальшивые векселя. Размѣнъ былъ произведенъ въ молчаніи съ обѣихъ сторонъ. Между-тѣмъ, какъ мужъ Адольфины спокойно клалъ въ карманъ переписку и банковые билеты, Лабуасьеръ, угрюмо посмотрѣвъ на бумагу, которая стоила ему такъ дорого, зажегъ свѣчу и поднесъ къ ней векселя; вскорѣ, вмѣсто бумаги, осталась одна зола, и ту спекулянтъ растеръ по полу; ему казалось, что одинъ огонь не въ состояніи былъ истребить ужаснаго подлога.

Видя уничтоженными доказательства своего преступленія, Лабуасьеръ испустилъ какой-то дико-радостный вздохъ, потомъ поднялъ голову и яростно взглянулъ на человѣка, котораго обвиненіе болѣе не страшило его.

— Прежде, чѣмъ вы уйдете отсюда, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ:—мы немного разсчитаемся. Ваше оружіе?

Шодье спокойно улыбнулся.

— Я ожидалъ отъ васъ этого вызова, отвѣчалъ онъ: — но вы лучше бы сдѣлали, еслибъ не предлагали его, потому-что я вовсе не намѣренъ его принимать.

— Такъ вы отказываетесь стрѣляться?

— Отказываюсь!

— И думаете, что я не въ силахъ принудить васъ, вскричалъ Лабуасьеръ сардоническимъ тономъ:—удовлетворить меня за смертельную обиду? Да вы съ ума сошли, любезный! Мы будемъ драться не только въ скоромъ времени, не только завтра, но сегодня

Digitized by Google

же. И такъ, соглашайтесь безпрекословно, если не хотите, чтобъ я наказалъ васъ, какъ подлаго труса.

— Я совѣтовалъ бы вамъ быть поосторожнѣе и не позволять себѣ ничего лишняго, иначе я могу, въ другой разъ, потерять терпѣніе и тогда выброшу васъ, пожалуй, на улицу, не сходя съ лѣстницы. Вѣдь вы живете въ третьемъ этажѣ, — прыжокъ можетъ быть опасенъ.

При этихъ словахъ, Шодьé опустилъ на колѣни жилистыя руки, загорѣлыя отъ сельскихъ работъ. Это движеніе умѣрило ярость Лабуасьера; видя, что удача борьбы сомнительна, онъ презрительно скрестилъ руки и воскликнулъ:

— Я говорю вамъ, какъ благородный человѣкъ, а вы мнѣ отвѣчаете, какъ дряпь, какъ ветошникъ!

— Ветошникъ стоитъ джентльмена, дѣлающаго фальшивые векселя.

— Послушайте, возразилъ Лабуасьеръ, поблѣднѣвъ отъ злости: — мы здѣсь одни, но вы трусъ, и потому я не хочу напрасно терять удара. Сегодня я ничего не сдѣлаю; но въ первый разъ, какъ только мы встрѣтимся при постороннихъ, не подходите ко мнѣ близко, или я сломаю трость объ вашу голову. Посмотримъ, какъ тогда вы откажетесь отъ дуэли?

— Тогда я съ вами раздѣлаюсь, и все-таки не на дуэли, сказалъ Шодьé съ величайшимъ хладнокровіемъ.—Еслибъ вы были дуэлистъ, я, можетъ-быть, имѣлъ бы столько глупости, что подвергнулъ бы жизнь свою опасности, но вы плутъ, и я не вижу никакой необходимости, не имѣю ни малѣйшей охоты ставить себя на ряду съ вами.

— Чего жь вы хотите? Чтобъ я васъ просто убилъ? воскликнулъ Лабуасьеръ, озлобленный столь оскорбительнымъ отказомъ.

— Это меня нисколько не безпокоитъ, возразилъ Шодьé съ насмѣшкой.— Чтобъ вызвать на дуэль человѣка, извѣстнаго миролюбивымъ характеромъ, на это не нужно большаго героизма, особенно, когда вы десять лѣтъ учились фехтовать и въ тридцати шагахъ можете, чрезъ два раза въ третій, попасть въ центръ мишени; но чтобъ убить человѣка, надобно нѣсколько мужества; правда, вы не побоялись галеръ, однакожь не думаю, чтобъ вы не испугались гильйотины.

Шодьé всталъ, взялъ шляпу и не поклонясь хозяину, пошелъ къ дверямъ.

— До завтра! воскликнулъ Лабуасьеръ рѣзкимъ и прерывистымъ голосомъ, бросясь къ нему:—я обѣдаю у вашего тестя, вы у него будете, и здѣсь-то, въ присутствіи вашего семейства, я дамъ вамъ пощечину, плюну вамъ въ лицо; клянусь пятью-стами тысячь дья-

Digitized by Google

воловъ, я исполню это! Не надѣйтесь на ваши огромные кулаки: у меня будетъ оружіе, и при первомъ вашемъ движеніи, я пущу вамъ кровь!

— Благодарю за предостереженіе, сказалъ Шодьé безпечно.

— До завтра! повторилъ Лабуасьеръ голосомъ, въ которомъ ясно выражалась готовность отплатить кровію за стыдъ свой.

IX.

Оставивъ Лабуасьера, Бенуа Шодьè тотчасъ же отправился на свою дачу; по пріѣздѣ, первымъ дѣломъ его было завернуть въ маленькую гостиную, о которой мы ужь говорили. Въ ней онъ нашелъ тестя за ломбернымъ столомъ, обращеннымъ въ письменный, на которомъ добрякъ изготовилъ уже нѣсколько писемъ; пашелъ и госпожу Бальёль, которая, развалившись на подушкахъ дивана, казалась изнеможенною. Озабоченное и безпокойное лицо ея не скрывало болѣе, что ей сорокъ лѣтъ.

При видѣ своего зятя, старикъ всталъ поспѣшно.

— Наконецъ-то вы пріѣхали, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—признаться, прекрасный молодой человѣкъ!

— А что такое? спросилъ Шодьé.

— А вотъ что! Предъ отъѣздомъ въ городъ, вы взяли у меня мои акціи и велѣли написать на нихъ передачу, сказавъ, что госпожа Бальёль на то согласна, а теперь меня же бранятъ за это, какъ-будто я могъ угадать, что вы просто меня обманываете! Другъ мой! пусть онъ объяснится съ тобой, сказалъ старикъ, обращаясь къ женѣ. — Шодьè! скажите теперь, не говорили ль вы мнѣ, что это дѣло кончено между вами и госпожею Бальёль?

— Да, говорилъ, отвѣчалъ откровенно молодой человѣкъ.

— Какъ же вы могли увѣрять, что я съ вами согласилась? возразила съ гнѣвомъ теща.

— Вы и не соглашались, отвѣчалъ Шодьè смѣясь.

Мужъ и жена взглянули другъ на друга съ удивленіемъ и безпокойнымъ любопытствомъ.

— Вѣрно, онъ въ Парижѣ въ другой разъ сегодня позавтракалъ, подумалъ старикъ: — и эта лисица Лабуасьеръ напоилъ его, чтобъ легче содрать шкурку.

— Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, что все это значитъ? сказала госпожа Бальёль, которая, говоря о дѣлахъ мужа, выражалась всегда въ первомъ лицѣ единственнаго числа.

— Съ удовольствіемъ, возразилъ Шодьé:—дѣло въ томъ, что мнѣ

Digitized by Google

нельзя было располагать этими акціями, не разділавшись съ ихъ пріобрѣтателями; и для того, чтобъ убѣдить господина Бальёля, я рѣшился лучше всего говорить съ нимъ отъ вашего имени.

— Такъ вы ужь распорядились этими акціями? спросила госпожа Бальёль съ безпокойствомъ.

— Да, я позволилъ себѣ эту смѣлость, отвѣчалъ смѣясь Шодьё.

— Вѣрно вино придало ему эту смѣлость, сказалъ про-себя старикъ: — я его никогда такимъ не видывалъ.

— Кончимте, пожалуйста, возразила госпожа Бальёль строгимъ тономъ, отъ котораго вздрогнулъ мужъ:—скажите, что за важныя причины заставили васъ взять эти акціи?

— У меня не было никакихъ важныхъ причинъ, а просто замѣчанія моего тестя на-счетъ нѣкоторыхъ предпріятій показались мнѣ сегодня утромъ очень уважительными, хотя вчера я и не соглашался съ ними. Вотъ почему теперь, вмѣсто того, чтобъ брать у Лабуасьера новыя акціи, я отдалъ ему и старыя.

— И онъ согласился взять ихъ назадъ? воскликнули мужъ и жена.

— Безъ-сомнѣнія! вотъ и капиталъ!

Шодьё вынулъ изъ кармана десять банковыхъ билетовъ и бросилъ ихъ на карточный столъ.

Господинъ Бальёль поспѣшно протянулъ руку къ дорогому пакету.

— Какъ вамъ удалось выхватить его изъ когтей Лабуасьера? воскликнулъ старикъ весело. — И онъ не противился этому?

— Разумѣется, противился; но наконецъ мы согласились. Вотъ ваши десять тысячь франковъ; если вамъ угодно, отдайте ихъ мнѣ въ счетъ приданаго Адольфины; а если хотите отдать все разомъ, то я могу подождать.

— Это мы устроимъ послѣ, сказалъ господинъ Бальёль, не смѣя безъ жены дать свое рѣшеніе. Прежде всего, любезный Бенуа, прошу простить меня за дурную мысль объ васъ. Представьте, я думалъ, что вы надѣлали глупостей, вмѣшавшись въ дѣла этого говоруна Лабуасьера; но теперь я вижу, что вы же провели его. Каковъ хитрецъ, а вѣдь кажется такимъ смиренникомъ!

Старикъ сильно обрадовался банковымъ билетамъ, но замѣтивъ, что веселость его не одобряется хозяйственною властію, замолчалъ, робко поглядывая на жену, какъ-бы испрашивая позволенія быть довольнымъ.

Съ самаго начала объясненія Шодьё, госпожа Бальёль не проговорила ни слова; однакожь, во все это время ни на минуту не сводила съ зятя своего испытующихъ взоровъ; безмолвное рѣшеніе мужа вывело ее изъ забвенія.

Digitized by Google

— Написали ли вы? спросила она съ принужденнымъ равнодушіемъ.

— Осталось надписать только адресы, отвѣчалъ господинъ Бальёль.

— Я напишу ихъ. А вы, между-тѣмъ, скажите Жаку, чтобъ онъ приготовился отнести эти письма въ городъ.

— Что это за циркулярныя письма? спросилъ Шодьé, разсматривая бумаги на зеленомъ сукнѣ стола.

— Вы вѣдь знаете, что мы завтра приглашали къ себѣ изъ города человѣкъ десять гостей, отвѣчалъ тесть: — но какъ жена моей не поздоровилось, то она и рѣшилась послать всѣмъ отказъ.

— Я васъ, кажется, просила сходить за Жакомъ, сказала хозяйка дома.

— Сейчасъ, мой другъ, сейчасъ! отвѣчалъ добрякъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Лишь-только онъ вышелъ, госпожа Бальёль сѣла за конторный столъ, не обращая никакого вниманія на своего зятя. Потомъ, написавъ два или три адреса, она взглянула на него разсѣянно и сказала такимъ тономъ, какъ-будто говорила о перемѣнѣ погоды:

— И такъ, вы видѣли господина Лабуасьера?

— Да, я только-что отъ него, отвѣчалъ Шодьé такимъ же тономъ.

— Когда вы ему предложили размѣнъ, онъ не дѣлалъ никакихъ возраженій?

— Я всѣ ихъ опровергнулъ.

— Не можете ли сказать, какимъ образомъ?

— Что за дѣло до средствъ, когда цѣль достигнута.

Госпожа Бальёль наклонилась къ столу и опять написала два или три адреса.

— Не говорили ль вы съ нимъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ акцій? спросила она, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Да, мы говорили и о другихъ вещахъ.

— И вѣроятно ничего незначащихъ... нисколько не стоящихъ моего любопытства?

Шодьé взглянулъ на тёщу: лицо ея, не смотря на всѣ усилія, обнаруживало чрезвычайное смущеніе. Онъ сжалился надъ ней, вынулъ изъ кармана письма, которыя такъ ее безпокоили, и не говоря ни слова, положилъ ихъ на столъ.

Удивленная этимъ, госпожа Бальёль взяла пакетъ. Не видя адреса, она взглянула на печать, и узнала, что пакетъ отъ Лабуасьера. При этомъ открытіи, она испустила глухой стонъ, и потомъ, опомнившись, быстро разорвала конвертъ — по столу разсыпались письма ея къ Лабуасьеру. Видя себя спасенною, она то

Digitized by Google

краснѣла, то блѣднѣла и чуть-чуть не упала въ обморокъ; но крѣпкое здоровье не допустило ея до того. Вскорѣ, глаза ея заблистали радостію, она встала, схватила обѣ руки своего зятя и крѣпко, крѣпко сжала ихъ.

— Вы мой спаситель! я обязана вамъ болѣе, чѣмъ жизнію, проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Спрячьте все это; можетъ войдти вашъ мужъ, сказалъ онъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ.

Госпожа Бальёль собрала письма, и ужь хотѣла спрятать ихъ, какъ вдругъ, будто пораженная внезапнымъ страхомъ, она остановилась и начала считать ихъ.

— Не безпокойтесь, сказалъ зять, они тутъ всѣ.

— Всѣ!?

— Сорокъ-три.

— Вы считали? спросила она стыдливо.

— Только-что сосчиталъ; эта печать ясно показываетъ, что я принялъ чрезвычайныя предосторожности отъ своего любопытства, и оно не могло увлекаться слишкомъ-далеко.

— Вы благороднѣйшій, великодушнѣйшій человѣкъ! Никогда не прощу себѣ своего прежняго обращенія съ вами. Я сомнѣвалась въ васъ, а вы, между-тѣмъ, такъ скромно оказали мнѣ услугу, за которую я готова была пожертвовать своею жизнію.

— Вы можете отплатить мнѣ гораздо-дешевле, сказалъ Шодьё.

— О, говорите! воскликнула поспѣшно госпожа Бальёль, угрюмый и властительный видъ которой, казалось, совсѣмъ исчезъ отъ чувства благодарности.

— Я замѣчаю, что вамъ лучше; вы проведете эту ночь спокойно, и завтра будете совсѣмъ здоровы. Сдѣлайте милость, не отказывайте обѣда.

— Госпожа Бальёль взяла письма съ отказами, и тотчасъ разорвала ихъ.

— Это глупость, сказала она:—требуйте отъ меня важнѣйшихъ услугъ; словомъ: дайте мнѣ случай доказать, что при несносномъ моемъ характерѣ, я не чужда благодарности.

— Вотъ и Жакъ, воскликнулъ господинъ Бальёль, неожиданно войдя въ комнату; но онъ невольно остановился, увидѣвъ, что письма, стоявшія ему двухчасовой работы, клочками валялись по полу.

— Вѣрно они дурно написаны, сказалъ онъ, плачевно глядя на жену свою: — однакожь я прилагалъ все свое стараніе...

— Кто вамъ говоритъ объ этомъ? возразила госпожа Бальёль, принявъ въ разговорѣ съ мужемъ прежній топъ. Просто, я перемѣнила намѣреніе, обѣдъ состоится.

Digitized by Google

— Но, мой милый другъ! при твоей слабости, это неосторожно...

— Мнѣ лучше.

— Ты только такъ думаешь; но на самомъ дѣлѣ...

— Я вамъ говорю, что мнѣ лучше.

— Очень-радъ, если это правда; но мнѣ кажется невозможно, чтобъ...

— Боже мой, господинъ Бальёль, вы, кажется, рѣшительно хотите, чтобъ я сдѣлалась снова больна; если вамъ это угодно, продолжайте... Повторяю вамъ, я совсѣмъ здорова, и нашъ завтрашній обѣдъ не будетъ отложенъ ни на одинъ день. Теперь, пожалуйста, скажите Жаку, что мы вечеромъ ѣдемъ въ Парижъ, и чтобъ къ семи часамъ у него была готова карета.

Господинъ Бальёль, считая излишнимъ дальнѣйшее сопротивленіе, тотчасъ же вышелъ исполнить новое приказаніе.

— Теперь, когда мы спокойны на-счетъ этого дѣла, сказала сорока-пяти-лѣтняя женщина, которой любопытство возрастало вмѣстѣ съ бодростію:— откройте мнѣ, что̀ происходило между вами и Лабуасьеромъ; скажите, какимъ образо̀мъ вы усмирили этого безжалостнаго наглеца?

— Къ чему говорить о томъ, что̀ можетъ пробудить въ васъ горестныя воспоминанія! возразилъ важно Шодье́:—первое и главное условіе, чтобъ между нами все непріятное было забыто. Что̀ до меня, я ничего не помню. Вы мать моей жены, и потому, какъ вы мнѣ говорили еще сегодня утромъ, я васъ долженъ любить и уважать; но главное — мы освободились отъ весьма-опаснаго человѣка.

Несговорчивый зять отмстилъ, можетъ-быть, за худое съ нимъ обращеніе госпожи Бальёль, сказавъ ей безъ жалости: «тотъ, кого вы любили, достоинъ галеры!» Но, руководимый благородствомъ, которое составляетъ главную черту характеровъ сильныхъ, онъ остерегся отъ всякаго намека, могущаго увеличить униженіе его тёщи.

— И такъ, я надѣюсь, что все кончено! воскликнула госпожа Бальёль, раскраснѣвшимся лицомъ. — Хоть онъ и приглашенъ на завтрашній день, но вѣрно не пріѣдетъ.

— Пріѣдетъ, отвѣчалъ Шодье́.

— Ка̀къ! онъ осмѣлится!.. вскричала она.

— Да, осмѣлится: у него достанетъ столько наглости. Но будьте спокойны, я все время буду возлѣ него, и что̀ бы ни случилось, все беру на себя.

Не прошло еще и получаса, какъ обращеніе тёщи и зятя совершенно перемѣнилось. Шодье́, которому наканунѣ покорность казалась врожденною, теперь говорилъ тономъ человѣка, рѣшившаго-

Digitized by Google

ся быть властелиномъ во что бы то ни стало. Съ другой стороны, госпожа Бальёль, вовсе нетерпѣвшая противорѣчій, требовавшая отъ каждаго члена своего семейства точнаго исполненія своихъ приказаній, теперь, въ первый разъ, слушала другаго, не только безъ противорѣчій, но даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Это одно могло произвести чрезвычайные перевороты въ домашнемъ быту, и нельзя было думать, чтобъ госпожа Бальёль не замѣтила опасности, которой подвергалась власть ея.

Изумленная увѣренностію, съ какою говорилъ ея зять, она бросила на него быстрый, испытующій взглядъ, и смутилась, встрѣтивъ во всемъ выраженіе сильной, непоколебимой воли; она растерялась, какъ неопытный плаватель, который, поплававъ смѣло на стоячей водѣ, вдругъ почувствовалъ себя вовлеченнымъ въ ужасную быстрину.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказала она съ принужденною улыбкою, немного оправившись:—я васъ не узнаю, привыкнувъ видѣть всегда тихимъ, скромнымъ, молчаливымъ.

— Мокрой курицей? сказалъ Шодье довольно-ироническимъ тономъ.

— Я этого не говорила.

— Но думали, если еще не хуже. Что жь дѣлать, любезная матушка! день на день не приходитъ.

— Но характеры не мѣняются въ-минуту.

— Мой характеръ и не перемѣнился: я вчера былъ тотъ же, что и сегодня.

— Что вы ни говорите, но въ васъ два человѣка: одинъ мнѣ кажется вовсе новымъ, — и весьма-загадочнымъ.

— И вамъ хочется разгадать его?

— Я женщина, отвѣчала госпожа Бальёль, стараясь улыбкой скрыть боязнь свою.

— А я мужчина, возразилъ Шодье самымъ рѣшительнымъ тономъ: — повторю еще, что я мужчина, а не автоматъ,—вотъ вамъ и отгадка. Теперь, когда вы узнали меня, мое внезапное повѣленіе кажется вамъ страннымъ: коротко объясню вамъ причины его. Я ни герой, ни ученый; у меня мало ума, вовсе нѣтъ талантовъ, но тѣмъ не менѣе я честный человѣкъ, другъ справедливости и рабъ своихъ обязанностей. Женившись, я вполнѣ постигъ всю важность новаго союза и рѣшился составить счастіе жены своей, жить въ согласіи съ ея семействомъ; но,— простите за откровенность,— мое радушное обхожденіе было принято дурно и вами и Адольфиной. Про господина Бальёль я ничего не смѣю говорить: онъ добрѣйшій человѣкъ. Но вы, отъ которыхъ зависѣло все мое домашнее счастіе, вы мнѣ отказали во всякой помощи. Изъ своихъ

Digitized by Google

вниманіемъ, ни обращеніемъ, ни услужливостью не могъ я пріобрѣсть вашего расположенія, а жена моя строго слѣдовала вашей политикѣ.

— Вина вашей жены до меня не касается, сказала г-жа Бальёль, не безъ нѣкотораго смущенія слушая справедливые упреки своего зятя.

— Развѣ вины дочери не касаются матери? воскликнулъ Шодьé. — Развѣ же законъ возлагаетъ отвѣтственность на родителей за проступки дѣтей? Не имѣя предъ глазами дурнаго примѣра, Адольфина осталась бы въ должномъ повиновеніи, и я не былъ бы принужденъ заставить ее вникнуть въ свои обязанности. Ея недостатки — ваше произведеніе, и вотъ почему я такъ снисходителенъ къ нимъ. Чрезъ недѣлю послѣ женитьбы, мнѣ ужь все было понятно, и еслибъ я повиновался только голосу обиженнаго самолюбія, то тотчасъ же привелъ бы все въ порядокъ; но мнѣ не хотѣлось, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, упрекнуть себя въ чемъ-нибудь. Итакъ, я подвергнулъ свой нетерпѣливый отъ природы характеръ самому тяжкому испытанію, заставилъ себя шесть мѣсяцевъ привыкать къ терпѣнію, послушанію, почти къ состоянію раба, думая, что если этими смиренными средствами мнѣ не удастся смягчить вашъ властолюбивый характеръ, то по-крайней-мѣрѣ получу тогда дорого-купленное право противопоставить свою непоколебимость вашей жестокости. Изъ этихъ шести мѣсяцевъ прошли только пять; но обстоятельство, уже извѣстное вамъ, избавляетъ меня отъ испытаній на шестой мѣсяцъ; съ-этихъ-поръ, мы вступаемъ въ новый порядокъ вещей.

— Ужь не разрывъ ли опять между нами? спросила г-жа Бальёль, пораженная тѣмъ, что слышала. — Не-уже-ли, оказавъ мнѣ такую услугу, вы будете столь-невеликодушны, что поссоритесь со мною изъ-за пустыхъ недоразумѣній, которыя легко уничтожить?

— Разрыва тутъ не будетъ, развѣ вы сами его потребуете. Вы моя тёща; я знаю, чѣмъ вамъ обязанъ; во мнѣ вы всегда найдете почтительнаго и внимательнаго зятя; но управленіемъ дома я намѣренъ заняться самъ. И такъ, покорнѣйше прошу замѣтить, что съ этой минуты единственнымъ хозяиномъ въ домѣ буду я.

Венуа Шодьé учтиво поклонился тёщѣ и вышелъ изъ гостиной, не давъ ей времени проговорить ни слова.

Въ другомъ случаѣ, госпожа Бальёль ухватилась бы за власть, которую у ней такъ явно отнимали; но здѣсь, находясь въ одномъ изъ тѣхъ сомнительныхъ положеній, въ которыхъ всякое сопротивленіе безполезно, безпрекословно сдалась на ужасное для нея униженіе.

Digitized by Google

Однакожь, эта побѣда была совершена только въ-половину: оставалось еще покорить своей власти прелестную двадцати-трёх-лѣтнюю женщину. Предпріятіе трудное, скажетъ всякій, кто пробовалъ его. Бенуа Шодье, будучи побѣдителемъ сегодня, могъ быть легко побѣжденъ завтра: этотъ неукротимый забіяка Лабуасьеръ, уже троихъ лишившій жизни на дуэляхъ, не поклялся ли самою страшною клятвою обратить это похоронное тріо въ квартетъ, посредствомъ убійства ненавистнаго честнаго человѣка, который обладалъ тайною его позора?

X.

Была только половина седьмаго на часахъ въ комнатахъ господина и госпожи Бальёль, занимавшихъ квартиру въ Вандомской-Улицѣ, а въ гостиной уже собрались всѣ гости, кромѣ одного; единственныя женщины между гостями были мать и дочь. Эти гости, бо́льшею частію старинные друзья г. Бальёля, принадлежали къ тому почтенному классу, который, посреди парижскаго вихря и шума, сохраняетъ милые, незатѣйливые обычаи старинныхъ мѣщанъ.

Кромѣ этихъ честныхъ капиталистовъ, были двое или трое молодыхъ людей, обхожденіе которыхъ, не выказывая патріархальныхъ привычекъ, впрочемъ, одушевляло небольшое общество своею непринужденностью и живостью. Эти представители нынѣшней Франціи вполнѣ пользовались добрымъ расположеніемъ г-жи Бальёль, которая, подобно многимъ отжившимъ свой вѣкъ женщинамъ, находила стариковъ несносными и страстно любила молодыхъ. Но теперь, обращеніе тёщи Шодье не могло быть слишкомъ-привѣтливымъ; возрастающее безпокойство придавало лицу ея, при малѣйшемъ шумѣ, видъ чего-то неполнаго, неконченнаго; глаза ея безотчетно устремлялись то на часы, то на дверь. Звонъ колокольчика ужь два раза заставилъ ее вздрагивать.

Обѣдъ былъ назначенъ въ шесть часовъ, и гости, люди регулярные, уже начинали находить, что они дожидаются слишкомъ-долго. Разговоръ началъ прекращаться, не смотря на всѣ старанія Шодье поддержать его: аппетитъ угрюмъ и молчаливъ. Г. Бальёль, который, молча, думалъ о чемъ-то, обратился наконецъ къ женѣ и сказалъ ей въ-полголоса:

— Другъ мой, скоро семь часовъ; вѣрно Лабуасьеръ не будетъ; да притомъ мы не церемонимся съ нимъ; какъ ты думаешь? не пора ли за столъ?

Digitized by Google

Въ эту минуту, колокольчикъ зазвенѣлъ очень-громко; госпожа Бальёль вздрогнула и не отвѣчала. Взоры всѣхъ гостей устремились на дверь; къ общей радости, она скоро отворилась, и вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ Лабуасьера.

Человѣкъ сомнительныхъ спекуляцій, по своимъ физическимъ качествамъ и обращенію, вполнѣ достойной быть старинным гвардейскимъ офицеромъ, казалось, больше нежели когда-нибудь, старался выказать изъисканность въ своей одеждѣ. Никогда нарядъ его не былъ столь изященъ; манишка и галстухъ украшены были брильянтовыми булавками и пуговками. На обѣдъ въ Марэ онъ надѣлъ лакированные башмаки, длинные шелковые чулки, и въ этомъ нарядѣ былъ такъ блестящъ, что невольно возбуждался вопросъ: человѣкъ ли украшаетъ собою одежду, или, наоборотъ, одежда краситъ человѣка? Замѣтимъ еще, что рыжіе волосы его, завитые въ волнистые локоны, были похожи на львиную гриву, а рыжіе, острые, нафабренные усы — на кабаньи клыки.

Какъ рабочій народъ имѣетъ у себя праздничное и будничное платье и надѣваетъ каждое въ приличное время, такъ и Лабуасьеръ, по положенію своему спекулянтъ, носилъ разныя платья, судя по обстоятельствамъ. Теперь, послѣ трудной недѣли, проведенной въ болѣе или менѣе-неблагодарныхъ спекуляціяхъ, онъ вздумалъ надѣть платье дуэлиста, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ провести понедѣльникъ въ Булоньскомъ-Лѣсу.

Войдя въ гостиную, онъ прежде всего подошелъ къ г-жѣ Бальёль и, сдѣлавъ ей самый пахальный поклонъ, бросилъ не менѣе-наглый взглядъ на хозяина дома и не забылъ Адольфины, на которую посмотрѣлъ такъ скромно, что она покраснѣла. Онъ оглядѣлся вокругъ, ища жертвы, которую далъ обѣщаніе уничтожить не позже, какъ на другой день. Жертва эта, обернувшись къ нему спиною, преспокойно разговаривала въ амбразурѣ окна; увидѣвъ Шодьé, Лабуасьеръ выпрямился и закинулъ голову назадъ, какъ пѣтухъ, готовящійся къ дракѣ. При этой интересной позиціи, онъ воскликнулъ такъ громко и неожиданно, что прервалъ всѣ частные разговоры:

— Мнѣ странно, г. Шодьѐ, началъ онъ: — что вы позволяете себѣ быть здѣсь, зная, что я сюда пріѣду! Я, кажется, запретилъ вамъ вчера быть со мной подъ одною кровлей; если у васъ слишкомъ-мало для этого памяти, я напомню вамъ это хлыстомъ своимъ.

Раздался ропотъ негодованія. Гости, думая только объ обѣдѣ, потеряли на-время всякій аппетитъ; Адольфина и мать ея встали, блѣдныя и испуганныя; г. Бальёль, который терялъ твердость только передъ своей женой, тутъ, разгнѣванный, рѣшился-было по-

Digitized by Google

дойдти къ человѣку, такъ жестоко его обидѣвшему въ лицѣ зятя; но старика удержали.

Среди общаго смятенія, только одинъ обиженный оставался хладнокровнымъ. Терпѣливо дождавшись, когда Лабуасьеръ кончитъ громкую свою рѣчь, онъ наконецъ далъ ему знакъ рукою, который ясно говорилъ: «я тотчасъ къ вашимъ услугамъ», и потомъ, обратившись къ молодымъ людямъ, съ которыми бесѣдовалъ досихъ-поръ, сказалъ имъ въ-полголоса:

— Господа Рюо̀, Миландръ, Буайѐ и вы, Жолье́, сдѣлайте милость, пойдемте за мною.

Выбравъ четырехъ мужчинъ, самыхъ молодыхъ изъ присутствующихъ, Бенуа подошелъ къ Лабуасьеру и спокойно сказалъ ему:

— Милостивый государь, вы начали такъ горячо, что нельзя не отвѣчать на вашъ вызовъ; но эта гостиная, удобная для вызова, неудобна для отвѣта; не угодно ли за мной, въ переднюю?

— Извольте, воскликнулъ дуэлистъ: — хоть въ адъ! — И торжественно пошелъ къ двери.

Нѣкоторые изъ гостей хотѣли-было удержать ихъ; но противники, не внимая ни чьимъ убѣжденіямъ, уже открыли себѣ свободную дорогу.

— Да пожалуйста не медлите на-счетъ обѣда, вскричалъ Шодье́ своей тёщѣ, выходя изъ гостиной: — дѣло не продолжится болѣе пяти минутъ.

Послѣ этихъ словъ, онъ притворилъ дверь и пошелъ къ своему противнику и свидѣтелямъ, которые уже выслали изъ передней всѣхъ слугъ.

— Господа! воскликнулъ Буайе́:—мнѣ кажется...

— Буайѐ, ни слова! прервалъ Шодье́.—Господа! станьте, пожалуйста, у амбразуръ и дайте намъ мѣсто. Эта траги-комедія скоро объяснится; но теперь прошу васъ объ одномъ: молчите.

Мужъ Адольфины говорилъ такъ повелительно, что молодые люди нехотя должны были повиноваться. Между-тѣмъ, Лабуасьеръ уже стоялъ неподвижно посреди комнаты и, скрестивъ на груди руки, съ вызовомъ въ глазахъ и презрѣніемъ на лицѣ, надменно ждалъ боя. Шодье́ прервалъ молчаніе.

— Этотъ человѣкъ, котораго вы всѣ знаете, воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, указывая на своего противника: — хочетъ заставить меня съ собой драться. Еслибъ онъ былъ дуэлистомъ, я сдѣлалъ бы ему эту честь, имѣя право выбрать оружіе. Мы стрѣлялись бы, пожалуй, по жребію (*). Тогда я дрался бы съ дуэлистомъ, а не съ плутомъ!

(*) То-есть, изъ двухъ пистолетовъ, заряженъ только одинъ; секунданты перемѣшиваютъ ихъ и отдаютъ противникамъ.

Digitized by Google

— Вы подлый клеветникъ! воскликнулъ промышленикъ, къ которому, по уничтоженіи его ложныхъ векселей, возвратилась прежняя наглость.

— Однакожъ, возразилъ Бенуа: — мнѣ кажется, что честный человѣкъ не позволитъ обидѣть себя подлому клеветнику. Я вчера предупредилъ господина Лабуасьера, что первую дерзость его не оставлю безъ вниманія. Вы были свидѣтелями обиды, будьте же свидѣтелями и наказанія за нее.

Проговоривъ это, Шодьé быстро схватилъ палку, стоявшую въ углу комнаты.

— Шодьé! что это вы намѣрены дѣлать? воскликнули свидѣтели, бросившись къ нему.

— Назадъ! вскричалъ онъ, съ бретонскою ловкостью кружа надъ головой палку. — Развѣ вы не видите, что онъ ужъ принялъ свои мѣры для защиты.

Всѣ взглянули на Лабуасьера; до сихъ-поръ сложенныя руки его были раскинуты; въ правой блисталъ кинжалъ. Это обезпокоило присутствующихъ, и двое изъ нихъ подкрались-было къ дуэлисту, чтобъ обезоружить его; но онъ замѣтилъ это и отошелъ въ уголъ комнаты.

— Больше простора, господа! воскликнулъ онъ.

— Да, больше простора, больше! прервалъ Шодьé: — ему хотѣлось дуэли — вотъ она; нельзя было сдѣлать лучшаго выбора оружія. Кинжалъ стоитъ руки поддѣлывателя векселей столько же, сколько палка приходится по плечамъ его.

Потомъ, не внимая просьбамъ своихъ друзей, не рѣшавшихся остановить его силою, Шодьé быстро подошелъ къ Лабуасьеру.

— Будьте свидѣтелями, господа, что на меня нападаютъ, я принужденъ защищаться, воскликнулъ Лабуасьеръ, становясь въ позицію, свойственную этой странной дуэли: онъ поднялъ лѣвую руку надъ головой, а въ правой держалъ кинжалъ, готовый отразить ударъ.

Противники, молча, стали другъ отъ друга на три шага, зорко слѣдя каждый за малѣйшимъ движеніемъ своего соперника.

— Ударъ за ударъ, воскликнулъ Лабуасьеръ, видя, что рука Бенуа поднялась.

Больше онъ ничего не успѣлъ сказать, не успѣлъ даже ударить! Бретонецъ такъ ловко и быстро владѣлъ своею палкою, что не было никакой возможности слѣдить за всѣми его движеніями; онъ два раза едва не нанесъ противнику удара въ голову, потомъ вправо и влѣво разсѣкъ воздухъ, и наконецъ такъ сильно ударилъ Лабуасьера въ правую руку, что тотъ вскрикнулъ и бросилъ оружіе смерти, которое съ звономъ полетѣло на полъ. Здѣсь Шодьé

Digitized by Google

кинулся на обезоруженнаго противника, схватилъ его за воротникъ, сильнымъ толчкомъ бросилъ на середину комнаты и преисправно отсчиталъ по плечамъ его дюжину палочныхъ ударовъ.

— Я не хочу васъ бить до смерти, хочу только исправить, сказалъ онъ, оставивъ его. — Если вамъ этого урока мало, я готовъ повторить его въ другой и, пожалуй, въ третій разъ.

Лабуасьеръ не однажды видалъ конецъ шпаги на пол-дюйма отъ груди своей или дуло пистолета, готовое выбросить на него вѣрную смерть, и присутствіе духа ни разу не покидало его въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ; но теперь, униженіе отняло у него всю силу характера. Голова его закружилась, колѣни подкосились и, едва-едва добравшись до скамейки, онъ упалъ на нее, полумертвый отъ стыда, боли и злости.

Какъ ни скоро кончился этотъ бой, однако не одни избранные были его зрителями. Правда, поле брани оставалось пустымъ, безъ героевъ трагедіи, потому-что кинжалъ одного и бретонское обращеніе съ палкой другаго, дѣлало самыхъ смѣлыхъ осторожными; но зато изъ-за каждой двери комнаты выглядывали устрашенныя и любопытныя лица гостей и слугъ. Господинъ Бальёль, его жена и Адольфина не проронили ни одного движенія изъ этой траги-комической сцены.

Общее смущеніе было такъ сильно, что когда кончилось уже все, то довольно-долго еще царствовала во всемъ домѣ тишина и безмолвіе. Всѣ родственники и знакомые, всѣ, начиная отъ хозяина до слуги, выпучивъ глаза и открывъ ротъ, ждали чего-то, какъ-будто любопытство ихъ было еще не довольно удовлетворено; а иные, которымъ не понравился Лабуасьеръ за наглое свое обращеніе, едва не закричали: «прибавьте!»

— Господа, сказалъ Шодьé: — пьеса съиграна! Теперь, намъ остается только пообѣдать. Жакъ, подай шляпу господину Лабуасьеру и проведи его на улицу. Господинъ Гишаръ, продолжалъ Бенуа, обращаясь къ старшему изъ гостей: — не угодно ли вамъ предложить руку госпожѣ Бальёль и вести насъ къ столу; мы ужь слишкомъ-долго ждемъ обѣда.

Бенуа Шодьé, не имѣвшій до-сихъ-поръ никакого голоса, въ первый разъ увидѣлъ, что его послушали. Вотъ-какъ побѣда, будь она хоть кулачная, возвышаетъ въ мнѣніи другихъ того, кто одержалъ ее!

Лабуасьеръ, совсѣмъ растерявшійся, позволилъ проводить себя безъ малѣйшаго прекословія; скоро онъ былъ на троттуарѣ Вандомской-Улицы, не понимая, на яву, или только во снѣ происходило все это. Наконецъ онъ отнесъ все это къ неспокойному сну.

— Мнѣ такія обиды! сказалъ онъ самъ себѣ съ презрительною

Digitized by Google

недовѣрчивостью:—мнѣ, лишившему троихъ жизни на дуэли! Быть не можетъ! вѣрно я за столомъ слишкомъ-много выпилъ и все это видѣлъ во снѣ? Да, я пьянъ, и видно не разъ падалъ, отъ-чего въ правой рукѣ такая и боль!

Въ это время, другія лица нашего разсказа входили въ обѣтованную землю—въ столовую залу. Въ гостиной, чрезъ которую надобно было проходить, Шодьé остановилъ своихъ свидѣтелей.

— Господа-представители юной Франціи, сказалъ онъ: — пусть представители древней идутъ впередъ, а вы останьтесь на минуту здѣсь: мнѣ надо съ вами еще поговорить.

Четверо свидѣтелей поспѣшно окружили его.

— Господа! началъ онъ серьёзно:—недавно я объяснилъ вамъ причину, запрещавшую мнѣ драться съ Лабуасьеромъ; не знаю, достаточно ли было для васъ мое объясненіе. Дуэль имѣетъ такія строгія правила, что отказъ, который кажется мнѣ справедливымъ, вамъ легко можетъ показаться противнымъ правиламъ чести. Это было бы для меня очень-прискорбно, и вотъ что я скажу вамъ: васъ здѣсь четверо; ко всѣмъ вамъ я питаю самое искреннее уваженіе; доброе мнѣніе ваше для меня такъ драгоцѣнно, что я не могу равнодушно потерять его Итакъ, если кто изъ васъ принимаетъ въ дурную сторону мой поступокъ и думаетъ, будто меня пугаетъ поединокъ, того прошу покорно объясниться со мной и доставить мнѣ возможность доказать ошибку.

Всѣ четверо молодыхъ людей дружно подали руки Шодьé и съ чувствомъ пожали его руку одинъ послѣ другаго.

— Вы смѣетесь надъ нами, сказалъ ему весело г. Рюо:—на вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы точно также. Мнѣ не нужно знать настоящую причину ссоры вашей съ Лабуасьеромъ, чтобъ вѣрить, что онъ плутъ.

— Вы прекрасно сдѣлали, что порядкомъ отдѣлали его, прибавилъ Миландръ: — можетъ-быть, этимъ посбавится у него немного нахальства.

— Любезный Бенуа! сказалъ въ свою очередь Жольé, тощая фигура, футовъ пять вышины:—что вы ни говорите, а физическая сила вещь прекрасная! Вѣрно въ Бретани тяжело колотятъ и славно владѣютъ руками.

— Необходимо было, сказалъ Буайé:—отдѣлать этого страшнаго забіяку; онъ не посмѣетъ теперь явиться у Тортони.

— Итакъ, господа, вы всѣ меня одобряете? спросилъ Шодьé.

— Разумѣется, совершенно одобряемъ, воскликнули всѣ вмѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно ли къ столу?

Гости, занятые мыслію о прошедшей поразительной сценѣ, ку-

Digitized by Google

ели съ весьма-скромнымъ аппетитомъ; по-видимому, палка Бретонца все еще исправно била въ слуховой барабанъ присутствующихъ; но если обѣдъ былъ вялъ относительно истребленія блюдъ, зато былъ живъ и блистателенъ шумными разговорами. Каждый отпускалъ острое словцо; самые молчаливые сдѣлались говорливыми. Спекулянтъ-дуэлистъ, который, благодаря своему послѣднему качеству, былъ для всѣхъ болѣе или менѣе страшенъ, сдѣлался теперь предметомъ самыхъ горькихъ, самыхъ справедливыхъ насмѣшекъ и обвиненій. Каждый членъ маленькаго общества, даже самый миролюбивый, клялся теперь уничтожить задорную породу при первомъ удобномъ случаѣ. Къ концу обѣда, заблужденіе Адольфины на счетъ своего мужа было совсѣмъ уничтожено. Лабуасьеръ былъ въ ея глазахъ не болѣе, какъ обманщикъ; обѣ женщины благодарили небо — одна за то, что освободилась отъ власти гнуснаго человѣка, другая, что еще не успѣла подпасть подъ ея зависимость. Послѣ обѣда, гости скоро начали разъѣзжаться. Когда послѣдніе взялись за шляпы, Шодьё подошелъ къ тещѣ и сказалъ ей на ухо:

— Удалите своего мужа; я намѣренъ говорить съ Адольфиной только при васъ.

— Другъ мой! сказала г-жа Бальёль своему мужу:—сдѣлай одолженіе, сходи къ аптекарю; онъ еще до-сихъ-поръ не прислалъ мнѣ пилюль!

— Но, другъ мой, отвѣчалъ добрякъ:—позволь тебѣ замѣтить, что уже десять часовъ, и, кажется, слуга могъ бы также хорошо...

— Онъ глупъ; пожалуй, еще навретъ; это дѣло я могу довѣрить только тебѣ; а Жакъ пусть идетъ за тобою.

Привыкнувъ къ безусловному повиновенію, г. Бальёль тотчасъ же вышелъ, чтобъ исполнить приказаніе жены своей.

Когда всѣ удалились, Шодьё сѣлъ противъ обѣихъ женщинъ.

— Любезная Адольфина, сказалъ онъ ласковымъ и вмѣстѣ важнымъ тономъ:—вчера я объяснился съ твоей матушкой. Вы вѣрно будете столь добры, сказалъ онъ, обращаясь къ своей тещѣ:—что перескажете ей все, и избавите меня отъ несноснаго повторенія.

— Разумѣется, съ большимъ удовольствіемъ.

— Покорно благодарю. Сегодня я долженъ сообщить тебѣ, милая Адольфина, маленькое предостереженіе; обстоятельства дѣлаютъ его необходимымъ. Я не красивъ собой, не имѣю слишкомъ-большаго ума, не обладаю обольстительной любезностію,—вотъ мое собственное мнѣніе на счетъ самого-себя! Твое, можетъ-быть, еще строже; я знаю, что ты находишь меня вовсе-непригожимъ, глупымъ и даже несноснымъ.

Digitized by Google

— Бенуа, какъ вы можете говорить это? воскликнула молодая женщина, смущенная такимъ предисловіемъ.

— Я бы очень желалъ тебѣ понравиться; но что жь дѣлать! Если природа лишила меня качествъ, которыя такъ тебѣ нравятся, я принужденъ отказаться отъ преимуществъ любовника, и довольствоваться правами мужа. Но эти права, сказалъ онъ твердымъ голосомъ:—я заставлю уважать. Не буду говорить о прошедшемъ, но долженъ тебѣ сказать, что твое поведеніе относительно Лабуасьера было неприлично; на первый разъ я извиняю его; но если это случится въ другой разъ, я не буду снисходителенъ и не прощу твоего проступка. Теперь сама скажи, чего хочешь: разрыва, или мира? Только напередъ обдумай свое рѣшеніе. Ты видѣла сегодня, какъ я умѣю наказывать дерзость; не заставь меня доказать, что я умѣю также наказывать и преступленіе.

Устрашенная такимъ строгимъ намекомъ, Адольфина дрожащимъ голосомъ старалась оправдаться, но мужъ перебилъ ее.

— Ни слова болѣе, сказалъ онъ:—я только предупреждаю тебя, что буду дѣйствовать сообразно съ твоимъ поведеніемъ. Надѣнь шляпку; намъ пора ѣхать; вѣдь три мили остается до дома, а я пойду посмотрю, готова ли карета.

— Боже мой! что все это значитъ? воскликнула г-жа Шодьё, когда мужъ ея вышелъ изъ гостиной.

— Это значитъ, отвѣчала г-жа Вальёль: — что онъ, съ своимъ простодушнымъ видомъ, провелъ насъ обѣихъ: изъ овечки вышелъ волкъ, и вмѣсто того, чтобъ стричь эту овечку, смотри, не наткнись на зубъ волка.

— Какъ онъ меня испугалъ! Вы замѣтили глаза его, когда онъ говорилъ? Онъ смотрѣлъ какъ Отелло на обвиненную Дездемону.

— Я тебѣ говорю, что онъ настоящій волкъ. И такъ, мой другъ, брось кокетство и всѣ свои глупости, а не то онъ разомъ тебя проглотитъ.

— Вы находите, что онъ способенъ?..

— На все; нѣтъ ничего хуже этихъ стоячихъ водъ... Впрочемъ, ты сама видѣла, каковъ онъ на дѣлѣ.

Легкій трепетъ пробѣжалъ по бѣлымъ плечамъ Адольфины; она сильно вздохнула...

Спустя четверть часа, молодые супруги были на дорогѣ къ загородному дому.

Послѣ долгаго размышленія, какъ удобнѣе привести въ исполненіе свой кровавый замыселъ, Гюставъ Лабуасьеръ понялъ наконецъ, что отмщеніе противнику, нерѣшившемуся принять вызова и обладавшему необыкновенною силою, требуетъ убить его.

Digitized by Google

Шодьé угадывалъ, что человѣкъ, рѣшившійся на поддѣлку фальшивыхъ векселей, не рѣшится на преступленіе, обличеніе котораго будетъ стоять ему головы. Слухи, распространившіеся объ этомъ происшествіи между его знакомыми, сдѣлали жизнь его въ Парижѣ нестерпимою. Спекулянтъ-дуэлистъ снесъ свое униженіе, и попавивъ довольно-туго карманъ, уѣхалъ въ Брюссель, обыкновенное сборище людей его масти. Однако, надо быть справедливымъ: Гюставъ Лабуасьеръ былъ оплаканъ въ Парижѣ многими, очень-многими... именно тѣми, которые остались послѣ него съ пустыми кошельками.

Г-жа Бальёль, исправленная полученнымъ урокомъ, и убѣжденная, что при сильно-пробивавшихся сѣдыхъ волосахъ на ея головѣ, пора оставить всѣ любовныя интриги, особенно послѣ дѣла съ Лабуасьеромъ, встала на другой день съ постели... богомолкою. Не нужно, кажется, говорить, что петля на шеѣ ея супруга сдѣлалась отъ-того еще туже.

Съ измѣненіемъ жизни своей жены, добрякъ долженъ былъ два раза въ недѣлю поститься, и по-крайней-мѣрѣ разъ слушать обѣдню. Всего больше огорчало старика то, что любимый его журналъ былъ оставленъ г-жею Бальёль; но, къ-счастію, Вандомская-Улица была недалеко отъ Café-Turc, и старикъ (не проговоритесь, однако, женѣ его) частенько, тайно отъ нея, посѣщаетъ это заведеніе.

Адольфина, не питая романической страсти къ своему мужу, все-таки полюбила его, и вскорѣ двое дѣтей скрѣпили этотъ союзъ. Съ званіемъ матери, исчезаетъ женское кокетство. Г-жа Шодьé подлѣ своихъ кудрявыхъ малютокъ чувствовала, что прежняя страсть ея къ опаснымъ приключеніямъ мало-по-малу охладилась. Дѣти были ангелами-хранителями ея; впрочемъ, безъ нихъ могъ бы мужъ занять эту обязанность; онъ бодрствуетъ надъ молодою женою, и ея не обманываетъ болѣе сонный видъ его,—она его боится. Разумѣется, было бы лучше, если бъ она только любила его; но Рошфуко говоритъ: «истинная, постоянная любовь какъ дýхи; всѣ объ нихъ говорятъ, и едва ли кто ихъ видитъ».

Бенуа Шодьé, благодаря своей постоянной твердости, удалилъ отъ своего семейства всѣ раздоры. Исполненный уваженія къ семейству, съ которымъ былъ связанъ; нѣжный, но не слабый; самовластный безъ насилія, онъ господствуетъ у себя въ домѣ,—что случается довольно-рѣдко съ мужьями. Тесть любитъ и уважаетъ его, что́ бываетъ еще рѣже. Наконецъ, онъ живетъ въ полномъ согласіи съ своею тещею,—обстоятельство столь рѣдкое, что мы не прибавимъ болѣе ни одного слова, чтобъ не ослабить этого необыкновеннаго въ наше время явленія.

Digitized by Google

СЦЕНЫ УѢЗДНОЙ ЖИЗНИ.

—

I.

ПОЛЮБОВНОЕ МЕЖЕВАНІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Николай Петровичъ, помѣщикъ съ изрядными состояніемъ и пользующійся большимъ почетомъ.

Ѳедосья Ивановна, жена его.

Софья, дочь ихъ 18 лѣтъ.

Алексѣй Прокофьевичъ Анстовъ, посредникъ по межеванію, прапорщикъ въ отставкѣ, 24 лѣтъ.

Прокофій Алексѣичъ Усинъ, другой посредникъ, полковникъ въ отставкѣ, 35 лѣтъ.

Евгеній Николаевичъ Ромбинъ, землемѣръ, 24 лѣтъ.

Петръ Ивановичъ Кривдинъ, письмоводитель Анстова.

Дмитрій Ивановичъ Ягнятевъ, владѣлецъ, служащій писцомъ въ депутатскомъ собраніи.

Мавра Перфильевна, бѣдная дворянка, живущая для компаніи Софьѣ.

Собранные посредникомъ Анстовымъ владѣльцы одной общей дачи:

Марья Перфильевна.

Михайла Михайловичъ.

Павелъ Павловичъ.

Аѳанасья Аѳанасьевна.

Емельянъ Ивановъ, купецъ изъ отпущенныхъ крестьянъ.

Иванъ, земскій вотчины графа ***, находящейся въ опекѣ за долги.

1, 2, 3, 4 — Крестьяне, повѣренные разныхъ помѣщиковъ.

Дуняша, горничная Софьи.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ господскомъ домѣ Николая Петровича.

Сцена представляетъ комнату съ тремя дверьми. Посрединѣ столъ. Нѣсколько столовъ расположено у стѣнъ. Утро.

1.

Крестьянинъ входитъ изъ середней двери и крестится; нѣсколько времени спустя, входитъ изъ боковой двери Лакей.

Лакей.—Куда ты лѣзешь? Пошелъ вонъ!

Крестьянинъ *(кланяется)*. — Ничево, сударь. Мы не спросту: по дѣлу; по землѣ, тоись.

Digitized by Google

Лакей.—Ступай вонъ, говорятъ тебѣ. Чѣмъ свѣтъ залѣзъ! Будетъ время.

Крестьянинъ. — Нешто, малый. Подьте-ка сюда. Вы Петруху Дунаева знаете?

Лакей.—Ну, знаю.

Крестьянинъ. — Нешто. Такъ онъ, знашь, намъ сроственникъ будетъ и благопріятель такой што... вотъ какой! Онъ меня послалъ. Нате-тко вашему здоровью гостинецъ (*даетъ двугривенный*).

Лакей.—Что тебѣ нужно?

Крестьянинъ.—А што... прикажите глупую рѣчь молвить. Ваша милость не при посрественникѣ ли?

Лакей.—Да.

Крестьянинъ.—Во-ся! Такъ ужь не писарь ли его милости?

Лакей.—Нѣтъ.

Крестьянинъ. — Нешто. Нужнорато бы намъ больно писаря-то повидать (*кланяется*). Не можно ли... тоись... эфтакимъ образомъ? (*кланяется*).

Лакей.—Да вотъ онъ самъ идетъ. (*Уходитъ.*)

II.

Крестьянинъ и Кривдинъ, который выходитъ изъ другой боковой двери.

Кривдинъ.—Что тебѣ надобно?

Крестьянинъ (*кланяется*).—Къ вашему здоровью.

Кривдинъ.—Откуда ты?

Крестьянинъ (*кланяется*).—Изъ Болотнаго изъ Залѣснаго.

Кривдинъ.— Ну! такъ что жь тебѣ надобно?

Крестьянинъ.—Насъ послалъ къ твоему здоровью Петруха Дунаевъ (*кланяется*).

Кривдинъ.—Ну?

Крестьянинъ.—Да у насъ, вишь ты, бережковскій баринъ лужокъ подъ дворомъ отымаетъ. Баитъ, по сказкѣ. А моя баба поѣдомъ ѣстъ меня. Пошто ты, баитъ, лугъ отдалъ? Ей, знашь ты, льны нѣ гдѣ слать.

Кривдинъ.—Да развѣ у васъ мало луговъ?

Крестьянинъ. — Лёгко ли мѣсто! Да тамотко, вишь, ко двору пришло. Я толковалъ бабѣ: эка невидаль! Ну, пошто ты, молъ, Акулина Савишна, привязалася къ эфтакому... прости Господи?.. Куда ты, ну! рёвма ревётъ и коритъ меня хуже знашь чего. Что станешь дѣлать съ бабой, съ дурой? Прямо сказано: волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Мы, знашь, къ межаному сходили. Писарю его цѣлковикомъ поклонилися. Такъ ему вишь надобышой-то, коренной

Digitized by Google

тонкъ межаевой, запретствуетъ: сказка, баитъ, написана; нельзя!

Кривдинъ.—Экая важность!

Крестьянинъ. — Вишь ты?! Пособи, родимый. Петруха мнѣ сказывалъ. Ты, баитъ, посрественникову писарю сходи поклонися. *(Вытаскиваетъ изъ-за пазухи мѣшокъ; развязываетъ, вынимаетъ 2 цѣлковыхъ и подаетъ Кривдину съ низкимъ поклономъ).*

Кривдинъ *(беретъ и прячетъ въ карманъ).* — Этого мало!

Крестьянинъ. —Вѣдь и земли-то не Богъ-вѣсть што. Такъ, на лапоть не съ большимъ. Только вотъ сожительницѣ-то вишь больно пожелалося... *(пауза).* Полно, милый!.. эй, будетъ съ тебя!.. И землишка-то не ражая; такъ дрянь сущая.

Кривдинъ.—Мало этого.

Крестьянинъ.—Полно, поштенный! *(Пауза. Достаетъ еще цѣлковый и подаетъ ужь безъ поклона).* На, на ужь еще! Нѣча, знать, съ тобою дѣлать! Только смотри же запиши за нами луговину-то.

Кривдинъ.—Ступай, запишу.

Крестьянинъ.—Не обмани, пріятель. Вѣдь мы за эфто тебѣ и кланяемся. *(Кланяется и указываетъ на карманъ Кривдина).*

Кривдинъ. — Ступай, ступай; не обману! *(Поворачиваетъ его за плеча и выводитъ изъ комнаты.)*

III.

Кривдинъ и Ягнятевъ выходитъ торопливо.

Кривдинъ.—А! ужь и ты всталъ.

Ягнятевъ *(съ досадою).* — Всталъ! гм, всталъ! *(жалкимъ тономъ)* Я всю ночь не спалъ...

Кривдинъ *(насмѣшливо).*— Ну, не всѣмъ хоть разсказывай.

Ягнятевъ *(торопливо).*—Однимъ только вамъ... Ей-ей... Не вѣрите, Петръ Ивановичъ?.. Ну, будь я каналья! только однимъ вамъ! Провались я сквозь землю!.. Вы одни *(съ чувствомъ)* мой другъ и благодѣтель!.. Видитъ Богъ, Петръ Ивановичъ... Вы одни... Не вѣрите?... Ей-ей, Петръ Ивановичъ... Не поможете вы *(машетъ рукою).* Ну!

Кривдинъ.—Что еще такое?

Ягнятевъ. — Такъ и быть, я рѣшился! Будь я каналья, если я не рѣшился... Вы не вѣрите, Петръ Ивановичъ?.. Ей, ей, рѣшился! во что не вывезетъ! *(махаетъ рукою).* Ну! панъ или пропалъ...

Кривдинъ.—На что же это ты рѣшился?

Ягнятевъ.—Эхъ! Вы не знаете, Петръ Ивановичъ!.. Ну, да я, ей-Богу, рѣшился! Такъ и быть: панъ или пропалъ!

Кривдинъ.—Ты ужасно рѣшительный человѣкъ.

Ягнятевъ. — Эхъ, вы не знаете, Петръ Ивановичъ *(ходитъ*

Digitized by Google

сзади и спереди въ волненіи). Ну, такъ и быть: панъ или пропалъ!!.. панъ или пропалъ... (*стремительно кидается къ Кривдину*). Петя! другъ! благодѣтель! неизмѣнное копье! помоги! выручи!

Кривдинъ.—Да что тебѣ надобно?

Ягнятевъ (*рѣшительнымъ тономъ*).— Объявленіе къ посреднику и письмо къ Софьѣ Николаевнѣ!

Кривдинъ.—Что ты такое городишь? Какое письмо къ Софьѣ Николаевнѣ?

Ягнятевъ.—Не хочешь? Ну, Богъ съ тобою! Ну, не надобно!.. не надобно!.. Вотъ вы каковы друзья!.. (*Со слезами*). Богъ вамъ судья!

Кривдинъ.—Да что ты помѣшался, что ли?

Ягнятевъ. — А вамъ что за дѣло?.. Я хоть умри, хоть издохни, хоть околѣй! Вамъ какое дѣло?.. Не великъ трудъ написать два полиста. За цѣлковый, не бось, хоть десять напишете; а тутъ ни справокъ, ни законовъ, — ничего не нужно: и того не хотите... Вотъ вы каковы! вотъ у васъ какая душа! вотъ она ваша дружба-то!.. На страшномъ судѣ вспомнится вамъ!

Кривдинъ.—Вотъ полоумный!.. Да чего ты хочешь?

Ягнятевъ.—Я хочу жениться! Вотъ вамъ только и всего!

Кривдинъ.—Жениться? На комъ? на Софьѣ Николаевнѣ?..

Ягнятевъ. — Да-съ, на Софьѣ Никол... Вотъ только и всего!.. А не то подамъ объявленіе, что не хочу межеваться; да и уѣду... Эхъ! одна голова не бѣдна!.. Уѣду, знаете куда!!.. Голубчикъ, Петръ Ивановичъ! (*нѣжно*) напишите... Откажетъ — не ваша бѣда. Знаете, какъ она меня восьмаго мая приласкала!.. ей-Богу!.. Да что тутъ такое?.. Я поѣду въ Питеръ къ дядюшкѣ... года черезъ три четырнадцатый классъ дадутъ. Чѣмъ я хуже кого?.. А коли откажетъ... ну, что жь такое?.. Я объявленіе подамъ!..

Кривдинъ.—Да ты, братъ, этакъ у насъ все межеваніе испортишь.

Ягнятевъ.—На все наплевать, Петръ Ивановичъ!.. Ну, что земля!—100 десятинъ... (*показывая на сердце*) Вотъ гдѣ болитъ.

Кривдинъ.—Изволь, братецъ, напишу эпиталаму, да еще какую... (*Ягнятевъ прыгаетъ въ безмолвной радости и стремительно кидается на шею Кривдину*). Тише, тише; шею оторвешь! Сколько тебѣ лѣтъ?

Ягнятевъ.—Девятнадцать, ей-Богу, право, девятнадцать!

Кривдинъ. —Самая пора жениться. Постой: Алексѣй Прокофьичъ идетъ.

Digitized by Google

IV.

Тѣ же и Алексѣй Прокофьичъ Аистовъ.

Аистовъ.—А, Ягнятевъ! здорово, душенька. И ты къ раздѣлу? (*Ягнятевъ подаетъ ему пакетъ.*)—Что, что?—Новости изъ посредпической коммиссіи (*распечатываетъ и читаетъ.*) Те, те, те! (*свищетъ*) каково?.. каково? (*въ чрезвычайномъ смущеніи*) вотъ тебѣ разъ!.. Ну, что теперь дѣлать? Смотри-ка, Петръ Иванычъ. Коммиссія предписываетъ мнѣ передать здѣшнее дѣло моему благопріятелю,—посреднику Усину... Чтобъ его всѣ черти побрали! (*Подаетъ Кривдину бумагу.*)

Кривдинъ (*беретъ, читаетъ, улыбается и качаетъ головою*). — Да-а-съ!... Ну, да мы сегодня кончимъ!

Аистовъ (*ободрившись*). — И конечно! Мы сегодня кончимъ это дѣло... непремѣнно. — Какъ же мы его кончимъ, Петръ Иванычъ?

Кривдинъ. Надобно только уломать графскихъ мужиковъ.

Аистовъ (*важно Ягнятеву*). — Слышите, милостивый государь: дѣло сегодня будетъ кончено. Такъ и скажите коммисіи... что дѣло дескать сегодня будетъ кончено; что Аистовъ, дескать, ни за что не отдастъ его Усину... Помилуйте, Христа ради! я сюда въ шестнадцатый разъ пріѣхалъ, да отдай Усину! какія новости!... Какова коммиссія!... Петръ Иванычъ, дѣло надобно сегодня непремѣнно кончить! — А какъ его кончить, желаю знать, если оно само не кончится?

Кривдинъ. Вы приструньте построже только графскихъ: ихъ землемѣръ настроиваетъ.

Аистовъ. Напиши объ этомъ бумагу его начальству и въ посредническую коммиссію (*Ягнятеву*). Вотъ изволите видѣть!.. Вы, милостивый государь, сами владѣлецъ въ здѣшней дачѣ. Вотъ какова обязанность посредника! Что прикажете дѣлать? Видите: землемѣръ все дѣло разстроиваетъ, а посредникъ виноватъ! (*Кривдину, тихо*) Да помилуй, Петръ Ивановичъ, ты право врешь; землемѣръ, кажется, ни во что не мѣшается. Я понять не могу, что эти мужики выдумали, точно съ ума сошли... Дай имъ чужой лѣсъ!

Кривдинъ. Землемѣръ говоритъ имъ, что онъ имъ отрѣжетъ.

Аистовъ (*Ягнятеву*). — Ну, каково это? Что прикажете дѣлать? (*Кривдину*) Впрочемъ, намъ бы хоть какую-нибудь сказку подписали; съ мужиками-то мы сладимъ... а что съ Ѳедосьею Ивановною дѣлать... просто не знаю.

Кривдинъ. Угодите ей.

Digitized by Google

Аистовъ (*глядитъ на него недовѣрчиво*). — Да вѣдь она Богъ-знаетъ чего требуетъ. Ей вовсе не слѣдуетъ.

Кривдинъ. Не слѣдуетъ!... Помилуйте, Петръ Иванычъ, да вы посредникъ или нѣтъ?

Аистовъ (*съ достоинствомъ*). — Конечно я посредникъ... Впрочемъ, знаешь, Петръ Иванычъ, не отвѣчать бы.

Кривдинъ. — А кто васъ можетъ судить?

Аистовъ (*гордо*). — Ну, да разумѣется, меня судить никто не можетъ! Я хочу—служу; — хочу нѣтъ. Впрочемъ, знаешь, Петръ Иванычъ, нехорошо, если не слѣдуетъ.

Кривдинъ (*показывая глазами на Игнатьева*). — Вы мужиковъ слушаете! какъ не слѣдуетъ!

Аистовъ (*гордо*). — Я никого не слушаю... Вѣдь ты, братецъ, самъ, говорилъ, что не слѣдуетъ?

Кривдинъ. — Я тогда и дѣла-то хорошенько не зналъ... Да и почему мнѣ было знать тогда, что вы... что Софья Николавна... Какъ не слѣдуетъ, помилуйте!

Аистовъ (*съ достоинствомъ*). — Я васъ прошу, Петръ Иванычъ, заняться этимъ дѣломъ и разсмотрѣть: слѣдуетъ или нѣтъ? — (*Игнатьеву*) Я, конечно, не за тѣмъ пошелъ въ посредники, чтобъ разбирать эти глупости. Какъ хотятъ владѣльцы! Я ихъ долженъ только склонять на раздѣлъ. (*Кривдину*) Такъ ли сказано въ инструкціи?

Кривдинъ (*качаетъ утвердительно головою*). — Оно такъ—съ; только смотрите: Усинъ ловчѣе васъ эти дѣла дѣлаетъ! Мнѣ все равно.

Аистовъ (*съ досадою*). — Какъ все равно?.. какъ все равно?.. Да для чего же я васъ держу?—Послушайте, Петръ Иванычъ: — вы знаете, что я не за тѣмъ пошелъ въ посредники (*съ возрастающею горячностью*), чтобъ служить и заниматься дѣлами... Я, сударь, послужилъ, сколько мнѣ хотѣлось; а теперь хочу получить что-нибудь... Вы это знаете; вы знаете, что Софья Николавна... Я вамъ плачу двѣ тысячи рублей въ годъ... двѣ тысячи рублей, сударь! Стало-быть, вы обязаны дѣлать всѣ эти дѣла.

Кривдинъ.—Я, Алексѣй Прокофьичъ, и стараюсь сколько могу.

Аистовъ.—Сколько могу!—Вы теперь заговорили другое. А что вы обѣщали, помните ли?.. Я знать не хочу сколько вы можете!.. Я тебя съ тѣмъ бралъ, чтобъ ты все сдѣлалъ, что нужно... Я вѣдь не Усинъ; я въ ваши дрязги входить не стану. Мое дѣло быть на совѣщаніи, да подписать свою фамилію... И это мнѣ чертовски надоѣло... а еще все ничего не получилъ! (*Строго*) Я вамъ говорю, Петръ Иванычъ...

Digitized by Google

Кривдинъ. — Да пожалуйте, Алексѣй Прокофьичъ, какъ вамъ угодно; а мнѣ безъ васъ ничего не сдѣлать...

Листовъ (*съ сильною досадою*). — Безъ васъ!!.. Да гдѣ же я-то?... Скажите, пожалуйста! Не хочешь ли ты, чтобъ я, какъ посредникъ Пурховъ самъ писалъ черновыя бумаги?.. Нѣтъ, стара штука! Пурхову не стыдно: у него большое семейство и ничего нѣтъ. А я пятидесяти тысячь не возьму!.. Да и что я стану писать, позвольте васъ спросить?.. Я отъ роду не писалъ ничего дѣльнаго, т. е. дѣловаго... (*Во это время Дуняша дѣлаетъ ему изъ-за двери знакъ, чтобъ онъ отослалъ Кривдина и Ягнятева*). Ступай, ступай, приготовь все. Я сейчасъ начну совѣщаніе. (*Кривдинъ и Ягнятевъ уходятъ.*)

V.

Листовъ и Дуняша.

Листовъ. — Дуняша, обманщица!

Дуняша.—Ей-Богу нельзя было; воля ваша, Алексѣй Прокофьичъ, не извольте гнѣваться. Вишь вы натащили сюда сколько народу: во всѣхъ комнатахъ люди.

Листовъ.—Ну, ну вѣрю! (*лаская ее*). Скажи-ка мнѣ скорѣе, что говорила Сонюшка?

Дуняша.—Ахъ, какой вѣроломный! У него все только Сонюшка на умѣ. (*Съ насмѣшливою обидчивостью*) А я у васъ что такое?

Листовъ.—Ахъ, Боже мой! что это, какая ты! Вѣдь я тебѣ говорю, Дуняша (*съ смущеніемъ лаская ее*), что мнѣ надобно жениться.

Дуняша. — А Софья Николавна изволятъ говорить, что вовсе не надобно.

Листовъ (*испугавшись*). — Какъ?...

Дуняша (*хохочетъ*). — А-га! коварный! я васъ испугала... То-то же (*треплетъ его по щекѣ и цалуетъ*). Нѣтъ, я шучу! Барышня говоритъ, что вы ей нравитесь и что она не прочь... Тс!.. постойте... Никакъ, она сама идетъ (*вырываетъ у него изъ рукъ*). Прощай, душечка! (*цалуетъ его, Листовъ кладетъ ей въ руку золотой. Дуняша убѣгаетъ*).

VI.

Листовъ, Софья и Мавра Перфильевна.

Софья.—Вы уже на ногахъ, Алексѣй Прокофьичъ, и вѣрно заняты вашими раздѣлами?..

Листовъ (*подходитъ къ ручкѣ Софьи и Мавры Перфильевны. Шутливо*).—Чѣмъ свѣтъ уже на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.

Digitized by Google

Мавра Перфильевна.—Что мой родной? сегодня вы порадуете нашу участь?

Листовъ (*съ важностію, протяжно*). — Непремѣнно!

Софья.—Знаете ли, Алексѣй Прокофьичъ: съ-тѣхъ-поръ, какъ вы посредникомъ, вы стали пренесносный человѣкъ... Все о дѣлахъ, да о дѣлахъ... и какой серьезный, гордый!..

Листовъ (*съ достоинствомъ*). — Что дѣлать, Софья Николаевна? нельзя! Я, вѣдь, теперь занимаю должность седьмаго класса.

Софья.—Ну, такъ что жь такое? это нехорошо; перемѣняться отъ-того, что въ другой «классъ» перешли. Какъ-будто васъ перевели въ старшій «возрастъ»... Вы все тѣ же остались, что и были.

Листовъ (*полу-шутливо, съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).—Нѣтъ-съ, я перешелъ въ другой возрастъ... въ возрастъ мужа.

Софья (*краснѣя и потупивъ глаза*).—Какое противное названіе!

Мавра Перфильевна.—Что дѣлать, родная моя!.. Время идетъ-себѣ да идетъ—и Алексѣю Прокофьичу пора приходитъ.

Листовъ (*съ сильнымъ чувствомъ*).—Вамъ это названіе противно; а я — обожаю! (*пауза — въ сильномъ волненіи*). У меня пятьсотъ душъ—чистыхъ. Усадьба, сами знаете, какъ устроена—сущій рай... (*въ смущеніи*). Одному... представьте себѣ... скучно.

Софья. Ахъ, Алексѣй Прокофьичъ, я забыла вамъ показать новыя картины, которыя мнѣ тетушка изъ Москвы прислала... Онѣ, говорятъ, привезены изъ Парижа... Прелесть! (*Они отправляются къ удаленному столу смотрѣть картины. По тѣлодвиженіямъ видно, что Листовъ во время этого разсматриванія говоритъ съ жаромъ и любезностію*).

VII.

Тѣ же и Кривдинъ.

Кривдинъ (*подходитъ къ Аврѣ Перфильевнѣ*). — Что наши дѣла?

Мавра Перфильевна.— Дѣла не худы. А что моя земля?

Кривдинъ. — Прокофій Алексѣичъ привезетъ вамъ сегодня сказку.

Мавра Перфильевна.—Ну, дай Богъ ему здоровья... Сонюшка не прочь, и мать тоже. Теперь все отъ самого Прокофья Алексѣича зависитъ. Если онъ успокоитъ насъ здѣсь полюбовнымъ раздѣломъ, такъ его дѣло и слажено... Только надобно спровадить этого вялаго Алексѣя Прокофьича съ его пятьюстами душъ. — А мнѣ-то, родной мой, все такъ сдѣлано, какъ я просила?

Кривдинъ. — Все совершенно-такъ. Графскіе мужики горою стояли за свою землю, да быть по нашему.

Digitized by Google

Мавра Перфильевна (*съ удовольствіемъ*).—Молодецъ Прокофій Алексѣичъ!.. Точно ужь — нѣчего сказать!.. Я ужь такъ на него надѣюся... Зато и сама ему послужила. Сонюшка такая упрямая... Насилу утолковала.

Кривдинъ.—Ну, да вѣдь и вы не промахъ, Мавра Перфильевна. Мы васъ знаемъ!

Мавра Перфильевна (*съ довольною улыбкою*). — Бывалое дѣло, мой родной, и не такія чудеса творили. Только смотри, Петръ Иванычъ, вѣдь ты плутъ извѣстный... меня-то не обманите. Чтобъ графскіе луга были моими; а то не видать вамъ Сонюшки, какъ своихъ ушей.

Кривдинъ.—Говорятъ: кто васъ обманетъ, трехъ дней не проживетъ. (*Листовъ и Софья подходятъ.*) Алексѣй Прокофьичъ! намъ съ вами до совѣщанія потолковать кое-о-чемъ надобно.

Листовъ (*съ жаромъ цалуетъ руку Софьи*). — Прощайте, Софья Николаина... не надолго. (*Кланяется Маврѣ Перфильевнѣ и уходитъ съ Кривдинымъ.*)

VIII.

Софья и Мавра Перфильевна.

Софья (*смѣется*).—Онъ сегодня Богъ-знаетъ какъ любезенъ.

Мавра Перфильевна. — Онъ, кажется, ужь предлагалъ вамъ, моя родная, свои пятьсотъ душъ и усадьбу.

Софья. — Нѣтъ еще. Но видно было, что ему очень хотѣлось сдѣлать это: только онъ не зналъ какъ.

Мавра Перфильевна.—Ужь такой вялый, Богъ съ нимъ! То ли дѣло Усинъ Прокофій Алексѣичъ. Какой молодецъ!

Софья. Погадайте-ка, Мавра Перфильевна, что сегодня будетъ? (*Садятся къ столу.*)

Мавра Перфильевна (*достаетъ карты и раскладываетъ*).—Извольте, моя матушка... (*пауза*). Марьяжный король!

Софья.—Ну, такъ!.. Да этотъ ужь на рукахъ (*смѣется*).

Мавра Перфильевна.—Нѣтъ; крестовой масти.

Софья.—Не Усинъ ли?

Мавра Перфильевна.—И вѣрно. (*Продолжаетъ раскладывать.*) Быть свадьбѣ... Непремѣнно быть.

Софья. — Ахъ, полноте, милый другъ. Лучше уже Алексѣй Прокофьичъ.

Мавра Перфильевна.—Ну, какъ не лучше!

Софья.—Да вѣдь вы хвалили его прежде?

Мавра Перфильевна. — Что въ немъ! — Такъ и меня-то обморочилъ!

Digitized by Google

Софья.—Его Дуняша очень хвалитъ.—Говоритъ, онъ такой добрый, благородный!

Мавра Перфильевна.—Дуняша очень его хвалитъ?.. Хорошъ женихъ! Этакой безсовѣстный! Да чего отъ него ждать!.. Мнѣ тоже, сударыня моя, обѣщалъ графскіе луга отмежевать; да мялъ, мялъ два года... послѣ и говоритъ, что мнѣ, вишь, не слѣдуетъ. Да кабы слѣдовало, я бы его и просить не стала. Изъ своего нѣчего кланяться. Вотъ Усинъ такъ посредникъ: сейчасъ для меня сдѣлалъ. Зато,—говоритъ,—Мавра Перфильевна, что васъ,—говоритъ,—Софья Николаевна любитъ. Вотъ молодецъ, нѣчего сказать! Вотъ такъ женихъ!... Душъ за нимъ хоть и немного, да ума много. Наживетъ больше, чѣмъ прожилъ.

Софья.—Онъ, говорятъ, мотъ такой?

Мавра Перфильевна.—Кто, мой другъ, Софья Николаевна, не былъ молодъ! Не велика бѣда, что триста душъ прожилъ. Съ его умомъ да со случаемъ впятеро наживетъ. (*Смотритъ въ карты.*) Быть вамъ за нимъ, милая моя Софья Николаевна. Помяните мое слово.

Софья.—Я и безъ картъ знаю, что мнѣ быть или за нимъ, или за Алексѣемъ Прокофьичемъ. Маменька говоритъ, что этихъ партій она ни за что не пропуститъ. А я не люблю ихъ обоихъ... Впрочемъ, конечно, какой партіи лучше ждать мнѣ!

Мавра Перфильевна (*цалуетъ ее*).—Умница вы моя!

IX.

Тѣ же и Лакей.

Лакей (*подаетъ Софьѣ письма.*) — Отъ Дмитрія Иваныча Игнатова-съ.

Софья.—Ко мнѣ?

Лакей.—Точно такъ-съ.

Софья.—Прочтите, милая моя Мавра Перфильевна, что это такое?.. Какая переписка у меня съ Игнатовымъ!.. Кто это принесъ?

Лакей.—Ихній мужикъ изъ села-съ.

Мавра Перфильевна (*надѣваетъ очки и читаетъ*).—«Милости-«вѣйшая государыня Софья Николаевна. Слишкомъ полтора года «продолжаю я мое служеніе въ благородномъ дворянскомъ собра-«ніи; но нетокмо никакихъ практическихъ занятій, соединенныхъ «съ достоинствомъ писца, но и самой цѣли моего существованія «въ ономъ нисколько не узналъ я! Отчего рвеніе мое къ жизни, «часъ отъ часу слабѣя, наконецъ совсѣмъ истощилось. Въ такомъ «положеніи утопая, я увидалъ вашъ прелестный образъ и всмотря-«ваяся въ оный, ощутилъ въ себѣ новое рвеніе къ жизни. Поче-

Digitized by Google

«му, по свойственному мнѣ разсужденію, я принимаюсь за перо, да-«бы начертать вамъ сіе посланіе, силамъ и разумѣнію моему свой-«ственное. Затѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, остаюсь съ моимъ высокопо-«чтеніемъ и преданностію, милостивая государыня, вашъ наивсе-«покорнѣйшій слуга Дмитрій Ивановъ сынъ Ягнятевъ, изъ дворянъ «писецъ 2-го разряда». (*Софья и Мавра Перфильевна смѣются*).

Лакей.—Мужику велѣно дожидаться отвѣта.

Софья.—Разскажи, что ты видѣлъ (*Лакей уходитъ*).

Мавра Перфильевна.—Землемѣръ идетъ сюда.

Софья (*торопливо и покраснѣвъ*). — Ахъ, милая Мавра Перфильевна, онъ хотѣлъ мнѣ сказать что-то по секрету.

Мавра Перфильевна (*глядя на нее пристально*). — Что вы такъ раскраснѣлись?.. Г. Ромбинъ можетъ здѣсь при мнѣ разсказать вамъ свои великіе секреты...

X.

Тѣ же и Ромбинъ.

Ромбинъ (*входитъ съ кипою плановъ и бумагъ, кланяется Софьѣ и Маврѣ Перфильевнѣ; кладетъ планы и бумаги на отдаленный столъ и подходитъ къ Софьѣ*).—Мнѣ бы хотѣлось сказать вамъ два слова. (*Они выходятъ впередъ.*) У меня нѣтъ времени для предисловій. Я буду говорить съ вами прямо и откровенно, какъ братъ съ сестрой... (*Пауза. Глядитъ на нее съ гордою улыбкою.*) Васъ не обижаетъ это?

Софья. — Почему можетъ меня обижать это?.. Почему мнѣ не быть вашею сестрою?

Ромбинъ.—Ну, вы не много черезъ это выиграете... (*Пауза.*) Я долженъ сказать вамъ, Софья Николавна, что, при здѣшнемъ раздѣлѣ... ваша матушка... Простите меня: я считаю себя обязаннымъ сказать вамъ... что ваша матушка... требуетъ непринадлежащаго ей... Посредникъ... не знаетъ этого. Его письмоводитель плутъ... Онъ обманулъ глупыхъ мужиковъ... Это имѣніе—приданое ваше.

Софья.—Нашу дачу будетъ дѣлить Усинъ...

Ромбинъ.— Еще лучше!.. Аистовъ хоть ничего не понимаетъ, за то не беретъ. Его мошенника Кривдина можно прогнать къ чорту!... а Усинъ!.. Но онъ... (*смотритъ на Софью.*) Пойдемте, я покажу вамъ на планѣ... (*Они удаляются къ дальнему столу, гдѣ Ромбинъ показываетъ и оба съ Софьею говорятъ съ жаромъ и чувствомъ*).

Мавра Перфильевна (*раскидываетъ карты и искоса наблюдаетъ за Ромбинымъ и Софьею*).—Этотъ хватъ что-то черезъ-чуръ чув-

Digitized by Google

ствительно разсказываетъ по своимъ планамъ! (*пауза.*) Я не боюсь, что онъ разстроитъ мои намѣренія, но онъ собьетъ Софью .. (*пауза*) эту упрямицу... Послѣ возись опять съ нею (*пауза*)... Софья Николавна!.. Не слышитъ.

Ѳедосья Ивановна (*за сценою*).—Семенъ! гдѣ Мавра Перфильна?.. Да позови сюда барина!.. (*Мавра Перфильевна встаетъ и уходитъ. Софья выходитъ впередъ и утираетъ глаза.*)

XII.

Тѣ же и Ѳедосья Ивановна.

Ѳедосья Ивановна (*выходитъ и смотритъ пристально на Ромбина и Софью*). — Что у васъ такое?.. Ты, Сонюшка, съ заплаканными глазами; посмотри, какъ раскраснѣлась... Вы, Евгеній Николаичъ, кажется, тоже не въ своей тарелкѣ?.. Что съ вами?.. Что ты, Сонюшка?

Сонюшка. — Я ничего, маменька...

Ѳедосья Ивановна. — Евгеній Николаичъ, объясните хоть вы эту загадку... О чемъ она плакала?

Ромбинъ. — Не знаю... Мои дѣла здѣсь кончены, и я ѣду...

Ѳедосья Ивановна (*строго*). — И прекрасно сдѣлаете...

Сонюшка. — Но вы можете отвѣчать за это... Я не хочу...

Ѳедосья Ивановна. — Софья! это не твое дѣло!.. Ты на себя не похожа... Извольте идти въ вашу комнату... Прощайте, Евгеній Николаичъ (*онъ идетъ изъ комнаты*). Вы слишкомъ самонадѣянны!.. (*Ромбинъ останавливается; но, подумавъ нѣсколько, уходитъ. Софьѣ.*) Ступай въ свою комнату; я послѣ поговорю съ тобою. (*Софья уходитъ.*)

XIII.

Ѳедосья Ивановна и Николай Петровичъ.

Николай Петровичъ (*входитъ съ арапникомъ въ рукахъ*). — Представь себѣ, ангелъ мой, какое происшествіе!.. Это ужасно!.. Буланая моя совершенно испорчена! Бестія, Тришка!.. Какъ тебѣ это нравится? Воля твоя... ужь я его каналью!..

Ѳедосья Ивановна.—Николай Петровичъ, я васъ просила сюда за весьма-серьёзнымъ дѣломъ.

Николай Петровичъ. — Гм! Представь себѣ: закидывается... хоть брось!.. Ни на что не похоже...

Ѳедосья Ивановна.— Николай Петровичъ, Сонюшкѣ дѣлаетъ предложеніе Прокофій Алексѣичъ Усинъ.

Digitized by Google

Николай Петровичъ. — Представь себѣ... Мимо колодца не йдетъ да и полно!.. Хоть зарѣжь!.. Я велю Тришку выпороть, воля твоя!

Ѳедосья Ивановна. — И прекрасно сдѣлаете. Только теперь поговоримъ о Сонюшкѣ...

Николай Петровичъ.—Да, разумѣется, нѣчего дѣлать. Усинъ давалъ мнѣ за нее полторы... Прійдется отдать. Каково положеніе!..

Ѳедосья Ивановна. — Полноте, другъ мой, что вы это говорите?..

Николай Петровичъ.—Да чортъ ли въ ней теперь! А Усинъ еще этого не знаетъ.

Ѳедосья Ивановна. — Послушайте же, Николай Петровичъ, что я вамъ говорю.

Николай Петровичъ.—Что такое, мой ангелъ? Сонюшкѣ женихъ что ли еще? Ну, и прекрасно... Я очень-радъ. А что же Анстовъ?

Ѳедосья Ивановна.—Богъ его знаетъ. Дуняша говоритъ, что онъ влюбленъ въ Соничку и хочетъ свататься, а не сватается.

Николай Петровичъ. — И прекрасно. Слѣдовательно, ангелъ мой, мы можемъ Софью за другаго отдать. А кто такой за нее сватается?

Ѳедосья Ивановна.—Прокофій Алексѣичъ Усинъ.

Николай Петровичъ.—Усинъ?.. эка бестія!.. Да онъ славный малый.

Ѳедосья Ивановна.—Что же, Николай Петровичъ, онъ вамъ не нравится развѣ?

Николай Петровичъ.—А развѣ я сказалъ это?

Ѳедосья Ивановна.—Правда, онъ мотоватъ, повѣса порядочный; но женитьба многихъ исправляетъ. Притомъ же, онъ уменъ и, главное—съ прекрасною роднею и съ славною фамиліею и чиномъ. Графъ Бутылинъ, Андрей Андреичъ, ему не дальняя родня... графъ Андрей Андреичъ. А Прокофій Алексѣичъ съ его ловкостію съумѣетъ роденькою воспользоваться. Это было бы безподобно для нашего Петруши... Правда, выгодная партія и Анстовъ: пятьсотъ душъ и смирный малой. Да ужь вялъ изъ-рукъ-вонъ... Я не люблю этакихъ! Отъ него во сто лѣтъ сватовства не дождешься... Конечно, не трудно это устроить... Я ужь, право, не знаю, что и дѣлать? Какъ вы рѣшите, Николай Петровичъ?

Николай Петровичъ (*который слушалъ все внимательно, съ важностію*).—И прекрасно!.. Слѣдовательно, ангель мой, пусть Софья сама выберетъ; а ты мнѣ скажешь...У этого пятьсотъ душъ; смирный малой; а у того графъ Бутылинъ родня... и самъ чортъ не

Digitized by Google

разберетъ. Все это прекрасно: только разсуждать, да обсуживать, да выбирать — мое почтеніе! у меня сегодня голова разстроена... Этотъ бестія Тришка испортилъ буланую: хоть брось!

Ѳедосья Ивановна. — Вамъ ничего не говорилъ Аистовъ? Не дѣлалъ предложеніе?

Николай Петровичъ.—Аистовъ?.. говорилъ и дѣлалъ предложеніе... Я и забылъ сказать тебѣ.

Ѳедосья Ивановна. — О-о! прекрасно! безподобно! а мнѣ ни слова!.. Такъ пускай же его!.. Вы что ему сказали?

Николай Петровичъ.—Я?.. я, ангелъ мой, ничего ему не сказалъ.

Ѳедосья Ивановна.—Ну, онъ по моему не хочетъ дѣлать: говоритъ, что въ пустоши Загорной намъ ничего не слѣдуетъ... хотѣлъ мимо меня... Увидимъ!..

Николай Петровичъ. — И прекрасно, мой другъ (*съ важностію*). Я надѣюсь, Ѳедосья Ивановна, что вы за меня все обсудите... А я, мой ангелъ, пойду высѣку Тришку (*хочетъ идти*).

XIV.

Тѣ же, Мавра и Марья Перфильевны, Аистовъ, Кривдинъ, Михайла Михайловичъ, Павелъ Павловичъ, Аѳанасья Аѳанасьевна, Софья и Ромбинъ (который входитъ послѣ. Всѣ входятъ; гости раскланиваются съ Николаемъ Петровичемъ и Ѳедосьею Ивановною. Михайла Михайловичъ и Павелъ Павловичъ подходятъ ей къ рукѣ, Аѳанасья Аѳанасьевна и Марья Перфильевна цалуются съ нею).

Ѳедосья Ивановна.—Какъ вы ночевали, Павелъ Павловичъ?

Павелъ Павловичъ. — Прекрасно, сударыня, за десять лѣтъ выспался.

Ѳедосья Ивановна. — Покойно ли вамъ было, Михайла Михайловичъ?

Михайла Михайловичъ.—Благодарю васъ покорно... чудесно было! безподобно!

Павелъ Павловичъ. — Что вы нынѣшнюю ночь такъ ворочались?..

Михайла Михайловичъ (*ему въ сторону*).—Вы вѣчно сунетесь не кстати... Какъ ваше здоровье, Николай Петровичъ?

Николай Петровичъ.—Слава Богу, благодарю васъ. Какое сегодня важное утро!

Павелъ Павловичъ. — Да-съ, знатное утро!.. Такъ, знаете... этакъ (*дѣлаетъ жесты руками*)... препріятное.

Digitized by Google

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Да-съ, благодаря Бога; для уборки Богъ даётъ деньки.

Павелъ Павловичъ. — Точно такъ-съ. Воздухъ, знаете (*показываетъ руками*)... такъ это... Знатно для сѣна.

Николай Петровичъ. — А что, Михайла Михайловичъ, Павелъ Павловичъ, надобно бы преферансикъ устроить. Золотое время терять нѣчего... Эй, человѣкъ!.. столы и карты. Да вели вонъ на тотъ столъ закуску поставить. (*Раскладываются столы, распечатываются карты и совершаются всѣ приготовленія къ преферансу. Лакеи между-тѣмъ приносятъ закуску.*)

Ромбинъ (*входитъ въ это время; подходитъ къ Аистову и отводитъ его впередъ*). — Алексѣй Прокофьичъ, я ѣду.

Аистовъ. — Ну, вотъ тебѣ на! Ну, скажите пожалуйста, какъ вамъ не стыдно. Что мы безъ васъ станемъ дѣлать?.. Что у васъ за надобности явились?

Ромбинъ. — Мнѣ нѣчего здѣсь дѣлать...

Аистовъ (*смотритъ на него съ улыбкою*). — Что вы такъ встревожены?.. А, понимаю!.. прелестная мамзель... какъ бишь ее?.. А помните, вы сами говорили, что прелестная гувернантка не должна мѣшать службѣ?

Ромбинъ (*съ досадою*).—Гувернантка! служба! здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго (*въ-сторону*). Этотъ гусь чортъ-знаетъ что́ еще выдумаетъ (*громко*). Впрочемъ, до вечера я останусь.

Аистовъ.— Да помилуйте, меня и самого дай-Богъ, чтобъ до вечера стало (*подходитъ къ Николаю Петровичу*). Николай Петровичъ, не лучше ли до завтрака, съ свѣжею головою, заняться раздѣломъ? Владѣльцы всѣ собраны, и сегодня надобно непремѣнно кончить.

Николай Петровичъ (*съ досадою*).—Я это слышу въ шестнадцатый разъ (*Михайлу Михайловичу и Цавлу Павловичу*). Вотъ тебѣ и преферансъ нашъ! Милости прошу, хоть закусить (*пьютъ водку и закусываютъ.*)

Михайла Михайловичъ (*подходитъ къ Ромбину съ надменностью*).—Милостивый государь, я было-забылъ спросить васъ: какъ вы смѣете писать приказы сестрѣ моей... Развѣ вы не знаете, что она благородная дама?

Ромбинъ.—Милостивый государь, прежде всего вспомните, что вы не имѣете права меня такъ спрашивать, а потомъ увѣрьтесь, что приказы мои вашей сестрицѣ существуютъ только въ вашемъ воображеніи.

Михайла Михайловичъ (*съ запальчивостью*). — Я вамъ говорю, что вы писали приказы моей сестрѣ. Ей приносилъ сотскій.

Ромбинъ. — А! такъ это были приказы сотскому; обыкновенная форменная повѣстка.

Digitized by Google

Михайла Михайловичъ. — Да какое право имѣете вы писать приказы сотскому?

Ромбинъ. — За оскорбленіе достоинства сотскаго я готовъ дать вамъ всякое удовлетвореніе.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Евгеній Николаичъ! А какое право имѣли вы размежевать мою усадьбу — Хвостино?

Ромбинъ. — Не угодно ли вамъ спросить объ этомъ господина посредника.

Анстовъ (*важно*). — Усадьба ваша размежевана по моему приказанію.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Да вы, Алексѣй Прокофьичъ, знаете-ли какъ она размежевана?... Представьте себѣ: господинъ землемѣръ шелъ, шелъ все вотъ такъ зигзагами (*показывая рукою*)... да и хлопъ! у самыхъ у воротъ у скотнаго двора и поставилъ столбъ съ печатью и яму вырылъ... Каково это? Я, сударь, велю столбъ этотъ выбросить и яму зарыть! это просто насмѣшка!

XV.

Тѣ же, Емельянъ Ивановъ и Крестьяне, которые, входя, крестятся и устанавливаются.

Емельянъ Ивановъ (*расправляетъ бороду и кланяется сперва Николаю Петровичу, потомъ Ѳедосьѣ Ивановнѣ, а послѣ всѣмъ прочимъ*). — Наше высокопочитаніе, сударь, Николай Петровичъ, сударыня Ѳедосья Ивановна и всей честной компаніи.

Николай Петровичъ. — А, Емельянъ Иванычъ, здорово, братъ! здорово! какъ поживаешь?

Емельянъ Ивановъ (*кланяется*). — Вашими, сударь, молитвами.

Ѳедосья Ивановна. — Хозяйка твоя здорова ли? дѣтки?

Емельянъ Ивановъ (*кланяется*). — Все, слава Богу, матушка, по-маленьку (*кланяется*). Глубочайше кланяются вашей милости.

Николай Петровичъ. — Садись-ка, Емельянъ Иванычъ; гость будешь.

Емельянъ Ивановъ. — Ничего, сударь; не извольте безпокоиться. Чувствительно остаемся довольны, батюшка Николай Петровичъ. Мы и постоять можемъ.

Николай Петровичъ. — Ну, садись, полно (*крестьянамъ, которые въ это время переставъ креститься, кланяются ему.*) Здравствуйте, ребята, здравствуйте.

Ѳедосья Ивановна (*Аѳанасью Аѳанасьевну*). — Вы не можете представить, какъ мнѣ надоѣли эти неучи; по милости Алексѣя

Digitized by Google

Прокофьича, хоть изъ дому вонъ бѣги съ этимъ раздѣломъ. Подумайте: сегодня въ шестнадцатый разъ!

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Что и говорить, матушка, Ѳедосья Ивановна! мало ли вы изволите принимать безпокойства... О-о-охъ, то-то дѣтки-то!

Ѳедосья Ивановна. — Да, конечно; будь эта земля не сонюшкино приданое, я давно бы на все плюнула и прогнала бы всѣхъ ихъ.

Аистовъ. — Теперь всѣ собрались (*Ромбину съ важностью*). Извольте дѣлать ваше дѣло!

Ромбинъ. — Мое дѣло смотрѣть и дожидаться конца.

Кривдинъ. — А развѣ не ваше дѣло, Евгеній Николаичъ, уговаривать владѣльцевъ? На что же вы, коли такъ, и присланы?

Ромбинъ (*съ сильною досадою*). — Истинно, мой любезный Петръ Иванычъ: на что я присланъ, если ужь и ты смѣешь меня учить, а я долженъ слушать?

Кривдинъ. — Вы ужь черезъ-чуръ, сударь, спѣсивы; по-маленьку надобно.... Не все же Алексѣю Прокофьичу за васъ дѣлать.

Ромбинъ. — За меня, Алексѣю Прокофьичу? (*смѣется. Аистову.*) Сказка готова.

Аистовъ. — Вы написали ужь сказку? А какъ? съ чего вы ее написали?

Ромбинъ (*улыбаясь*). — Разумѣется, подъ руководствомъ вашимъ.

Михайла Михайловичъ. — Если сказка написана такъ, какъ въ прошедшій разъ согласились, я первый не согласенъ. (*Съ горячностью*) Я не намѣренъ уступать Павлу Павловичу ни за што, ни про што четверть десятины самой лучшей одворочной земли... Покарай меня Богъ, если я уступлю. Ни за что въ свѣтѣ!

Павелъ Павловичъ. — Vжь и четверть десятины! ужь и самой лучшей земли!... Эхъ, полноте, Михайла Михайлычъ. Вѣдь только такъ... позвольте сказать... вы тово... это (*дѣлаетъ жесты руками*)... то-есть просто... такъ, одинъ капризъ только вашъ.

Михайла Михайловичъ (*съ запальчивостью*). — Какъ вы мнѣ смѣете сказать это, милостивый государь?!.. Какъ вы смѣете, сударь?! Кровь всю отдамъ послѣ этого, а не дамъ вамъ четверти десятины одворочной земли!

Павелъ Павловичъ. — Да полноте кричать, Михайла Михайлычъ! здѣсь вѣдь никто васъ не боится.

Михайла Михайловичъ (*съ крикомъ*). — Вы не можете заставить меня отдать вамъ мою собственность! и никто не можетъ, кромѣ Бога и моего Государя.... Я несогласенъ на раздѣлъ.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — И я несогласна отдать пять са-

Digitized by Google

женъ отъ своего сада! Слыханное ли это дѣло? У меня тамъ нашія груши-бергамоты посажены.... Ни за что не уступлю!

Марья Перфильевна. — А я безъ того на раздѣлъ не согласна. Помилуйте! мнѣ бани людской не гдѣ поставить.—Не передъ окнами же у меня имъ мыться!.. Да еще я же лужокъ отдай подъ окнами, и мимо моихъ воротъ чужое сѣно будутъ возить! какъ бы не такъ!

Николай Петровичъ. — Я не позволю въ своей рощѣ брать грибы.

Павелъ Павловичъ. — А я ни за что на свѣтѣ не пущу дичь стрѣлять въ своей дачѣ!

Ѳедосья Ивановна. — А я не позволю въ нашемъ лѣсу брать ягоды.

Аистовъ. — Господа! вѣдь надобно же чѣмъ нибудь кончить.

Павелъ Павловичъ. — Не прикажете ли все отдать?

Ѳедосья Ивановна. — Довольно и такъ порубили нашего лѣса.

Марья Перфильевна. — А что мы люди бѣдные, такъ у насъ и послѣднее отнять?

Николай Петровичъ. — Я на все согласенъ.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Я первая изъявила желаніе.

Аистовъ. — Какъ вамъ угодно. Сегодня я созвалъ васъ въ послѣдній разъ. Вы знаете, что до срока недалеко.

Николай Петровичъ. — Мы ужь пятнадцать разъ собирались, и вы не можете согласить насъ.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Мы знаемъ, что еще далеко до срока.

Павелъ Павловичъ. — Вы собираете насъ Богъ-знаетъ зачѣмъ. Время еще терпитъ.

Михайла Михайловичъ. — Вы только насъ перессорили всѣхъ съ вашимъ полюбовнымъ согласіемъ.

Марья Перфильевна. — У насъ ужь вотъ три года поля не удобряются!

Ѳедосья Ивановна. — У насъ весь лѣсъ въ три года вывели. Все по милости вашего раздѣла.

1-й крестьянинъ. — И мы не согласны поскотину общую.

2-й крестьянинъ. — Эка царенъ! на-поди! Не тебѣ ли всю землю отдать? Подавишься! Восесь и то сноха твоя Матрёха похвалялася.... Да не жить, не бывать по вашему!...

1-й крестьянинъ. — Не-бось по твоему? Эко дѣло, какой воевода! Смотри-ну!

Софья (*хохочетъ, Ромбину*). — Посмотрите, въ какой амитаціи

всѣ. Точно Богъ-знаетъ что случилось! Бѣлый Алексѣй Прокофьичъ!

Аистовъ. — Нѣтъ, баста! Ни за какія блага въ мірѣ не хочу быть больше посредникомъ! Что тутъ станешь дѣлать? Въ шестнадцатый разъ одно и то же!

3-й крестьянинъ (*Николаю Петровичу*).—Ваше благородіе, прикажите слово молвить.

Николай Петровичъ.—Говори, братецъ, что такое. Авось ты насъ развяжешь.

3-й крестьянинъ.—Вѣдь не спроста же, знать, старики-то баютъ, что скоро переставленіе свѣта будетъ... (*Ѳедосью Ивановнѣ*) Вѣрно, матушка! У Матюшки,—изволите знать сидорова парня?—есть, баитъ, книга: что земля-де будетъ измѣряться и возстанетъ языкъ на языкъ...

4-й крестьянинъ. — А что, парень! и мы экія рѣчи слыхали. Да и чудно же оно! Родясь жили на землѣ, не мѣряючи...

Ромбинъ (*Аистову*).—Позвольте мнѣ...

Аистовъ. — Дѣлайте, что хотите.

Ромбинъ (*Емельяну Иванову*). — Ты, Емельянъ Иванычъ, доволенъ своей землей?

Емельянъ Ивановъ (*кланяется*). — Премного довольны. Нижайше благодаримъ за ваше уваженіе.

Ромбинъ.—Подписывай сказку.

Емельянъ Ивановъ (*кланяется*). — Съ нашимъ удовольствіемъ. (*Сморкается, засучиваетъ рукава, садится и подписываетъ. Ромбинъ диктуетъ ему по одному слову. Въ теченіе этого времени, Николай Петровичъ, Михайло Михайловичъ и Павелъ Павловичъ садятся за преферансъ*).

Николай Петровичъ (*Михайлу Михайловичу*).—Вамъ сдавать.

Павелъ Павловичъ. — Что ты, Иванъ, присмирѣлъ?

Иванъ. — Да что, баринъ; дѣло-то, вижу, неладно...

Николай Петровичъ.—Купилъ.

Павелъ Павловичъ.—Что такое, Иванъ?.. Купилъ.

Иванъ (*Аистову*).—А что, ваше высокопревосходительство, грѣху-то намъ никакъ ужь не изволите?

Михайло Михайловичъ.—Я пасъ.

Аистовъ.—Перестань, братецъ! кто тебѣ въ голову вбилъ этотъ вздоръ?

Иванъ (*чешетъ затылокъ*). — Нешто, сударь, ваше высокопревосходительство... И мы видимъ, что оно не слѣдуетъ; да вѣдь грѣшно же и тебѣ, братецъ ты мой, больно-грѣшно!

Аистовъ.—Что ты, дуракъ?

Иванъ.—Нѣтъ ужь, баринъ, кровь говоритъ!

Digitized by Google

Николай Петровичъ.—Тьфу ты, чортъ побери! не съ той пошелъ!.. Что такое, Иванъ?

Иванъ.—Да што, ваше графское сіятельство, позволите разсказать?

Николай Петровичъ.—Безъ одной! Вотъ, прошу покорнѣйше! А какая игра была!.. Ну, братецъ Иванъ, разскажи, что такое?

Иванъ.—А вотъ что оно, ваше благородіе: попуталъ насъ грѣхъ съ этой гривой... Эхъ-эхъ! душа ноетъ, какъ подумаешь... Приглянулся, знашь, мужичкамъ нашимъ, графскимъ, лѣсишко-то чужой, бережоной, такой ровненькій... и матерò мѣсто: десятинъ такъ полтретьяста будетъ...

Михайла Михайловичъ. — Тьфу, ты, пропасть! вотъ купилъ дрянь!

Николай Петровичъ (*Ивану*). — Ну?

Иванъ.—Ну, вотъ мы, знашь ты, пошли къ межавому, къ его здоровью (*показываетъ на Ромбина*), поспрошать: нельзя ли, тоись, за нами его замежевать, лѣсокъ-то...

Павелъ Павловичъ (*съ упрекомъ Михайлѣ Михайловичу*).—Съ чего вы это пошли-то?

Михайла Михайловичъ.—Я васъ прошу не учить меня!

Николай Петровичъ.—Ну, братецъ Иванъ, вы пошли къ межевому?

Иванъ.—Ну, братецъ ты мой, пошли мы къ межавому, знашь; межавой, знашь, поглядѣлъ по планамъ... «Не ваше» баитъ: «нельзя»... и поклона не принялъ: ну, такъ, знашь ты,—нельзя да нельзя! На грѣхъ, пріѣзжаетъ къ намъ его милости писарь (*показываетъ на Аистова*). Старики къ нему: все о лѣсишкѣ-то, знашь. «Можно» баитъ: «только посрественнику надо поклониться» (*Кривдинъ скрывается*).

Павелъ Павловичъ (*Михайлѣ Михайловичу*). — Для чего вы это убили?

Михайла Михайловичъ.—Прошу, сударь, не учить меня!

Ромбинъ (*въ сторону*).—Конца этому не будетъ! И они всѣ такъ покойно меня мучатъ! Когда я вырвусь отсюда?! А тамъ отчеты!..

Николай Петровичъ.—Продолжай, Иванъ. (*Всѣ смотрятъ на Аистова.*)

Иванъ.—Ну, вотъ, ваше графское сіятельство, міръ, знашь ты, собрался; православные покалякали: два ста рублёвъ, дескать, надобно посрественнику... (*Аистовъ встаетъ.*) Не сколько казны, два ста рублёвъ! Собрали, снесли къ писарю...

Аистовъ (*въ досадѣ и смущеніи*). — Кривдинъ! Гдѣ онъ? куда онъ дѣвался? Онъ здѣсь былъ... Человѣкъ! кликни сюда Кривдина.

Николай Петровичъ (*потираетъ съ усмѣшкою руки*).—Ну-ну,

Digitized by Google

Иванъ! Такъ вы, дружочекъ ты мой, и снесли писарю-то двѣсти рублей?

Иванъ.—Нешто, ваше благородіе. Ну, да про эфто што баить: деньги дѣло наживное! Я таки, нѣча молвить, сказывалъ мужичонкамъ: «эй, ребята! не дѣло молъ-ста затѣваете; на чужое нѣ ношто глаза пялить». И барынька-то не съ зажиткомъ, чей лѣсокъ-то, знашь. Да куда-те! ревутъ, слышь, себѣ одно: «какъ станешь безъ лѣсу жить?» (*Плюетъ.*) Провалитесь вы, окаянные!

Николай Петровичъ.—Такъ посредникъ падулъ васъ? (*Смѣется. Аистову.*) Эта бестія Кривдинъ у васъ штуку сыгралъ. Волю большую вы ему дали.

Аистовъ (*съ сердцемъ, разстроенный*). — Гдѣ этотъ мерзавецъ Кривдинъ?

Лакей.—Письмоводитель вашъ уѣхалъ.

Николай Петровичъ.—Жаль мнѣ васъ, дружокъ. (*Павлу Павловичу*) Вамъ сдавать.

Иванъ.—Чево еще эфтова жалѣть, ваше графское сіятельство...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(*Всѣ расходятся, кромѣ Аистова и Ромбина*).

XVI.

Аистовъ ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи. Ромбинъ.

Ромбинъ.—Прощайте, Алексѣй Прокофьичъ.

Аистовъ.—Мы ѣдемъ вмѣстѣ.

Ромбинъ.—Такъ я велю подавать лошадей. (*Въ это время раздается звукъ колокольчика вдали. Ромбинъ выходитъ. Слышенъ крикъ ямщика: «эхъ, вы соколики! ну, копайся!»*)

XVII.

Аистовъ одинъ.

Всѣ мои надежды рушились: и Софья, и награда... Мерзавецъ Кривдинъ! (*Слышенъ «тпррръ» ямщика.*) Охъ, ужь это мнѣ межеванье!

XVIII.

Аистовъ и Усинъ входитъ.

Аистовъ. — А! и вы, Прокофій Алексѣичъ! Все вмѣстѣ! Но будьте покойны, я не отдамъ вамъ здѣшняго дѣла...

Digitized by Google

Усинъ.—Не безпокойтесь! Оно мнѣ вовсе не нужно. Мнѣ было нужно предписаніе коммиссіи.

Аистовъ.—Хорошо-съ. Мы увидимъ. Эта исторія не кончена... Софьи не видать вамъ, какъ ушей своихъ! (*Уходитъ поспѣшно. Усинъ уходитъ въ другую сторону.*)

XIX.

Софья подходитъ къ окну и смотритъ. Дуняша держитъ ея шлейфъ.

Дуняша. — Полно-те плакать, сударыня; онъ вѣдь назадъ пріѣдетъ... Какъ вамъ не стыдно, барышня, такъ безпокоиться попусту: все зависитъ отъ воли вашей. (*Софья глядитъ на нее.*) Вамъ стоило только сказать слово... Алексѣй Прокофьичъ безъ ума отъ васъ...

XX.

Тѣ же и Ѳедосья Ивановна, а немного послѣ Николай Петровичъ.

Ѳедосья Ивановна.—Ты, ничего, опять плакала, Софья? Что съ тобою дѣлается? Развѣ тебѣ не все равно, что Аистовъ, что Усинъ? Какая глупая сантиментальность!

Николай Петровичъ.—Сонюшка, ангелъ мой, ты плачешь объ Аистовѣ?.. Не плачь, поцалуй меня... Мы не выдадимъ тебя замужъ противъ воли.

XXI.

Тѣ же и Лакей подаетъ письмо Софьѣ, которая, посмотрѣвъ на адресъ, молча передаетъ Ѳедосьѣ Ивановнѣ.

Ѳедосья Ивановна.—Это къ тебѣ; отъ кого? (*Распечатываетъ и читаетъ.*) «Милостивая государыня Софья Николаевна! Вы смѣетесь надо мною, — Господь съ вами! Я иду въ солдаты. Богъ вамъ судья! Вашъ покорнѣйшій слуга Дмитрій Ягнятевъ.»

Николай Петровичъ. — Въ солдаты? И не оставилъ повѣреннаго для раздѣла! Экій вѣтренный мальчишка!.. Теперь опять десять лѣтъ конца не дождешься... Я невиноватъ! пускай съ него штрафъ взыщутъ по рублю съ десятины, а у него ихъ и всего-то сто!.. Скажи, мой ангелъ, какой глупый день: всѣ точно съ ума сошли. Раздѣлъ лопнулъ въ шестнадцатый разъ, бѣдная Сонюша моя плачетъ и этотъ рикалья Тришка испортилъ буланую! Усинъ хоть дастъ мнѣ за нее, съ перваго слова, полторы тыся-

Digitized by Google

чи... Да нѣтъ, мой ангелъ, какъ ты думаешь, все-таки я сегодня очень разсерженъ?.. Тришку надобно высѣчь... а?.. Ну, ужь я жь его пойду вздую! Я ему задамъ...

II.

ЗЕМЛЕМѢРЪ.

Такимъ образомъ кончилось это шестнатцатое «полюбовное совѣщаніе». Почтенное общество «черезполосныхъ» совладѣльцевъ осталось у Николая Петровича, чтобы сдѣлать всѣ необходимые комментаріи на исторію Ивана! что каждый считалъ священнѣйшею для себя обязанностію. — Николай Петровичъ былъ такъ увлеченъ въ пренія, которыя возникли по этому важному предмету, что далъ слово отложить до завтрашняго дня совѣщаніе съ Тришкою.

Эти пренія, конечно, достойны того, чтобъ ихъ передать для назиданія людей мыслящихъ; но подобныя исторіи столько разъ и такъ подробно уже были описываемы, что на этотъ разъ могутъ уступить мѣсто событіямъ болѣе-важнымъ, болѣе-величественнымъ, которыя послѣдовали за печальною развязкою посредническихъ подвиговъ Алексѣя Прокофьича.

Я считаю долгомъ (чтобъ успокоить сердца чувствительныя, можетъ-быть начинающія уже трепетать за будущность достойнаго г. Аистова), сказать только, что всѣ эти шумные споры и толки кончились совершенно-ничѣмъ и не имѣли рѣшительно никакого результата.

Между-тѣмъ, какъ гости Николая Петровича, уставъ спорить и кричать, сѣли въ 2 часа обѣдать, напились въ 7 часовъ чаю, сыграли нѣсколько партій въ преферансъ, и наконецъ, въ 9 часовъ, разъѣхались, съ совершеннымъ душевнымъ спокойствіемъ, котораго не могъ уже поколебать и Усинъ, предлагавшій имъ приступить къ

Digitized by Google

раздѣлу безъ Ягнятева (съ основательностію предполагая, что онъ вѣрно не будетъ спорить противъ общаго мнѣнія), несчастный Аистовъ, погруженный въ уныніе, ѣхалъ съ Ромбинымъ въ свою усадьбу.

Около получаса продолжалось краснорѣчивое молчаніе, котораго Ромбинъ, какъ видно было, не собирался прерывать, потому-что онъ съ явнымъ наслажденіемъ любовался видами, разстилавшимися передъ ними. Эти виды были не такъ роскошны; но въ прекрасный іюльскій день, самая простая деревенская природа, знаете, имѣетъ какую-то прелесть (для любителей). Притомъ же, нѣсколько верстъ дорога шла берегомъ Волги.

— Каково полюбовное совѣщаніе?! сказалъ наконецъ Аистовъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Да-съ! отвѣчалъ разсѣянно Ромбинъ.

— Евгеній Николаичъ, продолжалъ Аистовъ:—я нѣсколько виноватъ передъ вами... Вы прекрасный человѣкъ, я это давно видѣлъ; но бестія Кривдинъ... ахъ, этотъ мерзавецъ Кривдинъ!!! Скажите, пожалуйста—какова выходка? Онъ осрамилъ меня! Фу, чортъ возьми, какая исторія! Я бы лучше сквозь землю провалился!.. И, послѣ всего, я желаю знать: что я стану безъ него дѣлать?.. Завтра же подамъ въ отставку.—И что за идея пришла мнѣ сдѣлаться посредникомъ! — Да, теперь давайте мнѣ... мильйонъ, чтобъ я остался, — ни за что въ мірѣ! Клянусь вамъ.

— Однакожь, вамъ надобно остаться.

— Надобно?!

— Да, надобно. Я буду говорить съ вами откровенно. Эгоизмъ, разумѣется, прежде всего, сказалъ Ромбинъ, улыбаясь. — Я вовсе не хочу имѣть дѣло съ Усинымъ...

— Этотъ подлецъ!... (Алексѣй Прокофьичъ нѣсколько не понялъ фразу объ эгоизмѣ.)

—За простымъ и откровеннымъ приступомъ, вы теперь услышите дипломатическіе резоны (Алексѣю Прокофьичу эта фраза также показалась нѣсколько-замысловатою). Во-первыхъ, дурно съ вашей стороны оставить весь уѣздъ на жертву этому Усину, который, между нами будь сказано, не лучше вашего Кривдина; а васъ дворяне знаютъ какъ благороднаго человѣка...

— Да, это совершенная правда!

— Во-вторыхъ, вы уже такъ много хлопотали и ничего еще не получили: не-уже-ли вамъ не жаль бросить столько трудовъ, хотя бы, положимъ, не кабинетныхъ; а такъ — какъ бы ихъ назвать?., но все-таки трудовъ. Другіе посредники, которые тоже не переходили вовсе черезъ Сен-Готардъ, всѣ почти получили награды.

Digitized by Google

— А кто виноватъ, какъ не эта каналья Кривдинъ? Помилуйте, я съ тѣмъ бралъ его.

— Да положимте, что онъ виноватъ; а вамъ все-таки не легче.— Потомъ, если вы теперь подадите въ отставку, всѣ скажутъ, что Усинъ заставилъ васъ это сдѣлать, и представьте себѣ, какъ онъ будетъ торжествовать...

— Вотъ ужь никогда!.. Этому-то не бывать, хоть бы мнѣ пришлось самому писать полюбовныя сказки, — чортъ ихъ побери!... Только я все-таки не знаю: что такое буду я въ нихъ писать.

— Все это можно устроить; только дайте мнѣ докончить мое разсужденіе. Есть еще одна и самая сильная причина, которая должна васъ заставить служить. Усинъ опасный соперникъ во всемъ: и въ службѣ, и въ любви. — А Ѳедосья Ивановна рѣшительно объявила, что она не выдастъ Софью до-тѣхъ-поръ, покуда не размежуется ихъ дача. Она, какъ кажется, очень разсчитываетъ на это размежеваніе. Вы знаете, Ѳедосья Ивановна женщина съ характеромъ!

— Да вы меня просто приводите въ отчаяніе. Что я за несчастный человѣкъ!.. Усинъ непремѣнно раздѣлитъ эту проклятую дачу! Теперь все приготовлено. Подумайте: я сдѣлалъ уже шестнадцать совѣщаній!

И бѣдный Аистовъ повѣсилъ голову.

— Отчаяваться вовсе нѣтъ причины. Мы лучше подумаемъ, какъ это все уладить. Теперь, когда у васъ нѣтъ болѣе негодяя Кривдина, я готовъ помогать вамъ отъ всего сердца. — Притомъ, я скажу вамъ новость, которую я весьма-кстати получилъ на этихъ дняхъ: изъ Москвы сдѣлано распоряженіе, чтобъ уменьшить число посредниковъ. Васъ двое въ здѣшнемъ уѣздѣ. Вѣрно сдѣлаютъ выборы. Надобно устроить, чтобъ Усинъ опочилъ на лаврахъ.

Аистовъ пришелъ въ восторгъ и чуть не обнялъ Ромбина. Между-тѣмъ, онъ еще самъ не зналъ хорошо, чему онъ такъ обрадовался. Онъ даже забылъ, что, оставшись посредникомъ, все-таки долженъ будетъ писать полюбовныя сказки...

Начались совѣщанія между имъ и Ромбинымъ: какимъ образомъ устроить это довольно-трудное и щекотливое дѣло.

Большая часть дворянъ дѣйствительно была расположена въ пользу Аистова; но предводитель, уѣздный судья, исправникъ и нѣкоторыя прочія знаменитости были такъ неблагонамѣренны, что говорили, будто-бы Аистовъ самъ ничего не дѣлаетъ, и что имъ вовсе не нравится имѣть дѣло съ его писаремъ. А кому неизвѣстно, какъ увлекательно мнѣніе особъ высшихъ,—и потому, при всемъ расположеніи къ Аистову, многіе раздѣляли вышеупомянутое, гибельное мнѣніе.

Аистовъ не жалѣлъ шампанскаго, когда счастливый случай доста-

Digitized by Google

влялъ ему лестную возможность показать этимъ избраннымъ все свое чрезвычайное удовольствіе, которое онъ ощущалъ, принимая ихъ въ своей усадьбѣ, *устроенной какъ рай*, и въ своемъ домѣ, гдѣ ему *было такъ скучно одному*. Но Усинъ былъ мастеръ *услуживать* друзьямъ; а Аистовъ не имѣлъ этого драгоцѣннаго качества.

По разсчету оказалось, что изъ восьмидесяти-трехъ шаровъ, живущихъ въ уѣздѣ (при выборѣ посредниковъ, каждый дворянинъ имѣетъ голосъ), на выборы явятся только пятьдесятъ-пять шаровъ; двадцать-восемь человѣкъ были извѣстны своимъ отвращеніемъ отъ всѣхъ подобныхъ исторій, гдѣ нужно показать свое мнѣніе и, какъ они говорили, «ни за что, ни про что нажить себѣ врага». Изъ пятидесяти-пяти шаровъ, Аистовъ считалъ за собою вѣрныхъ двадцать-шесть (въ томъ числѣ двадцать-три родныхъ); за Усинымъ двадцать-девять, — принимая, что, сверхъ-того, пятнадцать человѣкъ положатъ избирательные шары обоимъ направо.

Теперь, задача состояла въ томъ, чтобъ нарушить это большинство. Ромбинъ увѣрялъ въ успѣхѣ. Онъ, при этомъ случаѣ, показалъ такія дипломатическія способности, съ такимъ искусствомъ сообразилъ планъ дѣйствій, такъ вѣрно описалъ Аистову слабую сторону всѣхъ особъ, которыхъ надобно было пріобрѣсть въ партію, что Алексѣй Прокофьевичъ, въ изумленіи и восторгѣ, назвалъ его своимъ другомъ и объявилъ ему, что онъ, безъ него, ничего не сдѣлаетъ. Ромбинъ обѣщалъ ему свое усердное содѣйствіе, и завтра назначено было начать исполненіе великихъ проектовъ. Первый шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобъ послать приглашеніе всему уѣзду на великолѣпный вечеръ, который, черезъ два дня, долженъ былъ сдѣлать Аистовъ.

Между-тѣмъ, новые друзья пріѣхали въ сельцо, гдѣ была квартира Ромбина. Аистовъ оставилъ его тутъ и отправился въ свою усадьбу, которая была въ трехъ верстахъ отъ романическаго сельца.

Теперь, очередь сказать нѣсколько словъ о Ромбинѣ. Онъ, какъ видно изъ предшествовавшаго объясненія, намѣревается выступить на сцену уѣзднаго міра, въ которомъ, вотъ уже годъ, онъ существовалъ почти-незамѣтно.

Ромбинъ, какъ извѣстно уже, былъ землемѣръ; но онъ не принадлежалъ къ числу землемѣровъ, образецъ которыхъ, *съ такимъ искусствомъ*, изобразилъ авторъ «Семейства Холмскихъ». Ромбинъ не пилъ водки и, по общему мнѣнію «всего уѣзда», былъ человѣкъ «образованный»; даже иныя уѣздныя дамы готовы были назвать его любезнымъ, еслибъ онъ двѣ трети своего времени не проводилъ въ болотахъ и лѣсахъ съ мужиками, и въ чертежной за планами. Онъ находилъ, однакожь, въ недѣлю нѣсколько свободныхъ часовъ, для посѣщенія окрестныхъ дворянскихъ домовъ, гдѣ были любез-

Digitized by Google

ныя дамы и дѣвицы и даже злые языки, которыхъ такъ много въ провинціяхъ (и которыхъ вовсе нѣтъ въ столицахъ), разсказывали, въ чрезвычайно-соблазнительную сторону, о знакомствѣ его съ одною сосѣднею помѣщицею, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, была очень-образована, умна и хороша собою. Самъ Ромбинъ давалъ чувствовать, что онъ имѣетъ весьма-нѣжное сердце, способное любить и испытавшее уже всю сладость и, увы! всю горечь страсти.

Жизнь Ромбина имѣетъ въ себѣ много занимательнаго. Будучи вовсе безъ состоянія, онъ усердно занимался службою и кочевалъ изъ одного края Россіи въ другой, не имѣя своего угла. Благодаря этому роду жизни, онъ пріобрѣлъ особенное, космополитическое свойство «уживаться вездѣ и со всѣми»: какъ Цыганъ, онъ былъ вездѣ дома. Онъ долженъ былъ входить въ близкія сношенія съ аристократами и съ мужиками; лавировать между тысячью необузданныхъ эгоизмовъ всякаго рода и вида, и подводить ихъ подъ одну данную идею; иногда льстить; иногда говорить въ глаза рѣзкія истины... Онъ имѣлъ дѣло съ недвижимыми имуществами; а извѣстно, какъ много человѣческихъ страстей построено на этомъ основаніи!

При такомъ невольномъ дипломатическомъ направленіи, онъ имѣлъ еще философическія и поэтическія наклонности, развившіяся также отъ рода его жизни. Самые быстрые переходы изъ одной противоположности въ другую были для него вещь обыкновенная. Подъ снѣгомъ и подъ лѣтнимъ зноемъ, въ порядочной залѣ и въ курной избѣ, на пуховикѣ и на голой землѣ, онъ былъ вездѣ на своемъ мѣстѣ и всегда въ одинаковомъ расположеніи духа. Съ одинаковымъ душевнымъ спокойствіемъ ѣлъ онъ каплуна и крестьянскія щи, пилъ воду и шампанское.

Ко всему этому должно присовокупить, что онъ, по собственному своему убѣжденію, имѣлъ довольно-пріятную наружность и довольно-порядочныя манеры.

Значитъ: онъ имѣлъ весьма-много качествъ, дающихъ право быть героемъ романа, и по этому-то уваженію я описываю его съ такою подробностію. Притомъ же, до-сихъ-поръ, землемѣръ былъ дѣйствующимъ лицомъ всего только въ одномъ романѣ, и то съ какими-то допотопными качествами.

Пріѣхавъ въ сельцо, гдѣ онъ занималъ пустой, господскій домъ, Ромбинъ тотчасъ велѣлъ накрывать на столъ; пообѣдалъ и, закуривъ трубку, отправился на постель полежать немного, чтобъ отдохнуть отъ дороги и помочь пищеваренію.

Ромбинъ былъ, какъ я сказалъ уже, человѣкъ дѣловой и дѣятельный; помечтавъ, минутъ съ пять, о Софьѣ и еще кое-о-комъ, онъ тотчасъ увлекся дѣловыми думами и вспомнилъ, что ему на-

Digitized by Google

добно готовить отчеты, которые его такъ безпокоили еще во время совѣщанія. Мысль объ этихъ отчетахъ, за которые его товарищамъ привозили иногда, на ихъ счетъ, особаго рода billets doux, съ большою церемоніею, на тройкѣ почтовыхъ,—имѣла на него такое странное дѣйствіе, что онъ внезапно почувствовалъ себя въ какомъ-то апатическомъ состояніи: поставилъ недокуренную трубку, плюнулъ, проворчавъ сквозь зубы какую-то энергическую фразу; перевернулся съ досадою на другой бокъ — и черезъ двѣ минуты улетѣлъ изъ этой мрачной и печальной дѣйствительности въ міръ роскошной, вѣчно-свѣтлой и вѣчно-юной мечты.

Въ шесть часовъ вечера, долговязый солдатъ, состоявшій при немъ въ должности денщика, подошелъ къ нему, взялъ его безъ церемоніи за руку и началъ трясти, восклицая: «Евгеній Николаичъ!»

— Ну, что? сказалъ, не раскрывая глазъ, Ромбинъ.

— Пора вставать, ваше благородіе. Вамъ письмо принесли. Да *барыня* чай кушать зоветъ.

Ромбинъ открылъ глаза и съ любопытствомъ взглянулъ на адресъ письма. Это была очень-изящная записочка, благоухающая амброю и запечатанная символическою облаткою. Почеркъ надписи былъ слишкомъ-знакомъ Ромбину. Онъ торопливо распечаталъ пакетъ и нашелъ тамъ нѣсколько строкъ, начертанныхъ премилымъ почеркомъ на премилой бумажкѣ.

Что было написано въ этой запискѣ, я не нахожу приличнымъ разказывать, потому... потому-что это завлекло бы въ слишкомъ-постороннія подробности; я нахожу достаточнымъ упомянуть только, что Ромбинъ, пылкій и страстный юноша, прочитавъ эту записку, стремительно прижалъ ее къ губамъ, и во взглядѣ его отразилась вся поэзія, которою благоухало очаровательное посланіе.

— *Барыня* два раза присылала звать васъ чай кушать, сказалъ Сидоровъ (деньщикъ), видя, что Ромбинъ не кончалъ чтенія.

Надобно знать, что въ сельцѣ жила одна старая помѣщица, у которой была молоденькая *воспитанница*. Эта почтенная дама, которую Сидоровъ называлъ обыкновенно *барынею*, была очень-любезна съ Ромбинымъ, посылала ему иногда чухонскаго масла и крепделей домашняго производства, часто приглашала на чай и всякій разъ старалась ему внушить, что у него отъ-того все въ безпорядкѣ, что онъ не женатъ до-сихъ-поръ. Ромбинъ совершенно соглашался съ этою основательною идеею. Онъ самъ имѣлъ сильное расположеніе къ семейной жизни; но объ исполненіи проектовъ по этой части онъ былъ существенно-различнаго мнѣнія съ Ѳеклою Максимовною. Она удивлялась его робости съ Танею, когда она такъ ясно давала понять, что Таня согласна быть подругою его

Digitized by Google

жизни; а онъ глядѣлъ во всѣ глаза на прелести Тани, слушалъ обоими ушами дипломатическія рѣчи Ѳеклы Максимовны и отъ чистаго сердца не понималъ своего счастія. — Секретъ благоухающей записочки теперь открылъ намъ причину такого непостижимаго хладнокровія и непонятливости.

Проницательная Ѳекла Максимовна также подозрѣвала эту скрытную причину, и говорятъ, будто она-то, въ качествѣ *ближайшей сосѣдки*, и выпустила въ свѣтъ комментаріи на знакомство Ромбина съ молодою, образованною, умною и хорошенькою помѣщицей.

Въ этотъ день было воскресенье, и Ромбинъ отправился пить чай къ Ѳеклѣ Максимовнѣ. Она дожидалась его на крыльцѣ.

— Слышалъ ты новости, мой отецъ? закричала она ему, какъ-только увидала.

— Нѣтъ.

— Да у насъ опять выборы. Сейчасъ былъ у меня становой. Посредниковъ будутъ балотировать.

— Не-уже-ли?

— Я своими глазами читала повѣстку дворянамъ. Въ будущее воскресенье зовутъ въ городъ.

— Онъ объявилъ вамъ повѣстку?

— Мнѣ? Да съ какой стати?

— Какъ, съ какой стати? Развѣ вы не здѣшняя помѣщица?

— Помилуй, мой родной! въ повѣсткѣ нѣтъ ни одной барыни.

— Право? Ну, такъ это славная исторія!

— Что такое? — Скажи-ко скорѣе; пойдемъ-ка въ покои.

Ѳекла Максимовна ввела Ромбина въ гостиную, гдѣ Таня сидѣла за самоваромъ. Ему налили чаю и послали за трубкою. Ѳекла Максимовна пылала нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ состоитъ славная исторія.

— Я въ короткихъ словахъ разскажу вамъ, въ чемъ дѣло и какую выгоду вы можете извлечь изъ этого, сказалъ наконецъ Ромбинъ. — Въ выборѣ посредниковъ имѣютъ право участвовать всѣ дворяне, у которыхъ въ уѣздѣ есть хотя десятина земли: значитъ, и всѣ дворянки. Предводитель, какъ видите, упустилъ это изъ виду: значитъ, вамъ предстоитъ подвигъ вооружить противъ него всѣхъ барынь; а барыни вооружатъ своихъ мужей, сыновей, братьевъ, племянниковъ, и пр. Барыни напишутъ ему письма и будутъ требовать, чтобъ ихъ допустили на выборы. Онѣ передадутъ шары свои кому имъ вздумается. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ Анстова оставили посредникомъ.—Вы можете разсчесть, сколько вамъ можно извлечь изъ его сосѣдства послѣ такой услуги. Я помогу вамъ. И такъ-какъ время теперь дорого, то вы сейчасъ же поѣде-

Digitized by Google

те къ Ѳедосьѣ Ивановнѣ и начнете съ нея. Вы съ нею не въ ладу: я это знаю, и теперь вамъ самый удобный случай дать ей почувствовать свою силу. Ей хочется выдать дочь за Усина; а мнѣ хочется женить на ней Аистова. Нашъ почтенный Николай Петровичъ давно замышляетъ сдѣлаться предводителемъ. Вы растолкуете Ѳедосьѣ Ивановнѣ, что теперь самый удобный случай забаллотировавъ Усина, воспользоваться Аистовымъ, который, за такую великую услугу, постарается перетянуть на сторону Николая Петровича двадцать-три родные шара, а особливо, сдѣлавшись его зятемъ. Кажется, я все разсказалъ ясно и понятно; вы видите, что вы можете сдѣлать чудеса!

Ѳекла Максимовна съ возрастающимъ жаромъ слушала быстрый разсказъ Ромбина и къ концу его длинной рѣчи почувствовала бурное вдохновеніе.

— Господи, Твоя воля! воскликнула она съ умиленіемъ: — откуда это все берется! Да ты, Евгеній Николаичъ, просто... я ужь и не знаю что такое! Вотъ рѣчи-то!... И она съ восторгомъ взглянула на Таню, которая въ это время мечтала объ офицерѣ, подумавъ, какъ она будетъ счастлива, имѣя такого умнаго мужа.

— Таня, моя милая! вели Сенькѣ заложить скорѣе повозку четверкою, да поскорѣе; а Матрёшкѣ скажи, чтобъ она приготовила мнѣ салопъ и платокъ большой.

Таня вышла. Ѳекла Максимовна долго еще толковала съ Ромбинымъ, который давалъ ей подробную инструкцію, какъ и на кого дѣйствовать. Въ планъ его операцій входили и Аѳанасья Аѳанасьевна, и Марья Перфильевна, и тѣ двадцать-восемь шаровъ мирныхъ гражданъ, которые не любили высказывать свое личное мнѣніе. Ромбинъ никого и ничего не позабылъ. Подвигъ Ѳеклы Максимовны долженъ былъ, по-истинѣ, быть блистательнымъ. Слава ожидала ее. — Наконецъ, Сенька подалъ повозку; Матрёшка надѣла на свою барыню салопъ, окутала ее большимъ платкомъ, усадила въ повозку, и лошади помчали нѣмецкимъ тротомъ.

Искра, брошенная Ромбинымъ, быстро превратилась въ пламя. Мирный уѣздъ сдѣлался театромъ войны. Всѣ женскія самолюбія взволновались. По всѣмъ проселочнымъ и большимъ дорогамъ тянулись коляски, повозки и рыдваны. Верховые лакеи скакали съ письмами по всѣмъ направленіямъ.

Вечеръ Аистова довершилъ и увѣнчалъ успѣхомъ всѣ эти подвиги. Ромбинъ, котораго Алексѣй Прокофьевичъ уже представилъ всѣмъ своимъ знакомымъ, какъ друга, сдѣлалъ чудеса въ этотъ

Digitized by Google

знаменитый вечеръ. Никто не могъ противостать его увлекательному краснорѣчію. Помѣщикъ Буринъ, лихой морякъ, пріятель Ромбина, помогалъ ему усердно.

Дѣло Аистова было выиграно. У него оказалось вѣрныхъ тридцать-шесть шаровъ мужскихъ и девятнадцать дамскихъ: — большинство непобѣдимое.

Усинъ, до сраженія, былъ разбитъ на голову, но между-тѣмъ не терялъ присутствія духа.

Выборы назначены были въ слѣдующее воскресенье. — Когда гости разъѣхались, Аистовъ кинулся на шею Ромбину. Николай Петровичъ привезъ ему, отъ Ѳедосьи Ивановны, приглашеніе къ обѣду на завтрашній день.

Ромбинъ, и безъ того немного-избалованный успѣхами по части благоухающихъ записочекъ, былъ теперь въ полномъ упоеніи отъ своего блистательнаго политическаго дебюта. Онъ почувствовалъ себя великимъ, и въ сердцѣ его, увы! начали развиваться сѣмена гордости, — этого гибельнаго порока!

Наконецъ, день, чреватый событіями, возсіялъ на горизонтѣ. Николай Петровичъ съ семействомъ былъ уже въ городѣ.

Этотъ торжественный день имѣлъ такое глубокое вліяніе на судьбу всѣхъ моихъ героевъ, что я, оставляя всѣ прочія подробности ихъ взаимныхъ отношеній, — подробности, столь богатыя занимательностію, — спѣшу описать этотъ рѣшительный день.

Digitized by Google

III.

ВЫБОРЪ ПОСРЕДНИКОВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Николай Петровичъ.
Ѳедосья Ивановна.
Софья.
Алексѣй Прокофьичъ Листовъ.
Прокофій Алексѣевичъ Усинъ.
Михайла Михайловичъ.
Павелъ Павловичъ.
Аѳанасья Аѳанасьевна.
Константинъ Сергѣевичъ Бурнинъ, помѣщикъ, пріятель Ромбина.
Ромбинъ.
Марья Перфильевна.
Мавра Перфильевна.
Ѳекла Максимовна, помѣщица.
Иванъ Ивановичъ Енотинъ, чиновникъ изъ губернскаго города, командированный по дѣламъ.
Дуняша.
Крестьянинъ.
Лакеи.

Дѣйствіе въ городскомъ домѣ Николая Петровича.

Зала съ тремя дверьми, мѣблированная столами, креслами и стульями.

I.

Софья и Дуняша.

Софья (*торопливо срѣзываетъ шитье съ пальцевъ. Дуняша помогаетъ ей*). — Какъ это несносно!.... Все не ладится!

Дуняша. — Вы торопитесь, барышня.

Софья (*вырѣзавъ шитье, разсматриваетъ*). — Дуняша, вѣдь это недурно?

Дуняша (*разсматриваетъ; — съ важностью*). — Какая прелесть, барышня!....Лучше въ двадцать разъ узора. Кому вы это вышили? Это бумажникъ?

Софья — Бумажникъ, Дуняша. Я хочу его подарить.... (*останавливается*).

Дуняша. — Что вы покраснѣли, сударыня? Это вѣрно въ подарокъ Алексѣю Прокофьичу.

Софья. — Ахъ, поди ты съ своимъ Прокофьичемъ!... Стану я для него такъ работать. Знаешь ли ты, я вышила это въ три дня.

Дуняша. — Такъ вѣрно молодому барину?

Digitized by Google

Софья (*съ маленькою досадою*). — Нѣтъ, все не то!... (*молчитъ*)... Я не знаю, отъ-чего мнѣ такъ не ловко сказать.... А *тебѣ* надобно сказать; иначе я не съумѣю отдать.... (*Задумывается*) Вотъ видишь, Дуняша, мнѣ не́ съ кѣмъ посовѣтоваться. Подруги мои такія несносныя... (*Съ замѣшательствомъ, но стараясь казаться спокойною*) Мнѣ хочется подарить этотъ бумажникъ... знаешь-ли кому?... Ахъ, какая ты безтолковая!... Евгенію (*отвернувшись*).

Дуняша. — Евгенію?!... т. е. Евгенію Николаичу Ромбину?

Софья (*уходитъ отъ нея на нѣсколько шаговъ*). — Поди, ты просто глупая!

Дуняша. (*подходитъ къ ней*). — Барышня, не извольте гнѣваться. Я такъ спросила.

Софья. — Ну, что́ тутъ удивительнаго?...Евгеній такой милый, такой добрый. Ты не знаешь, ка́къ онъ много хлопота́лъ для насъ.

Дуняша. — Ахъ, Софья Николавна, вотъ какую новость вы мнѣ сказали!

Софья. — Никакой новости я тебѣ не сказала. Растолкуй, пожалуйста, чему ты удивляешься. Это такъ досадно!

Дуняша (*цалуетъ ей руки*). — Барышня, милая барышня! Я не знала, что вы такъ любите Евгенія Николаевича.

Софья. — Да ты бы этого и никогда не узнала... Я терпѣть не могу болтать о томъ, кого я люблю и кого не люблю... Но теперь мнѣ нужно, чтобъ ты помогла мнѣ.

Дуняша. — Для васъ, барышня, я сдѣлаю все на свѣтѣ.

Софья. — Знаешь, отъ-чего я хочу подарить ему этотъ бумажникъ?.. Я его очень люблю . . . очень, очень люблю. Такъ, какъ *я его* люблю, я никого еще не любила до-сихъ-поръ. Это странно. Напримѣръ: когда я слышу что-нибудь о братѣ, у меня не бьётся сердце; я не краснѣю, сама не знаю отъ-чего; но когда назовутъ Евгенія.... я всегда думаю: если бъ онъ былъ моимъ братомъ; если бъ я могла такъ обнимать, цаловать его, какъ брата Петрушу... (*Она садится на кресло и закрываетъ лицо руками. Послѣ долгаго молчанія*) Какой вздоръ я говорю!... Я очень раскраснѣлась, Дуняша?

Дуняша. — Вы теперь какъ розанчикъ.

Софья. — Да, Дуняша, я хотѣла-было просить тебя, чтобъ ты отдала бумажникъ Евгенію; но лучше.... скажи мнѣ, нельзя ли мнѣ самой отдать ему? Я боюсь только, что я буду смѣшна, потому-что... Дуняша, ка́къ ты думаешь?

Дуняша. — Я думаю, что если Евгеній Николаичъ умный человѣкъ, то вы сведете его съ ума.

Софья. — Его?!... (*улыбается*) Какія глупости говоришь ты. Такъ ты думаешь, что онъ будетъ доволенъ моимъ подаркомъ?

Digitized by Google

Дуняша (*сантиментально*). — Помилуйте; да развѣ у него нѣтъ сердца!

Софья. — Онъ поблагодаритъ меня?

Дуняша. — Онъ, я думаю, будетъ готовъ отдать все на свѣтѣ, чтобъ поцаловать васъ за этотъ сюрпризъ.

Софья. — Ну, я его и поцалую!!... (*краснѣетъ, опускаетъ голову и смѣясь грозитъ Дуняшѣ*) Тс!... Ты, Дуняша, вздоръ болтаешь.

Дуняша. — Милая барышня!

Софья (*завертываетъ шитье въ бумагу*). — Смотри, что я напишу ему на этой бумагѣ. (*Пишетъ*) «Вы не знаете, съ какимъ удовольствіемъ я работал...» (*смѣется*) Какая забавная надпись!... Онъ будетъ смѣяться этой глупости... А? какъ ты думаешь, Дуняша? Вѣдь онъ совсѣмъ не знаетъ, что я люблю его?...

Дуняша. — Вовсе не знаетъ, сударыня.

Софья (*уныло*).— Стало-быть, я для него все-равно, что всякая другая дѣвушка?... (*Встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ нѣсколько минутъ въ даль, съ задумчивостью*). На, вотъ, Дуняша. Спрячь это шитье. Когда онъ пріѣдетъ, ты мнѣ подашь его... Онъ сегодня непремѣнно пріѣдетъ. Вотъ, уже почти двѣ недѣли, какъ я его не видала...

Дуняша. — Я не могу надивиться на васъ, барышня.

Софья (*вздыхаетъ*). — Да, Дуняша, я и сама не знаю, что со мною дѣлается (*съ навернувшимися слезами*). Спрячь, пожалуйста, это.

II.

Тѣ же и Мавра Перфильевна. Дуняша вскорѣ уходитъ.

Мавра Перфильевна. — Здравствуйте, моя душенька. Что это? вы уже срѣзали ваше шитье? Гдѣ же оно? Покажите мнѣ.

Софья. — Я отослала его Полинѣ.

Мавра Перфильевна (*садится*).—Каковъ Ромбинъ, моя сударыня! Мнѣ и во снѣ не снилося, что онъ такой пройда. Поднялъ весь уѣздъ, чтобъ выбрать въ посредники своего пріятеля, вялаго Алексѣя Прокофьича. Постой же! Прокофій Алексѣичъ дастъ ему себя знать.

Софья (*съ презрѣніемъ*). — Боится очень онъ вашего Прокофья Алексѣича!..

Мавра Перфильевна (*смотритъ на нее пристально*). — И вы за него?...

Софья (*краснѣетъ*). — Да, разумѣется; онъ такой умный!...

Мавра Перфильевна (*качаетъ головою и пристальнѣе смотри-*

Digitized by Google

вается въ Софью, которая краснѣетъ болѣе и болѣе). — Одно къ одному. Вотъ еще новость!... (*смотритъ въ окно*). А! это Усинъ пріѣхалъ. Подите, душенька, въ свою комнату.

III.

Мавра Перфильевна и Усинъ.

Мавра Перфильевна. — Ну, что скажете новаго, мой родной?

Усинъ. — Мои дѣла очень-скверны. Вся надежда на одну штуку, которую я придумалъ. — Мавра Перфильевна, я пришлю къ вамъ сюда Енотова. Перескажите ему все, что вы сегодня здѣсь услышите и узнаете. — Ѳедосья Ивановна гдѣ?

Мавра Перфильевна. — Въ кабинетѣ у Николая Петровича.

Усинъ. — Пойду, попробую. (*Уходитъ.*)

IV.

. . . . . .

. . . . . .

V.

Мавра Перфильевна и Усинъ.

Усинъ.—Ну, Мавра Перфильевна, я, кажется, услужилъ вамъ.

Мавра Перфильевна. — Да, ужъ и я постараюсь. Ужъ не бывать этому Аистову. При томъ, этотъ пройда Ромбинъ,—знаете ли, куда онъ мѣтитъ?..

Усинъ. — Ну, наплевать на него. Мнѣ теперь некогда. До свиданія. (*Уходитъ.*)

VI.

Мавра Перфильевна и Николай Петровичъ съ Ѳедосьею Ивановною выходятъ изъ внутреннихъ покоевъ. Енотинъ входитъ изъ сѣней.

Николай Петровичъ. — А, Иванъ Ивановичъ! милости просимъ.

Енотинъ. (*Раскланивается*). — Bon jour!

Ѳедосья Ивановна. — Что новаго въ городѣ?

Енотинъ. — Выборы.

Digitized by Google

VII.

Тѣ же и Павелъ Павловичъ съ Аѳанасьею Аѳанасьевною.

Павелъ Павловичъ. (*Подходитъ къ ручкѣ Ѳедосьи Ивановны. Аѳанасья Аѳанасьевна цалуется съ нею*). — Мое почтеніе, сударыня. Мое почтеніе, Николай Петровичъ. Вы никакъ еще дома?

Николай Петровичъ. — Дома. Да еще рано.

Павелъ Павловичъ. — Дѣйствительно, часъ времени... еще... знаете.., не такъ (*дѣлаетъ жесты руками*)... т. е. мы еще можемъ имѣть нѣкоторое... этакое отдохновеніе.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — А вы кому отдали свой шаръ, Ѳедосья Ивановна?

Ѳедосья Ивановна. — Николаю Петровичу, разумѣется.

VIII.

Тѣ же и Марья Перфильевна.

Марья Перфильевна. (*Цалуется съ дамами; мужчины подходятъ ей къ рукѣ*). — Какое прекрасное утро! (*Ѳедосьѣ Ивановнѣ*). У васъ былъ Прокофій Алексѣичъ?

Ѳедосья Ивановна. — Онъ сейчасъ уѣхалъ.

Марья Перфильевна. — Вы подписали его письмо?

Ѳедосья Ивановна. (*Съ маленькимъ смущеніемъ.*)—Какое письмо?

Марья Перфильевна. — Богъ его знаетъ: онъ далъ мнѣ подписать какое-то письмо. Тамъ, знаете, что-то о посредникахъ написано.

Николай Петровичъ. — Да. Онъ говорилъ, что это такъ, пустяки. Ѳедосья Ивановна подписала. (*Ѳедосья Ивановна дѣлаетъ ему глазами знакъ, что онъ сказалъ глупость.*)

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Я тоже подписала.

IX.

Тѣ же и Буринъ съ Михайлой Михайловичемъ.

Михайла Михайловичъ (*входя*). — Мое вамъ почтеніе!... Представьте себѣ: Буринъ увѣряетъ меня, что я струшу Усина. Ха, ха, ха! (*Подходитъ къ рукѣ дамамъ и жметъ руку мужчинамъ.*)

Буринъ (*дѣлаетъ то же*).—Аистовъ развѣ не будетъ къ вамъ? (*Осматриваетъ Енотова съ головы до ногъ.*)

Николай Петровичъ. — Да вотъ онъ и самъ, легокъ на поминѣ. Теперь всѣ собрались. Мавра Перфильевна, прикажите давать закуску. (*Мавра Перфильевна выходитъ, потомъ возвращается че-*

Digitized by Google

резъ нѣсколько минутъ съ лакеями, которые приносятъ вина, водку и закуску.)

X.

Тѣ же и Аистовъ съ Өеклою Максимовною *(Церемонія цалованій повторяется).*

Өедосья Ивановна *(Аистову).* — Вы сегодня пріѣхали въ городъ?

Аистовъ. — Сегодня-съ. Сейчасъ.

Өекла Максимовна. — Ну, ужь летѣли, мать моя!

Енотинъ. — Сегодня, кажется, будетъ большое собраніе.

Павелъ Павловичъ. — Да-съ, сегодня будетъ такое... какъ вамъ сказать *(дѣлаетъ жесты)*... этакое необыкновенное сцѣпленіе обстоятельствъ, т. е. шумъ будетъ непремѣнно.

Михайла Михайловичъ. *(Иронически).* — Не вы ли будете шумѣть, Павелъ Павловичъ?

Павелъ Павловичъ. — Нѣтъ, вы одни!

Михайла Михайловичъ. — Да, да!

Павелъ Павловичъ. — Да!

Михайла Михайловичъ. — Ха, ха, ха!

Павелъ Павловичъ. — Чему вы смѣетесь-то?

Михайлv Михайловичъ. — Ха, ха, ха!.. Да это умора!

Павелъ Павловичъ. — Да!

Михайла Михайловичъ. — Да! *(Пьетъ водку).*

Буринъ. *(Өеклѣ Максимовнѣ).* — Начались глупости! Надобно разнять ихъ. А между-тѣмъ, прекрасно, что Михайла Михайлычъ начинаетъ хорохориться. Я напущу его на Енотина. Вы подите, скажите Өедосьѣ Ивановнѣ, что онъ шпіонъ. *(Өекла Максимовна уходитъ къ Өедосьѣ Ивановнѣ).* Михайла Михайловичъ!

Михайла Михайловичъ. — Ась?

Буринъ. *(Отводитъ его въ сторону).* — Знаешь, братецъ, вѣдь Енотинъ-то шпіонъ?

Михайла Михайловичъ. — Врешь?

Буринъ. — Чего врешь! Онъ другъ и пріятель Усину. Надобно проучить его. А тебѣ кстати не мѣшаетъ приготовиться разгорячиться.

Михайла Михайловичъ. — Да, да, братецъ, дѣло. Я уже было-началъ съ Павломъ Павловичемъ. *(Подходитъ къ столу и наливаетъ двѣ рюмки настойки).* Иванъ Иванычъ, выпьемъ-ка вмѣстѣ.

Енотинъ. — Благодарю васъ покорно.

Михайла Михайловичъ. — Нѣ за что. Нутка, пей.

Енотинъ. — Я не хочу.

Digitized by Google

Михайла Михайловичъ. — Все равно; для меня выпей.

Ѳедосья Ивановна (*которая уже переговорила съ Ѳеклою Максимовною*). — Выкушайте, Иванъ Иванычъ.

Енотинъ. — Благодарю васъ покорно, сударыня. Я не пью водки.

Михайла Михайловичъ. — Какъ не пьешь водки?

Енотинъ. — Такъ, не пью.

Михайла Михайловичъ. — Да что вы этимъ хотите сказать? (*Выпиваетъ рюмку*).

Енотинъ. — Я только и хочу сказать, что не пью водки. (*Между-тѣмъ, Буринъ переходитъ отъ одного къ другому и переговариваетъ. Около Енотина и Михайлы Михайловича образуется кружокъ.*)

Ѳедосья Ивановна. — Выкушайте для хозяйки.

Енотинъ. — Не могу, сударыня.

Михайла Михайловичъ. — Да вы, сударь, просто грубіянъ.

Енотинъ. — Милостивый государь, вы забываетесь.

Михайла Михайловичъ (*кричитъ*). — Я забываюсь! Я забываюсь!! (*Выпиваетъ другую рюмку*). Какъ вы смѣете мнѣ это сказать?

Енотинъ. — Я васъ прошу успокоиться. (*Обращаясь къ Николаю Петровичу*) Николай Петровичъ!

Николай Петровичъ. — У насъ сегодня свое, государь мой, дружеское общество: все благородные дворяне.

Енотинъ. — Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Михайла Михайловичъ. — Здѣсь всѣ, сударь, благородные дворяне; а вы, позвольте узнать, что такое? Мы будто не знаемъ, кто прислалъ васъ.

Енотинъ. — Ѳедосья Ивановна! Онъ оскорбляетъ меня въ вашемъ домѣ!

Ѳедосья Ивановна. — Признайтесь, однако, вѣдь онъ говоритъ правду?

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Изъ избы соръ не годится выносить.

Марья Перфильевна. — Въ наши дворянскія дѣла чужому мѣшаться не къ чему.

Ѳекла Максимовна. — Прокофью Алексѣичу стыдно это дѣлать. Онъ и такъ оскорбилъ всѣхъ здѣшнихъ дамъ.

Анстовъ. — Жалѣю, что мы здѣсь съ вами встрѣтились.

Павелъ Павловичъ. — Этакіе поступки, знаете... Я вамъ долгу, милостивый государь Иванъ Иванычъ. Вѣдь мы, сударь мой, благородные дворяне и этакое... знаете... (*дѣлаетъ жесты*) позвольте вамъ сказать...

Михайла Михайловичъ (*перебиваетъ его*). — Да вы никогда не кончите!

Digitized by Google

Павелъ Павловичъ (*съ горячностью*). — А вамъ что за надобность?

Михайла Михайловичъ. — Вотъ видите: надобность.

Павелъ Павловичъ (*дѣлаетъ насмѣшливую мину и жесты*). — Видите!!

Михайла Михайловичъ. — Ну, да-съ! (*Ивану Ивановичу*). Я вамъ говорю, сударь, коротко и ясно (*наливаетъ рюмку водки*). Слышите, сударь?

Енотинъ. — Я все слышу и все вижу, и очень удивляюсь, что вы позволяете себѣ такое неприличное обращеніе.

Михайла Михайловичъ (*громовымъ голосомъ*). — Какъ?

Енотинъ.—Да такъ. Не кричите. Я вамъ по-русски говорю, что это неприлично (*надѣваетъ перчатки*).

Михайла Михайловичъ (*кричитъ*).— Вы мнѣ это говорите?.. Мнѣ?

Енотинъ.— Да; вамъ я говорю, что порядочные люди такъ не дѣлаютъ.

Михайла Михайловичъ.—Да что, вы меня испугать что ли хотите?

Енотовъ (*взглянувъ на него презрительно, улыбается Бурину*). — Это ваша штука, милостивый государь; вы устроили эту травлю. Мы съ вами скоро поквитаемся.

Буринъ. — Травлю!!? Да вы съ ума сошли! Сказать намъ это всѣмъ въ глаза!

Всѣ мужчины. — Милостивый государь!

Всѣ дамы. Онъ невѣжа! (*Енотинъ уходитъ, а за нимъ и Мавра Перфильевна*).

Михайла Михайловичъ (*озирается съ торжествомъ*). — Каково-съ?!.. Каково я его обработалъ?!.. Эхъ, досадно, чортъ возьми, что не было здѣсь Ромбина! Онъ мнѣ все толковалъ, чтобъ я Усина не струсилъ. Вотъ бы теперь полюбовался... (*завертываетъ обшлагъ правой руки*)... Ну, Павелъ Павлычъ, какъ вы думаете — чортъ васъ побери, — струшу я Усина?

Павелъ Павловичъ. — Я не хочу теперь говорить съ вами.

Михайла Михайловичъ (*съ ироническою улыбкою*). — То-то!

Ѳекла Максимовна. — А каковъ, скажите, мои сударыни— Енотинъ, и каковъ Усинъ? Слышали вы, я ему сказала: вашъ Усинъ нетёсаный болванъ.

Мавра Перфильевна. — А я сказала... т. е. хотѣла сказать: вы наглый человѣкъ.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — А я ему говорю прямо: вы шпіонъ.

Digitized by Google

Ѳедосья Ивановна. — А я говорю: признайтесь, что это правда.

Михайла Михайловичъ и Павелъ Павловичъ. — Вы чудесно сказали. Ха, ха, ха!

Буринъ. — Вы-то его и срѣзали такъ, что онъ не зналъ куда дѣваться.

Аистовъ. — Я ему тоже отпустилъ такую штуку, что пускай онъ ее разжуетъ.

Николай Петровичъ. — А слышали, какъ *я* его срѣзалъ?

Павелъ Павловичъ. — Да вы его такъ, знаете, хватили... ха, ха, ха! что онъ... это... тово...

Михайла Михайловичъ. — А *я* лучше сдѣлалъ: я протурилъ его вонъ.

Буринъ *(смотритъ на часы)*. — Однако пора.

Николай Петровичъ. — Господа, прошу закусить. *(Начинается закуска.)*

Ѳедосья Ивановна *(Бурину)*. — У васъ, кажется, сегодня будетъ порядочная битва?

Буринъ. — Да-съ. У насъ все славно обдумано... Надобно отдать справедливость Ромбину... мастеръ!

Михайла Михайловичъ *(съ полнымъ ртомъ)*. — Бестія перваго сорта! т. е. такая голова... *(подавившись, кашляетъ ужаснѣйшимъ образомъ и запиваетъ водкою)*, т. е. такая голова, я вамъ говорю, какой я отъ роду не видывалъ. Представьте себѣ: онъ разсказалъ намъ, какъ по пальцамъ, что̀ кому дѣлать въ собраніи, и что́ кому говорить. То-есть просто чортъ побери! Вотъ ему *(показываетъ на Бурина)* говоритъ: вы склоните предводителя; мнѣ говоритъ: вы Усина отхватайте. Аистову велѣлъ молчать *(обращаясь къ нему)*. Ну, братъ Алексѣй, если ты сегодня не выиграешь, то ужь просто значитъ — ты фефёла.

Буринъ *(смѣется)*. — Что̀ съ нимъ прикажете дѣлать! Хорошо, что постороннихъ нѣтъ. Однако ѣдемъ, господа. *(Ѳедосьѣ Ивановнѣ)* Мое почтеніе, сударыня.

Ѳедосья Ивановна.—Я слышала, что Ромбинъ хотѣлъ у насъ быть сегодня.

Буринъ. — Да́; я удивляюсь, отъ-чего его нѣтъ до-сихъ-поръ. Мы съ нимъ условились на случай: если у насъ тамъ зайдетъ умъ за разумъ, такъ я пріѣду сюда съ нимъ посовѣтоваться. Досадно-ужасно, что онъ поздно догадался; а то могъ бы купить здѣсь десятины двѣ земли, и самъ быть на выборахъ. *(Всѣ мужчины раскланиваются и уходятъ одинъ за другимъ.)*

Ѳедосья Ивановна *(говоритъ каждому)*. — Вы у насъ откушаете *(потомъ отводитъ въ сторону Николая Петровича)*. Вы, однако-

Digitized by Google

же, другъ мой, будьте осторожнѣе. Не увлекайтесь слишкомъ.

Николай Петровичъ. — Прекрасно, ангелъ мой; я положу оба свои шара на-право... да тѣмъ дѣло и кончу. Мнѣ неприлично соваться.

Ѳедосья Ивановна. — Дай Богъ вамъ успѣха.

Николай Петровичъ. — Прощай, мой ангелъ; не бойся. Вѣдь ты знаешь, что я уже не въ первый разъ буду класть свои шары. (*Нѣжно цалуются. Ѳедосья Ивановна креститъ его, и онъ уходитъ.*)

XI.

Ѳедосья Ивановна, Аѳанасья Аѳанасьевна, Марья Перфильевна, Ѳекла Максимовна и Софья выходятъ съ Маврою Перфильевною.

Софья. — А папа ужь уѣхалъ? (*здоровается со всѣми.*)

Ѳедосья Ивановна. — Уѣхалъ, мой другъ. Мавра Перфильевна, сдѣлайте дружбу, напойте насъ кофеемъ. (*Мавра Перфильевна беретъ ключи у нея и уходитъ.*)

Софья. — Знаешь, maman, кто, говорятъ, сдѣлалъ это собраніе?

Ѳедосья Ивановна (*улыбается ей привѣтливо*). — Кто сдѣлалъ собраніе? Знаю, мой другъ: нашъ пріятель Евгеній Николаичъ. (*Всѣ усаживаются.*)

Ѳекла Максимовна. — Однако же, каково диво, что онъ досихъ-поръ не ѣдетъ сюда! (*шепчетъ что-то на ухо Аѳанасьѣ Аѳанасьевнѣ; потомъ вслухъ*). Я ее сегодня видѣла.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Гдѣ? здѣсь?

Ѳекла Максимовна. — Здѣсь.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Ну-уу! такъ вы его не скоро дождетесь.

Софья. — Кто это здѣсь?

Ѳедосья Ивановна. — Это до тебя не касается... А вѣдь у него не дуренъ вкусъ?

Марья Перфильевна. — На ярмаркѣ, прошлаго года, молодёжь за нею толпою бѣгала.

Ѳекла Максимовна. — А ужь она-то воображаетъ, что первая красавица въ мірѣ.

Софья. — Кто это, душенька, скажите?

Ѳекла Максимовна. — Лилеина.

Софья. — Ахъ, Лилеина!! Она въ-самомъ-дѣлѣ... (*задумывается и опускаетъ голову.*)

Ѳекла Максимовна (*насмѣшливо*). — Они пара!

Ѳедосья Ивановна. — Какъ, не-уже-ли она рѣшится?

Digitized by Google

Θекла Максимовна. — А чего добраго, моя родная.

Θедосья Ивановна. — Не можетъ быть. Это совершенный вздоръ!

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Да отъ-чего же вздоръ?

Θекла Максимовна. — За нее не такой женихъ найдется.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Да чѣмъ ей Ромбинъ не женихъ?

Θекла Максимовна. — Что вы это, мать моя! Вѣдь его никто не знаетъ здѣсь. Говорятъ, за нимъ ни души нѣтъ; да и не дворянинъ онъ, говорятъ...

Аѳанасья Аѳанасьевна и Марья Перфильевна. — Не-ужели?! Какая жалость!! — Нельзя повѣрить!

Θекла Максимовна. — Да и говорятъ, Богъ его знаетъ откуда онъ. Да и чинъ-то какой!.. Полно-те, Христа ради. Чтобъ она землемѣршею сдѣлалась! (*смѣется и кашляетъ*) То-то было бы чудесно! Весною, за нее калегварской капитанъ сватался, и то не пошла. Она генеральшею хочетъ быть...

Марья Перфильевна. — Да, однако, сударыня моя, сколько за ней ни ухаживали разныя разности, а вѣдь вотъ только про Ромбина говорятъ.

Θекла Максимовна. — Да; онъ малой-то разбитной. Нечего сказать, и уменъ и воспитанъ. Онъ въ новирситутѣ учился.

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Въ ниверситетѣ, вѣрно...

Θекла Максимовна. — Нѣтъ, матушка, въ новирситутѣ, что у трухмальныхъ воротъ, въ Москвѣ.

Марья Перфильевна. — Посмотрите, онъ ее поддѣнетъ. Партію славную сдѣлаетъ!

Θедосья Ивановна. — Перестаньте, пожалуйста!.. Какой Ромбинъ женихъ!

Софья. — Отъ-чего же, maman? Онъ такой умный, благородный.

Θедосья Ивановна. — Все это прекрасно. Можетъ-быть, онъ чудесный мужъ, да не для Лилеиной. Ты, душенька, этихъ вещей не понимаешь. Ты смотришь на все институтскими глазами. У мужа должно быть имя; а называться Madame Ромбинъ, я думаю, никому не лестно.

Софья. — Отъ-чего же не лестно, maman, той, которая его любитъ?

Θедосья Ивановна. — Полно, Софья, говорить вздоръ такой... Хоть бы онъ умнѣе Наполеона былъ, а все-таки... «всякій сверчокъ знай свой шестокъ».

Digitized by Google

XII.

Тѣ же и Буринъ.

Буринъ (*входитъ быстро*). — Онъ не былъ еще здѣсь? (*Всѣ встаютъ и собираются кругомъ его.*)

Ѳедосья Ивановна. — Кто? Ромбинъ? — Нѣтъ. А что у васъ случилось?

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Разскажите, пожалуйста, что у васъ сдѣлалось?

Буринъ (*съ нетерпѣніемъ*). — Несносный! Какая досада!.. Гмъ! что дѣлать?

Марья Перфильевна. — Да что у васъ тамъ такое?

Ѳекла Максимовна. (*испуганная*). — Алексѣя Прокофьича забалотировали что ли?

Буринъ. — Прощайте! Нѣчего дѣлать! Скакать туда, покуда не все кончилось. Авось что-нибудь придумаю! Скажите Ромбину, если пріѣдетъ, что онъ сдѣлалъ непростительную небрежность... Экая досада! (*Уходитъ.*)

XIII.

. . . . . .

. . . . . .

XIV.

Дуняша, подбѣгаетъ къ окну.

Дуняша. — Вѣдь это онъ летитъ сломя голову. Онъ, онъ и есть... Вотъ отчаянный! Сюда, прямо. (*Оборачивается къ внутреннимъ дверямъ и манитъ рукою.*) Барышня, барышня! Евгеній Николаичъ ѣдетъ!

XV.

Дуняша и Софья вбѣгаетъ.

Софья (*смотря въ окно*).— Какой онъ смѣлый. Посмотри, посмотри, Дуняша!.. Онъ летитъ какъ вѣтеръ! (*кланяется въ окно, подъ которымъ слышенъ стукъ копытъ на мостовой и фырканье лошади.*)

Дуняша. — Вотъ вамъ шитье, барышня. Онъ ужъ на крыльцѣ.

Софья. — Дуняша, поди отсюда. (*Дуняша уходитъ.*)

XVI.

Софья и Ромбинъ.

Ромбинъ (*входитъ унылый и цалуетъ руку Софьи*). — Кто это былъ здѣсь—Буринъ?

Digitized by Google

Софья (*смотритъ на него съ участіемъ и радостью*). — Буринъ. Онъ пріѣзжалъ сказать, что ваши проекты разстроились... къ моей радости.

Ромбинъ.—Разстроились? Что вы говорите?

Софья.—Судьба наказываетъ васъ за то, что вы, составляя ваши планы, не подумали обо мнѣ.

Ромбинъ (*съ чувствомъ*).—Напротивъ, Софья Николавна; я объ васъ-то и думалъ.

Софья (*смотритъ на него съ недоумѣніемъ*). — Какъ?.. Это тоже входило въ ваши планы? (*съ упрекомъ*). Евгеній Николаичъ!

Ромбинъ. — Софья Николавна, не знаю, угадываю ли я ваши мысли; но повѣрьте мнѣ, я выбралъ лучшее. Я искренно желаю вамъ счастія и—увѣренъ, что вы будете счастливы.

Софья (*со слезами на глазахъ*). — Благодарю васъ, Евгеній Николаичъ... Я вижу, что вы... То ли думала я слышать!.. Это ужасно... (*стараясь улыбнуться сквозь слезы*). — Я тоже думала о васъ, Евгеній Николаичъ. Возьмите (*отдаетъ ему шитье*). Это моя работа. Я не такая мастерица, какъ Лилеина...

Ромбинъ (*беретъ пакетъ, читаетъ надпись, смотритъ пристально на Софью; беретъ ея руку и говоритъ съ чувствомъ*).—Я не вѣрю глазамъ своимъ... Софья Николавна, вы *для меня* это вышили?

Софья. — Для васъ, для васъ, Евгеній... Николаичъ. Вы довольны этимъ подаркомъ? (*Ромбинъ, который держалъ руку Софьи, поднимаетъ ее, чтобъ поцаловать. Софья наклоняется къ нему и быстро, неожиданно губы ихъ встрѣчаются; раздается громкій поцалуй. Софья убѣгаетъ*).

XVII.

Ромбинъ одинъ.

Ромбинъ (*смотритъ въ-слѣдъ Софьи*).—Ба!.. Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Значитъ: я не впопадъ такъ усердно хлопоталъ для моего милаго Алексѣя Прокофьича. Впрочемъ, что же изъ всего этого для меня?.. Софья милый, добрый ребенокъ: все это такъ; но на этомъ основаніи только, мнѣ вовсе не слѣдуетъ предаваться несбыточнымъ мечтамъ. Почему же, однако, несбыточнымъ?.. Лидія —это другое дѣло. Тутъ, кажется, надежды мои — химеры. А здѣсь еще можно подумать, попробовать, хотя бы для препровожденія времени... Софья мила, добра, умна (*горько улыбается*). Однако, я начинаю заноситься. Успѣхъ съ этими господами *возгордилъ* меня. Нѣтъ, пусть ужь Аистовъ... Но мнѣ жаль ее... Попробуемъ, посмотримъ... Сонюшка, какая она милая!

Digitized by Google

XVIII.

Ромбинъ и Мавра Перфильевна.

Мавра Перфильевна. — А! вы пріѣхали, Евгеній Николаичъ... Здѣсь васъ не могли дождаться. Безъ васъ они, какъ безъ глазъ. Скажите мнѣ, мой родной, что̀ вамъ, постороннему человѣку, за охота была вязаться въ эти выборы!

Ромбинъ. — Да; ужь тутъ я совершенно посторонній человѣкъ.

Мавра Перфильевна. — Будто я не знаю. Полноте, батюшка! Мнѣ Прокофій Алексѣичъ все разсказалъ. Онъ изъ себя выходитъ. И вы какой неразсчетливый! Вотъ бы вамъ кому помочь; а вы себѣ врага сдѣлали...

Ромбинъ.—Нельзя быть другомъ со всѣми. Аистовъ-другъ мнѣ.

Мавра Перфильевна. — Другъ?.. Ужь и пашли друга! Вы думаете, я и повѣрю? Вы человѣкъ умный, а тотъ... прости Господи! Эй, подумайте хорошенько.

Ромбинъ *(улыбаясь)*.—Хорошо, Мавра Перфильевна, я подумаю.

XIX.

Тѣ же и Лакей входитъ поспѣшно.

Лакей.—Господа ѣдутъ изъ собранія.

Мавра Перфильевна. — Бѣги скорѣе, скажи барынѣ. *(Лакей уходитъ скорыми шагами)* Вы разочтите, мой батюшка Евгеній Николаичъ. Съ Усинымъ вамъ трудно ладить. Помѣшать — помѣшаете, а вѣдь ужь вовсе не отобьете. Скорѣе васъ-самихъ здѣсь не будетъ. У него вездѣ есть друзья и пріятели. А поможете ему, такъ и онъ вамъ съумѣетъ удружить. Послушайтесь меня: лучше будетъ. Что̀ вашъ кислый Аистовъ!..

Ромбинъ. — Слушаю, Мавра Перфильевна, и вижу, что вы женщина умная. Вы меня тоже поймете. Поутру я хотѣлъ, чтобъ Аистовъ сегодня же сосватался на Софьѣ, и чтобъ *всѣ* узнали это...

Мавра Перфильевна. — Что̀ вы говорите?

Ромбинъ. — Это было бы такъ вѣрно, какъ я здѣсь стою. Теперь я не хочу этого. Аистова Усину я не выдамъ. А что касается до Софьи, пусть оба воюютъ, какъ знаютъ... Слышите? скажите это Усину. Сегодня же онъ бы простился съ своими затѣями; но теперь я ему не мѣшаю болѣе,—чтобъ и онъ меня не трогалъ!

Мавра Перфильевна *(смотритъ съ испугомъ на Ромбина)*. — Ну, Евгеній Николаичъ, сказалъ ты мнѣ штуку... Утѣшилъ. Экой же ты огонь, прости Господи!

Digitized by Google

XX.

Тѣ же и съ одной стороны Николай Петровичъ съ Листовымъ, а съ другой Ѳедосья Ивановна съ Аѳанасьею Аѳанасьевною, Марьею Перфильевною и Ѳеклою Максимовною.

Николай Петровичъ.—Фу! какая жара! *(обтирается платкомъ.)* Человѣкъ, дайте мнѣ воды. Ну, что, Алексѣй Прокофьичъ, видѣли, каково бѣжитъ буланая? а?.. Усинъ полторы тысячи даетъ, да я еще *думаю*. (*Вынимаетъ часы*) Ровно семь минутъ изъ опеки (*) сюда.

Ѳедосья Ивановна. — Что у васъ такое было? разсказывайте скорѣй.

Ѳекла Максимовна. — Кто перебросилъ шары?

Аѳанасья Аѳанасьевна. — Кого прибилъ Михайла Михайловичъ?

Листовъ (*подходя къ Ромбину*). — Эхъ, Евгеній Николаичъ! гдѣ это вы были? Мы не знали безъ васъ, что дѣлать, — глупости и вышли.

Ромбинъ. — Что такое?

XXI.

Тѣ же и Бурнинъ съ Павломъ Павловичемъ и Михайлою Михайловичемъ.

Михайла Михайловичъ. — Ну, признаюсь!.. Ужь мое почтеніе! Николай Петровичъ, прикажите дать водки. То-есть, мы сегодня чудеса сотворили.

Николай Петровичъ.—Мавра Перфильевна, велите поставить закуску, да скажите, чтобъ столы разложили и карты бы приготовили. Мы преферансъ состряпаемъ на досугѣ. *(Мавра Перфильевна уходитъ. Лакей приноситъ закуску, раскладываютъ столы и кладутъ карты.)*

Ѳедосья Ивановна. — Да раскажите, Христа ради, чѣмъ у васъ тамъ кончилось. Я умираю отъ нетерпѣнія...

Николай Петровичъ. — Умирать, мой ангелъ, не для чего. Все было прекрасно. Я положилъ на правѣ свои два шара: тѣмъ и дѣло кончилось.

Михайла Михайловичъ *(выпиваетъ рюмку водки)*.—Позвольте, сударыня! позвольте, я вамъ все разскажу. Я тамъ чудеса надѣлалъ. Ну, Павелъ Павлычъ, что? каково я воевалъ? Нутка, скажите, что? не бось, и вы тамъ шумѣли?..

Павелъ Павловичъ. — Экая важность...

Михайла Михайловичъ *(громко)*. — Что же, сударь, не правда что ли? а?

(*) Въ уѣздныхъ городахъ собранія бываютъ въ залѣ опеки.

Digitized by Google

Павелъ Павловичъ. — Да что вы пристаете?

Ромбинъ *(Бурину)*. — Константинъ Сергѣичъ, раскажите, пожалуйста, что у васъ было? Не-уже-ли мы такъ и не узнаемъ результата этого знаменитаго собранія?

Ѳедосья Ивановна. — Бога ради, Константинъ Сергѣевичъ!

Аѳанасья Аѳанасьевна, Марья Перфильевна и Ѳекла Максимовна *(вмѣстѣ)*.—Сдѣлайте такую милость!

Буринъ.—Наше знаменитое собраніе кончилось ничѣмъ...

Михайла Михайловичъ.—Нѣтъ... ужь позвольте я разскажу.

Павелъ Павловичъ.—Васъ вездѣ спрашиваютъ.

Михайла Михайловичъ.—Прошу, сударь, меня не учить.

Николай Петровичъ *(подаетъ карты)*.—Сядемте-ка; ловчѣе будетъ толковать.

Ѳедосья Ивановна. — Позвольте, Николай Петровичъ *(никто не беретъ картъ)*.

Николай Петровичъ *(съ сильнѣйшею досадою)*. — Чортъ знаетъ! вотъ охота толковать о пустякахъ! Когда насъ Господь избавитъ отъ этихъ посредническихъ исторій! Сколько преферансовъ пропало съ этими межевыми совѣщаніями, да съ планами, да съ выборами, — просто ужь и счетъ потерялъ! *(садится и начинаетъ раскладывать грай-пасьянсъ.)*

Ѳедосья Ивановна.—Разсказывайте! разсказывайте!

Михайла Михайловичъ *(принимаетъ важную осанку)*.—Вотъ видите *(откашливается)*... Мы всѣ поѣхали отсюда и пріѣхали туда. Пріѣхали туда и вошли прямо въ залу. Какъ вошли мы, знаете, въ залу, у меня сердце и разъигралось. Народу тьма, и Усинъ тамъ. Они безъ насъ ужь пошли писать. Те-те-те! нѣтъ, постой! Я мигнулъ Бурину, да прямо и кинулся на Усина. «Да какъ вы смѣете, милостивый государь, что здѣсь, Турція что ли? Франція какая-нибудь, что ли?» Онъ выпучилъ глаза. «Да я, сударь не позволю!» Онъ мнѣ на оборотъ, а я ему. Онъ мнѣ, а я ему. И пошла потѣха. Насъ разнимать, —а я пуще. «Я» говоритъ «не хочу, чтобъ меня балотировали». А я говорю: «какъ вы смѣете это сказать?» «Я», говоритъ «пойду даромъ служить». А я говорю: «да намъ и даромъ-то васъ не надобно!» То-есть, я вамъ скажу: десять лѣтъ я такъ не кричалъ... Отдѣлалъ его такъ, что всю жизнь будетъ меня помнить. Еслибъ Буринъ не унялъ, такъ чортъ побери! я ужь не зналъ бы что и кричать...

Павелъ Павловичъ.—А нужно очень вамъ было кричать!

Михайла Михайловичъ.—Васъ не спрашиваютъ! *(отправляется къ столу и наливаетъ рюмку водки.)*

Ромбинъ.—Все-таки я ничего не знаю.

Буринъ.—Видите ли: мы опоздали. Тамъ безъ насъ начали ба-

Digitized by Google

лотировать мнѣніе: двумъ быть посредникамъ, или одному. Сочли шары: 55 за одного, а 27 за двухъ. Дѣло Усина, какъ видите, было чрезвычайно-плохо. Михайла Михайловичъ тутъ поднялъ шумъ, какъ онъ разсказывалъ. Всѣ раскричались. Кутерьма началась страшная. Голова пошла кругомъ. Вдругъ предводитель показываетъ 30 писемъ отъ разныхъ дамъ: всѣ писаны съ одного, какъ печатныя, мерзавцемъ Кривдинымъ, чтобъ двухъ посредниковъ оставить. И съ этими-то письмами за двухъ вышло 57 голосовъ; значитъ; двумя больше. Я былъ чрезвычайно-разстроенъ. Однако я не вспомнилъ, что, кажется, нельзя такія письма принимать. Я кинулся сюда. А васъ не было. Пріѣзжаю назадъ—тамъ ужь журналъ готовъ, чтобъ двухъ оставить.

Ромбинъ.—Ахъ какая досада! Да вы бы требовали, чтобъ до завтра отложить окончательное рѣшеніе... Не подписывали бы журнала... Письма эти никуда не годятся.

Буринъ. — Да этого намъ и въ голову не пришло. Мы всѣ съ толку сбились, по милости Михайлы Михайлыча. У меня и теперь въ головѣ какъ улей.

Аѳанасья Аѳанасьевна.—Только-то?

Ѳекла Максимовна.—А сказали, что вы тамъ перессорились!

Марья Перфильевна.—Стало-быть, у насъ два посредника?

(*Всѣ начинаютъ расходиться по разнымъ концамъ комнаты, садятся группами и разговариваютъ.*)

Аистовъ (*Ромбину*).—Я совершенно растерялся. Усинъ перехитрилъ насъ. А все вы, Евгеній Николаичъ. Гдѣ это вы были?

Ромбинъ.—Я виноватъ и наказанъ за это больше васъ всѣхъ. Этотъ глупый день мнѣ будетъ дорого стоять. Но не нужно отчаяваться: дѣло еще можно поправить.

Михайла Михайловичъ.—А что, не нужно ли съѣздить къ Усину и задать ему феферу? Я теперь опять собрался съ духомъ.

Павелъ Павловичъ. — Ужь и вамъ когда-нибудь зададутъ феферу.

Михайла Михайловичъ. — Не вы ли?

Павель Павловичь. — Увидите.

Михайла Михайловичъ. — Пожалуйста, отстаньте!

Аистовъ. — Что же теперь дѣлать?

Ромбинъ. Вы не отходите отъ меня, и когда мы будемъ втроемъ съ Ѳедосьею Ивановною, то вы живо объяснитесь съ нею.

Аистовъ (*испуганный*). — Объясниться!!! Помилуйте, Евгеній Николаичъ! Такъ, вдругъ? Да, что я ей скажу? — Можно ли такъ скоро придумать? Да, и въ такомъ ли я теперь положеніи! Подумайте, какъ я разстроенъ...

Digitized by Google

Ромбинъ. — Потеряете нынѣшній день, и все кончено. Усинъ ужь сватался.

Аистовъ. — Что вы говорите? Не-уже-ли? Ахъ, ты, Боже мой! Я изъ огня да въ полымя. Хоть-бы отъ всего отказаться. Ги! каково положеніе! Да, что я теперь стану говорить?

Ромбинъ. — Только двѣ фразы. Я вамъ дамъ знакъ, *когда* сказать. Сперва съ чувствомъ вы скажете: «Я давно люблю Софью Николавну», а потомъ въ другой разъ тоже съ чувствомъ скажете: «Позвольте предложить ей мою руку и сердце. Позвольте мнѣ имѣть счастіе назвать васъ своею матерью....» Кажется, это коротко и не трудно?

Аистовъ (*съ жаромъ и съ выраженіемъ радости жметъ ему руки*). — Если я забуду когда-нибудь то, что вы для меня дѣлаете, пусть Богъ меня забудетъ!

Ромбинъ. — Подите же, приведите ко мнѣ Бурина (*Аистовъ уходитъ*). Во всякомъ случаѣ, Софья можетъ быть съ нимъ счастлива. — У него чудесное сердце. — Милая Софья!... Грустно смотрѣть, какъ перемѣшаны на свѣтѣ всѣ роли, всѣ участи. — Я, Лидія, Софья, Аистовъ, всѣ бы мы могли быть истинно-счастливыми!.. Счастіе?... Ба, да я пускаюсь въ метафизику... Не удовольствоваться ли покуда тѣмъ, что еще разъ поцаловать Софью?... (*Подходятъ Буринъ съ Аистовымъ*) Константинъ Сергѣичъ, скажите Ѳедосьѣ Ивановнѣ, что теперь надобно Николаю Петровичу написать письма къ здѣшнему предводителю, къ вашему губернскому и къ губер натору. Вы, Константинъ Сергѣичъ, также имъ напишите. Павелъ Павлычъ и Михайла Михайлычъ также напишутъ. Вы, Алексѣй Прокофьичъ, наконецъ, имъ напишите и сверхъ того пошлите отношеніе въ вашу коммиссію. — Мнѣ теперь достаньте чернилъ и бумаги; а покуда я пишу, вы толкуйте съ Николаемъ Петровичемъ. (*Буринъ отправляется, и черезъ нѣсколько минутъ лакеи приносятъ чернильницу и бумагу. Ромбинъ садится писать.*)

Аистовъ. — Что же будетъ изъ всего этого? (*садится возлѣ Ромбина*) Разскажите, Бога ради, что вы будете дѣлать?

Ромбинъ. — Вотъ видите: если бы это было нѣсколькими часами ранѣе, я бы, написавъ это первое письмо, протурилъ всѣхъ въ другую комнату читать его и остался бы съ вами; Буринъ уладилъ бы, чтобъ къ намъ пришла Ѳедосья Ивановна. Вы бы съ ней объяснились. Явилась бы вся компанія, я бы васъ при всѣхъ поздравилъ, и мы пили бы шампанское.

Аистовъ. — Да, это безподобно!

Ромбинъ. — Теперь я почти то же сдѣлаю. Только компанія наша не явится, я не буду поздравлять и мы не будемъ пить шампанскаго.

Digitized by Google

Аистовъ (*уныло*). — Отъ-чего же это?

Ромбинъ (*жметъ ему руку*). — У меня на это есть свои весьма-важныя причины. Вы ихъ узнаете послѣ. Терпѣніе; прежде всего надобно, чтобъ вы остались одни посредникомъ. (*Аистовъ глядитъ на него сомнительно.*)

Ѳедосья Ивановна (*вмѣстѣ съ Бурнымъ, Михайлою Михайловичемъ и Павломъ Павловичемъ подходятъ къ Николаю Петровичу, который весь погруженъ въ свой гран-пасьянсъ*). Вашъ гран-пасьянсъ не скоро кончится?

Николай Петровичъ. — Вообрази, мой ангель, какое происшествіе! Я положилъ вотъ здѣсь бубноваго туза, кладу отсюда двойку, отсюда тройку, отсюда четверку, отсюда шестерку, тамъ дальше семерку, восьмерку и до короля. А пятерку-то, представь себѣ, и забылъ положить. А? и не хватился до короля. А? можно ли это? Бывалъ ли я когда-нибудь такъ разсѣянъ?... Я тебя увѣряю честью, мой милый другъ, что если еще продолжится это межеваніе, я не знаю... я непремѣнно сойду съ ума... Я, кажется не буду въ состояніи отличить туза отъ двойки.

Ѳедосья Ивановна. — Вы слишкомъ-мнительны. Успокойте себя. Это вредно... такія страшныя идеи. Теперь скоро конецъ. Надобно только подписать нѣсколько писемъ.

Николай Петровичъ. — И прекрасно, мой ангелъ. Только позволь, я не кончилъ. Послушай, что дальше будетъ. Значитъ, мнѣ надобно было эти карты разложить на свои мѣста. И прекрасно!... Я и кладу короля, даму, ну и до восьмерки... (*щелкаетъ языкомъ*). А восьмерку-то и не знаю откуда взялъ. А? какъ тебѣ это кажется? Хоть убей! забылъ, гдѣ взялъ восьмерку, да и все тутъ. А? когда это со мною бывало?

Ѳедосья Ивановна. — Такъ вы письма согласны подписать?

Николай Петровичъ. — Разумѣется, мой ангелъ, какъ-скоро только вспомню, откуда я взялъ восьмерку... А къ кому эти письма?

Михайла Михайловичъ. — Къ предводителю, къ губернатору и въ коммиссію.

Павелъ Павловичъ. — Вотъ и вздоръ вы сказали, въ какую коммиссію?!

Михайла Михайловичъ. — Которой вы не знаете.

Павель Павловичъ. — Лучше васъ знаю, что къ губернскому предводителю.

Михайла Михайловичъ. — Вишь не все одно и то же! Что вы мудрите?

Ромбинъ (*отводитъ Бурина въ сторону*). — Вотъ вамъ одно письмо: возьмите весь этотъ народъ въ другія комнаты, читайте имъ,

Digitized by Google

толкуйте; а ко мнѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ препроводите Ѳедосью Ивановну поскорѣе.

Буринъ. — Господа! вотъ письмо къ нашему здѣшнему предводителю отъ Николая Петровича. Не угодно ли вамъ прослушать его?

Николай Петровичъ. — Прочтемъ, прочтемъ, что я такое пишу ему... Это любопытно... Человѣкъ! (*лакей входитъ*) Стой здѣсь у стола и смотри, чтобъ кто-нибудь не смѣшалъ картъ. Я непремѣнно отъищу, откуда я взялъ восьмерку.

Буринъ. — Чтобъ не мѣшать Евгенію Николаичу кончать другія письма, мы пойдемъ въ угловую и тамъ станемъ читать.

Михайла Михайловичъ. — Идемъ, идемъ! Ай-да Евгеній Николаичъ! Смотри-ка, накаталъ какое посланіе! Да мнѣ бы въ двѣ недѣли не написать столько. Чудо! живописецъ! Дай обнять себя (*обнимаетъ Ромбина и цалуетъ*).

Буринъ (*дамамъ*). — Mesdames, вы здѣшнія помѣщицы... (*всѣ уходятся въ другую комнату.*)

Михайла Михайловичъ (*сзади всѣхъ*).—Экая компанія! что за сегодня! То-есть я въ такомъ восторгѣ, что до смерти хочетъ колотить кого-нибудь. — Ура!.. Эй! Павелъ Павлычъ! (*Уходитъ.*)

XXII.

Ромбинъ пишетъ и Аистовъ.

Аистовъ. — У меня сердце такъ и замираетъ.... Отъ-чего это? Сегодня надо мною столько совершилось, и я цѣлый день не видалъ Софьи Николавны... Вы тоже не видали?

Ромбинъ (*разсѣянно*). — Видѣлъ.

Аистовъ. — Видѣли?... (*смотритъ на него съ глубокимъ выраженіемъ безпокойства.*)

Ромбинъ (*пишетъ*). — Сонюшка ваша мила, какъ ангелъ.

XXIII.

Тѣ же и Ѳедосья Ивановна.

Ѳедосья Ивановна. — А вы здѣсь вдвоемъ сочиняете?

Ромбинъ. — Напротивъ: онъ мнѣ мѣшаетъ только.... Онъ сегодня такъ разстроенъ.

Ѳедосья Ивановна.—Да чѣмъ же? (*Аистову*) Вѣдь ваши дѣла хорошо идутъ?

Digitized by Google

Ромбинъ. — Онъ не знаетъ этого. Онъ сегодня цѣлый день не видалъ Софьи Николавны.

Ѳедосья Ивановна (*дѣлаетъ знакъ лакею, чтобъ онъ вышелъ*). — Это что значитъ?

Листовъ (*которую Ромбинъ толкаетъ ногою, встаетъ въ сильномъ волненіи.*) — Я давно люблю Софью Николавну...

Ѳедосья Ивановна. — Вотъ неожиданное объясненіе!... Евгеній Николаичъ, вы рѣшительно за всѣ дѣла беретесь.

Ромбинъ. — Кто такъ, какъ я, знаетъ Алексѣя Прокофьича, и знаетъ, какъ онъ любитъ Софью Николавну.... (*толкаетъ Листова ногою*).

Листовъ (*едва выговаривая слова*).—Позвольте предложить ей мое сердце и руку... и счастіе назвать васъ маменькою...

Ѳедосья Ивановна. — Алексѣй Прокофьичъ, благодарю васъ за это лестное предложеніе. Въ моемъ желаніи вы можете быть увѣрены; но у меня есть мужъ... Притомъ же, надобно спросить Софью... Мы не хотимъ принуждать ее... Пойдемте, сыщемъ Николая Петровича... (*Она уводитъ его. Листовъ обращаетъ къ Ромбину взоръ умоляющій о помощи.*)

XXIV.

Ромбинъ и Софья, которая, войдя, останавливается въ дверяхъ.

Ромбинъ (*встаетъ и идетъ къ ней*). — Войдите, Софья Николавна. Мнѣ есть сказать вамъ нѣчто важное. Первое дѣйствіе комедіи кончено. Теперь я не боюсь за вашу будущность (*беретъ ее руку*). Листовъ добрый и благородный человѣкъ. (*Софья грустно жметъ ему руку.*) Но если я не ошибаюсь...

Софья. — Нѣтъ, не ошибаетесь...

Ромбинъ. — Если вы думаете, что вы были бы счастливѣе...

Софья. — О, да!.. и это вѣрно.

Ромбинъ. — Тогда положимся на Провидѣніе.... Будемъ надѣяться и дѣйствовать. (*Софья опирается на его руку.*) А до-тѣхъ-поръ... простимся какъ братъ и сестра (*цалуетъ ее. Она склоняетъ голову на его плечо*). Для вашего счастія я давно готовъ былъ отдать всю жизнь свою. Нашъ выборъ сдѣланъ...

Digitized by Google

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЗАПИСКИ РУССКАГО МОРСКАГО ОФИЦЕРА ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА ВЪ 1840, 1841 И 1842 ГОДАХЪ.

Отплытіе изъ Манилы. — Камчатка (*).

22 іюля, въ исходѣ пятаго часа утра, мы снялись съ якоря, пользуясь легкимъ береговымъ вѣтеркомъ, который, однако, вскорѣ перемѣнился, задулъ съ моря и заставилъ насъ лавировать, такъ-что мы вышли изъ Манильской-Губы только на слѣдующее утро.

До 9 августа, безвѣтрія сменялись легкими противными вѣтерками и мы съ большимъ трудомъ миновали Башійскіе-Острова, нѣсколько голыхъ камней волканическаго происхожденія, только изрѣдка посѣщаемыхъ рыбаками. 9 числа задулъ крѣпкій вѣтеръ, и хотя барометръ не показалъ значительной перемѣны, однако по всѣмъ признакамъ должно было ожидать шторма, почему мы спустили брам-стеньги на найтовы, закрѣпили марсели, нижніе паруса и остались подъ грот-триселемъ и штормовою бизанью. Вскорѣ вѣтръ превратился въ настоящій штормъ, развелъ огромное волненье, которымъ у насъ сорвало съ кормовыхъ боканцевъ гичку (**), и продолжался съ равною жестокостью

(*) Двѣ первыя статьи изъ записокъ русскаго морскаго офицера помѣщены были въ XXVII (мартъ 1843) и XXXIII (мартъ 1844) томахъ «Отечественныхъ Записокъ».

(**) Гичка — узкая и длинная шлюпка: въ нашемъ флотѣ, онѣ бываютъ шести-и четырех-весельныя; боканцы — брусья, служащіе для подъема гребныхъ судовъ съ воды.

Digitized by Google

до 12 числа. Тогда стихло и опять начался длинный рядъ мертвыхъ штилей и маловѣтрій, сопровождаемыхъ нестерпимыми жарами, которые доходили до 40° и 45° на солнцѣ. Потъ лился градомъ; вся кожа покрылась красною сыпью, такъ-что нельзя было ни сидѣть, ни облокотиться безъ того, чтобъ не чувствовать по всему тѣлу ощущенія, какъ-будто его кололи булавками. Купанье не могло освѣжать усталыхъ членовъ, потому-что вода рѣдко была холоднѣе 27° или 25°; по той же причинѣ, вода не могла утолять мучившей насъ нестерпимой жажды. Жары эти производили свое тягостное вліяніе не на одно тѣло — подъ ихъ гнетомъ изнемогали и духъ и умъ; вся физическая и нравственная бодрость подавлялась такимъ разслабленіемъ, что тяжело было не только дѣлать что-нибудь, но даже о чемъ-нибудь думать. Не было отдыха ни днемъ ни ночью, потому-что хотя ночью температура и была нѣсколькими градусами прохладнѣе дневной, но зато въ каютахъ было такъ душно, что сонъ, приходившій наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, на нѣсколько часовъ, не могъ уже подкрѣплять силъ. Палуба, не смотря на то, что ее ежечасно скачивали водою, накалялась такъ, что въ башмакахъ больно было ходить по ней. Такимъ-образомъ, съ небольшими промежутками противныхъ вѣтерковъ и включая четыре дня шторма, прошли сорокъ-два дня, въ-продолженіе которыхъ мы едва успѣли сдѣлать тысячу миль разстоянія по прямому пути.

Если въ аду есть наказаніе особеннаго рода для осужденныхъ на вѣчную муку моряковъ, то врядъ-ли найдется что-нибудь тягостнѣе скуки и утомленія, отъ которыхъ мы страдали во время плаванія въ Малаккскомъ-Проливѣ и въ Тихомъ-Океанѣ, отъ Манилы до широты 25° сѣверной и долготы 143° восточной отъ Гринвича. Паруса хлопали о рангоутъ и рвались; снасти перетирались и лопались; огромная зыбь не дозволяла судну слушать руля, такъ-что невозможно было править ни на томъ, ни на другомъ галсѣ, а безпрестанный однообразный скрипъ блоковъ, рангоута и переборокъ наводилъ тоску неописанную.

Наконецъ, задулъ давно-желанный попутный вѣтеръ, и въ скоромъ времени перенесъ насъ изъ-подъ вертикальныхъ лучей солнца въ болѣе-умѣренный климатъ. Быстрая перемѣна температуры была для насъ весьма-ощутительна: въ двадцать градусовъ тепла мы уже зябли и одѣвались теплѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣло и духъ бодрились; силы, растаявшія отъ зноя, возвращались, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали исчезать изъ каютъ и съ палубы тараканы и пауки, которыхъ въ-продолженіе жаровъ развелось невѣроятное множество. Попутный вѣтеръ дулъ около недѣли, послѣ чего снова начались перемѣнные вѣтры, которые, однако, не мѣшали намъ подаваться впередъ, хотя и не всегда по настоящему курсу.

15 сентября открылись вершины камчатскихъ сопокъ (*). Отъ мыса Лопатки, составляющаго южную оконечность Камчатки, до Авачи, на-

(*) Сопки, которыхъ названіе, вѣроятно, происходитъ отъ глагола сопѣть, суть волканы, большей частію потухшіе, которые тянутся грядою по всему полуострову Камчаткѣ.

Digitized by Google

ходятся въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой шесть сопокъ, изъ которыхъ каждая возвышается отъ 9 до 12 тысячъ футовъ надъ поверхностью океана. Названія ихъ, начиная съ юга: Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Поворотная и Вилючинская; нѣкоторыя изъ нихъ курятся, другія потухли, а извергающая безпрестанно пламя Ключевская-Сопка гораздо-далѣе къ сѣверу. Видъ этихъ волкановъ, которыхъ верхи покрыты вѣчными снѣгами, а остроконечные пики выходятъ изъ облаковъ, исполненъ суровой важности.

Входъ въ Авачинскую-Губу находится въ обширномъ заливѣ, образуемомъ Поворотнымъ и Шипунскимъ-Мысами. Къ сѣверу отъ входа, или устья, какъ его называютъ въ Камчаткѣ, стоятъ рядомъ три сопки, извѣстныя подъ общимъ именемъ авачинскихъ сопокъ; названія ихъ: Каряцкая, Стрѣлочная и Горѣлая. Вершина послѣдней обвалилась въ 1827 году; паденіе столь огромной массы камня произвело сильное землетрясеніе, а изъ жерла изверглось столько золы, что улицы Петропавловскаго-Порта, отъ котораго сопка верстахъ въ пятидесяти, покрылись слоемъ золы на полфута толщины.

Долго боролись мы у входа съ противными штилями, сопровождаемыми огромною зыбью отъ NO; погода была прекрасная; киты играли въ отдаленіи, и Камчатка, какъ кладъ какой-нибудь, не давалась намъ въ руки. 20 сентября, вѣтръ задулъ отъ NO, но вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилась и погода: проливной дождь съ самою зловѣщею пасмурностью замѣнилъ прекрасный сѣверный осенній день; берега скрылись совершенно, такъ-что мы нѣсколько часовъ шли по счисленію, но наконецъ открылся Поворотный-Мысъ, потомъ Вилючинская-Сопка, а вскорѣ Старичковъ-Островъ и Дальній-Малчный-Мысъ. Миновавъ Старичка, о крутые, черные бока котораго разбивались огромные буруны, мы увидѣли Бабушкинъ-Камень, огромную массу гранита на южной сторонѣ Авачинской-Губы, и Братьевъ — три вертикальные камня, выходящіе изъ воды рядомъ, на высоту трехъ или четырехъ саженъ; противъ Бабушки. По обѣимъ сторонамъ, возвышались исковерканные подземнымъ огнемъ берега, которыхъ вершины были уныло увѣнчаны безлиственными березами, а по скатамъ, мѣстами, разстилалась увядшая зелень. Нигдѣ ни малѣйшаго признака существованія человѣка: однѣ только стаи морскихъ птицъ, вылетавшихъ съ каменистыхъ береговъ, оживляли мертвенность угрюмыхъ, дико-величественныхъ мѣстъ.

Не могши, за пасмурностью, разсмотрѣть входа въ Петропавловскую-Гавань, мы были принуждены положить якорь въ Авачинской-Губѣ, въ 6 часовъ вечера.

Къ ночи, нѣсколько стихло, и часовъ въ одиннадцать пріѣхали къ намъ изъ Порта г. помощникъ начальника Камчатки и мичманъ А. Л. Х—нъ, изъ которыхъ послѣдній остался на транспортѣ, чтобъ при первой возможности ввести его въ Малую-Губу.

Въ 6 часовъ слѣдующаго утра, мы снялись и перешли въ Петропавловскую-Гавань. Городокъ, или скорѣе деревушка, слывущая подъ нынѣшнимъ названіемъ Петропавловскаго-Порта, расположена амфитеатромъ на скатѣ горъ, окружающихъ Малую-Губу. Назади, въ отдаленіи, воз-

Digitized by Google

вышается покрытая вѣчнымъ снѣгомъ Каряцкая-Сопка. Синеватый дымокъ курился изъ трубъ деревянныхъ домиковъ необшитыхъ тесомъ и крытыхъ по-большой-части травою; вой несметнаго множества собакъ громко встрѣтилъ пришельцевъ съ другаго конца Россіи; все народонаселеніе городка выбѣжало посмотрѣть на «*Кругошвытный-Слюпъ*», котораго приходъ составляетъ эпоху въ однообразной жизни Петропавловцевъ.

Замѣчательнѣе всего, при входѣ въ гавань, длинная и узкая коса, протягивающаяся почти на-равнѣ съ поверхностью воды черезъ всю губу и оставляющая только узкій проходъ для входящихъ въ гавань судовъ. По обѣ стороны этой косы, или «Кошки» (*), глубина около трехъ и болѣе саженъ; длина ея саженъ 150, а ширина около десяти. Кошка эта совершенно защищаетъ Малую-Губу отъ волненія и кажется, какъ-будто она со дна морскаго выдвинута подземнымъ огнемъ нарочно для того, чтобъ образовать единственную въ мірѣ природную гавань. Во время посѣщенія Камчатка Кукомъ и Лаперузомъ, Петропавловскій-Острожекъ былъ выстроенъ на Кошкѣ; теперь, на ней видны только полуразвалившіеся шалаши, которые служатъ сушильнями для *юколы* (сушеной рыбы). Около полдня, мы прибуксировались къ своему мѣсту, положили якорь, а съ кормы завезли швартовы за врытые въ землю якоря.

А. Л. Х—нъ, опытный и *дошлый* морякъ (такъ выражаются здѣсь), превосходно знающій всѣ особенности климата и мѣстности здѣшнихъ странъ, а что еще выше — человѣкъ истинно-добрый и благородный, не замедлилъ изъявить намъ опыты своего дружескаго расположенія, которымъ мы пользовались во все время стоянки и за которое всегда останемся ему благодарными. Въ день входа нашего въ Петропавловскую-Гавань, онъ привезъ намъ къ обѣду превосходной свѣжей рыбы, зелени, овощей, молока и даже чудеснѣйшей чистой воды, какой мы давно не пивали. Всю цѣну такого гостинца могутъ постичь только голодные моряки, которымъ, послѣ долгаго и утомительнаго перехода, каждый кусокъ свѣжей провизіи кажется величайшимъ лакомствомъ... Обязательность добраго А. Л. была тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ Петропавловскѣ, даже за всемогущія деньги, весьма-трудно, а часто и невозможно достать что-нибудь. Тамъ, волей или неволей, всякій долженъ хлопотать о своемъ хозяйствѣ, и если кто упуститъ случай во время запастись чѣмъ нужно, то ужь, конечно, ему прійдется поститься. Черезъ день послѣ прихода, мы представились начальнику Камчатки, который принялъ насъ съ истинно-русскимъ радушіемъ и предложилъ всѣ средства для совершенія небольшаго путешествія вовнутрь Камчатки; въ тотъ же день, мы сдѣлали визиты главнымъ лицамъ Петропавловскаго-Порта и вездѣ встрѣтили самое искреннее гостепріимство.

(*) Вѣроятно, *коски*, отъ слова *коса*: по моимъ этимологическимъ догадкамъ, ее называютъ *кошкою* потому, что здѣшніе жители имѣютъ привычку говорить *ш* вмѣсто *с*, и обратно.

Digitized by Google

Лишь-только очистили магазины, мы принялись выгружать привезенные нами для снабженія Камчатки и Охотска матеріалы и припасы.

Черезъ нѣсколько дней, пришелъ изъ Охотска бригъ «Охотскъ» съ почтою, которая привезла намъ извѣстіе о радостномъ для всей Россіи обрученіи и бракосочетаніи Государя Наслѣдника, почему въ первое же воскресенье было въ здѣшнемъ соборѣ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Соборъ деревянный и уже началъ-было склоняться къ паденію, но землетрясеніе 6 мая 1841 года возстановило его въ вертикальное положеніе. Иконостасъ и внутренняя отдѣлка чрезвычайно-просты, но во всемъ виденъ самый строгій порядокъ; церковные сосуды и облаченіе священнослужителей превосходны и сдѣлали бы честь многимъ изъ столичныхъ церквей; богослуженіе происходитъ съ должною торжественностью; жаль только, что хоръ пѣвчихъ, набранный изъ матросовъ и кантонистовъ, немножко не соотвѣтствуетъ всему остальному, — но вѣдь Петропавловскъ за 13,000 верстъ отъ Петербурга. Послѣ молебна, сопровожденнаго салютомъ со всѣхъ баттарей и военныхъ судовъ, отецъ-протоіерей сказалъ краткую, но превосходную проповѣдь по случаю обрученія Цесаревича. Здѣшній соборъ обязанъ своимъ теперешнимъ благолѣпіемъ усердію и неутомимымъ стараніямъ отца-благочиннаго камчатскихъ церквей, протоіерея Прокопія Васильевича Громова и купца Ивана Алексѣевича Бушуева, бывшаго въ немъ церковнымъ старостою въ-продолженіе десяти лѣтъ. Теперешній церковный староста, г. Сахаровъ, съ самою похвальною ревностью поддерживаетъ плоды трудовъ своего предшественника. Отецъ-протоіерей — человѣкъ просвѣщеннаго ума и глубокой учености; онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ и полнымъ уваженіемъ своей паствы за отеческую заботливость о ея духовныхъ и житейскихъ нуждахъ. Никто не уходитъ отъ него безъ добраго совѣта и утѣшенія. Мы, въ особенности, люди, занесенные въ Камчатку съ другаго конца свѣта, будемъ ему всегда благодарны за его любезность, радушное гостепріимство и пріятную и умную бесѣду. Живя долгое время въ Сибири и посѣщая ежегодно всѣ острожки Камчатки, онъ превосходно знаетъ эти страны, вообще весьма-мало извѣстныя въ Европейской-Россіи. Время, проведенное нами въ кругу его любезнаго семейства, останется навсегда въ нашей памяти; и гдѣ же пріятнѣе искренняя и просвѣщенная бесѣда, какъ не на краю свѣта, въ странѣ, которая, по составленнымъ нами заранѣе понятіямъ, населена одними медвѣдями!

Чтобъ дать понятіе объ И. А. Бушуевѣ, достаточно разсказать одинъ его подвигъ, который говоритъ за себя громче всякихъ похвалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, печь въ соборѣ развалилась отъ времени и въ холодную зиму не было возможности производить священнодѣйствія, потому-что вино замерзало въ сосудахъ; Бушуевъ, зная, что нигдѣ нельзя достать кирпичей, разломалъ печь въ своемъ собственномъ домѣ и исправилъ печи въ соборѣ. Здравый разсудокъ, прямодушіе и благородство мыслей — вотъ отличительныя качества этого почтеннаго человѣка, по справедливости уважаемаго всѣми, кто только умѣетъ цѣнить высокія душевныя свойства.

Digitized by Google

Въ день молебна, мы были приглашены на обѣдъ, даный г. Начальникомъ Камчатки по случаю обрученія Цесаревича. Все петропавловское общество — духовенство, чиновники и купцы со своими женами и дочерьми, собралось въ домъ духовнаго училища, гдѣ послѣ обѣда былъ еще и балъ. Мы танцовали французскія кадрили, *лакасею* и мазурку подъ музыку шарманки и русскихъ пѣсень, которыя лихо попиливалъ на скрипкѣ казакъ Карандашевъ; полъ пошевеливался подъ ногами, музыка Карандашева съ припѣвомъ нѣсколько разнствовала отъ оркестровъ Лядова или Германа, но что до этого? — гости веселились отъ души — слѣдственно, главная цѣль была достигнута.

Холодное время приближалось; каютъ-компанейскій люкъ долженъ былъ всегда оставаться открытымъ для выгрузки матеріаловъ, такъ что въ каютъ-компаніи не было возможности жить. Посему, по распоряженію г. начальника Камчатки, для офицеровъ отвели квартиру въ домѣ купца М. П. Сахарова, человѣка также замѣчательнаго въ своемъ родѣ. Ему за 60 лѣтъ, но онъ бодръ и свѣжъ какъ сорокалѣтній мужчина; онъ считается лучшимъ охотникомъ и лучшимъ ѣздокомъ на собакахъ во всемъ Петропавловскѣ, да чуть-ли не въ цѣлой Камчаткѣ. Отправляясь торговать во внутрь полуострова, онъ ѣздитъ на своихъ собакахъ такими путями, по которымъ не всегда отваживаются пускаться даже Камчадалы; однажды, въ доказательство своего искусства, онъ въѣхалъ въ нартѣ на шести собакахъ въ комнату, которую мы занимали въ его домѣ. Многочисленное семейство его воспитывается въ страхѣ Божіемъ и патріархальной простотѣ нравовъ; старшіе сыновья помогаютъ отцу въ житейскихъ трудахъ, а младшіе будутъ со временемъ также полезными подпорами своей семьи.

На другой день послѣ празднества, запасшись провизіей и всѣмъ нужнымъ для предположеннаго путешествія, мы отправились изъ порта. Насъ было четверо, да еще поѣхали съ нами медикъ камчатской экипажной роты Г. П—ій и чиновникъ сельскаго хозяйства, Е. М. Л—въ, живущій на горячихъ ключахъ близъ рѣчки Паратунки. Странствіе наше началось переѣздомъ на плюпкѣ черезъ Авачинскую Губу въ Таргинскую. Входя съ транспортомъ въ Авачинскую-Губу вечеромъ, въ самую ужасную погоду, мы за пасмурностью не могли разсмотрѣть чудесныхъ картинъ, открывшихся намъ, когда мы отъѣхали на нѣкоторое разстояніе отъ входа въ малую губу. Надъ окружающими ее горами, казавшимися сначала довольно-высокими, потому-что мы стояли близко отъ нихъ, возвышались во всей красѣ три авачинскія сопки, до половины покрытыя снѣгомъ; лѣвѣе, тянутся горы Камчатскаго-Хребта, составляющія промежуточныя высоты между грядою волкановъ, выдвинутыхъ подземнымъ огнемъ вдоль полуострова. Деревья и кустарники, которыми поросли вершины этихъ горъ, были слегка посыпаны осеннимъ снѣгомъ, отъ-чего онѣ издали казались какъ-будто прозрачными. Далѣе, въ лѣво, подымала свою бѣлую вершину Вилючинская-Сопка, изъ застывшаго жерла которой выходитъ легкій дымокъ; наконецъ, еще лѣвѣе, Бабушкинъ камень и крутые, черные утесы, угрюмо стоящіе по сторонамъ устья Авачинской-Губы.

Digitized by Google

Черезъ три часа гребли, мы въѣхали въ Таргинскую-Губу, образующую обширную и превосходную природную гавань. У входа ея, на правой сторонѣ, камень Казачокъ, на которомъ сидѣло несметное множество уриловъ и чаекъ. Казачокъ какъ-будто отколотъ отъ гранитнаго мыса внезапнымъ подземнымъ ударомъ; между имъ и остальною массою камня не болѣе сажени пространства, котораго бока совершенно отвѣсны. Здѣсь называютъ камни этого рода *кекурами*. Вообще, все здѣсь свидѣтельствуетъ о сильныхъ волканическихъ переворотахъ: пласты камня почти-нигдѣ не лежатъ горизонтально, но расположены въ разныхъ мѣстахъ подъ различными наклоненіями; Бабушкинъ-Камень и Три-Брата, вѣроятно, были также отдѣлены отъ ближнихъ скалъ ударами землетрясеній—огромное волненіе, идущее изъ Восточнаго-Океана, уже значительно подмыло ихъ, и не мудрено, если Братья упадутъ отъ какого-нибудь новаго подземнаго толчка.

Въ Таргинской-Губѣ было въ прежніе годы многолюдное селеніе Камчадаловъ — теперь тамъ одинокая лачужка стараго Якута «Микитки». Мы пристали къ правому берегу губы и прошли пѣшкомъ болѣе полуторы верстъ до небольшаго озера пресной воды, называемаго Верхотуровскимъ или Ближнимъ-Озеромъ. Тамъ ожидалъ насъ паромъ, составленный изъ двухъ скрѣпленныхъ между собою *батовъ* (выдолбленныхъ изъ дерева челноковъ), съ Якутами, долженствовавшими переправить насъ черезъ озеро. На паромѣ, мы расположились завтракать; грязный десятилѣтній Ваня, широколицый, румяный сынъ одного изъ Якутовъ, съ наслажденіемъ грызъ юколу, увлажая ее истекавшими изъ его носа ручьями; погода была прекрасная; живописные виды безпрестанно измѣнялись по мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ; словомъ, мы незамѣтно переѣхали черезъ озеро, котораго наибольшая длина три версты. Лѣтомъ, мѣстоположеніе озера должно быть очаровательно, потому-что даже теперь, въ октябрѣ, не смотря на безлиственныя деревья и блеклую зелень, картины были прелестны.

Изъ озера вытекаетъ небольшая рѣчка, впадающая въ Паратунку; подлѣ рѣчки, недалеко отъ озера, живутъ два старые отставные матроса съ своими семействами и тутъ же, около ихъ домиковъ, стоятъ сушильни для приготовленія юколы. Въ рѣчкѣ сдѣланъ заколъ, куда набирается тьма рыбы, которую обыкновенно *крючкуютъ*, или просто берутъ руками. Рыбу крючкуютъ двояко: крючкомъ, насаженнымъ на шестъ, и *марикомъ;* крючкомъ достаютъ рыбу изъ закола, а марикомъ ловятъ ее, когда она идетъ по рѣкѣ въ большомъ количествѣ противъ теченія,—въ обоихъ случаяхъ, разумѣется, только большую рыбу. Марикъ есть шестъ, на концѣ котораго маленькій жолобокъ; въ него вставляется крючокъ, востріемъ внизъ, привязанный къ короткому ремню. Когда рыба идетъ противъ теченія, ловецъ устанавливаетъ крючокъ и старается попасть остріемъ его въ бокъ рыбы; крючокъ, вонзившись въ тѣло, спадаетъ съ шеста и виснетъ на ремнѣ вмѣстѣ съ рыбою. Ловя рыбу крючкомъ или марикомъ, надобно имѣть большую сноровку, потому-что въ водѣ, преломляющей лучи зрѣнія, древко марика кажется совершенно въ другомъ направленіи, нежели то, въ которомъ оно дѣйстви-

Digitized by Google

тельно находится. Количество рыбы въ этой рѣчкѣ невѣроятно; ширина ея около двухъ, а мѣстами около полутора саженъ, а глубина часто не болѣе одного фута,—но рыбы набирается столько, что ей повернуться нѣгдѣ и вода кажется красною. Большею частію, здѣсь ловятся *кижучъ*, *хайко*, *горбуша*, *голецъ* или форель и красная рыба. Вообще, когда рыба идетъ съ моря, ея такъ много въ камчатскихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, что Камчадалъ, которому мимоходомъ вздумается закусить, беретъ-себѣ рыбку просто руками, и, вырѣзавъ изъ нея *пупочикъ*, кушаетъ его сырой, а остальное бросаетъ.

Мы сѣли на коней и проѣхали верхомъ двѣ версты до Паратунка, черезъ которую лошадей переправили вплавь, а сами переѣхали на батѣ. Отъ Паратунки до горячихъ ключей разстилается пространная тундра, имѣющая около 20 верстъ въ окружности; она покрыта высокою травою, волнующеюся отъ вѣтра; по всему пространству этой обширной равнины нѣтъ ни одного холмика, ни даже бугорка, а надъ окружающими ее высокими горами поднимаются, съ одной стороны, бѣлыя вершины авачинскихъ сопокъ, а съ другой слегка-курящійся Вилючинскій-Пикъ.

Къ сумеркамъ, мы подъѣхали къ дому Е. М. Л—ва, природнаго Камчадала, выведеннаго Петромъ Ивановичемъ Рикордомъ и отданнаго на воспитаніе въ Московское Училище Сельскаго Хозяйства. Во время посѣщенія Камчатки Кукомъ и Лаперузомъ, здѣсь было многолюдное селеніе Камчадаловъ, отъ котораго, въ 1803 году, при Иванѣ Ѳедоровичѣ Крузенштернѣ, оставалось еще 16 душъ обоего пола; теперь, кромѣ Е. М. Л—ва съ семействомъ, живетъ здѣсь только шестидесяти-лѣтній холостякъ *посельщикъ* (т. е. сосланный на поселеніе)—человѣкъ исполинскихъ размѣровъ съ мрачною физіономіей. Г. Л—въ шепнулъ мнѣ, что его сѣкли кнутомъ двѣнадцать разъ за разные подвиги, совершенные имъ на большихъ дорогахъ Сибири.

Домъ г. Л—ва построенъ на небольшомъ возвышеніи, съ котораго открывается тундра во всей красѣ. Подлѣ дома, маленькій огородикъ и нѣкоторыя хозяйственныя заведенія. Внизу холма, на которомъ выстроенъ домъ, находятся въ небольшомъ разстояніи одно отъ другаго два маленькія озера горячей воды, наполняемыя ключами, бьющими съ бѣлаго ихъ дна, отъ-чего одно изъ озеръ называется Молочнымъ. Температура большаго озера около + 28° Реомюра, а другаго около + 20°. Теплѣйшее озеро ближе къ дому г. Л—ва, и подлѣ него протекаетъ ручеекъ холодной, какъ ледъ, воды, по обѣимъ сторонамъ котораго множество маленькихъ горячихъ ключей, имѣющихъ тепла около 30 градусовъ и болѣе. Маленькая ванна построена подлѣ ближайшаго къ дому озера, изъ котораго впускается въ нее вода. Ключи здѣсь сѣрные, и теплыя ванны весьма-полезны отъ накожныхъ болѣзней. Прежде, подлѣ ванны былъ домикъ съ одной комнаткой, гдѣ могли останавливаться и раздѣваться пріѣзжавшіе для купанья; но, къ-сожалѣнію, онъ недавно сгорѣлъ, и уцѣлѣли только сама ванна и маленькія холодныя сѣни. Купанье въ здѣшней ваннѣ чрезвычайно-пріятно; все тѣло ощущаетъ какое-то сладостное, исполненное нѣги разслабленіе, такъ-

Digitized by Google

что, забравшись въ воду, не хочется выходить оттуда. Присутствіе горячихъ ключей дѣлаетъ этотъ клочокъ земли чрезвычайно-плодороднымъ. Въ огородѣ г. Л—ва, родятся превосходныя овощи, а подлѣ самаго дома, на пространствѣ около десяти или пятнадцати квадратныхъ саженъ, на которомъ когда-то, въ незапамятныя времена, былъ посѣянъ картофель, онъ родится и теперь зимою и лѣтомъ безъ всякаго воздѣлыванія: стоитъ только разъ въ годъ вскопать это мѣсто. Зимою, снѣгъ надъ нимъ становастъ отъ внутренней теплоты земли и образуетъ родъ свода, изъ-подъ котораго можно во всякое время получать превосходнѣйшій свѣжій картофель. Кора земли должна быть здѣсь чрезвычайно-тонка; топнувъ ногою, слышишь какой-то глухой гулъ, какъ-будто подъ ногами пустота Здѣсь, не только «когда конь бѣжитъ, земля дрожитъ», но даже легкіе шаги четырех-лѣтняго сына Е. М. Л—ва производятъ сотрясеніе, ощущаемое на нѣсколько шаговъ. Разумѣется, что мы не замедлили воспользоваться купаньемъ, послѣ котораго добрая Марья Ивановна Л—ва угостила насъ чудеснымъ ужиномъ, за который мы имѣли случай воздать полную справедливость ея превосходному хозяйству.

Ночь мы провели по-военному, на сѣнѣ, постланномъ на полу, а на другой день, выкупавшись нѣсколько разъ и пообѣдавъ какъ-нельзялучше, мы простились съ нашими гостепріимными хозяевами и пустились въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи одного Якута.

Зимою, всѣ путешествія по Камчаткѣ совершаются на собакахъ, а лѣтомъ пѣшкомъ или верхомъ, потому-что здѣсь вовсе нѣтъ дорогъ, по которымъ могли бы ѣздить экипажи, а еще и потому, что здѣсь почти вовсе нѣтъ лошадей. Лѣтнія дороги большею частію не что иное, какъ узкія, протоптанныя медвѣдями тропинки, по которымъ поѣздъ обыкновенно тянется гуськомъ. Впереди ѣхалъ Якутъ и отъ нѣчего дѣлать затягивалъ однообразную пѣснь своей родины— Эге-е мге-э-е-ахаль-маяха... керемъ-кулу...», не измѣняя голоса и тона и импровизируя что ему приходило въ голову. Путь пролегалъ по довольно-рѣдкому березовому и тополевому лѣсу; высокая трава, шаламайникъ, закрывала лошадей до половины, а мѣстами виднѣлась въ сторонѣ мятая трава, и Якутъ, указывая туда, говорилъ, что тамъ *рѣзвились* медвѣди. Камчатскіе косматые мишуки, не смотря на то, что между ними попадаются иногда весьма-большіе, рѣдко бываютъ опасны для людей; они большею частію питаются рыбой, а крейсируютъ за живымъ мясомъ только когда ходъ рыбы въ рѣкахъ остановится: тогда они ходятъ близко около острожковъ и даже около городовъ. Вообще же, не смотря на свою огромность, они трусливы и боятся человѣка. Бабы и дѣвки, ходя за травою или ягодами, и встрѣтясь съ медвѣдемъ, поднимаютъ фартуки выше головы и съ пронзительнымъ визгомъ идутъ прямо на мишку, который, испугавшись этой фаланги, всегда утекаетъ подальше.

Черезъ часъ, мы пріѣхали къ небольшой рѣчкѣ Микижѣ, подлѣ которой одинъ изъ прежнихъ начальниковъ Камчатки выстроилъ себѣ въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи большой домъ со всѣми службами, садомъ, оранжереями, баней и флигелями для пріѣзжающихъ. Во время

Digitized by Google

пребываніи тамъ гостепріимнаго хозяина, все маленькое общество Петропавловска съѣзжалось къ нему цѣлыми семействами на собакахъ, на которыхъ онъ самъ былъ страстный охотникъ ѣздить. У воротъ дома была надпись: «Самъ сытъ, собаки голодны», что́ означало, что каждый гость долженъ былъ привозить съ собою запасъ юколы для своихъ собакъ. Любезность хозяина, истиннаго русскаго хлѣбосола, оживляла эти собранія, и гости веселились тамъ по нѣскольку дней сряду. А теперь, домъ запущенъ, садъ заросъ травою, флигеля, гдѣ пріѣзжихъ ожидали всѣ удобства, внушенныя самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, и оранжереи—все разваливается, все представляетъ самую печальную картину пустоты и разрушенія. Отъ дома, или, какъ его называютъ, отъ «Микижинскаго-Дворца», прорублена широкая прямая дорога до рѣки Быстрой, находящейся въ полуторѣ верстѣ отъ Микижина и впадающей въ Паратунку. Мы переправились черезъ Быструю, которой названіе вполнѣ по-шерсти качествамъ, верхомъ вплавь; весною, когда на горахъ таятъ снѣга, она разливается невѣроятно-широко, и переправа черезъ нее совершенно-невозможна. Вообще, весною всякое сообщеніе по Камчаткѣ прекращается: ручейки и маленькія рѣчки, попадающіеся здѣсь на всякомъ шагу, бухнутъ отъ таящихъ снѣговъ и превращаются въ рѣки, а рѣки въ быстрые, всесокрушающіе потоки. Около сумерекъ, мы пріѣхали въ якутскую деревню Орловку, состоящую изъ трехъ юртъ и расположенную подлѣ рѣки Тихой, впадающей въ р. Авачу.

Погода была ясная; чистая, какъ зеркало, рѣчка спокойно катилась между красивыми берегами; было уже темно, но бѣлыя вершины авачинскихъ сопокъ все еще рдѣлись розовымъ отблескомъ вечерней зари, рисуясь на ясномъ сѣверномъ небѣ...

Какъ истинные путешественники, мы пошли бродить по юртамъ Якутовъ. Снаружи онѣ походятъ на усѣченныя четырехугольныя пирамиды, и раздѣляются на двѣ половины — зимнюю и лѣтнюю. Въ зимней, досчатый полъ, русская печь и вообще расположеніе какъ въ обыкновенной русской избѣ; въ лѣтнемъ отдѣленіи пола нѣтъ, а въ крышѣ сдѣлано отверстіе для дыма, потому-что лѣтняя часть юрты служитъ и кухней и кладовой, гдѣ хранятся запасы на зиму. Якуты вообще отличаются своею безпечностью и неопрятностью. Они едва могутъ собраться запастись на зиму юколой для себя и своихъ собакъ и большую часть времени питаются *кислою рыбой*. Кислая или *квашеная* рыба въ большомъ употребленіи у жителей Камчатки. Вотъ какъ ее приготовляютъ: наловивъ рыбы, вырѣзываютъ у нея икру и вырывъ яму, обкладываютъ ее травою, наваливаютъ туда икры и потомъ кладутъ въ нее рыбу; накрывъ ее и сверху слоемъ икры и травою, яму зарываютъ, и рыба остается въ ней, пока не «закиснетъ», т. е. не сгніетъ совершенно. Когда кислую рыбу вынимаютъ изъ ямы, по всей окрестности разносится отвратительнѣйшая вонь; но истинные лакомки не обращаютъ вниманія на подобную бездѣлицу, а также и на то, что въ рыбѣ множество червей. Для собакъ, Камчадалы просто зарываютъ рыбу большими количествами въ ямы, аршина на два въ землю, и остав-

Digitized by Google

ляютъ ее, пока она не «заквасится». Въ случаѣ недостатка, рыба, приготовленная для собакъ, служитъ въ пищу людямъ. Квашеныя кижучьи головки считаются у любителей величайшимъ лакомствомъ. Начальники Камчатки не позволяютъ заготовлять кислую рыбу въ Петропавловскѣ, потому-что отъ нея дѣлается въ городѣ нестерпимая вонь. Мнѣ сказывали, что бывали, однакожь, такіе охотники до этого лакомства, и между-прочимъ, одинъ священникъ изъ природныхъ Камчадаловъ, что они нарочно ѣздили изъ Петропавловска въ ближайшіе камчадальскіе острожки для того только, чтобъ поѣсть кислой рыбки, которая была для нихъ въ родѣ необходимости и долговременное лишеніе которой разстроивало даже ихъ здоровье.

Одинъ изъ нашихъ проводниковъ-Якутовъ разсказывалъ, какъ онъ недавно боролся съ медвѣдемъ. Якутъ былъ въ лѣсу съ товарищемъ, какъ вдругъ вышелъ къ нему на встрѣчу медвѣдь; товарищъ убѣжалъ, а медвѣдь бросился на Якута и повалилъ его въ снѣгъ: къ счастію бѣдняка, онъ успѣлъ ухватиться за уши своего косматаго противника и всѣми силами старался не допустить его укусить себя. Между-тѣмъ, медвѣдь изодралъ его куклянку и бороздилъ его плечи своими ужасными когтями. Напрасно Якутъ кричалъ своему оробѣвшему товарищу, у котораго былъ топоръ, чтобъ онъ прибѣжалъ и убилъ медвѣдя, и что онъ держитъ его за уши — товарищъ не являлся. Къ счастію бѣднаго Якута, котораго медвѣдь уже начиналъ одолѣвать, крики его были услышаны находившимися по близости людьми, которые пришли и убили мишука. «Да послѣ» прибавилъ Якутъ: «мнѣ досадно было смотрѣть на звѣря — такой былъ *царшивый, некорыстный*, хоть бы медвѣдь былъ порядочный!..»

Путешественникъ по Камчаткѣ непремѣнно долженъ запастись двумя необходимыми вещами: чаемъ и табакомъ, а въ-особенности чаемъ. Какъ пріѣдешь куда-нибудь, первое дѣло велѣть «сварить самоваръ», который можно найдти во всякомъ домѣ. Пока ставятъ самоваръ, гостепріимные хозяева изготовляютъ къ ужину или обѣду всего, что только въ домѣ найдется лучшаго, и никто никогда не подумаетъ требовать платы. Все семейство останется до крайности довольнымъ, если проѣзжій предоставитъ имъ свой чай и сахаръ, въ чемъ ему не прійдется раскаяваться, потому-что онъ никогда не потерпитъ убытка за свою довѣрчивость. Если же гость подаритъ хозяевамъ «папушку табака», попотчуетъ водочкой или подаритъ «сворочку чайку», то уваженіе къ нему будетъ безпредѣльно и ласковость его останется надолго предметомъ воспоминаній и разговоровъ.

Переночевавъ въ Орловкѣ, мы сѣли на коней, и, проѣхавъ верстъ двѣнадцать по косогорамъ, тундрамъ, послѣ многихъ переправъ черезъ ручейки и рѣчки, прибыли въ мѣстечко Хуторъ, принадлежащее находящейся въ Петропавловскѣ земледѣльческой компаніи. Одинъ изъ предшественниковъ теперешняго начальника Камчатки, г. Г—евъ, лѣтъ десять тому назадъ основалъ компанію на акціяхъ для заведенія въ Камчаткѣ земледѣлія. Компанія принялась за дѣло усердно, устроила родъ образцоваго хутора со всѣми хозяйственными службами и начала

Digitized by Google

разводить рожь, ячмень и проч. Но недостатокъ рукъ и нѣкоторыя независѣвшія отъ компаніи неудачи охладили ея дѣятельность, такъ-что теперь большая часть хозяйственныхъ заведеній Хутора запущена и тамъ живетъ только отставной матросъ съ своимъ семействомъ. Впрочемъ, капиталъ акціонеровъ существуетъ, и они не отчаяваются въ успѣхѣ своего предпріятія, для удобнѣйшаго исполненія котораго впослѣдствіи прибылъ въ Камчатку агрономъ, посланный по требованію Иркутскаго Губернскаго Правленія. Отъ Хутора до Стараго-Острога, небольшой деревушки, находящейся при рѣкѣ Авачѣ, около четырехъ верстъ.

Такъ-какъ и вездѣ, буквально исполнилась русская поговорка «что ни есть въ печи, то на столъ мячи»: а въ печи жарились *гольцы* съ картофелемъ и добрые хозяева такъ усердно упрашивали насъ сдѣлать честь ихъ гостепріимству—чему, par parenthèse, внутренній голосъ нашихъ желудковъ нисколько не противорѣчилъ, — что мы не *обидѣли* ихъ, и, предоставивъ имъ самоваръ, круто принялись за яства. Роздыхъ въ Старомъ-Острогѣ былъ непродолжителенъ; насытившись, мы поспѣшили сѣсть на коней и отправиться къ любопытнѣйшему пункту нашего странствія – первому отъ Петропавловскаго-Порта камчадальскому острожку Каряки. Мы пріѣхали туда вскорѣ послѣ захожденія солнца и остановились въ домѣ отставнаго матроса Хохлова, который, отслуживъ царю урочное время, женился и поселился въ Карякахъ. Старику около семидесяти лѣтъ, но онъ бодръ и веселъ, живетъ какъ патріархъ, окруженный дѣтьми и внуками; онъ много видѣлъ, много испыталъ; сужденія его здравы, и въ нихъ, подъ видомъ простодушія, замѣтно много смѣтливости и тонкой наблюдательности. Онъ родился въ Сибири и служилъ сначала въ сибирскихъ батальйонахъ, которые, въ царствованіе Императора Павла I, когда Россія была въ разрывѣ съ Англіей, были отправлены въ Камчатку для защиты ея отъ внезапнаго нападенія. Хохловъ хорошо помнитъ, что когда ихъ перевезли изъ Охотска въ Камчатку, населеніе ея было многочисленно, но при немъ начались злокачественныя болѣзни, а потомъ жители жестоко пострадали отъ оспы, унесшей множество изъ нихъ. Главная причина быстраго распространенія болѣзни и потомъ смертности, начавшейся еще на транспортахъ, заключалась въ тѣснотѣ помѣщенія на судахъ, дурномъ присмотрѣ за больными, захворавшими еще въ Охотскѣ, и дурной пищѣ.

Вскорѣ пришелъ къ намъ «закащикъ» Каряковъ, т. е. исправляющій должность тайона или старшины. Достоинство тайона избирательное, но выборъ падаетъ большею частію на потомковъ старинныхъ тайонскихъ фамилій, составляющихъ между Камчадалами родъ аристократіи весьма-уважаемой. Прежде утвержденія въ званіе тайона, избранный долженъ прослужить нѣсколько лѣтъ закащикомъ, и если управленіе его оправдаетъ выборъ, то онъ утверждается въ званіи тайона начальникомъ Камчатки. Въ награду за хорошее управленіе, тайонамъ дарятся, по представленію начальниковъ Камчатки губернатору Восточной-Сибири,

Digitized by Google

кортики и кафтаны изъ тонкаго алаго сукна, обшитые по всѣмъ швамъ золотыми галунами.

Въ острожкѣ Каряки 30 душъ жителей обоего пола. Мы ходили по всѣмъ домамъ и вездѣ находили величайшую опрятность и даже нѣкоторую степень роскоши. Чайный приборъ изъ англійскаго фаянса и самоваръ можно видѣть въ каждомъ домѣ; хозяйка ходитъ въ ситцевомъ платьѣ, дѣти чисто одѣты, и вообще на всѣхъ лицахъ написано довольство. Такому благосостоянію много содѣйствовали благодѣтельныя мѣры начальниковъ Камчатки, которые строго запретили купцамъ, ѣздящимъ ежегодно внутрь Камчатки для торговли, возить въ острожки крѣпкіе напитки, до которыхъ Камчадалы весьма-лакомы. Въ прежніе годы, дошлые купцы, отправляясь «по окру́гѣ», не обременяли себя множествомъ товаровъ, а только брали съ собою побольше водки. Многіе употребляли для этого деревянныя фляги съ двумя днами и двумя кранами. Въ одномъ отдѣленіи фляги была вода живая, а въ другомъ мертвая, т. е. въ одномъ спиртъ, а въ другомъ вода. Сторговавшись съ Камчадаломъ о числѣ чарокъ за соболя, торговецъ наливалъ ему чашку чистаго спирта, а потомъ другую и третью; когда Камчадалъ, одурманенный спиртомъ, уже терялъ способность различать предметы, а между-тѣмъ все еще просилъ водки, то цѣна соболей понижалась, а вмѣсто водки ему подносили воду, только слегка для вкуса разбавленную водкой. Такимъ-образомъ, при усердномъ потчиваньи, Камчадалъ отдавалъ за безцѣнокъ всѣхъ промышленныхъ въ зиму собольковъ. Теперь не то. Видя невозможность предаваться пьянству, пороку почти-извинительному жителямъ этихъ суровыхъ странъ, Камчадалы пристрастились къ чаю и промѣниваютъ пушной товаръ на чай, сахаръ и предметы, служащіе къ удобству жизни. Хотя многимъ и не нравятся такія попеченія о ихъ благѣ, но запрещеніе привоза крѣпкихъ напитковъ вовнутрь Камчатки оказало жителямъ существенныя благодѣянія. Продажа водки въ Камчаткѣ на откупу, и казенные питейные домы находятся въ Петропавловскѣ и Ключевскомъ-Селеніи. Въ послѣднемъ есть и церковь: замѣчено, что со времени учрежденія тамъ питейнаго дома, жители сдѣлались гораздо-набожнѣе, нежели были прежде.

Всѣ Камчадалы христіане; но они и до-сихъ-поръ не могутъ совершенно отказаться отъ своихъ старинныхъ вѣрованій. Отецъ-протоіерей, объѣзжая Камчатку въ прошломъ году, отыскалъ случайно двухъ деревянныхъ идоловъ, которые, не смотря на отнѣкиванья сосѣднихъ жителей, по-видимому, продолжали еще пользоваться частью стариннаго уваженія. Камчадалы скрытны; не смотря на распросы протоіерея, хотѣвшаго получить подробныя свѣдѣнія о ихъ древней религіи, всѣ попытки о томъ были почти-безплодны. Онъ предполагаетъ, однако, что шаманы, хотя весьма-скрытно, но и до-сихъ-поръ продолжаютъ свои таинственныя заклинанія и леченія. Наибольшимъ уваженіемъ Камчадаловъ пользовался богъ Кутха; о дѣлахъ его много преданій. Вотъ образчикъ камчадальской легенды: странствовалъ разъ Кутха по Камчаткѣ и расположился отдохнуть въ лѣсу, недалеко отъ одного селенія. Захотѣлось ему ѣсть. Онъ и сдѣлалъ маленькаго болванчика и говоритъ

Digitized by Google

ему: «поди ты, болванчикъ, къ тайону — у него много рыбы; попроси у него нѣсколько рыбъ для меня, да смотри же, хорошихъ». Вотъ и пошелъ болванчикъ; приходитъ къ тайону и говоритъ: «дай мнѣ рыбы, да хорошей». А тайонъ, посмотрѣвъ на болванчика, отвѣчалъ: «Экой ты какой болванчикъ, ну куда тебѣ рыбы? посмотри ты на себя, вѣдь тебѣ, маленькому, одной рыбьей головки на годъ хватитъ. Ступай прочь, а не то я тебя самого заброшу въ рѣку.» Болванчикъ явился къ Кутхѣ съ отвѣтомъ тайона. Тогда Кутха жестоко разгнѣвался и велѣлъ болванчику возвратиться къ тайону и съесть у него всю рыбу, а рыбѣ не велѣлъ послѣ того идти въ рѣку. Поздно замѣтилъ тайонъ свою ошибку, и видя, какъ проворно болванчикъ уничтожаетъ рыбу, онъ взмолился о помилованіи, но болванчикъ не пощадилъ его и съѣлъ всю рыбу. И много другихъ чудесъ приписываютъ Камчадалы Кутхѣ.

Лѣтомъ Камчадалы заготовляютъ себѣ запасъ на зиму: солятъ, сушатъ и квасятъ рыбу; собираютъ сѣно для рогатаго скота, котораго число теперь увеличивается; запасаютъ и заквашиваютъ *черемшу* — родъ дикаго чеснока, весьма-полезнаго противъ цинготной болѣзни, собираютъ сарану — маленькій корень мучнистаго вкуса, и лебяжій корень. Осенью, когда выпадетъ снѣгъ, они ходятъ въ горы на охоту за каменными баранами, которые, не находя на высотахъ подножнаго корма, спускаются стадами съ вершинъ горъ и возвышенныхъ частей сопокъ; охота эта бываетъ часто сопряжена съ опасностью, и въ особенности на сопкахъ: бараны всегда ходятъ стадами; случается, что, гонимые съ тыла вьюгами, они стремятся внизъ по ущельямъ и тѣснинамъ горъ, и тогда, не находя другаго выхода, и не смотря на ружейные выстрѣлы охотниковъ, бросаются на нихъ, сминаютъ ихъ и нерѣдко сталкиваютъ въ пропасти. Зимою, Камчадалы ходятъ промышлять соболей, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бѣлыхъ песцовъ, котиковъ, и, когда не попадется ничего лучшаго, бьютъ *горночковъ*, т. е. горностаевъ, которыхъ они вообще рѣдко удостоиваютъ выстрѣла, полагая, что такіе маленькіе звѣрки не стоятъ пороха. Въ доказательство того, какъ мало цѣнятъ въ Камчаткѣ горностаевъ, довольно, если скажу, что въ 1840 году жена одного купца продала капитану американскаго купеческаго судна пятьдесятъ горночковъ, по полтинѣ за штуку!...

Осенью, у Камчадаловъ изобиліе во всемъ. Насъ угощали прекрасною дичью, мясомъ каменнаго барана, весьма-вкуснымъ, свѣжею рыбой, превосходнымъ творогомъ, сливками и сметаной: но хлѣбъ здѣсь въ диковину: въ Петропавловскѣ, пудъ ржаной муки, привозимой изъ Охотска, стоитъ десять и даже двѣнадцать рублей. Камчадалъ не найдетъ ничего для угощенія пріѣзжаго: онъ со всѣмъ семействомъ будетъ ѣсть одну кислую рыбу, если узнаетъ, что въ его острожокъ пріѣдетъ гость,—для того, чтобъ сберечь для него лучшіе куски. Гостепріимство здѣсь беззавѣтно; пороки, сопутствующіе просвѣщенію, и сосредоточивающіеся болѣе въ большихъ городахъ и около нихъ, сюда, слава Богу, не проникли. Строгая честность и совершенное бескорыстіе — вотъ добродѣтели, свойственныя всѣмъ Камчадаламъ; воровство неизвѣстно.

Digitized by Google

Число природныхъ Камчадаловъ безпрестанно уменьшается. Теперь ихъ насчитываютъ не болѣе 2500. Даже самый языкъ камчадальскій выходитъ изъ употребленія, и новое поколѣніе почти его не знаетъ; всѣ говорятъ по-русски, а по-камчадальски они только *слышатъ*, т. е. понимаютъ. Камчадальскій языкъ состоитъ изъ множества гортанныхъ и шипящихъ звуковъ, напримѣръ *кжижухть*— господинъ, *кумхщь*—хлѣбъ. Вообще, они любятъ прибавлять *хѣчучь* или *хщь* къ окончаніямъ даже русскихъ словъ. Я спрашивалъ въ Петропавловскѣ одного олюторца, нюхаетъ ли онъ табакъ; онъ отвѣчалъ: «не нюхщь»; — пьешь ли ты водку? — «а пьюхечучь». Камчадальскій языкъ раздѣляется на четыре отдѣльные, несходные между собою языка, такъ-что Камчадалъ, живущій на восточномъ берегу Камчатки, не понимаетъ языка жителя западнаго берега; въ сѣверной части полуострова, на противоположныхъ берегахъ его, говорятъ также на разныхъ языкахъ. Камчадаловъ хотѣли обратить къ земледѣлію, но это не удалось, да при теперешнемъ маломъ народонаселеніи едва-ли и возможно. Почва Камчатки благопріятна хлѣбопашеству, но для обработыванія земли нѣтъ рукъ и скота. Во время управленія Камчаткою премьер-майора Бема, отъ 1772 до 1779 годовъ, земледѣліе было здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи: сдавая управленіе Камчаткою, онъ представилъ до тысячи пудовъ зернового хлѣба и пашню, засѣянную пятьюдесятью пудами ржи. Нынѣ, въ одномъ только Ключевскомъ-Селеніи, населенномъ Русскими, занимаются хлѣбопашествомъ. Повальныя болѣзни истребили большую часть коренныхъ жителей, и теперь, при всѣхъ стараніяхъ, земледѣліе не подается впередъ. Камчадалы, живущіе почти-исключительно рыбною ловлею и охотою, такъ привыкли къ рыбѣ, что и не чувствуютъ нужды въ хлѣбѣ; кромѣ того, они боятся заниматься земледѣліемъ, опасаясь, что имъ нѣкогда будетъ заготовить рыбу для себя и своихъ собакъ, и тогда что имъ останется въ случаѣ неурожая? Со стороны правительства Камчадалы пользуются многими важными пособіями. Подать — ясакъ по соболю съ души въ годъ; кромѣ того, они несутъ нѣкоторыя повинности, возятъ почту и проѣзжихъ по казенной надобности — за послѣднихъ они получаютъ прогоны. Разные вещи и матеріалы, привозимые изъ Россіи на казенныхъ транспортахъ, а также и порохъ, продаются природнымъ жителямъ Камчатки по казенной цѣнѣ, безъ платы за провозъ, тогда-какъ всякому другому, кромѣ казенной цѣны, приходится платить еще по 12 руб. ассиг. съ пуда за провозъ, и часто цѣна провоза дороже самой вещи. Для Камчадаловъ есть въ Петропавловскѣ особый, такъ называемый «инородческій капиталъ», изъ котораго деньги имъ даются въ займы безъ процентовъ, а не-кореннымъ жителямъ Камчатки ссужаютъ изъ этого капитала не иначе, какъ съ платою по пяти процентовъ. Кромѣ наличныхъ денегъ, природные жители пользуются еще такъ-называемымъ «инородческимъ скотомъ», заведеннымъ изъ капитала. Всякій Камчадалъ можетъ просить себѣ на время нѣсколько скота, котораго потомство обращается въ его собственность. Капиталъ этотъ существуетъ около двадцати лѣтъ и завелся вотъ какимъ образомъ: при вступленіи въ управленіе Камчаткою г. Г—ш,

Digitized by Google

старшины острожковъ или тайоны, знавшіе его, когда онъ былъ еще помощникомъ начальника Камчатки, пришли къ нему для поздравленія съ подарками; съ дозволенія Иркутскаго Губернскаго Правленія, меха эти были проданы, а вырученныя деньги обращены въ неприкосновенный капиталъ для пособія Камчадаламъ.

Камчадалы вообще малорослы, по-видимому слабаго сложенія, смуглы, узколобы, и всѣ безъ исключенія съ прекрасными черными глазами, дышащими добродушіемъ. Они робки въ обращеніи съ посторонними и скрытны. Подъ личиною простоты они часто скрываютъ тонкую проницательность. Обыкновенный костюмъ Камчадаловъ — куклянка и торбасы. *Куклянка*—нѣчто въ родѣ мѣховой блузы или, если угодно, рубашки, доходящей ниже колѣнъ, съ капюшономъ или *кукулемъ*; ихъ дѣлаютъ изъ оленьяго меха; самыя щегольскія изъ молодыхъ оленей или выпоротковъ. Зимнія куклянки двойныя, т. е. изъ двухъ шкуръ, одна мѣхомъ во внутрь, другая мѣхомъ наружу; въ снѣжную погоду, кукуль накидывается на голову сверхъ шапки, а въ сильныя пурги лицо закрываютъ *пихичемъ*, т. е. клапаномъ, узорчато-расшитымъ мѣхомъ, придѣланнымъ спереди; внизу — отверстія, куда просовывается голова. Подолъ щегольской куклянки обшивается *упованомъ*, т. е. поясомъ, на которомъ затѣйливые узоры вышиты разноцвѣтными гарусами или мѣхами. *Торбасы* — длинные сапоги, изъ тюленьей или оленьей шкуры, мѣхомъ вверхъ. Лѣтомъ, Камчадалы носятъ нанковыя или плисовыя куртки и такіе же шаровары. Въ суровую зиму, или отправляясь въ дальнее путешествіе на собакахъ, подъ куклянку надѣваютъ песцовыя и лисьи куртки безъ рукавовъ, и сверхъ куклянки *парку*—такую же куклянку безъ капюшона изъ собачьяго меха, и малахай. Женщины также ходятъ въ куклянкахъ и торбасахъ, но каждая имѣетъ въ запасѣ ситцевыя и даже шелковыя платья и платки.

Переночевавъ въ Карякахъ, мы на слѣдующее утро пустились въ обратный путь водою на паромѣ, составленномъ изъ двухъ ботовъ, а лошадей отправили берегомъ въ деревню Авачу, находящуюся при Авачинской-Губѣ, подлѣ устья рѣки того же имени. Всѣ жители острожка, съ которыми мы разстались большими друзьями, провожали насъ и на прощанье закащикъ отсалютовалъ намъ тремя ружейными выстрѣлами, сопровождаемыми громкимъ «ура» и желаніями всякаго благополучія; бывшіе на паромѣ Камчадалы отвѣчали на салютъ изъ своихъ винтовокъ. Карацкая-Рѣка, такъ называется эта часть Авачи, необыкновенно быстра отъ своихъ верховьевъ до Стараго-Острога и даже нѣсколько ниже; тамъ она становится глубже и катится спокойно и величаво. Спускаясь по теченію рѣки, замѣчаете, какъ наклонна поверхность ея русла: отъ этого, быстрина во многихъ мѣстахъ необычайна. Надобно было удивляться ловкости, съ которою наши Камчадалы отталкивались шестами отъ безпрестанно-попадавшихся отмелей и накопившихся около нихъ деревьевъ и валежника, а въ особенности на изгибахъ рѣки, часто весьма-крутыхъ, гдѣ вода кипѣла и крутилась какъ въ водоворотѣ. Правый берегъ Авачи обрывистъ, а лѣвый низменъ, и оба покрыты небольшимъ лѣсомъ и кустарникомъ. На лѣвомъ берегу видны,

Digitized by Google

мѣстами, протоптанныя къ водѣ тропинки, по которымъ медвѣди спускаются ловить рыбу, или просто *думать*, какъ выразился одинъ изъ нашихъ Камчадаловъ. Иванъ Ѳедоровичь Крузенштернъ разсказываетъ, какъ медвѣди ухитряются ловить рыбу, и способъ ихъ дѣлаетъ большую честь ихъ изобрѣтательности. Извѣстно, что рыба идетъ всегда противъ теченія рѣкъ; медвѣдь спускается въ воду и становится противъ теченія, оставляя небольшое разстояніе между задними ногами и сжавъ переднія. Когда между задними ногами натѣснится достаточно рыбы, онъ вдругъ сжимаетъ ихъ и такимъ образомъ выпрыгиваетъ на берегъ съ своею добычей. Множество воронъ и морскихъ и рѣчныхъ птицъ летало около насъ; нѣкоторыя садились на воду; надъ головами пролетѣло нѣсколько орловъ, но попытки застрѣлить ихъ были безуспѣшны, и намъ оставалось только любоваться на величавый полетъ царей-птицъ. Здѣшніе орлы, такъ-же какъ и медвѣди, почти-исключительно питаются рыбою, въ которой здѣсь, слава Богу, не бываетъ недостатка, а потому владычество ихъ, вѣроятно, не такъ обременительно для пернатаго племени, какъ въ другихъ мѣстахъ. Плаваніе до Стараго-Острога шло весьма быстро; но за нимъ оба берега рѣки большей частію низменны и насъ встрѣтилъ на широкой части ея свѣжій противный вѣтеръ, который значительно замедлилъ наше плаваніе. Теченіе отсюда до устья Авачи было гораздо-слабѣе, нежели въ верховьяхъ рѣки; усталые Камчадалы съ трудомъ давали парому ходъ своими шестами; мы продрогли до-нельзя отъ холоднаго пронзительнаго вѣтра, и къ 7 часамъ вечера едва добрались до деревни Авачи, находящейся при устьѣ рѣки и населенной по-большей-части посельщиками. Къ счасію нашему, лошади, посланныя впередъ изъ Каряковъ, успѣли прибыть въ Авачу какъ-разъ въ одно время съ нами, а потому мы, спѣша въ портъ, немедленно отправились далѣе. Путь нашъ пролегалъ по холмамъ, оврагамъ и косогорамъ; мѣстами, спуски были такъ круты, что приходилось слѣзать съ лошадей и вести ихъ въ-поводу; тропинки лѣпились иногда по краямъ обрывовъ, такъ-что еслибъ лошади случилось испугаться чего-нибудь и броситься въ сторону, то коню и всаднику предстояло бы лететь съ высоты въ 300 или 400 футовъ внизъ, на камни взморья. Признаюсь, мнѣ не разъ приходили на мысль медвѣди, которыхъ появленіе было бы тогда какъ-нельзя-больше не кстати. Но, благодаря Бога, за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливыхъ паденій, по причинѣ лопнувшихъ подпругъ, и тому подобныхъ неудачь, ночное путешествіе кончилось благополучно, и мы прибыли въ Петропавловскій-Портъ въ 10 часовъ вечера, послѣ четырехдневнаго отсутствія.

Населеніе Петропавловскаго-Порта, полагаемое до 500 человѣкъ обоего пола, состоитъ почти-исключительно изъ служащихъ. Духовенство съ причтомъ, военные и гражданскіе чиновники съ семействами, камчатская экипажная рота, 20 казаковъ безъ лошадей, трое камчатскихъ купцовъ, столько же прикащиковъ торгующихъ мѣхомъ сибир-

Digitized by Google

ских купцовъ, нѣсколько отставныхъ матросовъ и семейства всѣхъ ихъ — вотъ жители Порта. Они размѣщены въ небольшихъ деревянныхъ домикахъ, необшитыхъ тесомъ и крытыхъ по-большой-части шаламайникомъ. Домы строятся изъ тополеваго или березоваго дерева, доставляемаго изъ окрестностей Порта; рабочихъ чрезвычайно-мало, да и тѣ служащіе, слѣдственно независящіе отъ себя, отъ-чего постройка домовъ идетъ весьма-медленно и обходится чрезвычайно-дорого. Изъ общественныхъ и казенныхъ зданій примѣчательнѣйшія: деревянный соборъ, крытый желѣзомъ — величина его соразмѣрна народонаселенію; новый домъ начальника Камчатки, выстроиваемый изъ сосноваго лѣса, привозимаго изъ Нижне-Камчатска на казенномъ палубномъ ботѣ Алеутъ — домъ этотъ кроютъ желѣзомъ; военно-морская полугоспиталь, отличающаяся величайшимъ порядкомъ, чистотою и удобствами для больныхъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнными, что средства Порта весьма-ограничены; при полугоспитали больница для бѣдныхъ жителей. Каменныхъ строеній здѣсь нѣтъ; причины этому разныя: во-первыхъ, недостатокъ въ кирпичѣ, для котораго глина привозится изъ Таргинской-Губы (*), а другая причина — частыя землетрясенія. 6 мая 1841 года, землетрясеніе было здѣсь такъ сильно, что самые древніе старожилы не запомнятъ на своемъ вѣку подобнаго. Колокола собора звонили сами собою; трубы и печи въ большей части домовъ развалились; вода нѣсколько разъ быстро уходила изъ Малой-Губы и потомъ вторгалась туда снова съ такою силою, что угрожала затопить Портъ; со стороны устья рѣчки Колохтырки, приливъ возвысился футовъ на 50, при чемъ утонула одна женщина и множество собакъ, бывшихъ тамъ на привязи; наконецъ, недалеко отъ Орловки, земля дала трещину, изъ которой била ключомъ горячая вода. — Якутъ, жившій около того мѣста, убѣжалъ, пораженный паническимъ страхомъ. Всѣ жители Петропавловска въ неописанномъ ужасѣ ждали своего послѣдняго часа. Странно, что въ Камчаткѣ жители не выходятъ изъ своихъ домовъ во время «трясенія», полагая, что опасность внѣ ихъ больше. Послѣ 6 мая, ежедневно ощущались подземные удары, которые мало-по-малу ослабѣвали и наконецъ, около начала сентября, были весьма-рѣдки и слабы. При насъ было нѣсколько толчковъ, но, непривыкнувъ къ нимъ, я не могъ ихъ замѣтить, не смотря на все мое желаніе. Однажды только, это было около половины ноября, — катаясь на собакахъ на покрытомъ льдомъ Колохтырскомъ-Озерѣ, я слышалъ въ окружныхъ горахъ какой-то странный, особаго рода гулъ, а вечеромъ, когда я сидѣлъ за чайнымъ столомъ у одного изъ монхъ знакомыхъ, чашки и стаканы вдругъ зазвенѣли, какъ-будто кто-нибудь толкнулъ столъ. Хозяинъ дома сказалъ, что это былъ ударъ землетрясенія, но я не чувствовалъ ничего.

Образъ жизни петропавловскаго общества, да и самое общество, значительно измѣнились послѣ преобразованій въ управленіи Камчатки и

(*) Въ прежніе годы, по словамъ жителей Порта, былъ недалеко отъ него небольшой кирпичной заводъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находили глину.

Digitized by Google

разныхъ преимуществъ, даваемыхъ отправляющимся туда на службу офицерамъ и чиновникамъ. Въ старинные годы, Камчатка была подъ управленіемъ сухопутнаго вѣдомства, котораго центръ былъ въ Нижне-Камчатскѣ. Офицеры, служившіе тамъ, были большей частію люди, сосланные въ Камчатку за дурное поведеніе изъ армейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Сибири и внутри Россіи. Но когда начальникомъ Камчатки былъ назначенъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, знавшій этотъ край не по однимъ слухамъ,—потому-что онъ бывалъ уже тамъ во время своего путешествія вокругъ свѣта съ капитаномъ Головнинымъ, — тогда весьма-многое измѣнилось. Вникнувъ въ положеніе страны, онъ исходатайствовалъ для нея особыя постановленія, которыхъ большая часть существуетъ и понынѣ. Офицеры и чиновники, отправляющіеся туда, избираются изъ охотниковъ, получаютъ передъ отъѣздомъ слѣдующій чинъ, и во все время службы ихъ въ Камчаткѣ и Охотскѣ имъ выдается двойное жалованье. Срокъ ихъ службы пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ они имѣютъ право просить о переводѣ или остаться еще на пять лѣтъ. За пятилѣтнюю службу начальникъ Камчатки получаетъ пенсіонъ полнаго ординарнаго жалованья, а за десятилѣтнюю — двойнаго, на все остальное время своей службы; помощникъ начальника получаетъ за десятилѣтнюю службу пенсіонъ полнаго ординарнаго жалованья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. И. Рикордъ доставилъ Камчадаламъ много существенныхъ облегченій: главныя изъ нихъ — продажа пороха, свинца и всякихъ привозимыхъ моремъ изъ Россіи матеріаловъ, по казенной цѣнѣ, безъ платы за провозъ и содержаніе магазиновъ.

Перемѣна въ образѣ жизни произошла не очень-давно отъ ежегоднаго прихода въ Петропавловскъ американскаго купеческаго судна. Все, что привозится въ Камчатку черезъ Охотскъ, необыкновенно-дорого, да, кромѣ того, по малости мѣста на казенныхъ транспортахъ и трудности доставки товаровъ извнутри Сибири въ Охотскъ на вьючныхъ лошадяхъ, количество привоза весьма-ограничено. На-примѣръ, пудъ ячневой крупы, привозимой изъ Охотска, стоитъ здѣсь 12 руб. ассигн.; фунтъ сахара, — 4 руб., фунтъ восьми-рублеваго чая — 17 руб., фунтъ двухрублеваго «Жукова» табака стоитъ 8 руб.; ведро пѣнника 56 руб., аршинъ простаго, узкаго рубащечнаго холста 1 руб.; глиняныя курительныя трубки, продающіяся въ Петербургѣ по 8 копеекъ мѣдью, стоятъ здѣсь по рублю; фунтъ дроби № 8 продается по 2 руб. 50 к. и проч. все въ той же соразмѣрности. Не трудно понять, что, при такой ужасной дороговизнѣ, двойное жалованье не можетъ доставить и самыхъ простыхъ удобствъ жизни, а часто и деньги не могли ничему помочь. Теперь дѣло другое: восемь лѣтъ сряду, Американцы, ознакомившіеся какъ-нельзя-лучше съ потребностями края, привозятъ туда все, что нужно, и этимъ дѣлаютъ истинное благодѣяніе. Разумѣется, при этомъ случаѣ они больше всего заботятся о своихъ собственныхъ выгодахъ и пускаются на край свѣта недаромъ; но цѣны ихъ товаровъ, хотя и даютъ имъ барыша по 100 процентовъ и болѣе, все-таки кажутся умѣренными Петропавловцамъ, привыкшимъ къ чудовищнымъ цѣнамъ привозимыхъ изъ Охотска товаровъ.

Digitized by Google

Весною и въ началѣ лѣта, когда запасъ муки, сахара, вина, табака и проч. истощится, и только весьма-разсчетливые хозяева имѣютъ у себя эти рѣдкіе и лакомые припасы, физіономіи жителей Порта вытягиваются, уныніе распространяется всюду, и рыба почти-исключительно является на всѣхъ столахъ, во всякое время дня, въ разныхъ костюмахъ, а наболѣе въ видѣ юколы. Счастливъ тотъ, кому удастся добыть дичинки! Отчаянные курильщики искрашиваютъ свои чубуки, чтобъ чѣмъ-нибудь утолить нестерпимую жажду «затянуться». Взоры всѣхъ вопросительно смотрятъ въ «туманну даль», не йдетъ ли Американецъ, котораго прибытія ждутъ какъ пришествія Мессіи... Наконецъ, желанный гость пришелъ. Начальникъ Камчатки отводитъ ему мѣсто, гдѣ онъ устроиваетъ свою временную лавку, и вдругъ всѣ лица, незадолго мрачныя и угрюмыя, расцвѣтаютъ; всѣ торопятся закупить что̀ нужно, и Петропавловскій-Портъ пируетъ и радуется радостію всѣю. Такъ-какъ звонкая монета извѣстна тамъ только по наслышкѣ (*), то купецъ продаетъ свой товаръ на ассигнаціи и потомъ, передъ отходомъ, отдаетъ ихъ въ окружное казначейство, откуда получаетъ билетъ, по которому послѣ, вѣроятно, по сношеніямъ консуловъ, ему выдаются деньги. Какъ ни малъ Петропавловскъ, а не проходитъ ни одного года, чтобъ Американецъ не продалъ туда товаровъ на 100,000 руб. ассигнаціями. Тѣмъ, кто покупаетъ на звонкую монету, дѣлается уступка пяти процентовъ. Да какъ не благодарить Американца, когда его приходъ даетъ возможность зачинить прорѣхи въ хозяйствѣ, а ему какъ не ходить въ благодатную страну, гдѣ все, что̀ бъ онъ ни привезъ, будетъ у него расхватано, потому-что во всемъ нужда? Въ столовыхъ и чайныхъ сервизахъ, которые Янки везетъ сюда, рѣдко тарелки или чашки сходствуютъ между собою форматомъ и рисункомъ; у него есть и чашки безъ блюдечекъ, и блюдечка безъ чашекъ, разнохарактерные стулья, стаканы и рюмки — словомъ, всякая всячина. Тутъ нѣтъ ничего страннаго и смѣшнаго; надобно только вспомнить, что въ Камчаткѣ бываетъ рѣшительно невозможно достать самыхъ обыкновенныхъ вещей. Что̀ станете дѣлать, если въ цѣломъ домѣ одна только рюмка, да и та безъ ножки? или если, въ случаѣ прихода двухъ-трехъ гостей, надобно посылать просить у сосѣдей чашекъ и тарелокъ? Можно ли тутъ подбирать столовый сервизъ по рисунку, когда нѣ̀ гдѣ купить тарелку въ замѣнъ разбитой, — а вѣдь Американецъ приходитъ только разъ въ годъ, и, упустивъ случай запастись, надобно ждать еще цѣлый годъ, потому-что на привозимое изъ Охотска плохая надежда.

Петропавловскій-Портъ пользуется правами вольнаго торговаго порта (porto franco). За исключеніемъ чая и крѣпкихъ напитковъ, позволяется привозить все: запрещеніе на чай произошло въ-слѣдствіе хлопотъ си-

(*) Особенно внутри Камчатки: не всякій Камчадалъ возьметъ полуимперіалъ или червонецъ, а дайте ему «пятитку», т. е. пяти-рублевую ассигнацію, или «краснушку», и онъ предпочтетъ ихъ всѣмъ золотымъ монетамъ въ свѣтѣ. Изъ бѣлыхъ ассигнацій, только 25-рублевыя пользуются уваженіемъ, а 50 и 100 рублевымъ Камчадалъ не вѣритъ.

Digitized by Google

бирскихъ купцовъ, торгующихъ съ Кяхтою, а ромъ и водка запрещены съ тою цѣлью, чтобъ дешевизна не увеличила пьянства, къ которому Камчадалы и вообще люди низшаго сословія имѣютъ большую наклонность. Послѣднее распоряженіе, конечно, благодѣтельно; но неуже-ли сибирскіе купцы обѣднѣютъ, еслибъ они лишились монополіи продавать въ Камчаткѣ чай? Между-тѣмъ, дешевизна чая была бы большимъ благодѣяніемъ для жителей, проводящихъ большую часть своего существованія на холоду, на охотѣ, рыбной ловлѣ и разныхъ тяжелыхъ работахъ.

Живущему въ Камчаткѣ необходимо заниматься хозяйствомъ, потому-что тамъ нѣтъ ни сытныхъ рынковъ, ни даже благодѣтельныхъ мелочныхъ лавокъ, и часто даже всесильныя деньги бываютъ безполезны. У всякаго, кто живетъ домкомъ, есть корова, нѣсколько куръ, а у нѣкоторыхъ и свинки. Живность является здѣсь въ большемъ количествѣ противъ прежняго съ-тѣхъ-поръ, какъ нынѣшній начальникъ Камчатки принялъ строгія мѣры, чтобъ собаки жителей были на привязи круглый годъ. Прежде, онѣ гуляли на-свободѣ и питались какъ могли выбрасываемою на берегъ рыбою; тогда нельзя было оставлять безъ самаго бдительнаго надзора куръ, свиней, телятъ и даже коровъ; собаки бросались на нихъ и загрызали ихъ. — Страннѣе всего, что собаки не съѣдаютъ своихъ жертвъ, а преспокойно оставляютъ ихъ на землѣ.

Кромѣ огорода и миніатюрнаго скотнаго двора, мѣстныя пособія жителей Петропавловска состоятъ изъ рыбы, разнаго рода прекрасной дичины, топорковыхъ яицъ и нѣкоторыхъ весьма-скудныхъ произведеній растительнаго царства. Добываніе топорковыхъ яицъ и уриловъ, для тѣхъ, кто хочетъ получить много этихъ птицъ, не тратя пороха, сопряжено съ опасностью. Топорки кладутъ свои яйца въ пропастяхъ, въ мѣстахъ почти-неприступныхъ, въ родѣ Старичкова-Острова; надобно, во-первыхъ, пристать туда въ бурное время года, потомъ подняться по закраинамъ камня наверхъ, а оттуда спускаться по веревкѣ въ пропасть. Топорковыя яйца довольно-вкусны. Добываніе уриловъ также весьма-нелегко. Я разспрашивалъ объ этомъ извѣстнѣйшаго ловца уриловъ, матроса камчатской экипажной роты Бѣлокопытова. Онъ отправляется на ботѣ съ товарищемъ къ Старичкову-Острову, котораго берега весьма-обрывисты и почти-неприступны. Урилы, топорки и старички, не опасаясь быть встревоженными, несутъ тамъ свои яйца и обыкновенно сидятъ въ несметномъ множествѣ на закраинахъ утесовъ. Ловецъ взбирается на эти самородные карнизы, съ опасностью сломать себѣ шею, запасшись петлею на палкѣ или кулёмкой и мѣшкомъ. Приблизясь къ уриламъ, онъ вѣжливо снимаетъ имъ шапку и кланяется; урилы, вѣроятно слѣдуя за движеніемъ его головы или шапки, отвѣчаютъ на его поклонъ. Послѣ этого взаимнаго привѣтствія, онъ протягиваетъ кулёмку къ ближайшей птицѣ, и та, не воображая ничего, всовываетъ туда свою голову; ловецъ обмахиваетъ палку вмѣстѣ съ птицей за спину, беретъ ее подъ мышку, свертываетъ шею, такъ чтобъ она не успѣла пикнуть, и опускаетъ свою добычу въ мѣшокъ. Потомъ онъ протягиваетъ кулёмку другому, третьему, четвертому, и т. д. уриламъ, пока

Digitized by Google

не наполнится мѣшокъ; тогда онъ передаетъ его товарищу, а отъ него получаетъ другой, который наполняетъ такимъ же образомъ, пока количество птицъ не покажется ему достаточнымъ. Странно, что урилы, видя, какъ убываютъ одинъ за однимъ ихъ сосѣди, не поднимаются; но это можно объяснить себѣ тѣмъ, что они, вѣроятно, воображаютъ, что попавшіе въ кулёмку улетаютъ; кромѣ того, они въ это время бываютъ такъ жирны, что едва въ состояніи тронуться съ мѣста. Рыбы, какъ я уже сказалъ, здѣсь несмѣтное множество. Кромѣ большихъ рыбъ, кижуча, горбуши и т. п., сюда приходятъ лѣтомъ въ огромномъ количествѣ сельди и вахня или навага. Сельдей солятъ: онѣ превосходны и не уступятъ голландскимъ; вахня, или «вахнюшка», чрезвычайно-нѣжная и вкусная рыба — она слишкомъ-нѣжна для соленія. Чтобъ составить себѣ понятіе о количествахъ, въ которыхъ она ходитъ, скажу только, что, закинувъ судовой неводъ, мы однажды вытащили за-разъ столько вахни, что она не умѣстилась въ двухъ шлюпкахъ, изъ которыхъ одна была десятивесельный катеръ. Ходъ сельдей тогда давно уже кончился, такъ-что намъ не удалось полакомиться свѣжими селедками.

Недостатокъ капиталовъ — отчасти и предпріимчивости, не во гнѣвъ будь сказано, и разныя мѣстныя обстоятельства, препятствуютъ камчатскимъ купцамъ завести свое судно и пользоваться выгодами, которыя теперь достаются Американцамъ. Еслибъ они рѣшились завести себѣ хоть порядочную грузовую шкуну или бригъ, то, нѣтъ сомнѣнія, хозяева получили бы большіе барыши. Лѣтомъ это судно могло бы ходить въ Нижнетагильскъ за лѣсомъ, какъ для казны, такъ и для частныхъ людей, а на зиму въ Манилу за мукою, рисомъ и всякаго рода товарами, которые распространились бы не только по Камчаткѣ, но и черезъ Охотскъ по всей Восточной-Сибири. Оно бы даже успѣло сходить въ Сингапуръ, гдѣ всѣ англійскія мануфактурныя произведенія дешевле, нежели въ самой Англіи: стоило имъ только выйдти изъ Манилы въ послѣдній мѣсяцъ NO муссона и, переждавъ перемѣну муссоновъ въ Сингапурѣ, возвратиться, когда настанетъ SW муссонъ, т. е. въ исходѣ апрѣля. Къ началу іюля, судно могло бы прійдти въ Камчатку, выгрузиться и сходить за лѣсомъ. Выгоды камчатскихъ купцовъ были бы очевидны: пудъ ячневой крупы, привозимой изъ Охотска, стоитъ 12 руб. асс., а въ Манилѣ пикуль (т. е. 3½ пуда) риса обходится въ два испанскіе піастра (10 рублей асс.). Тогда можно бы было несравненно-дешевле и лучше продовольствовать Камчатку и Охотскъ провіантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ барышъ отъ этой торговли оставался бы въ рукахъ русскихъ купцовъ. Камчатскіе купцы приписываются къ третьей гильдіи, но пользуются правами всѣхъ трехъ гильдій: странно, что они не могутъ рѣшиться воспользоваться столь выгоднымъ положеніемъ!

Digitized by Google

8-го октября выпалъ первый снѣгъ, но онъ вскорѣ сталъ; однако, около исхода октября его выпало столько, что, при помощи морозовъ, въ нѣсколько дней установилась санная дорога, къ неописанной радости любителей катанья на собакахъ. Съ этой вождѣленной поры, большая часть разговоровъ начиналась и оканчивалась собаками. Каждый выхвалялъ достоинство своего пестряка, чернышки, или двоеглазки, спорили за нихъ и горячились не хуже всякихъ любителей лошадей. Г. Т—ій, страстный любитель собакъ, разумѣется, ѣздовыхъ, клялся мнѣ, что онъ предпочитаетъ собакъ лошадямъ, и что для него хорошая *санка* (т. е. шесть собакъ съ санкою) имѣетъ несравненно-болѣе цѣны, нежели любой орловскій рысакъ. При этомъ не излишне замѣтить, что собаки стоятъ дешевле орловскихъ рысаковъ, а это обстоятельство, конечно, можетъ имѣть вліяніе на человѣческій вкусъ.

Ничѣмъ нельзя сильнѣе задѣть записнаго ѣздока или отчаяннаго любителя, хотя и не всегда отчаяннаго ѣздока, какъ сказавъ ему, что онъ не умѣетъ ѣздить, что собаки его никуда не годятся, что онѣ не *пословны, запалены, прѣлы, горѣлы* и проч.; или что онъ имѣетъ привычку, выѣхавъ на собакахъ, возвращаться пѣшкомъ съ *ошталомъ* въ рукахъ. Въ санку для катанья запрягаютъ обыкновенно шесть собакъ, по двѣ въ рядъ; упряжь — *алыки*, нѣчто въ родѣ кожаныхъ хомутовъ съ одною постромкою: она привязывается къ среднему ремню, къ которому, на извѣстныхъ разстояніяхъ, немного-болѣе длины собаки, придѣланы коротенькія цѣпочки съ кляпышками. Алыкъ надѣвается такъ, чтобъ собака всегда была по внѣшнюю сторону постромки. Санка довольно-высока и весьма-легка, а слѣдовательно не слишкомъ остойчива, почему ѣздокъ долженъ безпрестанно думать о сохраненіи своего равновѣсія. Ѣздокъ садится бокомъ — слабые ѣздоки верхомъ, это легче — и беретъ въ руки *оштал*, согнутую палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которую онъ закладываетъ за передній или задній копылокъ санки, для того, чтобъ, упершись концомъ въ снѣгъ, забороздить и тѣмъ убавить скорость ѣзды на спускахъ и косогорахъ; или чтобъ остановиться, когда понадобится. Передовыя собаки избираются изъ самыхъ умныхъ и непремѣнно должны быть *пословныя*, т. е. понимать и умѣть выполнять команду: чтобъ поворотить направо, говорится *кахъ, кахъ;* на лѣво — *хуга, хуга*, а чтобъ остановиться, надобно вдругъ сильно забороздить ошталомъ и сказать *на, на!* Возжей нѣтъ. Ѣздокъ долженъ быть особенно-остороженъ на спускахъ и косогорахъ, потому-что подъ гору собаки несутся во весь духъ (*), и легко опрокинуться вмѣстѣ съ санкой. Въ такомъ случаѣ, ѣздокъ старается схватиться за санку, чтобъ не упустить собакъ, которыя, урвавшись разъ, не дадутъ себя догнать и задержать; правда, ему прійдется влечься по снѣгу подобно Гектору, привязанному къ торжественной колесницѣ Ахилла, но зато ѣздокъ избавится отъ неудовольствія и посрам-

(*) Бываютъ случаи, хотя и весьма-рѣдкіе, и не со всякимъ ѣздокомъ, что собаки останавливаются на половинѣ спуска; но это происходитъ отъ особенныхъ причинъ.

Digitized by Google

ленія тащиться пѣшкомъ, съ ошталомъ въ рукахъ, всю остальную часть дороги. Въ случаѣ неудачи, прійдя въ портъ, онъ старается укрыться отъ встрѣчь съ знакомыми и незнакомыми, но это не спасетъ: въ самомъ непродолжительномъ времени, всѣ узнаютъ, что такой-то прогулялся съ ошталомъ. *Нарта* гораздо-шире и ниже санки; на нартахъ возятъ дрова, рыбу, сѣно и проч.

Собакъ всегда держатъ на привязи около домовъ ихъ хозяевъ; ихъ кормятъ разъ въ сутки, всегда въ то же время дня, и обыкновенная порція — одна юкола; нѣкоторые даютъ и по полуторы, даже по двѣ юколы. Передъ отправленіемъ въ дальнее путешествіе, собакъ не кормятъ, чтобъ сдѣлать ихъ легче, да къ-тому же голодныя лучше везутъ. Собаки, запряженныя въ санку, рвутся впередъ и изъявляютъ свое нетерпѣніе громкимъ воемъ, которому вторятъ другія, находящіяся на привязи: стоитъ завыть одной собакѣ, и часто случается, что всѣ собаки Петропавловскаго-Порта подхватываютъ и произведутъ такую гармонію, что непривычнымъ ушамъ приходится плохо.

Камчатскія собаки похожи видомъ на волковъ и не имѣютъ многихъ врожденныхъ собакамъ качествъ, между прочимъ главнаго — бдительности: дюжина собакъ, лежащихъ передъ домомъ на привязи, вовсе не сторожитъ его, и ни одна не тронется при видѣ чужаго человѣка. Къ-счастію, воровство здѣсь неизвѣстно, а потому всякій хозяинъ дома смѣло можетъ быть увѣренъ, что у него никогда ничего не украдутъ. Камчатскія собаки не лаютъ, а воютъ, что съ непривычки производитъ самое непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ Европейской-Россіи вой собаки имѣетъ зловѣщее значеніе.

Въ началѣ ноября мы задали *вечорку*, на которую созвали все петропавловское общество. Г. К—въ былъ такъ добръ, что ссудилъ насъ на этотъ вечеръ своимъ домомъ, лучшимъ въ городѣ и единственнымъ, обшитымъ тёсомъ. Многія изъ дамъ пріѣхали на собакахъ, и разумѣется, по примѣру маленькихъ городковъ, время пріѣзда соразмѣрялось съ степенью важности каждой:

Gens de ton se font toujours attendre (*)...

E. DE PANY.

Наконецъ, гости собрались, оркестръ грянулъ, и веселье началось. Оркестръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ—казака Карандашова и слуги одного изъ нашихъ офицеровъ; французская кадриль была подобрана изъ русскихъ пѣсень, и при каждой перемѣнѣ фигуръ музыкантамъ командовалось: «чижика! перепелку! Татарина!» и проч., потому-что они не знали порядка фигуръ. Ужинъ заключилъ балъ, которымъ всѣ гости остались до крайности довольны; были, правда, весьма-немногія исключенія, но гдѣ же ихъ не бываетъ? — На другой день, вчерашніе наши гости, встрѣчаясь съ нами на улицѣ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, приговаривали: «за угощеніе»; намъ слѣдовало бы отвѣчать: «за посѣще-

(*) Тонные люди всегда заставляютъ себя ждать.

Digitized by Google

ніе» — но незнаніе принятыхъ обычаевъ заставляло насъ каждый разъ провиняться противъ правилъ сибирскаго этикета, за что́, впрочемъ, на насъ никто не сердился.

Вскорѣ послѣ вечорки, намъ привелось видѣть камчадальскую пляску—*бахію*. Въ ней заключается цѣлое драматическое представленіе: тайонъ, послѣ утомительной охоты, располагается въ лѣсу на отдыхъ вмѣстѣ съ сопутствовавшими ему Камчадалами; съ нимъ, какъ водится, винтовка, лыжи и юкола, которую онъ, для развлеченія, погрызываетъ. Чтобъ усладить кратковременное отдохновеніе тайона, спутники его начинаютъ плясать и представляютъ ему волокитство медвѣдя за медвѣдицею и *счастливое окончаніе* ихъ любви. Припѣвъ: «бахія, бахи! бахія э-хо-хо! бахія э-цо-цо!..» прерывался болѣзненными восклицаніями, выражавшими страстное нетерпѣніе косматаго обитателя лѣсовъ, которому сочувствовалъ тайонъ, вторя ему судорожными кривляньями и восклицаньями. Когда любовь медвѣдя начинала увѣнчеваться вождѣленнымъ успѣхомъ, плясуны разгорячились, а тайонъ пришелъ въ совершенное изступленіе и оглашалъ воздухъ испускаемыми изъ глубины груди тяжкими стонами. Подъ конецъ, въ самую минуту развязки, плясуны сбились съ толку, и тайонъ, отъ сильнаго негодованія вышедъ изъ своей роли, началъ ихъ бранить по-русски...

Добрые наши знакомые наперерывъ старались сдѣлать наше пребываніе въ Петропавловскѣ какъ-можно-пріятнѣе. Собаки всѣхъ были къ нашимъ услугамъ для катанья; во всѣхъ домахъ насъ ожидалъ самый ласковый пріемъ; нѣкоторыя домовитыя хозяйки, зная, что мы живемъ по-бивачному, простерли свою любезность до того, что всякій день то отъ той, то отъ другой присылались намъ пироги собственнаго печенія, или какія-нибудь диковинныя произведенія камчатской кухни. Незадолго до нашего отправленія, они задали намъ балъ, на которомъ мы протанцовали до упада до 6 часовъ утра, а послѣ того, какъ дамы разъѣхались, пиръ продолжался еще до 9 часовъ.

Между-тѣмъ, зима шла своимъ чередомъ, и морозы доходили до 13°. Малая-Губа замерзла совершенно, и Авачинская начала покрываться льдомъ. Въ Петропавловскѣ сильные морозы рѣдки; зимою, они доходятъ до 15°, но 20° уже большая рѣдкость, случающаяся не ежегодно. Зато, въ Камчаткѣ ужасны *пурги:* слишкомъ-сильныхъ при насъ не было, по разсказываютъ, что иногда онѣ заносятъ совершенно домы, такъ-что дорога идетъ наравнѣ съ крышами. Бывали примѣры, что когда не успѣвали отгрести снѣга отъ дверей и оконъ, санки въѣзжали со всѣми собаками въ слуховыя окна домовъ. Весною, снѣгъ, покрывающій горы, ослѣпительно отражаетъ солнечные лучи, что́ весьма-вредно для глазъ: бывали примѣры, что нѣкоторые теряли отъ-того зрѣніе.

Передъ отправленіемъ, мы сдѣлали на прощанье съ нашими добрыми хозяевами еще вечорку, и потомъ распростились съ ними — можетъ-быть навсегда!

21 ноября, отецъ-протоіерей отслужилъ намъ на транспортѣ напутный молебенъ.

23-го, приготовившись совершенно къ отправленію и выстрѣливъ

Digitized by Google

штормовый брамстеньги, мы начали пропиливать ледъ для выхода изъ Малой-Губы. Матросы камчатской роты, вооруженные пилами, работали такъ усердно и такъ успѣшно, что къ вечеру, при помощи попутнаго вѣтра, мы уже бросили якорь въ Авачинской-Губѣ. Выходить изъ устья не было возможности, потому-что оно было загромождено льдомъ. Къ счастію нашему, великій Кутха сжалился надъ нами: онъ послалъ ночью своего болванчика разломать ледъ, и на слѣдующее утро, 24-го, выходъ былъ совершенно-чистъ. Погода была прекрасная; снѣгъ, отъ котораго ослѣпительно отражались солнечные лучи, покрывалъ высокіе берега гостепріимной Камчатки, и мы не разъ оглядывались назадъ.

Мало-по-малу берега уходили подъ горизонтъ, и только авачинскія сопки, Ключинскій и Поворотный Пики возвышались надъ синимъ океаномъ. Заходящее солнце освѣщало ихъ розовымъ свѣтомъ, и они все-еще были видны, хотя мы и находились отъ нихъ уже миляхъ въ семидесяти. Наконецъ стемнѣло совершенно, и на другое утро мы могли бы отвѣчать на вопросы:

.....Que vois-tu? — je vois l'immensité!... (*).

А. БУТАКОВЪ.

1849.

(*) C. Delavigne: «Les trois journées de Christophe Colomb».

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СТАВРОПОЛЬСКИХЪ КРЕЩЕНЫХЪ КАЛМЫКОВЪ И НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СОВРЕМЕННОМЪ ИХЪ СОСТОЯНІИ.

—

Горсть кочующихъ, полудикихъ Монголовъ, брошенная въ среду народа осѣдлаго, въ одну изъ плодороднѣйшихъ губерній Россіи, одѣленная степными угодьями и сохранившая въ-продолженіи столѣтія свой образъ жизни, свои нравы, обычаи, составляетъ политическо-статистическій фактъ, результаты котораго интересны и даже важны для наблюдателя.

Извѣстно, что въ началѣ XVII столѣтія внутреннія смуты въ Джунгаріи были поводомъ отпаденія нѣсколькихъ поколѣній отъ союза Дербень-Ойратовъ (Джунгарскаго) и удаленія этихъ отпавшихъ къ русскимъ, сибирскимъ границамъ. Отсюда, около 1620 г., отпавшіе посылали повѣренныхъ въ Москву, гдѣ имъ и даны были отъ царя Михаила Ѳеодоровича грамоты, утверждавшія ихъ безопасность въ границахъ Россіи. Но это предложеніе, согласіемъ на которое они должны были жертвовать своею свободою кочевать — не понравилось Монголамъ; они откочевали на юго-западъ, быстро двинулись къ Каспійскому-Морю и въ исходѣ 1620 г. подъ предводительствомъ Хонг-тайтши Хорлюка явились уже на берегахъ Ори и Эмбы, гдѣ подчинили себѣ Джембулуцкихъ Татаръ. Однако, спустя нѣсколько лѣтъ, свѣдавъ объ удобствахъ и безопасности въ степяхъ саянскихъ, орда ихъ, пзъ пятидесяти кибитокъ (семействъ) потянулась впередъ, переправилась черезъ Яикъ, увлекла здѣсь остатки Татаръ Ногайскихъ и Кипчакскихъ и въ 1630 г. занимала уже обширныя степи между моремъ и рѣками Волгою, Ураломъ (Яикомъ), Самарою. Этимъ «отпавшимъ» Монголамъ соотечественники ихъ дали прозваніе *Элетъ*, переводимое въ татарскомъ языкѣ словомъ *Калмакъ* (бѣжавшій, ушедшій), которое съ этого времени и содѣлалось общимъ нарицательнымъ именемъ отдѣлившихся Монголовъ.

Такимъ образомъ, Калмыки, занявъ прежнія мѣста Печенеговъ и Золотой-Орды, невольно включили себя въ границы Россіи; край астраханскій принадлежалъ намъ съ 1557 г., а при-яикскія земли — съ 1613, когда казаки, переселившіеся сюда съ Дона, въ 1580 г., присягнули въ вѣрности царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ по переходѣ своемъ за Яикъ, т. е. въ

Digitized by Google

1655 г., Калмыки признали себя подданными Россіи. Въ правленіе славнаго Аюки, сына Пунцукова (съ 1661 по 1724 г.), орда его въ разныя времена увеличилась прикочевавшими къ ней пятнадцатью тысячами кибитокъ. Этотъ безпокойный и честолюбивый ханъ (званіе усвоенное ему Далай-Ламою съ 1690 г.), поддерживая и свои интересы, и условія съ Россіею — оберегать границы, то сносился съ Джунгаріею и Китаемъ, то громилъ сосѣдей своихъ Киргизъ-Кайсаковъ, Кубанцевъ, и въ то же время, какъ униженные имъ владѣльцы хивинскіе и трухменскіе искали его покровительства, онъ смиренно, нѣсколько разъ присягалъ и клялся въ вѣрности *бѣлому царю*, посылалъ ему людей на войну со Шведами, а между-тѣмъ вѣроломствовалъ, погубилъ Бековича-Черкасскаго, и грабилъ вмѣстѣ съ возмутительными Башкирцами нынѣшнія губерніи Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Казанскую, Симбирскую, Оренбургскую. Въ іюнѣ 1722 г., Аюка имѣлъ свиданіе съ Петромъ I, и, по требованію императора, показалъ силу своей орды, выставивъ для усмиренія Лезгинъ, помогавшихъ Персіи, сорокъ-тысячь конницы. Но это только долголѣтнее правленіе аюково и составляетъ самый блестящій періодъ исторіи русскихъ Калмыковъ. По смерти Аюки (1724 г.), между восемью сыновьями, наслѣдниками его и потомками ихъ, въ ордѣ возникли смуты и безпорядки по поводу права преемничества; эти обстоятельства поблагопріятствовали Россіи рѣшительнѣе войти въ дѣла своихъ подданныхъ. Но нѣкоторое ограниченіе правъ намѣстника и пронесшійся по ордѣ ложный слухъ, будто-бы правительство намѣревается отобрать у нихъ многія земли, побудили хана и большую часть своевольныхъ дикарей къ побѣгу. До сорока тысячь кибитокъ поспѣшно переправилось черезъ Яикъ и вошло въ степь. Знаемъ, что отъ этой огромной орды только жалкіе остатки достигли границъ Китая и были разсѣяны по кантонамъ одной изъ областей срединной-имперіи. Это случилось въ началѣ 1771 г., а указомъ отъ 19 октября того же года Императрица Екатерина II Алексіевна повелѣла упразднить званіе калмыцкаго хана и намѣстника, и каждому изъ оставшихся отдѣльныхъ владѣльцевъ управлять своими улусами согласно правамъ и обыкновеніямъ Калмыковъ. Такихъ владѣльцевъ оказалось десять, число же кибитокъ — болѣе тринадцати-тысячь. Эти оставшіеся въ границахъ Россіи Калмыки донынѣ находятся въ первобытномъ своемъ состояніи, дѣлятся на десять улусовъ и въ числѣ слишкомъ одиннадцати-тысячь кибитокъ кочуютъ на пространствѣ 10,337,000 десятинъ земли. Степи ихъ граничатъ съ Волгою, моремъ Каспійскимъ, рѣками Кумою, Манычомъ, Землями-Войска-Донскаго и Саратовскою-Губерніею; сверхъ-того, они обладаютъ значительными угодьями на лѣвыхъ сторонахъ Волги и Маныча.

Само собою разумѣется, что, включенные въ число нашихъ подданныхъ, Калмыки неизбѣжно находились и въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Русскими. Это обстоятельство, но болѣе отсутствіе религіознаго фанатизма, столь-свойственнаго большей части Азіатцевъ — и многія льготы, предоставленныя новообращеннымъ, побуждали нѣкоторыхъ Калмыковъ принимать христіанство. Это началось еще въ послѣдней чет-

Digitized by Google

верти семнадцатаго столѣтія, какъ видно изъ договорныхъ граматъ. Въ 1700 г., число новообращенныхъ было уже такъ велико, что выше Саратова, на рѣчкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу, основалось селеніе изъ однихъ крещеныхъ Калмыковъ; но Аюка, побуждаемый вѣроятно своими гелюнгами (жрецами), напалъ на это селеніе, разорилъ и сжегъ его, а Калмыковъ отвелъ обратно въ улусы. Петръ-Великій, видя, что введеніе христіанства между этимъ кочующимъ народомъ имѣло бы многія благодѣтельныя слѣдствія, всячески тому способствовалъ и, между прочимъ, указомъ 1724 г. предписалъ Синоду избрать для этой цѣли хорошихъ проповѣдниковъ. Іеромонахъ Никодимъ, посланный вскорѣ затѣмъ въ орду, оправдалъ свое назначеніе. Въ 1725 г., повелѣно было крещенымъ Калмыкамъ выселяться въ Чугуевъ съ тѣмъ, чтобъ они вошли въ число тамошнихъ казаковъ. Но это распоряженіе не совсѣмъ понравилось обращеннымъ, и въ 1729 г. Никодимъ донесъ Синоду, что они желали бы имѣть для жительства одно отдѣльное мѣсто; на это предложеніе резолюціею медлили. Нѣсколько спустя, Петръ Петровичъ Тайшинъ, внукъ Аюки, одинъ изъ двѣнадцати сыновей Чакдоржапа и притомъ крестный сынъ Петра I, кочевавшій съ 344 кибитками вблизи Астрахани, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Дондокъ-Омбою (*), въ 1731 г. произвели возмущеніе противъ дяди своего, Церена-Дондока, съ намѣреніемъ отнять у него ханство. Противъ возмутителей высланъ былъ генерал-поручикъ князь Борятинскій; Дондокъ-Омба бѣжалъ за Кубань, а Тайшинъ, захваченный въ плѣнъ, приведенъ былъ въ Санктпетербуръ. Онъ-то, въ 1736 г. подтвердивъ представленіе іеромонаха Никодима, просилъ поселить его съ новообращенными Калмыками за чертою закамской линіи, на земляхъ выше города Самары. Дондокъ-Омба, достигшій ханства, съ своей стороны также просилъ объ отдѣленіи крещеныхъ Калмыковъ, и правительство, убѣжденное какъ этими представленіями, такъ и предполагаемою выгодою, поручило полковнику Змеову вызванныхъ воеводою Беклемишевымъ изъ Чугуева, Царицына, Астрахани и другихъ городовъ крещеныхъ Калмыковъ проводить, вмѣстѣ съ супругою Петра Тайшина, Анною (ибо самъ Тайшинъ умеръ въ этомъ же году), на земли, отведенныя для нихъ, по порученію высшаго начальства, ст. сов. Кириловымъ. Живописное урочище, назначенное собственно для Анны Тайшиной, прилежало къ протоку Волги-Куней-Воложкѣ. Высочайшимъ указомъ 1737 г. повелѣно ей, княгинѣ (званіе, пожалованное Тайшиной Ея Имп. Велич.) ежегодно выдавать по 500 рублей жалованья да по 500 четвертей хлѣба; притомъ возложено было на ст. сов. Кирилова удовлетворять всѣ хозяйственныя нужды и требованія княгини. Въ слѣдующемъ 1738 г. новоприбывшіе Калмыки получили названіе войска, были раздѣлены на сотни и десятки; всѣмъ служащимъ положено было жалованье, равно какъ и чинамъ: полковнику, войсковому эсаулу, войсковому писарю, ротмистрамъ, хорунжимъ, эсауламъ, толмачамъ и др. Въ 1739 г., ука-

(*) Дондокъ-Омба предокъ князей Дундуковыхъ.

Digitized by Google

зомъ отъ 14 мая, предписано было, на томъ же княгини Тайшиной урочищѣ основать крѣпость Ставрополь, названіе которой вполнѣ соотвѣтствовало ея назначенію. Гарнизонъ этой крѣпости составлялъ сперва ландмилицкій билярскій полкъ, а комендантомъ ея былъ полковникъ Змеовъ, въ посредственномъ управленіи котораго состояли сначала всѣ крещеные Калмыки, имѣвшіе послѣ того постоянную свою штаб-квартиру въ новооснованной крѣпости.

Съ Тайшиной, какъ извѣстно, прибыло изъ упомянутыхъ городовъ до семисотъ семействъ Калмыковъ; но это число постоянно увеличивалось новоприбывавшими. Такія выселенія производились равномѣрно какъ изъ Зюнгаріи, черезъ сибирскія линіи иртышскую и уйскую или Киргизскую-Степь, такъ и изъ астраханской орды. Оренбургъ былъ для нихъ общимъ соединительнымъ пунктомъ; изъ него новообращенные препровождались въ ставропольскую крѣпость, а отсюда въ привольныя земли между рѣками Волгою, Сономъ, Кундурчею, Черемшаномъ. На дорогу изъ Оренбурга правительство выдавало имъ денегъ, даже одежду, а по прибытіи въ Ставрополь снабжало отъ себя каждое семейство лошадью, мукою для пропитанія и семенами на посѣвъ. По совѣсти можно сказать, что этихъ новыхъ гостей принимали у насъ весьма-благосклонно. Въ подтвержденіе можно привести слова одной изъ тогдашнихъ современныхъ инструкцій оренбургскаго военнаго губернатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. И. Неплюева (въ-послѣдствіи сенатора), данной ставропольскому коменданту, бригадиру Останкову: «того ради, ваше высокородіе, благоволите между тѣмъ, по «всегдашнему всѣхъ ихъ (Калмыковъ) при Ставрополѣ съ прочими пре«быванію и обзаведенію, гдѣ для нихъ удовольственнѣе быть можетъ, «мѣста примышлять и ко мнѣ о томъ заблаговременно представлять.... «и Калмыкамъ доброжелательный видъ показывать и къ содержанію «ихъ не оставлять, а зайсангамъ (*) дачу кормовыхъ денегъ продолжать, «дабы имъ съ лучшимъ передъ некрещенными удовольствіемъ быть и «чрезъ то, не только сами Высочайшую Ея Имп. Велич. милость чув«ствовать, но и прочіе ожидаемые сюда некрещенные Калмыки видя и «слыша отмѣнное здѣсь оставленнымъ призрѣніе и удовольствіе, ко свя«тому крещенію охотнѣе склоняться могли, и такобы ставропольскій «корпусъ въ лучшую Высочайшихъ Ея Имп. Велич. интересовъ пользу, «болѣе и болѣе умножиться могъ.» Новообращеннымъ предоставлено право пользоваться свободою торговли, продажи вина, рыбными промыслами и пр. Отъ штатс-конторы ассигнована была особая сумма, изъ которой дѣлались имъ какъ единовременныя, такъ и постоянныя пособія. Изъ всего этого видно, какъ правительство пеклось о пришлецахъ и не упускало ихъ изъ вида.

Въ 1744 г. главное управленіе ставропольскими Калмыками перешло въ зависимость оренбургскаго военнаго губернатора; они названы: «казачьимъ ставропольскимъ войскомъ». Въ слѣдующемъ 1745 г., по пред-

(*) Званіе зайсанга почти соотвѣтствуетъ нашему дворянству.

Digitized by Google

ставленію того же военнаго губернатора Неплюева, для войска утвержденъ штатъ: оно было раздѣлено на 8 ротъ, а для ближайшаго разсмотрѣнія калмыцкихъ дѣлъ учрежденъ «Калмыцкій Судъ», состоявшій изъ первенствующаго члена, съ жалованьемъ 150 рублей въ годъ, войсковаго полковника (120 р.), войсковаго судьи (100 р.), войсковаго писаря, войсковаго надзирателя надъ услусами, войсковыхъ эсаула, квартирмейстера и др. При этомъ, указомъ Ея Императорскаго Величества къ оренбургскому военному губернатору подтверждено: «дабы не только сами они (владѣльцы крещеныхъ Калмыковъ) въ православномъ христіанской вѣрѣ «твердо состоянія и совершенномъ познаніи оныя и русскаго языка «простирались, но и подчиненнымъ своимъ ктомужь приводить стара«лись»... и съ этою цѣлію правительство повелѣвало избирать хорошихъ проповѣдниковъ, знающихъ калмыцкій языкъ, для поддержанія между новообразуемыми вѣры христовой. Но какъ по этому предмету являлось препятствіе въ незнаніи калмыцкаго (монгольскаго) языка, то указомъ еще 1741 г. повелѣно, для обученія Калмыковъ, имѣть особую школу, въ которой наставляли бы ихъ въ русской грамотѣ, священномъ писаніи и монгольскомъ языкѣ. Эта школа учреждена была сперва на 10 мальчиковъ, съ окладомъ по 20 руб. на каждаго въ годъ, но потомъ на 35 съ окладомъ на ихъ содержаніе въ 500 р. Обучившемуся въ школѣ Калмыку, во всякомъ случаѣ обѣщаны преимущества передъ неучившимся. Благодѣтельные успѣхи этого заведенія вскорѣ оказались; въ 1771 г. нѣсколько учениковъ числилось уже сверхъ комплекта, хотя этотъ комплектъ задолго до этого увеличенъ былъ до 50 человѣкъ.

Между-тѣмъ, со времени поселенія Тайшиной въ Оренбургской-Губерніи (нынѣ Симбирской), въ-продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, число новообращенныхъ, какъ было упомянуто, постоянно прибывало въ Ставропольскую-Крѣпость и разселялось въ отводимыхъ для нихъ угодьяхъ (*). Причины такихъ выселеній изъ астраханской орды — намъ извѣстны: изъ просьбъ же зюнгорскихъ Калмыковъ видно, что внутреннія междоусобія изгоняли ихъ изъ Монголіи. Въ Оренбургъ, а потомъ Ставрополь они прибывали партіями, иногда семействами и поодиначкѣ. Такъ, на-примѣръ, вскорѣ по основаніи Ставрополя, княгинѣ Тайшиной прикочевалъ съ 140 кибитками родственникъ ея, дербетевскій владѣлецъ Геданъ, поселенецъ въ Красноярской-Крѣпости (теперь село); такъ изъ донесеній ставропольскаго коменданта видно, что на-примѣръ въ 1758 г., кромѣ мелкихъ партій, изъ Оренбурга въ Ставрополь прибыло: августа 20, партія крещеныхъ Калмыковъ въ 616 душъ; ноября 16—партія въ 384 д., декабря 21—въ 172 д. — Такимъ-образомъ, ставропольскій корпусъ Калмыковъ умножался числомъ и возрасталъ. Въ 1744 г., при поступленіи войска въ вѣдѣніе оренбургскаго начальства, крещеныхъ Калмыковъ обоего пола считалось 3,330;

(*) Право полученія земли (луговъ), согласно указамъ 1739 и 1745 гг., простиралось лишь на семейныхъ Калмыковъ (а не одинокихъ), да на зайсанговъ безъ исключенія и притомъ потомственно.

Digitized by Google

въ 1767 г. число ихъ уменьшилось до 2,960, но въ 1771 г. оно возрасло уже до 8,015 душъ и 1923 кибитокъ. Затѣмъ, по случаю «пугачевщины», число ихъ съ 1774 г. не превышаетъ 5,500 (*), а черезъ 6 лѣтъ, т. е. въ 1780 г., корпусъ снова убавляется до 4,795 душъ. Въ этомъ-то 1780 г., по просьбѣ войсковаго атамана Болоткова, вслѣдствіе распоряженія князя Г. А. Потемкина, таврическое калмыцкое войско поступило въ непосредственное управленіе оренбургскаго военнаго губернатора. Калмыцкій судъ былъ уничтоженъ, а мѣсто его заступила — «калмыцкая войсковая канцелярія», которая, по штату 1803 г., снова была преобразована. Подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, члены ея состояли изъ двухъ совѣтниковъ, ассесора, секретаря, лекаря, переводчиковъ, и пр. (это же устройство канцелярія сохраняетъ и донынѣ.) Изъ Калмыковъ, число которыхъ мужеска пола простиралось до трехъ тысячъ, составленъ одинъ тысячный полкъ, которому дана была своя аммуниція. Окладъ жалованья также былъ измѣненъ. Въ 1824 г., октября 7, Императоръ Александръ, во время своего путешествія по Россіи, изволилъ посѣтить и Ставрополь; атаманомъ Калмыковъ былъ въ это время подполковникъ Барышевскій (изъ Калмыковъ), распорядившійся вблизи города расположить одинъ изъ калмыцкихъ улусовъ. Подробно осмотрѣвъ кибитки и національные костюмы Калмыковъ, при отъѣздѣ, Государь, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ атамана орденомъ св. Анны 2-й степени, а супругу его брильянтовымъ перстнемъ.

Но исчисливъ выгоды, которыми воспользовались наши Калмыки-переселенцы, нельзя сказать, чтобъ они освобождены были отъ обязанностей воинской службы. Такъ, уже по поселеніи своемъ на новыхъ земляхъ, въ 1739 г. крещеные Калмыки содѣйствовали усмиренію мятежей Башкирцевъ; въ 1757 г., какъ видно изъ внутреннихъ распоряженій по войску, они участвовали въ семилѣтней войнѣ, находясь въ числѣ 500 человѣкъ при арміи, бывшей подъ начальствомъ Апраксина. Нерѣдко наряжались Калмыки на особыя, экстренныя командировки; такъ напримѣръ, въ 1768 г. для истребленія разбойниковъ въ Симбирской-Губерніи; вмѣсто внутренней стражи въ г. Макарьевъ ко времени ярмарки; на оренбургскую линейную службу, до 1800 г. ежегодно отъ пяти до шести-сотъ человѣкъ (**); на содержаніе форпостовъ по Ахтубѣ; въ 1790 г. они командированы были въ лифляндскую армію, а спустя нѣсколько, для содержанія пикетовъ по Волгѣ. Въ 1806 г., въ числѣ 560 человѣкъ, они назначены были во французскій походъ, такъ же какъ и въ 1811 г. въ томъ же числѣ и съ тою же цѣлію.

Въ 1798 г., вслѣдствіе дополнительныхъ статей межевой инструкціи, по генеральному размежеванію земель Симбирской-Губерніи, угодья ставропольскаго корпуса раздѣлены были по-ротно. Крестьянамъ, из-

(*) Извѣстно, что въ это время возмутительными поступками своими Калмыки навлекли на себя гнѣвъ правительства.

(**) Нынѣче на оренбургскую линію посылается до 200 Калмыковъ.

Digitized by Google

давна поселеннымъ въ земляхъ Калмыковъ, для пріученія послѣднихъ къ земледѣлію, по числу душъ пятой ревизіи нарѣзано было по пятнадцати десятинъ на душу, но не смотря на это, при Калмыкахъ оказалось земли десятинъ:

При городѣ Ставрополѣ	. . . . .	3,189
Въ ротахъ: Ягодинской съ Подстепкинскимъ-Улусомъ		18,019
Сусканской	. . . . .	10,483
Авраамиской	. . . . .	8,755
Кобелиской	. . . . .	26,050
Предтеченской	. . . . .	26,110
Преображенской до	. . . . .	30,000
Тенеевской	. . . . .	11,235
Чекалинской	. . . . .	29,381
Раковской	. . . . .	36,780
Красноярской съ Курумчинскимъ-Улусомъ		45,495
И того	. .	245,497 десятинъ.

Изъ этого числа нераздѣленной еще со смежными обывателями до 80,000 дес., подъ лѣсомъ (строевымъ и нестроевымъ) до 14,000; неудобной до 7000 дес. Современно этому, въ ставропольскомъ калмыцкомъ войскѣ числилось душъ мужеска пола около трехъ тысячь, слѣдовательно, на каждаго Калмыка пришлось слишкомъ по 90 десятинъ. Сверхъ-того, Калмыки, со времени своего переселенія, имѣли полное право заниматься рыбнымъ промысломъ въ водахъ прилежащихъ или включенныхъ въ земли, имъ предоставленныя.

Конечно, одѣливъ крещеныхъ Калмыковъ столь обширными и богатыми угодьями, правительство постоянно имѣло въ виду извлечь изъ того, хотя въ-послѣдствіи, пользу. Главная мысль была та, чтобъ сдѣлать этихъ иноплеменниковъ народомъ осѣдлымъ; съ самаго переселенія ихъ, оно старалось выказать имъ всѣ выгоды хлѣбопашества и всячески поощряло ихъ къ занятію имъ. Такъ, еще въ 1739 году, въ калмыцкіе улусы наряжалось по нѣскольку человѣкъ солдатъ (изъ прежде-бывшихъ крестьянъ) ставропольскаго гарнизона, съ тѣмъ, чтобъ Калмыки перенимали у нихъ агрономическіе пріемы и сдружались съ хлѣбопашествомъ; отъ казны имъ безвозмездно выдавались потребные инструменты, сѣмена для посѣва и пр.

Казалось бы, что при столь-огромныхъ средствахъ и пособіяхъ, Калмыки должны были осуществить у себя новый эльдорадо, — но вышло напротивъ. Не смотря на безпрестанныя поощренія высшаго начальства, въ-продолженіе почти столѣтія, по части земледѣлія Калмыки не сдѣлали и слабыхъ успѣховъ. Чему же приписать это? Вопросъ разрѣшается самъ-собою: владѣя обширными угодьями, они видѣли прекрасный случай ничего не дѣлая обогащаться; яснѣе, Калмыки отдавали часть своихъ земель сосѣднимъ, малоземельнымъ мужикамъ, пользовались доходомъ, а сами о земледѣліи и не думали. Такимъ образомъ, въ арендахъ у нихъ постоянно находилось болѣе ¼ всѣхъ земель (нынѣ даже болѣе ⅓). Калмыки удерживали между-тѣмъ свои прежніе нравы,

Digitized by Google

обыкновенія; какъ-бы напереворъ, они хотѣли поддержать свою прежнюю, номадную жизнь, тогда-какъ ни характеръ мѣстности (54° сѣв. шир.), ни новая ихъ религія, ни виды правительства не согласовались съ этимъ. Къ-тому же, отдавая за безцѣнокъ въ аренды обширныя земли (*), они стѣсняли себя и лишались способовъ содержать достаточное для своего прокормленія количество скота. Слѣдствія этого вскорѣ обнаружились: не имѣя достаточныхъ средствъ содержанія, одни рѣшались продавать скотъ, другіе приходили въ Ставрополь, брали изъ суда билеты и отправлялись по деревнямъ и городамъ для заработокъ. Повѣримъ это на числахъ: изъ вѣдомостей 1777 г. видно, что при ставропольскомъ калмыцкомъ корпусѣ всего мужеска и женска пола состояло 5,155 душъ съ 1,592 кибитками; изъ нихъ въ отпуску по билетамъ находилось 2,306 душъ и 740 кибитокъ; слѣдовательно, почти наполовину Калмыковъ шаталось по городамъ и деревнямъ, продавая скотъ или отъискивая пропитаніе. Сельское хозяйство Калмыковъ, т. е. хутора и слободы для нихъ заведенные, въ-продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ оставались въ прежнемъ видѣ; такъ изъ вѣдомостей 1771 г. видно, что хотя общее населеніе Калмыковъ состояло изъ 8,015 душъ, дворовъ во всѣхъ ротахъ имѣлось только 128, которые лѣтомъ также вѣроятно оставались пустыми.

Конечно, надобно сознаться, что въ послѣднее время крещеные Калмыки пошли форсированнымъ маршемъ къ усовершенствованію. Даже сравнивая послѣднее пятилѣтіе, съ 1837-го по 1842 г., увидимъ, что, по части сельскаго хозяйства, Калмыки сдѣлали замѣчательные успѣхи. Такъ, въ 1837 г. подъ хлѣбъ разнаго рода Калмыками запахано было 1,200, а въ 1842 г. уже до трехъ тысячъ десятинъ; слѣдовательно, въ столь-короткій промежутокъ количество запахиваемой земли увеличилось слишкомъ-вдвое съ половиною. По части экономической, до 1836 г. калмыцкое войско не имѣло общественной суммы; нынѣ же, отъ усиленной отдачи въ аренды своихъ угодій, въ-продолженіи около шести лѣтъ оно пріобрѣло сумму до двухъ-сотъ тысячъ рублей. Число рогатаго скота также увеличилось (въ-продолженіе пятилѣтія) отъ 4,080 до 5,530 штукъ; но за то, количество лошадей и овецъ уменьшилось; этимъ уменьшеніемъ достаточно объясняется современная склонность Калмыковъ къ болѣе-осѣдлой жизни, потому-что, вмѣсто убывшихъ лошадей и овецъ, въ улусахъ явились теперь свиньи, гуси, индѣйки, куры, о которыхъ прежде не было и помина.

Но всего удивительнѣе въ этомъ народѣ прогрессивное его уменьшеніе въ числѣ; вотъ факты:

Въ 1805 году, служащихъ Калмыковъ-казаковъ состояло на лицо 1,030, а всего мужеска пола 2,554 души.

(*) Какъ наиболѣе-разительный, при этомъ случаѣ, можно привести слѣдующій примѣръ: лѣтъ 25 тому назадъ, Калмыки, владѣвшіе и распоряжавшіеся своими угодьями еще довольно безусловно, продали всѣ свои способныя къ рыбнымъ промысламъ мѣста, получивъ за это единовременно тысячу рублей; скупившій же, получаетъ нынѣ отъ нихъ до двадцати тысячъ ежегоднаго дохода.

Digitized by Google

Въ 1810	служащихъ было	978,	а всего мужеска пола	2,303;
— 1815	—	— 787,	—	1,984;
— 1820	—	— 953,	—	1,960;
— 1825	—	— 891,	—	1,922;
— 1830	—	— 831,	—	1,797;
— 1835	—	— 770,	—	1,798;
— 1840	—	— 783,	—	1,749;

Быстрое уменьшеніе Калмыковъ въ періодѣ съ 1805 по 1815 годъ, должно приписать французскимъ кампаніямъ, особенно кампаніи 1812 года, когда изъ наряженныхъ въ дѣйствующую армію 560 человѣкъ въ улусы воротилось едва вполовину. Наименьшее же ихъ убавленіе, какъ видимъ, въ періодъ съ 1830 по 1840 годъ. Спрашивается, что за причина этого неестественнаго уменьшенія народонаселенія? Средства содержанія (главнѣйше—*земля*), какъ видимъ, огромны; эпидемій Калмыки не испытывали; постояннымъ прилипчивымъ болѣзнямъ также не подвержены, ибо противъ оспы, столь гибельной для астраханскихъ Калмыковъ, приняты дѣятельныя мѣры; необыкновенные смертные случаи встрѣчаются вообще рѣдко; о побѣгахъ не слышно... Всѣ теоріи народонаселенія Мальтуса, Сисмонди, Саллера не объясняютъ въ этомъ случаѣ ничего; но именно, какъ видно, потому-что въ нихъ не проведена параллель между вліяніемъ мѣстности и образомъ жизни народа. Несоотвѣтственность между тѣмъ и другимъ — великое препятствіе въ развитіи народонаселенія (*). Это вполнѣ оправдывается надъ крещеными Калмыками. Теперь, можно сказать, они находятся въ «чистилищѣ», на распутіи жизни кочевой и осѣдлой; они сами съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшительнаго кризиса. Образъ жизни ихъ до-сихъ-поръ болѣе кочевой, несоотвѣтствующій климату и мѣстности; они живутъ въ улусахъ и занимаются скотоводствомъ, а между-тѣмъ засѣваютъ значительное количество земли, слѣдовательно, рѣшаются быть и земледѣльцами. Но отъ перваго образа жизни они еще не отвыкли, ко второму не привыкли, и эта несообразность, повидимому, усиливаетъ причину ихъ настоящаго недостатка. Калмыкъ же Азіатецъ: онъ любитъ праздность и неохотно рѣшается взяться за соху. Даже въ нынѣшнемъ состояніи, развѣ лишь нѣсколько человѣкъ изъ нихъ исполняютъ ремесло земледѣловъ; вся вспашка земли ихъ производится мужиками, посредствомъ найма. Въ случаѣ же принужденія, они повторяютъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что ихъ отцы не пахали земли, что ежегодныя командировки (на оренбургскую линію) отвлекаютъ ихъ отъ занятій хлѣбопашествомъ.

Вотъ современное состояніе богатства Калмыковъ:

Домовъ въ ихъ зимнихъ улусахъ (слободахъ) и на кочевьѣ . .	783
Кибитокъ и лачугъ на лѣтнемъ кочевьѣ.	1,065
Хлѣбомъ засѣвается десятинъ до	3,000
Лошадей.	5,100

(*) Англичане Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, перенесенные въ Бразилію, въ-отношеніи развитія народонаселенія навѣрно дали бы совсѣмъ-иные результаты.

Digitized by Google

Рогатаго скота, головъ	5,530
Овецъ, штукъ до	5,500
Свиней	350
Домашней птицы до	2,000

Число душъ въ войскѣ 3,324: мужеска пола 1,710, женска 1,614; слѣдовательно, на каждаго Калмыка прійдется по 1 десятинѣ и 1754 саж. засѣянной земли, по 3 лошади, болѣе трехъ головъ рогатаго скота, по стольку же овецъ, по одной свиньѣ на пять человѣкъ и болѣе одной штуки домашней птицы на каждаго. Изъ этого можно усмотрѣть, что, какъ человѣкъ кочующій, Калмыкъ бѣденъ скотомъ (*); какъ земледѣлецъ, онъ не имѣетъ доселѣ многихъ необходимыхъ предметовъ хозяйства, ибо хлѣбъ имъ засѣваемый, онъ продаетъ на корнѣ, не снимая его самъ. Калмыкъ живетъ лишь настоящимъ, надѣясь, по привычкѣ, на *дары природы*, безъ усилій труда. По-этому, продавъ на корнѣ свой хлѣбъ, онъ въ нѣсколько дней пропиваетъ и промотываетъ полученныя деньги на наряды и нижегородскіе сундуки. Общій порокъ ихъ — пьянство, былъ бы не столь еще гибеленъ, еслибъ не соединялся съ слабостію другаго рода — безотчетнымъ гостепріимствомъ. Завидѣвъ копейку, онъ тутъ же созываетъ родныхъ, знакомыхъ, угощаетъ ихъ до-нельзя, и вырученный капиталецъ уничтожается иногда даже въ одинъ день. Такое обыкновеніе каждый изъ нихъ по долгу взаимности ставитъ себѣ обязанностію; но, оставшись ни съ чѣмъ и не находя отъ скота приличныхъ средствъ содержанія, онъ продаетъ его, а чтобъ не остаться отъ-того въ накладѣ, воруетъ его у другихъ (большею частію, у сосѣднихъ мужиковъ). Изъ «Описи» дѣламъ, хранящимся въ архивѣ Ставропольской Калмыцкой Канцеляріи, можно видѣть, что изъ семи-сотъ дѣлъ, производившихся въ этой канцеляріи съ 1760 г., болѣе половины производилось о покражахъ вообще. Теперь можно предположить, что столько же случаевъ кражи кончились полюбовно, и по-крайней-мѣрѣ вдвое-болѣе, за неясностію доводовъ или по другимъ причинамъ не были внесены въ канцелярію. Крещеные Калмыки въ чистотѣ донынѣ почти сохраняютъ нравы своихъ предковъ, а потому замѣчаніе г. Нефедьева (въ его «Описаніи Волжскихъ Астраханскихъ Калмыковъ»), что «Калмыки, будучи склонны къ пьянству и воровству, сохраняютъ слабости сіи въ нравахъ, «какъ-будто врожденныя, и по-видимому, даже не считаютъ ихъ въ числѣ пороковъ или преступленій; а воровство, производимое взаимными «отгонами скота, донынѣ называютъ не болѣе, какъ шалостью», совершенно-справедливо и на счетъ крещеныхъ Калмыковъ, такъ же какъ и описаніе ихъ ежедневнаго образа жизни: «Утро въ улусахъ начинается просто, т. е, тамъ никто не заботится ни объ убранствѣ, ни о по«сѣщеніяхъ. Однѣ изъ женщинъ, только-что оставивъ ложе, спѣшатъ «доить коровъ, другія отправляются за водою; мужчины отгоняютъ на

(*) Г. Нефедьевъ въ своемъ «Описаніи Волжскихъ Астраханскихъ Калмыковъ», состояніе Калмыка называетъ самымъ ограниченнымъ, если у него не болѣе двадцати овецъ, двухъ-трехъ лошадей и головъ пяти рогатаго скота.

Digitized by Google

«водопой и на паству стада, и потомъ каждая семья собирается около «котла, въ которомъ приготовляется чай (*). Далѣе, женщины занима- «ются шитьемъ одежды и другими свойственными ихъ быту работами; «что же касается до мужчинъ, то, за исключеніемъ немногихъ, охра- «няющихъ скотъ (**), всѣ другіе, и особенно пожилые, имѣющіе лѣтъ «за 40, остаются въ совершенной праздности: курятъ табакъ и бродятъ «по сосѣдственнымъ кибиткамъ, въ надеждѣ найдти гдѣ-нибудь маханъ «(мясо), или арьки (вино). Наконецъ, день заключается тѣмъ, что Кал- «мыки, напившись еще разъ чаю или будана (родъ супа), погружаются «въ сонъ для того, чтобъ вновь пробудиться къ услугамъ желудка. «Такъ проходитъ жизнь этихъ людей, чуждая всего возвышеннаго, и «какъ бездѣйствіе и пресыщеніе принято у нихъ символомъ блаженства, «то владѣльцы ихъ и зайсанги всегда стараются превосходить въ этихъ «наслажденіяхъ простолюдиновъ въ доказательство правъ и преимуществъ, «дарованныхъ имъ природою.»

Крещеные Калмыки лѣтомъ, какъ сказано, кочуютъ въ кибиткахъ и лачугахъ (***), а зимою уходятъ въ свои хутора, гдѣ, проживъ три или четыре холодные мѣсяца, около половины или въ концѣ марта снова выходятъ въ степи. Впрочемъ, нынѣ лѣтнія кочевья ихъ постоянно пребываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, обыкновенно при потокахъ или небольшихъ озерахъ. Отъ бездѣлья, они иногда охотятся за волка- ми, лисицами, зайцами; зимою ставятъ капканы; рыболовствомъ не за- нимаются. Все войско крещеныхъ дѣлится нынѣ на десять ротъ или на тридцать-два отдѣльные, лѣтніе улуса или кочевья.

Но упомянувъ объ образѣ жизни крещеныхъ Калмыковъ и нравахъ ихъ, для дополненія очерка прибавимъ, что они отличаются хитростію, обыкновенною у кочующихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ робостію, тру- состію, особенно, если они разъединены и дѣйствуютъ не въ массѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, автору статьи случилось въ самомъ Ставрополѣ быть свидѣтелемъ происшествія, которое, какъ черта народнаго харак- тера, довольно-оригинально: Калмыкъ по какому-то случаю ночевалъ въ деревнѣ у мужика; вставъ рано, на другой день, онъ отправился въ свой улусъ. Между-тѣмъ, мужикъ всталъ и не досчитался у себя од- ной овцы; онъ тотчасъ ѣдетъ въ городъ и подаетъ жалобу. Калмыка призываютъ къ допросу, но онъ божится, клянется, что и не видалъ никакой овцы; его отпускаютъ обратно въ улусъ, но, къ-несчастію, проходя деревнею, онъ снова останавливается отдохнуть въ одной изъ избъ. Едва Калмыкъ немного успокоился, какъ мужикъ, хозяинъ, под- нимаетъ тревогу; тутъ же схватываютъ Калмыка, связываютъ и отво-

(*) Такъ-называемый «кирпичный»; онъ варится на водѣ вмѣстѣ съ молокомъ и солью.

(**) Крещеные Калмыки даже и не пасутъ сами, а нанимаютъ для этого му- жиковъ.

(***) Лачуги—деревянные срубы, крытые соломою, безъ печей, съ однимъ отвер- стіемъ на верху, вмѣсто дымовой трубы и окна. Во всякой кибиткѣ и лачугѣ, посереди- нѣ, напротивъ небольшой двери, постоянно курится огонекъ.

Digitized by Google

зять въ Ставрополь. У мужика пропала лошадь, и кому больше украсть ее, какъ не Калмыку? Его сажаютъ подъ караулъ; слѣдствіе; новый допросъ и вдвое-болѣе-строгій; Калмыкъ запинается, робѣетъ и наконецъ признается, что онъ точно отогналъ у мужика лошадь. Калмыкъ былъ наказанъ и оштрафованъ. Что жь оказалось въ-послѣдствіи? Калмыкъ укралъ точно, но только не лошадь, а овцу; лошадь же, во время переполоха, бѣжала по ошибкѣ, вмѣсто почтовой, въ ближнее село.—Въ-заключеніе, Калмыкъ малодушенъ, довѣрчивъ, и крайне неопрятенъ.

Кочующій образъ жизни нашихъ крещеныхъ Монголовъ также, вѣроятно, причина того, что, не смотря на исповѣданіе ими христіанской религіи, они постоянно и упорно остаются въ полномъ невѣдѣніи ея сущности и обрядовъ, правилъ и обязанностей каждаго христіанина. Лишенные всякаго духовно-религіознаго убѣжденія, даже, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, они тайно исповѣдаютъ ламаизмъ, скрытно содержатъ своихъ бурхановъ, и, сохраняя вѣру въ переселеніе душъ, остерегаются умерщвлять животныхъ.

Однако, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобъ Калмыки лишены были хорошихъ душевныхъ способностей; такъ, напримѣръ, они отличаются понятливостью, памятью, быстрымъ соображеніемъ и, при легкомъ лишь образованіи, при небольшомъ развитіи этихъ способностей, они быстро пошли бы ко всему благому и полезному. Калмыки вообще способностями могутъ похвалиться болѣе, чѣмъ трудомъ и прилежаніемъ. Недавно, авторъ статьи подозвалъ къ себѣ Калмыченка, только-что окончившаго курсъ въ училищѣ: «Учился ли ты геометріи?» спросилъ онъ его. — Учился. — «Безъ доказательствъ?» — Такъ точно. «Ну, если десятина имѣетъ шестьдесятъ саженъ длиною и сорокъ шириною, то сколько въ ней квадратныхъ саженъ?» – Сто, отвѣчалъ не запинаясь Калмыченокъ. «Почему такъ?» — Потому-что шестьдесятъ да сорокъ составляютъ сто... Во всякомъ случаѣ, введеніе въ здѣшнее уѣздное училище ланкастеровой методы взаимнаго обученія принесло бы существенную пользу.

Если предоставить ставропольскихъ Калмыковъ собственному ихъ произволу, то нужно прождать еще столѣтіе, пока они, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и климата, совершенно превратятся въ осѣдлыхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ.

СТ. Н. З — ВЪ.

Ставрополь.
1842.

Digitized by Google

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1844 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Обнародованы переводы еврейской свидѣтельской присяги по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ съ предшествующимъ ей обрядомъ и формою увѣщанія.

— Въ 1842 и 1843 годахъ, по Высочайше утвержденнымъ нормальнымъ штатамъ, получили содержаніе сельскіе причты въ епархіяхъ: литовской, могилевской, минской, полоцкой, волынской, кіевской, подольской, санктпетербургской, новгородской, псковской и въ нѣкоторыхъ частяхъ черниговской и полтавской, а также причты въ городскихъ церквахъ въ Курляндской и Лифляндской Губерніяхъ. Нынѣ, по внесеніи въ роспись государственныхъ расходовъ на 1844 годъ еще 250,000 руб. сер. на сей же предметъ, 12 марта Высочайше повелѣно: 1) Назначить производство жалованья причтамъ въ епархіи олонецкой, на основаніи Высочайше утвержденныхъ нормальныхъ штатовъ для епархіи новгородской; въ остальныхъ уѣздахъ черниговской и полтавской, на основаніи нормальныхъ же штатовъ, Высочайше утвержденныхъ для сихъ епархій; а въ епархіи архангельской, гдѣ, по особеннымъ обстоятельствамъ того края, не можетъ быть сдѣлано общее для сельскихъ причтовъ положеніе, опредѣлить содержаніе имъ по непосредственному усмотрѣнію Святѣйшаго Синода. 2) Производство по симъ назначеніямъ жалованья начать по новымъ штатамъ съ 1-го мая текущаго года на томъ же основаніи, какъ сіе повелѣно Высочайшими указами Святѣйшему Синоду 4 апрѣля 1842 и 1 апрѣля 1843 годовъ, принявъ сіи указы въ руководство какъ относительно къ вычету по 2% съ рубля на составленіе особаго капитала для пособій сельскому духовенству, такъ и по всѣмъ прочимъ содержащимся въ оныхъ предметамъ. 3) Вспомо-

Digitized by Google

гательные оклады и ружное содержаніе, нынѣ получаемые нѣкоторыми причтами изъ казны, по прекращеніи оныхъ, за введеніемъ тѣхъ причтовъ въ штаты, предоставить въ непосредственное распоряженіе Святѣйшаго Синода, на томъ же основаніи, какъ сіе разрѣшено указомъ отъ 18 декабря 1843 года, и 4) долженствующую остаться за симъ изъ 250,000 руб. безъ производства съ 1-го января по 1-е мая сумму, 83,333 р. 33 к. сер., обратить въ составъ особаго капитала, для пособій сельскому духовенству въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода.

— Существующее при хозяйственномъ управленіи Святѣйшаго Синода Временное Счетное Отдѣленіе повелѣно преобразовать въ Третье Отдѣленіе, съ наименованіемъ Контрольнаго по суммамъ, состоящимъ въ особомъ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, и съ возложеніемъ притомъ на его обязанность привести къ окончанію всѣ дѣла Временнаго Счетнаго Отдѣленія, которыя могли бы остаться неокончательно разрѣшенными, за неполученіемъ затребованныхъ справокъ отъ посторонннихъ мѣстъ. При семъ разрѣшено: 1) Оставя для вновь-образуемаго отдѣленія штатъ, учрежденный для Временнаго, слѣдующую по оному къ ежегодному отпуску сумму 6,964 руб. 86 к. сер. производить изъ общихъ типографскихъ капиталовъ, въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода состоящихъ; причемъ положеннаго по тому штату начальника отдѣленія переименовать, соотвѣтственно начальникамъ прочихъ контрольныхъ отдѣленій, въ обер-контролера, а назначенныхъ собственно для Временнаго Отдѣленія 8 канцелярскихъ чиновниковъ и сумму на канцелярскіе расходы 300 руб. сер., сообразно штату хозяйственнаго управленія, причислить первыхъ къ общему составу канцелярскихъ чиновниковъ, а послѣднюю къ общей канцелярской суммѣ управленія, и 2) За тѣмъ нынѣ существующее Третье Отдѣленіе Хозяйственнаго Управленія переименовать въ Четвертое (Высоч. повел. 12 марта).

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 1-й день минувшаго апрѣля на докладѣ Святѣйшаго Синода, повелѣно возстановить въ Грузіи архіерейскую каѳедру.

— Высочайше утверждены въ 19 день апрѣля правила о вознагражденіи корабельныхъ инженеровъ за продолжительную, безъ значительныхъ исправленій, службу, построенныхъ ими судовъ.

— Лисинское Учебное Лѣсничество съ состоящимъ при немъ егерскимъ училищемъ, передано въ вѣдѣніе Лѣснаго Департамента на томъ же самомъ основаніи, какъ оно завѣдывалось Третьимъ Департаментомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ (Высоч. пов. апр. 26).

— Государь Императоръ, въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, встрѣтившихся при исполненіи Высочайшаго указа 15 марта сего года, относительно порядка выдачи заграничныхъ паспортовъ, въ 8-й день мая Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Семейства и прислугу лицъ, ѣдущихъ за границу по болѣзнямъ, подвергать каждаго человѣка тому самому пошлинному сбору, какому подлежатъ сами больные, т. е. по 25 руб. сер. съ каждаго лица; съ малолѣтныхъ же членовъ семейства, до 10 лѣтъ, никакой пошлины не требовать, но при семъ наблюдать, согласно 9 ст. III т. Свода Зак. о Служ. по Опред. отъ Прав., чтобы

Digitized by Google

дети мужескаго пола отъ 10 до 18 лѣтъ вовсе не были увольняемы за границу, развѣ по важнымъ причинамъ и съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. 2) Семейства и прислугу раненныхъ офицеровъ, отправляющихся за границу для излеченія ранъ, съ пособіемъ отъ казны или безъ онаго, никакому пошлинному за паспорты сбору не подвергать; но при семъ такъ же, какъ и въ предъидущемъ пунктѣ сказано, наблюдать, чтобъ дети ихъ мужескаго пола отъ 10 до 18 лѣтъ увольняемы не иначе были, какъ по важнымъ причинамъ и съ особаго Высочайшаго повелѣнія. 3) Съ семействъ и прислуги чиновниковъ, посылаемыхъ въ чужіе края по дѣламъ службы, не требовать пошлинъ въ такихъ только случаяхъ, когда они отправляются туда на постоянную службу; съ прочихъ брать, какъ съ путешественниковъ. 4) Гражданскихъ чиновниковъ, отправляющихся за границу для излеченія болѣзни, съ пособіемъ отъ казны или съ сохраненіемъ жалованья и другихъ окладовъ, на службѣ получаемыхъ, равно семейства ихъ и прислугу, подвергать пошлинѣ по 25 руб. сер. съ каждаго лица. 5) Подъ общимъ наименованіемъ лицъ, ѣдущихъ за границу по торговымъ дѣламъ, о коихъ въ 3-мъ пунктѣ указа 15 марта 1844 года говорится, надлежитъ разумѣть помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ и проч., съ коихъ и взыскивать полную пошлину по 100 руб. сер., если они не записаны въ гильдіи или цехи, а не купцовъ и вообще лицъ торговаго состоянія; ибо въ 4-мъ пунктѣ того же указа всѣ купцы, подъ общимъ названіемъ, и другія лица торговаго состоянія освобождены вовсе отъ платежа пошлинъ. 6) Помѣщиковъ, дворянъ и чиновниковъ, ѣдущихъ за границу по торговымъ дѣламъ, если они записаны въ гильдіи, а потому и платятъ особыя пошлины за право торговли, не подвергать пошлинѣ за заграничные паспорты на томъ же основаніи, какъ освобождаются отъ оныхъ купцы. 7) Семейства и прислуга: а) помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ и проч., ѣдущихъ за границу по торговымъ дѣламъ и въ гильдіи незаписанныхъ; б) помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ и проч., отправляющихся по таковымъ же дѣламъ, записанныхъ въ гильдіи и платящихъ за право торговли и в) купцовъ и другихъ лицъ торговаго состоянія, должны подлежать, относительно платежа пошлинъ, тѣмъ же правиламъ, какъ ихъ начальники семействъ, т. е. лица, отнесенныя къ 1-му разряду, платятъ по 100 руб. сер. каждое, а къ двумъ послѣднимъ, ничего не платятъ. 8) О выдачѣ паспортовъ просящимся за границу для усовершенствованія себя въ институтахъ сельскаго хозяйства, съ уменьшенною пошлиною или вовсе безъ пошлинъ, предписать мѣстнымъ начальствамъ входить каждый разъ съ особыми представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому и предоставить по уважительнымъ обстоятельствамъ давать надлежащія разрѣшенія. 9) Постановленное въ 1-мъ пунктѣ Высочайшаго указа 15-го марта 1844 года правило о возрастѣ просящихся за границу, не распространяется на лица, означенныя въ 4-мъ пунктѣ того же указа, т. е., на обоюдныхъ помѣщиковъ, купцовъ, приказщиковъ ихъ и извощиковъ, а также шкиперовъ, вольныхъ матросовъ, колонистовъ и проч. 10) Правила о пошлинахъ за паспорты для семействъ и прислуги ихъ, поименованныхъ въ пунктахъ

Digitized by Google

1, 2, 3, 4 и 7-мъ, распространить на семейства и прислугу, какъ въ одно время съ означенными лицами отправляющіеся, такъ и на тѣ, кои могутъ въ-послѣдствіи встрѣтить въ томъ надобность.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Къ сальянскимъ рыбнымъ ловлямъ въ Каспійской-Области опредѣленъ постоянный врачъ (Высоч. повел. 5 апр.).

— По учрежденнымъ въ Олонецкой-Губерніи запаснымъ магазинамъ для продажи мѣстнымъ жителямъ хлѣба, допущена опредѣленная 243 и 244 ст. 9 т. Св. Воен. Пост. скидка съ хранящихся запасовъ на мышеядь и раструску (Высоч. повел. 11 апр.).

— По предмету ввоза и продажи въ Москвѣ о-де-колона, Комитетъ Министровъ находилъ, что какъ въ откупныхъ условіяхъ не содержится воспрещенія на ввозъ кёльнской воды изъ привилегированныхъ губерній въ откупныя мѣста, то откупщики и не имѣютъ никакого права домогаться такого воспрещенія; что же касается до надзора за продажею фабрикантами означеннаго вещества, то Комитетъ считалъ, что хотя надзоръ откупщиковъ собственно за привозомъ о-де-колона и можетъ быть допущенъ, однако же неудобно было бы предоставлять имъ прикладывать къ привозимому о-де-колону печати и наблюдать за самымъ разливомъ онаго, такъ какъ мѣра сія, безъ всякой особенной надобности, могла бы лишь подать поводъ къ притѣсненіямъ со стороны откупщиковъ. По симъ соображеніямъ Комитетъ полагалъ: отказавъ въ просьбѣ содержателей московскаго питейнаго откупа о воспрещеніи ввоза въ Москву о-де-колона и духовъ и утвердивъ предположеніе министра финансовъ о томъ, чтобы открытіе фабрикъ для выдѣлки о-де-колона производимо было не иначе, какъ съ разрѣшенія Министерства Финансовъ, въ-отношеніи надзора за привозимымъ вообще въ откупныя мѣста о-де-колономъ ограничиться постановленіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) Провозъ выдѣлываемаго фабрикантами о-де-колона въ бочкахъ и бутылкахъ, изъ одного откупа въ другой, допускать не иначе, какъ по ерлыкамъ, выданнымъ уѣздными судами того уѣзда, въ которомъ находится фабрика, не касаясь мелкой посуды, обыкновенно употребляемой для разничной продажи о-де-колона. 2) Поставить фабрикантамъ въ обязанность, по-привозѣ съ фабрики о-де-колона въ мѣста, гдѣ намѣрены производить продажу онаго, увѣдомлять въ то же время контору тамошняго откупа для немедленнаго освидѣтельствованія бочекъ или бутылей, и 3) послѣ сего освидѣтельствованія, разрѣшать безпрепятственно разливъ и продажу о-де-колона; но еслибы со стороны откупа возникло сомнѣніе въ томъ, что привезенное вещество по составу своему не есть дѣйствительно о-де-колонъ и можетъ быть употребляемо въ продажу въ замѣнъ спирта или горячаго вина, то освидѣтельствованіе такого о-де-колона производить по распоряженію мѣстнаго начальства чрезъ врачебную управу. Это положеніе Комитета Высочайше утверждено въ 4 день апрѣля.

— Высочайше повелѣно: изъ кокбектинскихъ Киргизовъ, раздѣля-

Digitized by Google

ющихся на 12 волостей, образовать отдѣльный округъ, подъ названіемъ Кокбектинскаго, съ присоединеніемъ къ нему четырехъ волостей Аягузскаго-Округа, именно: Мурукъ-Назаровской, Мурукъ-Кунтушбетевской, Мурукъ-Кадыровской и Мурукъ-Кельджигинской. Для образованія симъ новымъ округомъ учредить Кокбектинскій Окружный Приказъ. Входящимъ въ составъ этого округа 12-ти волостямъ кокбектинскихъ Киргизовъ даровать, по силѣ 933-й ст. Устп. о Под. (Св. Зак., т. V, изд. 1842 г.), пятилѣтнюю льготу отъ установленнаго съ сибирскихъ инородцевъ ясака. По исчисленіи же сего срока предоставить мѣстному губернскому начальству сдѣлать распоряженіе о сборѣ съ сихъ волостей ясака на точномъ основаніи 942 ст. того же Устава о Податяхъ, примѣнивъ нынѣ же дѣйствіе сей статьи къ присоединяемымъ къ Кокбектинскому-Округу четыремъ волостямъ округа Аягузскаго. Въ порядкѣ управленія Кокбектинскимъ-Округомъ руководствоваться общими для округовъ сибирскихъ Киргизовъ постановленными правилами (Высоч. утв. Мн. Гос. Сов. 6 апр.).

— Обнародованы Высочайше утвержденныя въ 1-й день апрѣля правила о пріемѣ, отказѣ и размѣщеніи больныхъ въ больницахъ вѣдомства общественнаго призрѣнія, въ Санктпетербургѣ. Всѣ сіи распоряженія, во врачебномъ отношеніи, зависятъ исключительно отъ медицинскихъ чиновниковъ, на коихъ лежитъ и вся отвѣтственность по этому предмету. Пріемъ больныхъ, въ полицейскомъ и хозяйственномъ отношеніи, до врачей не касается и производится на основаніи общихъ правилъ, изложенныхъ въ Сводѣ Законовъ. Число назначаемыхъ къ пріему больныхъ вообще опредѣляется числомъ свободныхъ кроватей.

— Купечеству по санктпетербургскому порту предоставлено на волю, для опыта на три года, считая съ навигаціи сего 1844 года, продавать и отправлять за границу сало, не подвергая оное установленному бракованію, если на то будутъ согласны между собою продавецъ и покупщикъ, съ отвѣтственностью перваго за явственность своихъ клеймъ и за означенный сортъ сала. При этомъ постановлено, чтобъ въ-продолженіи опыта не замѣщать, въ случаѣ вакансій, браковщиковъ на сей товаръ, развѣ само купечество, саломъ торгующее, будетъ о томъ просить, равно предоставить ему на волю опредѣлить и мѣру вознагражденія браковщиковъ за сало, которое будетъ отпускаемо за границу безъ брака.

— По Высочайшему повелѣнію, учреждены въ Курской-Губерніи, между Курскомъ и Обоянью, Бѣлгородомъ и Харьковомъ три почтовыя станціи; подъ названіемъ: Дроздовской, Калмыковской и Топлинской.

III. Законы относительно состояній.

— Высочайше повелѣно: впредь поставить правиломъ, чтобы Театральная Дирекція принимала въ артисты и служители только такихъ людей изъ податныхъ состояній, которые на основаніи 338 ст. V т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) будутъ уже имѣть увольнительныя отъ своихъ обществъ свидѣтельства, съ удостовѣреніемъ, что платежъ за нихъ податей до будущей ревизіи обезпеченъ, и представляла бы о нихъ Пра-

Digitized by Google

вительствующему Сенату для исключенія изъ подушнаго оклада, согласно 337 ст. того же тома Св. Зак. За тѣмъ утвержденіе таковыхъ людей въ службѣ Театральной Дирекціи предоставить главному надъ нею начальству.

IV. Законы гражданскіе.

— Повсемѣстно предписано, чтобы свидѣтельствъ на части домовъ и другихъ строеній, для представленія оныхъ въ обезпеченіе по откупамъ, подрядамъ и поставкамъ, отнюдь выдаваемо не было, и чтобы выданныя уже подобныя раздробительныя свидѣтельства не были принимаемы залогомъ ни по какимъ обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною (Ук. Сен. 12 апр.).

— Постановлено, чтобъ къ 1076 ст. X т. Св. Зак. Гражд. (изд. 1842 г.) присовокупить особое примѣчаніе, что сила оной распространяется и на тѣ о вознагражденіи за крѣпостныхъ женщинъ дѣла, кои возникли въ періодъ времени отъ изданія закона 21 мая 1836 года до состоянія Высочайше утвержденнаго 23 марта 1842 года мнѣнія Государственнаго Совѣта (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 6 марта).

— По вопросу объ употребленіи въ дворянскихъ опекахъ и сиротскихъ судахъ гербовой бумаги, постановлено, что содержащееся въ Св. Зак. т. V, Уст. о Пошл., въ ст. 102 правило объ употребленіи гербовой бумаги по дѣламъ объ имуществахъ малолѣтныхъ, относится лишь къ дѣламъ, производящимся внѣ дворянской опеки и сиротскаго суда въ другихъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ; въ дворянскихъ же опекахъ и сиротскихъ судахъ слѣдуетъ производить на гербовой бумагѣ только тѣ дѣла малолѣтныхъ, состоящихъ подъ опекою, которыя возникаютъ по жалобамъ посторонннихъ лицъ на дѣйствія опеки или опекуновъ, или по какимъ-либо претензіямъ къ самымъ имуществамъ малолѣтныхъ, наблюдая въ сихъ случаяхъ 20 статью того же устава о требованіи гербовой бумаги отъ просителей или о взысканіи съ нихъ гербовыхъ пошлинъ, и еще дѣла о выдачѣ изъ дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ свидѣтельствъ и копій съ разнаго рода документовъ, касающихся до состоящихъ подъ опекою малолѣтныхъ или ихъ имуществъ. Затѣмъ, дѣла относительно попеченія объ особѣ малолѣтнаго, управленія его имѣніемъ и отчетовъ въ томъ, какъ непринадлежащія къ роду дѣлъ, поименованныхъ въ 31 ст. V т., а относящіяся прямо къ исполненію закономъ возложенныхъ на опекуновъ обязанностей, надлежитъ производить на простой бумагѣ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 3 апрѣля).

— Постановлено, что опредѣленные въ статьѣ 1601 Уст. и Учреж. Торг. (Св. Зак., т. XI, изд. 1842 г.) мѣсячный и двумѣсячный сроки для подачи апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія коммерческихъ судовъ считаются полными мѣсяцами, т. е., окончаніемъ ихъ сроковъ полагается то самое число, съ котораго они по упомянутой 1601 статьѣ исчисляются; съ истеченіемъ же означеннаго числа или дня, право апелляціи уже теряется (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 10 апр.).

Digitized by Google

V. Законы уголовные.

— Повсемѣстно предписано, что всѣ денежныя взъисканія, на крестьянъ и церковнослужителей падающія за самовольную порубку, пожегъ и другаго рода истребленія казенныхъ лѣсовъ, учиненныя по 1840 годъ, должны быть слагаемы, по силѣ XXX ст. Всемилостивѣйшаго Манифеста 16 апрѣля 1841 года, хотя бы рѣшенія о взъисканіи оныхъ были объявлены до состоянія еще того манифеста (Ук. Сен. 5 мая).

— Въ 13 день апрѣля Высочайше повелѣно: служителей, состоящихъ въ штатѣ санктпетербургской и московской полицій и въ полицейскихъ командахъ прочихъ городовъ, а также нижнихъ чиновъ всѣхъ вообще гражданскихъ вѣдомствъ, поступившихъ на службу въ настоящія свои должности по назначенію изъ военнаго вѣдомства, доколѣ на дѣйствительной службѣ оставаться будутъ, за преступленія, подвергающія ихъ уголовному суду, судить всегда военнымъ судомъ. Для сего доставлять сихъ нижнихъ чиновъ въ ближайшіе отъ мѣстъ нахожденія ихъ ордонанс-гаузы или же внутренніе гарнизоны и линейные батальйоны. Военно-судныя объ нихъ дѣла, по окончаніи производствомъ, вносить по командѣ; а начальство, какъ въ конфирмаціи сихъ дѣлъ по предоставленной власти, такъ и въ представленіи на разсмотрѣніе генерал-аудиторіата тѣхъ изъ нихъ, рѣшеніе коихъ будетъ превышать эту власть, руководствовались бы существующими правилами.

—

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАЙ 1844 ГОДЪ.

Народное Просвѣщеніе. Въ 6-й день апрѣля сего года Высочайше утверждено положеніе о производствѣ въ ученыя степени, которое имѣетъ дѣйствіе въ Университетахъ Санктпетербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и св. Владиміра. Совѣтамъ университетовъ, сообразно съ составомъ ихъ, предоставляется право удостоивать ученыхъ степеней по факультетамъ философскому, юридическому и медицинскому. По философскому и юридическому факультетамъ ученыя степени суть: кандидата, магистра и доктора. По медицинскимъ факультетамъ въ университетахъ, ученыя степени и званія, и присвоенныя имъ права и преимущества, пріобрѣтаются на основаніи общихъ относительно сего постановленій. Какъ русскіе подданные всѣхъ свободныхъ состояній, такъ и иностранцы могутъ пріобрѣтать означенныя выше ученыя степени. Испытаніе на ученыя степени бываетъ по принадлежности въ факультетѣ или отдѣленіи его, на русскомъ или вообще на томъ языкѣ, на которомъ преподаются науки въ университетѣ, гдѣ испытаніе производится. Ищущіе ученыхъ степеней подвергаются испытанію по порядку, въ какомъ слѣдуетъ одна степень за другою, и въ установленные сроки. Кандидаты, чрезъ годъ по полученіи сей степени, допускаются къ испытанію въ магистры, и не ранѣе какъ чрезъ годъ по пріобрѣтеніи послѣдней, могутъ искать степени доктора. Отличные изъ воспитанниковъ Главнаго Педагогическаго Института, ко-

Digitized by Google

торые, при окончательномъ въ семъ заведеніи испытаніи, будутъ удостоены званія старшаго учителя гимназіи, могутъ подвергаться испытанію прямо на степень магистра по тому факультету, къ разряду котораго принадлежали по учебному раздѣленію Института, но не прежде какъ по истеченіи года послѣ выпуска изъ него. Испытанія производятся въ собраніи факультета или отдѣленія его профессорами, каждымъ по своей части, по билетамъ, составленнымъ заблаговременно факультетомъ или отдѣленіемъ онаго. Письменные отвѣты составляются подъ наблюденіемъ декана и членовъ испытательнаго собранія, во время самаго присутствія. Имѣющіе уже ученую степень по одному факультету и желающіе получить таковую же по другому, предварительно подвергаются испытанію въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ не были еще экзаменованы и которые входятъ въ составъ полнаго учебнаго курса вновь избираемаго факультета или отдѣленія его, наравнѣ съ кандидатами, и по удостоеніи сей степени, ищутъ, по общему, установленному для всѣхъ порядку, сначала магистерской, а потомъ докторской степени. На такомъ же точно основаніи кандидаты и магистры духовныхъ академій православнаго исповѣданія, уволенные изъ духовнаго вѣдомства въ гражданское, могутъ пріобрѣтать ученыя степени по факультетамъ. Служащіе и отставные чиновники и вообще лица свободнаго состоянія могутъ быть допускаемы къ постоянному посѣщенію университетскихъ лекцій безъ вступительнаго экзамена; но если они по выслушаніи полнаго курса, пожелаютъ подвергнуться испытанію на званіе дѣйствительнаго студента или на степень кандидата, то должны прежде выдержать удовлетворительный экзаменъ въ учебныхъ предметахъ гимназіи. Получившіе такимъ-образомъ званіе дѣйствительнаго студента причисляются къ первому разряду гражданскихъ чиновниковъ, согласно 192 ст. III т. Св. Зак. Уст. о Службѣ на Опред. отъ Прав. (изд. 1842 года), но не пользуются присвояемымъ сему званію классомъ. Неудовлетворившій испытанію на ту или другую ученую степень, можетъ явиться ко вторичному на оную испытанію не прежде, какъ чрезъ годъ послѣ перваго, а къ испытанію въ третій разъ не прежде, какъ чрезъ годъ послѣ втораго. Неудовлетворившій и въ третій разъ не допускается болѣе къ испытанію въ томъ же университетѣ, не лишаясь впрочемъ права экзаменоваться въ другомъ, но по другому уже факультету или отдѣленію его. Дипломы на ученыя степени, за подписью ректора и декана факультета и за скрѣпою секретаря университетскаго совѣта, выдаются на русскомъ языкѣ, на пергаментѣ. Тѣмъ изъ выдержавшихъ на ученую степень испытаніе, которые находятся въ податномъ состояніи, дипломъ на оную выдается не прежде, какъ по увольненіи изъ того состоянія узаконеннымъ порядкомъ. Удостоенные ученыхъ степеней утверждаются при вступленіи въ гражданскую службу въ слѣдующихъ классахъ: докторъ въ восьмомъ, магистръ въ девятомъ, кандидатъ въ десятомъ. Опредѣляющіеся въ военную службу кандидаты, прослуживъ въ унтер-офицерскомъ званіи три мѣсяца, производятся въ офицеры, хотя бы не имѣлось вакансіи въ тѣхъ полкахъ, куда они приняты будутъ, лишь-бы знаніемъ фронта были того достой-

Digitized by Google

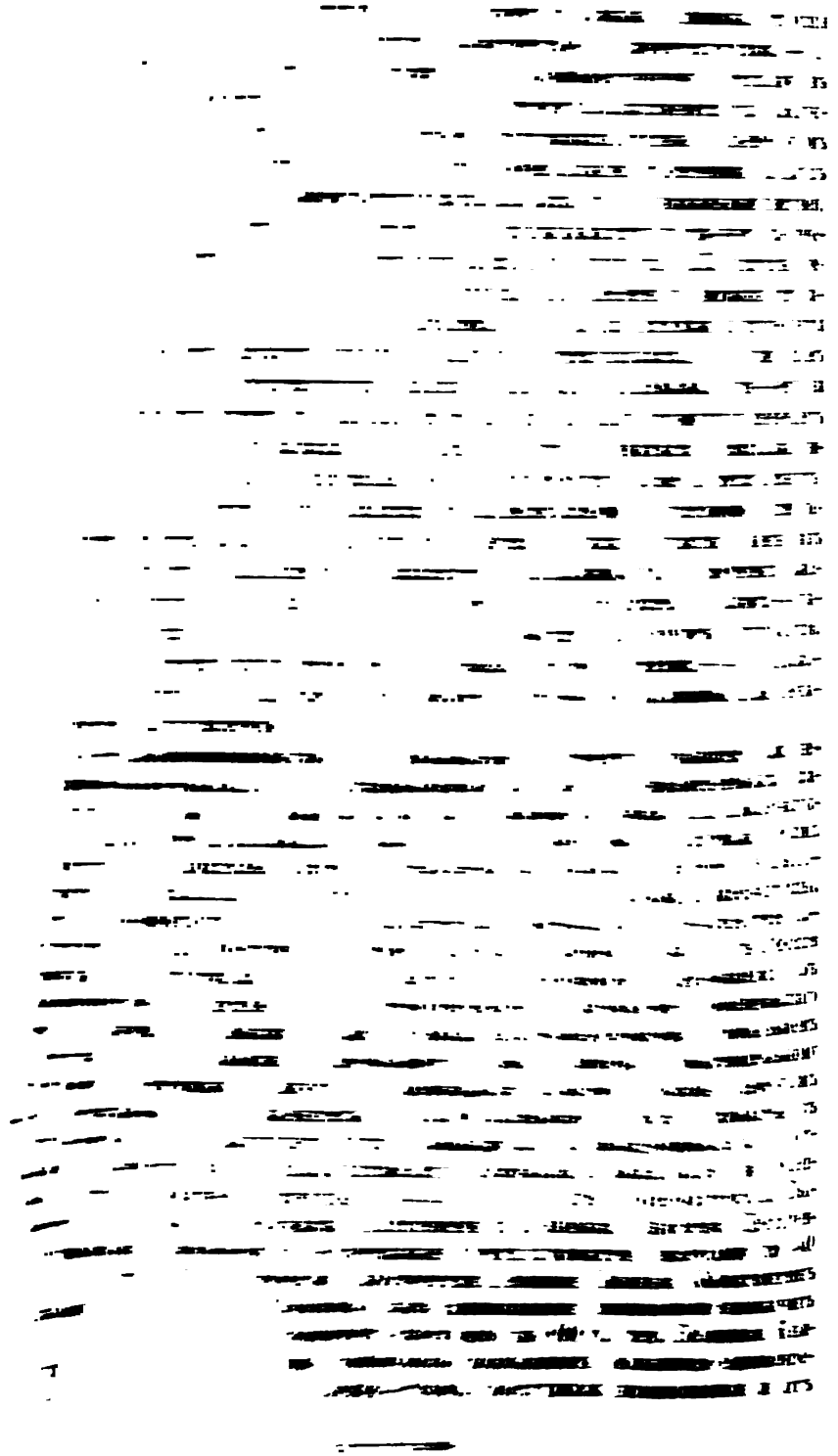
ныя. Выписываемые правительствомъ, равно какъ и прибывающіе въ Россію извѣстные иностранные ученые, при опредѣленіи ихъ въ профессоры и адъюнкты, освобождаются отъ всякаго испытанія. Иностранцы, въ томъ числѣ и получившіе дипломы на ученыя степени за границею, желая пріобрѣсть таковую въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, подвергаются испытанію сначала на степень кандидата, и потомъ на высшія, по общему, для всѣхъ установленному порядку. Испытаніе иностранцевъ производится или на одномъ изъ новѣйшихъ употребительныхъ языковъ, по соглашенію испытуемаго съ факультетомъ, или на языкѣ латинскомъ. Правило сіе распространяется и на представляемыя иностранцами диссертаціи.

— Евреямъ, уроженцамъ Царства-Польскаго, дозволено обучаться и держать экзамены на ученыя и медицинскія званія въ университетахъ и академіяхъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобъ существующее воспрещеніе допускать ихъ къ переселенію въ Имперію (Св. Зак. Т. IX, изд. 1842 года, примѣчаніе къ ст. 1262) оставалось въ своей силѣ, на каковой конецъ и наблюдать, чтобъ въ свидѣтельствахъ и паспортахъ, выдаваемыхъ Евреямъ, при увольненіи ихъ изъ Царства, для означеннаго обученія и держанія экзамена, а равно и въ дипломахъ и патентахъ на ученыя степени, именно было обозначаемо, что они происходятъ изъ Евреевъ уроженцевъ Царства-Польскаго.

— Въ 12 день мая, въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, читавъ отчетъ о тринадцатомъ присужденіи демидовскихъ премій, за 1843 годъ. Изъ представленныхъ къ соисканію сочиненій удостоены: полныхъ премій: г. Востоковъ, *за изданіе Остромірова Евангелія*; г. Павскій, за его *Наблюденія надъ Составомъ Русскаго Языка*; г. Пироговъ, за его *Полный Курсъ Прикладной Анатоміи Человѣческаго Тѣла* (съ выдачею на сей разъ одной половины премія, впредь до окончанія всего труда). Второстепенныхъ премій: г. Узатисъ за его *Курсъ Горнаго Искусства*; г. Кастренъ, за рукописное сочиненіе: *Elementa grammaticae syrianicae*, съ выдачею 1000 руб. ассиг. на изданіе, и г. Зерновъ, за его *Дифференціальное Вычисленіе съ приложеніемъ къ геометріи*.

Промышленость. Выданы привилегіи: 1) тверскому третьей гильдіи купцу Сутугину на изобрѣтенное имъ горизонтальное подводное колесо, дѣйствующее теченіемъ воды. Выгоды, ожидаемыя отъ устройства такого движителя, какъ объясняетъ г. Сутугинъ, по новости предмета, не могутъ быть нынѣ вполнѣ исчислены, а зависятъ отъ времени; но можно съ достовѣрностью сказать, 1) что на всѣхъ большихъ судоходныхъ рѣкахъ могутъ быть безъ всякой запруды устроены довольносильныя мельницы, преимущественно полезныя тамъ, гдѣ на значительномъ пространствѣ отъ такихъ рѣкъ нѣтъ мельницъ; 2) что къ силѣ сего движителя легко можно приноровить: а) поднятіе воды на возможную высоту, для удобнѣйшаго снабженія ею жителей городовъ, и наполненія устраиваемыхъ съ различною цѣлію резервуаровъ, б) полировка гранита и в) пилка лѣса; 3) что въ случаяхъ, дозволяемыхъ мѣстностью, можно перевесть силу двигателя на берегъ, въ устроенное на немъ легкое зданіе, для производства какихъ-либо выработокъ, и

Digitized by Google



Digitized by Google

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ОТЧЕТЪ ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ БОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Статья первая.

Приступая къ изложенію отчета о ходѣ и произведеніяхъ одного болховскаго хозяйства, мы почитаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ въ оправданіе нашего смѣлаго намѣренія — занять вниманіе читателей отчетомъ частнаго, неизвѣстнаго хозяйства, въ которомъ нѣтъ ни новыхъ системъ полеводства, ни улучшенныхъ орудій землевоздѣлыванія, ни дорогихъ и затѣйливыхъ машинъ, — словомъ, хозяйства, гдѣ все просто и обыкновенно; но это хозяйство устроивалось, живетъ и дѣйствуетъ собственными своими средствами и силами, безъ сторонняго пособія, какъ и большая часть хлѣбопашественныхъ русскихъ помѣстій, съ которыми оно имѣетъ родовое сходство и находится подъ вліяніемъ одинаковыхъ обстоятельствъ. А потому, маленькое болховское хозяйство есть уже звено неизмѣримой цѣпи отечественныхъ сельскихъ хозяйствъ, или частица огромнаго цѣлаго, — того цѣлаго, которое даетъ жизнь и силу величественной земледѣльческой имперіи. Но, чтобъ справедливо судить и имѣть вѣрное понятіе о цѣломъ, необходимо подробно разсматривать и изучать его части. Мы съ намѣреніемъ повто-

Digitized by Google

рили эту столь извѣстную истину, ибо она очень-ясно доказываетъ, какое имѣетъ право каждое частное хозяйство на вниманіе нашихъ любознательныхъ соотечественниковъ и образованныхъ агрономовъ.

Владѣлецъ болховскаго помѣстья, подобно большей части нашихъ помѣщиковъ, при поступленіи на хозяйство, не имѣлъ значительнаго наличнаго капитала, а потому не могъ бросать свои деньги на разныя заманчивыя нововведенія, еще неоправданныя опытомъ. Однако, онъ и не былъ до того близорукъ въ дѣлѣ хозяйства и скуденъ средствами, что не умѣлъ или не могъ употребить нѣкоторой издержки тамъ, гдѣ она обѣщала дѣйствительную выгоду, или вела, хотя медленно, къ вѣрному улучшенію. Но прежде, нежели рѣшиться на какое-нибудь нововведеніе, болховскому помѣщику надобно было долго обдумывать его, и строго разсчитывать, не увлекаясь заманчивостію предпріятія.

Болховскому хозяину, въ-продолженіе настоящаго отчета, представятся случаи говорить о многихъ предметахъ, прямо относящихся къ земледѣлію, или находящихся съ нимъ въ тѣсной связи и обращающихъ въ настоящее время общее на себя вниманіе. Какъ земледѣлецъ, страстно любящій свою полезную промышленость, возводимую на степень науки, онъ не могъ не сочувствовать тому, что занимаетъ каждаго хозяина, и не вникать по-возможности во всѣ современные вопросы о предметахъ, ему нѣсколько знакомыхъ. Если нѣкоторыя сужденія его объ этихъ предметахъ могутъ показаться неосновательными, а выводы и заключенія не совсѣмъ доказанными, то онъ заранѣе кладетъ свою повинную голову подъ мечъ осужденія и проситъ только вѣрить, что мнѣнія его искренни и не подсказаны какими-нибудь личностями, или другими разсчетами; ошибаться же — удѣлъ каждаго человѣка.

Пишущій эти строки далекъ отъ мысли выставлять свое хозяйство за образцовое, достойное подражанія: ему по опыту извѣстно, какъ тяжело достигнуть до совершенства въ такомъ трудномъ и многосложномъ дѣлѣ, каково сельское хозяйство. Вооружась терпѣніемъ, медленно подвигался онъ по скользкому пути улучшенія, столь нужнаго помѣстью, которое долго находилось безъ призора и досталось ему съ истощенною почвою, съ разрушенными хозяйственными строеніями, съ управленіемъ, потворствующимъ нерадѣнію и лѣни крестьянъ, и почти ничтожнымъ скотоводствомъ, безъ котораго нѣтъ хозяйства въ средней полосѣ Россіи. Владѣлецъ болховскаго помѣстья не только не желаетъ, какъ онъ сказалъ, выдавать свое несовершенное хозяйство за достойное подражанія, но, напротивъ, онъ не очень-дружественно расположенъ и къ такъ-называемымъ *образцовымъ фермамъ* и *хуторамъ* (есть еще

Digitized by Google

и потѣшные хутора,—но не о нихъ рѣчь) и скажетъ о нихъ откровенно свое мнѣніе (*).

Образцовыя фермы и опытные хутора, поддерживаемые посторонними средствами, ведутся совсѣмъ-иначе, нежели наши хозяйства; первые могутъ и не окупать употребляемыхъ на нихъ издержекъ собственными произведеніями, а все-таки будутъ существовать, тогда-какъ частныя бездоходныя хозяйства, долженствующія уплачивать два капитала каждаго помѣстья (основный—capital du fond, и капиталъ орудій—scheptel), непремѣнно погибнутъ. Пожалуй, мы съ удовольствіемъ смотримъ на эти фермы, любуемся прекраснымъ скотомъ, на нихъ содержимымъ, но, увы! подражать ихъ образцовому хозяйству не можемъ; а потому образцовые наши фермы и хутора для насъ не образцы — это аксіома (**). Да и самые опыты, дѣлаемые на нихъ въ маломъ видѣ, вблизи городовъ, на отлично-удобренной почвѣ (собственнымъ и пріобрѣтаемымъ покупкою тукомъ), обработываемой землепашцами ловкими и смышленными, на хорошихъ лошадяхъ, не могутъ приниматься нами безусловно, безъ предварительной повѣрки у себя, часто неоправдывающей выводовъ образцоваго хутора, или по мѣстному свойству почвы и климата дающіе совсѣмъ-другіе результаты. Другое дѣло опытные хутора за границей, на-примѣръ, въ Германіи, предназначенные дѣйствовать на маленькія пространства, почти-одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ съ мѣстомъ, занимаемымъ образцовымъ хозяйствомъ, гдѣ все производится одними и тѣми же способами и пріемами. А у насъ, скажите, что общаго между образцовыми хуторами и землепашественными помѣстьями, въ ко-

---

(*) Другое дѣло Удѣльное Училище, заведенное правительствомъ съ особой спеціальной цѣлію, которой оно достигаетъ въ совершенствѣ. Нынѣче многіе смыслящіе хозяева, желая пріобрѣсти хорошихъ и опытныхъ управителей, кромѣ земледѣльческихъ училищъ, отдаютъ своихъ мальчиковъ въ экономіи, извѣстныя своимъ благоустройствомъ, хозяйственнымъ распорядкомъ и значительностію приносимаго ими дохода,—учиться практически и насмотрѣться всему сказанному. И близъ меня есть одно такое же отличное помѣстье В. А. Ш., гдѣ всегда находится по нѣскольку учениковъ, присылаемыхъ издалека. Скажите, пожалуйста, много ли будетъ пользы помѣстью отъ управляющаго, который знаетъ, что такое воздушное электричество и его періодичность, а не знаетъ, что значитъ испытный снопъ, замолотъ и тому-подобное? Такого глубоко-ученаго приказчика станутъ обманывать на каждомъ шагу всѣ крестьяне и крестьянки управляемаго имъ имѣнія.

(**) Нынѣче и французскіе агрономы сомнѣваются въ пользѣ образцовыхъ фермъ; любопытно мнѣніе о нихъ г. Дельвинь-Бакѣ, помѣщенное въ «Journal d'Agriculture Pratique» (февраль, 1842 года, стр. 375). Болховской помѣщикъ весьма сожалѣетъ, что не можетъ, по нѣкоторымъ причинамъ, представить выписокъ изъ означенной статьи, гдѣ высказано нѣсколько горькихъ истинъ защитникамъ образцовыхъ фермъ.

Digitized by Google

торыхъ обработываютъ землю тягловые крестьяне на тощихъ лошадяхъ и плохими орудіями, и гдѣ владѣлецъ имѣетъ на своемъ попеченіи не одно собственное хозяйство, но и хозяйство всѣхъ своихъ крестьянъ?..

Не сознавая большой пользы въ образцовыхъ фермахъ, кстати скажемъ, что *земледѣльческія общества* заслуживаютъ полнаго уваженія и благодарности за приносимую ими несомнѣнную пользу народному хозяйству изданіемъ агрономическихъ сочиненій и распространеніемъ печатно любопытныхъ свѣдѣній, наблюденій и опытовъ. Сюда же относятся и *агрономическіе съѣзды* сельскихъ хозяевъ, подобные бывшему въ Штутгардтѣ въ 1842 году (*), куда сносятся словесно изъ разныхъ мѣстъ государства опыты, открытія и усовершенствованія по части хозяйственной, тамъ же повѣряемые и разсматриваемые критически; а это весьма-важно, ибо что кажется полезнымъ одному лицу, то можетъ оказаться вздорнымъ или одностороннимъ при общемъ изслѣдованіи, по русской пословицѣ: «умъ хорошо, а два лучше».

Знаменитый Тэеръ говоритъ: что «первая и главная цѣль каждаго сельскаго хозяйства есть *получать самый высшій и постоянный доходъ*» (Основаніе Раціональнаго Сельскаго Хозяйства, Тэера, часть I, стр. 1). Мы имѣемъ многихъ небогатыхъ владѣльцевъ, устроившихъ и распространившихъ свои помѣстья, и даже нажившихъ маленькій капиталецъ единственно отъ произведеній своего хозяйства,—и другихъ, которые однимъ земледѣльчествомъ составили себѣ большія состоянія. Если цѣль сельскаго хозяйства справедливо опредѣлена Тэеромъ, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, и намъ непремѣнно нужны образцы и примѣры, то почему же способъ хозяйствованія упомянутыхъ господъ не можетъ служить примѣромъ, а помѣстья ихъ образцовыми хуторами и фермами?

Мы еще юноши въ-отношеніи къ зрѣлой европейской учености, и потому, какъ юноши, заимствовали у иностранцевъ, опередившихъ насъ на поприщѣ полезныхъ знаній въ наукѣ, однѣ только внѣшнія формы образованности; усвоивъ себѣ ихъ наклонность къ роскошнымъ и вящнымъ наслажденіямъ, мы не менѣе ихъ падки на цѣнныя удовольствія и дорогой комфортъ; но, къ-сожалѣнію, не переняли у нихъ трудолюбія и попечительности о дѣлахъ серьёзныхъ. Любя расточать свои доходы, мы *лѣнивы* и *неповоротливы*, когда дѣло идетъ объ устройствѣ нашихъ помѣстій (**) и вообще

(*) Полезно было бы и у насъ учредить такіе съѣзды сельскихъ хозяевъ, если не ежегодные и не въ каждой губерніи, то, по-крайней-мѣрѣ, черезъ два или три года и на нѣкоторыхъ только пунктахъ имперіи.

(**) Говоря вообще, наши хозяйства не улучшились и не сдѣлались доходнѣе пропорціонально неномѣрно-увеличившимся расходамъ, а напротивъ, нѣкото-

Digitized by Google

всего, что составляетъ источникъ нашихъ доходовъ и, слѣдовательно, удовлетворенія прихотей; а отъ-того у насъ *несоразмѣрность расходовъ съ приходами* годъ-отъ-году дѣлается ощутительнѣе: слѣдствія этой пагубной несоразмѣрности довольно-извѣстны.

Волею или неволею, а необходимо будетъ обратиться къ умѣренности и сельскому хозяйству, главному источнику дворянскихъ доходовъ: эта необходимость для многихъ уже и наступила. Отсюда (а также изъ подражанія иностранцамъ) и то участіе къ сельскому хозяйству, и желаніе учиться ему, которыя обнаружились въ послѣднее время; но большая часть жаждущихъ этого знанія хотятъ заниматься имъ покойно, въ роскошномъ столичномъ кабинетѣ, въ досужее время, а не въ скучной деревнѣ и въ полѣ. Конечно, для удовлетворенія этой потребности учиться хозяйству и явилось у насъ нѣсколько переводовъ иностранныхъ агрономическихъ книгъ съ пышными предисловіями, много толковъ о европейскомъ земледѣліи, нѣсколько журналовъ съ земледѣльческими статьями и нѣсколько курсовъ земледѣлія, составленныхъ по *данными и выводамъ заграничныхъ хозяйствъ и авторовъ*; но въ правѣ ли мы обвинять гг. составителей этихъ курсовъ, ибо гдѣ прикажете имъ взять отечественныхъ матеріаловъ, опытовъ и данныхъ, когда, къ-сожалѣнію, намъ почти-незнакомо русское наше хозяйство, и о немъ мало пишутъ практическіе наши агрономы (*)?

Нельзя не сожалѣть и о томъ, что у насъ рѣдко-кто ведетъ записки о своемъ хозяйствѣ или дѣлаетъ замѣтки по своимъ опытамъ и наблюденіямъ, и еще рѣже доводитъ ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Мы, конечно, не погрѣшимъ противъ истины, когда скажемъ, что многіе не пишутъ о земледѣліи изъ ложнаго стыда и опасенія незаслуженныхъ насмѣшекъ, къ которымъ мы чувствительны не менѣе другихъ. Если справедливо, что у насъ оказалось желаніе учиться агрономіи и заниматься ею, то, къ-сожалѣнію, совершенно-справедливо и то, что на Руси, съ нѣкотораго времени, забавляются надъ сельскимъ хозяйствомъ и стараются представить въ смѣшномъ видѣ все, что относится къ скромнымъ, полезнымъ занятіямъ

рыя изъ нихъ, послѣ бывшихъ неурожаевъ, весьма разстроились, и нескоро прійдутъ въ первобытное положеніе. Конечно, есть и блестящія исключенія изъ общаго незавиднаго состоянія нашихъ хозяйствъ.

(*) Имена тѣхъ немногихъ нашихъ хозяевъ, которые, усердствуя земледѣлію, не лѣнились писать о немъ, уже извѣстны соотечественникамъ, почему мы и не станемъ упоминать ихъ. Нельзя не отдать должной справедливости нашимъ просвѣщеннымъ земледѣльцамъ и вмѣстѣ свекло-сахарнымъ заводчикамъ, которые ревностно и дѣятельно изучаютъ избранную ими отрасль земледѣлія, и одни, болѣе всѣхъ нашихъ агрономовъ, пишутъ и разсуждаютъ о своемъ предметѣ.

Digitized by Google

и деревенской жизни. На подобныя насмѣшки отваживались даже сочинители мелкихъ повѣстушекъ и рифмачи, напечатавшіе нѣсколько мелкихъ стихотвореньицъ безъ смысла и толка. По мнѣнію этихъ мужей, все, кромѣ ихъ произведеній — пошло и тривіяльно.

У просвѣщенныхъ сосѣдей нашихъ, имѣющихъ болѣе нашего отличныхъ бельлетристическихъ талантовъ, мы ничего подобнаго не слышимъ; тамъ умѣютъ отдавать должную справедливость всему полезному, и не забавляются надъ скромнымъ трудолюбіемъ, не смѣются надъ деревенскою жизнію и почтеннымъ земледѣліемъ. Жаль, и очень-жаль, повторяемъ, что у насъ мало практическихъ руководствъ, опытныхъ совѣтовъ и замѣчаній на всѣ предметы сельскаго хозяйства, тогда-какъ мы имѣли и теперь имѣемъ не мало отличныхъ практическихъ агрономовъ; но они уносятъ свои познанія и опытность въ могилу, не передавъ ихъ печатно соотечественникамъ. Здѣсь ущербъ для науки и потеря для государства. Положеніе всѣхъ молодыхъ, или неопытныхъ русскихъ хозяевъ весьма-затруднительно! Каждый изъ нихъ долженъ, при началѣ своего земледѣльческаго поприща, идти ощупью и долгимъ убыточнымъ путемъ опыта достигать вожделѣннаго знанія хорошо управлять хозяйствомъ. Мы часто видимъ и слышимъ, что умные и опытные хозяева, въ разныхъ случаяхъ, дѣлаютъ то, или поступаютъ такъ; но почему именно, и при какихъ обстоятельствахъ? Этого, безъ объясненія отъ дѣйствующаго лица, угадать не всегда возможно; однимъ словомъ: мы видимъ дѣйствіе, но разумѣй причины его не знаемъ.

I. Географическое положеніе помѣстья.

Болховское хозяйство, находящееся подъ 53° 26′ сѣверной широты и 53° 43′ восточной долготы въ средней полосѣ Россіи, по климатическому ея раздѣленію, — и ржаной, по агрономическому,—лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки *Оки* и лѣвомъ же небольшой рѣчки *Березуя*, впадающей въ Оку почти подъ прямымъ угломъ. Западная часть дачи помѣстья занимаетъ одну изъ самыхъ возвышенныхъ точекъ въ цѣломъ околодкѣ (*), съ которой окрестности видны во всѣ стороны на довольно-далекое разстояніе. Отъ этой возвышенности почва понижается едва-примѣтнымъ склономъ на сѣверо-востокъ и частію на востокъ; склонъ этотъ, приближаясь къ русламъ означенныхъ рѣкъ, видимо увеличивается (при самомъ

(*) Тутъ же, почти въ углу дачи, находятся поселки двухъ деревень и господская усадьба или сердце хозяйства, отъ котораго по артеріямъ его—дорогамъ, въ разныхъ направленіяхъ проложеннымъ, разносится пища и трудъ на благодатныя нивы.

Digitized by Google

крутомъ скатѣ почвы къ берегу Оки уголъ склоненія составляетъ около 35°), и оканчивается берегами рѣкъ, природными лугами помѣстья, которые отчасти заливаются весеннимъ разливомъ водъ. Итакъ, топографическое положеніе помѣстья не совсѣмъ-благопріятно растительности; по наклонному своему положенію на сѣверо-востокъ, оно доступно сѣвернымъ и восточнымъ вѣтрамъ. Сверхъ-того, поверхность дачи изрѣзана болѣе или менѣе крутыми и глубокими оврагами и ложбинами, имѣющими направленіе на сѣверо-востокъ и западъ, и поросшими лѣсомъ и кустарникомъ(*). Нѣкоторыя изъ отлогихъ ложбинъ заказываются весною, и выкашиваются крестьянами на сѣно, а прочія служатъ всегдашнимъ пастбищемъ вмѣстѣ съ двух-клиннымъ паромъ и довольно-большимъ выгономъ, находящимся при усадьбѣ.

II. Почва.

Почва помѣстья, по общепринятымъ названіямъ, можетъ дѣлиться на три разряда. Первый — лучшую, ближайшую къ усадьбѣ и чаще удобряемую назёмомъ, назовемъ *черно-земною*, цвѣта сѣровато-чернаго, чѣмъ она и различествуетъ отъ совершенно-черныхъ земель Малороссіи и другихъ степныхъ черноземныхъ губерній (которыя имѣютъ и другія отличительныя качества, но о нихъ будетъ говорено ниже). Второй разрядъ — *глинистая*, различныхъ оттѣнковъ — отъ свѣтло-желтаго почти до краснаго; это почва тѣхъ полей (**),

(*) Здѣсь лѣсъ самосѣйно растетъ слѣдующій: дубъ, кленъ, пакленъ, вязъ, ильмъ, рябина, черемуха, береза, осина, разные виды ракиты и липа рѣдко выростающая въ штамбъ отъ скота, объѣдающаго ея молодые побѣги, и людей, обдирающихъ ихъ на лыки. Хвойныя деревья, даже и въ саду посаженныя, принимаются очень-трудно и растутъ медленно. Изъ кустарниковъ находятся слѣдующіе виды: орѣшникъ, калина, крушина, бересклетъ, жимолость и, въ небольшомъ количествѣ, смородина и малина; распространенію этихъ послѣднихъ кустарниковъ препятствуетъ скотъ.

(**) Глинистыя почвы, при наклонномъ положеніи, весьма-легко размываются водою, отъ-чего и происходятъ многочисленные овраги и овражки, прорѣзывающіе скалистыя наши земли. Здѣсь нужна особенная осторожность при проведеніи дорогъ, полевыхъ бороздъ, и немаловажный трудъ поправлять и отчасти уничтожать вредъ, причиняемый водою. Черезполосное раздѣленіе полей и обычай нашихъ крестьянъ разрѣзывать на малые участки вдоль по склону покатыя свои земли, чрезвычайно увеличиваютъ число враговъ. Нынѣче, болховскій хозяинъ счастливо успѣлъ размежевать къ однимъ мѣстамъ полюбовно по наличному владѣнію, уступивъ, къ обоюдной пользѣ совладѣльцевъ, небольшую свою деревушку на берегу Оки, особо-отмежеванную и, слѣдовательно, неподлежащую размежеванію, и успѣлъ размежевать окончательно, съ переводомъ крестьянъ своихъ изъ означенной деревеньки въ ближайшую къ его усадьбѣ, гдѣ находились дворы совладѣльца. Крестьяне, при содѣйствіи своихъ господъ, помѣнялись дворами, а отчасти и жильемъ строеніемъ, чѣмъ значительно облегчилось ихъ переселеніе.

Digitized by Google

въ которыхъ весенніе и дождевые потоки ежегодно болѣе или менѣе смываютъ верхній, черный слой земли; — и наконецъ третій — почва *иловато-глинистая*, по берегамъ рѣкъ, или, какъ называютъ ее Французы, terres à cèreales de printemps.

Но точнѣе, всѣ означенныя земли должны быть причислены къ *глинистой почвѣ*, болѣе или менѣе окрашенной желѣзнымъ и марганцовымъ окисломъ, съ примѣсью небольшаго количества песка или кремнезема и углекислой извести. Подробнаго химическаго разложенія этихъ почвъ здѣсь не представляю, по неувѣренности въ непогрѣшимости способовъ, которыми производилось это разложеніе, и по самой неопытности въ этомъ дѣлѣ разлагателя (*). Всѣ три вида земель болховскаго помѣстья названы здѣсь вообще глинистыми, согласно опредѣленію почвъ г-на Сабурова, кажется, почерпнутаго имъ изъ «Maison Rustique du XIX-me siècle», и повѣреннаго собственными наблюденіями («Отеч. Записки» 1842 года, книжка 3-я, стр. 10, 11 и 12: «Записки Пензенскаго Земледѣльца», съ мнѣніемъ котораго въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны).

Прекрасныя и обильныя изслѣдованіями «Записки» его, представляютъ русскимъ земледѣльцамъ богатый матеріалъ для размышленія. Читатели предлагаемаго «Отчета» неоднократно встрѣтятъ въ немъ ссылки на эти «Записки», если будутъ имѣть терпѣніе дочесть его до конца.

Мнѣніе г-на Сабурова, что «черный цвѣтъ почвы не происходитъ отъ избытка въ ней *перегноя*», совершенно-справедливо, какъ справедливы и доказательства, имъ приводимыя. И у насъ конопляники, сильно удабриваемые каждые два года, не имѣютъ совершенно-чернаго цвѣта, а имѣютъ буроватый, и болѣе другихъ земель рыхлы и разсыпчаты; а глина, выкидываемая изъ канавъ и такимъ образомъ

(*) Весьма-трудно опредѣлить качества и составныя части почвы по роду произрастеній, которымъ она въ-особенности благопріятствуетъ. На-примѣръ, г. Бергштрессеръ, въ 60 нумерѣ «Земледѣльческой Газеты» 1842 года, говоритъ: «Если на почвѣ особенно хорошо родятся рожь, греча и картофель — то это «знакъ, что она принадлежитъ къ числу легкихъ; если на ней исключительно «хорошо родится пшеница, то она глинистая или тяжелая; а если почва осо«бенно благопріятна для клевера, или еще болѣе для люцерны, то это доказы«ваетъ присутствіе въ ней извести или мергеля». У меня одинъ и тѣ же десятины, близь усадьбы находящіяся, принесли каждая: въ 1838 году 26 чет. 2 мѣры ржи; въ 1839 году 130 четвертей картофеля; въ 1834 году 19 четвертей 1 мѣру пшеницы и, наконецъ, въ 1836 году, 39 возовъ сухаго клевера, а, полагая возъ въ 13 пудовъ, 507 пудовъ сѣна. Сверхъ этого сбора, клеверная отава скошена была на зеленый кормъ. Теперь спрашиваю: къ какому разряду почвъ причислить означенныя десятины, — къ легкимъ, глинистымъ или известковымъ? и какой именно обработки онѣ требуютъ?

Digitized by Google

подвергаемая вліянію влаги и воздуха, вскорѣ дѣлается плодотворною; на ней прекрасно ростутъ хлѣбы и травы; глина эта темнѣетъ безъ значительной подмѣси перегноя, то-есть, принимая мнѣніе Тэера, желѣзная окись, въ ней находящаяся, слабѣетъ или уменьшается (*).

(*) Тэеръ въ «Основаніи Раціональнаго Сельскаго Хозяйства» (томъ III, стр. 20, 21 и 22) говоритъ: «Чѣмъ краснѣе глина, тѣмъ болѣе въ ней желѣзнаго «окисла, и наоборотъ, въ черной и бѣлой всего менѣе, и оттѣнки этихъ цвѣ«товъ зависятъ не токмо отъ количества окисла, смѣшаннаго съ глиной, но и «отъ степени ея окисленія, а потому на огнѣ болѣе краснѣетъ та глина, въ ко«торой количество этой окиси значительнѣе.» На 25 страницѣ 1-го тома «Maison Rustique du XIX siécle» сказано: «Quelquefois les argiles contiennent une «quantité si grande d'oxide de fer, qu'elles ressemblent à des veritables *ocres* «rouges», и наконецъ «Земледѣльческая Химія» г. Павлова (стр. 144, § 69) повѣствуетъ, что «желѣзо соединяется съ кислородомъ только въ двухъ «опредѣленныхъ содержаніяхъ, и потому находится только два желѣзныхъ «окисла: черный и краснобурый; первый есть окиселъ низшей степени окисле«нія, второй высшей.»

Но г-нъ Сабуровъ другаго мнѣнія о степени окисленія черной глины (или чернозема). По словамъ его: «Когда изъ глины кирпичъ выходитъ блѣ«денъ, то подбавляютъ въ нее черной земли, взятой на глубинѣ пяти-шести «вершковъ и тогда кирпичъ получаетъ яркій алый цвѣтъ». (Записки Пензен. Земледѣльца»—въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, книжка 3, стр. 10). Слѣдовательно, по мнѣнію г. Сабурова, въ черной землѣ должно находиться болѣе желѣзной окиси, нежели въ цвѣтной ихъ глинѣ, что̀ у Тэера выходитъ наоборотъ.

Не наше дѣло рѣшить, кто здѣсь правъ, кто виноватъ. Скажемъ только, что во многихъ намъ извѣстныхъ черноземныхъ мѣстахъ, ни изъ одной глины, ни изъ смѣси ея съ черноземомъ не выходитъ прочнаго и алаго кирпича, но выходитъ блѣдный и слабый; а напротивъ, въ мѣстахъ съ почвою сѣровато-черноземною и желто-глинистою, кирпичъ всегда выжигается красный и доброкачественный.

Выпишемъ еще нѣкоторыя мѣста изъ «Записокъ» г. Сабурова, съ которыми мы невполнѣ согласны, и выпишемъ только съ цѣлію показать, что мы съ должнымъ вниманіемъ читали прекрасный трудъ его. Въ 3-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» за 1842 годъ, на стр. 7, г. Сабуровъ, доказывая ошибочность химическаго разложенія почвъ, дѣлаемаго для опредѣленія степени ихъ тучности посредствомъ пережиганія, говоритъ: «Когда органическіе остатки утучняютъ «почву?—Когда они въ полномъ броженіи. Тогда образующаяся слизь и газы, «служатъ ли они пищею растеніямъ, или только рыхля землю, дѣлаютъ ее бо«лѣе-проницаемою для свѣта, воздуха и влаги, или болѣе притягиваютъ влагу, «—тогда собственно эти остатки, и во время только ихъ броженія, полезны «растительности. Спрашиваю: можетъ ли химическое разложеніе уловить сте«пень и моментъ броженія? Конечно, нѣтъ. Что̀ же можетъ указать химическое «разложеніе въ-отношеніи къ тучности почвы? Только количество сгараемыхъ «органическихъ частей, находящихся въ почвѣ. Но онѣ могутъ находиться не«согнившими, отчасти-сгнившими и совершенно-перегнившими. Въ первомъ «случаѣ, онѣ, при содѣйствіи свѣта, теплоты, влаги и спертаго воздуха, прій«дутъ въ броженіе и передадутъ почвѣ ту мѣру удобренія, какую передать мо-

Digitized by Google

Здѣсь кстати сравнить нашъ сѣроватый черноземъ съ совершенно-черною и жирною глиною или черноземомъ степныхъ и малороссійскихъ губерній (близко къ этому чернозему по качеству подходятъ и почвы нѣкоторыхъ уѣздовъ Орловской, Курской и Тульской Губерній, а въ этой послѣдней — Уѣздовъ Епифанскаго, Богородицкаго и Чернскаго). Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ существенное различіе:

Степной черноземъ, часто глубиною въ аршинъ, жадно поглощаетъ солнечные лучи; отъ этого онъ и высыхаетъ скорѣе нашего чернозема; въ засухи твердѣетъ до такой степени, что всѣ усилія разрыхлять его, даже и усовершенствованными орудіями, дѣлаются тщетными. Еслибъ въ этомъ черноземѣ былъ избытокъ *перегноя*

«тутъ; во второмъ случаѣ, передача эта будетъ неполная; въ-третьемъ, едва-«ли какая-нибудь будетъ, потому-что не только совершенно-перегнившіе орга-«ническіе остатки не утучняютъ почвы, но навозъ вывѣтрившійся, какъ бы «онъ ни напитанъ былъ остатками изъ царства животнаго, уже сильно слабѣ-«етъ. Между-тѣмъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, органическіе остатки, находя-«щіеся въ почвѣ, сгорятъ. Теперь спрашиваю: покажутъ ли они ту степень «тучности, которую передать могутъ почвѣ, отчасти передали, или уже пере-«дать не въ состояніи?»—Намъ кажется, вопреки мнѣнію г. Сабурова, что отчасти и покажутъ, ибо въ первомъ имъ упоминаемомъ случаѣ, когда въ почвѣ еще не сгнили органическія части, ихъ и сгоритъ болѣе, во второмъ, менѣе, а въ третьемъ случаѣ, гдѣ они совершенно-перегнили, и горѣть нечему,—а потому вѣсъ пережженыхъ земель, теряющихъ при этой операціи однѣ только органическія части (въ чемъ согласенъ и самъ г. Сабуровъ), можетъ показать приблизительно то, что въ первомъ случаѣ перегноя въ почвѣ по вѣсу, а слѣдовательно, и по количеству находилось болѣе, нежели въ двухъ слѣдующихъ, въ которыхъ онъ разложился и уже поглощенъ растеніями, — или, другими словами, убавка вѣса въ прокаленной почвѣ можетъ отчасти указать, сколько въ ней находилось органическихъ остатковъ, способныхъ перейдти въ броженіе и питаніе растеній, или ту степень тучности, которую эти остатки могутъ передать почвѣ.

Далѣе, г. Сабуровъ въ 3-й же книжкѣ «От. Зап.» на стр. 16 говоритъ: «Но къ-чему такое безотчетливое преувеличеніе, будто перегнойная слизь служитъ главною пищею растеніямъ? — При опытѣ, поглощенная растеніемъ *слизь* еще не доказательство à priori. Кто не знаетъ, что растеніе можетъ роскошно расти при содѣйствіи температуры на промывномъ сыпучемъ пескѣ? Кто не знаетъ, что луковица пуститъ побѣги и будетъ расти и цвѣсти повѣшенная надъ стаканомъ воды? Кто не читалъ, что дубъ росъ семь лѣтъ въ одной чистой водѣ? Кто не сѣялъ кресс-салата на войлокѣ?» Мы полагаемъ, что луковицы и кресс-салатъ, на которые указываетъ г. Сабуровъ, не могутъ служить въ данномъ случаѣ достаточнымъ опроверженіемъ, ибо извѣстно, что луковицы и корни корнеплодныхъ растеній заключаютъ въ-самихъ-себѣ достаточно пищи для первыхъ отпрысковъ, а луковицы даже и для образованія цвѣтка; но ни луковицы, ни кресс-салатъ (который на войлокѣ вытягивается въ слабый ростокъ, дающій только нѣсколько листковъ) не могутъ безъ содѣйствія почвы развиться въ совершенное и полное растеніе и принести сѣмянъ.

Digitized by Google

(humus), что̀ весьма-ошибочно утверждалъ профессоръ Павловъ, то такой черноземъ не могъ бы такъ чисто и сильно высыхать, ибо перегной болѣе прочихъ составныхъ частей почвы вбираетъ въ себя воду (почти-вдвое противъ своего вѣса) и долѣе ее удерживаетъ (См. «Maison Rustique du XIX siècle», томъ I, стр. 42—43).

Весьма-натурально, что хлѣба́, посѣянные въ столь горячую почву (*), не находя достаточной влаги, изсыхаютъ, что̀ почти всегда случается, когда весна или лѣто были знойны и недождливы; отъ этого качества почвы, неблагопріятнаго для растительности, и происходятъ совершенные неурожаи, такъ часто посѣщающіе черноземныя губерніи,—неурожаи, отъ которыхъ земледѣльцы средней полосы Россіи, съ почвою сѣровато-глинистою, менѣе страдаютъ. Въ Болховскомъ-Уѣздѣ, кромѣ 1840 года, въ который большая часть озимыхъ посѣвовъ не возвратила сѣменъ (урожай былъ сравнительно хуже въ той части уѣзда, гдѣ земля чернѣе), другаго совершеннаго неурожая не запомнятъ и старожилы. Конечно, бывали годы не весьма-плодородные, но чтобы хлѣбъ и травы высохли совершенно, этого не случалось; даже въ 1839 году, когда отъ палящаго зноя вяли листья на деревьяхъ и растрескалась земля, хлѣба озимые и яровые уцѣлѣли, хотя послѣдніе и были низки и тощи. Спасеніемъ хлѣбовъ своихъ, мы, конечно, обязаны нашей глинѣ (пропорціонально смѣшанной съ перегноемъ, известью и небольшимъ количествомъ песка), сохранявшей въ себѣ нѣсколько влаги, а потому и непревратившейся въ камень.

Другое различіе въ свойствахъ сравниваемыхъ почвъ обнаруживается въ сырую погоду. Грязь сѣроватаго чернозема и грязь степнаго неодинаковы: первый (т. е. черноземъ) совершенно соединяется съ водою, незастаивающеюся на его поверхности, но проникается и растворяется ею въ жидкую и довольно-клейкую грязь. Второй (степной), состоя изъ жирной и вязкой черной глины, въ которой, кажется, есть примѣсь какого-то смолистаго или масленистаго вещества, переходитъ въ грязь липкую, пристающую комьями, какъ молодой снѣгъ, ко всему, что̀ къ ней прикоснется. Черноземъ этотъ, какъ-будто пропитанный жиромъ или масломъ, не совершенно соединяется съ водою, а удерживаетъ ее на своей поверхности въ видѣ капель.

Продолжая начатое нами сравненіе двухъ почвъ, мы послѣднею

(*) Вѣроятно, черноземъ получаетъ это свойство не отъ одного своего чернаго цвѣта, сильно притягивающаго солнечные лучи. Къ-сожалѣнію, недосказано и то, чѣмъ онъ окрашенъ въ черный цвѣтъ: марганцовой ли черной окисью, или избыткомъ желѣзной окиси, какъ полагаетъ г. Сабуровъ?

Digitized by Google

рѣзкою чертою постараемся обозначить ихъ несходство: степной, отъ природы теплый черноземъ, не терпитъ животныхъ горячихъ туковъ, которые въ немъ скоро разлагаются, теряютъ свою силу и большею частію вредятъ, а не содѣйствуютъ произращенію. Напротивъ, сѣроватый черноземъ, достаточно удобренный, даетъ хорошіе урожаи всѣхъ хлѣбовъ южной, средней и сѣверной полосъ Россіи (*), начиная отъ пшеницы и проса, до ржи, ячменя, овса, гречи, гороха, льна и конопли, и всѣхъ кормовыхъ травъ, и, удобренный ему пригодными туками, хлѣбороденъ на довольно-долгое время (на 8 и 9 лѣтъ). На этомъ сѣроватомъ черноземѣ, только чрезмѣрно большое количество перегноя можетъ вредить посѣвамъ.

Почва болховскаго помѣстья, конечно, не даетъ такихъ огромныхъ урожаевъ, какъ черноземы степныхъ губерній въ благопріятные и дождливые годы, но за то она и не подвергаетъ совершенной гибели ввѣренныхъ ей сѣменъ, а потому болховскій хозяинъ и осмѣливается отдать преимущество своей глинистой землѣ (**), а не черноземной степной почвѣ, содержащей въ себѣ кислоты, ибо первая постоянно-урожайнѣе и надежнѣе второй. Средняя полоса Россіи, по нашему мнѣнію—настоящее мѣсто земледѣльческихъ успѣховъ и улучшеній. Здѣсь родное земледѣліе наше, при помощи скотоводства, подвигается быстро впередъ и приноситъ уже достаточное вознагражденіе занимающимся имъ съ знаніемъ дѣла; отсюда и та, здѣсь часто встрѣчаемая, неимовѣрная разница въ урожаяхъ (а, слѣдовательно, и доходахъ) между двумя сосѣдственными помѣстьями, имѣвшими нѣкогда совершенно одинаковую почву. Здѣсь трудъ, знаніе и дѣятельность хозяина значатъ почти все, а состояніе атмосферы не имѣетъ и въ половину того вліянія на произрастенія, какое оно имѣетъ на степныхъ черноземахъ, гдѣ земледѣлецъ съ лучшими познаніями и доброю волею совершенно-безсиленъ отвратить гибель своихъ однообразныхъ (по роду хлѣба) посѣвовъ, а въ урожайный годъ не знаетъ куда дѣваться съ своимъ зерномъ, неимѣющимъ никакой цѣны и сбыта. Какъ часто тутъ повторяется простонародная русская пословица: «переродъ хуже недорода»!

Въ средней полосѣ Россіи, чѣмъ далѣе по времени, тѣмъ земли будутъ становиться цѣннѣе; а напротивъ, въ степныхъ безлѣсныхъ

(*) И притомъ зерномъ доброкачественнѣе и полновѣснѣе хлѣбовъ, снимаемыхъ съ чернозема, кромѣ яровой пшеницы.

(**) В. А. Крейзигъ говоритъ: «Глинистая почва въ соединеніи съ крупнымъ «пескомъ и перегноемъ, составляетъ самую плодородную почву» («Основныя Правила Земледѣлія и Скотоводства» стр. 63).

Digitized by Google

и безводныхъ губерніяхъ, привлекавшихъ насъ своими баснословными урожаями, онѣ выпахиваются все болѣе и болѣе и, наконецъ, начинаютъ терять свою цѣнность въ глазахъ дальновидныхъ людей, которымъ извѣстно, что почти нѣтъ средства исправить эту своенравную почву, когда она потеряла природное свое плодородіе.

III. Сѣвооборотъ помѣстья.

Болховское помѣстье, въ раздѣленіи своей пахатной земли, отличается нѣсколько отъ обыкновенныхъ, принятыхъ у насъ такъ-называемыхъ системъ трехпольной и четырехпольной — тѣмъ, что соединяетъ ихъ вмѣстѣ, имѣя и трехклинное и четырехклинное полеводство, слѣдующимъ образомъ распредѣленное: лучшія и ближайшія къ усадьбѣ земли, на которыя сподручно и удобно вывозить удобреніе, раздѣлены на три обыкновенные клина; а дальнія, худшаго качества и покатыя земли, отдѣленныя отъ усадьбы довольно-крутою и длинною горою, разбиты на четыре клина. На эти земли удобреніе обыкновенными средствами помѣстья можетъ вывозиться только въ небольшомъ количествѣ, а потому для нихъ и предпочтенъ четырехклинный порядокъ съ слѣдующимъ сѣвооборотомъ: первый годъ — озимая рожь; второй годъ — яровое, овесъ, греча и кормовой горошекъ на сѣмена; третій и четвертый годы — паръ (*), и предпочтенъ въ томъ предположеніи, что земля, питающая посѣвы собственными своими силами, давъ въ четыре года два хлѣбные урожая, два года отдыхаетъ въ мертвомъ пару.

Если, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ агрономовъ, и допустимъ, что земля, лежащая въ мертвомъ (невоздѣланномъ) пару, отъ пасущагося на ней скота и растущихъ сорныхъ травъ мало пріобрѣтаетъ тучности, то и въ такомъ случаѣ четвертый клинъ весьма-полезенъ тѣмъ, что, по заказѣ луговъ, доставляетъ пищу скоту и даетъ возможность своевременно обработать *весь паръ* (**); въ противномъ случаѣ, этотъ паръ не воздѣлываютъ, а оставляютъ для пастбища скоту, съ которымъ иначе нѣкуда дѣваться.

Въ этомъ четырехклинномъ полеводствѣ нѣтъ мѣста для корнеплодныхъ растеній, по весьма-простой причинѣ: подъ это полевод-

(*) Измѣненіе этого сѣвооборота бываетъ только тогда, когда поступаютъ подъ этотъ паръ низменныя десятины, около рѣкъ находящіяся, и весьма-плодородныя: тогда ихъ на третій годъ засѣваютъ кормовымъ горошкомъ на сѣно, или по яровому клеверомъ.

(**) Почему важна ранняя и своевременная обработка пара, будетъ сказано въ главѣ «О земледѣліи».

Digitized by Google

ство отведены, какъ я сказалъ, земли не-большой-части самыя худшія и тощія, которымъ четырехпольный порядокъ назначенъ въ отдохновеніе, а не съ цѣлью изнурить ихъ еще болѣе тремя жатвами въ каждые четыре года; да эти земли не были бы и въ состояніи принести корнеплодныхъ растеній, требующихъ почвы весьма-тучной. Для трехклиннаго полеводства сѣвооборотъ принятъ обыкновенный: первый годъ — озимая пшеница и рожь; второй годъ — ячмень, овесъ, частью просо, ленъ, и пр.; третій годъ — паръ.

Отгадываю вопросъ: почему вся земля помѣстья не разбита на четыре поля и не введены въ сѣвооборотъ, для кормленія скота, корнеплодныя растенія, по мнѣнію многихъ, весьма-прибыльныя и даже улучшающія почву? — Отвѣчаю: во-первыхъ, мы считаемъ корнеплодныя растенія нестоящими у насъ воздѣлыванія въ большомъ видѣ, даже и для кормленія малоцѣннаго нашего скота (а почему — подробнѣе будетъ объяснено въ главѣ «о картофелѣ»); во-вторыхъ, болховское хозяйство, отнятіемъ участка земли у колосовыхъ хлѣбовъ подъ эти малоцѣнныя растенія, не хочетъ лишить себя полныхъ зерновыхъ урожаевъ, имѣющихъ цѣнность и постоянный сбытъ; и въ-третьихъ, скотъ удобнѣе кормить мукою или зерновымъ хлѣбомъ, уборка и храненіе котораго несравненно легче и проще уборки корнеплодныхъ.

Намъ часто случалось слышать, какъ многіе агрономы, выхваляя корнеплодныя растенія, щедро удѣляютъ имъ часть своей земли и съ большими заботами кормятъ ими скотъ, которому прежде жалѣли и теперь жалѣютъ дать небольшое количество зерна: «это-де товаръ продажный, составляющій нашъ доходъ». Какъ-будто не все равно, въ-отношеніи дохода, что уменьшитъ урожай колосоваго хлѣба, отнявъ у него часть земли въ пользу скота, или прямо отдать ему нѣкоторое количество зерна изъ общаго урожая? Но тутъ дѣло въ томъ, что корнеплодныя растенія въ модѣ, и намъ хочется показать, что у насъ такъ-называемое современное, улучшенное хозяйство, а не старинное, трехпольное. Однакожь это почти трехпольное болховское хозяйство, безъ помощи корнеплодныхъ, приноситъ урожаи удовлетворительные (въ-послѣдствіи будетъ приложена вѣдомость урожаевъ за одиннадцать лѣтъ), и земля его не только не истощится отъ посѣва одними колосовыхъ хлѣбовъ, но, какъ кажется хозяину, годъ-отъ-году, при помощи изряднаго удобренія, дѣлается тучнѣе и плодороднѣе. Владѣлецъ этого помѣстья желалъ бы довести свои поля до состоянія производить ежегодно одни *зерновые хлѣба*, т. е. обратить ихъ въ двупольное полевод-

Digitized by Google

ство безъ пара, самое прибыльное изъ всѣхъ (*). Но это, къ сожалѣнію, по нашему климату и краткости лѣта, почти-невозможно.

При настоящемъ ходѣ дѣлъ и положеніи нашихъ хозяйствъ, у насъ, вмѣстѣ съ трехклиннымъ обыкновеннымъ полеводствомъ, выгодно только четырехпольное хозяйство съ двухлѣтнимъ мертвымъ паромъ, или съ посѣвомъ кормовыхъ растеній. Но послѣднія возможны только тогда, когда почва для нихъ благопріятна, и хозяйство, при дѣятельномъ и знающемъ управителѣ и достаточномъ числѣ рабочихъ рукъ, имѣетъ ощутительный недостатокъ въ фуражѣ. Безъ этихъ четырехъ условій, лучше отказаться вовсе отъ кормовыхъ растеній.

Всѣ семи, восьми и десяти-польныя плодопеременныя полеводства, въ настоящее время, мало для насъ пригодны. Исключеніе въ ихъ пользу можетъ быть сдѣлано только тогда, когда хозяйство имѣетъ въ виду, съ выгодою для себя, завести какое-нибудь фабричное производство изъ сельскихъ продуктовъ, на-примѣръ: выдѣлку свекловичнаго сахара, картофельной патоки, или обработку льняныхъ издѣлій.

Таблицы многопольныхъ плодопеременныхъ сѣвооборотовъ, помѣщаемыя въ агрономическихъ наставленіяхъ (**), не могутъ безусловно примѣняться къ каждому хозяйству и мѣстности, а потому оставимъ ихъ въ покоѣ и скажемъ, что разсудительный хозяинъ, почему-либо желающій перемѣнить систему своего полеводства, долженъ самъ составить пригодный для своего помѣстья сѣвооборотъ.

Болховской хозяинъ вовсе не жалѣетъ о томъ, что не можетъ представить читателямъ, въ числительной выкладкѣ, *степень* настоящей *тучности* и *дѣятельности* каждаго своего пахатнаго поля,— въ выкладкахъ, составленныхъ по законамъ земледѣльческой *статики*, взятой въ тѣсномъ значеніи.

Подробныя выкладки и исчисленія количества тучности, поглощаемой каждымъ родомъ растеній и потомъ возвращаемой почвѣ различными по качеству и количеству туками, всегда будутъ да-

---

(*) Ибо у насъ имѣютъ постоянный сбытъ и цѣнность только одни зерновыя хлѣба; масличныя и корнеплодныя растенія въ этомъ случаѣ состязаться съ ними не могутъ: 1) на поляхъ, безъ сильнаго удобренія, они не удаются; 2) не имѣютъ сбыта и, слѣдовательно, цѣнности; а красильныя и рѣдко удаются и дурно продаются. (Объ этихъ растеніяхъ подробнѣе будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ).

(**) Желающихъ покороче познакомиться съ этими таблицами, отсылаемъ къ Іоанну фон-Шверцу («Руководство къ Практическому Земледѣлію»), подробно о нихъ толкующему.

Digitized by Google

леки отъ математической вѣрности, ибо тукъ одного и того же скота, по многимъ причинамъ, бываетъ неравномѣрно-питателенъ, да и посѣвы на одинаковыхъ почвахъ или повторенные на одной и той же землѣ, даютъ не всегда одинаковые урожаи, но чаще столь различные, что невозможно на такихъ данныхъ основать сколько-нибудь общее вѣрное заключеніе и даже уловить причину видимаго различія. Возьмите, для опыта, два однородныя сѣмечка и посадите ихъ въ горшки, поставленные рядомъ, наполненные однокачественною землей и одновременно поливайте ихъ — и тутъ выйдутъ изъ сѣмечекъ растенія не одинаково-сильныя. Что жь могутъ представить опыты, дѣлаемые въ этомъ родѣ на большомъ пространствѣ, подъ открытымъ небомъ?

Чтобъ опредѣлить, хоть приблизительно, количество убыли или прибыли плодородія въ данной почвѣ, послѣ извѣстнаго сѣвооборота и удобренія, нужно столько тщательныхъ наблюденій и точныхъ манипуляцій, столько соображенія при выкладкахъ, и, главное, столько драгоцѣннаго времени, что практическому хозяину поневолѣ должно отказаться отъ пособія земледѣльческой статики, пріобщенной къ наукѣ о земледѣліи любознательными Нѣмцами, желающими все приводить въ системы, — статики, не болѣе какъ остроумной и правдоподобной догадки, а не точной, опредѣленной и новой науки, за какую намъ стараются ее выдать (*). А потому предоставимъ заниматься ею, вмѣстѣ съ химическимъ разложеніемъ почвъ, трудолюбивымъ кабинетнымъ агрономамъ. Практическій опытный хозяинъ и безъ помощи цифръ знаетъ (и достаточно для того, чтобъ безошибочно распредѣлиться удобреніемъ и посѣвами), которое изъ его полей болѣе приноситъ зерна, сколько нужно навоза для поддержанія тучности въ томъ или другомъ участкѣ земли, и на сколько времени эти участки способны передавать свой перегной растеніямъ.

(*) Земледѣльческой статикѣ, разсматривающей произведеніе и истощеніе удобренія, положилъ первое основаніе Тэеръ, потомъ нѣсколько усовершенствовалъ ее Фохтъ, и еще болѣе докторъ Глубекъ, впрочемъ, основавшій свои выводы на опытахъ недовольно-часто повторенныхъ и послѣдовательныхъ (чему служитъ доказательствомъ сочиненная имъ статика, напечатанная въ Прагѣ въ 1841 году), чтобъ быть достовѣрными. О статикѣ уже толковали на съѣздѣ германскихъ хозяевъ въ Дрезденѣ въ 1837 году и въ «Maison Rustique du XIX siécle», изданномъ въ 1836 году.

Digitized by Google

V.

КРИТИКА.

ГАЛЬВАНИЗМЪ ВЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ПРИМѢНЕНІИ, *или искусство гальваническимъ путемъ производить типы, покрывать мѣдью жизненные припасы и разныя вещи для сохраненія ихъ; такъ же дѣлать мѣдныя доски для гравированія; изготовлять гравюры; травить посредствомъ гальванизма; золотить, серебрить, платиновать, мѣднить, бронзировать; осаждать цинкъ, бронзу, олово, свинецъ и проч., мокрымъ и гальваническимъ способомъ; освѣщать посредствомъ гальванизма; взрывать скалы тѣмъ же способомъ; составлять электромагнитные телеграфы; электромагнитныя машины и проч.; съ объясненіемъ необходимыхъ предварительныхъ понятій о химіи и физикѣ и съ 89 чертежами въ текстѣ. Для любителей природы и искусства и для техническаго употребленія составилъ изъ опытовъ разныхъ ученыхъ и своихъ собственныхъ* К. О..... *Санктпетербургъ. 1844. Двѣ части.*

ПОЛНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ГАЛЬВАНОПЛАСТИКИ, ГАЛЬВАНИЧЕСКОЙ ПОЗОЛОТЫ И СЕРЕБРЕНІЯ. *Составленное по новѣйшимъ источникамъ. Съ приложеніемъ способа золоченія и серебренія электро-химически, безъ посредства гальванической баттареи.* А. Г. *Санктпетербургъ. 1844.*

DIE GALVANOPLASTIK IN IHRER TECHNISCHEN ANWENDUNG, *von* Ferdinand Werner *Ritter des St. Stanislaus Ordens. Zweite, unveränderte Auflage. Mit dreizehn Kupfertafeln. St. Petersburg. 1844* (**ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА ВЪ ЕЯ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ПРИМѢНЕНІИ.** Фердинанда Вернера, *кавалера ордена св. Станислава. Второе, неизмѣненное, изданіе. Съ тринадцатью гравированными таблицами. Санктпетербургъ. 1844).*

Почти во всѣхъ великихъ открытіяхъ ума человѣческаго, случай играетъ немаловажную ролю. Гальванизмъ тоже дитя случая...

Гальвани, профессоръ Болонскаго-Университета, анатомировалъ лягушку стальными инструментами на стекляномъ блюдѣ. Кто-то, между-тѣмъ,

Digitized by Google

въ это время забавлялся, тутъ же, въ его кабинетѣ, электрической машиною, извлекая изъ нея искры. Гальвани съ удивленіемъ замѣтилъ, что при каждой искрѣ изъ кондуктора, лягушка, совершенно-мертвая, у которой уже кожа была снята и внутренности вынуты, приходила въ сильныя судорожныя сотрясенія.

Ныньче, это явленіе очень-хорошо извѣстно, и его объясняютъ тѣмъ, что положительнымъ электричествомъ кондуктора разлагается естественное электричество во всѣхъ предметахъ, которыми онъ окруженъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь въ лягушкѣ происходило совершенно-подобное же разложеніе естественнаго электричества: положительное черезъ стальный скальпель или пинцетъ и руку анатома оттолкнулось въ землю; а отрицательное, напротивъ, привлеклось въ части ближайшія къ кондуктору; но въ то именно мгновеніе, когда изъ кондуктора отдѣлилась искра, когда онъ, слѣдственно, утратилъ запасъ своего собственнаго электричества, исчезло также и въ лягушкѣ электричество отрицательное; это внезапное исчезновеніе и произвело въ ней судорожныя содроганія. Еслибъ Гальвани зналъ подобное объясненіе, которое теперь приводятъ въ каждомъ начальномъ курсѣ физики, вѣроятно, онъ удовольствовался бы имъ, и мы, можетъ-быть, до-сихъ-поръ не знали бы одного изъ самыхъ важныхъ и самыхъ дѣятельныхъ процессовъ въ природѣ. Къ счастію для науки и для человѣчества, Гальвани, не предполагая такого простаго, легкаго объясненія замѣченнаго имъ явленія, продолжалъ дѣлать опыты надъ своею лягушкою. У него родилась мысль испытать вліяніе на нее атмосфернаго электричества; онъ вынесъ ее на балконъ и положилъ на перила.

Когда мѣдная проволока, продѣтая евозь хребетный столбъ лягушки, пришла случайно въ соприкосновеніе съ перилами, тотчасъ повторились судорожныя содроганія лягушки и повторялись каждый разъ, какъ-скоро разнородные металлы—мѣдная проволока и желѣзныя перила—соприкасались между-собою. Открытіе было сдѣлано; но самъ творецъ —Гальвани, какъ кажется, совершенно не сознавалъ его; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ, что онъ приписалъ всѣ замѣченныя имъ явленія жизненной силѣ нервовъ и отвергъ здѣсь всякое участіе электричества. Другой соотечественникъ его, знаменитый Вольта, воспользовался этими случайными, но неменѣе-важными наблюденіями и объяснилъ ихъ настоящее значеніе; онъ доказалъ, что главную роль, напротивъ, играетъ здѣсь въ обоихъ случаяхъ электричество. Мы видѣли уже, откуда являлась эта сила въ первомъ случаѣ, когда Гальвани анатомировалъ свою лягушку; во второмъ случаѣ въ лягушкѣ она возбуждалась, какъ утверждалъ Вольта, отъ прикосновенія двухъ разнородныхъ металловъ. Рядъ точныхъ, положительныхъ опытовъ съ различными металлами оправдалъ совершенно-гипотетическое заключеніе Вольты. Такимъ образомъ, онъ открылъ новый родъ электричества, которое назвалъ *гальванизмомъ*, скорѣе въ укоръ, чѣмъ въ честь болонскому анатому. Почти въ то же время Вольта устроилъ и первый приборъ—вольтовъ столбъ — гальваническій столбъ, гдѣ получалось это металлическое электричество, гальванизмъ безъ всякаго содѣйствія лягушки, съ помощью одного только соприкосновенія разнородныхъ металловъ.

Въ 1801 году, Вольта отправился въ Парижъ и представилъ тамъ свой новый приборъ Французскому-Институту, который соединялъ въ себѣ въ то время всѣ академіи. Членъ этого ученаго общества, тогдашній первый консулъ, Бонапарте, обратилъ особенное вниманіе на открытіе Вольты, велѣлъ выбить въ честь его золотую медаль и назначилъ 60,000 франковъ награды тому, кто, съ помощью вольтова столба, принесетъ наукѣ болѣе пользы. «Цѣль моя» писалъ Бонапарте въ письмѣ къ Институту: «устремить ученыхъ на эту новую отрасль физики, которая, по мо-

Digitized by Google

ему разумѣнію, пролагаетъ путь къ великимъ открытіямъ». Эту премію получилъ въ послѣдствіи сэръ Гомфри Дэви.

Вотъ исторія первоначальнаго открытія гальванизма. Мы съ намѣреніемъ привели ее здѣсь, потому-что она почти во всѣхъ курсахъ разсказывается различно; но мы заимствовали ее изъ самаго вѣрнаго источника, на который, кажется, можно положиться — именно изъ записокъ Флорентинской Академіи, гдѣ были помѣщены первыя извѣстія объ открытіяхъ Вольты и Гальвани.

Въ наше время, оправдались надежды Наполеона. Гальванизмъ, вѣроятно, между всѣми силами природы, разъигрываетъ теперь самую дѣятельную ролю. Дѣйствительно, мы можемъ смѣло сказать, что въ природѣ, во всѣхъ трехъ царствахъ ея, не происходитъ безъ его содѣйствія ни одного процесса. Мы могли бы здѣсь привести множество примѣровъ въ доказательство нашего положенія, которое въ глазахъ многихъ, вѣроятно, покажется слишкомъ-смѣлымъ. Но это рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Для невѣрующихъ прійдется писать цѣлые томы, а не журнальныя статьи.

Наше дѣло — техническое приложеніе гальванической силы, которая и въ этомъ отношеніи тоже видимо опережаетъ всѣхъ извѣстныхъ дѣятелей. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, достаточно взглянуть на заглавіе перваго изъ разбираемыхъ нами сочиненій: какъ оно ни многословно, но и въ немъ еще перечислены не всѣ практическія примѣненія гальванизма. Положимъ, что многія изъ нихъ далеки отъ совершенства, которое сулятъ имъ первые изобрѣтатели; многіе даже трудно, — «чтобъ не сказать совершенно» — невыполнимы. Но дорога разъ указана, первый шагъ сдѣланъ; остается продолжать только начатое.

Мы, разумѣется, разсмотримъ здѣсь только тѣ приложенія гальванизма, которыя, благодаря постояннымъ улучшеніямъ, уже перешли за границу одной возможности и теперь выполняются даже въ значительныхъ размѣрахъ и сдѣлались уже достояніемъ мануфактурной дѣятельности.

Начнемъ съ гальванопластики. Это мастерство стоитъ теперь въ главѣ всѣхъ практическихъ примѣненій гальванизма. Гальванопластика есть искусство воспроизводить, выливать гальваническимъ путемъ металлическіе — мѣдные отпечатки или оттиски съ различныхъ выпуклыхъ и вогнутыхъ предметовъ. Г. Якоби, академикъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ — настоящій изобрѣтатель гальванопластики. Обыкновенно, на всякое полезное открытіе является множество претендентовъ, изъ которыхъ одни рѣшительно оспориваютъ его въ свою пользу; другіе, напротивъ, стараются только унизить цѣну этого открытія, выставляя его вещью давно извѣстною. Вотъ почему мы досихъ-поръ не знаемъ творцовъ многихъ истинно-полезныхъ изобрѣтеній. Германія и Голландія до-сихъ-поръ еще спорятъ за книгопечатаніе. Г. Якоби встрѣтилъ претендентовъ того и другаго рода. Англичанинъ Спенсеръ и Французъ Бокильйонъ прямо оспориваютъ у него изобрѣтеніе въ свою пользу. Мы не будемъ здѣсь входить ни въ какіе споры за первенство г. Якоби. Мы сказали, что онъ настоящій изобрѣтатель гальванопластики; это фактъ теперь несомнѣнный. Извѣстія объ открытіяхъ Спенсера и Бокильйона получены были у насъ въ Петербургѣ гораздо-послѣ того, какъ было обнародовано изобрѣтеніе г. Якоби. Что касается до соперниковъ втораго разряда, каковы: Риттеръ, Сильвестръ де-Саси, Кастнеръ, Бухгольцъ, Вахъ и другіе, они ходили только около гальванопластики, но ни одинъ изъ нихъ не попалъ на настоящую стезю: поэтому они и не могутъ имѣть никакого права на первенство; да, они кажется, никогда и не думали объявлять своихъ претензій; ихъ выдвинули другіе *доброжелатели*, которыхъ является обыкновенно множество, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ унизить чью-нибудь заслугу.

Digitized by Google

Кастнеръ во второмъ изданіи «Основаній Опытной Физики», вышедшей въ Гейдельбергѣ, въ 1821 году, говоритъ въ первомъ примѣчаніи къ сто-семнадцатому параграфу: «если положить серебряную монету въ кисловатый мѣдный растворъ и коснуться до нея цинковою пластинкою, она покроется вскорѣ со всѣхъ сторонъ мѣдью».

Опыты г. Ваха, помѣщенные въ «Журналѣ Химіи и Физики», который издавалъ прежде Швейгеръ (Jahrbuch der Chemie und Physik von Schweiger Band XXVIII), еще болѣе приближаются къ гальванопластикѣ. «Вахъ бралъ «два стеклянные цилиндра, изъ которыхъ одинъ, болѣе-широкій, снабженъ былъ стекляннымъ дномъ, а узкій былъ открытъ съ обѣихъ сторонъ. «Одинъ конецъ послѣдняго онъ покрылъ пузыремъ, поставилъ въ него «цинковую пластинку, которую облилъ «окисленною водою и повѣсилъ его въ «широкій цилиндръ, наполненный растворомъ сѣрнокислой мѣди (мѣднаго «или синяго купороса). Съ цинковою «пластинкою соединилъ онъ слабо-по«серебреную проволоку, которую провелъ потомъ въ растворъ сѣрно«кислой мѣди. По прошествіи извѣстнаго времени, проволока эта покрылась мѣдною неровною корою, на поверхности которой образовались бо«родавки, почки, толстые суковатые и «вѣткообразные наросты.»

Вахъ замѣтилъ также образованіе латуни этимъ путемъ, потому-что на проволокѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, образовались кристаллы желтаго цвѣта.

Неоспоримо, что объ основныхъ стихіяхъ гальванопластики уже упоминаемо было въ Германіи прежде г. Якоби; но этотъ ученый первый обратилъ полное вниманіе на осажденіе металловъ посредствомъ гальванизма. Онъ открылъ, что производство это можетъ быть съ пользою примѣнено къ промышлености; это составляетъ собственно его заслугу: онъ перенесъ въ предѣлъ техники, что̀ прежде исключительно принадлежало одной наукѣ, и ввелъ такимъ-образомъ въ жизнь то, что̀ до того времени существовало только въ самомъ простѣйшемъ видѣ въ университетскихъ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ.

Г. Якоби сообщилъ свое производство сначала Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ, которая напечатала и издала его сочиненіе; а Государь Императоръ щедро наградилъ его за открытіе.

Но обратимся собственно къ гальванопластикѣ.

Химическое разложеніе тѣлъ дѣйствіемъ гальванизма—фактъ давно извѣстный въ наукѣ. Вольта первый, еще въ бытность свою въ Парижѣ, успѣлъ разложить воду, посредствомъ своего столба, на ея составныя части — на водородъ и кислородъ; и съ-тѣхъпоръ приборъ этотъ сталъ важнымъ химическимъ агентомъ. Сэръ Гомфри Дэви, получившій наполеоновскую премію, съ помощью вольтова же столба разложилъ щелочи и щелочнистыя земли—кали, натръ, литину, баритъ, стронтитъ, известь, магнезію, глиноземъ—вещества, которыя до него считались простыми тѣлами—стихіями.

Если помѣстить платиновыя проводящія проволоки вольтова столба (мы считаемъ излишне здѣсь описывать этотъ приборъ; вѣроятно, онъ извѣстенъ уже всѣмъ нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что въ «Ученыхъ Извѣстіяхъ», въ Смѣси нашего журнала мы постоянно извѣщали о всѣхъ улучшеніяхъ, въ немъ сдѣланныхъ) въ сосудъ съ водою, разведенною небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты, то вода разлагается электричествомъ; у отрицательнаго полюса освобождается водородный, а у положительнаго кислородный газъ. Принявъ эти два газа въ двѣ наполненныя водою стеклянныя трубки, получимъ водороднаго газа вдвое болѣе, нежели кислороднаго, что̀ и составляетъ дѣйствительно количественную пропорцію воды, при соединеніи этихъ газовъ.

Бросимъ въ эту окисленную воду нѣсколько кристалловъ сѣрнокислой мѣди (синяго купороса): увидимъ, что

Digitized by Google

вода еще разлагается, но получается только одинъ изъ двухъ газовъ, кислородный. Водородный, тотчасъ освободившись, занимаетъ мѣсто мѣди, а мѣдь освобождается или возстановляется и отдѣляется у отрицательной проволоки. Если продолжать этотъ опытъ, то изъ жидкости отдѣлится вся мѣдь и останется одна окисленная вода.

Это начало, открытое Фарадэ (смотри его Experim. Researches series 7, § 664) составляетъ основаніе гальванопластики. Г. Якоби первый только воспользовался имъ надлежащимъ образомъ; онъ подвергъ модели, формы предметовъ, которые хотѣлъ копировать, дѣйствію отрицательнаго полюса въ растворѣ синяго купороса и получилъ съ нихъ мѣдные отпечатки.

Въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ произвесть самымъ простымъ способомъ гальванопластическій оттискъ съ *металлическихъ формъ*, берется мѣдная проволока, согнутая въ видѣ латинской буквы U (обращенной), къ одному концу ея прикрѣпляется цинкъ, завернутый въ картузную бумагу; къ другому, вмѣсто мѣдной пластинки, металлическая форма; въ бумагу наливается нѣсколько соленой воды, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты, и все это ставится въ сосудъ съ насыщеннымъ растворомъ мѣднаго купороса, къ которому прибавляется немного также сѣрной кислоты.

Это устройство, конечно, не совсѣмъ совершенно, но достаточно для предварительнаго опыта. Мѣдь раствора возстановляется на металлической формѣ; по истеченіи нѣсколькихъ минутъ, поверхность формы покрывается блистательною корою чистой металлической мѣди; а спустя тридцать часовъ, или, по обстоятельствамъ, и менѣе, кора эта будетъ столь толста, что можно снять ее, и тогда получится точная мѣдная копія.

Мы указали сейчасъ самый простой способъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ и самый несовершенный: и точно, здѣсь получаются только копіи — гальванопластическіе оттиски съ однихъ металлическихъ предметовъ, которые могутъ быть хорошими проводниками и, слѣдственно, замѣнять мѣдную пластинку вольтовой коры; кромѣ того, самый снарядъ этотъ могъ дѣйствовать только очень-короткое время, потому-что окисленная вода дѣйствуетъ необыкновенно-сильно химически на другіе элементы нашего прибора: именно, окисляетъ и растворяетъ цинковую пластинку и разъѣдаетъ и уничтожаетъ бумагу. Но эти два важные пункта не затруднили ученаго изобрѣтателя гальванопластическаго искусства.

Г. Якоби, еще въ первомъ своемъ сочиненіи, увѣнчаномъ Императорскою Санктпетербургскою Академіею, рѣшилъ задачу. Мы сейчасъ разсмотримъ остроумный способъ, придуманный имъ, чтобы сдѣлать всѣ предметы, всѣ формы—проводниками электричества, и гальванопластическій снарядъ продолжительно дѣйствующій.

Гальванопластическіе оттиски преимущественно отливаются въ формахъ гипсовыхъ, восковыхъ, стеариновыхъ и металлическихъ—свинцовыхъ, оловянныхъ или изъ легкоплавкаго металла Розе, который есть соединеніе 8 частей висмута, 5 частей олова и 3 частей свинца.

Стеаринъ, впрочемъ, рѣдко употребляется отдѣльно, потому-что онъ часто трескается: его обыкновенно смѣшиваютъ съ бѣлымъ воскомъ, который вообще въ гальванопластическихъ работахъ предпочитается желтому, по чистотѣ своей. Стеаринъ также смѣшивается иногда съ гипсомъ. Эта смѣсь идетъ предпочтительно на отливку плоскихъ мало-выпуклыхъ предметовъ. Изъ гипса выливаются формы большихъ размѣровъ.

Въ жидкостяхъ, гипсовая форма сырѣетъ, крошится и уничтожается; по этому предварительно она еще должна быть извѣстнымъ-образомъ подготовлена. Обыкновенно, для этого ее погружаютъ въ растопленный воскъ, смѣшанный съ терпентиномъ; вещества эти пропитываютъ всѣ ея поры и защи-

Digitized by Google

щаютъ отъ разрушительнаго дѣйствія воды. Замѣтимъ одно только, что форма опускается въ топленый воскъ нѣсколько-согрѣтая; иначе, она отъ дѣйствія высокой температуры воска разлетится въ куски, или, по-крайней-мѣрѣ, треснетъ.

Чтобъ сдѣлать формы, составленныя изъ этихъ веществъ, проводниками электричества, необходимо покрыть ихъ какимъ-нибудь металлическимъ порошкомъ,—бронзовымъ, серебрянымъ, на-примѣръ, или лучше еще графитомъ, который относительно электропроводимости нисколько не уступаетъ металламъ.

Графитъ—вещество довольно-обыкновенное: въ продажѣ, оно извѣстно подъ именемъ свинцоваго крандаша, хотя свинца нисколько въ себѣ не содержитъ и состоитъ изъ угля и желѣза; уголь или углеродъ представляетъ въ немъ главный элементъ.

Графитъ употребляется въ гальванопластическихъ работахъ сухой, чистый и истертый въ мелкій порошокъ (очищаютъ его промывкою въ водѣ и соляной кислотѣ); въ этомъ видѣ наносятъ его кистью на поверхность формы и втираютъ, пока она вся не сдѣлается черною и блестящею. Въ-особенности должно тщательно втирать графитъ во всѣ углубленія, и если эта работа произведена съ надлежащимъ тщаніемъ, форма не теряетъ своей рѣзкости.

Гипсовыя формы обыкновенно предварительно намазываютъ терпентиномъ; найдено, что тогда графитъ ложится лучше. Но съ восковыми, стеариновыми и гипсо-стеариновыми, это вспомогательное средство не можетъ быть употреблено, потому-что вещества эти (воскъ и стеаринъ) растворяются въ терпентинѣ.

Когда такимъ образомъ предметы, формы не металлическія дѣлаются электропроводимыми, ихъ уже можно подвергнуть гальванопластическому процессу; только для этого необходимо ихъ снабдить проводниками.

Проводники эти обыкновенно составляютъ или мѣдная проволока, или мѣдная, свинцовая пластинка, или листовый свинецъ.

Мѣдная проволока и листовый свинецъ употребляются для формъ малаго размѣра; они навиваются туго кругомъ формы и покрываются воскомъ, смѣшаннымъ съ терпентиномъ, для того, чтобъ не приставъ къ ней осаждающійся металлъ—мѣдный гальванопластическій оттискъ, который въ такомъ случаѣ часто даже нѣтъ возможности отдѣлить отъ формы.

Когда хотятъ вдругъ разомъ осадить мѣдь на нѣсколько маленькихъ плоскихъ формъ — медалей, на-примѣръ, то укладываютъ ихъ на мѣдную или свинцовую пластинку и пустые промежутки между ними наполняютъ смѣсью воска съ терпентиномъ и гипсомъ и натираютъ графитомъ, чтобъ придать и этой части также электропроводимость. Къ задней сторонѣ доски прикрѣпляютъ двумя винтиками мѣдную или свинцовую полоску; съ помощью ея уже форма прикрѣпляется къ гальванопластическому снаряду.

Къ формамъ большихъ размѣровъ необходимо бываетъ прикрѣпить нѣсколько проводниковъ; для барельефовъ, однакоже, употребляется ихъ не болѣе четырехъ.

Чистыя металлическія формы, мы сказали, не требуютъ графитовой подготовки, потому-что онѣ сами-по-себѣ хорошо проводятъ электричество; но ихъ необходимо предварительно вытереть саломъ; иначе гальванопластически-осаждающаяся мѣдь такъ крѣпко къ нимъ пристанетъ, что не будетъ уже никакой возможности отдѣлить этотъ осадокъ отъ формы.

Вотъ и вся подготовка формуемыхъ предметовъ; въ такомъ уже видѣ можно ихъ подвернуть дѣйствію гальванопластическаго снаряда.

Гальвонопластическіе снаряды самые употребительные бываютъ двухъ родовъ: баттарейные, или съ такъ-называемымъ *анодомъ*, и безъ баттарей.

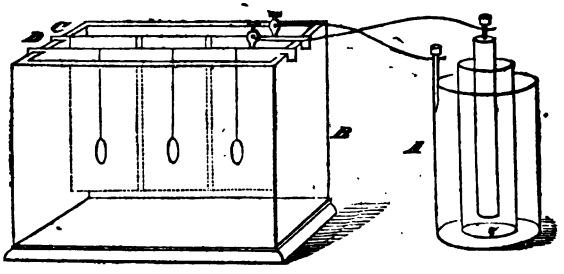
Баттарейный приборъ, лучшій, самый удобный, изобрѣтенъ г-мъ Якоби.

Digitized by Google

Онъ представляетъ двѣ существенныя части—разложительный сосудъ и продолжительную баттарею. Въ первомъ происходитъ гальванопластическая работа; а вторая ведетъ весь процессъ.

Разложительный сосудъ въ батарейномъ приборѣ замѣняетъ банку, стаканъ, ванну, въ которые, какъ мы видѣли, въ самомъ простѣйшемъ гальванопластическомъ снарядѣ погружаются и форма и цинковая пластинка, закутанная въ картузную бумагу; въ него также наливаютъ окисленную воду и насыщенный растворъ синяго мѣднаго купороса и ставятъ форму, формуемый предметъ и противъ мѣдную доску; назначеніе этого новаго элемента—всегда поддерживать купоросный растворъ въ одинаковой степени крѣпости; окисленная вода, или, точнѣе, сѣрная кислота, подмѣшанная къ ней, разъѣдаетъ, растворяетъ мѣдную доску и образуетъ сѣрнокислую мѣдь-купоросъ.

Продолжительная баттарея—вторая часть прибора г. Якоби, составляетъ простая пара Даніэля, которая, вѣроятно, такъ извѣстна нашимъ читателямъ, что ненужно ее описывать; отъ нея проводятся проволоки въ разложительный сосудъ и здѣсь проволока положительнаго полюса, т. е. идущая отъ цинковаго элемента, сообщается съ мѣдною доскою; другая же—проволока отрицательнаго полюса, которая прикрѣплена къ мѣдному цилиндру баттареи, соединяется съ формою.



Фиг. 1.

Вотъ изображеніе снаряда г. Якоби: A простая пара даніэлевой баттареи; самая внутренняя часть въ ней—амальгамированная, то-есть натертая ртутью, цинковая плитка; она погружена въ скважистый цилиндръ изъ жженой фарфоровой глины, наполненный окисленною водою (смѣсь 10 долей воды и 1 доли сѣрной кислоты), который вставляется въ свою очередь въ мѣдный цилиндръ съ насыщеннымъ растворомъ мѣднаго купороса. *B*—разложительный сосудъ: *C* — мѣдная доска, *D*—формы.

Употребленіе разложительнаго сосуда доставляетъ ту выгоду, что можно въ одно время дѣлать нѣсколько копій безъ значительнѣйшаго потребленія металловъ въ баттареѣ, нежели сколько нужно для одной.

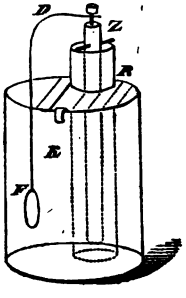
На этотъ конецъ, такой сосудъ раздѣляютъ поперечными перегородками на нѣсколько отдѣленій, обыкновенно на шесть; это число найдено изъ опытовъ самымъ выгоднымъ. Отдѣленія эти соединяются между собою проволоками, у одного конца которыхъ прикрѣплена форма, а у другаго мѣдная доска.

Мы говорили до-сихъ-поръ преимущественно о даніэлевской баттареѣ; но вмѣсто ея можно также употреблять для приведенія въ дѣйствіе баттарейнаго снаряда и другіе гальваническіе приборы, на-примѣръ баттареи Сми, Сореля, Грове, Де-ла-Рива, Бунзена,

Digitized by Google

Шенбейна, Силлимана и другихъ. Мы уже имѣли нѣсколько разъ случай говорить въ «Ученыхъ Извѣстіяхъ» объ этихъ остроумныхъ приборахъ, и здѣсь не будемъ ихъ снова описывать, ни говорить даже о способахъ соединенія ихъ съ разложительнымъ сосудомъ, тѣмъ болѣе, что баттарейный снарядъ—самый неудобный для практики, хотя г. авторъ сочиненія «Гальванизма въ техническомъ примѣненіи» отдаетъ ему рѣшительное преимущество передъ всѣми другими гальванопластическими снарядами. Во-первыхъ, съ нимъ очень-трудно возиться: надобно соблюдать необыкновенную чистоту, а во-вторыхъ, мѣдный осадокъ, получаемый здѣсь, очень-ломокъ и хрупокъ.

Второй снарядъ безъ баттарей гораздо-удобнѣе, и потому онъ теперь входитъ во всеобщее употребленіе; онъ—живое подобіе гальванопластическаго прибора, который мы назвали самымъ простѣйшимъ. Только картузная бумага, покрывающая цинкъ, замѣнена здѣсь скважистымъ цилиндромъ изъ жженой фарфоровой глины.



Фиг. 2.

Вотъ *около* изображеніе его Z — плитка изъ амальгамированнаго цинка, F — форма, D — соединительная проволока, K—купоросный растворъ, R—скважистый глиняный цилиндръ, въ которомъ находится слабо окисленная вода.

Мы сказали, что эта фигура изображаетъ только «около» безбаттарейный снарядъ; обыкновенно механики, чтобъ сдѣлать его удобнѣе, нѣсколько измѣняютъ его основное простое устройство. Такимъ образомъ, они придѣлываютъ къ стекляннному сосуду K, въ которомъ находится купоросный растворъ, мѣдное кольцо; къ нему уже прикрѣпляются и формы и цинковая плитка, а не соединяются между собою непосредственно, какъ это показано на приведенномъ нами изображеніи. Это по-видимому ничтожное прибавленіе даетъ возможность такъ же и съ помощью этого снаряда, какъ и съ баттарейнымъ, получать разомъ нѣсколько гальванопластическихъ оттисковъ. Мѣдное кольцо можно все увѣсить кругомъ формами.

Такимъ-образомъ, безбаттарейный снарядъ соединяетъ въ себѣ всѣ удобства баттарейнаго, и кромѣ того даетъ металлическій осадокъ твердый, гибкій, а что съ этимъ снарядомъ удобнѣе возиться, чѣмъ съ баттарейнымъ, это можно видѣть уже изъ того, что здѣсь исключенъ анодъ — мѣдная доска, совершенно-лишній, ненужный элементъ.

Формы соединяются обыкновенно съ снарядомъ (съ какими частями, было уже сказано), посредствомъ тѣхъ проводниковъ — мѣдныхъ, свинцовыхъ, о которыхъ мы говорили выше. Многіе гальванопластики совѣтуютъ, чтобъ лучше металлъ осаждался на графитъ — проводникъ соединительный, идущій отъ формы къ снаряду, обернуть одною или нѣсколькими проволоками, которыхъ оконечности налагаются на разныя части формы, и особенно въ значительныхъ углубленіяхъ; это, говорятъ, ускоряетъ осажденіе мѣди на всѣ части.

Возстановленіе мѣди на графитированной поверхности происходитъ не мгновенно: она осѣдаетъ сначала маленькой точкой, и распространяется постепенно отсюда по всей поверхности формы, въ видѣ тонкаго, свѣтлаго, блестящаго слоя.

Мѣдныя гальванопластическія отливки обыкновенно выходятъ свѣтлаго мѣднаго цвѣта; иногда, онѣ имѣютъ

Digitized by Google

даже сребристый блескъ; но это бываетъ только при новыхъ формахъ. Ихъ можно полировать щеткою или кожею, и оставлять такимъ образомъ въ первоначальномъ видѣ красно-мѣднаго цвѣта или бронзировать, или наконецъ покрывать еще другими металлами. Далѣе мы разсмотримъ отдѣльно всѣ эти процессы, которые составляютъ такъ-называемую электротипію.

Всегда ли удается процессъ гальванопластическій? Трудно отвѣчать на такой вопросъ. Удача, разумѣется, зависитъ отъ искусства практика, но часто, когда всѣ условія процесса, повидимому, соблюдены съ надлежащею точностью, не получается удовлетворительныхъ результатовъ. Иногда токъ вдругъ ослабѣетъ, вдругъ усилится и совершенно отъ неизвѣстныхъ причинъ, въ которыхъ подъ-часъ совершенно не бываетъ виноватъ самъ практикъ; а эти неровности въ дѣйствіи электрической струи, электрическаго тока—влекутъ за собою значительное разстройство въ цѣломъ процессѣ. Многія неудачи ожидаютъ начинающихъ, и тутъ главныя условія—терпѣніе и наблюдательность; съ этими двумя качествами смѣло можно надѣяться достигнуть вскорѣ хорошихъ результатовъ. Надобно непремѣнно изслѣдовать причины каждаго неудачнаго результата; и собственный опытъ, повѣрьте, научитъ лучше всѣхъ печатныхъ наставленій, которыя часто мелочными своими подробностями еще могутъ сбить съ толку начинающаго. Трудно доходить самому до всего; но гальванопластика еще искусство только начинающееся; многое въ ней не рѣшено, и практику часто еще приходится самому перетворять методу. У насъ, въ Петербургѣ, первоначально всѣ съ жадностью бросились на гальванопластическіе опыты; а теперь много ли осталось охотниковъ? Впрочемъ, на все есть мода.

Перейдемъ теперь къ электротипіи; начнемъ съ золоченія.

Исторія этого изобрѣтенія точно такъ же, какъ и гальванопластики, досихъ-поръ еще спорный пунктъ. Въ 1803 году уже Бруньятелли золотилъ посредствомъ гальваническаго столба. Вотъ что этотъ ученый самъ пишетъ о своихъ опытахъ въ итальянскомъ журналѣ «Annali di Chimica».

«Я недавно отлично вызолотилъ двѣ большія серебряныя медали, погрузивъ ихъ въ насыщенный растворъ нашатырнаго золота и сообщивъ ихъ посредствомъ стальной проволоки съ отрицательнымъ полюсомъ вольтова столба.»

Бруньятелли, слѣдственно, первый изобрѣтатель гальваническаго золоченія, которое, какъ мы сказали, тоже составляетъ часть электротипіи; но въ то время это полезное открытіе не обратило на себя особеннаго вниманія и предано было совершенному забвенію; никто не думалъ сдѣлать изъ него практическаго примѣненія—замѣнить имъ трудное золоченіе черезъ огонь.

Въ наше время, возобновлено открытіе Бруньятелли, хотя и подъ именемъ новаго изобрѣтенія и де-ла-Ривъ и Элькингтонъ оспориваютъ теперь другъ-у-друга право на первенство. Какъ бы то ни было, если ученые эти знали объ опытахъ Бруньятелли, не мало имъ чести дѣлаетъ и то, что они умѣли оцѣнить первую попытку и сдѣлать ее практически-удобоисполнимою. Де-ла-Ривъ обнародовалъ свое изобрѣтеніе въ 1840 г. Элькингтонъ еще въ 1837 г. получилъ привилегію на новый свой способъ золоченія мокрымъ путемъ: слѣдственно, по времени первенство остается на сторонѣ Элькингтона, хотя де-ла-Ривъ ничего совершенно не зналъ о способѣ своего соперника, потому-что тотъ, получивъ привилегію, содержалъ его втайнѣ.

Первые опыты де-ла-Рива были очень-неудачны: позолота выходила у него тонкая, непріятнаго зеленоватаго цвѣта, потому-что онъ употреблялъ самый постоянный, трудно-разлагающійся растворъ золота въ царской водкѣ; а качество позолоты и наконецъ вся операція золоченія преимуще-

Digitized by Google

ственно зависятъ отъ удоборазлагаемости золотыхъ растворовъ.

Хлористое золото, то-есть растворъ золота въ царской водкѣ, былъ единственный, надъ которымъ работалъ де-ла-Ривъ. Теперь, благодаря соединеннымъ усиліямъ физиковъ и химиковъ, намъ извѣстно достаточное количество золотыхъ составовъ, и задача о возможности гальваническаго или гидро-электрическаго золоченія въ практическомъ отношеніи, кажется, окончательно рѣшена.

Мы разсмотримъ здѣсь самые замѣчательнѣйшіе золотые составы, разумѣется, кромѣ тѣхъ, о которыхъ уже имѣли случай говорить въ «Ученыхъ Извѣстіяхъ», какъ, напр., растворы зубнаго врача Бріана, подполковника Евреинова, князя Багратіона и др.

Элькингтонъ и виконтъ де-Рюò, первые усовершенствователи гидро-электрическаго способа золоченія, представили Парижской Академіи Наукъ шесть золотыхъ составовъ:

1) Растворъ синеродистаго золота въ синеродистомъ кали;

2) Растворъ золота въ желтомъ желѣзисто-синеродистымъ кали;

3) Растворъ золота въ красномъ желѣзисто-синеродномъ кали;

4) Растворъ хлористаго золота въ тѣхъ же синеродистыхъ соединеніяхъ;

5) Растворъ хлористаго золота и поваренной соли въ содѣ (углекисломъ натрѣ);

6) Растворъ сѣрнистаго золота въ среднемъ сѣрнистомъ кали.

Дюмà объявилъ, въ донесеніи своемъ Академіи объ усовершенствованіяхъ де-ла-Рива и Элькингтона, составы подъ № № 4, 5, 6 самыми удобными въ практикѣ, преимущественно же № 6; не знаемъ, отъ чего произошла эта ошибка, только послѣдующіе электротиписты нашли, что хваленый № 6 никуда не годится. Эльснеръ, на котораго, кажется, можно положиться, находитъ, что изъ этихъ шести составовъ легче всего приготовляется и даетъ лучшіе результаты — № 4; поэтому, мы вкратцѣ и опишемъ его приготовленіе.

Золото, разумѣется мелкими кусками, растворяется въ двухъ или трехъ лотахъ царской водки, выпаривается до-суха въ фарфоровой чашкѣ; сухой осадокъ, который есть уже двухлористое золото, опять растворяется въ водѣ при постоянномъ нагрѣваніи и смѣшивается съ растворомъ желѣзисто-синеродистаго кали, и вотъ въ какой пропорціи: на одну часть сухаго двухлористаго золота берется десять частей желтаго желѣзисто-синеродистаго кали, растореннаго во стѣ частяхъ воды.

Или, по вѣсу: четыре съ половиной драхмы двухлористаго золота; двѣнадцать лотовъ желѣзисто-синеродистаго кали и два съ половиной фунта воды.

Пропорцію эту, впрочемъ, можно измѣнять. Такъ Эльснеръ взялъ, вмѣсто двухъ съ половиною фунтовъ воды, пятнадцать, и этотъ слабый, по-видимому, растворъ, далъ ему тоже хорошую позолоту.

Вотъ приготовленіе *лучшаго* изъ французскихъ растворовъ, но который все-таки еще, утверждаетъ Эльснеръ, не далъ ему хорошихъ результатовъ; именно, вещи, вызолоченныя имъ, имѣли темный видъ и иногда даже покрыты были пятнами; да и въ продолженіи самаго процесса растворъ этотъ мутился, отдѣлялъ запахъ синеродистой кислоты, которая, вѣроятно, самый сильный ядъ изъ всѣхъ теперь извѣстныхъ, и осаждалъ вещество зеленовато-синяго цвѣта, замедлявшее весь ходъ операціи. Это все очень-важныя неудобства, и ихъ необходимо было отвратить.

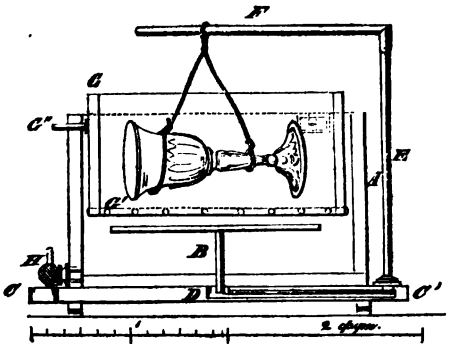
Пятна и темный видъ позолоты, какъ нашелъ Эльснеръ, происходятъ именно отъ этого сине-зеленаго осадка; поэтому, главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобъ уничтожить осадокъ; Эльснеръ предлагаетъ употребить какъ вещество противодѣйствующее содѣ (углекислому натру); онъ прибавляетъ три или четыре лота

Digitized by Google

сухой, кристаллизованной соды въ смѣсь двухлористаго золота и желѣзисто-синеродистаго кали; варитъ жидкость, фильтруетъ и тогда уже пускаетъ въ дѣло. Этотъ улучшенный имъ составъ даетъ уже очень-удовлетворительные результаты.

Теперь перейдемъ ко второй существенной части, именно къ возбужденію гальваническаго столба.

Приборъ, употребляемый для позолачиванія,—совершенное подобіе гальванопластическаго безбаттарейнаго снаряда, изображеннаго нами на фигурѣ 2-й; онъ представляетъ тѣ же самыя части, только части эти устроены иначе. Приборъ этотъ изображенъ въ предложенномъ чертежѣ



Фиг. 3.

Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: A есть дубовый, хорошо-высмоленный ящикъ. Въ основаніи его, укрѣпленъ мѣдный столбикъ B. Нижній конецъ столбика, длиною въ 1 дюймъ, находится внѣ ящика, верхній, длиною отъ 1 до 2 дюймовъ, возвышается внутри его. Къ столбику этому прикрѣпляется рѣшетка изъ мѣдныхъ проволокъ, на которой, во время операціи золоченія кладется цинковая плитка CC'—толстая доска; на нее ставится ящикъ A. Въ серединѣ этой доски находится углубленіе, которое посредствомъ канала D соединяется съ другимъ углубленіемъ, находящимся въ концѣ доски при c'.

Въ первомъ углубленіи вставляется нижній конецъ столбика B, во второмъ укрѣпляется мѣдный столбикъ E перпендикулярно къ доскѣ, къ верху котораго придѣлывается подвижная горизонтальная ручка *F* также изъ мѣди. Къ ней привязывается, посредствомъ платинной или мѣдной вызолоченной проволоки, позолачиваемый предметъ.

Чрезъ каналъ D, который во время операціи наполняется ртутью для возстановленія внутренняго сообщенія между столбиками B и E, проходитъ толстая мѣдная проволока.

G — дубовый высмоленный ящикъ, куда наливается золотой растворъ; дно его составляетъ бычій пузырь или пергаментъ, который прибивается къ краямъ деревянными гвоздиками.

При позолачиваніи, приборъ этотъ устанавливается, какъ показано на чертежѣ; каналъ Д наполняется ртутью; въ большой ящикъ наливается насыщенный растворъ поваренной соли, а въ малый — золотильный составъ. Предметъ позолачиваемый, который надобно предварительно вычистить, привязывается платиновою проволокою къ

Digitized by Google

горизонтальной ручкѣ, и все готово; въ приборѣ образуется электрическій токъ и по прошествіи одной, много двухъ минутъ, нѣжная золотая оболочка покроетъ поверхность предмета.

Выполоскавъ въ чистой дождевой водѣ (но отнюдь не въ холодной), надобно этотъ тонкій золотой слой тщательно вычистить щеточкою, порошкомъ виннаго камня, разведеннымъ съ водою; опять выполоскать и погрузить въ позолачивающую жидкость.

Это дѣйствіе (и каждыя двѣ минуты) повторяется до-тѣхъ-поръ, пока позолота не достигнетъ желаемаго совершенства. Тогда предметъ позолачиваемый вынимаютъ изъ раствора, вытираютъ тонкой тряпочкой или древесными опилками, и весь процессъ конченъ. Цвѣтъ предмета, позолоченнаго такимъ-образомъ, такъ хорошъ, что нѣтъ болѣе нужды окрашивать и полировать его; а позолота такъ прочна, что выдерживаетъ самую сильную полировку, которая бываетъ также необходима, когда мы оперируемъ надъ матовыми издѣліями, — тогда, слѣдственно, получается матовая позолота.

Если надо бываетъ позолотить нѣсколько небольшихъ предметовъ, то они кладутся на мѣдную проволочную рѣшетку, которую прикрѣпляютъ къ горизонтальной ручкѣ прибора, и поступаютъ, какъ сказано выше.

Кромѣ упомянутой золотящей жидкости, можно брать и другія, которыхъ, мы сказали, извѣстно теперь уже достаточное количество; наиболѣе-употребительныя между ними—тѣ, въ которыя входятъ синеродистыя соединенія кали и золота; всѣ они приготовляются какъ золотильный растворъ, сейчасъ нами разсмотрѣнный, съ небольшими только измѣненіями; теперь каждый практикъ перемѣняетъ по своему произволу первоначальные способы приготовленія золотильныхъ растворовъ, изъ желанія улучшить, упростить весь процессъ гальваническаго золоченія, и подробное разсмотрѣніе этихъ болѣе-или-менѣе удачныхъ измѣненій рѣшительно ни къ чему не ведетъ; по-этому, мы здѣсь и пропускаемъ ихъ.

Многіе употребляютъ также для гальваническаго золоченія и, какъ увѣряютъ, съ полнымъ успѣхомъ, золотильныя жидкости совершенно-другаго состава, какъ, напримѣръ, растворы золотой окиси, или, лучше, гремучаго золота въ сѣрновато-кисломъ кали или натрѣ, изобрѣтенные Сименсомъ. Приготовленіе ихъ очень-просто: золотое соединеніе прямо растворяется въ сѣрновато-кисломъ щелокѣ и только; жидкость готова и прямо можетъ быть употреблена въ дѣло безъ всякихъ дальнѣйшихъ переработокъ. Эти жидкости особенно употребляются въ такъ-называемомъ *магнитическомъ золоченіи* (Мы послѣ займемся этимъ интереснымъ способомъ); по-этому, намъ и показалось необходимымъ описать и приготовленіе ихъ.

Эльснеръ въ своемъ способѣ гальваническаго золоченія, который мы сейчасъ разсмотрѣли, употребляетъ, какъ мы видѣли, особенный аппаратъ для возбужденія электрическаго тока; но есть много другихъ средствъ, которыя могутъ быть тоже употреблены для достиженія той же цѣли. Можно токъ возбудить съ помощью баттареи, съ помощью электро-магнитной круговращательной машины. Мы разсмотримъ здѣсь въ короткихъ словахъ эти два способа.

Во Франціи, первоначальные изобрѣтатели гальваническаго золоченія, для возбужденія дѣйствія электрическаго тока, употребляли обыкновенный вольтовъ столбъ, состоящій изъ шести паръ плитокъ. Такою же баттареею пользовался и Элькингтонъ. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что гораздо-выгоднѣе дѣйствовать съ постоянною баттареею, и самая употребительная—простая баттарея Даніэля; обыкновенно ее составляютъ изъ четырехъ большихъ банокъ, или изъ восьми малыхъ.

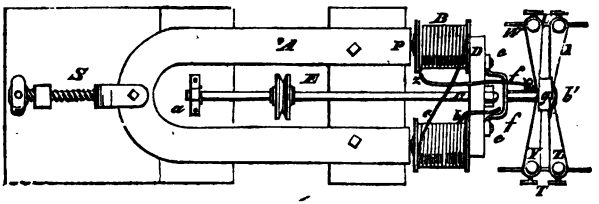
Для золоченія, проволоки баттареи соединяются; золотой растворъ вливается въ фарфоровый или стеклянный сосудъ, куда также погружается и по-

Digitized by Google

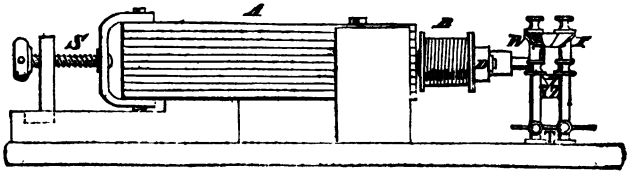
золачиваемый предметъ; потомъ прижимаютъ крѣпко къ нему мѣдную проволоку, идущую отъ цинковаго полюса баттареи, а проволоку, идущую отъ мѣднаго полюса баттареи, и къ концу которой придѣлана платинная проволока, погружаютъ въ жидкость, не касаясь золотимаго предмета.

И. С. Вульричъ, въ Бирмингэмѣ, употребляетъ, вмѣсто гальванической баттареи, электро-магнитную машину; съ помощью ея, онъ золотитъ, серебритъ и покрываетъ мѣдью различные предметы.

Въ новѣйшей физикѣ доказано многими опытами, что посредствомъ магнетизма можно произвесть электрическія явленія; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что способъ Вульрича можетъ быть употребляемъ въ практикѣ. Не думаемъ, однакожь, чтобъ приборъ этотъ, по своей сложности, могъ замѣнить собою гальваническія баттареи, — приборъ, изобрѣтенный Эльснеромъ, и другіе способы, замѣчательные своею простотою; но, не смотря на это однакоже, *магнетическое*, или, точнѣе, электро-магнетическое золоченіе имѣетъ также предъ гальваническимъ значительныя преимущества: во-первыхъ, снарядъ электро-магнитный можетъ служить въ продолженіе почти-неограниченнаго времени, потому-что, при дѣятельности его, ни одна изъ его частей не истребляется, развѣ отъ тренія; слѣдственно, части эти весьма-долго не требуютъ возобновленія; во-вторыхъ, онъ дѣйствуетъ съ величайшею вѣрностью и правильностью, а въ этомъ отношеніи гальваническая баттарея имѣетъ большіе недостатки; наконецъ, въ-третьихъ, снарядъ этотъ можетъ быть употребленъ съ одинаковымъ удобствомъ, безъ всякихъ измѣненій для золоченія предметовъ всякихъ размѣровъ; съ помощью его, столь же легко вызолотить огромный канделабръ, какъ и булавочную головку. Въ этомъ отношеніи, магнетическое золоченіе беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми изложенными способами, потому-что тамъ величина самыхъ приборовъ зависитъ исключительно отъ размѣра позолачиваемыхъ предметовъ.

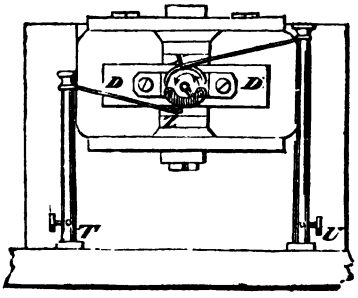


Фиг. 4.



Фиг. 5.

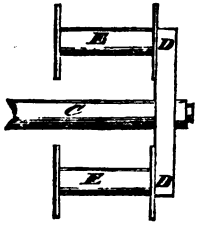
Digitized by Google



Фиг. 6.

Вотъ три изображенія, изъ которыхъ одно представляетъ видъ снаряда сверху, другое — видъ его съ боку, третье — видъ съ одного конца.

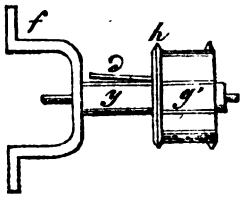
Снарядъ этотъ состоитъ изъ сложнаго подковообразнаго магнита *A* (фиг. 4 и 5), лежащаго горизонтально на деревянной плоскости или столѣ. *D* – арматура, которая прикрѣпляется къ шпилю *C* (фиг. 4); шпиль этотъ вертится въ гнѣздахъ *a a*; на него насаживаютъ колесо *E*; оно приводитъ его въ вращательное движеніе вмѣстѣ съ арматурою, которая обращается такимъ образомъ передъ полюсами *P* магнита *A*.



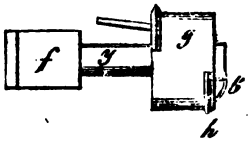
Фиг. 7.

На фиг. 7-й, представлена отдѣльно арматура, которая обыкновенно приготовляется изъ полосы мягкаго желѣза; концы ея, *EE*, обвиваются спирально въ пятьдесятъ рядовъ мѣдною проволокою, покрытою шелкомъ.

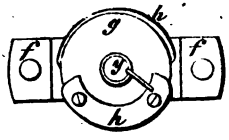
Къ арматурѣ *D* прикрѣпляется, посредствомъ двухъ винтовъ, *e e*, такъ-называемый распредѣлитель (divider), изображенный въ фигурахъ 8, 9 и 10,



Фиг. 8.



Фиг. 9.



Фиг. 10.

въ настоящую свою величину, съ различныхъ только сторонъ. Этотъ распредѣлитель состоитъ изъ трубы *y* желтой мѣди, къ одному концу которой припаяна изогнутая въ видѣ подковы полоса *f*, также изъ желтой мѣди, служащая для прикрѣпленія всей части снаряда къ арматурѣ, какъ видно на фигурѣ 5-й. Къ другому концу трубы прикрѣпляется деревянный цилиндръ *g*, покрытый полукруглыми пластинками *h*, *h*; одна изъ нихъ, именно та, которая находится ближе къ арматурѣ, приводится въ соединеніе съ однимъ концемъ *d* навитой проволоки; другой конецъ *b* этой же проволоки соединяется также съ другой пластинкою.

Digitized by Google

Четыре пружины, *W*, *X*, *Y*, Z (фиг. 4 и 5), утверждаются посредствомъ винтовъ на четырехъ столбикахъ изъ желтой мѣди, вставленныхъ въ деревянную подставку, на которой лежитъ магнитъ. При основаніи, у каждаго столбика провертываются диры, сквозь которыя просовываются мѣдныя проволоки, діаметромъ въ $\frac{1}{10}$ дюйма, и прикрѣпляются посредствомъ сжимательнаго винта, какъ это видно у *T* и *U* (фигуры 4, 5 и 6).

Винтъ *S* (Фиг. 1) служитъ къ опредѣленію разстоянія между полюсами *P* магнита и концами арматуры *D*.

Золотильный, серебрильный или мѣдный растворъ, въ глиняномъ сосудѣ, ставится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ проволокъ *T* и *U*; въ него погружается металлизируемая вещь и анодъ, то-есть металлическая доска изъ того же металла, который входитъ и въ составъ раствора.

Для золоченія, магнетическій снарядъ располагаютъ, какъ показано въ фигурахъ 4, 5 и 6. Проволока *T* приводится въ соприкосновеніе съ металлизируемою вещью, а проволока *U* соединяется съ металлическимъ анодомъ; колесу *E*, посредствомъ бичовки, сообщаютъ вращательное движеніе, которое передается шпилю, арматурѣ, спиралямъ обвитой проволоки и распредѣлителю; въ-продолженіе именно этого круговорота, отъ попеременнаго дѣйствія разнородныхъ полюсовъ магнита, въ спиральной проволокѣ возбуждается электрическій токъ, который, стекая по столбикамъ черезъ проволоки *T* и *U*, дѣйствуетъ на металлическій растворъ и разлагаетъ его, возстановляетъ чистый металлъ точно такъ же, какъ и токъ, развиваемый обыкновенною баттареею.

Толщина металлическаго слоя зависитъ отъ времени, въ-теченіе котораго подвергаютъ вещь дѣйствію магнетическаго снаряда и раствора; тонкій слой осаждается въ нѣсколько секундъ; толстый же требуетъ нѣсколько часовъ дѣйствія; разстояніе оконечностей арматуры отъ магнитныхъ полюсовъ, быстрота оборотовъ колеса, сила металлическаго раствора также оказываютъ здѣсь большое вліяніе.

Теперь намъ остается еще поговорить о другихъ процессахъ электротипическихъ, какъ то: серебреніи, платинированіи, луженіи, цинкованіи, и пр. и пр.; но эти процессы далеки еще отъ того практическаго совершенства, до котораго уже достигло золоченіе, и, кромѣ того, мы столько уже разъ говорили о нихъ въ отдѣлѣ «Ученыхъ Извѣстій», что снисходительный читатель, вѣроятно, извинитъ насъ, если мы теперь пропустимъ всѣ эти несовершенные способы. Наша статья и то, при всемъ нашемъ желаніи быть краткими, достаточно растянулась, а намъ остается еще, по непремѣнной обязанности критика, сказать что-нибудь и о книгахъ, которыя подали къ ней поводъ.

Мы уже говорили о первомъ изданіи сочиненія Вернера въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала; настоящее второе изданіе не содержитъ въ себѣ никакихъ измѣненій; по-этому, намъ остается только сказать наше мнѣніе о сочиненіяхъ гг. К. О..... и А. Г.

Нельзя не отдать справедливости трудолюбію и терпѣнію г. К. О...; онъ прочелъ, по-видимому, все, что только было написано о техническомъ примѣненіи гальванизма въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Многое изъ вычитаннаго помѣстилъ и въ своемъ сочиненіи, и это, конечно, немаловажная услуга; но труды такого рода, не смотря на всю свою видимую легкость, требуютъ еще особенаго умѣнья, котораго, скажемъ откровенно, не совсѣмъ достаетъ у г. К. О.....

Наблюдали ли вы когда-нибудь, какъ работаютъ трудолюбивыя пчелы? Онѣ не бросаются безъ разбора на всѣ растенія, — нѣтъ, онѣ садятся на извѣстные только цвѣты и высасываютъ лучшій сокъ изъ одной только избранной части цвѣтка; а потомъ въ какомъ удивительномъ порядкѣ, какъ систематически укладываютъ онѣ въ своихъ ульяхъ воскъ и медъ, которые вырабатываютъ въ своемъ организмѣ!

Digitized by Google

Компиляторъ—та же пчела. Подражайте же пчеламъ, учитесь у нихъ, какъ выбирать одно лучшее между грудами готоваго матеріала, какъ укладывать это лучшее въ системѣ, въ порядкѣ. Строгій выборъ и система — главныя достоинства, непремѣнныя условія хорошей компиляціи,—а ихъ-то и не достаетъ въ сочиненіи г. К. О.....

Гораздо-выше стоитъ, въ этомъ отношеніи, полное изложеніе гальванопластики г. А. Г.; только оно далеко-неполно; многихъ новыхъ важныхъ усовершенствованій не помѣщено здѣсь; описано одно только старое, давно уже извѣстное; но, по-крайней-мѣрѣ, его поблагодарятъ за хорошее, понятное изложеніе хоть тѣ, которые не знаютъ еще этого давно извѣстнаго.

Что же пріобрѣла наша ученая литература отъ этихъ двухъ сочиненій?..

Отвѣчать на это можетъ самъ себѣ каждый читатель.

Digitized by Google

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Іюнь.

233) Литературный Вечеръ. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 344 стр.*

Книга имѣетъ цѣль благотворительную: она посвящена памяти В. В. Пассека и издана въ пользу его семейства.

Какъ литературное произведеніе, этотъ сборникъ не высокаго достоинства. Въ немъ есть нѣсколько нумеровъ, стоящихъ вниманія; но больше имепъ, которыя говорятъ за себя столько, сколько мы не можемъ сказать о нихъ. По обычаю всѣхъ литературныхъ сборниковъ, статьи въ «Литературномъ Вечерѣ» раздѣляются на два разряда: однѣ — прозаическія, другія — стихотворныя. Мы пересмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ расположены въ книгѣ, начавъ съ статей прозаическихъ. Книга открывается небольшою статьею покойнаго Пассека, «Странное Желаніе»: въ ней слышится прекрасная, поэтическая душа и вмѣстѣ какъ-бы предчувствіе скорой смерти. Хотите знать, въ чемъ состояло это «странное» желаніе Пассека? Вотъ оно въ немногихъ словахъ: «Мнѣ «хотѣлось бы въ одно время предаваться роскоши и нѣгѣ въ плѣнительныхъ странахъ міра и любоваться на «самомъ краю сѣвера ночными сіяніями и запустѣніемъ природы, и скитаться въ пустыняхъ, и искать пути «въ дремучихъ лѣсахъ! Хотѣлось бы «въ одно время быть среди всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ, и пережить «вмѣстѣ съ ними всю грусть и всѣ радости ихъ земной жизни.» Во всемъ этомъ много дѣтски-наивнаго, и въ то же время — какой широкій размѣръ души! Изъ «Бесѣды Карамзина, И. И. Дмитріева и великобританскаго агента Пинкертона у московскаго архіепископа Августина» (статья Н. Горчакова) узнаемъ, что г. Пинкертонъ просилъ Карамзина написать настоящую русскую исторію и заняться отыска-

Digitized by Google

ніемъ коренпаго славянскаго языка, и что Ив. Ив. Дмитріевъ сказалъ при этомъ случаѣ Карамзину панегирикъ, который очень его тронулъ. Статья имѣетъ видъ реторическаго упражненія на заданную тэму. — Любопытны «Справки о Началѣ Богадѣлень въ Россіи» (статья И. М. Снегирева), начало которыхъ авторъ возводитъ ко временамъ Владиміра-Святаго. — Но вкладъ самый замѣчательный и наиболѣе-литературный въ этомъ сборникѣ составляетъ «Волшебная Ночь», драматическая фантазія А. Вельтмана. Изъ послѣсловія узнаёмъ, что эта пьеса есть либретто той самой оперы, которую предпринималъ-было писать г. Алябьевъ. Содержаніе «Волшебной Ночи» есть собственно содержаніе «Сна въ Лѣтнюю Ночь» Шекспира, нѣсколько измѣненное г. Вельтманомъ въ частностяхъ, «чтобы» какъ говоритъ авторъ: «придать ей болѣе движенія сце«ническаго». Слѣдственно, мы имѣемъ менѣе, нежели переводъ «Сна въ Лѣтнюю Ночь». Это однако не мѣшало намъ пробѣжать всю «Волшебную Ночь» и — найдти содержаніе ея довольно-скуднымъ для большаго музыкальнаго произведенія, какъ было сначала условлено между авторомъ и композиторомъ. Вообще, намъ кажется, что г. Вельтманъ, увлеченный легкою игрою творческой фантазіи Шекспира, слишкомъ уже пристрастенъ — не къ своей «Волшебной Ночи», конечно, а —къ «Сну въ Лѣтнюю — или, какъ онъ говоритъ—въ Средилѣтнюю Ночь»: по его мнѣнію, эта пьеса «вмѣстѣ съ Га«млетомъ пользуется первенствомъ въ «созданіяхъ Шекспира». Намъ кажется, это значитъ — или не наблюдать никакой мѣры похвалъ, или не отдавать должной чести «Гамлету».—Въ «Выдержкахъ изъ Памятной Книжки» г. Загоскина попадаются мысли довольно-вѣрныя, напр. что «человѣкъ, «не имѣющій никакого таланта, мо«жетъ ошибкою сочинить нѣсколько «хорошихъ *стиховъ*, точно такъ же, «какъ человѣкъ съ величайшимъ (?) да«рованіемъ напишетъ иногда дурные; «и вотъ почему нерѣдко рифмачъ, не«рожденный поэтомъ, пользуется ка«кою-то извѣстностію и даже славою». Мы не знаемъ, почему было автору не распространить свою мысль и на *прозу*, т. е. на прозаическихъ писателей. Для подтвержденія такой мысли онъ также не заискался бы примѣровъ въ нашей литературѣ.— «Малороссійская Свадьба», статья, начатая покойнымъ Пассекомъ и приведенная къ окончанію уже послѣ его смерти, г. Энгельманомъ, есть полная картина всѣхъ малороссійскихъ обычаевъ и обрядовъ при свадьбѣ и вѣнчаніи. — «Письма Англичанина Ж. К. Пойля» о Москвѣ въ 1805 году, по мнѣнію издателя ихъ, г. Макарова, «рисуютъ *отчасти* прошлый бытъ московскій въ лучшихъ кругахъ». Это справедливо отчасти; вообще же, изъ этихъ писемъ ни о чемъ нельзя получить настоящаго понятія. —Послѣднюю прозаическую статью въ «Литературномъ Вечерѣ» составляетъ довольно-забавный разсказъ, подъ названіемъ «Быль не быль, да и не выдумка». Не смотря на пошлую водевильную завязку, которая вся основана на томъ, что два человѣка, пріѣхавъ въ провинцію, мѣняются на время своими именами и ролями, многія черты провинціальнаго быта схвачены въ разсказѣ довольно-вѣрно, и, кромѣ того, въ немъ есть нѣсколько оригиналовъ, которые могутъ заставить разсмѣяться. Авторъ скрылъ свое имя.

Вотъ все, что даетъ намъ «Литературный Вечеръ» въ прозѣ. Если дѣлать строгій выборъ изъ всего этого, то, разумѣется, останется очень-немногое. Но часть стихотворная въ сборникѣ еще скуднѣе, хотя она также не лишена нѣкоторыхъ свѣтящихъ именъ. Вся эта часть состоитъ изъ 14 статей и слагается изъ именъ — Н. Огарева (четыре стихотворенія), гг. Шевырева, Н. Языкова, г-жъ Павловой, П. Бакуниной, гг. Сатина, Я. Полонскаго, Подолинскаго, Ѳ. Глинки, И. Бороздны. По силѣ поэтической мысли, рѣшительное преимущество остается за стихотвореніями гг. Ога-

Digitized by Google

рева («Пустой Домъ») и Я. Полонскаго («Прогулка Верхомъ»). Что̀ касается до прочихъ поэтовъ, то — увы! — они уже воспѣваютъ только свое былое и увѣряютъ всѣхъ, что когда-то и у нихъ были «золотыя минутки», что когда-то и они писали «сладкозвучные» стихи... Да́, было время и — прошло! Теперь ужь этихъ сладкозвучныхъ стиховъ никто не читаетъ; о нихъ только творятъ поминки... Впрочемъ, вотъ скрипучіе стихи, которые мы съ охотою выписываемъ для нашихъ читателей. Авторъ скрылъ въ нихъ искусную поддѣлку подъ вирши одного древняго россійскаго піиты, но мы угадали его мысль и думаемъ, что нельзя было поддѣлаться удачнѣе. Внимайте:

Чу! внимайте... полночь бьетъ!
Въ этомъ боѣ умираетъ
Отходящій въ вѣчность годъ
И послѣдній мигъ сливаетъ
Съ первымъ мигомъ бытія
Народившагося года:
Такъ все цѣлью выводя
Вяжетъ дивная природа.
Гдѣ жь раздѣльное звено?
Гдѣ граничное (!?) мгновенье?
Плодъ въ зернѣ, въ плодѣ зерно:
Въ смѣнахъ сихъ живетъ твореньe.
Но есть жизнь, гдѣ нѣтъ волны (?),
Нѣтъ полуночнаго боя (?):
Тамъ святыня тишины,
Точка вѣчнаго покоя...

А вотъ кстати и пять стиховъ Тредьяковскаго: они записаны въ «памятной книжкѣ» г. Загоскина и вмѣстѣ съ «Выдержками» изъ ней попали въ «Литературный Вечеръ:»

Вонми, о небо, и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы!
Какъ дождь я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Преимущество явно остается за послѣдними, но это потому, что оригиналъ всегда выше подражанія. — Мы забыли сказать, что первое стихотвореніе принадлежитъ г. Шевыреву: оно называется «31 декабря» и написано въ 1842 году.

234) Душкинька, *древняя повѣсть.* Ипполита Богдановича. *Новое изданіе. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Институт. Восточн. Языковъ 1844. Въ 16-ю д. л. 231 стр.*

Поэтическій разсказъ миѳа Психеи, дѣланный въ разныя времена и разными писателями, доказываетъ, что поэтическое изображеніе предметовъ, болѣе или менѣе, измѣнялось всегда съ движеніемъ разума: прекрасное выраженіе, вымышленные образы служили къ воплощенію идей, различно понимаемыхъ, необходимо развивающихся. Поступательное движеніе науки было поступательнымъ движеніемъ и для поэзіи: послѣдняя идетъ за первой, какъ пѣвецъ идетъ за войскомъ, чтобы воспѣвать его битвы, побѣду или смерть.

Басня Психеи не принадлежитъ къ первоначальнымъ миѳамъ, подобно Прометею, Пандорѣ и чудотворной силѣ орфеевыхъ пѣсней. Она происхожденія философскаго и, можетъ-быть, явилась въ нѣдрахъ александрійскаго неоплатонизма. Апулей—первый, сообразно своему времени и знанію, разсказалъ ее, какъ любопытный и трогательный эпизодъ, въ IV, V и VI книгахъ своего «Золотаго Осла». При чтеніи эпизода открывается, что подъ аллегорической оболочкой онъ скрываетъ глубокій метафизическій смыслъ, истинное значеніе котораго трудно разгадать. Мечты иллюминизма и кабалистики (Римляне считали Апулея колдуномъ) перемѣшаны въ немъ съ философскими идеями и древними преданіями. Можетъ-быть, въ немъ заключается ученіе гностиковъ; можетъ-быть, и понимали его немногіе, посвященные. Какъ бы то ни было, но поэтическая сторона миѳа плѣняла каждаго: и потому поэты разработывали его каждый по-своему. Кромѣ поэзіи, скульптура и живопись воспроизводили его подъ многоразличными формами: кто не слыхалъ о картинахъ Рафаэля и Тиціана, о группѣ Кановы, обезсмертившихъ любовныя похожденія Психеи? Мольеръ взялъ ихъ даже сюжетомъ для балета.

Digitized by Google

Въ вѣкъ такъ-называемаго классицизма, т. е. въ вѣкъ превратныхъ понятій объ искусствѣ, когда поэзія обязывалась *облагораживать* не только природу, но и созданія древняго, непонятаго міра искусствъ, Лафонтенъ, плѣнившись разсказомъ Апулея, вздумалъ его *украсить*, т. е. къ вымысламъ присоединить вымыслы, въ которыхъ древній миѳъ терялъ первоначальную свою простоту и прелесть, такъ-что изъ многозначительной сказки вышла сказка незначительная, имѣющая дѣло съ одними приключеніями и нежелающая знать мысли. Мало этого: къ трогательному разсказу древняго романиста Лафонтенъ присоединилъ забавное для разнообразія, и написалъ свою уже искаженную повѣсть стихами съ прозой, тоже для разнообразія. Французы не любили тогда одного и того же: они требовали всего понемногу и ничего многаго. — Кальдеронъ взглянулъ на греческій миѳъ другимъ образомъ,—глубже Лафонтена, хотя также по-своему. Для испанскаго поэта-католика, въ драмѣ его, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Психея,—Эротъ (Любовь) знаменуетъ Христа, а Психея (Душа)—душу вѣрнаго, къ нему стремящагося. Бракъ Амура и Психеи на Олимпѣ есть, для Кальдерона, таинственное сочетаніе человѣка съ Богомъ. Наконецъ, въ новѣйшее время, когда сильно измѣнились виды, предположенія и надежды, среди этой самой націи, которая столько гордится Лафонтеномъ, явился писатель, объяснившій басню Психеи сообразно воззрѣнію своего вѣка. Психея—въ поэмѣ французскаго стихотворца—представляетъ *человѣчество;* ея похожденія — рядъ развитій, которыя человѣчество уже совершило, и рядъ тѣхъ измѣненій, которымъ оно еще подвергнется. Три пѣсни поэмы соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ его жизни. Въ первой пѣсни — царство грубой, слѣпой природы, грознаго тяготѣнія силъ ея надъ человѣкомъ; во второй—описаніе историческихъ странствованій, совершенныхъ человѣчествомъ; въ третьей — будущее, не только разумное сознаніе человѣкомъ всѣхъ силъ своихъ, но и разумное пользованіе всѣми силами своими, міръ достославнаго счастія — желанный міръ современныхъ утопистовъ.

Что же сдѣлалъ нашъ поэтъ, Богдановичъ? Въ томъ вѣкѣ, въ которомъ было суждено ему жить, при томъ состояніи просвѣщенія, которымъ пользовалась тогда Россія, съ тѣми понятіями объ искусствѣ, которыя имѣлъ онъ,—не могъ онъ, конечно, плѣниться разсказомъ Апулея, только-что трогательнымъ и философскимъ, ни драмой Кальдерона, религіозной и серьёзной. Безъ-сомнѣнія, не зналъ онъ о существованіи испанской драмы и, вѣроятно, не хотѣлъ знать римскаго писателя. Ему, кромѣ трогательнаго, нужно было забавное; онъ имѣлъ надобность не въ серьёзномъ, а въ *основанномъ на правилахъ нѣжнаго вкуса*, какъ выражается о немъ Карамзинъ. Мудрено ли, что Богдановичъ взялъ сказку Француза, одного изъ нашихъ учителей и образцовъ, вполнѣ увѣренный, что она не только прекраснѣйшая, но и *единственно*-прекрасная. Мудрено ли и то, что, въ-силу такого заимствованія, «невозможно съ важностію разсматривать «басню, нравы, характеры и «выраженіе Душеньки», потому-что иныхъ нѣтъ вовсе, а другія — ложны или, что одинаково, вѣрны Лафонтенову взгляду на искусство вообще и на миѳъ Психеи въ-особенности? По мнѣнію Карамзина, представителя современной ему критики, «Душенька есть «легкая игра воображенія, основанная «на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, «для которыхъ нѣтъ Аристотеля; въ «такомъ сочиненіи все правильно, что «забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано». Мы нарочно выписали эти слова, чтобъ показать, какъ ими Карамзинъ ставитъ себя далеко отъ того Карамзина, который такъ умно разсуждалъ объ исторіи Левека, о преобразованіяхъ Петра, такъ вѣрно охарактеризовалъ французскую трагедію... Вообще, въ критическихъ ста-

Digitized by Google

тьяхъ своихъ, Карамзинъ какъ бы двоится: *тамъ* онъ говоритъ истины, о которыхъ уже не споритъ нашъ вѣкъ, *здѣсь* — онъ явный питомецъ XVIII-го вѣка. Такое неустановившееся положеніе литературнаго судьи весьма-легко объясняется первоначальнымъ образованіемъ, отъ котораго нельзя же совсѣмъ оторваться, и проблесками новыхъ идей, которыхъ не могъ же не видѣть талантливый человѣкъ. И потому Карамзинъ, въ разборѣ «Душеньки», начинаетъ не съ суда и осужденія лафонтеновой повѣсти: для него Лафонтенъ тоже образецъ, какъ и для Богдановича, — а съ той мысли, что Богдановичъ идетъ *своимъ* путемъ. Въ чемъ же этотъ *свой* путь? «Въ *цвѣтахъ*, «которые укрылись отъ французскаго «поэта и которые срываетъ Богдановичъ». Отсюда слѣдуетъ, что представить разборъ «Душеньки» значитъ «сравнить ее съ лафонтеновымъ твореніемъ, напомнить любителямъ русска«го стихотворства лучшія мѣста ея, «украсить гробъ любезнаго поэта его «собственными цвѣтами». Такъ точно и сдѣлано. Выписывая разныя мѣста изъ поэмы, Карамзинъ говоритъ: такое-то мѣсто лучше у Богдановича, а такое-то лучше у Лафонтена; слѣдуютъ потомъ восклицанія, выражающія чувства удовольствія или неудовольствія, и смыслъ всего этого слѣдующій: «Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ; а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и *вообще превосходнѣе* тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей про«зы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе «цѣны въ искусствахъ». — Карамзинъ еще снисходителенъ, ставя хорошее-трудное выше хорошаго-легкаго; но въ то время была поговорка, прямо выведенная изъ понятія о поэзіи, которой не отличали отъ стихотворства: дурные стихи стоятъ хорошей прозы.

Теперь, конечно, не то: теперь всякій, читавшій лафонтенову сказку, отдастъ ей предпочтеніе относительно языка и слога, которые хороши и для настоящаго времени, тогда-какъ языкъ и слогъ стихотворной повѣсти Богдановича были хороши только для того времени, въ которое она написана. Не говоримъ уже о содержаніи, художественности выраженія, истинѣ подробностей, долженствующихъ быть сообразными и съ мѣстомъ и съ временемъ: всего этого не могло быть ни у Лафонтена, ни у Богдановича, а на *нѣтъ* и суда нѣтъ. Чрезвычайный же успѣхъ «Душеньки» объясняется сравненіемъ ея съ прежними поэмами; это—успѣхъ чисто-*относительный*. Повѣсть Богдановича принадлежитъ къ легкой поэзіи, которой у насъ до-того не было, и которой всѣ желали, утомленные похвальными, торжественными, пиндарическими стихотвореніями. Онъ пріятно разсказалъ занимательную въ своемъ родѣ сказку и заставилъ себя слушать всѣхъ, нежелавшихъ болѣе слушать *высокопарнаго пѣснопѣнія*. Такой смѣлый шагъ увѣнчался единодушными рукоплесканіями. Нѣтъ нужды, что авторъ не совсѣмъ удалился отъ обычнаго торжественнаго звона, что въ его сочиненіи, названномъ *древнею повѣстью*, есть и указное *пою*, и положенное *воззваніе*, и неизбѣжное дѣленіе на *книги*: немногіе умѣютъ вполнѣ забывать старое! Но публика читала пріятные, легкіе (для того времени) стихи, и этого довольно. Притомъ же, она забавлялась и *нескромностію* нѣкоторыхъ описаній, что было тогда очень въ-модѣ, и что послужило второю причиной необыкновеннаго успѣха «Душеньки».

Мы сказали довольно-много по случаю сѣраго, грязнаго, исполненнаго опечатокъ *новаго* (?) изданія не для того, чтобъ помянуть лихомъ старое, а для того, чтобъ имѣть уже право не говорить впредь о новыхъ изданіяхъ поэмы, и ограничиваться однимъ извѣщеніемъ о ея выходѣ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

235) Стефанъ Яворскій и Ѳофанъ Прокоповичъ, *какъ проповѣдники. Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета пер-*

Digitized by Google

ваго отдѣленія, кандидатомъ Московскаго Университета Юріемъ Самаринымъ. *Москва. Въ Университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 230 стр.*

Диссертація г. Самарина, написанная имъ для полученія степени магистра, публично защищенная и теперь напечатанная, есть только третья часть его труда, обнимающаго полную дѣятельность Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ богослововъ, іерарховъ и проповѣдниковъ. Въ первой части (ненапечатанной), разсмотрѣно догматическое ученіе того и другаго, изложенное въ ихъ ученыхъ, богословскихъ сочиненіяхъ. Во второй (тоже ненапечатанной) изслѣдовано ихъ участіе въ управленіи церковью, тѣсно связанное съ нашею политическою исторіею. Наконецъ, въ третьей, о которой идетъ здѣсь рѣчь, авторъ смотритъ на нихъ, какъ на проповѣдниковъ, съ точки зрѣнія литературной, отстраняя вопросъ о содержаніи ихъ сочиненій и обращая исключительное вниманіе на форму, на образъ изложенія, на слогъ, на языкъ. Предметъ хотя и ограниченъ, однакожь обработанъ въ духѣ нѣлаго, такъ-что трудъ г. Самарина входитъ въ полную характеристику и съ нею согласуется. Обзоръ же многосторонней дѣятельности знаменитыхъ проповѣдниковъ выполненъ, говорятъ, на диспутѣ и, какъ слышно, мастерскимъ изложеніемъ содержанія первыхъ двухъ частей.

Въ «Разсужденіи» г. Самарина, надобно собственно отличать двѣ части: часть общую, въ которой онъ разсуждаетъ о краснорѣчіи вообще, и о проповѣди въ-особенности, какъ объ одномъ изъ главныхъ видовъ его, и часть критическую, къ которой онъ прилагаетъ выводы, сдѣланные въ первой части, къ произведеніямъ двухъ знаменитыхъ нашихъ проповѣдниковъ, и опредѣляетъ ихъ достоинства, какъ духовныхъ ораторовъ.

Первая часть представляетъ прекрасный образецъ мышленія твердаго и самостоятельнаго, логической стройности и послѣдовательности выводовъ. Въ этомъ нельзя не отдать должной справедливости автору «Разсужденія». Тѣмъ не менѣе, однако, мы не можемъ скрыть, что главный результатъ, къ которому онъ сводитъ свои разсужденія о краснорѣчіи вообще, кажется намъ рѣшительно-ложнымъ. Этотъ результатъ выраженъ слѣдующею общею апоѳегмою, которая составляетъ вмѣстѣ и первый тэзисъ «Разсужденія»:

«И такъ краснорѣчію нѣтъ мѣста въ «области искусства; ораторская рѣчь «не есть и не должна быть художественнымъ произведеніемъ» (стр. 11).

Посмотримъ, какъ пришелъ авторъ къ этому выводу. Онъ начинаетъ съ мнѣнія противоположнаго, которое вводитъ краснорѣчіе въ область искусства и опредѣляетъ ему мѣсто подлѣ поэзіи, и соглашается, что «по-видимому» между краснорѣчіемъ и поэзіею много общаго. Это общее, въ краснорѣчіи и поэзіи, составляютъ — по его мнѣнію — «паѳосъ, художественный элементъ и поэтическое выраженіе, которыя доступны и оратору» (ст. 6). Въ этомъ мы совершенно-согласны; любопытно теперь знать, что мѣшаетъ дать краснорѣчію мѣсто въ области искусства? Показавъ общее между краснорѣчіемъ и поэзіею, авторъ переходитъ потомъ къ понятію объ искусствѣ вообще и составляетъ слѣдующій силлогизмъ: фактъ искусства есть примиреніе общаго съ частнымъ, воплощеніе идеи въ формѣ, словомъ художественное произведеніе; въ ораторской же рѣчи общее и частное удерживаются въ ихъ отвлеченности, въ раздѣльности: слѣдовательно, ораторская рѣчь не можетъ быть отнесена къ искусству (стр. 8 — 9).

Прежде, чѣмъ разберемъ этотъ силлогизмъ въ подробности, по частямъ,— предложимъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя представляются при взглядѣ на него извнѣ. Ясно, что среднее понятіе въ этомъ силлогизмѣ, которое мѣшаетъ автору допустить краснорѣчіе въ область искусства, есть понятіе о творчествѣ, ибо «воплощеніе идеи въ формѣ» есть актъ творчества. Творче-

Digitized by Google

ство — безъ всякаго сомнѣнія, необходимая принадлежность поэзіи и заключается въ самомъ понятіи о ней. Авторъ хочетъ, чтобъ понятіе о творчествѣ точно также заключалось и въ понятіи о краснорѣчіи и имѣло въ немъ равное значеніе, то-есть, чтобъ плодомъ этого творчества и здѣсь также было художественное произведеніе. Для чего же это? Развѣ для того, чтобы совершенно слить, смѣшать понятіе о краснорѣчіи съ произведеніями поэзіи? Этого ли хотятъ тѣ, которые даютъ краснорѣчію, какъ особенному виду, мѣсто въ области искусства?

Еще одно внѣшнее замѣчаніе: исключая краснорѣчіе изъ области искусства, авторъ не можетъ, однако, отвергнуть его, какъ фактъ. Спрашивается: куда же, въ какой иной категоріи отнесетъ онъ этотъ фактъ? На стр. 12 авторъ говоритъ, что краснорѣчіе «существуетъ только какъ *средство*»; слѣдовательно, его мѣсто — между ремеслами?.. слѣдовательно, въ краснорѣчіи главная работа — механическая, и мало простора таланту?.. слѣдовательно, oratores fiunt?..

Перейдемъ къ самому силлогизму. Первое, общее положеніе, какъ мы видѣли, есть то, что фактъ искусства состоитъ въ примиреніи идеи съ формою, въ ихъ взаимномъ соприкосновеніи, словомъ, въ художественномъ произведеніи. Что художественное произведеніе есть фактъ искусства, противъ этого никто не станетъ спорить: но неуже-ли авторъ будетъ спорить, когда ему скажутъ, что не всякій фактъ искусства есть художественное произведеніе? Авторъ, очевидно, слишкомъ стѣснилъ сферу искусства, отнесши къ нему исключительно только «художественныя» произведенія, въ которыхъ идея съ формою дѣйствительно сливаются въ гармоническое единство. Нѣтъ спора, что художественность произведеній есть и должна быть высшимъ идеаломъ, высшею цѣлію стремленій въ искусствѣ; но какъ дѣло идетъ о фактахъ въ искусствѣ, то много ли найдете вы такихъ, которые бы вполнѣ удовлетворяли условіямъ художественности эстетической? Не есть ли подобные факты въ искусствѣ только счастливыя исключенія? И сколько потомъ такихъ, въ которыхъ или слишкомъ-ярко выказывается идея, или все преимущество остается главнымъ-образомъ за формою, которые, слѣдовательно, отнюдь не могутъ имѣть притязаній на достоинство художественныхъ произведеній, и которые имѣли, однако, огромное значеніе не только въ искусствѣ, въ литературѣ, но—что еще больше—въ жизни? Вы спрашиваете примѣровъ — мы готовы указать вамъ десятки: это Эврипидъ, Лукіанъ, Лукрецій, Виргилій, Данте, Руссо, пожалуй — Грибоѣдовъ, и пр. и пр. Все это факты искусства, и между-тѣмъ вы, конечно, не назовете этихъ фактовъ художественными произведеніями. Этого мало: многое, что казалось прежде «художественнымъ», потеряло для насъ эту прелесть, эту цѣну, но нисколько отъ-того не потеряло для насъ своего значенія. И такъ, зачѣмъ же было стѣснять такими узкими предѣлами широкую область искусства, и потомъ не знать, куда отнести краснорѣчіе? При такомъ понятіи объ искусствѣ, прійдется не только ораторовъ, но и многихъ поэтовъ уволить въ-чистую.

Мысль, составляющая второе положеніе въ томъ же силлогизмѣ, намъ кажется, понята слишкомъ-абстрактно. Правда, что концепція ораторскаго произведенія совершенно-иная, нежели какая предполагается необходимою для произведенія чисто-поэтическаго; что въ первомъ идея понимается прежде, и притомъ въ своей чистой отдѣльности, между-тѣмъ, какъ въ дѣятельности поэтической она непосредственно уже является заключенною въ поэтическій образъ. Но это показываетъ только, что краснорѣчіе и поэзія, какъ два различныя искусства, требуютъ и совершенно-различныхъ пріемовъ, что, впрочемъ, не только не мѣшаетъ краснорѣчію возвышаться до искусства, но предполагаетъ при немъ искусство, какъ одно изъ необходи-

Digitized by Google

мыхъ условій, чтобъ произведеніе не низошло на степень холодной, бездушной прозы, и чтобы идея явилась въ достойномъ ея видѣ. Не даромъ же мы отличаемъ «краснорѣчіе» отъ не-краснорѣчія; не напрасно требуемъ отъ него совершенства формы, т. е. не внѣшняго только ея изящества, но и соотвѣтствія идеѣ, — и не напрасно оскорбляемся, когда не находимъ этого соотвѣтствія, или когда видимъ, что условія изящества формы слишкомъ пренебрежены. Авторъ говоритъ, что краснорѣчію доступенъ паѳосъ: мы не понимаемъ, почему бы этотъ паѳосъ не могъ приводить въ движеніе, вмѣстѣ съ чувствомъ, и самую фантазію (которой, разумѣется, нельзя отнимать у оратора потому только, что онъ «ораторъ»), а въ возбужденіи мыслію этихъ силъ души не таится ли уже и зародышъ творчества? Это творчество можетъ быть не такъ полно и самобытно, какъ то, изъ котораго возникаютъ собственно-поэтическія произведенія: но изъ этого опять слѣдуетъ только — какъ мы уже замѣтили выше — что краснорѣчіе и поэзія, будучи по своимъ основнымъ элементамъ искусствами однородными, тѣмъ не менѣе, однако, удерживаютъ каждое и свой особенный характеръ. Вообще, мы слишкомъ уже пристрастны къ нашимъ логическимъ схемамъ, такъ-что, разъ раздѣливъ одно понятіе на части для яснѣйшаго его разумѣнія, разъединяемъ ихъ совершенно и не хотимъ потомъ признать даже и того, что онѣ суть части одного и того же понятія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ заключеніемъ, которое дѣлаетъ авторъ разсужденія въ своемъ силлогизмѣ, и сверхъ-того думаемъ, что положенія: «краснорѣчіе не имѣетъ мѣста въ области искусства» и «рѣчь не есть художественное произведеніе», имѣютъ слишкомъ-различный смыслъ, и не могутъ быть выводомъ изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ. Еще болѣе: намъ кажется, отъ-того и произошло все недоразумѣніе, что авторъ смѣшалъ эти два столько-различныя положенія.

Впрочемъ, изъ того, что авторъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о проповѣди, видно, что онъ самъ допускаетъ въ извѣстной степени творчество въ краснорѣчіи. Вотъ его слова: «Мы не говоримъ, чтобъ поэтическое творчество относительно самого проповѣдника было слѣдствіемъ умысла, разсчета; вдохновеніе сходитъ на него внезапно, неожиданно, и *онъ безсознательно изъ области краснорѣчія переходитъ въ область искусства*» (стр. 26). Проповѣдникъ, конечно, и всякій другой ораторъ, можетъ, сознательно или безсознательно, переходить изъ области краснорѣчія *въ* область искусства; а рѣчь его за что же должна оставаться *за* предѣлами искусства?.. Ясно, что собственное убѣжденіе автора противорѣчитъ тому формальному выводу, который онъ дѣлаетъ въ первомъ своемъ силлогизмѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, надобно предположить, что у него были другія, болѣе-сильныя посылки, которыя заставили его склониться на такое заключеніе. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ-слѣдъ за приведенными словами находимъ слѣдующее ограниченіе: «но въ проповѣди художественный элементъ все же удерживаетъ характеръ средства, подчиненіе внѣшней цѣли, и несамостоятельности.» И такъ, не недостатокъ творчества въ ораторской рѣчи, а то, что она имѣетъ свою опредѣленную цѣль, что она является какъ-бы слѣдствіемъ разсчета — вотъ что главнымъ-образомъ заставляетъ автора исключить ее и краснорѣчіе вообще изъ области искусства. Цѣль, опредѣленность задачи — эти слова такъ пугаютъ насъ, что мы готовы всякую дѣятельность, если только она направлена къ извѣстной цѣли, унизить до степени «разсчета». Особенно, мы боимся въ такомъ случаѣ за искусство: для него, которое должно сосредоточить всѣ свои усилія въ стремленіи къ своему идеалу, всякая внѣшняя цѣль кажется порчею. Но какъ не сказать, что мы боимся въ этомъ случаѣ абстракта, слѣд

Digitized by Google

ственно, призрака? Признавъ разъ за истину, что творчество должно быть свободно, мы уже думаемъ потомъ, что непремѣнно стѣснимъ эту свободу, если предположимъ для художника цѣль внѣ его искусства. Но почему бы цѣль непремѣнно должна стѣснять свободу творчества? Развѣ потому, что она предполагаетъ ясное сознаніе въ художникѣ? Однако, есть многія явленія искусства, которымъ видимо предшествовало ясное сознаніе художника, опредѣленная цѣль, и которыя отъ того нисколько не потеряли въ своемъ достоинствѣ. Тотъ, кто знаетъ «Театральный Разъѣздъ» и «Письмо послѣ представленія *Ревизора*», согласится съ нами, что цѣль «Ревизора» напередъ уже была очень-опредѣленно сознана самимъ авторомъ. Кто не знаетъ также «Клеветникамъ Россіи», «Полководца», «Бородинской Годовщины», Пушкина, который своими собственными произведеніями опровергалъ свое мнѣніе объ отсутствіи внѣшнихъ цѣлей для поэта? Значитъ, когда есть рѣшительный талантъ, за свободу творчества опасаться нѣчего: она нисколько не потерпитъ отъ сознанія. Но такъ, или иначе—талантъ, или не талантъ—а сознаніе цѣли есть, существуетъ. Спустимся, пожалуй, ниже: возьмемъ творенія меньшаго размѣра и достоинства: «Ябеду», «Бригадира», «Недоросля», «Горе отъ Ума»... Цѣль «Ябеды» — обличить торгашей правосудія; цѣль «Бригадира» — выставить полупросвѣщеніе, какъ слѣдствіе ложнаго понятія реформы петровой; цѣль «Недоросля» — осмѣять невѣжество; цѣль «Горя отъ Ума» — излить бурное негодованіе на пошлую жизнь современнаго московскаго общества. Можете сказать, что исчисленныя пьесы не художественны, но не можете сказать, что эти нехудожественныя пьесы лежатъ внѣ искусства. Если мы за указаніемъ намѣренныхъ дѣйствій въ поэзіи прибѣгнемъ къ историческимъ свидѣтельствамъ, то многіе доводы подкрѣпятъ нашу мысль. Въ біографіяхъ, въ мемуарахъ, въ отчетахъ, въ разговорахъ съ друзьями или съ публикой, поэты часто говорятъ: «я имѣлъ въ виду, я имѣлъ цѣлію, намѣреніемъ моимъ было», и т. п. Но едва-ли нужно такъ далеко ходить за справками, которыхъ иногда и не бываетъ, потому что не каждый поэтъ пишетъ искреннюю исповѣдь литературной своей жизни. Опредѣленное сознаніе цѣли видимо при чтеніи многихъ образцовъ и не-образцовъ, безъ свидѣтельства автора. Все поэтическое служеніе Шиллера было великимъ служеніемъ великой идеѣ: это ясно изъ его твореній; важность цѣлей раскрывается имъ и въ эстетическихъ его статьяхъ. Потомъ, откуда вышли оды В. Гюго, называемыя политическими? Въ-слѣдствіе чего явился замѣчательный романъ Сю: «Mystères de Paris»? Что дѣлаетъ, чѣмъ вооружается и къ чему приводитъ первый современный романистъ, Жоржъ Зандъ? «Консюэло», и «Графиня Рудольштадтъ» выросли изъ общественныхъ вопросовъ, проникнуты ими, созданы для нихъ. Не даромъ «Спиридіонъ» посвященъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ писателей современной Франціи: этотъ пламенный диѳирамбъ-повѣсть есть трудъ, вдохновенный его ученіемъ и написанный для поэтическаго представленія этого ученія. Исключеніе не останется даже за Куперомъ, по-видимому исключительно свободнымъ романистомъ: отъ-чего американскіе журналы преслѣдовали его съ упорнымъ ожесточеніемъ за нѣкоторые изъ его романовъ? отъ-того, что въ нѣкоторыхъ романахъ своихъ (напр., въ «Американскомъ Пакетботѣ», «Eve Effingam») Куперъ *хотѣлъ* осмѣять и дѣйствительно осмѣялъ слабыя стороны демократіи, злоупотребленія республиканскаго правленія Соединенныхъ-Штатовъ. Хотѣлъ — слѣдовательно, назначилъ себѣ цѣль. И эти романы сатирическаго направленія, которое было направленіемъ намѣреннымъ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ сферѣ поэзіи. Иные историки литературы говорятъ, что поэзія приходила въ упадокъ, служа философіи и

Digitized by Google

политикѣ. Оставляя въ сторонѣ разборъ, справедливо или несправедливо это мнѣніе, замѣтимъ, что изъ него прямо выходитъ то слѣдствіе, что поэзія въ такія-то времена имѣла цѣли, служила извѣстнымъ идеямъ въ извѣстные моменты исторіи, не переставая отъ-того быть поэзіею. — Намъ кажется, понятіе объ отсутствіи внѣшнихъ цѣлей въ изящныхъ произведеніяхъ является нерѣдко въ-слѣдствіе ложно-понимаемаго значенія словъ: «свободное творчество» и «вдохновеніе». Поэты и не-поэты до того воспѣли, превознесли послѣднее, что оно изъ области мышленія переходитъ какъ-бы въ иную сферу, лежащую за предѣлами мышленія, и человѣкъ вдохновенный представляется какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, которому чуждо все земное, человѣческое, и который самъ чуждается всего человѣческаго. Но этого никогда не бываетъ, потому-между прочимъ — что этого и быть не можетъ. Если поэтъ, почуя вдохновеніе, *дикій и суровый, бѣжитъ на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы,* то все-таки не убѣжитъ онъ отъ законовъ разума, главнаго достоинства человѣка, и отъ свѣтлаго сознанія, высшаго достоинства разума, и отъ высокихъ цѣлей, интересныхъ каждому здравомыслящему, еще болѣе-интересныхъ поэту. Различіе между состояніемъ человѣка *до* вдохновенія и состояніемъ его *по* вдохновеніи есть не геркулесовъ столбъ, отдѣляющій человѣческое отъ чего-то нечеловѣческаго, а только высшая или, пожалуй, высочайшая ступень, на которую восходитъ душа наша, по образу Божію созданная. Иначе, я не хочу вашего вдохновенія, которое омрачаетъ лучшіе дары неба; отнимаетъ у меня истинную мою доблесть — заслугу, ясное сознаніе цѣлей жизни преобращаетъ въ затмѣніе ума, забывающаго жизнь!

И такъ, вопросъ не въ томъ, могутъ ли, должны ли быть внѣшнія цѣли въ искусствѣ, и не въ томъ еще — вредитъ или не вредитъ искусству сознаніе цѣли внѣ его, но скорѣе въ томъ — какой моментъ въ развитіи искусства составляетъ творчество сознательное, или то, которое напередъ предполагаетъ себѣ внѣшнюю цѣль? ибо не можетъ быть спора противъ того, что есть творчество и безсознательное.

Не беремся рѣшать здѣсь, мимоходомъ, въ рецензіи, этотъ важный вопросъ, который требовалъ бы внимательнаго пересмотра всѣхъ важнѣйшихъ явленій въ великомъ мірѣ искусства; но предложимъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія, которыя, намъ кажется, могутъ нѣсколько объяснить дѣло.

Сознаніе вообще раскрывается въ насъ довольно поздно, по-крайней-мѣрѣ позже, нежели всякая другая дѣятельность души; какъ печать высшей разумности, оно приходитъ только въ то время, когда прочія способности уже воспріяли свое дѣйствіе. Состояніе, предшествующее полному раскрытію сознанія въ индивидуумѣ, отнюдь не исключаетъ въ немъ дѣятельности; иногда и безсознательно, руководясь единственно своимъ внутреннимъ чувствомъ, тактомъ своего сердца, человѣкъ дѣйствуетъ прекрасно: но это — дѣятельность безотчетная; настоящая же, разумная дѣятельность, и потому наиболѣе-человѣческая, начинается только съ раскрытіемъ сознанія. На что бы ни обращена была такая дѣятельность, она всегда будетъ выше безсознательной. Мы не видимъ достаточной причины, почему бы это самое положеніе не могло быть приложено и къ міру искусства. Неоспоримо, что въ-началѣ искусство творитъ безсознательно; поэзія, на-примѣръ, у каждаго народа совершаетъ цѣлый циклъ, прежде, нежели въ нее проникнетъ одинъ лучъ сознанія. Такова вся такъ-называемая поэзія естественная (Natur-Poesie), которая обыкновенно выростаетъ на естественной почвѣ возбужденнаго чувства народнаго, народной фантазіи, безъ посредства сознанія. Но рѣдко такая поэзія возвышается до истиннаго искусства, потому-что оно непремѣнно требуетъ отчетливости, которая

Digitized by Google

должна быть основана на сознаніи цѣлей и средствъ. Но искусство, поэзія тѣмъ болѣе, не можетъ всегда стоять на одной точкѣ: оно развивается. Къ чему же ведетъ это развитіе? Необходимо къ сознанію, такъ что или искусство должно рано остановиться въ своемъ движеніи, или, наконецъ, оно должно все проникнуться сознаніемъ, которое не только будетъ имѣть ясное понятіе о своихъ средствахъ, но напередъ опредѣлитъ и самыя цѣли. Для повѣрки, припомните ходъ литературы древней и сравните съ нею движеніе литературъ новѣйшихъ. Вамъ страшно за свободу творчества? Но творчество соединено съ геніальностью, по-крайней-мѣрѣ съ талантомъ, — а истинный талантъ не боится сознанія. Краснорѣчіе ранѣе начинаетъ сознавать свои цѣли, нежели поэзія, то-есть, оно *отдѣляется* отъ поэзіи съ того самаго момента, какъ начинаетъ распознавать себѣ цѣль внѣшнюю. Что жъ? это значитъ только, что краснорѣчіе не менѣе требуетъ для себя таланта, какъ и поэзія, и что въ противномъ случаѣ оно дѣйствительно можетъ терять свое мѣсто въ области искусства.

Вопросъ былъ бы совершенно-иной, еслибъ спросили: гдѣ же искусство, пришедши къ сознанію, можетъ поставлять для себя цѣли? Мы здѣсь касаемся опять и этого вопроса только мимоходомъ, только для того, чтобъ отвратить отъ искусства всякій незаслуженный навѣтъ. Поставляя себѣ цѣль внѣ своего произведенія, поэтъ, или художникъ, нисколько не унижаетъ ни себя, ни своего искусства: есть среда, которая выше самого искусства, и въ которой онъ съ достоинствомъ можетъ помѣщать свои цѣли. Эта среда есть жизнь или современная дѣйствительность. Въ такомъ случаѣ, искусство теряетъ мнимую честь изолированной независимости отъ всего, что не принадлежитъ къ его сферѣ, и получаетъ свое настоящее, высокое значеніе — одного изъ величайшихъ двигателей жизни. Старая французская школа называла искусство подражаніемъ природѣ. Въ этомъ положеніи, какъ ни уродливо кажется оно съ перваго взгляда, есть своя важная часть истины. Это значитъ, что лучшимъ источникомъ вдохновеній для искусства всегда остается сама жизнь или дѣйствительность. Взявъ отсюда свои матеріалы, что дѣлаетъ потомъ искусство? Оно переработываетъ ихъ, просвѣтляетъ идеею, и потомъ опять вноситъ въ жизнь, какъ уже новый капиталъ, для дальнѣйшаго обращенія. Такимъ образомъ, оно служитъ какъ-бы проводникомъ между мыслію настоящаго, которое тотчасъ становится прошедшимъ, и мыслію будущаго. Теперь сравните, что выше — эгоистическое ли самонаслажденіе въ искусствѣ, или служеніе его высшимъ, разумнымъ цѣлямъ? Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, мы коснулись этого вопроса только мимоходомъ, кстати.

Продолжая дѣлать свои выводы на основаніи принятыхъ началъ, авторъ «Разсужденія», какъ-бы въ упрекъ краснорѣчію, говоритъ далѣе, что оно «существуетъ не само-по-себѣ, а только какъ средство, служащее общимъ «началамъ и явленіямъ жизни» (sic!), и заключаетъ отсюда, что «напрасно изученіе краснорѣчія возводятъ на степень науки» (стр. 12), что «краснорѣчіе должно быть изучаемо какъ средство» (второй тэзисъ). Мы сказали уже свое мнѣніе о значеніи краснорѣчія и искусства вообще, какъ средства. Что касается до втораго положенія, мы согласимся съ нимъ только въ такомъ случаѣ, когда намъ будетъ доказано, что краснорѣчіе, будучи средствомъ, перестаетъ быть искусствомъ. Въ томъ-то и задача науки краснорѣчія, чтобъ уловить идею его, какъ искусства, и, отдѣливъ его отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ видовъ искусства, опредѣлить его особенный, безпримѣсный характеръ и условія видоизмѣненій его въ приложеніи къ различнымъ явленіямъ жизни. Если же до-сихъ-поръ этого не было сдѣлано, это значитъ только, что наука о краснорѣчіи все еще остается въ младенчествѣ, а

Digitized by Google

на мѣстѣ ея пока продолжаетъ царствовать реторика. Самъ авторъ не противорѣчитъ ли этому положенію, когда старается вывести условія проповѣди изъ общихъ основаній, изъ идеи церкви, отношенія ея къ членамъ, и т. д.? Что это, если не стремленіе возвести одинъ изъ видовъ краснорѣчія къ общимъ началамъ и оправдать достоинство его въ самой идеѣ? и почему было «напрасно» возвести къ основнымъ началамъ и понятіе о краснорѣчіи вообще? Мы имѣли бы прекрасное начало этого дѣла, еслибъ у насъ такъ же основательно и умно были выведены условія краснорѣчія вообще, какъ въ «Разсужденіи» выведены условія проповѣди.

Показавъ отношеніе частныхъ лицъ къ церкви, авторъ показываетъ необходимость посредничества между ними и отсюда уже выводитъ понятіе о проповѣди. «Въ самомъ словѣ «посредничество» говоритъ онъ «лежитъ понятіе о третьемъ, середнемъ между двумя разобщенными началами, въ этомъ «случаѣ — церковію и пребывающимъ «внѣ ея человѣчествомъ. Это третье «должно необходимо принадлежать къ «церкви и быть ея законнымъ, ею избраннымъ представителемъ; съ другой стороны, будучи предназначено «дѣйствовать на частныя лица, оно самo должно быть лицомъ. Живой посредникъ между церковью и частными лицами есть проповѣдникъ; самое «дѣло посредничества есть проповѣдь» (тэзисъ третій). Изъ этого коренного понятія о проповѣди онъ выводитъ далѣе и главныя ея условія: первое—такъ-какъ проповѣдь служитъ церкви, то и всѣ ея наставленія должны проистекать изъ существа церкви, изъ идеи о ней, а не изъ другихъ произвольно-утвержденныхъ (?) началъ; второе — такъ-какъ проповѣдникъ служитъ вмѣстѣ и частнымъ лицамъ, то онъ долженъ сообразоваться со всѣми ихъ потребностями и свойствами, чтобъ не теряться въ однѣхъ отвлеченностяхъ (стр. 23). «Но» говоритъ онъ, «догматъ въ своей недоступности, и нравственный законъ въ своей сокрушительной строгости, сами «по себѣ не убѣждаютъ. Убѣждать людей можетъ только лицо, искренно и «глубоко убѣжденное. Мало того, если «слушатели признаютъ истину, какъ «нѣчто для нихъ внѣшнее: нужно, «чтобъ родилась въ нихъ потребность «истины для себя, сильное желаніе «принять ее. Это усвоеніе истины «всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, «всею душою, это плодотворное усвоеніе есть то, что называемъ мы убѣжденіемъ. И вотъ почему проповѣдь «должна быть словомъ отъ лица къ лицу, должна быть проникнута личнымъ «характеромъ, тѣмъ, что такъ сильно «и непосредственно дѣйствуетъ на лица; вотъ почему главное, существенное условіе проповѣди есть *личность «проповѣдника»* (тэзисъ пятый). Этотъ превосходный выводъ мы сочли нужнымъ выписать вполнѣ, чтобъ читатели могли судить какъ о слогѣ автора, такъ и объ искусствѣ его логически развивать свою мысль.

Примѣняя, далѣе, выведенное такимъ-образомъ понятіе о проповѣди къ самой ея исторіи, авторъ, какъ и естественно, находитъ осуществленіе идеала ея только въ церкви православной, что, впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, не оправдывается самымъ «Разсужденіемъ», гдѣ, какъ увидимъ ниже, дѣло идетъ о такихъ проповѣдяхъ, которыя, по мнѣнію самого автора, во многихъ отношеніяхъ отступаютъ отъ настоящаго идеала произведеній этого рода. Что же касается до католицизма и протестантизма, то онъ видитъ въ нихъ «двѣ разорванныя, отвлеченныя стороны церкви» и отсюда заключаетъ *a priori*, что «въ католицизмѣ и протестантизмѣ проповѣдь не могла достигнуть своего идеала и должна была развиться односторонно». Вотъ какъ понимаетъ авторъ католицизмъ:

«Въ католицизмѣ предстаетъ отвлеченно понятая и въ лицѣ символизированная идея церковнаго единства, носящаяся надъ человѣчествомъ и пребывающая внѣ его. Церковь разлучена съ человѣчествомъ; ча-

Digitized by Google

стныя лица относятся къ ней не какъ ея живые члены, а какъ подданные. Церковь требуетъ отъ нихъ окончательно только формальнаго подчиненія, юридическаго признанія ея власти и ея вѣдѣнія» (стр. 28).

Въ этихъ немногихъ словахъ вѣрно схвачена одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ и, конечно, самая характеристическая черта римской церкви, и еслибъ доказательства a priori значили что-нибудь тамъ, гдѣ весь вопросъ разрѣшается исторически, то изъ предложеннаго понятія о католицизмѣ самособою вытекало бы, какъ заключеніе, и предложенное понятіе о проповѣди.

Вопросъ этотъ, однако, такого рода, что его можно и должно бы доказывать только фактами. Любопытно теперь знать, какими еще доказательствами, кромѣ априористическихъ, подтверждаетъ г. Самаринъ свое мнѣніе о католической проповѣди. Читая далѣе общія замѣчанія автора объ историческомъ ходѣ проповѣди на Западѣ, находимъ много суровыхъ и рѣзкихъ упрековъ ей, но — ни одного образца, которымъ бы оправдывались эти упреки, и только одно указаніе на одно слишкомъ-спеціальное сочиненіе, котораго задачею было—прославить демократическія начала проповѣдниковъ временъ лиги (*). Мы удивились, когда нашли такую бѣдность въ указаніяхъ, ибо имѣемъ всѣ причины думать, что авторъ, даже и для себя, не могъ удовлетвориться однимъ априористическимъ выводомъ и имѣлъ другія, болѣе достаточныя основанія думать такъ, а не иначе о католической проповѣди. Есть, правда, еще указаніе (на стр. 31) на какой-то сборникъ католическихъ проповѣдей, подъ названіемъ «Predicatoriana, ou revélations singulières et amusantes» и пр. Но, какъ показываетъ уже самое названіе, этотъ сборникъ имѣлъ цѣль чисто-сатирическую, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить прямымъ документомъ. Странно подумать, что на основаніи однихъ чисто-спеціальныхъ и сатирическихъ сочиненій можетъ иногда составиться ученое мнѣніе о какомъ-нибудь важномъ явленіи!

Не мѣшаетъ, между-прочимъ, бросить взглядъ и на самые упреки, которые дѣлаетъ авторъ католической проповѣди. Сказавъ два слова «о пламенныхъ воззваніяхъ» къ народу въ эпоху крестовыхъ походовъ, авторъ вдругъ потомъ переходитъ ко временамъ реформаціи:

«Когда въ странахъ католическихъ вліяніе реформаціи грозило погубить въ одно время духовное и политическое могущество папы, когда начали отлагаться отъ него государи западные, іезуиты стали во главѣ демократической партіи, и страстными, зажигательными проповѣдями, призывали народъ къ возстаніямъ и цареубійствамъ. До крайней степени остервенѣнія и безстыдства проповѣдь дошла въ Парижѣ, и вообще во Франціи, въ эпоху Лиги.» (Стр. 30).

Замѣтимъ прежде всего непослѣдовательность: какимъ образомъ, желая показать истинный характеръ католической проповѣди, можно было начать чуть не съ конца ея исторіи, когда настоящій ея характеръ по-необходимости долженъ былъ исказиться?.. Этого мало: авторъ смѣшиваетъ двѣ совершенно-различныя вещи — проповѣдь собственно-католическую и проповѣдь іезуитскую, между которыми такое же отношеніе, какое между католицизмомъ и іезуитизмомъ. Начавъ съ іезуитизма, въ чемъ только нельзя обвинить католическую проповѣдь? Далѣе: авторъ поставляетъ на видъ крайности, въ которыя впадала проповѣдь у лигистовъ, и едва упоминаетъ о блестящемъ развитіи духовнаго краснорѣчія при Людовикѣ XIV, говоря, что это развитіе совершилось независимо отъ церкви, подъ вліяніемъ постороннихъ для нея началъ. «Конечно, развитіе совершилось не безъ вліянія постороннихъ началъ, но

(*) Это трудъ Лабитта, подъ названіемъ: De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue.

Digitized by Google

въ нѣдрахъ той же самой церкви, въ которой возникъ и іезуитизмъ. Почему же бы, разбирая проповѣди іезуитовъ и лигистовъ, совершенно устранять изъ обозрѣнія исполненныя католическаго духа проповѣди Массильйона и современниковъ? Потому, очевидно, что онѣ не подходятъ подъ принятое *напередъ* опредѣленіе... Такъ всегда случается съ апріористическими заключеніями, когда ихъ надо бываетъ повѣрить опытомъ!

Другой упрекъ, обращенный на духовное католическое краснорѣчіе, состоитъ въ томъ, что «въ XII столѣтіи въ немъ преобладалъ мистицизмъ, созерцаніе и мечтательность», что «мысль исчезла, подавленная множествомъ аллегорій, изысканныхъ символовъ и натянутыхъ примѣненій», тогда-какъ «въ XIII столѣтіи оно подверглось вліянію схоластики и обратилось въ сухое преподаваніе» (стр. 31). Противъ того, что въ средніе вѣка слагала фантазія, прокралась въ проповѣдь, а потомъ подчинила ее себѣ схоластика, никто не станетъ спорить. Но кто же не видитъ, что всѣ эти недостатки принадлежали вѣку, духу времени, когда, съ одной стороны, фантазія увлекала все въ свой мечтательный міръ, а съ другой схоластика опутывала все своими формами,—а не произошли, какъ думаетъ авторъ, apriori, изъ духа католицизма, изъ его идей? Такъ легко видѣть уродливости во всѣхъ этихъ особенностяхъ краснорѣчія католическаго извѣстной эпохи, если смотрѣть на нихъ съ заранѣе-заготовленной точки, но еще легче было бы объяснить ихъ, если бъ мы стали разбирать ихъ съ точки зрѣнія исторической. А сколько еще потомъ остается блестящихъ исключеній въ родѣ Антонія-Падуанскаго? Они, по-крайней-мѣрѣ, стояли бы помина. Наконецъ, эти «пламенныя воззванія къ народу» въ эпоху крестовыхъ походовъ — развѣ они также выходили не изъ католицизма?..

Вообще, мысль автора «Разсужденія» объ односторонности католической проповѣди намъ кажется слишкомъ-одностороннею. Вглядимся въ самое основаніе этой мысли. Авторъ потому составилъ себѣ такое понятіе о католической проповѣди, что видитъ въ католицизмѣ одно стремленіе постановить себя какъ государство. Пусть это и правда; но, постановляя себя въ-отношеніи къ своимъ членамъ, какъ верховную власть, не-уже-ли католицизмъ имѣлъ въ виду провести между тѣми, которыхъ считалъ или хотѣлъ считать своими подданными, только это одно начало? Католицизмъ стремился постановить себя, какъ самовластное государство, и въ немъ заключить своихъ членовъ, какъ подданныхъ; но, усиливаясь развиться въ этой формѣ, развѣ онъ уже исключалъ начала собственно-христіанской дѣятельности, развѣ не хотѣлъ единства духовнаго между своими членами и не распространялъ между ими этихъ началъ? Развѣ проповѣдь католическая говорила только о подчиненіи папской власти? Развѣ предметъ христіанскаго благочестія не составлялъ обыкновеннаго ея содержанія? Если бы авторъ захотѣлъ безпристрастно взглянуть на дѣятельность самыхъ папъ, онъ и въ ней нашелъ бы много заботливости о распространеніи между подданными римской церкви началъ христіанской нравственности. Этого нельзя отнять у нихъ: они не только искали себѣ подданныхъ, но хотѣли, чтобъ подданные ихъ были добрые христіане.

Да и потомъ, развѣ только въ однихъ стремленіяхъ папскаго престола заключалась вся внутренняя жизнь католицизма? Развѣ не происходило въ немъ другихъ, совершенно-независимыхъ явленій, которыя были вовсе чужды стремленіямъ папства, исходили изъ иныхъ побужденій, шли къ другимъ цѣлямъ и даже однимъ изъ главныхъ началъ своей дѣятельности поставляли — отрицаніе всякаго властолюбія? Они были — эти учрежденія, они существовали во множествѣ въ мірѣ католическомъ и имѣли огро-

Digitized by Google

мный кругъ дѣятельности, которая исключала всѣ виды честолюбія: мы говоримъ о монашескихъ орденахъ. Наконецъ, были изъ нихъ такіе, которыхъ назначеніе — какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго члена порознь — все сосредоточивалось *въ проповѣди*... Таково было первоначальное братство св. Франциска, таковы были и всѣ возникшіе отсюда ордена нищенствующихъ братій, миссіонеровъ и пр. Того, что говоритъ авторъ о католицизмѣ, никакимъ образомъ нельзя приложить къ подобнымъ учрежденіямъ, хотя они безспорно занимаютъ въ немъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ. Потому-то и называемъ мы мнѣніе автора «Разсужденія» одностороннимъ.

Слѣдуетъ характеристика проповѣди протестантской, которая, по мнѣнію автора, также имѣетъ характеръ *односторонній* (стр. 39). Мнѣніе это также составлено a priori, на основаніи принятаго напередъ понятія о протестантизмѣ. Вотъ какимъ образомъ умозаключаетъ авторъ:

«Протестанты, оторвавшись отъ церкви, отрицали церковь; отъ полнаго ея организма они отвлекли одну сторону, начала христіанской нравственности, и подчинили ихъ личному произволу въ толкованіи и тому же произволу въ приложеніи. *По этому* существеннаго элемента, безусловно общаго, они лишились, и проповѣдь *не могла развиться* во всей полнотѣ своей».

Прочитавъ этотъ апріористическій выводъ, мы напрасно потомъ искали исторической повѣрки: ея нѣтъ, потому, можетъ-быть, что и не могло быть?..

Но обратимся къ главной части «Разсужденія», которая должна представить намъ характеристику и оцѣнку двухъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ замѣчательнѣйшей эпохи въ исторіи Россіи.

Сначала, авторъ сдѣлалъ краткое обозрѣніе духовнаго краснорѣчія нашего отъ первыхъ вѣковъ нашей исторіи до XVI столѣтія — время, въ которое проповѣдь, какъ отдѣльный родъ сочиненій, мало развивалась. Ее замѣняло живое, постоянное поученіе; въ церквахъ читались обыкновенно творенія святыхъ отцовъ. Въ XVI столѣтіи, началось въ Южной-Россіи вліяніе католицизма и науки западной на образованіе нашего духовенства. Духовное краснорѣчіе заключилось въ отвлеченныя формы науки, явилось искусствомъ, которому стали обучаться. Проповѣдываніе въ Южной-Россіи въ XVII вѣкѣ, составляло особенную должность, которую отправляли при монастыряхъ и соборахъ духовныя лица, получившія въ Академіяхъ ученое образованіе и считавшіяся въ званіи проповѣдниковъ. На всей школѣ проповѣдниковъ, вышедшей изъ южныхъ училищъ, лежитъ однообразный характеръ. Подражаніе католическимъ писателямъ, господствовавшее въ то время, подавляло самородныя дарованія, изрѣдка просвѣчивающія сквозь условныя, стѣснительныя формы. Проповѣдь XVII вѣка была проповѣдь ученая, сочиненная въ школѣ, по правиламъ, проповѣдь искусственная. Проповѣдники думали не столько о томъ, чтобъ быть понятными каждому, сколько о соблюденіи всѣхъ правилъ реторики, о приближеніи къ образцамъ западнымъ. Въ Сѣверную-Россію, этотъ родъ внесенъ былъ Симеономъ Полоцкимъ. Онъ считается первымъ, начавшимъ читать въ церквахъ, вмѣсто твореній святыхъ отцовъ, проповѣди своего сочиненія, безъ разрѣшенія на то высшихъ духовныхъ властей. Съ этого времени, обычай сочинять и читать проповѣди утвердился въ Москвѣ, и южная школа, искусственная проповѣдь, въ стилѣ проповѣдей западныхъ, господствовала до самыхъ временъ Петра-Великаго, и болѣе и болѣе расходилась съ народною жизнью. Къ этой школѣ принадлежитъ Стефанъ Яворскій (41—49).

Проповѣди Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича выражаютъ два направленія, которыя г. Самаринъ, на диспутѣ, весьма-остроумно назвалъ ни-

Digitized by Google

правленіемъ *анти-протестантскимъ* и направленіемъ *анти-католическимъ*. Будемъ говорить прежде о первомъ. Восьмой тезисъ выраженъ такъ: «Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго замѣтно «вліяніе проповѣдей католическихъ». Слѣдовательно, все то, чѣмъ на стр. 28 — 37, характеризованы послѣднія, прилагается удобно и къ первымъ. Авторъ правъ относительно Стефана Яворскаго, если онъ правъ относительно проповѣдниковъ католическихъ. Но мы уже показали, что отзывъ его о духовныхъ ораторахъ Запада столько же суровъ, сколько и одностороненъ: слѣдственно, при такомъ отзывѣ легко могло войдти много обличительнаго на Стефана и скрыться нѣчто, достойное похвалы. При такомъ отзывѣ, не было надобности разбирать всѣ проповѣди Яворскаго, и хорошія и дурныя, а слѣдовало указать и оцѣнить тѣ изъ нихъ, которыя вѣрны взгляду диссертаціи на католицизмъ, будутъ ли то проповѣди хорошія, будутъ ли онѣ дурныя.

Что же видитъ авторъ въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго? Общій (?) порокъ духовнаго краснорѣчія католическаго: отвлеченность.

«Мы не встрѣчаемъ въ нихъ (такъ говоритъ авторъ) рѣзко выставленнаго противорѣчія началъ христіанской нравственности съ дѣйствительностію, схваченною въ настоящую минуту, со всѣми ея чертами. Послѣдній элементъ совершенно отсутствуетъ. Слушатели, тѣ, для которыхъ слово произносится, для Стефана Яворскаго какъ будто не существуютъ. Характеръ проповѣди выражается совершенно внѣшнимъ образомъ, нѣсколькими обращеніями и воззваніями къ благочестивымъ слушателямъ. Но не видать, чтобы вся рѣчь была направлена къ живымъ лицамъ и чтобы проповѣдникъ говорилъ для нихъ и ради ихъ, а не только къ нимъ. Если исключить два или три воззванія изъ любой проповѣди Стефановой, характеръ проповѣди вполнѣ исчезнетъ и мы получимъ ученое разсужденіе или риторическое упражненіе на заданную тэму». (Стр. 50).

Таковъ общій, отрицательный характеръ всѣхъ проповѣдей стефановыхъ. Далѣе, авторъ анализируетъ положительныя ихъ свойства: общее построеніе, развитіе частей, художественный элементъ. Общее построеніе проповѣдей стефановыхъ отличается особенною изысканностью. Избравъ для себя текстъ, онъ рѣдко устремляетъ вниманіе на то, что въ немъ есть существеннаго. Обыкновенно, онъ беретъ одну его сторону, останавливается на какомъ-нибудь случайномъ обстоятельствѣ, или отыскиваетъ внѣшнія его отношенія къ другому, постороннему предмету. Достойно примѣчанія, что Стефанъ Яворскій охотнѣе пишетъ на тексты историческіе, нежели на тексты догматическіе. Это предпочтеніе объясняется особеннымъ складомъ его ума и характеромъ всей школы. Отвлеченная мысль, по своей всеобщности, удобно прилагается ко всѣмъ формамъ жизни. Стефану Яворскому нужны трудности; его не занимаетъ простое, ясное примѣненіе. Напротивъ того, частный случай, фактъ, нужно еще возвести въ общую мысль, или найдти въ немъ символическое значеніе. При этомъ, открывалось заманчивое поприще для ума, испорченнаго школьными упражненіями и воспитаннаго въ формализмѣ. Кромѣ того, Стефанъ Яворскій имѣлъ отъ природы несчастную способность развивать въ своихъ проповѣдяхъ именно тѣ стороны, которыя могли подать поводъ къ примѣненіямъ смѣшнымъ и пошлымъ. Вотъ примѣръ изъ «Слова десятаго въ недѣлю вторую по Святомъ Дусѣ». Проповѣдникъ сравниваетъ людей съ рыбами:

«Людіе рыбамъ подобни. Въ первыхъ, рыбы въ водахъ родятся, отъ водъ происходятъ: а люди христіанстіи не въ водахъ ли крестительныхъ родятся рожденіемъ духовнымъ: не отъ водъ ли крестительныхъ людіе христіанстіи происходятъ; второе, рыбы въ водахъ волнами бываютъ обуреваемы, между волнами житіе ихъ бываетъ; а съ людьми не тоежде ли дѣлается? Не между ли волнами житіе наше скончавается: зрите христолюбцы, како людіе подобни суть рыбамъ и рыбы людямъ... Рыбы въ водахъ погружаются, и въ нихъ

Digitized by Google

плаваютъ, бѣгаютъ сюда и туда, будто за какимъ дѣломъ гоняются и скорое теченіе творятъ, аки бы по какой нуждѣ и потребѣ: а они плаваютъ бездѣльно, суетное и бездѣльное ихъ плаваніе, напрасные по водамъ труды, суетное и безкорыстное ихъ такъ скорое теченіе и движеніе. Такъ слово въ слово и человѣцы... Второе подобіе людей съ рыбами: рыба рыбу снѣдаетъ. И аще бы иного рода, на примѣръ, аще бы щука линя, либо карася, либо окуня ѣла, то бы еще не диво: а то своего рода, щука щуку, большая меньшую снѣдаетъ, пожираетъ... Но мы рыбамъ не дивимся, тіи бо суть безсловесніи: то паче, что у насъ людей разумныхъ тоежъ дѣлается... Третье подобіе людей съ рыбами: рыбы уловляются овогда удицею, овогда же мрежею: тоежъ дѣется и съ человѣками... Христосъ ловитъ мрежами, а сатана удицею... Четвертое подобіе людей съ рыбами: рыба отъ главы начинаетъ согнивать, тоежъ бываетъ и въ людяхъ часто: многажды отъ главы, отъ начальника, растлѣніе происходитъ въ градахъ... Пятое подобіе людей съ рыбами: рыба въ водѣ бываетъ сильна и крѣпка, въ бѣгахъ и теченіяхъ своихъ скора, дика и неукротима... Пущай же только ее изъ воды вытянутъ: ажъ она безсильна: ажъ она мечется, движется, кидается и сюда и туда: но всуе уже ту смирится твое свирѣпство: здѣ конецъ твоимъ теченіямъ и бѣгамъ. Такъ слово въ слово и людіе міра сего горделивые, дерзостные, обидящіе, досадительные покамѣстъ въ морѣ міра сего буяютъ... Ей рыбко! памятуй на смертныя сѣти, не всегда тебѣ въ водахъ быти: прійдетъ время, егда тя извлекутъ изъ моря міра сего... Шестое и послѣднее подобіе людей съ рыбами: рыбы чѣмъ плаваніе свое управляютъ: ибо у рыбы пловущей вмѣсто кормила хвостъ. Такъ бы конче и людемъ надобѣ житіе свое исправляти... А что знаменуетъ хвостъ: хвостъ послѣдняя часть знаменуетъ, послѣдняя человѣческая четыри: смерть, страшный судъ, небо и адъ. О! да быхомъ сія послѣдняя всегда на памяти имѣли, и тѣми хвостами послѣдними корабль житія своего въ волнахъ сего свѣта управляти! никогда же быхомъ боялися отверстыхъ устъ кита преисподняго» и проч.

Изложивъ мысль, Стефанъ Яворскій обыкновенно опираетъ ее на доказательствахъ, свидѣтельствахъ, уясняетъ ее примѣрами и уподобленіями. При этомъ открывается случай блеснуть начитанностью, и Стефанъ Яворскій рѣдко его упускаетъ. Кромѣ духовной литературы, онъ цитуетъ Гомера, Діогена, Аристотеля, Демосѳена, Тита-Ливія, Цицерона, Виргилія, Плинія, и пр. Касательно элемента художественнаго, должно замѣтить, что то же стремленіе, по которому Стефанъ Яворскій любилъ искать въ фактахъ, мимо ихъ прямаго значенія, иносказательныхъ смысловъ, повторяется въ характерѣ его описаній и образовъ. Вездѣ онъ ищетъ готовыхъ символовъ или создаетъ свои. Такъ, напр., «Слово въ Недѣлю Ѳомину», есть рядъ аллегорій, сравненій, ничѣмъ несвязанныхъ. Исчерпавъ одно сравненіе, проповѣдникъ съ восклицаніями повторяетъ свой текстъ и берется за другое. Язвы Христовы сравниваются съ раемъ и четырьмя протекающими по немъ рѣками, съ пяточастною драгайшею газофилакіею (сокровищницею), съ аптекою, съ ямами, съ мѣшкомъ, съ развалинами или тѣсными проходами, съ скважинами, съ камнемъ, дающимъ прибѣжище преслѣдуемому зайцу, наконецъ съ прекрасными чертогами царскими, съ градами, прибѣжищами крѣпчайшими, и пр. Но, кромѣ безпорядка и излишняго обилія образовъ, самые образы своею грубою чувственностью оскорбляютъ религіозное и художественное чувство.

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго преобладаетъ элементъ эпическій, притомъ на низшей ступени, какъ символъ и аллегорія. Кромѣ того, онъ допускаетъ иногда драматическую форму, которая нисколько не условливается у него самимъ содержаніемъ; это одна только форма, фигура вопрошенія, которую можно приложить ко всему. Въ «Словѣ о Самарянинѣ», по случаю словъ Спасителя, указывающаго на Магдалину: «видишь ли сію жену?», Стефанъ Яворскій вступаетъ въ разговоръ съ Спасителемъ:

Digitized by Google

«А чтожъ ту Спасителю мой, въ той женщинѣ зрѣнія достойно? Не вижу я въ ней ничтоже удивительно: аще тому велишь присматриватися, что хорошо устроилася, червленицею (румянами) и бѣлиломъ лице умастила, чело свое, что кожу на барабанѣ, вытянула, очи безстудные очернила, брови естественныя искоренивши, иныя брови себѣ сдѣлала... сицевому украшенію, на прелесть очесамъ сдѣланному, аще велишъ присматриватися, Спасителю мой, крикнетъ, паче же слышу ко всякому изъ насъ царствующаго пророка Давила глаголюща: отврати очи твои, еже не видѣти суеты. Однакожъ не слушаетъ пророка Христосъ», и проч.

Въ другомъ словѣ, Стефанъ обращается къ ангелу, принесшему таинственную книгу на съѣденіе Іоанну:

«О, Ангеле Божій! Не вели книги твоей небесной Богослову снѣсти: пожалую, дай первѣе намъ прочести ю, да увѣмы, что въ ней написано, и да научимся чему нибудь отъ нея на пользу нашу: или ты устно намъ исповѣждь, что въ ней написано. Не слушаетъ насъ Ангелъ, ни книги прочести даетъ, ни устно, что въ ней написано сказуетъ: а конечнѣ Богослову велитъ: пріими и снѣждь ю. Богослове святый! Отвѣщай Ангелу: никогда же книги ядохъ, ни бо на то пишутся книги, дабы ясти ихъ, но чести. Аще книгу снѣмъ, но снѣмъ не прочетъ: то кая ми будетъ польза, не увидавъ, что въ ней написано. Молчитъ и Богословъ, Ангелу не прекословитъ... Скажи Богослове святый намъ, поне сіе: есть ли нѣкій смакъ, яже яси? Горька ли, или сладка книга та?» и проч.

Вотъ разговоръ Іоанна-Крестителя съ Иродомъ, замѣчательный и въ другомъ отношеніи:

«Глаголетъ Іоаннъ: пресвѣтлѣйшій Государь! Въ ономъ дому сходятся пьяницы, картіожники, блудники, убійства, татьба, клеветы творящіи: слушаетъ его въ сладость Иродъ; абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнитъ. Глаголетъ Іоаннъ: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо младіи безчинствуютъ, тамо безвременные крики и вопли. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, и т. д. Глаголетъ Іоаннъ: невинніи страждутъ въ узахъ и оковахъ напрасно заключенни: многихъ бьютъ напрасно на правежѣ: мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ Иродъ: осужду, испущу, освобожду ихъ. Коснуся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осяза раны его... Ваше величество! Ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій: понеже ты подданнымъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебе мнози соблазняются... Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи, въ темницу его! за дерзость казнь да пріиметъ!»

Подражая проповѣдникамъ католическимъ, Стефанъ Яворскій старается иногда разсмѣшить своихъ слушателей. На-пр., въ проповѣди на текстъ: «пріимите Духъ Святъ», онъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе:

«Православніи христіане! Въ какомъ образѣ хощете Духа Святаго воспріяти? Пріимите Духа Святаго во образѣ воды. Чаю речете: О! сами хотятъ воспріяти Духа Святаго во образѣ вина, а намъ его даютъ во образѣ воды!»

Подражаніе западнымъ писателямъ убило дарованіе Стефана Яворскаго. А дарованіе въ немъ было, и оно проявлялось, притомъ не столько въ проповѣдяхъ, бо̀льшею частію искусственныхъ, сколько въ другихъ сочиненіяхъ (напр., въ «Камнѣ Вѣры»), когда онъ забывалъ о правилахъ и говорилъ отъ души.

Въ словахъ торжественныхъ, благодарственныхъ, и проч., встрѣчается тотъ же характеръ отвлеченности и отчужденія отъ современной жизни, но въ несравненно-болѣе-рѣзкомъ проявленіи. Вотъ что̀ говоритъ г. Самаринъ о реформѣ Петра. Мы не боимся выписокъ, потому-что онѣ передаютъ читателямъ весьма-любопытныя мѣста «Разсужденія»:

«Не было въ исторіи человѣчества и, вѣроятно, никогда не повторится такого крутаго перелома въ жизни цѣлой націи. До послѣдней своей глубины была потрясена народная субстанція; всѣ интересы, всѣ силы вызваны были наружу и приведены въ дѣйствіе; жизнь новая, искуственно ускоренная въ своемъ теченіи, кипѣла и разливалась по всѣмъ путямъ. Это было время дѣятельности небывалой, разно-

Digitized by Google

сбранной при всей ея *односторонности* (?), шумной и вмѣстѣ правильной, покорной мысли одного человѣка.

Петръ Великій вызывалъ на новыя, имъ открытыя поприща, всѣ силы русскаго человѣка; онъ признавалъ дарованія всякаго рода и давалъ имъ дѣло. Вездѣ заводилось новое и сокрушалось старое. Вновь набранное и едва обученное войско гнало передъ собою полки давно извѣданные и считавшіеся непобѣдимыми; предѣлы Россіи раздвигались; русскій флагъ развѣвался на Балтійскомъ Морѣ; новый городъ выросталъ изъ болота; внутреннее управленіе измѣнялось; общественная и семейная жизнь, обычаи, языкъ, одежда — все принимало новый видъ; вѣковыя преграды, раздѣлявшія насъ съ Европою, рушились, и со стороны Запада повѣяло на Россію жизнью, долго для нея чуждою.

Между тѣмъ страшная опала тяготѣла на старинѣ и на ея представителяхъ; все то, передъ чѣмъ благоговѣлъ и что любилъ народъ, въ его глазахъ было ниспровергнуто и обругано. Церковь, нѣкогда обнимавшая всю полноту жизни народной и освящавшая всѣ отношенія, была стѣснена во своемъ вліяніи; ея спеціальная сфера дѣятельности была рѣзко очерчена; не стало патріаршества; монастыри утратили свои богатства; Москва, столица народная, утратила свое первенство.

Все это совершалось въ глазахъ Стефана Яворскаго. Въ эти годы, такъ полные важныхъ событій, онъ занималъ верховную каѳедру; на все, что дѣлалось въ Россіи, ему должно было отзываться отъ имени церкви; между тѣмъ много ли въ его проповѣдяхъ такихъ словъ, въ которыхъ бы виденъ былъ современникъ, которыя принадлежали бы тому времени и отражали его въ себѣ? Понятно, что Стефанъ, воспитанный въ понятіяхъ XVII столѣтія, принадлежа къ той партіи, которая, по словамъ самого Петра, не во авантажѣ обрѣталась, не могъ искренно сочувствовать преобразованію; военная слава исчезла для него передъ судьбою церкви; обогащеніе Россіи перенятыми у иностранцевъ ремеслами и искусствами не вознаграждало въ его глазахъ пагубнаго вліянія протестантскихъ понятій. Но въ такомъ случаѣ, почему не вырвалось изъ его груди живаго слова, звучащаго негодованіемъ; по крайней мѣрѣ, хотя бы выразилась искренняя, душевная скорбь. Ничего подобнаго, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ, мы не находимъ въ его проповѣдяхъ.» (Стр. 94—97).

Мы отмѣтили слово *односторонности*, которымъ авторъ характеризуетъ разнообразную, правильную, небывалую дѣятельность Петра. Жаль, что въ «Разсужденіи», составляющемъ третью часть труда, какъ замѣтили мы при самомъ началѣ нашей статьи, нѣкоторыя положенія берутся не какъ доказываемыя, а какъ уже доказанныя истины. Еслибъ мы были знакомы съ первыми двумя частями сочиненія, то могли бы видѣть, въ силу какихъ фактовъ составилось такое мнѣніе о реформѣ Петра. Въ «Разсужденіи» есть только малыя и легкія на то указанія. На стр. 121 читаемъ:

«Взглядъ Петра на религію былъ *односторонень*. Онъ понималъ ее только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный живой организмъ; и потому самая проповѣдь получила для него значеніе не столько церкви, сколько государству. Въ этомъ отношеніи, требованія его были протестантскія, и направленіе, которое онъ давалъ проповѣди, отзывалось протестантскою односторонностью.»

Эти строки служатъ вмѣстѣ переходомъ «Разсужденія» отъ Стефана Яворскаго къ Ѳеофану Прокоповичу. Если въ проповѣдяхъ перваго замѣтно вліяніе проповѣдей католическихъ, то второй основалъ новую школу проповѣдниковъ, заключавшую въ себѣ возможность уклоненія въ протестантскую односторонность (тэзисъ девятый). Между направленіемъ двухъ ораторовъ нашихъ такое же, слѣдовательно, различіе, какое различіе между проповѣдью католическою, которая отражаетъ въ себѣ отношенія частныхъ лицъ въ католицизмѣ (тэзисъ шестой), и проповѣдью протестантскою, которая есть плодъ отрицанія объективной церкви (тэзисъ седьмой).

Намеки на протестантскую односторонность Ѳеофана-проповѣдника на-

Digitized by Google

ходимъ въ «Словарѣ Историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви». Авторъ «Словаря», на стр. 314 (томъ 2), говоритъ, что въ богословскихъ трактатахъ (на латинскомъ языкѣ) Ѳеофана Прокоповича замѣчены Стефаномъ Яворскимъ нѣкоторыя *неправославныя* мнѣнія по рукописямъ. Далѣе, на стр. 319 — 321, при исчисленіи сочиненій Ѳеофана Прокоповича, указаны слѣдующія, подъ нумерами 23 и 25:

«23) *Примѣчанія* на книгу Доминиканца Беранда Риберы, бывшаго при гишпанскомъ посланникѣ, герцогѣ Делирѣ, въ Москвѣ, во время коронаціи императрицы Анны Іоанновны, и написавшаго тамъ опроверженіе на изданное 1729 г. въ Іенѣ, подъ именемъ славнаго лютеранскаго Богослова Французскаго Буддея, разсужденіе подъ названіемъ: Apologia pro Luthero. Апологію сію, писанную неизвѣстно кѣмъ (и только слухъ носился тогда, что *кѣмъ-то* въ Россіи, даже *изъ Русскихъ*, какъ увѣрялъ Рибера), на книгу митрополита Стефана Яворскаго, именуемую *Камень Вѣры*, Рибера въ защиту Яворскаго опровергнулъ, и напечатавъ книгу свою подъ названіемъ Responsum Antapologeticum въ Вѣнѣ 1731 г., посвятилъ оную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. На сію-то Риберину книгу Ѳеофанъ сдѣлалъ нѣкоторыя критическія примѣчанія, выставляющія опасность ея и подалъ оныя въ Кабинетъ 1733 г. 25) *Показаніе прореченнаго прежде въ словесѣхъ Божіихъ, издавна уже явившагося въ мірѣ Великаго Антихриста, чрезъ характеры его, въ св. писаніи предложенныя, и по его явленіи отъ многихъ прешедшихъ лѣтъ узнанныя и нынѣ ясно видимыя на немъ.* Книга сія писана въ 1735 и 1736 г. незадолго до смерти, въ опроверженіе дерзкихъ раскольничьихъ мнѣній о явленіи антихриста, якобы въ лицѣ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ. Онъ расположилъ сіе сочиненіе на двѣ части, и въ первой изчислялъ безъименно отличительныя свойства антихриста, означенныя въ св. писаніи, а во второй части намѣренъ былъ примѣнить оныя *къ папѣ*, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ тогдашнихъ *протестантскихъ писателей*, но трактатъ сей остался не конченъ.»

Возвращаемся къ «Разсужденію» г. Самарина и выпишемъ основаніе и характеристику проповѣдей Ѳеофана Прокоповича:

«Періодъ исключительной національности клонится къ своему разрѣшенію; старый бытъ развалился по частямъ. Авторитетъ преданія, безпредѣльное уваженіе къ убѣжденіямъ дѣдовъ и отцевъ, это начало, которое давало древней жизни русскаго народа единство, крѣпость, непроницаемость и вмѣстѣ осуждало ее на неподвижность, оказывалось безсильнымъ. Многое измѣнилось само собою противъ стараго порядка; а какъ-скоро измѣнилось что-нибудь, могло измѣниться все; ибо все прежнее безъ исключенія было равно дорого народу, все освящалъ авторитетъ преданія и не допускалъ никакого выбора. Образовались двѣ партіи равно односторонніе, одна изъ нихъ стояла упорно за все старое, потому только, что оно было старое. Церковь осудила въ ней суевѣріе, осудило ее государство и вся современная жизнь, сама собою, безсознательно принявшая много чуждыхъ элементовъ. Другая партія все старое отвергала, отрекаясь въ тоже время отъ преходящаго и отъ неизмѣннаго, вѣчно истиннаго, и увлекалась страстнымъ порывомъ къ подражанію. Обѣ партіи безсознательно трудились надъ рѣшеніемъ великой задачи, только въ наше время представшей во всей ясности; эта задача — возведеніе національныхъ элементовъ на степень общечеловѣческихъ.

Итакъ, съ одной стороны, господствовалъ грубый формализмъ и суевѣріе, а съ другой грозило невѣріе, тѣмъ болѣе опасное, что съ нимъ совпадало западное, протестантское движеніе. Тяжелое время наступило для церкви; трудная и высокая обязанность палегла на ея представителей — бороться въ одно время съ двумя противоположными направленіями.

Послѣдствія этого порядка дѣлъ быстро обнаружились. Паденіе народной нравственности, частые мятежи поразили Петра Великаго и навели его на корень общественнаго недуга.

Для его проницательнаго ума было ясно, что благоденствіе государства условлено народною нравственностію, а нравственность можетъ процвѣтать только на почвѣ религіи. Петръ Великій предписалъ духовенству заботиться въ особенности о развитіи въ народѣ религіозно-нравственнаго чувства, объ удаленіи нравствен-

Digitized by Google

ныхъ законовъ въ нихъ непосредственномъ примѣненіи къ практической жизни. Разумѣется, главнымъ орудіемъ при этомъ была проповѣдь. Проповѣдь получила съ точки зрѣнія Петра Великаго новое значеніе и огромную важность — для государства.

Направленіе Ѳеофана Прокоповича, также одностороннее, совпадало съ мыслью Петра. Петръ Великій предписалъ проповѣди имѣть въ виду практическую пользу; Ѳеофанъ допустилъ въ ней методъ личнаго изслѣдованія текстовъ. (*Стр. 118—122*).

Свойства проповѣдей Ѳеофана дѣлитъ авторъ на отрицательныя и положительныя. Первыя состояли въ отсутствіи обыкновенныхъ въ то врѣмя недостатковъ: о нихъ говорить не будемъ, потому-что они уже извѣстны намъ изъ характеристики проповѣдей Яворскаго. Вторыя, положительныя, состоятъ въ ихъ современности, въ ихъ живомъ отношеніи къ дѣйствительности Почти всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность, во всѣхъ родахъ по-преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, иронiи и самой язвительной сатиры.

Но дарованіе Ѳеофана развилось въ полной силѣ и на свободѣ въ его торжественныхъ и похвальныхъ словахъ. Какъ ораторъ свѣтскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ выше Ѳеофана-проповѣдника (тэзисъ десятый и послѣдній):

«Слухъ о томъ, что творилось на сѣверѣ, доходилъ до Кіева; ожиданіе великаго обновленія и всеобщее безпокойство, предчувствіе переворота, питали въ Ѳеофанѣ природную потребность дѣятельности, которой не удовлетворяла должность преподавателя въ академіи. Между тѣмъ идея обновленія, сперва заключенная въ духѣ одного Петра, потомъ въ сферѣ еще тѣсной его окруженія, мало по малу расширяла свой кругъ; наконецъ она захватила Ѳеофана Прокоповича и вынесла его на поприще, ему предназначенное.

Ѳеофанъ Прокоповичъ понялъ требованія тогдашней Россіи, но односторонно. Онъ съ ужасомъ предался преобразовательному стремленію и посвятилъ всѣ свои силы на служеніе той мысли, которую олицетворилъ въ себѣ Петръ Великій.

Послѣднему такой человѣкъ, какъ Ѳеофанъ, былъ нуженъ. Подвизаясь одиноко на пути своемъ, онъ зналъ, что очень немногіе сознавали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренно почти всѣ его осуждали. Не такого повиновенія требовалъ Петръ. Онъ хотѣлъ, чтобъ вся Россія по убѣжденію пріобщилась къ его стремленію, чтобъ народъ пересталъ смотрѣть на его дѣла, какъ на личныя прихоти, и чтобы поняли всѣ, что не для одного себя, а для общей пользы онъ трудился, отмѣнялъ старое и заводилъ новое. Это уваженіе къ общему мнѣнію, эта потребность имѣть его для себя, въ Петрѣ Великомъ и при его желѣзной волѣ очень замѣчательна. Но слишкомъ много лежало на немъ другихъ, разнообразныхъ заботъ. Практическая дѣятельность поглощала его и не оставляла времени самому отдавать отчетъ въ своихъ начинаніяхъ и оправдывать ихъ. Онъ искалъ человѣка, способнаго понять его, искренно и сознательно ему преданнаго, глубоко убѣжденнаго въ разумной необходимости его стремленій, который взялъ бы на себя отъ имени его говорить съ народомъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ отозвался на это призваніе. Онъ посвятилъ свое слово Петру Великому и сталъ посредникомъ между нимъ и народомъ. Посвященный во всѣ виды Петра, его совѣтникъ и помощникъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе и когда дѣло совершилось, онъ его оправдывалъ, отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія — вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича, его задача какъ оратора» (*Стр. 155—157*).

Мы коротко познакомились и познакомили читателей съ ученымъ трудомъ г. Самарина. Сочиненіе его вполнѣ заслуживало подробнаго отчета: оно принадлежитъ къ числу весьма-немногихъ «разсужденій» и замѣчательно какъ

Digitized by Google

важностію содержанія и самобытностію развитія, такъ и блистательнымъ изложеніемъ и превосходнымъ, оригинальнымъ слогомъ. Всѣми этими качествами авторъ опровергнулъ собственное свое первое положеніе, которымъ краснорѣчію не даетъ мѣста въ области искусства: его диссертація—*художественное* произведеніе.

236) Записки и Воспоминанія о Путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи въ 1842 году профессора Симонова. *Казань. Печатано въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 333 стр. Съ одной таблицею чертежей.*

Путешествовать, ѣздить за-границу, въ наше время рѣшительно сдѣлалось потребностью. Всякій изъ насъ ставитъ себѣ въ обязанность «людей посмотрѣть и себя показать»; выходитъ ли толкъ изъ этихъ поѣздокъ, трудно рѣшить; по-крайней-мѣрѣ, большая часть того, что пишутъ и печатаютъ сами господа-путешественники, доказываетъ противное. Взгляните на всѣ эти различныя путевыя записки, впечатлѣнія, поѣздки, письма съ дороги, и пр. и пр. которыя появляются у насъ ежегодно въ достаточномъ количествѣ; сравните ихъ—найдете вездѣ одно и то же: перечисленіе обѣдовъ и ужиновъ, уничтоженныхъ проголодавшимся путешественникомъ, повтореніе старинныхъ давно-извѣстныхъ анекдотовъ, которые наши туристы обыкновенно разсказываютъ про себя, и описаніе замѣчательнѣйшихъ зданій, гульбищъ, заимствованныя изъ какого-нибудь guide du voyageur. Не ищите здѣсь ни характера народа, ни физіономіи страны и естественной и гражданской, ни общественной жизни: авторы пропускаютъ безъ вниманія эти, по-видимому, самые важные вопросы, какъ вещи совершенно постороннія, или говорятъ о нихъ такъ, слегка, общими фразами, часто даже неимѣющими смысла.

Знаете ли, отъ-чего это обыкновенно происходитъ? У насъ путешествуютъ большею-частію отъ-нѣчего-дѣлать, шутя, безъ особенной цѣли. Изъ путешествія мы сдѣлали себѣ игрушку, отдыхъ; а изучать страну, народъ—вѣдь это трудъ, и большой трудъ, который требуетъ очень-многаго со стороны путешественника. Право, наблюдать не такъ легко, какъ это кажется. Наблюдательность — особенный даръ, которымъ награждается человѣкъ отъ природы.

Вотъ почему, вѣроятно, такъ рѣдки хорошія путешествія во всѣхъ литературахъ, тѣмъ болѣе въ нашей.

Профессоръ Симоновъ путешествовалъ совершенно съ особенною спеціальною цѣлью; вотъ, что онъ самъ говоритъ на стр. 2-й своей книги:

«...Между тѣмъ, германскіе натуралисты и медики германскіе согласились войдти въ тѣсную ученую связь не письменно, но личнымъ сношеніемъ, предположивъ съ этою цѣлью ежегодно собираться въ разныхъ городахъ— въ одинъ годъ въ сѣверной, а въ другой въ южной Германіи. За ними послѣдовали Англичане, Французы и Итальянцы. На эти съѣзды приглашались и иностранные ученые.

«Въ 1832 году, Вѣнскій съѣздъ ученыхъ сдѣлалъ мнѣ честь приглашеніемъ присутствовать въ ихъ засѣданіяхъ; но обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться столь лестнымъ для меня предложеніемъ. Между тѣмъ любопытство влекло меня взглянуть на эти многочисленныя собранія людей, изъ которыхъ многіе отличными трудами своими пріобрѣли европейскую извѣстность. Годъ за годомъ протекало время и только въ 1842 году по прошествіи 17 лѣтъ послѣ моего путешествія по Южной Германіи, Италіи и Франціи въ 1823, 24 и 25 годахъ, мнѣ можно было удовлетворить своему желанію. Первоначальная цѣль моего путешествія въ этомъ году состояла въ томъ, чтобъ присутствовать на съѣздѣ англійскихъ ученыхъ въ Манчестерѣ; возобновить прежнія мои знакомства, и

Digitized by Google

«войдти через то въ кругъ успѣховъ, «сдѣланныхъ въ наукахъ въ недавнее «время. Но по дѣламъ службы, я не «успѣлъ быть въ Англіи къ назначен«ному сроку Манчестерскаго съѣзда и «замѣнилъ его Маинцскимъ собраніемъ «Нѣмецкихъ натуралистовъ и меди«ковъ.»

Вотъ цѣль, которую задалъ себѣ г. Симоновъ, цѣль — чисто-спеціальная, какъ мы сказали, цѣль ученая, но, не смотря на то, въ высшей степени интересная. Записки почтеннаго профессора—живая, рѣзкая картина состоянія просвѣщенія и учености на Западѣ, начерченная безъ всякихъ схоластическихъ претензій, легко, понятно, увлекательно. Особенно интересно описана здѣсь домашняя жизнь знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ. Мы охотно познакомили бы ближе нашихъ читателей съ этимъ занимательнымъ сочиненіемъ нѣкоторыми выписками, но, признаемся откровенно, насъ затруднилъ выборъ. Не перепечатывать же всей книги г. Симонова, какъ это сдѣлалъ недавно одинъ извѣстный журналъ!

237) Поѣздка въ Забайкальскій Край. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. Въ 12-ю д. л. Двѣ части. 143 и 126 стр. Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, касающихся исторіи Албазина.*

Какъ ни любопытно и назидательно можетъ быть иное путешествіе по Европѣ, хотя бы написанное слогомъ Гоголя, но мы предпочитаемъ ему, то-есть иному путешествію по Европѣ, простую и безъ всякихъ претензій написанную «Поѣздку въ Забайкальскій Край». Авторъ записокъ, Василій Паршинъ, провелъ въ этомъ отдаленномъ и малоизвѣстномъ краю цѣлыя пять лѣтъ и сообщаетъ о немъ много интересныхъ подробностей. По словамъ его — описывая забайкальскій край, онъ коснулся только того, что видѣлъ своими глазами, или что узналъ достовѣрно: отъ-того, впрочемъ, сочиненіе его тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны въ нашихъ глазахъ. Въ запискахъ объ этой «Поѣздкѣ» нѣтъ ничего искусственнаго, но видѣнъ внимательный наблюдатель, который вездѣ руководится своимъ вѣрнымъ смысломъ и все повѣряетъ своимъ собственнымъ опытомъ. Мы предложимъ читателямъ нѣкоторые отрывки, которые намъ показались особенно любопытными. Пропускаемъ описаніе Байкала, или Святаго-Моря, о которомъ читатели «Отеч. Записокъ» знаютъ уже многое изъ статьи г. Щукина, помѣщенной въ предпослѣдней книжкѣ нашего журнала. За Байкаломъ, какъ извѣстно, обитаютъ многія монгольскія племена, которыя всѣ болѣе или менѣе находятся подъ вліяніемъ ламъ, живущихъ между ними во множествѣ. Авторъ сообщаетъ о нихъ многія свѣдѣнія, которыя могутъ составить любопытную страницу въ исторіи народныхъ суевѣрій и заблужденій. Мысль почти вездѣ одна и та же, и часто самыя формы сближаются:

«Ламы брѣютъ головы, не оставляя косы, какъ прочіе Монголы, и составляютъ родъ монаховъ. Лама долженъ вести жизнь умѣренную, постническую, не вкушать нечистаго, быть чуждымъ житейскаго, не имѣть жены, жить при кумирнѣ и молиться Богу, что однакожь не мѣшаетъ ему разгуливать изъ юрты въ юрту, гдѣ принимаютъ его съ величайшимъ почтеніемъ и подчиваютъ всѣмъ, что только хозяинъ имѣетъ лучшаго и завѣтнаго, — на то время, все въ юртѣ принадлежитъ ламѣ, не исключая ничего... Посѣщеніе ламы Ширетуя, въ каждой юртѣ дѣлаетъ праздникъ. Хозяинъ гордится своимъ гостемъ, и долго послѣ припоминаетъ и разсказываетъ своимъ знакомымъ про это счастіе. Лакомое кушанье — жареный тарбаганъ, или голова жирнаго барана, предлагаются, предпочтительно предъ другими гостьми, ламѣ, и онъ съ важностію отрѣзываетъ два кусочка, изъ нихъ одинъ бросаетъ на пылающій въ юртѣ огонь, а другой отъ себя въ сторону. Это родъ жертвоприношенія, и потомъ уже нападаетъ на пищу съ аппетитомъ, достойнымъ удивленія.

Благословляемый склоняется предъ Ламою, сложивъ обѣ ладони рукъ вмѣстѣ

Digitized by Google

и прижавъ ихъ къ груди, или къ лицу. Получивъ благословеніе, онъ дѣлаетъ глубокій поклонъ и отходитъ отступая назадъ и не вдругъ оборачивается къ ламѣ спиною. Монголы чрезвычайно-суевѣрны, а ламы еще болѣе стараются удерживать ихъ въ этомъ состояніи, чтобъ тѣмъ сильнѣе владѣть умами ихъ. Они условно порядочные лекари и превосходные шарлатаны. Снадобьями своими (лекарствами), они еще болѣе увеличиваютъ вліяніе свое на народъ. Лечатъ по своему, и нѣкоторые довольно удачно; другіе, просто, обманываютъ народъ, прикрывая шарлатанство вѣрою.

Когда ламу призовутъ къ больному, онъ, распросивъ его о болѣзни, беретъ принесенную съ собою книгу и такъ сказать ворожитъ по ней: чѣмъ лечить больнаго и какой при этомъ случаѣ совершать молебенъ? Молебенъ необходимое условіе ламскаго леченія. Вычитавъ въ книгѣ, что молебенъ долженъ сопровождаться такими-то обрядами и что болѣзнь происходитъ отъ вліянія такого-то злаго духа, котораго должно отогнать извѣстными ему молитвами, честный лама приглашаетъ своихъ собратовъ, чаще къ ночи, въ юрту больнаго со всѣми препаратами. Въ юртѣ въ это время горитъ обыкновенно большой огонь, а на огнѣ стоитъ огромная чаша со свѣжею бараниною, для мрачныхъ сыновъ Эскулапа. Противъ больнаго ставятъ маленькую скамейку, покрытую деревянными и слѣпленными изъ тѣста уродцами. Это злые духи. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ лоскутья: это мнимое изобрѣтеніе хозяина и его семейства. Уродцы въ лоскутьяхъ вооружены копейцами. Больной долженъ сидѣть, или лежать лицомъ къ тѣмъ изображеніямъ. Начинается леченіе.

Ламы садятся по чинамъ въ полукругѣ лицомъ къ огню и больному, на войлоки, обшитые цвѣтнымъ сукномъ, раскрываютъ свои книги и начинаютъ одинъ за другимъ уныло урчать свои молитвы и заклинанія; потомъ вдругъ старшій лама зазвенитъ въ колокольчикъ, или ударитъ въ трещотку, другой за нимъ колотушкою въ преогромный бубенъ, слѣдующіе въ тазы, тотъ въ маленькой бубенъ, зарычатъ трубы и раковины, и начнется хаосъ пронзительныхъ, дикихъ звуковъ, продолжающійся минуты съ три; потомъ старшій лама подаетъ знакъ и разомъ все утихаетъ. Начинаютъ опять читать, опять слѣдуетъ стукотня и шумъ, возвышающіяся, или опадающія, смотря по восторгамъ дѣйствующихъ лицъ и усердію ихъ къ благодарному хозяину. Этотъ гамъ продолжается долѣе полуночи, и потомъ старшій лама, изковеркавъ безъ милосердія изображенія непріязненныхъ духовъ, приказываетъ одному изъ ламъ отнесть ихъ и бросить въ ту сторону, куда опять указала книга. Во все это время впереди въ юртѣ на разукрашенномъ возвышеніи, подобномъ комоду, стоитъ маленькое изображеніе Шакгемуни, произведеніе кисти монгольскихъ артистовъ, или купленное у Китайцевъ. Предъ нимъ мѣдныя чашечки, наполненныя зерновымъ хлѣбомъ, водою, молокомъ, чаемъ, иногда фруктами. Хлѣбъ, чай, вода, молоко каждый день въ чашечкахъ перемѣняются. Это жертва Шакгемуни. Въ обыкновенное время изображеніе Шакгемуни хранится въ томъ же поставцѣ.»

А вотъ кстати и ламайское понятіе о причинахъ затмѣнія луны. Это, какъ сейчасъ увидите, цѣлая исторія. Автору «Поѣздки» разсказывалъ ее одинъ старый лама:

«Были два добрыхъ духа, давно, очень-давно, при началѣ міроздавія. Они хотѣли создать еще одно твореніе выше человѣка, и такъ приготовили на это матеріалъ. Случилось какъ-то обоимъ имъ отлучиться. Въ это время летѣлъ мимо злой духъ и, увидя затѣю духовъ добрыхъ, испортилъ составъ будущаго творенія: онъ прибавилъ въ него своей нечистоты, и все дѣло стало хоть брось. Зная же, что это ему не обойдется даромъ, онъ поскорѣе убрался. Вотъ прилетѣли добрые духи, ахнули, сердечные, когда увидѣли, что надѣлалъ шайтанъ (злой духъ, чортъ) и бросились искать, чтобъ наказать его. Долго они летали въ пространствѣ неба, нѣтъ злаго духа, да и только: онъ спрятался и такъ далеко удралъ, что и тремъ исправникамъ и съ засѣдателями не найдти бы его... Вотъ они спрашиваютъ у вѣтра: не видѣлъ ли онъ злаго духа! Вѣтеръ надулся и отвѣчалъ, что онъ былъ въ лѣсу, да гулялъ по полю и не видалъ; спросите, говоритъ, у облака. Спросили сѣрое облако. До того ли, отвѣчало облако: — я де все росу собиралъ съ земли и ходилъ низко; спросите у луны: она высоко гуляетъ въ небѣ и смотритъ во

Digitized by Google

всѣ стороны. Точно! спресили луну. Она по простотѣ своей да и скажи, что видѣла злаго духа: пролетѣлъ-де онъ на Востокъ. Добрые духи полетѣли туда и скоро открыли его. Началось сраженіе между ими. Но одному съ двоими сражаться плохо; однакожъ злой духъ защищался храбро, только какъ-то оплошалъ, и противники разрубили его на двое. Изуродованный и брошенный, онъ началъ соображать: кто указалъ врагамъ его мѣсто, куда онъ спрятался. Нѣкому больше— это луна! Постой же ты, бѣлобрысая! Вотъ я тебя!.. Ты указывала имъ... этимъ... понимаешь... куда я спрятался? закричалъ онъ лунѣ, расширя огромную пасть свою. — Бѣдняжка такъ испугалась, что не могла вымолвить слова, поблѣднѣла какъ серебро, а онъ хвать ее, да въ ротъ, да и сглопулъ разомъ!.. Только она скоро изъ него выпала... такъ нѣтъ — глотаетъ да и только; да съ тѣхъ поръ до нынѣ все-то глотаетъ ее, — отчего и происходитъ лунное затмѣніе!»

Изъ всѣхъ русскихъ городовъ и мѣстечекъ за Байкаломъ самое замѣчательное есть, безъ-сомнѣнія, Кяхта. Объ этой торговой слободѣ и о производимой въ ней торговлѣ съ Китайцами, авторъ «Поѣздки» дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Кяхта, пограничная торговая слобода, стоитъ на отлогомъ возвышеніи, въ четырехъ верстахъ отъ Троицкосавска, подлѣ самой границы. Она застроена деревянными, очень красивыми домами, и отдѣлена отъ границы небольшою деревянною стѣною. Церковь въ ней деревянная, старая; другая подлѣ, каменная, еще строится. Изъ казенныхъ зданій: домъ пограничнаго начальника, ревенный дворъ и Китайское училище, построенное иждивеніемъ почетнаго гражданина, Н. М. Игумнова. Учащихся въ этомъ прекрасномъ заведеніи я видѣлъ до 25 чел., все дѣти гражданъ. Замѣчательно, что школу посѣщалъ въ это время одинъ молодой Китаецъ, учась въ ней частно русскому чтенію и письму. Училище открыто въ 1835 году, подъ руководствомъ извѣстнаго нашего оріенталиста О. Іакинѳа Бичурина.

Знаменитая кяхтинская торговля совершается большею частію въ домахъ у купцовъ, по предварительной оцѣнкѣ товаровъ, въ присутствіи избранныхъ отъ купечества 4-хъ компаніоновъ. Въ компаніоны избираются на одинъ годъ, изъ среды купцовъ, люди, снискавшіе къ себѣ особенное уваженіе и довѣренность. Они, послѣ предварительной разцѣнки товаровъ и назначенія имъ положенія, въ полномъ собраніи купцовъ и общимъ рѣшеніемъ, наблюдаютъ за ходомъ торговли, и если бы случилось, что кто соблазнился промѣнять свой товаръ ниже положенія, тотъ подвергается приличному взысканію, и именно денежному штрафу за первый и второй разъ, а по третьему — лишается права торговать на Кяхтѣ. Соперничество, рождающееся во всякомъ интересномъ дѣлѣ, есть и здѣсь, такъ-что друзья на то время дѣлаются другъ другу хитрыми противниками. Но лишь только пройдетъ валъ торговли и друзья становятся по прежнему искренними друзьями. Образъ торговли — мѣна товаровъ. Русскіе купцы передаютъ Китайцамъ мягкую рухлядь, мерлушку, сукна, плисъ, сафьянъ, козлы, черную и красную юфть, скотскія кожи, хабарговую струю, изюбревые рога и проч., а получаютъ главное — разнаго рода чай и частію шелковыя китайскія ткани, какъ напр. канфы, канчи, чанджу, полушелковицы и проч. Фарфоръ и другія произведенія искусствъ получаются не въ значительномъ количествѣ. Вымѣнъ чая — первый предметъ торговли.

Чаи вымѣниваются: цвѣточные, фамильные, простой и кирпичной, который въ такомъ употребленіи между простымъ народомъ въ Забайкальскомъ краѣ и до того потребенъ, что нерѣдко замѣняетъ собою деньги. Крестьянинъ, или Бурятъ, охотно беретъ, при продажѣ своего товара, вмѣсто денегъ, кирпичный чай, будучи въ полной увѣренности, что чай вездѣ ему замѣнитъ деньги. Читая прейскурантъ о цвѣточныхъ чаяхъ, нельзя не удивляться, откуда тутъ набраны небывалыя фамиліи и вычурныя, затѣйливыя названія чаямъ. Фамиліи, которыя давно уже исчезли въ Маймадченахъ, еще на здоровье торгуютъ и живутъ въ прейскурантахъ, и вѣрно будутъ торговать еще въ-продолженіи трехъ поколѣній. И что такое фамилія чая! Просто: китайскіе купцы два, три человѣка соединяются между собою въ общество, или торговый домъ. Такая компанія составляетъ фузу, или торговую лавку. Лавка эта, или фуза, носитъ, обыкновенно имя трехъ ея хозяевъ, связанное началь,

Digitized by Google

ными ихъ именъ звуками. Наприм. Вансун-чо, или Мый-ю-конъ. Тутъ заключаются только начальные звуки именъ трехъ хозяевъ. Слово же *дзи*, прибавляемое всегда къ фамиліи, выражаетъ мѣсто, или сторону, гдѣ чай собранъ. Лучшій чай получается изъ провинціи Фу-чанъ. Чаи этой провинціи отличаются слогомъ *дзи*.

Замѣчательно, что требованіе наше на чай годъ отъ году становится изысканнѣе и утонченнѣе. Эта разборчивость четко выказалась въ 1838 г. остановкою простыхъ чаевъ. Непосвященный въ таинства торговли, я не могу понять, почему торговый чай продается почти въ одной цѣнѣ, какъ въ Иркутскѣ, такъ и въ Москвѣ? Положимъ, что этого требуетъ сбытъ чая, но за что же жители Иркутской Губерніи должны принимать на себя проценты на путевыя издержки его до Москвы? Еще одна мысль (можетъ быть невѣрная). У насъ идетъ чай только для внутренняго потребленія. Почему бы не составить имъ особой вѣтви европейской промышленности? Можетъ быть и это уже близко?»

Нельзя также пропустить безъ вниманія нѣкоторыя подробности о Нерчинскѣ. Этотъ городъ заброшенъ такъ далеко, съ именемъ его соединяется такое невыгодное понятіе, что рѣдко-рѣдко кому прійдетъ охота поговорить о немъ. Г. Паршинъ провелъ въ Нерчинскѣ нѣсколько времени и не забылъ его въ своихъ запискахъ. Вотъ что говоритъ онъ о внѣшнемъ видѣ города:

«Окрестности города очень пріятны, но за то самый городъ, съ перваго взгляда на него, наводитъ скуку и уныніе. Три каменныхъ зданія, вытянувшись на главной городской площади, рапортуютъ, что здѣсь городъ; но вниманіе невольно отвлекается отъ нихъ на разбросанныя берегомъ (?) и по концамъ города дряхлыя строенія. Полуразвалившіяся кровли, храмлющія ворота, плетневые заплоты, окна затянутыя пузыремъ, сальною бумагою, берестою со вставленными въ нее уголками стеклышекъ, вездѣ остожье, вездѣ заплотъ, показываютъ бѣдность жителей, а широкія на славу улицы, и не вездѣ чистыя, говорятъ о неопрятности. Два конца города, сѣверный и южный, называемые Гултуками, отличаются особенно безобразіемъ своихъ строеній, бѣдностію, лѣностію и какою-то непостижимою терпимостію своихъ жителей ко всякой нечистотѣ.»

Эта непріятная картина нѣсколько смягчается замѣчаніями, которыя дѣлаетъ авторъ о характерѣ жителей Нерчинска:

«Отличительныя черты (жителей?) Нерчинска — простота и добродушіе. Небольшой кругъ общества связанъ тѣсно узами родства и долголѣтней дружбы. Это придаетъ ему единство и свой характеръ, отчуждаетъ мелкія интриги (такъ обыкновенныя въ маленькихъ городкахъ) и сохраняетъ ту милую тишину, съ которою течетъ здѣсь время, днями долгими и ровными, какъ степь однообразными... Взаимное обращеніе простое, нецеремонное, безъ лишнихъ притязаній на вѣжливость, выражающее болѣе кротость дружества, нежели многорѣчивую учтивость. Словомъ, простота и единодушіе могутъ быть девизомъ на щитѣ пресловутаго и багоспасаемаго града Нерчинска, гдѣ русская старина еще удерживаетъ почтенныя права свои; смѣсь городскаго съ деревенскимъ придаетъ свой колоритъ нравамъ.»

Слѣдующія строки менѣе говорятъ въ пользу жителей Нерчинска:

«Средства пріобрѣтенія очень малы, оттого низшій классъ живетъ въ крайней бѣдности. Не многіе изъ мѣщанъ и цеховыхъ знаютъ какое-нибудь мастерство. Большая часть ихъ занимается, несильно, хлѣбопашествомъ про свой обиходъ и воздѣлываніемъ огородовъ... Ремесло почти въ забвеніи. Есть, правда, ремесленное отдѣленіе, но искусственная часть въ немъ не возвышается далѣе тяжелаго молота, топора и струга. Вообще съ этой стороны городъ очень бѣденъ; живописцевъ же и часовщиковъ вовсе нѣтъ; мастерства портное, сапожное, слѣсарное, кузнечное, плотничное и другія составляютъ занятія поселенцевъ. Недостатокъ умѣнья, а слѣдовательно и способовъ къ пріобрѣтенію, удерживаетъ бѣдный классъ въ состояніи невѣжественномъ и грубомъ. Отъ этого и порокъ прививается къ нимъ съ большою заразительностію, будучи питаемъ лѣностію тѣла и сонливостію ума.

Digitized by Google

Ихъ неопрятный образъ жизни и равнодушіе къ тому сходствуютъ съ нравами Бурятъ, да и на самыхъ лицахъ коренныхъ жителей сильно оттиснутъ монгольскій очеркъ.»

Вторую часть книги г. Паршика составляетъ исторія города Албазина, извлеченная изъ сочиненій Миллера и дополненная свѣдѣніями, сохранившимися въ устныхъ преданіяхъ той страны. Здѣсь съ большею подробностію разсказаны всѣ событія и подвиги отважныхъ русскихъ смѣльчаковъ на Амурѣ съ 1654 по 1687 годъ, то-есть до времени заключеннаго съ Китайцами мирнаго договора, по которому Албазинъ былъ срытъ до основанія. Предоставляемъ читателямъ самимъ узнать эту любопытную, хотя и забытую страницу русской исторіи изъ составленнаго г-мъ Паршинымъ разсказа, который вообще довольно удовлетворителенъ.

238) Историческія Свѣденія *объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани(а). Сочиненіе соревнователя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Одесскаго Историческаго Общества корреспондента* Димитрія Тихомирова. *Съ рисунками открытыхъ имъ тамъ древностей въ 1836 году. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 80 стр.*

239) Записки *объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской Губерніи. Сочиненія соревнователя, и пр.* Димитрія Тихомирова. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 55 стр.*

240) Историческія Изслѣдованія *о генеалогіи Князей: Рязанскихъ, Муромскихъ и Пронскихъ съ приложеніемъ родословныхъ фамилій. Соч. соревнователя и проч.* Димитрія Тихомирова. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 27 стр.*

«Сочиненій» г. Димитрія Тихомирова не должно причислять къ литературѣ текущаго года: всѣ они были приготовлены къ печати еще въ 1837 году, и только по неизвѣстнымъ причинамъ не были изданы до сего времени. Впрочемъ, чтобъ не оставлять читателей въ недоумѣніи, мы постараемся дать имъ понятіе объ этихъ брошюрахъ или «сочиненіяхъ», которымъ вообще не надо придавать большой важности.

Рѣчь идетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1836 г. въ Старой-Рязани г. Димитріемъ Тихомировымъ. Старою-Рязанью называется село, лежащее въ 59 верстахъ отъ Рязани, въ Спасскомъ-Уѣздѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по общепринятому мнѣнію, находилась древняя столица Рязанскаго-Княжества. Побуждаемый патріотическою ревностію, г. Тихомировъ предпринялъ разрыть въ Старой-Рязани два холма, съ тою цѣлію, чтобъ—какъ онъ самъ говоритъ— «по снятіи насыпи, глубже въ матери«кѣ, открыть мѣсто погребенія Вели«кихъ Князей и Архипастырей Рязан«скихъ». Издержки, потребныя на такое предпріятіе, были пожертвованы самимъ г-мъ Тихомировымъ. Это было, какъ мы сказали, въ 1836 году. Съ половины мая начались работы, и продолжались вплоть до осени. Плоды всѣхъ этихъ трудовъ и издержекъ оказались очень-скудны, но главная цѣль антрепренёра была достигнута, и, слѣдственно, нѣтъ причины жаловаться на неуспѣхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, когда снята была насыпь одного холма, открылись остатки древняго собора, и когда потомъ стали рыть «глубже въ материкъ», то открыли нѣсколько склеповъ, изъ которыхъ въ одномъ найдено 10 череповъ, а въ другомъ — 16, что показываетъ, что въ этихъ склепахъ было похоронено по нѣскольку человѣкъ, несомнѣнно принадлежавшихъ, какъ доказано г-мъ Тихомировымъ въ его «Изслѣдованіяхъ», къ большому семейству рязанскаго княжескаго рода. Сверхъ-того, при костяхъ найдены лоскутки старинныхъ матерій, кусочки латъ и т. п. Чего же болѣе? Другихъ открытій нельзя было и ожидать, и достопочтенный архео-

Digitized by Google

логъ нисколько на нихъ не разсчитывалъ. Сдѣлавъ свое дѣло, трудолюбивый изыскатель древностей спѣшилъ немедленно извѣстить ученый міръ о «результатахъ» своихъ трудовъ, и, какъ мы замѣтили выше, еще въ 1837 году изготовилъ исторію своихъ открытій. Но почему-то эта исторія въ свое время не могла выйдти въ свѣтъ, и только теперь является она, для удовлетворенія нашего остывшаго любопытства, подъ именемъ «Историческихъ Свѣдѣній объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой-Рязани». Вотъ содержаніе первой брошюры.

Вторая собственно должна служить преддверіемъ къ первой, потому-что въ ней предлагаются общія свѣдѣнія о Рязанской-Губерніи въ отношеніи археологическомъ, и утвердительно доказывается, вопреки мнѣнію какого-то г. Воздвиженскаго, что Рязань и Рязанцы получили свое названіе не отъ чего иного, какъ отъ глагола «рѣзать». Что же касается до производства города Раненбурга отъ нѣкотораго татарскаго князя «Бурха», который будтобы на этомъ мѣстѣ былъ «раненъ» (раненъ-Бурхъ), то г. Тихомировъ думаетъ, что нельзя допустить такого производства. Отъ-чего бы, кажется? Оно бы такъ шло къ найденному г-мъ Тихомировымъ производству слова «Рязань».

Третья брошюра есть нѣкоторымъ-образомъ дополненіе и повтореніе первой. По-крайней-мѣрѣ, нѣкоторыя мысли первой буквально повторяются въ третьей; напр., на стр. 2 брошюры № 1-го, читаете: «Наша исторія знаменитые(я) дѣла ихъ (т. е. владѣтелей рязанскихъ) внесла въ свои нетлѣнные(я) скрижали.» А на стр. 1 брошюры № 3-го: «Наша отечественная исторія безсмертные(я) дѣла ихъ внесла въ свои нетлѣнные(я) скрижали.» Впрочемъ, изслѣдованія и «критическія» замѣчанія г. Тихомирова о генеалогіи рязанскихъ князей, помѣщенныя въ 3-й брошюрѣ, займутъ, вѣроятно, не послѣднюю страницу въ будущей исторіи Рязанскаго-Княжества.

Самое изданіе всѣхъ этихъ брошюръ непремѣнно должно принадлежать къ числу археологическихъ рѣдкостей, потому-что такой безграмотности, какою исполнены всѣ страницы «Историческихъ Свѣдѣній», «Историческихъ Изслѣдованій» и «Записокъ», въ текущемъ 1844 году нельзя уже встрѣтить ни въ одной печатной книгѣ.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, похвальная ревность и безкорыстное трудолюбіе г-на Тихомирова заслуживаютъ всякаго уваженія и благодарности.

241) О Началѣ Книгопечатанія въ Россіи. *Москва. (Въ неизвѣстной типографіи). 1844. Въ 4-ю д. л. 27 стр.*

Эта брошюра, во-первыхъ, удивляется, почему Греки не изобрѣли книгопечатанія; во-вторыхъ, говоритъ, что первою напечатанною въ Россіи книгою считается «Дѣянія и Посланія Апостолъ» 1564 года; въ-третьихъ, выписываетъ послѣсловія изъ напечатаннаго Иваномъ Ѳедоровымъ въ Львовѣ «Апостола» (1573), и наконецъ приводитъ свои догадки о томъ, не печатали ли въ Россіи книгъ и прежде 1564,—догадки, изъ которыхъ ровно ничего не выходитъ. Къ брошюрѣ приложены: 1) лицевое изображеніе апостола Луки—изъ перваго «Апостола»; 2) первый листъ того же «Апостола»; 3) гербъ царя Іоанна Васильевича, оттуда же, и 7) знаки бумаги.

242) О Водѣ, какъ Двигателѣ. *Разсужденіе кандидата* Алексѣя Ершова, *писанное для полученія степени магистра. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1844. Въ 8-ю д. л. 75 стр.*

Изученіе явленій въ движущейся водѣ составляетъ предметъ гидравлики и имѣетъ различныя цѣли. Разсматривая воду, какъ естественное тѣло, слѣдующее опредѣленнымъ законамъ при его вытеканіи изъ сосудовъ, при движеніи въ видѣ потоковъ и по трубамъ, можно имѣть въ виду улучшеніе средствъ проводить ее по каналамъ, распредѣлять по разнымъ частямъ го-

Digitized by Google

рода, поднимать, и такъ далѣе; изслѣдуя же ее, какъ хранилище силы, способной произвести какую-нибудь механическую *работу*, можно заботиться о выгодномъ ея употребленіи для приготовленія предметовъ, нужныхъ въ общежитіи. Эта работа можетъ или увеличивать, или уменьшать скорость тѣлъ, подверженныхъ дѣйствію жидкости, то-есть, она можетъ быть положительная и отрицательная. Въ первомъ случаѣ, вода будетъ *двигателемъ*, во второмъ — *сопротивленіемъ*. Г. Ершовъ говоритъ о водѣ, какъ о двигателѣ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно тяжесть передаетъ водѣ свою работу и дѣлаетъ ее двигателемъ: такимъ образомъ всѣ изслѣдованія автора относились къ условіямъ, содѣлывающимъ наибольшею величину переданной работы. Изслѣдованія эти современны и ясно изложены.

243) Санктпетербургская Флора, *съ раскрашенными рисунками, составленная* К. Левинымъ. *Книжка 10. Изданіе литографа* Селезнева. *Санктпетербургъ. 1844. Въ 8-ю д. л. 16 стр. Съ двадцатью-пятью таблицами.*

Продолженіе сочиненія, о которомъ мы уже имѣли случай говорить нѣсколько разъ и будемъ еще говорить довольно-подробно, когда кончится все изданіе. Теперь остается намъ благодарить почтеннаго автора, скромно называющаго себя составителемъ, и издателя—за своевременный выходъ и за красоту и отчетливость рисунковъ, которые, кажется—главная статья въ изданіяхъ подобнаго рода.

244) Описаніе Гіалографа и Гомографа, *или инструментовъ для рисованія съ натуры наивѣрнѣйшимъ образомъ портретныхъ абрисовъ и разныхъ предметовъ въ перспективѣ. Съ присовокупленіемъ описанія новой упрощенной камеръ-обскуры. Санктпетербургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1844. Въ 8-ю д. л. 23 стр. Съ двумя таблицами чертежей.*

Само заглавіе очень-полно и подробно говоритъ о содержаніи этой книжки. Что касается до достоинства инструментовъ, мы ихъ не видали и судить, по-этому, не можемъ; а по описанію, самому точному и отчетливому, трудно обыкновенно бываетъ дѣлать справедливыя заключенія. Намъ кажется только, что эти инструменты все-таки предполагаютъ непремѣнно искусство, умѣнье рисовать; а рисунки техническіе, чертежи машинъ такъ легко удобоисполнимы, что, право, не затруднятъ и самаго неопытнаго художника, которому всякій инструментъ скорѣе будетъ помѣхою, нежели пособіемъ.

245) Славянскія Соляныя Озера, *въ врачебномъ отношеніи, описанныя* Французомъ Кумме, *дивизіоннымъ докторомъ при штабѣ инспектора резервной кавалеріи. Кременчугъ. Въ тип. штаба инспектора резервной кавалеріи. 1843. Въ 8-ю д. л. 70 стр. Съ двумя таблицами.*

Вѣрованіе въ цѣлебное дѣйствіе минеральныхъ водъ укоренилось издавна; но русскіе медики жалѣютъ, что часто въ вѣрованіи этомъ руководимся мы убѣжденіемъ, будто заграничныя воды лучше помогаютъ, нежели находящіяся въ Россіи. Конечно, не мало содѣйствуетъ этому давность открытія минеральныхъ водъ въ Германіи, подробное описаніе и превосходное ихъ устройство. Дѣйствительно, едва-ли гдѣ-нибудь на другихъ водахъ, кромѣ заграничныхъ, можно найдти всѣ удобства, представляющіяся больнымъ, которые имѣютъ средство искать цѣленія отъ минеральныхъ источниковъ. Въ послѣднее время, начали появляться и у насъ описанія нашихъ минеральныхъ водъ, которыми очень-богата Россія. Довольно указать на Кавказъ, гдѣ находятся цѣлебные источники, замѣняющіе для насъ, по увѣренію врачей, всѣ заграничныя минеральныя воды. Въ соляныхъ врачебныхъ водахъ также нѣтъ у насъ недостатка, но онѣ оставались какъ-бы скрытыми до-тѣхъ-поръ, пока не появилось ихъ описаніе. Изъ числа этихъ

Digitized by Google

водъ, славятся старорусскія, которыя устроены наилучшимъ образомъ; уже болѣе десяти лѣтъ, какъ началось ихъ употребленіе. Сколько примѣровъ исцѣленія болѣзней этими водами! Это доказывается тѣмъ, что ежегодно посылаются туда воспитанники и воспитанницы изъ учебныхъ заведеній и рядовые полковъ лейб-гвардіи. Но пока не обращалось вниманіе на эти воды, зналъ ли кто-нибудь о нихъ?..

Славянскія соляно-минеральныя воды находятся въ заштатномъ городѣ Харьковской-Губерніи, Изюмскаго-Уѣзда. Лѣтъ за десять (до 1843 года), отставной штаб-лекарь Яковлевъ первый лечилъ этими водами хроническія болѣзни; но, сколько видно, не совѣтовалъ употреблять ихъ внутрь, что началось лишь въ 1834 году. Описавъ мѣстоположеніе заштатнаго города Славянска, соляныя при немъ озера: *Червонное, Вейсово, Слѣпков* и *Репнов* (отъ глагола «репнуть», что въ малороссійскомъ нарѣчіи означаетъ «лопнуть, треснуть») и соляной илъ, или грязь, докторъ Кумме представляетъ подробный анализъ воды каждаго изъ этихъ озеръ, сдѣланный профессоромъ Гордеенкомъ. За этимъ слѣдуетъ врачебное употребленіе соляныхъ водъ и ила, или грязи, внутрь и снаружи — часть самая интересная, удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ. Болѣзни, которыя наилучше лечатся этими водами, суть: золотуха, завалы брюшныхъ внутренностей, хроническій ревматизмъ, ломота, мокротная чахотка въ первомъ ея періодѣ, накожныя сыпи, геморроидальные припадки, параличъ, и пр. Удовлетворительное описаніе славянскихъ соляныхъ озеръ, въ врачебномъ отношеніи, весьма-полезно для окрестныхъ жителей: зная свойства и дѣйствіе славянскихъ соляныхъ водъ, они могутъ рѣшиться употреблять ихъ, тѣмъ болѣе, что при водахъ всегда находится опытный врачъ, который можетъ руководствовать ихъ въ леченіи. Надлежащему устройству этихъ водъ и удобствамъ, какія могли бы имѣть больные, всѣми мѣрами содѣйствуетъ Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства.

246) Руководство къ Воспитанію *и образованію дѣтей и сохраненію ихъ здоровья. Сочиненіе* К. Грума, *состоящаго въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Медицинскому Департаменту, доктора медицины и хирургіи, статскаго совѣтника и кавалера, и пр. и пр. Томъ второй.* Возрасты дѣтскій и отроческій. Воспитаніе физическое. *Санктпетербургъ. Въ тип. М. Ольхина. 1844. Въ 8-ю д. л. IV и 376 стр.*

Это—продолженіе сочиненія, котораго первая часть издана за годъ предъ симъ; въ напечатанномъ теперь второмъ томѣ авторъ предлагаетъ правила физическаго воспитанія въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастахъ. Во вступленіи онъ говоритъ:

«Воспитаніе дѣтей состоитъ въ сохраненіи ихъ жизни и здоровья, въ правильномъ развитіи и совершенствованіи тѣлесныхъ ихъ способностей, умственныхъ дарованій и нравственныхъ качествъ. Такимъ-образомъ, цѣль воспитанія заключается единственно въ томъ, чтобъ упрочить здоровье, долголѣтіе, благоразуміе и добронравіе дитяти.

«Воспитаніе раздѣляется на физическое и образовательное.

«Воспитаніе физическое состоитъ въ правильномъ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей и знаній сохранять жизнь и здоровье дитяти.

«Воспитаніе образовательное имѣетъ предметомъ совершенствованіе тѣла и духа.

«Воспитаніе образовательное раздѣляется 1) «На воспитаніе, имѣющее цѣлію совершенствованіе тѣлесныхъ способностей средствами, развивающими стройность, живость, крѣпость тѣла, а равно дѣятельность органовъ чувствъ и рѣчи.

2) «На воспитаніе умственное, къ которому относится развитіе умственныхъ способностей и дарованій и образованіе ума науками и другими свѣдѣніями.

3) «На воспитаніе нравственное, къ которому принадлежатъ: совершенствованіе нравственныхъ качествъ, наставленіе въ семейныхъ и общественныхъ обязанностяхъ и образованіе воли и характера.»

Digitized by Google

Послѣ общаго опредѣленія воспитанія въ-отношеніи къ возрасту, полу, здоровью дѣтей, въ первой части втораго тома авторъ разсуждаетъ о средствахъ и способахъ къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей дитяти:

«Опытъ показываетъ, что жизненныя дѣйствія измѣняются даже и въ такомъ случаѣ, когда хотя лишь одна жизненная потребность удовлетворяется худо, неправильно, а всѣ прочія надлежащимъ образомъ. Такъ, на-пр., если мы будемъ заботиться о постоянно-хорошемъ содержаніи дитяти и станемъ кормить его хорошею пищей, но не будемъ только радѣть о чистотѣ воздуха, то и чрезъ это одно, здоровье дитяти рано или поздно разстроится непремѣнно. Тогда при томъ же хорошемъ содержаніи и при употребленіи той же доброкачественной и приличной пищи, очевидно измѣнится у дитяти самое пищевареніе и наступятъ болѣзненные припадки, означающіе разстройство многихъ жизненныхъ дѣйствій.»

Послѣ этого, авторъ говоритъ объ употребленіи пищи мясной, растительной, и питательныхъ веществъ, составляющихъ средину между пищею растительною и мясною, какъ то: рыбы, молока и яицъ. Потомъ представляется выборъ пищи соотвѣтственно возрасту, тѣлосложенію и здоровью дитяти. Всѣ эти предметы, равно какъ количество, качество, порядокъ употребленія пищи и посуда, въ чемъ готовится пища, изложены подробно и ясно, такъ-что, руководствуясь этими правилами, каждая мать легко можетъ вскормить свое дитя. Также обстоятельно говоритъ авторъ о питьѣ, для чего служатъ: вода, молоко, квасъ, пиво, виноградное вино, чай, кофе, какао. Статья объ опрятности и чистоплотности дѣтей заслуживаетъ того, чтобъ прочитали ее и сами матери и наставницы, которыя принимаютъ на себя обязанность воспитанія. Средствами къ поддержанію опрятности служатъ, между-прочимъ, бани и ванны. Во второй части втораго тома изложены правила касательно содержанія дѣтей. Здѣсь разсматриваются климаты холодный, умѣренный и теплый и ихъ дѣйствіе на здоровье дѣтей; потомъ времена года: весна, лѣто, осень и зима. Мѣстопребываніе заслуживаетъ вниманія врачей, ибо вліяніе возвышенныхъ мѣстъ на здоровье вовсе иное, нежели мѣстъ низменныхъ. Разсматривая этотъ предметъ во всей подробности, авторъ говоритъ о домахъ, ихъ построеніи и расположеніи въ-отношеніи къ здоровью. Деревня и дачи не забыты также, и справедливо, что дачи около Петербурга надобно бы описать во всей полнотѣ, чтобъ показать вредъ и пользу ихъ. Въ третьей части, гдѣ говорится о сохраненіи здоровья дѣтей, обстоятельно излагается порядокъ въ ежедневномъ распредѣленіи времени и содержаніи дѣтей соотвѣтственно ихъ возрастамъ. Совѣтуемъ прочитать это каждому, кому интересно дѣло воспитанія. Наконецъ, въ статьѣ «надзоръ за дѣтьми», каждый увидитъ, что авторъ не только наблюдательный врачъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рачительный отецъ. Не имѣя дѣтей, нельзя изложить этотъ предметъ съ такою подробностію, какую находимъ въ сочиненіи г. Грума. Правила, подаваемыя имъ родителямъ, наставникамъ, наставницамъ и даже нянькамъ, выведены изъ самаго опыта. По всему видно, что авторъ внимательно слѣдилъ за физическимъ воспитаніемъ дѣтей; иначе, не могъ бы онъ знать всѣ недостатки, столь часто замѣчаемые въ нянькахъ, на дурную нравственность которыхъ нападаетъ онъ жестоко. Такимъ-образомъ, сочиненіе г. Грума,— плодъ долголѣтней, зрѣлой опытности,—полезно для родителей, которымъ благо дѣтей дорого; но не менѣе того и самые врачи могутъ заимствовать изъ этой книги много новаго, и съ пользою примѣнять это къ дѣлу. Первый томъ сочиненія г. Грума удостоенъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ золотой медали въ 30 червонцевъ; будемъ надѣяться, что и второй томъ заслужитъ признательный пріемъ у благомыслящихъ соотечественниковъ. Немногіе принесли такую пользу дѣтямъ, какъ г. Грумъ, который прова-

Digitized by Google

тилъ и досугъ и трудъ благу возрастающаго поколѣнія. Напрасно стали бы мы говорить здѣсь о превосходныхъ его сочиненіяхъ «О Прививаніи Оспы» и «Полезный Совѣтъ Матерямъ касательно физическаго воспитанія Дѣтей». Эти сочиненія всѣмъ извѣстны и давно снискали общую благодарность автору. Кстати замѣтить, что касательно сбереженія здоровья дѣтей у насъ издается столь же мало книгъ, сколь много печатается дѣтскихъ азбукъ: пропорція весьма-странная, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная!

247) Практическое Руководство къ правильному и скорому окончанію Спорныхъ и Безспорныхъ Дѣлъ. *Сочиненіе* А. П. Татаринова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1844. Въ 8-ю д. л. 39 стр.*

Брошюрка эта явно говоритъ неправду, называя себя «руководствомъ», да еще и «практическимъ»! Ужь одна худоба ея говоритъ противъ ея практической пользы. Правда, до-сихъ-поръ у насъ нѣтъ ни одного порядочнаго современнаго руководства къ изученію нашего судопроизводства, ни для учащихся, ни для служащихъ, ни для тяжущихся, для которыхъ такое изученіе часто бываетъ единственнымъ средствомъ спасти имущество и честь отъ придирокъ корыстолюбія и сутяжества. Правда и то, что говоритъ сочинитель брошюры въ предисловіи, неизвѣстно почему названномъ «предварительнымъ замѣчаніемъ», о нашихъ стряпчихъ, которыхъ онъ, вѣроятно изъ учтивости, титулуетъ «адвокатами», а именно, что изъ числа ихъ на сто плохихъ едва-ли прійдется одинъ знающій, да и на того не всегда можно положиться. Все это горько и глубоко чувствуетъ каждый, кому судьба не отказала въ здравомъ умѣ и теплой любви къ отчизнѣ. Но также справедливо, что судопроизводство наше, въ соединеніи съ дѣлопроизводствомъ, можно изучить только на практикѣ, гдѣ приложеніе опредѣляющихъ его законовъ создало новыя правила и обычай дополнилъ часто разнообразныя постановленія законодательства, болѣе вежели въ какой-либо другой части права. Но изложеніе этихъ обычныхъ правилъ, дополняющихъ и объясняющихъ постановленія «Свода», далеко не умѣстится на 36 страничкахъ широкой печати, потребуетъ много труда и, можетъ-быть, содѣйствія не однѣхъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ рукъ. Не знаемъ точно, не могъ или не хотѣлъ авторъ брошюры посвятить себя на подобное предпріятіе, но очевидно, что онъ избралъ путь несравненно-легчайшій. Онъ раздѣлилъ свою книжку на двѣ части, если такъ можно назвать ихъ, и въ началѣ одной поставилъ: право Владѣнія, въ началѣ другой: Судопроизводство. «Право владѣнія» говоритъ онъ: «пріобрѣтается прежде «всѣхъ другихъ правъ личностію (?) «или состояніемъ... Начало этихъ «Правъ, кругъ дѣйствій по онымъ и «самая потеря ихъ систематически изложена въ т. 9 Св. Зак. о Сост., изд. «1842 года. Посему, первоначально, «при начатіи дѣла и должно только «прочесть и сообразить право своего «состоянія съ состояніемъ вашего противника, и на это, какъ труда, такъ и «времени потребуется весьма немного». Такія же мудрыя наставленія содержитъ въ себѣ вся брошюра; измѣняется только указаніе на томы «Свода Законовъ»; сверхъ того, въ правѣ владѣнія, изложенномъ на четырехъ страничкахъ, и о которомъ вообще брошюра не имѣетъ никакого понятія, находится одна грубая ошибка; именно такъ сказано, что «имущество пріобрѣтается вступленіемъ въ бракъ» (стр. 9), а въ отдѣлѣ, названномъ «Судопроизводство», упоминается о порядкѣ, совершенно противорѣчащемъ 2,508 ст. т. 10 Св. Зак. Гражд., изд. 1842 г. Что вступленіемъ въ бракъ не пріобрѣтается нисколько права на имущество, очевидно изъ 111 ст. того же тома. Что же касается до порядка переноса дѣлъ въ высшую инстанцію, когда на рѣшеніе объявлена аппелляція, то дѣйствительно иногда бываетъ, что высшее при-

Digitized by Google

сутственное мѣсто, послѣ поступленія въ него апелляціонной жалобы, само требуетъ, какъ говоритъ брошюра, подлинное дѣло изъ подвѣдомственнаго ему мѣста, гдѣ состоялось обжалованное рѣшеніе; но что это есть не болѣе, какъ упущеніе со стороны низшаго суда, видно изъ приведенной нами статьи, именно предписывающей судебному мѣсту, послѣ объявленія неудовольствія на его рѣшеніе и выдачи апелляціоннаго свидѣтельства, представлять дѣло въ-теченіи трехъ и никакъ не позже восьми дней въ то присутственное мѣсто, въ которое взята апелляція.

Брошюра г. Татаринова далеко не стоила того, чтобъ мы столько занимали ею читателей. Но намъ было грустно и досадно, что и въ тотъ отдѣлъ литературы, который имѣетъ предметомъ своимъ правовѣдѣніе со всѣми его отраслями, и по которому число являющихся въ годъ сочиненій едва-ли превосходитъ годичное число книжекъ «Отеч. Записокъ», начинаетъ вторгаться обыкновеніе прикрывать многообѣщающимъ заглавіемъ пустоту содержанія, — обыкновеніе, можетъ-быть, благопріятствующее видамъ нѣкоторыхъ сочинителей, но оскорбляющее публику разсчетомъ на ея легковѣріе и, какъ кажется, еще слишкомъ-мало гонимое добросовѣстными усиліями литературной критики.

248) Краткое Понятіе о Пневматическомъ Отапливаніи *и о качествахъ воздуха относительно къ здоровью.* Второе изданіе. *Составилъ* Николай Аммосовъ. *Москва. Въ тип. А. Семена. 1844. Въ 8-ю д. л. 97 стр.*

249) Наставленіе, какъ обходиться съ Пневматическимъ Отапливаніемъ. Второе изданіе. *Москва. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л. 24 стр.*

Второе изданіе этихъ умно-написанныхъ книжекъ, — напечатанныхъ первоначально въ Петербургѣ, года три или четыре назадъ, — появилось, вѣроятно, въ-слѣдствіе разныхъ недоумѣній и толковъ, которому подверглись новыя печи. Человѣкъ такъ уже устроенъ: «каждому нововведенію (слова автора) приписываетъ онъ съ одной стороны такія достоинства, а съ другой «такіе недостатки, которыхъ оно вовсе «не имѣетъ. Мы равнодушно терпимъ «старую вещь, со всѣми ея недостатками и неудобствами, потому только, «что къ ней привыкли, тогда какъ къ «нововведеніямъ (кромѣ модъ) оказываемъ самую привязчивую недовѣрчивость. На прим., что бы ни случилось при голландской печи: холодно, душно, чадно — ей, по знакомству, прощаютъ все. Напротивъ того, при отапливаніи пневматическомъ, не только за всякое нерадѣніе, за всякую оплошность истопника, отвѣчаетъ печь, но даже и тѣ случаи, въ которыхъ онъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго участія, на примѣръ, когда въ комнатѣ запахъ отъ краски, отъ мебели, отъ ковра, отъ занавѣсей, или жарко отъ скопленія народу, хотя печь и не топлена — все сваливаютъ на нее безъ пощады. Намъ случалось даже слышать, что иные порицали пневматическое отапливаніе, ссылаясь, для доказательства, на такіе дома, гдѣ его вовсе нѣтъ» (стр. 1, 3 и 4). Послѣ умнаго вступленія, авторъ описываетъ пневматическое устройство, говоритъ о порчѣ воздуха въ жилищахъ, о провѣриваніи, металлическихъ печахъ, влажности въ жильѣ, изсушеніи воздуха, предлагаетъ средство отъ сухости воздуха, доказываетъ исправленіе воздуха пневматическими печами, и, въ заключеніе, прилагаетъ вѣдомость, показывающую, гдѣ именно и сколько пневматическихъ печей устроено и устроивается, для того, чтобъ противники новаго-лучшаго (отъ просвѣщенія до печей) не могли ссылаться на тѣ печи, которыхъ еще нѣтъ. Заключеніе такъ же умно и благородно, какъ вступленіе, какъ и вся книга: «Представивъ себѣ врожденную склонность нашу къ толкамъ, пересудамъ, сплетнямъ, охужденіямъ; потомъ зависть, самолюбіе, невѣжество, лич-

Digitized by Google

«ныя выгоды и проч., нельзя не удивляться, что мы могли подвинуться «въ искусствахъ такъ далеко... Не «успѣхамъ ли просвѣщенія обязаны «люди своею гражданственностію, сво«имъ благоустройствомъ, всѣми своими «удобствами, удовольствіями, и, сло«вомъ сказать, всѣмъ, что̀ отличаетъ «ихъ отъ звѣрей! За что же каждый «порывъ, каждое покушеніе къ но«вымъ успѣхамъ встрѣчаютъ они, все«гда почти, съ такою непріязненно«стію! Мы говоримъ это не въ отноше«ніи къ пневматическимъ печамъ: онѣ, «во-первыхъ, по милости правитель«ства, идутъ хорошо, а, во-вторыхъ, «такъ просты и немудры, что превоз«носить ихъ было бы то же, что изъ му«хи надувать слона. Нѣтъ, мы разумѣ«емъ открытія и дѣла важныя; дѣла, «которымъ мы должны платить всег«дашнюю дань признательности и ува«женія» (стр. 81 и 82)...

250) Архитектурныя Примѣчанія. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. Въ 12-ю д. л. 412 стр.*

Слово *примѣчанія* показываетъ, что здѣсь нѣтъ курса архитектуры, которая, какъ всякая наука, требуетъ связи, послѣдовательности, полноты,—а есть только примѣчанія о теоріи пропорцій, о строительной части внѣ столицы и въ столицѣ, о производствѣ работъ, практикѣ, каменной, кузнечной, плотничной и печной работѣ, и проч. и проч. Жаль, что эти ученыя примѣчанія написаны языкомъ вовсе-неученымъ!

251) Скаковой Календарь *Высочайше утвержденнаго Московскаго Общества Скаковой Охоты. Съ 1833 по 1843 годъ. Въ университетской тип. 1844. Въ 12-ю д. л. XV и 180 стр.*

При изданіи этой книги, Московское Общество Скаковой Охоты имѣло два намѣренія: первое—желаніе удовлетворить любопытству охотниковъ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ за первое десятилѣтіе своего существованія; второе, полезнѣйшее—снабдить охотниковъ безошибочнымъ указателемъ какъ постепеннаго движенія скаковаго дѣла вообще, такъ равно постепенныхъ же, но довольно-быстрыхъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ усовершенствованіи скаковыхъ конскихъ породъ, при ободреніи и содѣйствіи попечительнаго Общества. Кромѣ календаря, въ книгѣ помѣщены: уставъ общества; изъясненіе словъ, принятыхъ въ скаковомъ дѣлѣ; изъясненіе сокращеній; цвѣтъ одеждъ ѣздоковъ; алфавитный списокъ выигравшихъ лошадей и алфавитный списокъ владѣльцевъ, которыхъ лошади скакали въ Москвѣ; потомъ алфавитный списокъ жеребцовъ, отъ которыхъ скакали или записаны были въ скачку лошади въ Москвѣ съ 1833 по 1843 годъ, и наконецъ общій алфавитъ лошадей. Отъ души желаемъ, чтобъ успѣхи Общества были въ полномъ смыслѣ быстрые, т. е., чтобъ они скакали во весь опоръ!

252) Нѣсколько Словъ *въ память незабвеннаго начальника, его свѣтлости князя Д. В. Голицына.* Князя М. Н. Голицына. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. Въ 8-ю д. л. 15 стр.*

Чувства, одушевлявшія автора этой рѣчи, такъ прекрасны, что еслибъ даже мы и не нашли ничего сказать въ похвалу его сочиненія, то онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы достаточное вознагражденіе въ себѣ-самомъ, или въ своей совѣсти: онъ исполнилъ долгъ своего благодарнаго сердца, и потому не имѣетъ нужды ни въ какихъ похвалахъ.

253) Русская Хрестоматія для Дѣтей. *Составилъ* А. Галаховъ. Изданіе второе, *пополненное. Двѣ части: Проза и Стихи. Москва. 1844. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части — 315, во II-й — 100 стр.*

Второе изданіе, въ такое короткое время, ясно доказываетъ, что книга полезна, что она нравится дѣтямъ и удовлетворяетъ ихъ потребности читать. Но читая сочиненія, приличныя

Digitized by Google

ихъ возрасту, соотвѣтственныя развитію ихъ способностей, занимательныя по содержанію, хорошія, иногда образцовыя по изложенію и слогу, дѣти, необходимо и незамѣтно, волею или неволею, учатся отечественному языку, запасаются практическимъ матеріаломъ для объясненій теорическихъ, для науки о словѣ. Скажемъ, что въ «Хрестоматіи» г. Галахова находятся статьи Державина, Карамзина, Жуковскаго, А. Пушкина, И. Дмитріева, И. Крылова, Анны Зонтагъ, Авдотьи Глинки, Погорѣльскаго, И. Козлова, Мерзлякова, Баратынскаго, кн. Одоевскаго, Подолинскаго, Е. Тютчевой, П. Корсакова, и проч. и проч. Многія повѣсти и сказки помѣщены вполнѣ, для сохраненія полнаго ихъ интереса. Однимъ словомъ: дѣти поблагодарятъ г. Галахова и дадутъ ему возможность напечатать въ скоромъ времени третье изданіе полезной книги. — Кстати извѣстимъ читателей, что въ - теченіе іюля выйдетъ *вторымъ* изданіемъ *Полная Русская Хрестоматія*, того же А. Д. Галахова. Увеличеніе объема книги замедлило выходъ ея. Къ ней присоединится еще особенное приложеніе, о которомъ скажемъ при разборѣ самой книги. Не смотря на это, цѣна «Хрестоматіи» останется прежняя. Честь и слава г-ну Галахову! Второе изданіе его «Полной Хрестоматіи» — лучшій съ его стороны отвѣтъ тому московскому критику, который приготовлялъ-было уже и костеръ для сожженія этой еретической книги, — хотя хорошъ и тотъ отвѣтъ, который напечатанъ г-мъ Галаховымъ въ нашемъ журналѣ прошлаго года...

254) Первая Часть Грамматики Русскаго Языка. Этимологія. *Тетрадь II. Москва. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 95 стр.*

Вторая тетрадь совершенно оправдываетъ тотъ отзывъ, который мы сдѣлали о первой. Ясность изложенія, послѣдовательность выводовъ, стройность системы нисколько въ ней не ослаблены. Жалѣемъ, что авторъ не хотѣлъ или не могъ напечатать своего труда вполнѣ, а разбилъ его на тетради. Публика наша не любитъ выпусковъ, обманываемая часто и невѣрностію слова и невѣрностію сроковъ. Но такъ, или иначе, а трудъ не менѣе того заслуживающій вниманіе всѣхъ преподавателей отечественной грамматики, которые, безъ сомнѣнія, съ нимъ познакомятся. Оставляемъ замѣчанія наши до выхода всей грамматики, или, по-крайней-мѣрѣ, всей первой ея части: тогда мы представимъ отчетливый разборъ ея.

255) Теорія Словесности. *Общія понятія о словесности теоріи прозы. Тетрадь I. Москва. Въ тип. А. Семена. 1844. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Трудъ того же автора, которому принадлежитъ «Первая Часть Грамматики Русскаго Языка», и также издаваемый по частямъ. Хотя мы этимъ *Началомъ Курса Словесности* не столько довольны, сколько курсомъ грамматики, однакожь должны сказать, что видимъ въ немъ трудъ человѣка мыслящаго, опытнаго преподавателя и автора, желающаго предложить свѣдѣнія въ системѣ, не кое-какъ. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала, по выходѣ второй или третьей тетради, представимъ наше о нихъ мнѣніе.

256) Исторія о Послѣднемъ Разоренія Святаго Града Іерусалима *и взятіи Константинополя, столичнаго града греческой монархіи, изъ разныхъ авторовъ собранная; противъ перваго изданія девятымъ тисненіемъ напечатана. Съ 4-мя гравированными картинками. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1844. Въ 8-ю д. л. 156 стр.*

Преполезнѣйшая книга для людей, которые читаютъ только по-славянски и не любятъ русской грамоты. Для такихъ людей много значитъ каждое слово, каждая буква. Они требуютъ книгъ, напечатанныхъ *тисненіемъ*, а не *изданіемъ*. Мы сами были свидѣтелями, какъ одинъ изъ такихъ, *сошед*

Digitized by Google

въ книжную лавку, сердито говорилъ сидѣльцу, показывавшему ему то ту, то другую книгу: «Нѣтъ, братецъ, не та, все не та; дай мнѣ исторію о разореніи святаго града Іерусалима, которая начинается: *єгда точію пріѧ честь кесарскаю достоинства Веспасіанъ*», и проч.

257) Анекдоты Наполеона Бонапарте, *императора Французовъ. (,) Изображающіе* его *характеръ и воинскія достоинства, съ присовокупленіемъ краткаго очерка* его *жизни и военныхъ подвиговъ отъ самой* его *юности до* его *кончины. Съ* его *портретомъ. Собраны изъ достовѣрныхъ источниковъ иностранныхъ писателей.* Изданіе второе. *Москва. Въ тип. скоропечатанія* (?) *В. Кирилова. 1844. Въ 18-ю д. л. 88 стр.*

Тотъ же портретъ, тѣ же четыре *его* въ четырехъ строчкахъ заглавія, и тѣ же кое-какъ собранные анекдоты, какъ было въ первомъ изданіи. Между прочимъ, тутъ съ важностію говорится, не помнимъ въ какомъ именно мѣстѣ, что Бонапарте за два часа до своей смерти... былъ живъ. Подлинно, великій человѣкъ!

258) Басни Николая Охлебинина. *Въ трехъ книгахъ. Москва. Въ тип. Семена. 1844. Въ 12-ю д. л. 141 стр.*

Нѣтъ спора, что и въ наше время можно написать очень-хорошую басню; но писать въ наше время басни—немного анахронизмъ, а печатать ихъ—еще болѣе. Г. Николай Охлебининъ, впрочемъ, не только пишетъ басни, но и печатаетъ ихъ «въ трехъ книгахъ»: очевидно, онъ не раздѣляетъ нашего мнѣнія; можно даже подозрѣвать, что г. Николай Охлебининъ хотѣлъ своею книгою, или своими «тремя книгами» басень, доказать неправильность и другой мысли, будто—какъ мы сказали—и въ наше время можно написать хорошую басню. По-крайней-мѣрѣ, мы искали хорошей басни во всѣхъ трехъ изданныхъ книгахъ и пришли къ тому заключенію, что или г. Николай Охлебининъ никогда не писалъ хорошей басни, или она, т. е. предполагаемая хорошая басня, не попала въ первыя три книги и выйдетъ въ-послѣдствіи особою книгою. Тогда всѣ будутъ читать хорошую басню и назовутъ г. Николая Охлебинина хорошимъ баснописцемъ. А если бы, сверхъ всякаго чаянія, обнаружилось, что г. Николай Охлебининъ вовсе и не думалъ доказывать, что въ наше время нельзя написать хорошей басни, въ такомъ случаѣ мы боимся, что книга его потеряетъ всякій смыслъ. Къ-чему, въ-самомъ-дѣлѣ, басни г. Николая Охлебинина послѣ басень Крылова? Развѣ для того, чтобъ всѣ могли видѣть, какъ всякое усильное подражаніе ничтожно и жалко въ сравненіи съ своимъ образцомъ? Но, разумѣется, не стóило доказывать такую старую истину цѣлою новою книгою: всякій могъ повѣрить въ этомъ г. Николаю Охлебинину и на слово. Или нужно было сказать нѣсколько новыхъ нравоученій? Но на-бѣду свѣтъ сталъ такъ уменъ, что давно уже не поучается ничему изъ «нравоученій» и считаетъ ихъ лишнимъ балластомъ въ книгѣ. Какой же въ-самомъ-дѣлѣ смыслъ можетъ имѣть книга, или «три книги» басень г. Николая Охлебинина?

Охотникамъ до звѣрей, впрочемъ, басни г. Николая Охлебинина могутъ доставить много истиннаго удовольствія. Звѣрей здѣсь такое множество, что книгу г. Охлебинина можно по-справедливости назвать звѣринцемъ: только раскрываете книгу, и передъ вами — мартышка, далѣе волкъ, лисица, тигръ, собака и проч. Птицъ также въ довольномъ количествѣ: на первомъ листѣ, какъ и слѣдуетъ, ворона, потомъ журавль, сова, воробей и пр. Попадаются и скоты, какъ-то: баранъ, волъ, свинья, недоученый философъ, хвастунъ, и тому подобное.

259) Сны. *(Фантастическій очеркъ любви). Въ стихахъ. Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Вост. Яз. 1844. Въ 16-ю д. л. 24 стр.*

Digitized by Google

260) Путешествіе на Луну, *въ чудной машинѣ. Съ описаніемъ тамошнихъ странъ, обычаевъ и разныхъ рѣдкостей. Забавный вымыселъ, сочинителя* Семена Дьячкова. *Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Вост. Яз. 1844. Въ 12-ю д. л. 22 стр.*

Бредъ въ стихахъ и бредъ въ прозѣ, оба печатные — которому изъ нихъ отдать преимущество? Вопреки общему мнѣнію о стихахъ, которые, какъ извѣстно всему свѣту, выше прозы, мы предпочитаемъ «забавный» бредъ сочинителя Семена Дьячкова, ради чудной его машины, которая стóитъ всякихъ стиховъ. Ничего не можетъ быть затѣйливѣе чудной машины, изобрѣтенной сочинителемъ Семеномъ Дьячковымъ. Она имѣетъ видъ клѣтки; но «вмѣсто проволокъ въ ней поста«вилъ я» говоритъ сочинитель Семенъ Дьячковъ: «эластическія трубы, напол«ненныя особою газовою эссенціею, «мною составленною; къ бокамъ клѣт«ки придѣлалъ я огромныя крылья «изъ пробковаго дерева для легкости; «клѣтка была раздѣлена простѣнкомъ «на двое; одна ея половина для моего «сидѣнья, а въ другой помѣщались нѣ«которые инструменты, книги, туа«летныя вещи; также какъ самое не«обходимое въ дорогѣ — съѣстной при«пасъ; надъ клѣткою — въ случаѣ не«погоды — устроенъ былъ небольшой «зонтъ; въ одной сторонѣ клѣтки устро«илъ я еще небольшой органъ, какъ «для себя отъ скуки въ странствіи, «такъ и для того, что хотѣлъ удивить «обитателей луны музыкою земнаго «изобрѣтенія, и т. д.» Все это очень любопытно, но еще любопытнѣе было бы видѣть въ этой клѣткѣ — сочинителя Семена Дьячкова: такое зрѣлище доставило бы всѣмъ любителямъ рѣдкостей несказанное удовольствіе.

261) Повѣсть о Приключеніи Англійскаго Милорда Георга. Изданіе девятое. *Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1844. Въ 12-ю д. л. Три части. Въ I-ой 101, во II-ой 66, въ III-ей 108 стр.*

Твореніе господина Матвѣя Комарова такъ извѣстно всѣмъ грамотнымъ русскимъ людямъ, что на этотъ разъ появленіе его мы можемъ прейдти молчаніемъ.

262) Проклятый Сынъ, *драмма въ двухъ дѣйствіяхъ и четырехъ сценахъ. Сочиненіе* Н. Т. семнадцатилѣтняго автора. *Санктпетербургъ. Въ тип. Соломона. 1844. Въ 12-ю д. л. 52 стр.*

«Сочиненіе семнадцатилѣтняго автора»! Дѣти не только не перестаютъ играть въ литературу, но даже печатаютъ свои ребяческія попытки, простодушно думая, что ихъ игрушки могутъ интересовать взрослыхъ. Пошлѣе и нелѣпѣе «Проклятаго Сына» трудно отъискать что-нибудь во всей «расейской» литературѣ. Сочинитель думалъ нѣсколько оправдать себя въ недостаткахъ своей *драммы*, объявивъ, что ему только семнадцать лѣтъ, но ошибся: то, что̀ въ бездарности, брѣющей бороду, заставило бы васъ только улыбнуться и махнуть рукой, въ юношѣ, начинающемъ жить, наводитъ на грустныя размышленія. Семнадцать только лѣтъ, и ни одной свѣжей жизненной струи, — все мертво, обыкновенно, по̀шло, какъ у самой закоренѣлой бездарности!...

О содержаніи говорить не стóитъ.

263) Картины Моей Юности. *Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. *Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1844. Въ 12-ю д. л. 94 стр.*

Ѳедотъ Кузмичевъ написалъ такъ много разныхъ сочиненій одинаковаго достоинства, такъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ, читающей книги, напечатанныя въ типографіяхъ Кирилова и Смирнова, что уже пора ему было подумать о сохраненіи, въ пользу и наученіе потомковъ, своей фигуры и жизни. Съ фигурой его читатели познакомились чрезъ портретъ, приложенный къ одному изъ его произведеній; съ характеромъ и нѣкоторыми чертами юности знакомитъ насъ самъ сочинитель — тоже изъ «знаменитыхъ» — въ

Digitized by Google

предлежащей книжкѣ, которую должно почитать началомъ автобіографіи. Вотъ собственноручное изображеніе внѣшнихъ примѣтъ и внутреннихъ качествъ Ѳедота Кузмичева: «Темперамента я сангвиническаго; ростъ мой «между средняго и высокаго; волосы «имѣю темнорусые и нѣсколько кудреватые, которые въ счастіи и несчастіи всегда стоятъ дыбомъ *(страшно!)*; «лице *бѣлое съ бакенбардами;* отъ природы я нѣсколько худощавъ и жирнымъ никогда не былъ; лобъ безъ «морщинъ; глаза сѣрые, *оказывающіе «остроту;* въ срединѣ оныхъ зрачки «чернобатые *(удивительное дѣло!)*; носъ «правильный; губы среднія; подборо«докъ также *недуренъ и соотвѣтствуетъ «прочимъ частямъ тѣла;* шея не со«всѣмъ тонкая и нѣсколько длинновата, «отъ чего, можетъ быть, имѣю легкій «и звонкій голосъ; грудь не широка и «не узка; станъ стройный; не взирая «на маленькое наклоненіе моей спины, «хожу прямо и тихо съ нѣкоторою *«личавостію»* и проч. и проч. (стр. 11 и 12). Такъ-какъ всякому дѣйствію есть причина, то и писанію Ѳедота Кузмичева должна же быть какая-нибудь причина. У «сына природы» ихъ не одна, а четыре: «любовь, свобода, че«столюбіе и непреоборимое желаніе «прославить свое *ничтожное имя»* (стр. 9). Ясно, что здѣсь «свобода» принята въ невиннѣйшемъ смыслѣ нашей поговорки: отъ нѣчего-дѣлать надобно что-нибудь дѣлать. То-есть, дѣйствія Кузмичева вытекли прямо изъ бездѣйствія. Въ жизни сочинителя — особенно сочинителя-самоучки — важно малѣйшее обстоятельство, какъ вѣрное указаніе пути, которому онъ слѣдовалъ. Такъ и теперь, духъ, содержаніе и направленіе твореній Ѳедота Кузмичева досконально объясняются однимъ важнымъ обстоятельствомъ его жизни, именно — мѣстомъ его рожденія: онъ, по собственному своему признанію, «родился въ клевѣ» (стр. 13).

=

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

20) Le Guide de l'Enfance, *ou cours pratique de langue Française à l'usage des commençants.* Руководство къ Постепенному Практическому Изученію Французскаго Языка. *Ouvrage traduit du «Wegweiser» de Monsieur de Renngarten, par* Leon Firmin. *Москва. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 88 и 26 стр.*

Скажите, долго ли наши гг. преподаватели будутъ толковать о *методахъ?* Извѣстно каждому, что способы преподаванія весьма-важное дѣло въ ученіи, но не теперь, не въ наше время бредить ими, когда уже и теорія и практика вошли въ свои предѣлы, когда и той и другой дана надлежащая власть и законное употребленіе, когда хорошему учителю знакомы всѣ пріемы дидактическіе. Въ 1844 году отъ

Digitized by Google

Р. Х., а отъ сотворенія міра въ 7352, разсуждать о способѣ изученія французскаго или нѣмецкаго языка въ тоненькомъ руководствѣ, занимающемъ всего-на-все 88 страницъ, значитъ повторять твердые зады, или толочь воду въ ступѣ.

Мы не ошибемся, сказавъ, что эти пустые толки происходятъ отъ трехъ главныхъ причинъ: или отъ своенравной моды, которая въ наукѣ хуже моды на платья и другія житейскія потребности; или отъ невиннаго невѣжества, которое не вѣдаетъ, что творитъ; или отъ шарлатанства, которое умышленно заводитъ бесѣды о способахъ преподаванія, чтобъ поддѣть почтеннѣйшихъ родителей съ дѣтьми ихъ, а иногда и провести близорукій надзоръ стрегущихъ...

Такъ, напр., была и, къ-несчастію, есть еще и теперь мода разсуждать о томъ способѣ преподаванія, который велитъ въ каждомъ изучаемомъ предметѣ развивать способности учащихся. Вы не повѣрите, сколько заботъ родилось о развитіи головъ, какъ эти заботы затрудняли истинно-хорошихъ учителей, которые, зная хорошо свою науку и также передавая ее дѣтямъ, нашли въ *будто-бы-новой методѣ* отводъ отъ своихъ добросовѣстныхъ занятій, и какъ, съ другой стороны, обрадовали они учителей-невѣждъ, которые, за неимѣніемъ надлежащихъ свѣдѣній, уцѣпились за легкое средство скрывать свое невѣжество. Это средство было *развитіе способностей*... Мы говоримъ не шутя: въ классахъ, на экзаменахъ, вездѣ требовали (увы! требуютъ и теперь гдѣ-то) отчета не въ наукѣ, которую преподаватель объяснялъ, а въ развитіи способностей, какъ непосредственномъ трудѣ преподавателя; не спрашивали: знаешь ли ты ариѳметику или грамматику? но предлагали вопросъ: развиты ли твои способности? учитель, не запинаясь, говорилъ: мы занимались развитіемъ способностей. Въ чемъ, напр., состоялъ экзаменъ изъ грамматики? вы думаете, въ разборѣ предложеній и частей рѣчи? Какъ бы не такъ! Нѣтъ, милостивые государи, онъ состоялъ въ какихъ-то произвольныхъ, условныхъ вопросахъ, въ родѣ слѣдующихъ: «что есть портфѣль? опредѣлите мнѣ столъ? изъ чего шьются сапоги? на что еще употребляется кожа?» и тому подобныхъ вопросахъ, на которые плохой ученикъ могъ отвѣчать очень-хорошо, еще до поступленія своего въ училище, и на которые ученикъ хорошій могъ иногда не отвѣчать, даже и въ училищѣ. Конечно, при такомъ экзаменѣ изъ грамматики, дѣти легко обходились безъ грамматики; но вѣдь дѣло не въ наукѣ, а въ развитіи способностей, которое именно и доказывается незнаніемъ предмета. Что жь дѣлали при семъ добросовѣстные, знающіе учители?.. Очень-немного: они молчали, украдкой пожимая плечами. Они очень-хорошо понимали, что доказательство развитія способностей въ знаніи предмета, а не въ вопросѣ: изъ чего плетутъ лапти? и что, если ученикъ *знаетъ* какой-нибудь предметъ, то ужь изъ этого одного, безъ экзамена, очевидно, что его способности *развиты*.

Таково владычество моды. Не лучше его и невинное невѣжество—вторая причина толковъ о способахъ преподаванія. Это невѣжество, видите ли, ничего не читало, ни съ кѣмъ изъ умныхъ людей не говорило, ни у кого изъ добрыхъ людей не училось, а до всего, что теперь имѣетъ, дошло собственной своей опытностью, которую не даромъ называютъ *горькою*. Если такое невѣжество выразиться, случайно, въ лицѣ какого-нибудь учителя... то сей учитель начинаетъ учить прежде кое-какъ, на-авось; потомъ лѣтъ черезъ пять узнаетъ онъ *опытностью*, что онъ училъ рѣшительно не такъ, началъ съ конца, когда слѣдовало начинать съ начала, и оставляетъ прежнюю, пятилѣтнюю свою методу. Пройдетъ еще пять лѣтъ—та же *горькая опытность* скажетъ ему, что онъ все еще плохой учитель, и вторая метода бросается подобно первой. Наконецъ

Digitized by Google

уже лѣтъ черезъ пятнадцать, откроетъ наставникъ, что въ языкѣ не надобно начинать съ теоріи, съ опредѣленій, что лучшая метода — практическая. Бѣднякъ радъ: пятнадцать лѣтъ горькой опытности прошли не даромъ. Онъ кричитъ всѣмъ о своей находкѣ, толкуетъ о ней въ классѣ и внѣ класса, спрашиваетъ ее на экзаменѣ... Что вы на это скажете?.. Вы скажете, что *новое* открытіе бѣдняка есть *старость*, что объ этомъ напечатано въ такихъ-то и такихъ-то книгахъ, что это знаете вы, знаю я. Очень-хорошо; но ему какое дѣло? Книгъ онъ не читалъ и не читаетъ, со мной и съ вами не знакомъ...

Умалчиваемъ о третьей причинѣ, изъ презрѣнія къ ней; не станемъ также разыскивать, въ-слѣдствіе какого источника явились толки г. Фирмена о *способѣ преподаванія*... Дѣло лишнее; но какъ, право, не согрѣшишь, не улыбнешься, читая постановленія новой методы, изложенныя въ предисловіи:

«*Пунктъ 1*. Вниманіе учениковъ должно быть непрерывно поддерживаемо». Не-уже-ли? Скажите! Не нужно ли ужь ученикамъ имѣть слухъ и зрѣніе?

«*Пунктъ 2*. Учитель долженъ прежде предложить вопросъ, а потомъ уже произнести фамилію ученика, который долженъ отвѣчать на вопросъ». Вотъ что значитъ много лѣтъ горькой опытности! Вѣдь, кажется, легко, а въ самомъ-дѣлѣ трудно. Но этимъ пунктомъ не разрѣшены многія недоумѣнія: какъ поступать, если ученикъ и послѣ предложеннаго вопроса, и послѣ произнесенной фамиліи своей, окажется невнимательнымъ? употребить наказаніе? Объ этомъ, однакожь, нѣтъ ни одного пункта, хотя необходимость полицейскаго надзора въ классѣ пріобрѣтается тоже горькою опытностью.

Всѣ десять пунктовъ новаго способа — такого же достоинства, какъ и два первые. Это общія мѣста, которыя можете приложить къ любой наукѣ и искусству, хоть къ гимнастикѣ. Зачѣмъ зашли они въ руководство къ изученію французскаго языка?—Спросите у М-г Firmin! Мы не беремся отвѣчать на это и лучше посмотримъ, что идетъ за предисловіемъ. На стр. первой—буквы, на второй и третьей—буквы и склады, на стр. 4—50—разныя упражненія, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на стр. 50—88 — вторая часть книги, т. е. анекдоты и повѣстцы, наконецъ—словарь. То же, что во всѣхъ азбукахъ, отъ первой, напечатанной послѣ потопа, до руководства г-на Фирмена включительно. Вотъ вамъ и новая метода! Вотъ и новѣйшее «руководство»!

Б.

21) Medicinisch-Topographische Skizze von St.-Petersburg, *ein Beitrag von Dr* Maximilian Heine (Медико-Топографическіе Очерки Санктпетербурга, *сочиненіе доктора* Максимиліана Гейне). *Санктпетербургъ. Въ тип. Курта. Въ 8-ю д. л. VIII и 72 стр.*

Эти медико-топографическіе очерки были напечатаны въ издающемся съ 1844 года медицинскомъ журналѣ («Medicinische Zeitung Russlands von Heine, Krebel und Thieleman») и заслужили общее одобреніе. Точно, упрекъ не малый для врачей, что столица, обширнѣйшій послѣ Лондона, Парижа и Константинополя городъ, доселѣ еще не имѣетъ медицинской топографіи, тогда-какъ самыя малыя мѣстечки, не говоримъ города, иностранныя описаны со всею подробностью. Мнѣніе доктора Гейне мы вполнѣ раздѣляемъ, и хотя есть у насъ довольно-хорошія описанія Петербурга, но брошюра, которой названіе показано выше, всегда найдетъ читателей-врачей, могущихъ заимствовать изъ нея многое, чего нѣтъ въ означенныхъ описаніяхъ, ибо съ каждымъ годомъ появляется въ Петербургѣ что-нибудь новое, небывалое дотолѣ и, слѣдовательно, заслуживаю-

Digitized by Google

щее вниманія наблюдателя. Отдавая справедливую признательность доктору Гейне за его брошюру, скажемъ ему по секрету, что въ подобныхъ сочиненіяхъ должно быть крайне-осторожнымъ въ обвиненіяхъ. На стр. 30, находимъ несправедливое обвиненіе нашихъ русскихъ ресторатеровъ, которые будто къ обыкновенному китайскому чаю примѣшиваютъ такъ-называемый «копорскій чай» или «иванъ-чай» и т. п. растенія. Далѣе говоритъ г. Гейне, что въ ресторацiяхъ подаютъ чай невкусный, но каждый Русскій очень-хорошо знаетъ, что̀ пьетъ. Надобно было бы лучше прибавить, что питье чая отвлекло многихъ отъ питья водки, — а это немаловажное усовершенствованіе въ нравственности простолюдина.

22) Hydrographie des Russischen Reiches *oder Geographisch-statistisch-technische Beschreibung seiner floss-und schiffbaren Flüsse und Seen, seiner Küsten, inneren Meere, Häfen und Anfuhrten. Ein von der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften eines Demidowschen Preises gewürdigtes Werk. Erster Band. Das Baltische Bassin von der Oder bis Torneo. Von* I. Ch. Stuckenberg (Гидрографія Россійскаго Государства, *или географико-статистико-технич. ое описаніе его проточныхъ и судоходныхъ рѣкъ, озеръ, береговъ, внутреннихъ морей, гаваней и пристаней. Сочиненіе, удостоенное Императорскою Академіею Наукъ демидовской преміи. Балтійскій Бассейнъ, отъ Одера и до Торнео. Соч.* I. Х. Штукенберга). *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 650 стр.*

Это одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя составляютъ отрадное, хотя, къ сожалѣнію, и рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ а между-тѣмъ, многіе ли оцѣнятъ его? многіе ли замѣтятъ даже его и встрѣтятъ съ надлежащимъ участіемъ, съ достойною благодарностью?.. Впрочемъ, г-ну Штукенбергу не привыкать къ лестному пріему публики: три года назадъ, вышло его описаніе всѣхъ каналовъ Россіи, и русскіе журналисты, даже тѣ, которые, по собственнымъ словамъ ихъ, ставятъ себѣ въ непремѣнную обязанность преимущественно слѣдить за всѣмъ отечественнымъ, пропустили это важное сочиненіе совершенно безъ вниманія, не дали даже легкаго, короткаго о немъ отзыва, хоть бы извѣстили нашу просвѣщенную публику объ его выходѣ. Только въ «Отеч. Запискахъ» былъ, въ половинѣ прошедшаго года, помѣщенъ полный разборъ упомянутаго сочиненія. Зато Академія наша, всегда готовая принять подъ особенное покровительство каждый замѣчательный трудъ, появляющійся въ нашемъ отечествѣ, поспѣшила наградить демидовскою премію и первое сочиненіе г-на Штукенберга и, это послѣднее, напечатавъ ихъ на своемъ иждивеніи.

Вышедшая нынѣ «Гидрографія Россійскаго Государства» есть плодъ многолѣтнихъ, совѣстливыхъ изысканій; это — полное собраніе всѣхъ точныхъ свѣдѣній географическихъ, статистическихъ и техническихъ о водахъ нашего отечества.

Воды въ Россіи, пока, главные проводники внѣшней и внутренней торговли; по-этому, точное описаніе ихъ имѣетъ для насъ особый живой интересъ: кромѣ того, что оно раскрываетъ намъ физіономію, физическія отношенія нашего отечества, оно знакомитъ насъ съ состояніемъ его торговли, промышлености вообще, главныхъ источ-

Digitized by Google

никовъ народнаго богатства. На этотъ важный пунктъ преимущественно обратилъ вниманіе г. Штукенбергъ. Точныя-числовыя данныя о количествѣ приходящихъ купеческихъ судовъ, извѣстія о качествѣ и цѣнности привозимыхъ товаровъ, сопровождаютъ у него историческое и физическое описаніе каждой рѣчки, каждаго озерка, каждой пристани. Его «Гидрографія» — полная счетная книга, гдѣ видишь точный балансъ всей торговой дѣятельности Россіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Балтійскій бассейнъ составляетъ содержаніе перваго тома «Гидрографіи Россійскаго Государства», который теперь и вышелъ; а все сочиненіе, по обѣщанію автора, будетъ состоять изъ четырехъ томовъ.

Въ Европѣ, Балтійское-Море наиболѣе прилегаетъ къ берегамъ Россіи; это главная дорога, по которой происходитъ наша заграничная торговля, и свидѣтельства лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ несомнѣнно доказываютъ, что черезъ Балтійское-Море совершались уже торговыя сношенія между Востокомъ и Европою задолго еще до водворенія на берегахъ его нѣмецкихъ рыцарей, распространившихъ здѣсь христіанство. Судоходная линія самая древняя, по сказанію Нестора, шла чрезъ Днѣпръ, Ильмень и Ловать, а между Лугой и Шелонью грузъ тащили по сухой землѣ волокомъ. Алдегеборгъ, Алдеаборгъ (Старая-Ладога), Новгородъ, можетъ-быть и Старая-Русса были главными складочными мѣстами на этомъ торговомъ пути. Суда приставали и разгружались въ различныхъ пунктахъ по берегамъ Балтійскаго-Моря; но центромъ этой торговли была въ-началѣ Винета, а потомъ, послѣ разоренія этого города, островъ Готландъ.

Существованіе этихъ древнѣйшихъ торговыхъ сношеній между жителями Востока, именно Малой-Азіи, и Европою черезъ Балтійское-Море лучше всѣхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ доказываетъ нахожденіе древнихъ арабскихъ монетъ въ сѣверо-западной части Россіи и Норвегіи. Монеты эти обыкновенно открываются въ большомъ количествѣ въ сосудахъ, въ горшкахъ; такъ, въ 1685 году, въ Эстляндіи, при Ирвисѣ, отрыто было множество золотыхъ арабскихъ монетъ вмѣстѣ съ англо-саксонскими, временъ Этельрида и Канута-Великаго, т. е. 699 и 1011 годовъ по Р. Х. Подобныя же находки были дѣлаемы нѣсколько разъ въ губерніяхъ: Казанской, Рязанской, Тульской, Владимірской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Минской, Могилевской, Смоленской, Витебской, Курляндской, Эстляндской, Санктпетербургской и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ (см. «Bulletin Scientifique, publié par l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg», vol. IX, 1842, pag. 301 — 322. Статья Френа «Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von alten Arabischen Münzen in Russland und Norwegien»).

Въ XII столѣтіи, случайно, вѣтромъ прибило къ устью Двины бременскій корабль, и съ этого времени началась собственно торговля Россіи, въ лицѣ Новгорода, съ Европою, которой представителями были тогда, въ торговомъ отношеніи, ганзеатическіе города. Но въ то время не настала еще эпоха развитія зародыша настоящаго бытія нашего отечества. Въ XV-мъ столѣтіи, Новгородъ-Великій, двигавшій всею нашею заграничною торговлею, палъ предъ желѣзною волею Іоанна III-го; вмѣстѣ съ нимъ совершенно упала и наша торговля. Въ 1650 году, Венеціанецъ Паоло Чентуріоне пріѣзжалъ на-

Digitized by Google

рочно въ Москву, отъ имени своей республики, съ предложеніемъ возстановить древній торговый путь черезъ Днѣпръ: но въ то время на подобныя предложенія не обращалось никакого вниманія.

Петръ-Великій первый понялъ, какія огромныя выгоды должно доставить Россіи Балтійское-Море, и первый задумалъ перенести на него торговлю Бѣлаго-Моря. Полтавская битва утвердила надъ нимъ господство наше.

Въ наше время, Балтійское-Море, какъ сказано, главный центръ нашей заграничной торговли. Шестьдесятъ-три порта опоясываютъ берега его. Г. Штукенбергъ значительную часть своего сочиненія посвящаетъ полному описанію этихъ проводниковъ иностранной и отечественной промышленой дѣятельности, и эта часть — самая интересная статья.

Мы охотно познакомили бы ближе нашихъ читателей съ историческими и техническими свѣдѣніями объ этихъ портахъ, но мѣсто не позволяетъ слишкомъ распространяться; по-этому, ограничимся одними, и то самыми важными статистическими данными, которыя щедро разсыпала въ этой части трудолюбивая рука почтеннаго автора. Эти статистическія данныя — самые лучшіе, точные показатели направленія и силы настоящей нашей торговой дѣятельности.

Итакъ, шестьдесятъ-три порта, покрываютъ берега Балтійскаго-Моря. Вотъ суммы, на которыя чрезъ главнѣйшіе изъ нихъ провезено и ввезено товаровъ въ 1796, 1824 и 1838 годахъ; мы выбрали эти три эпохи единственно потому, что для нихъ находятся точныя указанія въ таблицахъ, представленныхъ г. Штукенбергомъ.

Названія гаваней.	1796 г.		1824 г.		1838 г.	
	Ввозъ.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ.
	руб. асс.	руб. асс.	руб. асс.	руб. асс.	руб. асс.	руб. асс.
Либава.	958,681	1,231,480	2,793,000	472,000	3,172,000	426,676
Виндава.	642,701	104,628	293,000	63,078	419,718	79,675
Рига.	2,166,838	14,053,256	13,916,000	41,066,000	12,127,000	45,711,000
Перновъ.	768,004	7,624,664	245,300	2,320,000	260,450	2,374,620
Гапсаль.	26,413	17,286	4,700	14,200	32,200	15,262
Аренсбургъ.	18,498	119,297	40,800	84,800	2,696	177,274
Ревель.	1,624,664	768,004	68,800	660,130	824,400	1,529,000
Кунда.	Неизвѣстно.		12,700	35,800	6,337	52,860
Нарва.	148,526	688,138	220,000	194,000	437,811	1,129,521
Санктпетербургъ	26,355,890	37,023,012	120,424,000	97,727,000	152,837,000	135,054,000
Итого. . . .	30,710,215	56,639,765	140,016,500	142,647,108	171,119,612	186,553,888

Digitized by Google

Вотъ балансъ нашей торговли на Балтійскомъ-Морѣ; съ каждымъ годомъ она возрастаетъ болѣе-и-болѣе. Цѣнности ввоза и вывоза совершенно взаимно уравновѣшиваются. Русскихъ денегъ, слѣдственно, не уходитъ много за границу на предметы роскоши; напротивъ, мы еще болѣе получаемъ за свои суровыя произведенія.

Digitized by Google

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Geschichte der bildenden Künste, von Karl Schnaase. *Erster und zweiter Band. Düsseldorf. 1843* (Исторія Образовательныхъ Искусствъ, *соч.* Карла Шнаазе. *Дюссельдорфъ. 1843).*

Въ общемъ введеніи, авторъ представляетъ теоретическое вѣрованіе свое, и въ четырехъ главахъ говоритъ объ искусствѣ, объ идеѣ художественнаго созданія, объ отдѣльныхъ искусствахъ и объ отношеніи искусства къ исторіи. По всѣмъ правиламъ эстетики, которыя около полувѣка введены въ философическія системы лучшими мыслителями Германіи, всѣ высказанныя здѣсь положенія являются замѣчательными въ высшей степени. Они отличаются внутреннею послѣдовательностью, такъ же какъ и необыкновенно-новыми и поразительными психологическими взглядами; они понятны не тодько философу, но художнику и любителю искусства.

Авторъ разсматриваетъ предметъ свой эмпирически. Въ изящномъ онъ видитъ непремѣнное условіе человѣческой природы, которая, по двоякому свойству ея, духовному и чувственному, въ борьбѣ и необходимости міра находитъ потребность выразить единство и гармонію обѣихъ силъ. Въ-слѣдствіе этого, г. Шнаазе ограничиваетъ изящное пріятнымъ и высокимъ, которыя не совершенно удовлетворяютъ требованію: пріятное потому, что оно переходитъ въ чувственное и матеріальное,—высокое потому, что оно превращается въ мечтательное и неизобразимое. Въ дѣйствительной природѣ онъ находитъ потребность изящнаго неудовлетворенною, хотя она содержитъ въ себѣ сѣмена прекраснаго и указываетъ ему путь. Разъединенныя явленія природы неудовлетворительны, потому-что они являются безъ самостоятельности и одушевленія; даже высочайшее созданіе — человѣкъ, не можетъ назваться изящнымъ, потому что смертность и внутренній раздоръ бытія его разрываютъ нить изящнаго. Отъ этого, потребность красоты пере-

Digitized by Google

несена на «искусство» и въ немъ одномъ находитъ настоящее, чистое проявленіе свое. Искусство есть творчество, врожденное человѣку. Недостатокъ истины состоитъ въ томъ, что она не изящна; недостатокъ изящнаго въ томъ, что оно не истинно. Дѣйствующая сила искусства въ человѣкѣ есть фантазія, но фантазія, направленная и ограниченная истиною. Во взаимномъ дѣйствіи природы и фантазіи, соединенномъ съ полнымъ самосознаніемъ художника, возникаетъ изъ стремленія души его къ прекрасному истинное созданіе искусства, придаетъ естественной матеріи духовную стройность, приводитъ въ гармонію духъ и природу. Чѣмъ чище и возвышеннѣе фантазія и любовь художника къ природѣ, тѣмъ выше становится созданіе искусства. Явленія дѣйствительности разнообразны, и съ ними вмѣстѣ проявленія творческой фантазіи; отъ-того, въ искусствѣ нѣтъ абстрактно-прекраснаго; прекрасное не есть совершенство. Въ этомъ смыслѣ, каждый предметъ имѣетъ свой особенный идеалъ.

Второе отдѣленіе книги заключаетъ въ себѣ идею художественнаго произведенія. Идея эта есть душа тѣла. Она — нѣчто отличное отъ мысли философа — сливается съ формою и красками міра чувственнаго, и вполнѣ усвоиваетъ себѣ вдохновенное чувствованіе. Истинное художественное произведеніе имѣетъ нравственное вліяніе, потому-что возвышаетъ человѣка, облагораживаетъ его. Идея художественнаго произведенія есть не что иное, какъ изображеніе предмета, въ гармоніи съ требованіями вдохновеннаго чувствованія красоты.

Въ отдѣленіи «Символъ» представлены различныя значенія, которыя придавали этому слову различныя теоріи искусства.

Въ третьей главѣ, разсуждающей объ искусствахъ вообще, авторъ говоритъ, что каждое искусство имѣетъ, по своему отличительному свойству, особенные духовные элементы, на которые оно опирается. Эти элементы — «пространство, время и жизнь». Отъ-чего же онъ принимаетъ только эти три элемента? Образовательное искусство выражаетъ проявленіе природы въ пространствѣ; матеріалами ему служатъ тѣла и краски. Музыка владѣетъ царствомъ времени: орудія ея — звуки. Поэзія представляетъ событія жизни съ ихъ причинами и дѣйствіями; проводникъ ея — языкъ, съ заключающеюся въ немъ духовною матеріею. Чтобъ изъ элементовъ возсоздать художественное произведеніе, необходимъ духъ художника, дающій ему духовную связь. Хотя всѣ искусства родственны между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое имѣетъ и свое особенное поприще; это не мѣшаетъ ему пользоваться пріобрѣтеніями другихъ. Образовательное искусство заимствуетъ гармонію отъ музыки и поэзіи, и, въ замѣнъ того, музыкѣ и поэзіи необходимъ симметрическій, пластическій, живописный элементъ.

По распредѣленіи сферы каждаго искусства, авторъ переходитъ къ заключенію, что такъ-какъ сущность прекраснаго состоитъ во внутренней гармоніи внѣшняго представленія съ его духовнымъ содержаніемъ, то различныя искусства проявляются при различномъ духовномъ стремленіи.

Въ мірѣ физическомъ находятся элементы — матерія и свойства; въ духѣ только одно творчество; это творчество состоитъ изъ знанія и чувства. Они находятся во взаимномъ дѣйствіи и одно дополняетъ другое. Собственно сущность духа не есть ни чувство, ни знаніе, но мощное индивидуальное усвоеніе того и другаго. Знанію соотвѣтствуетъ преимущественно образовательное искусство, чувству — музыка; посредствующему духу, обнимающему всю сущность ихъ — поэзія. Каждое отдѣльное направленіе искусства, подобно человѣку, имѣетъ различныя эпохи развитія, и по нимъ составляется ихъ распредѣленіе. Г. Шнаазе опредѣленнѣе всего разсматриваетъ искусства образовательныя. Для архитектуры выводитъ онъ новую те-

Digitized by Google

орію, причисляя ее, относительно духовнаго творчества, къ такъ-называемымъ подражательнымъ искусствамъ. При исполненіи своего созданія, зодчій, наученный опытомъ, такъ же слѣдуетъ математическимъ законамъ природы, какъ ваятель и живописецъ другимъ законамъ — естественнымъ. Зодчество есть не что иное, какъ представленіе прекраснаго въ природѣ неорганической; оно по собственнымъ законамъ употребляетъ матерію образовательныхъ искусствъ, ихъ тѣлесность, располагаетъ и соединяетъ ее собственнымъ духомъ художническаго творчества и такимъ образомъ представляетъ образъ міроваго порядка. Слабая сторона его заключается въ томъ, что оно подчинено матеріальнымъ цѣлямъ, зависитъ отъ условій полезнаго, и, подобно прочимъ искусствамъ, не можетъ дѣйствовать совершенно-свободно. Но преимущество его состоитъ въ томъ, что, выражая красоту природы неорганической, оно не можетъ ограничиться только пріятнымъ, что часто случается съ другими искусствами; оно строго придерживается законовъ искусства, и потому можетъ назваться искусствомъ по преимуществу.

Музыка, менѣе всего подражающая природѣ, не имѣетъ строгихъ матеріаловъ архитектуры, и потому часто теряетъ высокую цѣль свою и переходитъ въ чувственно-пріятное. Строгостію и чистотою своихъ законовъ, зодчество должно служить основаніемъ всѣхъ искусствъ. Всѣ должны слѣдовать ему и заимствовать отъ него правила. При слабомъ образованіи чувства изящнаго, оно пробуждаетъ религіозныя впечатлѣнія посредствомъ колоссальныхъ образовъ; при дальнѣйшемъ же развитіи этого чувства, уничтожается ложное вліяніе, — но въ духовномъ отношеніи сольются во-едино матерія и идея. Вообще духъ народа, въ различныя эпохи своего развитія, преимущественно проявляется въ архитектурѣ, которая отъ того пріобрѣтаетъ особенную историческую важность.

Не смотря на то, зодчество, разсматривая одну неорганическую природу, только частію разрѣшаетъ вопросъ искусства; скульптура совершаетъ переходъ и воспроизводитъ въ пространствѣ красоту органической природы. Архитектура была необходимою приготовительною школою къ отысканію тѣхъ законовъ, по которымъ искусство подчиняетъ себѣ дѣйствительность. Примѣненіе этихъ законовъ изящнаго къ жизни слѣдуетъ такъ непосредственно за ними, что только тѣ образы природы способны къ изящному, въ которыхъ жизнь проявилась полною и замкнутою сама-въ-себѣ. Чистое дѣло ваянія есть статуя и, преимущественно, нагая. Группы и барельефы составляютъ уже переходъ къ живописи. Нагота представляетъ сильную форму человѣческаго тѣла; одѣяніе, слишкомъ закрывающее тѣлесныя очертанія, неблагопріятно для скульптуры. По мнѣнію автора, пластика въ головѣ должна сосредоточить господствующую выразительность, съ тѣмъ только, чтобъ она была въ гармоніи съ обнаженнымъ станомъ. Но станъ долженъ быть, при устраненіи всего излишняго и случайнаго, строго образованъ по законамъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ идеею художника. Между-тѣмъ, какъ, въ духовномъ отношеніи, архитектура представляетъ только всеобщія черты религіознаго и политическаго состоянія, скульптура выражаетъ состояніе индивидуума. Въ противоположность болѣе-субъективнымъ искусствамъ, и именно живописи, она сохраняетъ въ себѣ много общаго. Она не должна предаваться тонкимъ измѣненіямъ и отступленіямъ; область ея — простыя отношенія, въ которыхъ преобладаютъ правильность и размѣры.

Въ скульптурѣ искусство обняло, вмѣсто общественной жизни, индивидуальную, но удержало еще внѣшность, тѣлесность. Въ живописи, оно устранило ее и удовольствовалось единственнымъ очертаніемъ тѣла, со-

Digitized by Google

единивъ его, однако, съ красками. Въ скульптурѣ заключается столько дѣйствительности, что красокъ употребить невозможно безъ нарушенія законовъ изящнаго. Въ скульптурѣ господствуютъ законы міра физическаго; въ живописи преобладаетъ жизнь души, возвышающаяся надъ скульптурою. Въ живописи тѣло не такъ изолировано: краски требуютъ основанія, свѣта, оттѣнковъ. И въ духовномъ отношеніи, образы не столько изолированы, какъ въ скульптурѣ; особенный цвѣтъ тѣла опредѣляется состояніемъ, отношеніями, вліяніемъ климата и тому-подобными обстоятельствами, которыя должны необходимо быть приняты въ соображеніе. Индивидуальность характера отражается на окружающихъ его предметахъ. Въ-слѣдствіе этого, живопись не представляетъ, подобно ваянію, изолированнаго изображенія, но по аксессуарамъ своимъ отражаетъ образъ своего вѣка и исторіи. Архитектура создаетъ свое произведеніе по законамъ безжизненной, неорганической природы; скульптура ограничивается законами живой природы; живопись обнимаетъ всю жизнь вообще, соединяетъ все разъединенное предъидущими искусствами и выражаетъ духовный элементъ. Слѣдовательно, живопись обладаетъ богатствомъ идей, полнотою матеріи: она можетъ употреблять и ужасное въ видѣ контраста, и отъ-того, болѣе другихъ искусствъ, находится въ опасности впасть въ чувственное. Архитектура есть чистое искусство; въ скульптурѣ изящное достигается только строгостію и чистотою; совсѣмъ-иное предстоитъ живописи. Гармоніею красокъ живопись примыкаетъ къ музыкѣ, гармоніею формы — къ архитектурѣ. Она — самое безтѣлесное изъ образовательныхъ искусствъ и возможна только въ соединеніи съ классическою формою.

«Современникамъ нашимъ» говоритъ авторъ: «привыкшимъ видѣть искусство въ тѣсномъ соединеніи съ природою, трудно будетъ принять зодчество за начало всякаго искусства. Они начнутъ скорѣе съ живописи, отъ нея перейдутъ къ ваянію, и потомъ признаютъ уже изящное въ зодчествѣ. Они укажутъ на живописцевъ, которые достигли своего искусства, не слѣдуя этимъ путемъ. Таланту дано отъ природы чувство законовъ изящнаго; хотя онъ и не можетъ выразить его словами, но тѣмъ не менѣе таланту необходима школа, посредствомъ которой онъ усвоитъ и разработаетъ въ себѣ строгіе архитектоническіе элементы прекраснаго, смотря, какъ проявились они въ-теченіи вѣковъ. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что искусство не есть только подражаніе дѣйствительности, но новое созданіе; такъ-какъ оно исходитъ изъ человѣка и дѣйствуетъ для человѣка, то оно должно извлечь собственно ему принадлежащее изъ полноты дѣйствительности и одинъ изъ элементовъ ея принять за матерію во всей его строгости и чистотѣ. Но на этой матеріи должна напечатлѣться вся полнота жизни, вся высота и глубина ея. Одни величайшіе геніи способны проложить новые пути въ различныхъ искусствахъ, и по этимъ путямъ можетъ уже слѣдовать бо́льшее число высокихъ, но менѣе знаменитыхъ дарованій.»

Авторъ переходитъ къ историческому значенію искусствъ.

«Прежде полагали, что искусство есть только предметъ роскоши, и что отъ него мало зависитъ счастіе и несчастіе міра; цвѣтущее состояніе его считали результатомъ случайнаго рожденія великаго генія, и исторія искусства предметомъ своимъ имѣла одно описаніе той или другой школы; она показывала только пользу, предостерегала отъ погрѣшностей. Но это совершенно-ошибочно; подобно всякому явленію, исторія остается запутанною, непонятною картиною для того только, кто не понимаетъ ея единства. Кому ясна ея духовная сущность, тотъ пойметъ и внутреннюю связь ея, хотя не проникнетъ

Digitized by Google

«тончайшихъ оттѣнковъ, хотя не бу-
«детъ сочувствовать всей гармоніи цѣ-
«лаго. Даже величайшій геній не тво-
«ритъ изъ одной врожденной силы, а
«получаетъ предметы для своего твор-
«чества чрезъ посредство историче-
«скихъ преданій; эти преданія соста-
«вляютъ общественное достояніе его
«народа.»

Относительно великихъ духовныхъ стремленій, каждый народъ образуетъ какъ-бы единое нераздѣльное существо; этотъ духъ народный безличенъ, но концентрированъ и распредѣленъ органически. По этой органической связи, каждая вѣтвь дѣятельности народа равно важна для всѣхъ прочихъ вѣтвей ея. Большею частію принимаютъ, что только таинственныя ученія объ откровеніи имѣютъ общую связь преданія; но при тщательномъ разсмотрѣніи, мы видимъ ту же связь въ каждой отрасли духовной дѣятельности. Каждый народъ передаетъ другому не отдѣльную часть своего бытія, но все бытіе вполнѣ, или по-крайней-мѣрѣ самые существенные его элементы. Такимъ образомъ, развитіе человѣчества становится яснѣе, и мы понимаемъ, что оно подчинено не слѣпому случаю, но высшему порядку вещей. Если разъ перейдены границы внѣшней грубости и необходимости, то повсюду образуется система духовнаго ученія о творчествѣ, религія, соединяющая матеріальный міръ съ духовнымъ.

Религія есть существенное достояніе народнаго духа; она обозначаетъ его индивидуальный характеръ, и всякое стремленіе къ духовному или къ матеріальному становится проблескомъ этого характера. Такъ и искусство принадлежитъ къ необходимымъ проявленіемъ духа народнаго, обнаруживающаго не одно воззрѣніе сверхъестественнаго, но въ то же время дѣйствіе чувственной природы, въ которой живетъ этотъ народъ. Искусство не принадлежитъ къ внѣшней необходимости; начало его возникаетъ тамъ, гдѣ удовлетворены матеріальныя потребности; но полное развитіе его принадлежитъ благороднѣйшимъ, просвѣщеннымъ племенамъ.

Исторія искусства составляетъ стройное цѣлое: одинъ народъ передаетъ другому успѣхи свои, и такимъ образомъ сохраняется общая цѣль. Но бываютъ моменты, когда вторженіе новаго принципа разрушаетъ старый и производитъ смятеніе. Подобныя эпохи въ высшей степени замѣчательны, потому-что въ разрушеніи и возрожденіи искусства мы научаемся знать его съ такой стороны, которая незамѣтна во время цвѣтущаго его состоянія.

Въ политикѣ и наукѣ слишкомъ-много значатъ отдѣльные характеры; въ одномъ искусствѣ необходимая гармонія созданія выводитъ на свѣтъ тончайшія, неуловимыя стремленія. Искусство есть въ то же время іероглифъ, въ которомъ выражается таинственное бытіе народа, имъ обладающаго, правда, кратко и темно съ перваго взгляда, но ясно и опредѣленно для того, кто научился понимать эти признаки.

За введеніемъ, въ которомъ авторъ показываетъ историческое развитіе искусства вообще, слѣдуетъ, въ первомъ томѣ, изображеніе искусствъ Индійцевъ, Вавилонянъ, Персовъ, Евреевъ и Египтянъ; во второмъ—Грековъ и Римлянъ. Онъ развиваетъ особенный духъ искусства каждаго изъ этихъ народовъ, въ ихъ религіозныхъ, политическихъ и географическихъ отношеніяхъ. Невозможно, въ нашемъ краткомъ очеркѣ, представить все богатство, всю многосторонность идей, обнаруженныхъ авторомъ въ этой ясной исторической картинѣ. Высокая точка воззрѣнія дѣлаетъ сочиненіе это и поучительнымъ и занимательнымъ; въ томъ же духѣ предпринимаетъ авторъ представить исторію искусства всѣхъ народовъ, и идеи его многозначительны не только для художника и любителя искусствъ, но для каждаго мыслящаго человѣка.

Die gelehrten Göttinger Anzeigen, *während einer hundertjährigen Wir-*

Digitized by Google

samkeit für Philosophie, Schöne Litteratur, Politik und Geschichte. Von H. A. Oppermann. *Hannover 1844* (Ученыя Свѣдѣнія *о столѣтней дѣятельности Гёттингена въ отношеніи философіи, изящной литературы, политики и исторіи. Соч.* Г. А. Оппермана. *Ганноверъ. 1844*).

Вотъ занимательные и драгоцѣнные матеріалы для исторіи германской литературы. Авторъ этой книги, какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи, занимался и прежде «учеными свѣдѣніями о Гёттингенѣ» и понялъ всю важность тщательно-разработанной исторіи ихъ. Въ слѣдствіе этого, онъ вздумалъ написать такую исторію и предварительно занялся изученіемъ источниковъ; болѣе всего старался онъ не ограничиваться одними сухими данными, но сдѣлать ее занимательною и доступною не для однихъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ видѣлъ, что для большой части Германіи, повременное изданіе: «Göttinger gelehrten Anzeigen» составляетъ скрытый рудникъ, и что необходимо предпринять его разработку, какъ для того, чтобъ избавить отъ чтенія 300 томовъ, его составляющихъ, такъ и для того, чтобъ показать вліяніе, которое имѣла дѣятельность тёттингенскихъ ученыхъ на всю Германію. Съ рѣдкимъ прилежаніемъ и необыкновенною дѣятельностію принялся г. Опперманъ за рѣшеніе вопроса, имъ себѣ заданнаго, и такимъ образомъ достигъ двойной цѣли своей — представилъ вкратцѣ матеріалы для исторіи германской литературы, издававшейся подъ названіемъ «Гёттингенскихъ Ученыхъ Свѣдѣній» и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на все, что возникло въ Гёттингенѣ замѣчательнаго по части философіи, изящной словесности, политики и исторіи. Сколько требовала послѣдняя цѣль, онъ бросилъ взглядъ и на науки прочихъ факультетовъ — богословія, юриспруденціи и медицины. Всѣ матеріалы онъ раздѣлилъ на четыре періода, по главнымъ ихъ редакціямъ: первый [періодъ Галлера и Давида Михаэлиса, 1747 — 1770; второй Гейне, 1770—1813; третій Эйхгорна 1813 — 27, и наконецъ четвертый періодъ Геерена и Бейнеке, 1827—42. Это раздѣленіе сдѣлано для того, чтобъ показать собственную дѣятельность и характеръ каждаго редактора и главнѣйшихъ сотрудниковъ, и преимущественно дѣятельность ихъ въ ученомъ отношеніи. И въ наше время, многому, очень многому можно научиться изъ этого сборника ученыхъ извѣстій относительно главныхъ направленій въ литературѣ и даже въ общественной жизни, не только для прошедшаго времени, въ-особенности здѣсь обозрѣваемаго, но и для настоящаго. Мы не будемъ распространяться объ отношеніяхъ и точкахъ соединенія между нашимъ и тогдашнимъ временемъ: онѣ возникаютъ вездѣ сами собою; но нельзя не замѣтить, что съ нѣкоторыми положеніями автора согласиться невозможно, на-пр. съ тѣмъ, что онъ говоритъ о юной Германіи и о знаменитыхъ возстановителяхъ германской литературы (стр. 852). Лучше бы авторъ совсѣмъ оставилъ подобные намеки на наше время... Особенно намъ показалось страннымъ сказанное на страницѣ 112, въ рецензіи Бутервека, о трагедіи древнихъ Грековъ и о состояніи нынѣшняго образованія. Если правъ Бутервекъ, что вкусъ нашъ не могъ остаться такимъ, какимъ былъ у Грековъ, если правы всѣ тѣ (въ чемъ, кажется, нельзя и сомнѣваться), которые говорятъ, что мы не Греки и не можемъ сдѣлаться Греками, — не менѣе справедливо и то, что намъ принесетъ безконечную пользу изученіе созданій древне-греческихъ; что преимущественно это изученіе относится къ трагедіи древнихъ Грековъ и нынѣшнему состоянію драматической поэзіи; что много способствовали успѣху нашихъ сценическихъ представленій опыты, предпринятые въ Берлинѣ, Потсдамѣ и другихъ мѣстахъ — сдѣлать общедоступными классическія драмы. Только нѣкоторые литераторы нашего вѣка, погруженные въ свою современную мудрость, могутъ не извлечь изъ нихъ ни-

Digitized by Google

какой пользы, потому-что они слишкомъ надуты своими собственными дарованіями и не хотятъ видѣть истины. Считаемъ необходимымъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей на примѣчательныя слова благороднаго Гримма (ст. 287), относительно германскихъ университетовъ и о свободѣ преподаванія. Мы живемъ въ такое время, что не должны руководствоваться духомъ партій, потому-что въ нихъ заключается борьба добра и зла, истины и лжи, но считать обязанностію изучить настоящее посредствомъ прошедшаго, чтобъ въ этой борьбѣ упрочить побѣду добра надъ зломъ, истины [illegible].

Friedrich Rohmer's Lehre *von den politischen Parteien. Erster Theil. Frauenfeld. 1844* (Ученіе Фридриха Ромера *о политическихъ партіяхъ. Фрауенфельдъ. 1844. Часть 1-я).*

Ромеръ называетъ «After-philosophie» Гегеля, хотя «великою спекулативною наукою», но непрактическою, лишенною всякаго смысла въ примѣненіи къ жизни, и, поражая ее, представляетъ свое сочиненіе цѣлію настоящаго изученія. «Книга Фридриха Ромера» говоритъ онъ самъ: «не составитъ ни созданія литературнаго, ни «философской системы; она будетъ «живымъ дѣятелемъ въ народѣ, изъ «среды котораго возникла. Наука, истекавшая постепенно изъ жизни, должна также постепенно и вливаться въ «жизнь».

Практическое назначеніе книги весьма похвально, потому-что въ такихъ сочиненіяхъ замѣтенъ ощутительный недостатокъ. Передъ нами только первая часть; но и эта первая часть представляетъ нѣчто цѣлое. Планъ автора — слѣдующій: представить слѣдствія своей науки съ практической точки зрѣнія и на ней воздвигнуть собственную систему. Изложивъ въ первыхъ двухъ главахъ, какія различныя значенія имѣли въ исторіи имена различныхъ политическихъ партій, въ третьей главѣ авторъ развиваетъ основаніе своего произведенія (§ 22—43). «Человѣкъ отъ «природы есть существо политическое. Въ организмѣ души его лежитъ «основаніе организма государственнаго. Чтобъ разсмотрѣть государственное тѣло, необходимо изучить «дѣйствующія силы души и по нимъ «разсматривать жизнь государства и «опредѣлить законы ея развитія. Возникновеніе партій идетъ въ параллель «съ органическимъ развитіемъ человѣка, т. е. возникаетъ изъ степеней «жизни духа человѣческаго. Эти степени жизни рѣзко напечатлѣваются «на возрастахъ. Творческій принципъ «заключенъ въ юношѣ, хранительный «въ мужѣ, [illegible] «заключительный въ старикѣ. Развитіе этихъ четырехъ степеней есть «развитіе всемірной исторіи.» На слѣдующихъ страницахъ, характеризованы четыре возраста и имъ противопоставлены четыре партіи. Здѣсь уже видна отвлеченность такого антропологическаго группированія, на-прим. тамъ, гдѣ говорится «о характерѣ, взглядѣ на міръ и политикѣ мальчика», тогда какъ у мальчика ничего этого быть не можетъ; но это сдѣлано потому, что антропологическая характеристика мальчика должна соотвѣтствовать, въ политическомъ значеніи, партіи радикальной.

Книга заключаетъ въ себѣ много хорошаго, много поучительнаго; она богата замѣчаніями,— но всѣ они слишкомъ отвлеченны, потому-что антропологическое основаніе автора равно противорѣчитъ политикѣ и исторіи; она наполнена безчисленнымъ множествомъ противорѣчій, въ которыя безпрерывно впадаетъ авторъ, преслѣдуя свою несчастную идею; мы не войдемъ въ подробности, потому-что въ самой основной идеѣ его системы, построенной на сухой, безтѣлесной отвлеченности, лежатъ сѣмена разрушенія.

Для каждаго человѣка въ-особенности, степени возраста составляютъ естественные переходы, необходимыя

Digitized by Google

формы его развитія, которыя сами-по-себѣ не что иное, какъ фазы различныхъ періодовъ возрожденія его духа; онѣ имѣютъ весьма-малое значеніе отъ того уже, что взаимно объясняютъ другъ-друга и сливаются одна съ другою. Онѣ находятся между собою въ органической связи и вовсе не имѣютъ того яркаго разграниченія, которое вообразилъ себѣ авторъ. Хотя жизненный періодъ полагаетъ на каждаго опредѣленный характеристическій типъ, но это относится единственно къ индивидууму, потому-что въ общей дѣятельности человѣкъ дѣлается такимъ, какимъ самъ быть захочетъ, а не такимъ, каковымъ [illegible] природа.

Человѣкъ есть духъ, возвышающійся надъ своею тѣлесною оболочкою, разумно и самознательно стремящійся къ обще-человѣческому. Силою духа владычествуетъ онъ надъ чувственностію, подчиняетъ ее своей волѣ и дѣлается независимымъ, потому-что самъ себя опредѣляетъ и преслѣдуетъ имъ же самимъ предположенныя цѣли. Такая свободная дѣятельность есть идея частнаго человѣка о государственной жизни, которая ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ возраста, потому-что многіе старики склонны къ либерализму и многіе юноши къ абсолютизму. Только грубая матеріальность можетъ сдѣлать человѣка рабомъ его возраста, и въ этомъ ясно видно презрѣніе автора къ философіи. Какъ нелѣпо подчинить духъ человѣческій масштабу его возраста, такъ безсмысленно дробить государство по такимъ отвлеченнымъ идеямъ. Государство не составляетъ естественнаго произведенія, чѣмъ хотѣли сдѣлать его суровые взгляды Галлера, Лео и другихъ; равно оно и не есть собраніе враждующихъ партій; оно составляетъ самое прекрасное, самое высокое созданіе духа человѣческаго. Душу его образуетъ нравственность, проявляющаяся въ различныхъ государственныхъ элементахъ: въ религіи, правѣ, искусствѣ и пр. Эта нравственность есть духъ народа, разлитый въ названныхъ нами формахъ. Потому, исчисляя битвы, завоеванія, имена правителей, составляющихъ только слѣды исторіи, мы не поймемъ истиннаго ея значенія; исторія получаетъ бытіе свое въ развитіи государственныхъ идей. Законодательство есть сердце государства; нравственность, права и т. д. составляютъ пульсовыя жилы его. Идеалъ, который народъ носитъ въ сердцѣ своемъ, который онъ старается внѣдрить въ исторію, идеалъ этотъ есть совершенство, къ которому стремится человѣчество, потому-что оно духъ.

Основаніе системы г. Ромера односторонне, [illegible] и часто-произвольно. Идея антропологическаго развитія и политической практики діаметрально противоположна, а соединеніе ихъ придаетъ сочиненію видъ какого-то неестественнаго союза. Можно ли понять исторію Рима, раздѣливъ его на-прим. на пять періодовъ (считая для старости два, потому-что старикъ въ послѣдней степени дряхлости становится мальчикомъ) и отчисля на каждый по 250 лѣтъ, что составитъ 1200-лѣтнюю исторію Рима. Не лучше ли прослѣдить римскую исторію по развитію римскаго права?

Еслибъ г. Ромеръ занялся философіею и понялъ презираемаго имъ Гегеля, онъ бы увидѣлъ, что книга его опоздала цѣлымъ столѣтіемъ.

Denkwürdige Erinnerungen *aus einer vierjährigen Reise durch Süddeutschland, Holland und England nach den Freistaaten des mittlern Südamerika, von* Friedrich Saacke, *Wolfenbüttel, 1844* (Замѣчательныя Воспоминанія *о четырехлѣтнемъ путешествіи въ республики Южной-Америки, чрезъ Южную Германію, Голландію и Англію.* Фридриха Заake. *Вольфенбюттель, 1844).*

Кто найдетъ занимательнымъ и полезнымъ ближайшее знакомство съ малоизвѣстными и малоописанными странами средней части Южной-Америки и кто захочетъ совершить

Digitized by Google

туда путешествіе въ обществѣ умнаго человѣка, одареннаго любовію къ истинѣ, свѣтлымъ взглядомъ и здравыми понятіями обо всемъ, тому мы можемъ рекомендовать эту книгу. Въ первой части, авторъ поведетъ васъ чрезъ ганноверскія и гессенскія владѣнія, на Майнцъ, Кобленцъ, Кёльнъ, Нимвегенъ и Роттердамъ; оттуда отправится съ вами въ Лондонъ, укажетъ всѣ его достопримѣчательности и особенно *Кингсбенчъ* (гдѣ содержатся несостоятельные должники) и прочія тюремныя заведенія. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, случаются съ нимъ разныя приключенія, и онъ, осмотрѣвъ Манчестеръ и Ливерпуль, плыветъ въ Колумбію. На морѣ, онъ борется съ бурями, штилями, также и акулами, и наконецъ пристаетъ послѣ семидесятитрех-дневнаго плаванія къ гавани Санта-Марта. Отсюда онъ посѣщаетъ гробницу Боливара и объѣзжаетъ всѣ окрестныя земли. Потомъ, плыветъ по Рѣкѣ-Магдалины и достигаетъ, послѣ многочисленныхъ опасностей, до Баракиллы, Баранка Нуэво, Момпоро, Наре, Гонды, Св. Анны, гдѣ останавливается на нѣсколько времени въ тамошней рудокопнѣ (авторъ человѣкъ опытный въ горномъ искусствѣ и путешествуетъ съ цѣлію употребить въ пользу свои познанія). Потомъ отправляется онъ сухимъ путемъ чрезъ негостепріимныя земли, чрезъ потоки, лишенные мостовъ, въ Мармото, лежащее между Санта-Фе-де-Багота и Папаяномъ, гдѣ Зааке, разсказавъ намъ много новаго объ этихъ рѣдко-посѣщаемыхъ странахъ, является распорядителемъ работъ и устроителемъ различныхъ машинъ. Во второй части, мы видимъ его въ республикахъ Южной-Америки, въ Колумбіи, Перу, Боливіи, Парагваѣ и ла-Плата. Тамъ, пребываніе его продолжается нѣсколько лѣтъ. Онъ показываетъ отчетливо и подробно естественное состояніе земли, нравы и гражданское устройство юныхъ республикъ, и въ Парагваѣ лично знакомится съ докторомъ Франсіа.

Представивъ читателямъ этотъ очеркъ всего путешествія, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ, чтобъ познакомить ихъ съ идеями и разсказомъ путешественника. Вотъ приключеніе, случившееся съ нимъ въ Лондонѣ (ч. I, стр. 117). «Мы посѣтили мѣста общественныхъ увеселеній и публичныя гулянья. То, на которое мы отправились, представляло площадь, наполненную толпами пѣшеходовъ и всадниковъ, множествомъ тильбюри и великолѣпныхъ каретъ. Но еще ужаснѣйшій, истинно хаотической безпорядокъ встрѣтилъ насъ въ Паркѣ-Регента. Прошедши шаговъ двадцать, изъ всѣхъ спутниковъ моихъ, я одинъ [illegible] своей носовой платокъ и то совершенно-случайно, потому-что держалъ его въ рукахъ. Старшій товарищъ нашъ, лишившійся въ этотъ вечеръ кошелька и часовъ, былъ неутѣшенъ и возвратился домой, а мы съ Вильгельмомъ продолжали нашу прогулку въ паркѣ. Передъ наступленіемъ сумерекъ, начала сбывать толпа, и когда совсѣмъ смерклось, мы остались одни въ этомъ за нѣсколько минутъ столь оживленномъ мѣстѣ. На возвратномъ пути, поразилъ насъ женскій голосъ, призывавшій на помощь. Все слабѣе и слабѣе повторялся крикъ. Не думая о томъ, что тутъ могла крыться засада воровъ для приманки неопытныхъ, мы съ безумною отвагою, не имѣя при себѣ никакого оружія, кинулись въ чащу кустарника, откуда раздавались вопли. Нашъ громкій возгласъ прогналъ трехъ бездѣльниковъ, которые намѣревались ограбить двухъ дамъ, а можетъ-быть и еще хуже поступить съ ними. Старый слуга съ платкомъ во рту лежалъ за ними, связанный длиннымъ ремнемъ. Мы бы охотно побѣжали догонять разбойниковъ, но мысль, что насъ могутъ запереть въ паркѣ, совершенное незнаніе мѣстности и болѣе всего печальное состояніе двухъ дамъ и старика остановили насъ. Спасенныя нами разсыпались въ благодарностяхъ; не смотря на избавленіе, имъ не обошлось даромъ ихъ приключеніе: молодая дама

Digitized by Google

потеряла часы, а у старшей изломано было золотое ожерелье, которое одинъ изъ мошенниковъ хотѣлъ у нея сорвать съ шеи. Провожая дамъ къ экипажу, ожидавшему ихъ внѣ парка, къ удовольствію нашему, мы узнали, что имѣли счастіе оказать услугу супругѣ и дочери одного изъ нашихъ соотечественниковъ, давно поселившагося въ Лондонѣ. Обѣ онѣ говорили по-нѣмецки. Г-жа Франкъ, старшая дама, улыбаясь спросила насъ, что вѣрно мы очень удивляемся, какъ она съ дочерью могла оставаться такъ поздно въ паркѣ, когда съ ними былъ только одинъ слабый старикъ? Она объяснила намъ потомъ, что должна отнести къ собственной непредусмотрительности опасность, которой онѣ подверглись. Отправляясь къ каретѣ, онѣ встрѣтили прекраснаго собою, хорошо-одѣтаго ребенка, который со слезами просилъ оказать помощь его матери, упавшей въ обморокъ. Ребенокъ нѣсколько времени велъ ихъ, потомъ указалъ на дерево, подъ которымъ дѣйствительно лежала женщина безъ чувствъ. По приближеніи ихъ, она по-видимому начала приходить въ себя послѣ продолжительнаго обморока; помолчавъ нѣсколько времени, она указала чащу, чрезъ которую, по словамъ ея, лежала ближайшая дорога изъ парка. Едва сдѣлали онѣ нѣсколько шаговъ, на нихъ напали три замаскированные человѣка. Въ одну минуту, негодяи завязали ротъ старому служителю Джону и связали его, а мнимо-больная женщина и ребенокъ со смѣхомъ убѣжали.»

Вотъ описаніе Манчестера (стр. 150).

«Если Ливерпуль, занимающій на корабельныхъ верфяхъ до трехъ тысячъ рабочихъ, можно назвать первымъ приморскимъ городомъ, то и Манчестеръ достоинъ называться первымъ мануфактурнымъ городомъ извѣстнаго міра. Въ немъ находится болѣе 200 фабрикъ. Но вмѣстѣ съ свѣтомъ нѣтъ недостатка и въ тѣняхъ, а отъ этихъ-то тѣней, я, какъ добрый патріотъ, не могу желать другаго Манчестера для моего отечества. Рядомъ съ богатствами, пріобрѣтенными посредствомъ гигантскихъ оборотовъ, вы встрѣчаете ужаснѣйшую нищету. Тысячи бѣдняковъ, лишенныхъ дневнаго пропитанія, приходится на одного богача! Много трудовъ стоило мнѣ получить доступъ на хлопчато-бумажную фабрику; наконецъ, денежный подарокъ помогъ мнѣ. То было огромное четыреугольное зданіе. На каждой сторонѣ было по семи этажей, и въ каждомъ изъ нихъ четырнадцать высокихъ оконъ. Въ срединѣ находился дворъ, на которомъ расположены меньшія зданія; отъ нихъ проведены были машины къ главному корпусу, соединенныя посредствомъ длинныхъ трубъ, изъ которыхъ иныя толщиною были въ объемъ человѣческаго тѣла. Глухіе раскаты, шумъ, стукъ, трескотня такой фабрики превосходятъ всякое описаніе. Когда въ первый разъ войдете въ необозримую рабочую залу, то васъ объемлетъ необыкновенное изумленіе при видѣ различныхъ, съ математическою точностію расположенныхъ машинъ; вы цѣпенѣете при видѣ нечеловѣческой силы человѣкомъ-созданнаго механизма. Впрочемъ, подобное впечатлѣніе непродолжительно: взоръ привыкаетъ къ круженію и стукотнѣ цилиндровъ, къ колесамъ и веретенамъ, обращающимся съ быстротою вѣтра, и устремляется на сотни маленькихъ человѣческихъ существъ, которыя въ этой удушливой, заразительной атмосферѣ, посреди такого страшнаго шума, дергаютъ хлопчатую бумагу или исправляютъ другія подобныя работы, требующія маленькихъ пальцевъ. Всѣ эти несчастныя созданія (большею частію дѣти отъ 4 — 14 лѣтъ), имѣютъ болѣзненный, грязный и часто отвратительный видъ. Надсмотрщики, вооруженные длинными бичами, заботятся, чтобъ ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не заснулъ или не утомился. Рѣдко проходитъ недѣля, чтобъ который-нибудь не былъ ушибенъ, изуродованъ, если не совсѣмъ раздавленъ колесами ма-

Digitized by Google

«нины. Мать-Нѣмка скорѣе бы умер-«ла съ голода, чѣмъ подвергла свое «дитя такимъ опасностямъ, такимъ ду-«шевнымъ и тѣлеснымъ мученіямъ».

Въ Лондонѣ (стр. 128), англійскій купецъ явился нашему путешественнику въ самомъ комическомъ видѣ. Торговецъ картинами пригласилъ его къ себѣ въ лавку посмотрѣть прекрасныя вещи, въ ней находившіяся. Прощаясь, владѣтель картинной галлереи попросилъ у него шиллингъ. Въ другой разъ, онъ спросилъ объ имени владѣльца одного красиваго дома; вопрошаемый сказалъ ему это имя и за труды потребовалъ четырехъ пенсовъ.

Въ поѣздкахъ своихъ въ окрестности Санта-Марта, посѣтилъ путешественникъ знаменитую гробницу Боливара. Она находится на небольшомъ возвышеніи посреди лѣса лимонныхъ деревьевъ, кустарниковъ, алоэ и бѣлыхъ тополей, окруженныхъ грандіозною природою Южной-Америки. Самый памятникъ очень-простъ: бѣлый, положенный друзьями его камень, съ надписью «*Bolivar* el Libertador». За то Колумбія, Перу, Боливія—вотъ исполинскій памятникъ, воздвигнутый имъ-самимъ. Величайшее страшилище тамошнихъ рѣкъ есть огромное пресмыкающееся—кайманъ. При 96° тепла по Фаренгейту въ тѣни, всякій жаждетъ освѣжиться купаньемъ въ ближней рѣкѣ; но какая тревога (стр. 251)! «Пока мы купались, невольники «на лодкахъ безпрерывно ѣздили око-«ло насъ и стучали въ бубенчики и «трещетки, чтобъ отпугнуть кайма-«новъ!» Малѣйшая неосторожность можетъ стоять жизни (стр. 313). «На-«ши охотники очень утомились; они «легли на верхней палубѣ бота, потому-«что внизу было жарко и душно. Лоц-«манъ предостерегалъ ихъ, чтобъ они «не заснули, потому-что малѣйшій тол-«чокъ могъ опрокинуть ихъ въ воду и «погубить невозвратно. Не смотря на «это, другъ нашъ Бартъ заснулъ. При «поворотѣ, ботъ наклонился: Бартъ «упалъ въ волны и прежде, чѣмъ мы «могли подумать о помощи ему, мы «уже увидѣли, что онъ сдѣлался добы-«чею каймана. О, Боже мой! ужасенъ «былъ крикъ несчастнаго, и до-сихъ-«поръ онъ раздается въ ушахъ моихъ!»

Во второмъ томѣ изображены: положеніе окрестностей, производство работъ и въ-особенности характеръ рабочихъ при золотыхъ рудокопняхъ Мармота; потомъ, путешествіе продолжается чрезъ Квито и Лиму до золотаго Потози и наконецъ оттуда чрезъ неизвѣстныя еще земли свободныхъ, дикихъ Индійцевъ, обитающихъ по берегамъ рѣки Пиколмайо, въ Парагвай, къ знаменитому доктору Франсіа. Удачное бѣгство изъ темницы диктатора перенесло путешественника въ Буэнос-Айресъ и оттуда въ отечество.

Мармото, возвышающееся на 12,000 футовъ надъ уровнемъ моря, подъ 30° сѣверной широты и 57° западной долготы, доставляетъ ежемѣсячно изъ своихъ золотыхъ жилъ и золотыхъ рудниковъ отъ 80 — 85 фунтовъ чистаго золота; кромѣ того, въ сосѣднихъ долинахъ добывается много золотаго песка.

Мы узнаёмъ здѣсь нравы и обычаи жителей, состоящихъ большею частію изъ смѣшанныхъ племенъ, между которыми замѣчаются остатки индійскихъ туземцевъ (и здѣсь, какъ и вездѣ въ Южной-Америкѣ, находятся Нѣмцы, искатели счастія); особенныя свойства тропической природы, государственныя постановленія, мѣстныя учрежденія и заслуживающее особеннаго вниманія духовенство, независимое отъ папы, невѣжественное, властолюбивое, ненавидящее еретиковъ. Въ эротическихъ приключеніяхъ нѣтъ недостатка между пылкими, сладострастными обитателями этого пояса земли, тѣмъ болѣе, что религія ихъ заключается въ однѣхъ дѣтскихъ церемоніяхъ: каждый дѣлаетъ, что ему нравится, и разумѣется, часто участвуетъ въ трагическихъ происшествіяхъ, о которыхъ и разсказываетъ г. Заакe; повсюду, въ разсказѣ его, видна вагая истина людской жизни, въ которой онъ принимаетъ свѣжее, живое-

Digitized by Google

ское; часто легкомысленное участіе. Изъ Маріото, онъ дѣлалъ поѣздки въ разныя мѣста и особенно въ два значительные города Колумбіи (скоро потомъ распавшейся на три республики: Новую-Гренаду, Венесуэлу и Экуадоръ), именно въ Баготу и Папаянъ. Первая поѣздка (1831) въ столичный городъ Баготу совершена была по обнаженнымъ горнымъ цѣпямъ, пересѣченнымъ непроходимыми, дѣвственными лѣсами, и дикими потоками, которые наполнены красивыми птицами и кровожадными звѣрьми, частію по живописнымъ равнинамъ, украшеннымъ тропическими растеніями и въ иныхъ мѣстахъ полями пшеницы, ячменя и маиса. Жатва производится два раза въ годъ, въ апрѣлѣ и сентябрѣ. Не достаетъ только людей, которые воспользовались бы роскошнымъ произрастеніемъ этой богатой почвы: во время завоеванія Южной-Америки Испанцами, почти всѣ туземцы, за исключеніемъ весьма-немногихъ, были выселены оттуда, а въ наше время, Испанцы должны, въ свою очередь, испытать ту же участь отъ южныхъ Американцевъ; впрочемъ, они сами междоусобными войнами противъ братій своихъ страшно опустошили, обезлюдили свое прекрасное отечество, и ко всему этому нетерпимость духовенства воздвигаетъ повсюду препятствія великимъ предпріятіямъ чужестранцевъ. Вытерпѣвъ на дорогѣ въ Баготу по низкимъ долинамъ, зной въ 86° по Фаренгейту, путникъ съ радостію вступаетъ въ прекрасную, прохладную равнину Баготы, возвышающуюся на 8,000 футовъ надъ уровнемъ моря и покрытую городами, деревнями, садами и сельскими домиками. Городъ, имѣющій 42,000 жителей, является колумбійскимъ Лондономъ; онъ оживленъ торговлею, судилищами, войскомъ и пестрѣетъ разнообразными оттѣнками всевозможныхъ американскихъ и африканскихъ племенъ въ ихъ національныхъ одеждахъ. Нерѣдко встрѣтите вы дамъ въ самыхъ роскошныхъ платьяхъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, съ босыми ногами и съ сигарою въ зубахъ; далѣе, негровъ безъ всякой одежды, пастуховъ (Llaneros), въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ, украшенныхъ перьями и лентами, тяжелыя стальныя шпоры на голыхъ ногахъ; пистолеты за поясомъ, бумажные плащи,—и между всѣмъ этимъ вой свободныхъ собакъ и неотвязчивыхъ нищихъ; полиціи не замѣтите нигдѣ. Въ театрѣ, путешественникъ видѣлъ представленіе двухъ небольшихъ пьесъ Кальдерона. Когда подняли занавѣсъ, ему представилась принцесса, сидѣвшая на оттоманѣ, въ царскомъ одѣяніи; она была боса и курила сигару. Вотъ что истинно-національно! На возвратномъ пути, онъ былъ свидѣтелемъ трагической сцены. Два Индійца бились длинными ножами за обладаніе красавицей. Когда одинъ палъ мертвымъ, другой преспокойно сѣлъ на мула и отправился съ своею добычею. Вторая поѣздка привела автора въ другую столицу, Папаянъ, по холоднымъ горнымъ цѣпямъ и знойнымъ долинамъ, съ разницею въ температурѣ на 50°. Здѣсь всѣ жители гоняются за удовольствіями; но эти удовольствія часто прерываются нежиданными происшествіями, подобными двумъ разсказаннымъ на стр. 162—163. Мы упомянемъ только о послѣднемъ. На балѣ, который давалъ губернаторъ, и на которомъ достопочтенный епископъ весело кружился съ красавицами, вдругъ послышался подземный ударъ, подобный раскату грома. «Землетрясеніе!» воскликнули гости. Танецъ продолжался, но не болѣе какъ черезъ десять минутъ, подземный ударъ страшно повторился, дворецъ потрясся въ своихъ основаніяхъ, свѣтильники и картины попадали со стѣнъ, известка отдѣлилась отъ потолка; тогда умолкла музыка въ замирающихъ звукахъ; у дверей сдѣлалось страшное смятеніе, веселые гости давили другъ-друга, и все побѣжало на свободу. Въ области Пурасъ, вырвались два огнемные волкана; за часъ ѣзды отъ Баготы лежала деревня, состоявшая изъ 20 хижинъ: она исчезла, и на

Digitized by Google

мѣстѣ ея появилось глубокое озеро.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Мармото, авторомъ снова овладѣваетъ страсть къ путешествіямъ и приключеніямъ: теперь (въ 1833 году), по страшнымъ дорогамъ между обѣими цѣпями Андовъ, онъ проходитъ по головамъ еще дымящихся волкановъ; потомъ черезъ обширныя, роскошныя, но безлюдныя долины, на которыхъ видѣлись остатки сожженныхъ деревень, въ Пасто, въ новой республикѣ Экуадоръ. При въѣздѣ въ Пасто, гдѣ четыре-пятыхъ всего народонаселенія состоятъ изъ Индійцевъ и свободныхъ негровъ и одна пятая изъ креоловъ и метисовъ, путешественниковъ нашихъ едва не убила толпа изувѣровъ, за то, что они были въ дорогѣ въ праздничный день; ихъ спасло благословеніе одного капуцина, которому они дали нѣсколько монетъ. Изъ Пасто въ Ибарру встрѣчаются еще бо́льшія опасности посреди непроходимыхъ горъ и степей, между дикими индійскими племенами; въ Каямбо, на горѣ Каямбуро, возвышающейся на 18,330 футовъ, г. Зааке любовался зрѣлищемъ Тихаго-Океана, и оттуда прибылъ въ цвѣтущій, мануфактурный городъ Отобало, извѣстный своими суконными и льняными фабриками, и завоеванный въ 1822 году смѣлымъ подвигомъ Боливара; изъ Квито, десятидневный страшный путь по Западнымъ-Кордильерамъ, чрезъ пропасти, скалы и льдины, привелъ его къ песчанымъ и вмѣстѣ плодоноснымъ берегамъ Тихаго-Океана, по которому онъ странствовалъ семь дней, и прибылъ въ Лиму. Землетрясенія 1687 и 1825 годовъ почти уничтожили великолѣпныя зданія многолюднаго города (72,000 жителей), но все-таки онъ отличается многими похвальными учрежденіями, равно какъ и необузданною роскошью, которая видна рядомъ съ невѣроятною нищетою. Путешествіе свое продолжалъ г. Зааке на пароходѣ, приставшемъ въ Робихо (Puerto Lamar), и чрезъ плодоносныя долины богатыхъ областей Липесъ и Чикасъ достигъ до славнаго Потози, имѣющаго двадцать-семь золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, 20,000 жителей Индійцевъ, мулатовъ и метисовъ, и 14,000 бѣлыхъ; въ немъ видно множество красивыхъ домовъ, церквей и монастырей, неоцѣненныя богатства, которыя, охраняемыя суевѣріемъ, остались неприкосновенными посреди революціонныхъ смутъ. Но чѣмъ богаче природа драгоцѣнными металлами, тѣмъ ничтожнѣе искусство. Даже нѣтъ обыкновенныхъ насосовъ, отъ-чего часто драгоцѣннѣйшіе рудники затопляются водою. Въ-слѣдствіе этого, дѣятельно принялись г. Зааке и товарищъ его за устроеніе крѣпкихъ насосовъ; но товарищъ его, старинный волокита, свелъ интригу съ одной индійской дульцинеей и долженъ былъ выдержать жестокую борьбу съ соперникомъ—францисканскимъ монахомъ, борьбу, которая имѣла гибельныя слѣдствія сначала для франциканца, а потомъ для самого побѣдителя. Мстительный монахъ, любимый проповѣдникъ въ Потози, возбудилъ своихъ прихожанъ и особенно рудокоповъ противъ нашихъ искателей приключеній, называлъ ихъ еретиками, которые навлекли несчастіе на ихъ мирный городъ и своими дьявольскими машинами отнимутъ хлѣбъ у бѣдныхъ работниковъ; онъ ожесточилъ ихъ до такой степени, что тѣ положили сжечь машинистовъ ночью въ ихъ жилищѣ; при слухѣ объ этомъ, въ городѣ, гдѣ нѣтъ полиціи, имъ оставалось убѣжать тайкомъ (въ февралѣ 1834). Они рѣшились предпринять смѣлое плаваніе по Pio-Пиколомайо въ Парагвай, чтобъ произвести тамъ съ пріобрѣтеннымъ ими богатствомъ выгодный оборотъ парагвайскимъ чаемъ (mate), но они плохо были знакомы съ политикою страшнаго диктатора, доктора Франсіа. Смѣло поплыли они на лодкѣ, сдѣланной изъ бычьихъ кожъ, по рѣкѣ, омывающей никогда-невиданную Европейцами землю Чако, населенную дикими Индійцами-людоѣдами, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивными животными, покрытую роскошнѣйшимъ прозябеніемъ и, вѣроятно,

Digitized by Google

бамбуковыми деревянными мечталами.

Чтобъ не перейдти за предѣлы, положенные имъ, авторъ оставляетъ описаніе этой земли и своихъ похожденій въ ней до другаго раза. Послѣ трехмѣсячнаго плаванія, взошли наши путешественники изъ Пиколомайо въ рѣку Парагвай, гдѣ схвачены были береговою стражею доктора Франсіа и отправлены въ неволю на островъ Ассумціонъ, въ ожиданіи того, что угодно будетъ страшному диктатору предпринять на счетъ ихъ. На островѣ Ассумціонѣ, плѣнные Германцы нашли себѣ друга въ особѣ какого-то Лемана, который помогалъ имъ словомъ и дѣломъ, и его наставленіямъ обязаны они, что счастливо выдержали четырех-часовой, въ высочайшей степени замѣчательный допросъ самого подозрительнаго, хитраго деспота. За тѣмъ, послѣдовала вторая аудіенція, вслѣдствіе которой авторъ нашъ назначенъ былъ директоромъ строеній. Ему удалось вытащить изъ воды стараго патера Сильверіуса, который изъ благодарности далъ ему случай оставить Парагвай и обмануть безчисленныхъ шпіоновъ диктатора: съ помощію его, онъ разъигралъ роль больнаго оспою; его тотчасъ удалили изъ города; онъ вскорѣ потомъ объявленъ былъ умершимъ, схороненъ en effigie приближенными, и добрался, посреди безчисленныхъ опасностей, въ Буэнос-Айресъ; оттуда онъ отправился въ отечество, и теперь въ Вольфенбюттелѣ исполняетъ должность смотрителя за строеніями. Кто пожелаетъ узнать отъ очевидца подробности управленія и частной жизни знаменитаго доктора Франсіа, состояніе его государства и обычаи тамошней жизни, тотъ поблагодаритъ автора за его извѣстія. «Поистинѣ» восклицаетъ онъ на стр. 322: «Парагвай есть дивная, единственная «въ своемъ родѣ страна! Скажите, «гдѣ найдете вы другой Парагвай, «безъ адвокатовъ, безъ лоттерей, во«обще безъ долговъ? Страна, управ«ляемая волею одного человѣка,—ко«роля безъ титула и народнаго избра«нія; министра безъ портфеля и свиты; «президента судилища безъ помощни«ка и судей; главноуправляющаго фи«нансами безъ совѣтниковъ, контроля «и бухгалтеріи, и со всѣмъ тѣмъ честна«го человѣка? Онъ хочетъ только вла«дычествовать неограниченно—это его «единственная страсть. Его называ«ютъ жестокимъ, даже тираномъ, но «никто не скажетъ вамъ, чтобъ онъ «сдѣлалъ какую-нибудь несправедли«вость по убѣжденію».

Helgoland und die Helgolander. *Memorabilien des alten Helgolander schiffs-capitains Hans Franz Heikens. Herausgegeben von* Adolph Stahr. *Oldenburg. 1844* (Гелголандъ и Гелголандцы. *Воспоминанія стараго гелголандскаго шкипера Ганса Франка Гейкена, изданныя* Адольфомъ Штаромъ. *Ольденбургъ. 1844*).

Это небольшое сочиненіе составитъ со-временемъ литературно-историческую рѣдкость. Оно первое и, можетъ-быть, послѣднее, написанное и напечатанное Гелголандцемъ. Сверхъ-того, оно поучительно и интересно; оно показываетъ намъ Гелголандъ, его природу и жителей съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ радостями и печалями. Вы найдете также романически-поэтическую прелесть въ описаніи бурь и лоцманскихъ похожденій, какъ въ галереѣ небольшихъ, вѣрно-списанныхъ съ натуры морскихъ картинъ. Читая эту книжку, какъ-будто слышишь немолчный, глухой шумъ разъяреннаго моря. Слогъ живъ и необыкновенно-простъ; онъ совершенно-оригиналенъ и производитъ впечатлѣніе, похожее на впечатлѣніе лица стараго лоцмана, закаленнаго въ опасностяхъ морскихъ бурь, но одареннаго умными, привѣтливыми глазами. Легко понять, какого труда стоило издателю, г. Адольфу Штару, сдѣлать пріятнымъ для читателя языкъ стараго Гейкена, представляющій смѣшеніе нѣмецкаго языка съ древне-фризскимъ, и не утратить оригинальности подлинника. Эта небольшая книжка

Digitized by Google

«может служить съ пользою тѣмъ, кто «вздумаетъ брать морскія ванны въ Гелголандѣ, и не менѣе занимательна для «путешествующаго по берегамъ Нѣмецкаго-Моря съ этнографически-поэтической цѣлію. Она раздѣлена на двѣнадцать главъ, въ которыхъ отражается такъ живо образъ Гелголанда и его жителей, что, кажется, видишь ихъ предъ собою. Преимущественно заслуживаетъ вниманіе описаніе рыбной ловли, орудій тамъ употребляемыхъ и религіозныхъ обрядовъ, сопровождающихъ начало и окончаніе ея. Вотъ описаніе одной несчастной поѣздки рыболововъ:

«Это было 18-го ноября 1835 года; поднялась жестокая буря, которая навела страхъ на всѣхъ жителей. «По утру, сорокъ-двѣ рыбачьи лодки «отправились подъ парусами на ловлю «съ 168 человѣками рыбаковъ, составлявшихъ цвѣтъ нашего народонаселенія. Море посылало уже вѣстниковъ «приближающейся бури, потому-что «съ утра волны воздымались необычайно и воздухъ принялъ какой-то «синевато-черный оттѣнокъ; не смотря «на то, лодки выступили въ море, какъ-бы доказывая тѣмъ презрѣніе къ «смерти, одушевляющее грудь мужчины. Но едва забросили они свои крючья, вѣтеръ сталъ крѣпчать, и море «взъиграло. Разумѣется, тутъ надо было думать о спасеніи. Но смѣлые моряки не хотѣли бросить своихъ рыболовныхъ орудій. Они употребили всѣ «силы свои, чтобъ оторвать ихъ со дна «морскаго. Рыбачья веревка простирается длиною до 3,500 саженъ, и «на каждой сажени утверждена уда. «Крючки, снабженные притравами, вообще стоятъ очень-дорого. Рыбаки «не хотѣли ихъ оставить въ добычу «морскимъ волнамъ и отъ-того буря «настигла ихъ со всѣми своими ужасами. Между-тѣмъ, на сѣверномъ берегу скалы, стояли сѣдые старики, женщины, дѣти и съ трепетомъ ожидали «возврата тѣхъ, которые для прокормленія ихъ ввѣряли жизнь свою невѣрной стихіи. Уже наступилъ вечеръ и «сдѣлалось темно, когда усмотрѣли «вдали нѣсколько лодокъ, подходившихъ къ острову. Море страшно бушевало, и каждый порывъ его грозилъ поглотить утлыя ладья, которыя «то взлетали на гребень валовъ, то снова погружались въ пропасть. Волненіе распространилось по всему острову и исчезала надежда на спасеніе. «Старшіе мореходы, находившіеся на «островѣ и смотрѣвшіе на разъяренную стихію, начали отчаяваться; на«считывали сначала до 20, потомъ до «30 приближающихся шлюпокъ. Вскорѣ наступила ночь. Всѣ присутствующіе поспѣшно сбѣжали на берегъ, «чтобъ съ сердечною радостію привѣтствовать каждую лодку, миновавшую «страшное береговое волненіе. Около «восьми часовъ вечера, прибыли всѣ «лодки, за исключеніемъ одной, сдѣлавшейся добычею волнъ. Съ нею «погибли, добывая хлѣбъ для женъ «своихъ и дѣтей, четверо женатыхъ «рыбаковъ во цвѣтѣ лѣтъ и оставили «семейство въ самой крайней нищетѣ. «Между-тѣмъ, буря превратилась въ «ураганъ, а рыбачьи лодки не были въ «безопасности и на рейдѣ. Восемь человѣкъ бросилось въ маленькій челнокъ, чтобъ якоремъ утвердить свои «ладьи. Но они не возвратились. Въ «тревожномъ ожиданіи протекло нѣсколько часовъ, и восемнадцать смѣльчаковъ снова ринулись въ море на лучшей веселной шлюпкѣ, чтобъ отыскать пропавшій челнокъ. Но и эта «шлюпка не возвратилась. Страхъ за «жизнь 26 человѣкъ возросталъ ежеминутно. Вопли отчаянія раздавались «повсюду. Ночь, черная какъ тюрьма, «заволокла всѣ предметы. Пронзительный ревъ ужаснаго волненія, безпрерывные взрывы урагана не оставляли «никакой надежды на спасеніе. Въ этой «жестокой неизвѣстности, прошла большая часть ночи, до-тѣхъ-поръ, пока «въ 5 часовъ стихъ ураганъ и явилась «большая шлюпка съ извѣстіемъ, что «челнокъ слѣдуетъ за нею. Невозможно описать радости, наполнившей всѣ «сердца. Берегъ кипѣлъ народомъ,

Digitized by Google

«спѣшившимъ привѣтствовать героевъ, «и радостная вѣсть о спасеніи, какъ «пламя, пробѣжала по всему острову— «у всѣхъ дверей и оконъ стучали съ «возгласомъ: «двадцать-шесть спасе- «ны!»

Въ такихъ картинахъ развивается передъ нами гелголандская жизнь, когда мы читаемъ воспоминанія старика Гейкена. Въ многочисленныхъ морскихъ приключеніяхъ, разсказанныхъ имъ, проявляется каждая черта этихъ мощныхъ мореплавателей. Презрѣніе къ смерти и человѣколюбіе, смѣлость и отвага, перемѣшанныя съ дѣтскимъ трогательнымъ выраженіемъ чувства — вотъ разительныя формы этихъ характеровъ.

Особенно трогательна черта, упоминаемая Гейкеномъ при разсказѣ о спасеніи экипажа прусскаго брига зимою 1806 года. Въ бурю и волненіе разбился корабль и готовъ былъ потонуть. По страшнымъ волнамъ ринулся лоцманскій ботъ и счастливо спасъ людей; оставалась только одна собака. «Соба- «ка» говоритъ Гейкенъ: «оставшись «одна, начала выть, бросаться и жа- «лобно визжать, какъ-бы умоляя о спа- «сеніи,— гребцы, увидя собаку, пово- «ротили назадъ, еще разъ проплыли «сквозь волны и спасли ее.»

Лучше шкипера Гейкена никто не изображалъ обитателей Нѣмецкаго-Моря, — и общая благодарность принадлежитъ г. Штару, что онъ познакомилъ Европу съ первымъ гелголандскимъ писателемъ.

Hauptmann von Gerlach (General von Grolman) *1812 Student in Iena. Von* Heinrich Luden. *Iena. 1843.* (Капитанъ Герлахъ (генералъ фонъ-Гроль-манъ) *въ 1812 году іенскій студентъ. Сочиненіе* Генриха Лудена. *1843.*

Книга эта содержитъ въ себѣ описаніе жизни прусскаго генерала Гольмана. По смерти его, появилось много невѣрныхъ описаній его подвиговъ въ современныхъ изданіяхъ; настоящій разсказъ почерпнутъ изъ лучшаго источника—изъ устъ самого Гольмана. По заключеніи тильзитскаго мира, онъ, «какъ воинъ, не хотѣлъ назвать Фран- «цузовъ друзьями и товарищами, какъ «гражданинъ не хотѣлъ оказывать имъ «гостепріимства», оставилъ прусскую службу, отправился въ Швецію, оттуда въ Англію и потомъ въ Испанію. Здѣсь удалось ему получить чинъ майора, потомъ подполковника, съ дозволеніемъ составить батальйонъ изъ плѣнныхъ Германцевъ. Онъ повелъ ихъ въ поле, но при Валенціи былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ во Францію. Скоро удалось ему убѣжать и достигнуть Швейцаріи; тамъ нашелъ онъ помощь и покровительство, и подъ именемъ фонъ-Герлаха добрался до Іены, гдѣ записался, въ 1812 году, въ число студентовъ. Здѣсь онъ посѣщалъ только историческія лекціи Лудена. Между ими завязалось дружеское знакомство; желаніе возвысить германскій народъ, надежды и опасенія въ будущемъ доставляли богатые матеріалы для ихъ бесѣдъ, пока Гольманъ не открылся наконецъ своему новому пріятелю; кромѣ Лудена, никто не зналъ въ Іенѣ его настоящаго имени.

Когда пронеслось извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, Гольманъ тайно оставилъ Іену, и только одинъ Луденъ зналъ объ его отъѣздѣ и помогалъ ему укладываться. Послѣ битвы при Лейпцигѣ, Гольманъ снова явился въ Іенѣ. Луденъ сообщилъ ему свое намѣреніе стать въ ряды освободителей отечества; но Гольманъ упросилъ его оставить такое предпріятіе и уговорилъ его «словами и писані- «ями служить отечеству и внушать «юношамъ любовь къ независимости.» «На этомъ поприщѣ» прибавилъ онъ: «предстоитъ еще не одна битва.» Луденъ послѣдовалъ его совѣту и занялся изданіемъ «Немезиды».

Все это разсказалъ г. Луденъ просто и занимательно. Имя издателя, какъ извѣстнаго историка, доставляетъ двойной интересъ этому небольшому сочиненію, и мы спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ пріятное извѣстіе,

Digitized by Google

что г. Луденъ составляетъ описаніе всѣхъ достопримѣчательностей своей жизни, всего, что̀ показалось ему занимательнымъ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія этихъ записокъ.

Къ тому же тяжкому для Германіи времени относятся: Erinnerungen *aus Hannover und Hamburg aus den Jahren 1803 — 13, von einem Zeitgenossen. Hannover. 1843* (Воспоминанія *о 1803—1813 годахъ въ Ганноверѣ и Гамбургѣ, написанныя современникомъ. Ганноверъ, 1843)* и составляютъ одну изъ книгъ, служащихъ матеріалами для исторіи несчастій Германіи во время чужеземнаго владычества.

Авторъ, проникнутый любовію къ отечеству, скрылъ свое имя: мы узнаёмъ только, что онъ ганноверскій уроженецъ; сожалѣемъ объ этомъ, равно и о томъ, что почти всѣ собственныя имена обозначены однѣми начальными буквами, что̀ сильно ослабляетъ интересъ книги и должно еще болѣе ослаблять его въ Германіи, чѣмъ у насъ. Авторъ представляетъ въ формѣ хроники всѣ происшествія, случившіяся въ Гамбургѣ и Ганноверѣ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ, и разсказываетъ читателю всѣ событія того времени, не представляя мѣстныхъ подробностей.

Ганноверъ, въ-продолженіи 1803 — 1813 года, былъ попеременно прусскимъ, французскимъ и вестфальскимъ владѣніемъ. Первое вообще не нравилось народу; но такъ-какъ Ганноверцы не были врагами людей, но только обстоятельствъ, то они уважали военныхъ за ихъ ласковое, доброе съ ними обхожденіе. Французское управленіе принесло съ собою наружный блескъ, полицейскій надзоръ, военные суды и угнетеніе многихъ частныхъ людей: оно нравилось еще менѣе прежняго, особенно, когда поборы и налоги въ пользу французскихъ маршаловъ и министровъ грозили государству конечнымъ разореніемъ. Все это описано съ живымъ, горячимъ патріотизмомъ и заслуживаетъ автору имя, если не отличнаго писателя, то по-крайней-мѣрѣ добраго гражданина.

Къ-сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вкрались ошибки; на-прим., имя «Вукассовича» (Vukassowitz), котораго авторъ заставляетъ сопровождать Наполеона на возвратномъ пути изъ Россіи, совершенно неизвѣстно. Далѣе находимъ неправдоподобный разсказъ, что какая-то Француженка, бывшая въ большой дружбѣ съ герцогомъ Карломъ-Вильгельмомъ брауншвейгскимъ, сообщила императору Наполеону предъ іенскою битвою планъ прусскихъ военныхъ дѣйствій!!! Равно невѣроятна исторія, какъ маршалъ Давý, переодѣтый, бѣжалъ изъ Россіи и только тѣмъ сохранилъ свою жизнь, что каждую ночь заставлялъ разрѣзывать брюхо у лошади, ложился туда и животною теплотою поддерживалъ свое существованіе!? Можетъ-быть, даже болѣе достовѣрности въ возгласѣ Мюрата къ тому же Давý: «Le maréchal «Lannes vous a offert des coups de fou- «et, je vous donnerai des coups de ba- «ton», потому-что мы знаемъ изъ книги Сегюра, какъ сильна была ссора короля неаполитанскаго съ этимъ маршаломъ. Особенно погрѣшилъ авторъ въ подробномъ описаніи перехода чрезъ Ганноверъ въ 1809 году герцога брауншвейгскаго, называя его «сѣдовласымъ старцемъ». Правда, герцогъ посѣдѣлъ уже въ это время, но онъ не былъ старъ годами, напротивъ того, онъ находился въ полномъ развитіи силъ.

Maria Schweidler, *die Bernsteinhexe. Der interessanteste aller bisher bekannten Hexenprocesse; nach einer Handschrift ihres Vaters, des Pfarrers Abraham Schweidler in Koserow auf Usedom, herausgegeben von* W. Meinhold. *Berlin. 1843.* (Марія Швейдлеръ, янтарная вѣдьма. *Занимательнѣйшій изо всѣхъ доселѣ извѣстныхъ процессовъ о колдовствѣ, извлеченный изъ рукописи отца ея, Абрагама Швейдлера, бывшаго пасторомъ въ Козеровѣ на островѣ Узедомѣ и изданный* В. Мейнгольдомъ. *Берлинъ. 1843*).

Digitized by Google

Подъ этимъ именемъ появилась въ Германіи весьма-удачная мистификація; прежде, чѣмъ поговоримъ о ней, представимъ выписку изъ № 23 аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

«Литературная дѣятельность Мейнгольда началась съ 1824 года. Въ это время, онъ напечаталъ разныя стихотворенія (вышедшія вторымъ изданіемъ въ 1835 году); за этимъ напечаталъ онъ въ Штральзундѣ (1826) романтически-религіозный эпосъ «Отто, епископъ бамбергскій», и посвятилъ его тогдашнему герою—принцу прусскому. Въ 1830 году, изданы имъ «Miniaturgemälde von Rügen und Usedom», въ 1837 «Humoristische Reisebilder von Usedom» и наконецъ въ 1839 году эпическое стихотвореніе «Schill». Отечество его, Померанія, доставило ему бо́льшую часть предметовъ для произведеній его въ стихахъ и прозѣ; онъ любитъ и превосходно знаетъ всю Померанію и особенно мѣсто рожденія своего, островъ Узедомъ. Онъ родился въ 1797, въ узедомской деревнѣ Нетцельковъ, гдѣ священникомъ былъ отецъ его, который одинъ занимался его воспитаніемъ до 17-лѣтняго возраста, и во все это время Мейнгольдъ видѣлъ только деревенскихъ мальчиковъ—своихъ товарищей, и не воображалъ, что существуетъ бо́льшая, обширнѣйшая жизнь за предѣлами его острова. По окончаніи пріуготовительнаго ученья, отецъ отправилъ его въ Грейсвальдскій-Университетъ. Съ робостію вступилъ юноша въ этотъ новый, невѣдомый для него свѣтъ. Онъ оставленъ былъ на произволъ судьбы, пославшей ему покровителя въ особѣ одного почтеннаго теолога, который обратилъ на него отеческое вниманіе. То былъ поэтъ, предчувствовавшій поэтическій духъ застѣнчиваго юноши — Теобулъ Козегартенъ. По окончаніи университетскаго курса, Мейнгольдъ былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ домахъ, и наконецъ, въ 1818 г., сдѣлался викаріемъ пастора Геринга въ Гутцковѣ. На этомъ мѣстѣ, которое онъ занималъ въ-продолженіи двухъ лѣтъ, онъ пріобрѣлъ стихотвореніями своими необыкновенное расположеніе обер-президента Померанія, Зака, который доставилъ ему мѣсто ректора въ узедомской школѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ недолго и опредѣлился пасторомъ въ Козеровъ. Здѣсь сельскія занятія способствовали поэтическимъ его наклонностямъ, и счастливый случай свелъ его съ крон-принцомъ прусскимъ. Во время путешествія своего въ Померанію, принцъ пожелалъ увидѣть развалины Винепсы (близъ Козерова), воспѣтыя В. Миллеромъ, и обер-президентъ въ путеводители ему представилъ пастора Мейнгольда, какъ отличнаго знатока исторіи и достопримѣчательностей своей родины; этимъ онъ пріобрѣлъ покровительство принца. Впрочемъ, поэтическія наклонности узедомскаго поэта не остались безъ вниманія: Жанъ-Поль, Вессенбергъ, Арндтъ и Маттиссенъ ободряли его. Заслуживаютъ также вниманія труды его по части богословія, которому онъ предался всею душою; въ поэтическомъ созданіи его «Athanasia» дышетъ чувство человѣка, глубоко-проникнутаго сознаніемъ религіозныхъ истинъ; и настоящее сочиненіе, «Bernsteinhexe», имѣетъ ту же цѣль, какъ можно видѣть изъ письма самого Мейнгольда въ редакцію «Allgemeine Zeitung», въ которомъ онъ признается, что «Maria Schweidler» есть созданіе собственно его и не имѣетъ никакого историческаго основанія; цѣлью его было доказать, какъ многіе, сомнѣваясь въ самыхъ святыхъ вещахъ, готовы повѣрить сказкѣ, созданной досужимъ воображеніемъ».

Оканчивая выписку, замѣтимъ, что намъ кажутся странными подобныя средства и что доказывать истину такимъ образомъ—идея нелѣпая, которая приведетъ неизбѣжно къ сомнѣнію еще бо́льшему. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе ни цѣлей, ни намѣреній автора; какія бы они ни были, отдадимъ справедливость его созданію, какъ превосходному роману, какого давно не

Digitized by Google

удавалось читать намъ, и который поддерживаетъ настоящій интересъ чистымъ, благороднымъ характеромъ героини, и отеческою любовію, которая дышетъ въ каждой строкѣ разсказа.

При изданіи книги, г. Мейнгольдъ объявилъ, что счастливый случай доставилъ ему эту рукопись, долгое время лежавшую въ неизвѣстности на хорахъ въ церкви Козерова. Весь разсказъ приписанъ пастору Швейдлеру, отцу героини романа, который въ началѣ представляетъ опустошенія, совершенныя имперцами во время тридцати-лѣтней войны.

«Всѣ сундуки, шкафы, лари были «разбиты и разломаны, даже мою священническую одежду изорвали: я находился въ великомъ страхѣ и замѣшательствѣ. Но они не нашли моей «бѣдной дочери, потому-что я спряталъ ее въ хлѣвъ, гдѣ было очень-«темно, а еслибъ они нашли ее, то «сердце мое разорвалось бы на части. «Когда удалились кровожадные гости, «я благодарилъ милосердаго Творца, «что мнѣ пришло въ голову скрыть «мое милое дитя отъ когтей ихъ.»

И было чему порадоваться! Авторъ одарилъ героиню свою всѣмъ, что̀ есть привлекательнаго въ женщинѣ. Мы не ставимъ ей въ большое достоинство, что она говорила такъ же хорошо по-латинѣ какъ и по-нѣмецки — то было нерѣдко въ ея время; гораздо-выше этого ея свѣтлый умъ, любящее сердце и твердость, съ которою она, даже въ виду пылающаго костра, не хотѣла купить жизни цѣною своей добродѣтели.

По происканъ безсовѣстнаго сластолюбца и злой старухи, Марію Швейдлеръ обвинили въ чародѣйствѣ. Удивительно, что цѣлая деревня, любившая и уважавшая своего пастора, вдругъ обратилась противъ него; когда онъ хотѣлъ проповѣдывать и съ дочерью своею вошелъ въ церковь, небольшое число прихожанъ, пришедшихъ къ божественной службѣ, вдругъ разбѣжалось; даже дѣти отворачивались отъ несчастной дѣвушки, и старая Ильза, служившая болѣе 30 лѣтъ въ домѣ пастора, оставила его съ горестію и отвращеніемъ. Скоро, Марія была взята судомъ и брошена въ темницу. Мученія, перенесенныя ею отъ грубости и злобы, безчеловѣчная глупость судей и свидѣтелей, глубокая грусть объ измѣнѣ возлюбленнаго, мужественное ожиданіе смерти и чудесное спасеніе — все это составляетъ занимательность романа; потому мы не хотимъ представлять содержанія его, чтобъ не повредить тому наслажденію, которое доставитъ читателямъ чтеніе всей книги; ограничимся только нѣсколькими выписками.

Судъ скоро прибылъ изъ Уздома; мѣстный судья, тотъ самый сластолюбецъ, который замышлялъ обольстить Марію, не хотѣлъ допустить отца ея присутствовать при допросѣ. «Но то-«варищъ его, г. Самуэль Пинеръ (го-«воритъ мнимый сочинитель рукописи), «человѣкъ небольшаго роста и съ длин-«ною сѣдою бородою, достававшею ему «до пояса, протянулъ мнѣ руку и какъ «христіанинъ утѣшалъ меня въ горе-«сти: во имя Бога онъ ввелъ меня въ «судилище и изъявилъ сердечное же-«ланіе, чтобъ все обвиненіе моей ми-«лой дочери было лживое и несправед-«ливое». При первомъ допросѣ колдуньи, принимались всегда нѣкоторыя мѣры, чтобъ сами судьи не подпали вліянію чародѣйства. «Дверь отвори-«лась и бѣдная дочь моя вошла вмѣ-«стѣ съ полицейскимъ, но она шла за-«домъ и босая, какъ стояла и на дворѣ, «Ее схватилъ провожатый за ея длин-«ные волосы, и такимъ образомъ при-«тащилъ къ столу, гдѣ она въ первый «разъ могла повернуться лицомъ и «взглянуть на судей своихъ.» Вся отвратительная важность прежнихъ процессовъ о колдовствѣ описана съ большею живостію; видно, что авторъ глубоко изучилъ свой предметъ; иначе мистификація не могла бы такъ близко подходить къ истинѣ. Всѣ правила, установленныя «Hexenhammer», приложены были къ дѣлу и судъ при-

Digitized by Google

зналь необходимость пытки. Подсудимой показали всѣ орудія мученій, и сдѣлали описанія ихъ «чтобъ, тѣмъ принудить ее къ добровольному покаянію». «Тогда вошелъ снова адскій приставъ и съ веселымъ видомъ показалъ моему бѣдному дитяти сначала лѣстницу и сказалъ: «Посмотри—тебя «посадятъ сюда и свяжутъ по рукамъ и «по ногамъ. Потомъ тебѣ надѣнутъ ост «рыя цѣпи и не смимутъ, пока у тебя не «польетъ кровь изъ пальцевъ, какъ ты «и видѣть можешь, они еще красны «отъ крови старой Билькшенъ, кото«рую сожгли за годъ предъ этимъ и ко«торая сначала не хотѣла ни въ чемъ «сознаться. Когда и это тебя не убѣ«дитъ, то я покажу тебѣ испанскіе са«поги, и если они тебѣ велики, то я «вколочу туда клинъ, чтобъ плотно «прижать икры, чтобъ кровь пошла «изъ нихъ, какъ ягодный сокъ изъ«подъ преса. Если и тутъ ты не при«знаешься — эй!» заревѣлъ онъ и ударилъ ногою въ дверь, такъ-что вся стѣна задрожала и бѣдная дочь моя упала на колѣни. Не долго ждали мы; двѣ женщины принесли котелъ съ пылающею сѣрою и смолою; тогда адскій песъ велѣлъ поставить котелъ на землю и вытащилъ изъ-подъ краснаго плаща своего крыло, вырвалъ изъ него шесть перьевъ и погрузилъ ихъ въ кипящую сѣру. Подержавъ ихъ нѣсколько времени въ котлѣ, онъ бросилъ ихъ на землю, гдѣ они трещали и брызгали сѣрою. Тутъ онъ снова закричалъ моему бѣдному дитяти: «смо«три—эти перья я брошу на твои бѣ«лыя бедры, пока сѣра не съѣстъ мя«са твоего до костей, чтобъ ты имѣла «предвкусіе наслажденій ада, тебя «ожидающихъ.»

Такъ-какъ подобныя объясненія палача и увѣщанія судей не дѣйствовали, то приступили къ строгому допросу, и несчастную дѣвушку одѣли въ рубашку, назначенную для подсудимыхъ. «Она пришла босая въ этой чер«ной рубашкѣ и была такъ блѣдна, «что я почти не узналъ ее. Гнусный «приставъ шелъ за нею, схватилъ ее «за руку и поставилъ предъ судьями. «Началось новое увѣщаніе: ей велѣли «посмотрѣть на темныя пятна, видныя «на рубашкѣ, и сказали, что это кровь «той же старой Билькшенъ, и что ея «собственная кровь скоро обагритъ «эту рубашку. На что она дала слѣ«дующій отвѣтъ: «Я знаю это, но надѣ«юсь, что Спаситель мой, который ни«спослалъ эту муку на меня, невинную, «дастъ мнѣ и силу перенести ее по«добно святымъ мученикамъ. Какъ они «съ помощію Божіею преодолѣвали «муку, наносимую имъ слѣпотствую«щими язычниками, такъ и я преодо«лѣю муку, которую мнѣ наносятъ «слѣпотствующіе язычники; хотя они «и желаютъ казаться христіанами, но «превосходятъ жестокостію древнихъ «мучителей, потому-что древніе язычники отдавали святыхъ дѣвъ на съѣ«деніе дикимъ звѣрямъ, вы же, кото«рые знаете святую заповѣдь—любить «другъ друга какъ любитъ васъ вашъ «Спаситель, чтобъ каждый зналъ, что «вы младшіе его, вы хотите разыгры«вать роль лютыхъ звѣрей и изорвать «тѣло невинной дѣвицы, сестры ва«шей, несдѣлавшей вамъ никакого «зла. Дѣлайте же, что хотите, но вспо«мните, что вы будете отвѣчать предъ «высшимъ Судьею». Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя наиболѣе обнаруживаютъ несомнѣнное поэтическое дарованіе автора и возбуждаютъ живѣйшее участіе къ несчастной героинѣ его.

Началась пытка. Не собственныя страданія, но болѣзненный вопль отца, котораго ничто не могло удалить, заставилъ ее воскликнуть: «отпустите «меня, и я признаюсь во всемъ, что вы «желаете.»

Правило «Hexenhammer», о которомъ мы говорили уже въ этомъ отдѣлѣ «Отеч. Записокъ», по поводу книги Зольдана, предписывало допросъ столь же гнусный, какъ и смѣшной. Видѣнъ какой-то юморъ въ отвѣтѣ Маріи на вопросъ, какъ зовутъ ея дьявола. «Имя его» сказала она, «*Daisdaimonia* (суевѣріе)». Судья уди-

Digitized by Google

вился и сказалъ: «должно-быть это «очень-страшный діаволъ, потому-что «я никогда не слыхалъ подобнаго име- «ни». «Она должна была сама склады- «вать это слово, чтобъ *scriba* не учи- «нилъ какого-нибудь *error!*» Одинъ изъ самыхъ нелѣпыхъ вопросовъ, употреблявшихся, впрочемъ, при каждомъ процессѣ о колдовствѣ, гласитъ: «Num semen Daemonis calidum fuerit aut frigidum?»

По тогдашнему обычаю, приговоръ произнесенъ былъ очень-скоро: Марію приговорили къ сожженію на кострѣ. За день до исполненія приговора, обвинитель отыскалъ неутѣшнаго отца и предложилъ ему освободить Марію, если она согласится отвѣчать любви его. Краснорѣчіе обольстителя, омрачило разсудокъ старика: отуманенный страхомъ и горестію, тотъ рѣшился написать къ дочери, потому-что стыдился изустно передать ей такое предложеніе. «Подобно Еввѣ, я взялъ плодъ, «вкусилъ его и передалъ моей дочери, «чтобъ она вкусила, т. е. перевелъ на «бумагу все, что нашепталъ мнѣ сатана «и все это на латинскомъ языкѣ, пото- «му-что мнѣ стыдно было писать по- «нѣмецки; я умолялъ ее не подвергать «опасности ни моей, ни своей жизни, «но испросить внушенія Божія.» Вотъ отвѣтъ Маріи:

«Jesus!

«Несчастный отецъ!

«Я не поблѣднѣю такъ завтра, когда «увижу костеръ, и костеръ не покра- «снѣетъ такъ, когда сожжетъ меня, «какъ поблѣднѣла и покраснѣла я при «чтеніи твоего письма. Какъ, и *тебя*, «благочестивый отецъ, благочестивый «служитель церкви, сатана довелъ до «того, что ты вступилъ въ сообщество «съ врагами моими, и въ слѣпотѣ сво- «ей не понимаешь, что смерть лежитъ «въ основаніи такой жизни, какую ты «предлагаешь мнѣ? Если милосердый «Богъ простилъ Маріи-Магдалинѣ и «другимъ, то Онъ простилъ имъ за то, «что онѣ раскаялись въ слабостяхъ «тѣла своего и болѣе не согрѣшали. «А мнѣ должно грѣшить съ совершен- «нымъ осквернѣніемъ тѣла моего и не «разъ, но безпрерывно до самой смер- «ти? Проститъ ли же милосердый Богъ «самой отверженной изъ всѣхъ жен- «щинъ? Вспомни, злополучный отецъ, «что ты говорилъ мнѣ о святыхъ му- «ченицахъ и невѣстахъ Христовыхъ, «которыя всѣ жертвовали охотнѣе жиз- «нію, чѣмъ цѣломудріемъ. Ихъ примѣ- «ру я и послѣдую, и надѣюсь, что Спа- «ситель мой Іисусъ Христосъ, послав- «шій мнѣ испытаніе, дастъ мнѣ вѣч- «ный вѣнецъ, ибо слабостію тѣла я «не менѣе Маріи-Магдалины погрѣ- «шила предъ нимъ, хотя меня и осу- «дили невинную. Итакъ, старайся быть «твердымъ и проси за меня не сатану, «но Господа Бога моего, передъ ли- «цомъ котораго я скоро буду молиться «за тебя.

«Марія Швейдлеръ, заключенная.»

Легенда оканчивается тѣмъ, что добродѣтель получила награду, даже на землѣ; Марія была вырвана изъ рукъ палачей ея въ самую рѣшительную минуту и спасена.

Вотъ вся мистификація г. Мейнгольда, взявшаго себѣ эпиграфомъ слѣдующія слова Жанъ-Поля: «Обыкновен- «ныя души считаютъ дѣла о колдунь- «яхъ дѣломъ воображенія. Но если «прочитать многіе процессы о чаро- «дѣйствѣ, то подобная мысль окажет- «ся ложною». При чтеніи, намъ многое показалось необъяснимымъ, хотя мы почти не сомнѣвались (признаемся въ томъ) въ истинѣ разсказа, напр. злодѣянія Лизы Колькенъ совершаются какъ-будто-бы съ помощію сверхъестественныхъ силъ. Что касается до исповѣди ея, до собственнаго обвиненія, до червя, котораго она называетъ діаволомъ — все это намъ представлялось изложеніемъ болѣзненно-взволнованнаго старика, такъ-что мы и не думали отличать фантазію отъ настоящей истины. Отравленіе (въ процессѣ объ околдованіи скота въ деревнѣ Козеровѣ) могло быть легко для такой женщины, какова безбожная Колькенъ;

Digitized by Google

но совершенно-нелѣпо сказаніе, какъ Марія могла вылечить больныхъ поросятъ, вырывая имъ по три волоса изъ хвоста. Къ этому мы должны прибавить, что для мистификаціи есть тоже границы, и что порицать хотя бы и въ шутку людей благородныхъ, великихъ сподвижниковъ истины, намъ кажется поступкомъ недостойнымъ истиннаго таланта. Такъ г. Мейнгольдъ, говоря о Беккерѣ, называетъ его «trivialer Bekker»! Можно ли повѣрить, чтобъ кто-нибудь осмѣлился назвать такъ человѣка, который прежде всѣхъ возсталъ противъ самаго принципа вѣрованій въ чародѣйство, который безъ сомнѣнія стоитъ выше Томазіуса, хотя подвиги его не увѣнчались такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Не такъ оцѣнилъ Беккера Зольданъ, мнѣніе котораго ярко противорѣчитъ странному мнѣнію пастора Мейнгольда; онъ называетъ его «первымъ защитникомъ истины, нанесшимъ «смертный ударъ суевѣрію».

—

Въ дополненіе къ этимъ извѣстіямъ о новостяхъ германской литературы, необходимо сообщить о новыхъ альманахахъ: между ними, по выбору статей, первое мѣсто занимаетъ —

I. Домашній, изданный Аугустомъ Левальдомъ; въ немъ лучше всего романъ Левина Шюкинга «Die Stiftsfräulein» (*), которымъ мы преимущественно и займемся. Самое названіе «романъ» показываетъ уже читателю, что это произведеніе не принадлежитъ къ разряду альманачныхъ статей; и дѣйствительно, богатство мыслей, полнота содержанія и художественная отдѣлка ставятъ его безконечно-выше эфемерныхъ явленій бельлетристики.

Содержаніе его слѣдующее. Гофратъ фон-Каттербахъ, владѣтель помѣстья, принадлежавшаго нѣкогда фамиліи Шеммей, въ герцогствѣ Бергъ, завелъ продолжительный процессъ съ сосѣдомъ своимъ, г. фон-Дришемъ, «puncto Koppeljagderechtsame», то-есть объ охотѣ въ общихъ владѣніяхъ. Такъ какъ ему надоѣло уже ждать рѣшенія суда, то онъ вадумалъ захватить спорное мѣсто силою, а г. фон-Дришъ, мечтавшій болѣе о славѣ Гомера, чѣмъ Ахилла, съ сыномъ своимъ, Іоганномъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ и, почитая себя небезопаснымъ въ собственныхъ владѣніяхъ, удалился въ Вестфалію, въ старинный замокъ Бехенбургъ. Тамъ жила до этого времени старая Маргарита Фарштейнъ, которая, въ мнѣніи народа и самого фон-Дриша, считалась вѣдьмою, и отъ-того присутствіе ея очень безпокоило робкаго помѣщика. Эта Маргарита, дочь вестфальскаго крестьянина, проклятаго со всѣмъ родомъ за то, что онъ перешелъ дорогу церковной процессіи, въ-самомъ-дѣлѣ особа весьма-безпокойная. Въ молодости своей, она была прекрасна собою, но, по бѣдности, должна была вступить въ услуженіе къ барону Шеммею, гдѣ ей ввѣрили смотрѣніе за дѣтьми Но дѣти умерли одинъ за другимъ, вслѣдъ за тѣмъ и родители, — и всѣ земли Шеммеевъ попали въ руки гофрата фон-Каттербаха.

У послѣдняго, Маргарита оставалась нѣкоторое время въ услуженіи, потомъ отправилась странствовать, отыскала какого-то стараго школьнаго учителя, вышла за него замужъ и выхлопотала ему мѣсто управителя въ Бехенбургѣ. По смерти его, она управляла сама этимъ замкомъ и занималась болѣе всего воспитаніемъ молодаго Бернгарда, котораго отношенія къ ней были неизвѣстны, потому-что иногда она называла его сыномъ, иногда «молодымъ господиномъ». Этотъ Бернгардъ и есть герой романа. Во время прибытія г-на фон-Дриша въ Бехенбургъ, онъ достигъ двадцатаго года жизни своей и съ блистательнымъ успѣхомъ окончилъ уни-

(*) На-русски нѣтъ слова, которое бы могло выразить значеніе «Stiftsfräulein», потому мы и оставили нѣмецкое; оно означаетъ дѣвицу, живущую въ одномъ изъ тѣхъ заведеній, которыми замѣнены монастыри въ протестантскихъ земляхъ.

Digitized by Google

верситетское ученіе. Онъ одаренъ глубокимъ, чувствительнымъ, поэтическимъ умомъ, что, вмѣстѣ съ образованностью его и любезностью, снискало ему благосклонность одной «Stiftsfräulein», Катерины Плассенштейнъ, которая жила по сосѣдству отъ Бехенбурга, въ одномъ изъ свѣтскихъ женскихъ монастырей (если можно придать это названіе заведеніямъ такого рода) и года два уже какъ получила позволеніе управлять имъ, что показываетъ, что ей было 27 лѣтъ отъ-роду. Часто и охотно посѣщалъ эту дѣвицу Бернгардъ, и она принимала его съ немѣньшимъ удовольствіемъ. Отношенія ихъ были, сначала, подобны отношеніямъ воспитательницы и воспитанника, потомъ становились все тѣснѣе и тѣснѣе, и наконецъ, прежде, чѣмъ который-нибудь изъ нихъ догадался объ этомъ, превратились въ самую пламенную любовь. Но, до рѣшительнаго объясненія, съ Бернгардомъ случилось происшествіе, повергшее его въ мрачную задумчивость. Преслѣдуя процессъ свой объ охотѣ, фонъ-Дришъ обвинялъ фонъ-Каттербаха въ посягательствѣ на его жизнь; послѣдній, движимый мщеніемъ, умѣлъ заманить соперника въ лѣсъ и хотѣлъ тамъ поколотить его, какъ вдругъ появился Бернгардъ, схватилъ гофрата и намѣревался позвать находившихся неподалеку охотниковъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ ему наухо гофратомъ, заставили его отказаться отъ своего намѣренія и произвели на него ужасное впечатлѣніе, — эти слова, какъ открылось въ-послѣдствіи, заключались въ объясненіи, что Бернгардъ — сынъ его, гофрата, и Маргариты. Бернгардъ тѣмъ скорѣе повѣрилъ такому извѣстію, что деньги, необходимыя ему на воспитаніе, Маргарита получала отъ Каттербаха. Въ сильномъ волненіи спѣшитъ онъ къ «Stiftsfräulein», чтобъ разсѣять тяжкое горе, его удручавшее; но отъ нея узнаётъ о таинственной смерти трехъ дѣтей Шеммея и слухахъ, что Маргарита была причиною этой смерти. Еще болѣе взволнованный, хотя и увѣренный въ невинности матери своей, спѣшитъ онъ въ Бехенбургъ, но и тамъ поражаетъ его извѣстіе, что полученіе Маргаритою денегъ отъ гофрата подало фонъ-Дришу подозрѣніе, что она подкуплена его соперникомъ и намѣрена отравить его. Въ-слѣдствіе этого, онъ отказалъ ей отъ дома и требовалъ, чтобъ она завтра же оставила замокъ. Отъ внутренняго потрясенія, Маргарита занемогла и должна была поручить укладку вещей своихъ служанкѣ своей, Ленѣ, которую она еще ребенкомъ взяла къ себѣ на воспитаніе. Бернгардъ, передъ отъѣздомъ, хотѣлъ еще разъ увидѣть Катерину Плассенштейнъ, но на дорогѣ встрѣтилъ въ лѣсу великолѣпную охоту архіепископа Климента-Августа и въ срединѣ поѣзда, между двумя щегольски-одѣтыми кавалерами, Катерину, которая гордо кивнула головою, проѣзжая мимо его. Послѣднее несчастіе совершенно его уничтожило, но, не смотря на то, онъ, съ сыновнею заботливостью, сопровождаетъ мать свою въ сосѣднюю провинцію, гдѣ все семейство находитъ пріютъ въ домѣ одного викарія. Съ ними также переселилась Лена, происходившая изъ бродячаго поколѣнія «точильщиковъ» (Scheerenschleifer), и Бернгардъ скоро замѣтилъ, что она возобновила сношенія съ бродягами своего племени. Фонъ-Дришъ, не смотря на всѣ старанія свои, не могъ достигнуть въ Бехенбургѣ ожиданнаго имъ спокойствія, потому-что пронесся слухъ, будто въ залѣ замка начало появляться привидѣніе. Въ порывѣ смѣлости и рѣшительности, онъ объявилъ, что этою же ночью отправится въ залу, и принудилъ своего викарія сопутствовать ему. И дѣйствительно, въ полночь поднялся въ каминѣ шумъ, и пока фонъ-Дришъ трепеталъ внѣ себя отъ ужаса, а викарій произносилъ заклинанія, вышла оттуда исполинская фигура, вынула изъ потаеннаго шкафа нѣсколько бумагъ и удалилась снова, прежде, чѣмъ который-нибудь изъ присутствовавшихъ подумалъ преградить ей дорогу. Нѣсколько времени спустя послѣ этого происшествія,

Digitized by Google

появляется какой-то военный въ домѣ фон-Каттербаха, тайно бесѣдуетъ съ гофратомъ, внушаетъ ему глубокое уваженіе къ своей особѣ, и скоро, въ кругу дворянства, его провозглашаютъ барономъ Шеммеемъ и женихомъ Іозины, сестры Каттербаха. Въ этомъ же обществѣ находится Stiftsfräulein и кокетничаетъ съ молодыми людьми, а въ томъ числѣ и съ Шеммеемъ. Послѣдняго она, по-видимому, всѣми силами старается отвлечь отъ его невѣсты. Въ одномъ изъ обществъ, встрѣчаетъ фон-Дришъ Іозину и жестоко оскорбляетъ ее, какъ родственницу Каттербаха, такъ-что Шеммей принужденъ вызвать его на поединокъ. Stiftsfräulein успѣваетъ разстроить дуэль, женить струсившаго Дриша на Іозинѣ, а Шеммея освободить отъ невѣсты; но въ то же время она всѣми силами старается узнать прежнюю жизнь барона и документы, доставившіе ему этотъ титулъ.

Въ то время, какъ Катерйна оказывается такою вѣтреною и легкомысленною, Бернгардъ становится все мрачнѣе и мрачнѣе; наконецъ, нечаянный случай разогналъ тучу отчаянія и оживилъ его новыми надеждами. На охотѣ встрѣчается онъ съ Вендельсомъ, тѣмъ самымъ точильщикомъ, который подружился съ Леною. Послѣдній спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какихъ видовъ на Лену и, получа отрицательный отвѣтъ, проситъ его прійдти на то же мѣсто черезъ недѣлю, и обѣщаетъ ему передать весьма-важныя для него бумаги. На слѣдующій день, онъ узнаётъ, что Лена влюблена въ него, что она не далѣе, какъ прошлою ночью отъискала въ Бехенбургѣ, въ сундукѣ Маргариты, бумаги, которыя доказываютъ, что Бернгардъ — сынъ послѣдняго барона Шеммея и единственный наслѣдникъ его владѣній, что она утаила ихъ, будучи увѣрена, что Бернгардъ, сдѣлавшись барономъ, не захочетъ жениться на ней; но что теперь, убѣдившись въ любви его къ Катеринѣ, она поручила Вендельсу, искателю руки ея, достать эти бумаги и вручить ихъ Бернгарду. Такимъ образомъ, послѣднему блеснула надежда сблизиться съ Stiftsfräulein, и, разумѣется, онъ не преминулъ явиться на свиданіе, назначенное ему Вендельсомъ. Вендельсъ, однакоже, не явился; нѣсколько дней спустя, Бернгардъ случайно увидѣлъ, какъ за нимъ гнались два солдата, какъ онъ попалъ въ болото и утонулъ тамъ. Тщетно старался Бернгардъ спасти его: онъ самъ только простудился, жестоко занемогъ и перенесенъ былъ въ замокъ Кранекъ, гдѣ владѣтель замка и викарій, о которомъ мы говорили, взяли его на свое попеченіе. Между-тѣмъ, Лена отправляется къ Stiftsfräulein, горько упрекаетъ ее за перемѣну ея къ Бернгарду, за кокетство съ Шеммеемъ и разсказываетъ ей, какъ Вендельсъ дѣйствительно досталъ документы изъ Бехенбурга, какъ схваченъ былъ прусскимъ вербовщикомъ, отнявшимъ у него бумаги, и потомъ погибъ, преслѣдуемый солдатами. Этотъ вербовщикъ — не кто иной, какъ мнимый баронъ Шеммей. Катерина приходитъ въ восторгъ отъ этого открытія, и увѣряетъ, что она только для того и сблизилась съ этимъ Шеммеемъ, что угадала его лживость и надѣялась сорвать съ него личину. Теперь необходимо уже было показаніе самой Маргариты. Stiftsfräulein тотчасъ же отправляется въ Кранекъ и заставляетъ старуху принести покаяніе; тутъ открывается, что Маргарита дѣйствительно умертвила двухъ старшихъ дѣтей Шеммея въ отмщеніе за его невѣрность, третьяго же избавила отъ смерти и воспитала за своего пріемыша. Съ полученіемъ этихъ извѣстій, Катерина въ первый разъ идетъ къ Бернгарду, еще больному, и всѣ недоразумѣнія исчезаютъ между ними въ дружеской бесѣдѣ. Между-тѣмъ, какъ Катерина думаетъ, какъ бы подвергнуть ложнаго Шеммея судебному слѣдствію, а Бернгардъ какъ бы убить его на дуэли, дѣло разрѣшается скорѣе, чѣмъ они предполагали. Самъ баронъ является съ молодымъ Кранекомъ въ замокъ, чтобъ пристыдить Катерину

Digitized by Google

за свободное обращеніе ея съ Бернгардомъ. Передъ геросмъ повѣсти исчезаютъ всѣ препятствія и Каттербахъ долженъ ему возвратить его владѣнія. Съ-тѣхъ-поръ, Бернгардъ и Катерина живутъ въ непомрачаемомъ счастіи; старая Маргарита умираетъ, какъ кающаяся грѣшница, а Лена удаляется въ монастырь.

Въ содержаніи, какъ читатели легко замѣтятъ, многое не ново— настоящій наслѣдникъ, скрытый подъ чужимъ именемъ и готовый потерять свои владѣнія; дѣвица, полюбившая его, не смотря на его низкое положеніе въ обществѣ, старая чародѣйка, парящая надъ всѣмъ этимъ подобно мрачной судьбѣ; великодушное пожертвованіе собственнымъ счастіемъ для счастливаго окончанія, и проч. и проч.; но авторъ умѣлъ всему этому придать такой колоритъ, что изъ-подъ пера его возникли живые, очаровательные образы, которые увлекаютъ любопытство и, приковываютъ къ себѣ вниманіе, такъ-что, читая эту повѣсть, невозможно отъ нея оторваться. Удовольствіе, которое доставитъ вамъ чтеніе этой книги, не разрушается даже и при счастливой развязкѣ, которую несравненно-труднѣе поддержать, чѣмъ трагическую.

Съ необыкновенною живостію авторъ описываетъ мѣстность, гдѣ происходитъ дѣйствіе его романа, и еще съ бо́льшимъ искусствомъ умѣетъ показать обычаи и нравы германскіе первой половины прошедшаго столѣтія, съ ихъ суровостью и образованіемъ, съ ихъ умѣренностію и расточительностію, съ ихъ нѣмецкою грубостью и французскимъ костюмомъ.

«О, время золотыхъ табакерокъ» восклицаетъ онъ: «время камзоловъ, вышитыхъ огромными великолѣпными «цвѣтами! Питомцы твои имѣли въ самихъ-себѣ что-то схожее съ цвѣтами; «они дышали такъ сладко—мускусомъ «и пудрою à la maréchale; блестящіе «перлы росы трепетали въ чашечкахъ «этихъ цвѣтовъ, тѣ перлы, которые «выплакала нѣжная чувствительность. «Не одна мода, господствовавшая въ «поэзіи и отношеніяхъ того времени, «облекала ихъ въ одѣяніе пастушеское: «эти люди XVIII вѣка дѣйствительно «походили на овечекъ.»

«Вообще, порицаемая неестественность того времени состояла въ томъ, «что въ каждомъ паркѣ мечтали видѣть «Аркадію, каждая придворная дѣвица «являлась Цилиндою, каждый напудренный кавалеръ Даметомъ, если «только они хотѣли объясненію своему «въ любви придать поэтическую форму. Но что же тутъ смѣшнаго? Развѣ «подобное положеніе не можетъ и въ «дѣйствительности имѣть въ себѣ нѣчто «пастушеское! А мы—развѣ мы менѣе «неестественны?..»

Прекрасно изображеніе курфирстскаго двора въ Кёльнѣ.

«Куда появлялся курфирстъ, тамъ «возникала шумная, веселая жизнь; «огромные дворы бароновъ отворяли «свои желѣзные ворота для каретъ и «портшезовъ; темные и запертые покои пробуждались какъ-бы отъ продолжительнаго зимняго сна, открывали свои окна и вдыхали благовоніе, «летавшее отъ стклянночекъ съ духами «и шелковыхъ одеждъ; вышитые атласные башмачки, съ высокими красными каблуками, топали по вновь-выложенному полу; длинные шлейфы «скользили по немъ; въ недостижимой высотѣ вѣяли локоны, перья и «островерхія прически хитро-устроенныхъ париковъ, требовавшія весьма «тихихъ и торжественныхъ движеній. «Тѣмъ проворнѣе были распудренные «кавалеры; въ шелковыхъ, вышитыхъ «золотомъ камзолахъ, въ алыхъ или «фіолетовыхъ кафтанахъ съ золотыми «пуговицами, перелетали они отъ одной дамы къ другой, какъ-бы по острію обнаженной шпаги и отрясая «граціозно манжеты, чтобъ придать «силу своимъ цвѣтистымъ рѣчамъ, увѣряли, что алмазы Клоринды тусклы «передъ искрами ея глазъ, что ожерелье на шеѣ Химены — изъ перловъ, «которые отъ жестокости ея выплакалъ «злополучный пастушокъ въ чашечку «розы. Казалось бы, что такія нѣжныя

Digitized by Google

«существа должны были питаться «однимъ медомъ Гимета; но нѣтъ — «войдите въ кухню, и вы увидите «огромныя со сводами залы, подобныя «церивамъ, съ толпами бѣлыхъ повя- «ровъ, поваренковъ и прислужниковъ; «но болѣе всего изумительна роскошь, «разнообразіе фарфоровой посуды, ко- «торая гремитъ и стучитъ въ этихъ за- «лахъ, до переселенія ея въ высшую «сферу. Не заморскіе цвѣта украша- «ютъ эти произведенія Китая и Япо- «ніи; нѣтъ,—каждая вещь, пестро рас- «крашенная натуральными красками, «имѣетъ форму животнаго или плода, «къ которому назначена, а вся столо- «вая представляетъ цѣлое стадо раз- «личныхъ животныхъ; здѣсь смотритъ «на васъ безжизненный глазъ дикаго «гуся, тамъ пугаетъ васъ грозный «клыкъ кабана; рядомъ съ нимъ индій- «скій пѣтухъ распускаетъ пестрое ко- «лесо своего хвоста и поднимаетъ кра- «сную шею; тетеревъ съ красными рѣ- «сницами, фазаны, дикія козы; а во- «кругъ цѣлое растительное царство ка- «пустныхъ кочней, связокъ спаржи, «дынь, ананасовъ и Богъ-знаетъ чего; «и дѣйствительно, красивый видъ пред- «ставляетъ столъ, убранный этою по- «судою посреди безчисленныхъ цвѣ- «товъ.»

Не такъ удовлетворительны отдѣль- ныя сцены, какъ описанія вообще; впрочемъ, многія изъ нихъ отличаются истиннымъ комизмомъ, другія нѣжно- стію и трагическою глубиною. Къ пер- вымъ можно отнести семейную сцену фон-Дриша и сына его Іоанна и при- ключеніе дѣвицы Іозины; ко вторымъ разговоръ между Бернгардомъ и Като- риною, сцена эта отличается наивно- стію, оригинальностію, но слишкомъ длинна, и потому мы ея невыписы- ваемъ.

Мы сказали, что впечатлѣніе, оста вляемое этимъ романомъ, вообще бла- гопріятно, но отдѣльные характеры не удовлетворительны. Менѣе всѣхъ удо- влетворяетъ Бернгардъ; характеръ его слишкомъ-страдательный: кромѣ загa- дочнаго положенія его въ обществѣ, его ума и чувствительности, въ немъ нѣтъ ни одного качества, которое бы дѣлало его героемъ повѣсти, средоточіемъ инте- реса; лучше обрисованъ характеръ Ка- терины, болѣе занимательный отъ-того, что выходитъ изъ сферы слишкомъ-от- влеченнаго идеализма; но и онъ не со- всѣмъ выдержанъ, и вредитъ единству, необходимому для каждаго художе- ственнаго произведенія: сначала, она слишкомъ-стара, слишкомъ-благораз- умна для своихъ лѣтъ, потомъ для Stiftsfräulein слишкомъ-молода и лег- комысленна. Удачнѣе всѣхъ очер- чена фигура старой Маргариты: отъ начала до конца она сохраняетъ пол- ное впечатлѣніе; вся жизнь ея разви- вается передъ глазами въ біографиче- ской ясности и полнотѣ, и каждый мо- ментъ этой жизни возникаетъ есте- ственно, согласно съ глубокими психо- логическими законами. За нею слѣду- етъ фигура фон-Дриша, робкаго, по- дозрительнаго, стремящагося къ до- стиженію желаній своихъ и подавляе- маго недостаткомъ энергіи: этотъ ха- рактеръ человѣчески-вѣренъ. Нельзя того же сказать о характерѣ Лены. Ей предоставлена катастрофа, разрѣшаю- щая судьбу героевъ, но для такой ро- ли, она сначала слишкомъ-ничтожна, и важность, которую авторъ старается придать ей въ концѣ, какъ-то не йдетъ къ ней. Прочія лица сами-по-себѣ хо- роши и содѣйствуютъ интересу цѣла- го. Слогъ романа ясенъ, живъ, согрѣтъ чувствомъ; есть мысли превосходныя; вотъ, напр., разсужденіе автора о молодости: «Многіе завидуютъ счастію «юности, потому-что ея никогда не «оставляетъ надежда, и эту юношескую «надежду сравниваютъ съ баснослов- «ною гидрою, у которой выростали го- «ловы, тотчасъ какъ только отрубали «ихъ. Ничто не можетъ быть неспра- «ведливѣе этой мысли. Кто не состa- «рѣлся въ опытахъ жизни и въ раз- «ныхъ переворотахъ судьбы, тотъ ско- «рѣе всего утратитъ надежду. Онъ не «знаетъ еще дивныхъ случайностей, «на которыхъ основана жизнь; онъ го- «товъ вездѣ видѣть одно господствую-

Digitized by Google

«щее правило, и если это правило не «представляетъ ему ничего благопріятнаго, онъ предается отчаянію, тамъ, «гдѣ опытные люди видятъ еще сотни «возможностей, что одинъ счастливый «случай измѣнитъ все къ лучшему.»

«Правда, одна удача—и юношескій «духъ не видитъ нигдѣ препятствій; «онъ мечтаетъ уже захватить весь міръ «въ свои руки; но случись препятствіе «тамъ, гдѣ онъ убѣжденъ въ успѣхѣ, и «онъ читаетъ на вратахъ жизни своей «надпись, которую Данте увидѣлъ на «вратахъ ада.»

Можетъ-быть, мы слишкомъ распространились о «Stiftsfräulein», но она показалась намъ самымъ замѣчательнымъ явленіемъ между романами нынѣшняго года, и мы не могли пропустить ее безъ вниманія. Прочія статьи альманаха «Dombausteine» — слѣдующія: 1) *Von einer armen Frau zu Köln*, Вильгельма Шези (Chesy), разсказъ о Маріи Медичи, о бѣдственномъ пребываніи ея въ Кёльнѣ и о кончинѣ ея, соединенный съ различными эпизодами, которые даютъ автору возможность живо изобразить нравы кёльнскихъ бюргеровъ. 2) *Das Kirchlein mit dem bösen Segen*, І. Ф. Лейтнера, хорошо разсказанная, но слишкомъ растянутая тирольская легенда. 3) *Neckarfahrt*, Эммы Нидорфъ,—смѣшеніе историческихъ, географическихъ, миѳологическихъ разсказовъ и лирическихъ восторговъ, не оставляющее послѣ себя никакого рѣзкаго впечатлѣнія. 4) *Die Geschichte von Einarm*, Ф. В. Гаклендера, сказка, написанная очень-игриво и забавно; преимущественно-назначенная для дѣтскаго возраста, она можетъ доставить удовольствіе и взрослымъ, которые любятъ произведенія этого рода. 5) *Die Geburt von Amadis*, Августа Левальда—переводъ первой главы «Амадиса Гальскаго» съ предисловіемъ, объясняющимъ цѣль этого перевода. За тѣмъ, слѣдуетъ нѣсколько стихотвореній, довольно гладкихъ, иногда звучныхъ, но неотличающихся ничѣмъ особеннымъ.

II. Rheinisches Taschenbuch. І. Шеферъ, безспорно обладающій талантомъ повѣствователя и извѣстный въ литературѣ нѣсколькими новеллами, помѣстилъ здѣсь повѣсть, подъ названіемъ *Chinas Erretter* (Спаситель Китая), содержаніе которой—завладѣніе Манджуровъ китайскимъ престоломъ въ 1644 году. Она читается безъ скуки, но въ ней не видно жизни дѣйствительной, составляющей необходимое условіе повѣсти, и странно, какъ выборъ автора палъ на такой предметъ, каковы Китайцы, жизнь которыхъ такъ бѣдна элементами драматическимъ и романическимъ, что трудно извлечь изъ нея что-нибудь занимательное для драмы или романа. Вторая повѣсть принадлежитъ Эдуарду Дуллеру: «Johanne von Aragon» (Іоанна Арагонская), въ которой изображено безуміе этой принцессы, происшедшее отъ неистовой любви и ревности. Автору не удалось настоящимъ образомъ разрѣшить вопросъ, который онъ себѣ задалъ. Представить безуміе въ поэтической формѣ чрезвычайно-затруднительно; для того необходимы оригинальность, богатство идей, глубокое сочувствіе къ своему предмету, иначе невозможно избѣжать тривіальностей и пошлостей. Авторъ представилъ слишкомъ-общій типъ женскаго характера, весьма-мало отѣнилъ его индивидуальностью, и въ дополненіе всего не одушевилъ его никакою опредѣленною идеею. Не смотря на то, у него встрѣчаются мѣста, производящія большое впечатлѣніе, именно тѣ, гдѣ умственное разстройство Іоанны имѣетъ какое-нибудь историческое значеніе; такова сцена, въ которой Конхилло уговариваетъ ее отказаться отъ управленія Кастиліею въ пользу отца ея Фердинанда-Католика.

Третье произведеніе въ этомъ альманахѣ «*Die Tochter der Luft*» (Дочь Воздуха), сказка Вильгельма Гента, заимствованная изъ рейнской легенды временъ Карла-Великаго; не отличаясь новостію содержанія и глубиною мы-

Digitized by Google

слей, она плѣняетъ читателя нѣжностію и воздушностію своихъ образовъ. Далѣе слѣдуетъ повѣсть «Frauenherz» (Женское Сердце) автора «Stiftsfräulein», но мы ничего не скажемъ о ней, потому-что она очень-слаба и по идеѣ и по исполненію; если судить по ней о дарованіи г. Шюкинга, то можно получить о немъ весьма-невыгодное мнѣніе; странно, что писатель, обнаружившій такой рѣшительный талантъ, напечаталъ повѣсть, подобную этой. За тѣмъ въ «Rheinisches Taschenbuch» есть еще повѣсть «*Der grüne Schüler*» съ претензіями на остроту и юморъ.

III. Die Perlen. Геллеръ напечаталъ здѣсь три повѣсти, изъ которыхъ послѣдняя «*das Landhaus von Passeier*», замѣчательнѣе другихъ; въ ней есть историческій колоритъ и удачное изображеніе нѣкоторыхъ личностей и положеній.

IV. Charitos, альманахъ, основанный Эдуардомъ Шенкомъ и продолжаемый Карломъ Фернау, наполненъ баварскими стихами, баварскими повѣстями, баварскими легендами и отрывками изъ баварской исторіи, по-большой-части мало занимательными.

V. Narren-Almanach, изданный г. Эттингеромъ. Вмѣсто веселыхъ разсказовъ и комическихъ сценъ, которыхъ можно бы ожидать отъ названія его, представляются двѣ почти-трагическія повѣсти, которыя занимаютъ столько мѣста, что едва нѣсколько страницъ осталось автору для двухъ легкихъ скицовъ. Въ первой повѣсти, графъ Сен-Жерменъ составляетъ главное лицо, возбуждающее интересъ загадочностью, которая служитъ двигателемъ всего разсказа. За нимъ слѣдуетъ «Анджолетта» графиня Сен-Жерменъ, лицо не новое и лишенное интереса, который бы оно могло возбудить, еслибъ авторъ сосредоточилъ вниманіе на отношенія графини къ мужу; но теперь фигура эта блѣдна, и отъ нея нерѣдко вѣетъ скукою. Искуснѣе и оригинальнѣе изображена Mademoiselle Guimard; но, къ-сожалѣнію, она лицо слишкомъ-второстепенное; прочія лица, какова напр. маркиза Помпадуръ и Людовикъ XV, большею частію живо и превосходно обрисованы; имъ вредитъ тоже несчастная идея, которую авторъ выразилъ въ предисловіи, что подвиги графа будутъ главнымъ предметомъ разсказа: въ-слѣдствіе этой идеи, всѣ прочія лица являются жертвами его обмана и теряютъ занимательность, возбужденную изображеніемъ ихъ личностей. Волшебства, совершаемыя графомъ, сначала привлекаютъ вниманіе читателя, но потомъ, повторяясь слишкомъ-часто, становятся утомительны и ослабляютъ весь интересъ, возбужденный ими въ началѣ. О второй повѣсти «Clerodendron fragrans» можно сказать, что она составляетъ варіацію на старую тэму, такъ превосходно изображенную поэтомъ Гейне:

Es ist eine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu,
Und wem sie just passieret
Dem bricht das Herz entzwei.

VI. Cornelia. Здѣсь замѣчательны прекрасныя гравюры, между которыми первое мѣсто занимаютъ ландшафты. Посреди множества хорошенькихъ картинокъ, находятся четыре повѣсти; лучшая изъ нихъ «*der Normann*» Берида Гуссека. Дѣйствіе происходитъ въ Нижней-Италіи, во время распространенія въ ней владычества Норманновъ; преимущественно представлены въ ней столкновеніе норманнскихъ вождей Драго, Роберта Гискара и Рихарда Ареозы съ Греками, папою и послѣдними герцогами беневентскими. Главнымъ героемъ повѣсти является Рихардъ, который оканчиваетъ всѣ распри женитьбою на Сиглиндѣ, сестрѣ герцога беневентскаго.

Другія двѣ повѣсти принадлежатъ Вальтеру Теше, который всѣми силами старался подражать Вальтеру Скотту, но нигдѣ не достигаетъ геніаль-

Digitized by Google

ныхъ качествъ своего великаго образца.

Разсказъ: «*Die Tochter des Verbannten*» есть не что иное, какъ перефразированный романъ г-жи Коттенъ «Elisabeth, ou les éxilés en Sibérie», очень трогательный и необыкновенно-нравоучительный, но скучный, скучный въ высочайшей степени. Удивляемся, какъ вздумалъ издатель помѣстить такую повѣсть въ альманахѣ 1844 года.

VII. Taschenbuch deutscher Sagen есть собраніе германскихъ легендъ, составленное Робертомъ Бенедиксомъ, легендъ, разсказанныхъ просто, какъ онѣ сохранились въ устахъ народа.

Много еще альманаховъ появилось въ нынѣшнемъ году, таковы—«Huldigung der Frauen», «Jris», «Jduna», «Libussa», «Wintergrün», «Frauenalbum», «Weinachtbaum», «der Nebelrose» и пр. Въ нихъ есть повѣсти, сказки, стихи, картинки, но занимательнаго нѣтъ ничего, и потому мы оканчиваемъ статью нашу, боясь утомить читателей разсказомъ содержанія этихъ пустыхъ изданій.

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Жизнь аббата Рансѣ, *Шатобріана*. — Исторія Франціи, *Мишлѣ*. — Исторія Французовъ, *Монтейля*. — Алжирія древняя и новѣйшая, *Галибера*. — Турецкіе Славяне, *Сипріана Робера*. — Англійская Индія, *графа Вардена*. — Англія, *Мишьеля*. — Географическій ежегодникъ, *Лакруа*. — Гегель и германская философія, *Отта*. — Теорія французскихъ политическихъ законовъ, *г-жи де-Лезардьеръ*. — Энциклопедія XIX вѣка. — Біографія Лафатера. — Поэты Лапрадъ и Гривѣ. — Переводы. — Романы. — Чортъ въ Парижѣ.

На мысѣ пустыннаго островка, въ заливѣ Сен-Мало, лежитъ простой гранитный камень, высѣченный изъ прибрежныхъ скалъ; на немъ желѣзный крестъ; кругомъ рѣшетка; то могила Шатобріана. Тамъ, когда пробьетъ послѣдній часъ его, успокоится онъ подъ вѣчнымъ ропотомъ моря (*).

Знаменитый поэтъ доживаетъ послѣдніе дни свои, и, готовясь встрѣтить кончину, онъ простился съ литературою произведеніемъ, исполненнымъ того же религіознаго духа, которымъ прокликнутъ его «Genie du Christianisme». «Первое сочиненіе мое», говоритъ онъ, «написано было въ Лондонѣ, въ 1797 году,—послѣднее въ Парижѣ, въ 1844 году; между ними—сорокъ семь лѣтъ, — втрое болѣе того «періода времени, которое Тацитъ «называетъ великою частію жизни человѣческой: *Quindecim annos, grande «mortalis aevi spatium.*»

Послѣднее произведеніе Шатобріана «Біографія аббата Рансѣ, знаменитаго преобразователя ордена траппистовъ» (Vie de Rancé). Книга посвящена памяти аббата Сегена, бывшаго духовника Шатобріана. «Исторія Аббата Рансѣ», говоритъ Шатобріанъ, «написана мной «по совѣту моего духовника. Аббатъ «Сегенъ часто говорилъ мнѣ объ этомъ «трудѣ, и я имѣлъ естественное отвращеніе къ нему. Не смотря на то, я «началъ изучать предметъ, много читалъ, и вотъ результатъ этихъ чтеній.»

Глубокаго интереса полна эта біографія. Рансѣ обладалъ умомъ блестящимъ, былъ богословомъ, астрологомъ, поэтомъ, ораторомъ, имѣлъ сердце благородное, душу пылкую, нетерпѣливую, никогда ненаходившую себѣ удовлетворенія и покоя, грустную среди успѣховъ и удовольствій. Онъ родился въ 1626 году и пережилъ Людовика XVI. Въ исторіи его заключается исторія Франціи его времени. Въ молодости, хотя еще въ дѣтствѣ вступивъ въ духовное званіе, Рансѣ велъ жизнь бурную, разсѣянную, и принадлежа, по происхожденію своему, къ аристократіи, раздѣлялъ всѣ удовольствія высшаго свѣта. Современныя

(*) Изображеніе этой мѣстности любопытствующіе могутъ видѣть во 2-мъ № «Литературной Газеты» нынѣшняго года.

Digitized by Google

записки много толкуютъ о связи его съ знаменитой красавицей, г-жей Монбазонъ. Потеря этой женщины глубоко поразила его и дала другое направленіе его мыслямъ и жизни. Лѣтъ тридцати, онъ покинулъ свѣтъ, вступилъ въ монашество, продалъ свои помѣстья, роздалъ деньги бѣднымъ, передалъ свои бенефиціи, оставилъ себѣ только бѣдное аббатство де-ла-Траппъ, и самъ повелъ и въ монастырѣ своемъ завелъ такой строгій образъ жизни, какого не было ни въ одномъ монашескомъ орденѣ. Скоро его аббатство пріобрѣло громкую славу. Вся католическая и даже не-католическая Западная-Европа считала его святымъ человѣкомъ, питала къ нему высокое уваженіе. Не говоря уже о современныхъ французскихъ знаменитостяхъ, король прусскій дорожилъ его письмами; англійскій король, чтобъ утѣшиться въ потерѣ трона, каждый годъ пріѣзжалъ къ аббату бесѣдовать о Богѣ. Изъ всего этого видно, какъ богата жизнь Рансѐ и сколько интересныхъ матеріаловъ представляла она такому искусному біографу, какъ Шатобріанъ. Онъ изучалъ характеръ и жизнь Рансѐ въ его сочиненіяхъ, въ его письмахъ, въ «Запискахъ» Сен-Симона и другихъ современныхъ писателей. Вся католическая Европа съ живѣйшимъ участіемъ читаетъ и будетъ читать послѣднее произведеніе Шатобріана, гдѣ многія страницы исполнены христіанской поэзіи, напоминающей лучшую, цвѣтущую пору его таланта.

Городъ Сен-Мало, гдѣ при жизни устроилъ себѣ гробницу Шатобріанъ, былъ его родиной. Тамъ же родилась и другая литературная знаменитость нашего времени, Ламенé. Тамъ же родина многихъ моряковъ, прославившихъ Францію. Изъ числа ихъ особенно-извѣстно имя Дюгэ-Труэна, исторія котораго недавно разсказана г. Лаланделлемъ въ Histoire de Dugay-Trouin, *par* M. G. de Lalandelle. Исторія знаменитаго моряка временъ Людовика XIV, любопытная по фактамъ, которые она содержитъ въ себѣ, становится еще любопытнѣе по одушевленному разсказу автора. Это настоящій морской романъ, и онъ тѣмъ болѣе кстати теперь, что надѣлавшая столько шума брошюра принца Жуанвильскаго о состояніи морскихъ силъ во Франціи (Note sur l'ètat des forces navales de la France) обратила всеобщее вниманіе на флотъ.

Начавъ съ монографій нынѣшній обзоръ произведеній французской литературы, мы къ тому же разряду должны отнести Etudes d'Histoire et de Biographie, *par* M. A. Basin (Историческіе и Біографическіе Этюды, Базена). Лѣтъ десять назадъ, г. Базенъ, составившій себѣ почетное имя въ литературѣ «Исторіей Франціи при Людовикѣ XIII и въ министерство кардинала Мазарини», издалъ сборникъ подобныхъ историческихъ статей. Въ сборникѣ, изданномъ въ нынѣшнемъ году, помѣщено тринадцать статей, изъ которыхъ можемъ указать на «Генриха IV», «Королеву Маргариту», «Сюлли», «Записки кардинала Ришльё», «Бальзака», «Ламуаньйона-Малерба».

Исторія Франціи, Мишлѐ (Histoire de la France, *par* Michelet)—трудъ обширный, начатый уже давно, потихоньку подвигается къ концу. Въ нынѣшнемъ году, вышелъ шестой томъ, содержащій въ себѣ исторію Людовика XI и Карла-Смѣлаго. Мишлѐ въ послѣднее время оцѣненъ по достоинству. Во Франціи, многочисленные почитатели его прекраснаго таланта, не могущіе найдти себѣ мѣста въ слишкомъ тѣсномъ амфитеатрѣ Коллегіи-Французской, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ждутъ изданія его лекцій. Съ каждымъ новымъ томомъ «Исторіи Франціи», успѣхъ, сначала слабый, упрочивается и увеличивается. И французскіе и иностранные критики ставятъ теперь Мишлѐ въ первомъ ряду современныхъ историковъ.

Этотъ успѣхъ зависитъ отъ многихъ причинъ. Мишлѐ соединяетъ въ себѣ многочисленныя качества, которыя, еслибъ раздѣлить ихъ по-одиначкѣ,

Digitized by Google

могли бы дать ходъ историку. Ученый и поэтъ, онъ обладаетъ терпѣливой эрудиціей Бенедиктинца и живымъ, смѣлымъ воображеніемъ художника. Сверхъ-того, онъ философъ, другими словами, онъ не довольствуется изображеніемъ прошедшаго, какъ оно было, а старается уразумѣть его, открыть настоящій смыслъ его. Наконецъ,—и это заслуга немаловажная—онъ не принадлежитъ къ тому разряду писателей, которые работаютъ исторіи дюжинами, на-заказъ, въ томъ духѣ, въ какомъ велятъ.—Мишлѐ имѣетъ и недостатки этихъ качествъ; иногда, онъ черезъ-чуръ ученъ, черезъ-чуръ поэтъ, черезъ-чуръ философъ. Здѣсь, придаетъ онъ слишкомъ-большую важность мелочамъ, которыя, безъ грѣха, могъ бы оставить въ покоѣ; тамъ, смѣлый умъ его заносится за предѣлы вкуса и разсудка; далѣе, желаніе все объяснить увлекаетъ его въ непонятныя мечты. Впрочемъ, какъ ни странны бываютъ его мысли, въ какую странную форму ни облекаются онѣ, онъ никогда не перестаетъ держать читателя подъ очарованіемъ своего таланта.

Шестой томъ «Исторіи Франціи» должно поставить выше предъидущихъ томовъ. Дошедъ до эпохи болѣе-извѣстной, Мишлѐ не можетъ уже предаваться несчастной страсти своей къ символамъ; онъ принужденъ вѣрить фактамъ, истинность которыхъ неподвержена сомнѣнію. Самый отважный поэтъ никогда не осмѣлится превратить въ миѳы Людовика XI и Карла-Смѣлаго. Превосходно понялъ и превосходно разсказалъ Мишлѐ страшную борьбу королевской власти съ феодализмомъ, борьбу представителей ихъ, Людовика XI и Карла-Смѣлаго. Ее читаешь съ такимъ же участіемъ, какъ романъ Вальтера Скотта.

Вся «Исторія Франціи» будетъ въ двѣнадцати томахъ. Слѣдовательно, Мишлѐ кончилъ ровно половину труда.

Окончена обширная «Исторія Французовъ разныхъ сословій въ-теченіе пяти послѣднихъ вѣковъ», соч. Монтейля (Histoire des Français des divers états aux cinq derniers siècles, *par* M. Alexis Monteil). Въ нашъ вѣкъ, историки поняли, что исторія народа не должна состоять въ біографіи лицъ отдѣльныхъ и въ сухомъ разсказѣ сценъ, гдѣ они играли роль: они почувствовали, что на націю надо смотрѣть, какъ на живое лицо, т. е. должно слѣдить за нею во всѣхъ разнообразныхъ фазахъ ея жизни общественной и частной.

Монтейль, издавшій два послѣдніе (девятый и десятый) томы «Исторіи Французовъ», дальше всѣхъ теперешнихъ французскихъ историковъ прошелъ по этому новому направленію. Тогда-какъ Тьерри, Барантъ, Гизо, Мишлѐ съ нѣкоторою осторожностью старались выставить на свѣтъ элементъ народный и дать ему мѣсто въ исторіи, Монтейль пошелъ напрямикъ, смѣло разбилъ старую раму историковъ и склеилъ новую, въ которую поочередно входятъ главныя составныя части французской націи. Ему предстоялъ трудъ тяжкій. Вывѣдать у всякаго класса общества, у всякой корпораціи, всѣ ихъ тайны, всѣ ихъ привычки, потребности, соединить эти столь разнообразные матеріалы, облечь ихъ въ форму, которая была бы не слишкомъ-однообразна — дѣло не маловажное! Не смотря на свою обширную ученость, на быстрый и глубокій взглядъ, Монтейль успѣлъ только въ половину. Тамъ-и-самъ встрѣчаются очерки недодѣланные. Вездѣ, однакожь, видна печать знанія и труда, и «Исторія Французовъ», въ глазахъ ученыхъ, философовъ и художниковъ останется богатою мозаичною работою, каждая часть которой можетъ внушить хорошую книгу или рѣзкую картину.

Г. Лемуанъ, бывшій въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наставникомъ теперешняго короля шведскаго, Оскара, издалъ «*Краткую Исторію Швеціи*» (Abrégé de l'Histoire de Suède, *par* M. Lemoine). Лемуанъ, по направленію, совершенно противополо-

Digitized by Google

женъ Монтейлю. Онъ принадлежитъ къ старой исторической школѣ; нравами народа, законами, обычаями, литературою — онъ вовсе не занимается. Для него, исторія состоитъ единственно изъ вступленій на престолъ и кончинъ государей, изъ перемѣнъ династій, войнъ и мирныхъ трактатовъ. Какъ бы то ни было, однакожь, при недостаткѣ во французской литературѣ историческихъ книгъ о Швеціи, сочиненіе Лемуана не безполезно. Его «Исторія», въ двухъ томахъ, начинаясь съ самыхъ отдаленныхъ временъ, оканчивается царствованіемъ покойнаго Карла XIV Іоанна (Бернадота).

Essay historique sur l'Origine des Hongrois, *par* A. de Gerando (Историческій Опытъ о Происхожденіи Венгровъ, *соч.* А. де-Жерандо).

Вопросъ о происхожденіи Венгровъ рѣшаемъ былъ различно. Іорнандъ выводилъ Гунновъ отъ женщинъ, которыхъ Филимеръ, царь готскій, выгналъ изъ своей арміи, за то, что онѣ были въ непозволительныхъ связяхъ съ дьяволами. Это дьявольское происхожденіе простиралось и на Венгровъ, и долго послѣ Іорнанда не могли иначе объяснить слова *magyar*, какъ производя его отъ *magus*. Другіе писатели говорятъ, что Венгры—Финны, третьи доказываютъ, что они—Калмыки, четвертые, что они—Турки; Турки все еще называютъ ихъ «злыми братьями», потому-что они заперли имъ входъ въ Европу. Другіе историки выводятъ ихъ съ Кавказа.

Г. де-Жерандо нѣсколько времени прожилъ въ Венгріи и занялся этимъ вопросомъ. Результатомъ его изслѣдованій былъ «Опытъ». Сначала, г. де-Жерандо задаетъ себѣ вопросъ: Финны ли Венгры? Затѣмъ онъ разсматриваетъ венгерскія преданія, сказанія историковъ венгерскихъ и историковъ иностранныхъ; потомъ дѣлаетъ параллель между Гуннами, Аварами и Венграми. Наконецъ, онъ показываетъ путь Венгровъ въ теперешнюю ихъ страну и заключаетъ свое разсужденіе слѣдующимъ выводомъ: «Мы убѣждены, что «гуннскій народъ принадлежитъ къ «многочисленной группѣ кочевыхъ на«родовъ, которыхъ восточные историки «безразлично называютъ Турками, и «которые долгое время скитались въ «Средней-Азіи, а потомъ, отодвинутые «монгольскимъ племенемъ, бросились «частію на Европу, частію на Запад«ную-Азію; изъ нихъ самые сильные «теперь — Афганцы, Персы, Черке«сы и Оттоманы». Итакъ, Гунны-Турки, а Венгры—Гунны.

Изъ числа историческихъ учебниковъ, вышедшихъ въ послѣднее время, можно особенно указать на Précis d'Histoire d'Angleterre, d'Écosse et d'Irlande, *ou* Histoire du royaume uni de la Grande-Bretagne, *depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par* P. Roland (Краткая Исторія Англіи, Шотландіи и Ирландіи, или Исторія Соединеннаго Королевства Великобританскаго, *отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней, соч.* П. Ролана). Роланъ уже написалъ для учащагося французскаго юношества «Краткую Исторію Франціи». «Краткая Исторія Англіи» принята университетомъ, и это свидѣтельствуетъ о достоинствѣ ея, какъ учебника.

L'Algérie ancienne et moderne, *depuis les premiers établissements des Carthaginois jusqu'à la prise de la smalah d'Abd-el-Kader, par* M. Léon Galibert (Алжирія Древняя и Новая, *отъ первыхъ поселеній Карѳагенянъ до взятія смалы Абд-эль-Кадера, соч.* Леона Галибера). Самая полная исторія Алжирія изъ всѣхъ, вышедшихъ со времени завоеванія этой страны Французами. Не приступая еще къ разсказу историческихъ событій, которыхъ театромъ была Африка, г. Галиберъ бѣгло очерчиваетъ физіономію этой страны, взбирается на ея горы, пробѣгаетъ ея

Digitized by Google

равнины и долины, показываетъ разные поясы богатой африканской растительности, описываетъ фауну, наконецъ разныя климатологическія явленія—вѣтры, зной, дождь. Затѣмъ приступаетъ къ самой исторіи.

Какъ распространили Карѳагеняне свое владычество въ Западной-Африкѣ? Какою системою колонизаціи заставили они ливійскія племена споспѣшествовать своей торговлѣ, своимъ завоеваніямъ? Какъ, въ свою очередь, Римляне овладѣли этими элементами для разрушенія Карѳагена? Какъ эти народы приняли цивилизацію Рима? Какимъ образомъ, послѣ четырех-вѣковаго подданства, они почти безъ сопротивленія перешли подъ иго Вандаловъ, потомъ Грековъ и наконецъ Аравитянъ, передавшихъ имъ свой языкъ, свои вѣрованія?

«Вотъ вопросы» говоритъ Галиберъ, «которые рѣшился я изучить и объ«яснить; дѣло трудное, но оно можетъ «представить много поучительнаго, «особенно много интересныхъ сближе«ній. Тамъ, гдѣ подвизаются теперь «французскіе воины, давали знамени«тыя битвы Сципіонъ и Аннибалъ; «тамъ Цезарь сорвалъ послѣдній ли«стокъ, недостававшій его побѣдному «вѣнку; тамъ рѣшали свои споры пар«тіи, боровшіяся о владычествѣ надъ «міромъ; тамъ умеръ Катонъ; тамъ «Помпей, Марій и Силла упрочили «свою славу. Массинисса, царь Кон«стантины, вѣрный союзникъ Рима, «равно какъ потомки его, Миципса, «Юба, суть типы этихъ арабскихъ во«ждей, которые, бывъ поражены те«перь превосходствомъ нашей циви«лизаціи, искренно привязались къ «намъ. Абд-эль-Кадеръ—это Югурта, «это Такфаринасъ, это Фирмъ, ибо въ «Африкѣ люди все тѣ же, измѣняются «только имена. Абд-эль-Кадеръ—преем«никъ тѣхъ безпокойныхъ и честолю«бивыхъ умовъ, которые, въ разныя «времена, мечтали о державѣ независи«мой, не принимая въ соображеніе, что «этой утопіи будутъ вѣчно противить«ся раздробленіе африканскихъ поко«лѣній, ихъ эгоистическіе нравы, ихъ «завистливый характеръ».

Настоящія лѣтописи Алжиріи начинаются съ шестнадцатаго вѣка; тогда только Алжиръ, подъ вліяніемъ братьевъ Барбаруссовъ, сдѣлался главою военной республики и началъ бороться съ христіанствомъ, какъ Родосъ боролся уже съ исламизмомъ. Быстро завоевываются сосѣднія владѣнія. Мостаганемъ, Медеа, Тлемсенъ, Константина признаютъ верховную власть алжирскаго дэя. Самыя могущественныя державы европейскія ищутъ союза его, или трепещутъ его корсаровъ. Султанъ Селимъ принимаетъ его подъ свое покровительство; Францискъ I платитъ ему за помощь 800,000 золотыхъ экю.

Турки, въ-теченіе болѣе трехъ вѣковъ, считали себя властителями Алжиріи, и европейскія державы тщетно пытались оспорить у нихъ власть надъ этой страной; туземцы, однакожь, всегда протестовали противъ верховной власти, которую присвоивали себѣ Турки. Трехъ вѣковъ недостаточно было для узаконенія и упроченія ихъ власти. Они принуждены были оружіемъ поддерживать свое мнимое господство. Разсказъ о завоеваніи Алжиріи Французами и событіяхъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, занимаетъ двѣ трети «Алжиріи». Г. Галиберъ довелъ его до 22-го іюня 1843 года, то-есть, до взятія смалы Абд-эль-Кадера. Въ послѣдней главѣ сообщается множество любопытныхъ свѣдѣній о французской администраціи, арміи, финансахъ, судопроизводствѣ, общественныхъ работахъ, движеніи торговомъ, успѣхахъ колонизаціи, и проч. Книга украшена гравюрами на стали и деревѣ. Она должна имѣть большой успѣхъ.

Les Slaves de Turquie, *Serbes, Montenegrins, Bosniaques, Albanais et Bulgares, par* M. Cyrgien Robert (Турецкіе Славяне, *Сербы, Черногорцы, Босняки, Албанцы и Булгары, соч.* Сипріана Робера).

Digitized by Google

Плодъ многолѣтняго пребыванія среди Славянъ восточныхъ, это сочиненіе имѣетъ цѣлью дать вѣрное понятіе о восьми милліонахъ горцевъ, покрывающихъ Балканы отъ Адріатическаго до Чернаго-Моря. Г. Сипріанъ Роберъ старается сначала познакомить читателей съ настоящимъ состояніемъ и частными и политическими нравами народовъ, составляющихъ великую семью греко-славянскую. Послѣ общаго взгляда на этотъ еще мало-извѣстный міръ, онъ описываетъ главныя части его, изображаетъ ихъ средства, ихъ стремленія, ихъ отношенія къ Турціи, произведенія ихъ почвы, искусства, промышленость, торговлю. За живописными видами странъ, слѣдуютъ интересныя подробности о суевѣріяхъ, обычаяхъ и народныхъ праздникахъ обитателей.

Мы не станемъ говорить о политическихъ предположеніяхъ г. Сипріана Робера. Замѣтимъ только, что при томъ движеніи, какое время-отъ-времени обнаруживается то въ той, то въ другой части Европейской-Турціи, книга его вышла весьма-кстати. Она поставляетъ читателя въ возможность судить болѣе или менѣе правильно объ этомъ движеніи.

Voyage dans l'Inde et dans le Golfe Persique, *par l'Egypte et la mer Rouge, par* V. Fontanier, *vice-consul de France à Bassora* (Путешествіе въ Индію и Персидскій-Заливъ, *чрезъ Египетъ и Красное-Море, соч.* Фонтанье, *французскаго вице-консула въ Бассорѣ).*

Въ 1834 году, г. Фонтанье получилъ повелѣніе отправиться въ Персидскій-Заливъ и собрать необходимыя для французскаго правительства свѣдѣнія о южныхъ областяхъ Персіи и Турціи. Въ то время обращали на себя сильное вниманіе попытки Англичанъ открыть чрезъ Красное-Море или чрезъ Сирію путь сообщенія съ Индіею. Они отправили уже съ этою цѣлію изъ Бомбея въ Суэцъ пароходъ, и полковнику Чесни поручено было узнать, можно ли открыть пароходство по Евфрату. Старый шахъ персидскій умеръ; на престолъ вступилъ внукъ его; носился темный слухъ объ экспедиціи противъ британскихъ владѣній въ Индіи. Наконецъ, несовершенно извѣстно было состояніе торговли въ Персидскомъ-Заливѣ и какое положеніе заняли тамъ Англичане. Собрать на мѣстѣ всѣ данныя, которыя могли бы объяснить правительству эти вопросы, таково было порученіе Фонтанье.

Сочиненіе Фонтанье, поэтому, не есть простое описаніе путешествія въ странахъ еще мало-извѣстныхъ, какъ можно бы судить по заглавію, но гораздо-важнѣе; хотя оно и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя подробности о географіи Персидскаго-Залива и о нравахъ жителей, однакожь преимущественно занимается политикой и торговлей.

Г. Фонтанье, кажется, былъ недоволенъ званіемъ вице-консула, даннымъ ему правительствомъ. Это неудовольствіе имѣло вліяніе и на его книгу. Онъ на все смотритъ съ темной стороны. Заѣхавъ по дорогѣ въ Каиръ, онъ изливаетъ свою досаду на пашу египетскаго и уничтожаетъ въ прахъ всѣ похвалы преобразователю Египта, какія съ давняго времени распространены въ Европѣ. Онъ доказываетъ, что самый варварскій деспотизмъ господствуетъ въ Египтѣ и истощаетъ физическія и нравственныя силы его. Не совсѣмъ-благопріятно смотритъ онъ и на Англичанъ.

Сочиненія его вышла только первая часть. Когда оно все будетъ кончено, можно будетъ поговорить о немъ подробнѣе, потому-что нельзя не сказать, что въ немъ очень-много замѣчаній весьма-дѣльныхъ и интересныхъ.

L'Inde Anglaise en 1843; *par le comte* Edouard de Warren, *ancien officier au service de S. M. B. dans l'Inde.* (Англійская Индія въ 1843 году, *соч. графа* Эдуарда Варрена, *бывшаго офицеромъ королевско-британскихъ войскъ въ Индіи).* «Принимаясь за это сочи-

Digitized by Google

вецiе» говоритъ графъ Эдуардъ Варренъ: «я предположилъ себѣ двѣ цѣли, отъ чего сочиненiе мое и раздѣлилось на двѣ совершенно-отличныя одна отъ другой части, хотя и служащiя подтвержденiемъ и дополненiемъ одна другой. Въ первой, совѣстливо-собранными матерiалами старался я пополнить пропускъ въ удивительномъ твореніи Жакмона, — пропускъ, причиной котораго была смерть знаменитаго путешественника. Въ путевомъ журналѣ его и письмахъ описаны только президентства бенгальское и бомбейское; о мадрасскомъ онъ не говоритъ ничего. А Мадрасъ ничѣмъ не уступаетъ другимъ провинцiямъ. И такъ, я попытался сначала пополнить этотъ пропускъ; потомъ, увлеченный серьёзнымъ и положительнымъ направленiемъ моего духа, покинулъ часть описательную и занялся вопросами политическими.»

«Англiйская Индiя», дѣйствительно, представляетъ двѣ совершенно-отличныя части. Первая гораздо-длиннѣе второй и есть простой разсказъ, рядъ воспоминанiй; «это страницы изъ дневника, писанныя безъ претензiй, часто на скорую руку, на краю дороги, на помостѣ старой мечети, на пьедесталѣ идола въ пагодѣ, на походной постели вечеромъ, послѣ длиннаго перехода или послѣ сраженiя.» Тутъ видятъ читатели всю жизнь Варрена отъ 1830 до 1843 года. Въ то время, какъ вспыхнула iюльская революцiя, графъ Варренъ, сынъ французскаго эмигранта, служившаго въ британско-индiйскихъ войскахъ, пріѣхавъ во Францiю, хотѣлъ поступить въ Политехническую Школу, не выдержалъ экзамена, и рѣшился воротиться въ Индiю, гдѣ жили его родные, гдѣ его честолюбiю открывалось поприще обширное. Онъ задалъ себѣ задачу посѣтить наименѣе-извѣстныя мѣста англiйской Индiи и собрать всѣ необходимыя данныя, чтобъ составить полную картину современнаго состоянiя владычества Англичанъ въ Индiи. Мы не можемъ слѣдить за нимъ въ путешествiяхъ его и замѣтимъ только, что онъ описываетъ Мадрасъ, Пондишери, Гайдерабадъ, Эллору, Беллари, Голконду и пр., описываетъ составъ и жизнь въ Индiи британскихъ войскъ и экспедицiю противъ княжества Кургъ, въ которой онъ участвовалъ.

Вторая часть, какъ мы замѣтили, посвящена обзору современнаго состоянiя англо-индiйской державы. Сначала, онъ разсматриваетъ настоящее устройство ея и входитъ въ длинныя и любопытныя подробности о правительствѣ мѣстномъ, объ организацiи административной, финансовой и судебной, о полицiи, доходахъ. Особенно-интересны тѣ главы, гдѣ разсматривается вліяніе ост-индскаго правительства на непрямыхъ его подданныхъ или на владѣнiя союзныя, вассальныя и даннические.

Теперь считается двѣсти-двадцать королевствъ и княжествъ, зависящихъ или платящихъ дань Компанiи, не считая безчисленнаго множества мелкихъ князьковъ, связанныхъ трактатами съ верховнымъ правительствомъ англiйской Индiи. Они составляютъ союзъ, котораго глава — это правительство, и условiя котораго суть слѣдующiя: покровительство и защита съ одной, покорность съ другой стороны; рѣшеніе верховнаго правительства считается окончательнымъ во всѣхъ спорахъ, возникающихъ между вассалами. Владѣнiя позначительнѣе содержатъ на свой счетъ вспомогательныя войска, состоящiя подъ командою европейскихъ офицеровъ. Мелкiя княжества обязаны просто платить дань, или, если они такъ бѣдны, что не въ состоянiи платить ежегодной подати за оказываемое покровительство, то обязаны по-крайней-мѣрѣ, въ случаѣ войны, по первому приказу идти въ походъ поголовно.

Владѣтели, состоящiе теперь подъ покровительствомъ или въ зависимости отъ Компанiи, могутъ быть раздѣлены на четыре большiе класса:

1) Владѣтели независимые во внутреннемъ управленiи своихъ госу-

Digitized by Google

дарствъ, но не въ смыслѣ политическомъ.

2) Владѣтели, земли которыхъ управляются туземнымъ министромъ, избраннымъ отъ англійскаго правительства, и состоятъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ представителя или агента этого правительства, который живетъ при дворѣ государя, пользующагося однимъ только титуломъ.

3) Владѣтели, земли которыхъ управляются отъ ихъ имени самимъ англійскимъ резидентомъ и избранными имъ агентами.

4) Владѣтели, лишенные владѣній и живущіе на пенсіи, но сохраняющіе еще преимущества касты и сана, окруженные уваженіемъ, предписываемымъ обычаями страны, лично неприкосновенные и, за исключеніемъ дѣлъ политическихъ, неподлежащіе англійскому суду. Верховное правительство предоставляетъ себѣ, однакожь, право лишать ихъ свободы и пріостанавливать выдачу пенсіи, какъ скоро государственныя причины, основанныя на открытыхъ интригахъ или на очевидномъ недоброжелательствѣ къ Компаніи, потребуютъ принятія этихъ строгихъ мѣръ.

Въ разныхъ опредѣленіяхъ этихъ четырехъ классовъ видна нисходящая прогрессія, какой слѣдуетъ каждый туземный владѣтель, принимающій покровительство Англіи. За пожертвованіемъ независимости политической рано или поздно слѣдуетъ утрата независимости административной и личной. Ничего не пренебрегая для приготовленія этихъ переходовъ, верховное правительство дѣйствуетъ всегда съ обыкновенною своею медлительностью и осторожностью. Поочереди осматриваетъ Варренъ эти классы, и передъ нимъ, какъ выражается онъ, развивается картина, соперничающая съ самыми грандіозными и возвышенными картинами исторіи Рима. Никогда царь древняго міра не приковывалъ къ своей тріумфальной колесницѣ столько народовъ и государей.

За этой любопытной картиной слѣдуетъ глава, названная общей статистикой Индіи. По исчисленіямъ Варрена, общій итогъ жителей, обитающихъ между естественными рубежами Индостана, т. е. Индомъ, Гималайскими-Горами, Океаномъ и Горами-Арраканскими, приблизительно можно полагать въ сто-пятьдесятъ-восемь милліоновъ.

Послѣ всѣхъ предварительныхъ изысканій, графъ Варренъ предлагаетъ себѣ вопросъ: каково положеніе Индіи въ-отношеніи матеріальнаго благоденствія; должна ли она жалѣть о разныхъ правительствахъ, предшествовавшихъ владычеству Англичанъ; имѣетъ ли она надежду на какое-нибудь улучшеніе въ будущемъ? Онъ опровергаетъ довольно-распространенное мнѣніе, будто народы, обитающіе въ Индостанѣ, наслаждаются такимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ, какихъ не имѣли они въ-теченіе десяти вѣковъ. «Англія» говоритъ онъ «нашла средства истощить всѣ сокровища Индіи, не употребивъ ни малѣйшей частицы ихъ на пользу и матеріальное благоденствіе покоренныхъ ею народовъ; какъ баснословный вампиръ, скоро она поглотитъ все, и въ Индіи будутъ только рабы, пользующіеся номинальною свободою, и обязанные трудиться для выгоды своихъ господъ».

И такъ, Индія, по мнѣнію Варрена, не имѣетъ никакой надежды на улучшеніе въ будущемъ; положеніе ея необходимо должно становиться все хуже и хуже. Какъ сказалъ Мангеоммери-Мартенъ, его можно сравнить съ положеніемъ человѣка, который лишенъ пищи и которому ежедневно пускаютъ кровь. Чего онъ долженъ ожидать? Истощенія, судорогъ, смерти! «Намъ скажутъ», говоритъ Варренъ, «что, можетъ-быть, Англія со-временемъ будетъ справедливѣе и лучше будетъ понимать настоящія свои выгоды? Нѣтъ, промышленость ея получила такое страшное развитіе, котораго она уже не въ силахъ остановить, и эгоизмъ заставитъ ее стараться о томъ, чтобъ

Digitized by Google

задушать соперничествующія промышлености. Она для Индіи — коршунъ Прометея, съ тѣмъ различіемъ, что аппетитъ этого коршуна будетъ безпрерывно возрастать, а пожираемыя имъ внутренности индійскаго Прометея не будутъ возраждаться.»

Но не содѣйствовала ли по-крайней-мѣрѣ Англія нравственному улучшенію народовъ Индіи, успѣхамъ просвѣщенія, христіанства? Распространила ли на Индостанъ какія-нибудь выгоды новѣйшей цивилизаціи? Сдѣлала ли она первый шагъ на этой дорогѣ? И на эти вопросы Варренъ отвѣчаетъ отрицательно. «Цивилизація въ Индіи не сдѣлала ни шага со временъ Александра-Македонскаго до нашихъ дней. Сабля мусульманъ и кроткій свѣтъ христіанскаго ученія не могли ни сокрушить, ни проникнуть въ твердое зданіе индусскихъ учрежденій: религіозныя вѣрованія, нравы, обычаи, все въ Индіи осталось неизмѣннымъ, какъ храмы эллорскіе, высѣченные въ гранитныхъ горахъ.»

Кинувъ потомъ бѣглый взглядъ на настоящее положеніе религій въ Индіи, графъ Варренъ предлагаетъ себѣ четвертый вопросъ: на какихъ основаніяхъ утверждена англійская держава? должно ли ей страшиться внутреннихъ революцій? можетъ ли она устоять противъ нашествія иноземнаго?»—Основаніе власти Англичанъ, отвѣчаетъ онъ «заключается не въ любви народовъ, а въ страхѣ. Англіи, очевидно, нѣчего бояться ея индійскихъ подданныхъ, пока они будутъ дѣйствовать одни; но положеніе дѣлъ измѣнится, какъ-скоро съ нею завяжетъ борьбу которая-нибудь изъ первенствующихъ державъ европейскихъ. По мнѣнію Варрена, часъ ея владычества пробьетъ въ тотъ день, когда армія, равная той, какую она можетъ выставить на пунктѣ столкновенія, явится на берегахъ Инда для борьбы съ нею.»

Политика не наше дѣло. Лѣтопись иностранныхъ литературъ, не вдаваясь въ сужденія, изображаетъ только содержаніе и духъ книгъ. Притомъ, вопросъ о прочности англо-индійской державы такъ затруднителенъ и факты современнаго состоянія его допускаютъ столько противоположныхъ ипотезъ, что объ немъ самый дальновидный умъ не можетъ сказать ничего положительнаго. Время— единственный непогрѣшимый рѣшитель подобныхъ вопросовъ. Какъ бы то ни было, нельзя не отдать справедливости книгѣ Варрена: она полна фактовъ новыхъ и любопытныхъ, наблюденій глубокихъ. Французская литература не богата книгами, поясняющими современное состояніе англо-индійской державы — одного изъ величайшихъ явленій нашего времени, и сочиненіе Варрена значительно умножаетъ капиталъ свѣдѣній объ Индіи, какими обладаетъ Европа.

Angleterre, *par* M. Alfred Michiels (Англія, *соч.* Альфреда Мишьеля).—Не надо судить объ этой книгѣ по заглавію. Прочитавъ въ заглавіи: «Англія», кто не вообразитъ себѣ, что г. Мишьель издалъ политико-экономическій трактатъ о любопытнѣйшей части Соединеннаго-Королевства Великобританскаго? Ничего не бывало. Мишьель —путешественникъ, но путешественникъ такой, который въ дневникѣ своемъ не занимается ни самъ собою, ни настоящимъ, а исключительно прошедшимъ. Его интересуетъ только прошлое. Увидитъ ли онъ какой памятникъ, тотчасъ пишетъ онъ исторію его. Разумѣется, при этомъ онъ не можетъ избѣжать того, чтобъ не повторять иногда стараго, всѣмъ извѣстнаго. Воспоминанія его преимущественно обращены на литературу. Самуилу Джонсону онъ даже посвятилъ цѣлую главу, въ которой изобразилъ всю его жизнь. Въ этой біографіи, особенно-замѣчательна одна черта жизни знаменитаго критика. Джонсонъ далъ лорду Честерфильду благородный урокъ, которымъ должна гордиться вся великая семья писателей. Въ началѣ своего литературнаго поприща, Джонсонъ принужденъ

Digitized by Google

былъ искать покровительства благороднаго лорда, но Честерфильдъ принялъ бѣднаго и трудолюбиваго автора, желавшаго посвятить ему словарь свой, съ высокомѣріемъ знатнаго господина, и Джонсонъ сохранилъ навсегда воспоминаніе объ этомъ пріемѣ. Семь лѣтъ спустя, роли перемѣнились. Слава Джонсона взошла, какъ яркое свѣтило; она привлекала взоры всей Англіи. Лордъ Честерфильдъ, привыкшій поклоняться каждому восходящему солнцу, сталъ самъ ухаживать за Джонсономъ; онъ добивался чести, которая ему нѣкогда была предложена, и написалъ даже въ одномъ журналѣ нѣсколько статей, въ которыхъ чрезвычайно расхваливалъ словарь Джонсона. Вотъ какъ отвѣчалъ ему на это Джонсонъ:

«Милордъ! Недавно узналъ я отъ издателя журнала «Міръ», что двѣ статьи, въ которыхъ рекомендуется публикѣ мой словарь, принадлежатъ вамъ. Я такъ мало привыкъ къ милостямъ знатныхъ людей, что подобное отличіе есть честь, которую я не знаю, право, какъ принять, и за которую не знаю, какимъ образомъ изъявить признательность.

«Когда слабое поощреніе заставило меня посѣтить вашу честь, я, какъ и всѣ, обольщенъ былъ прелестію вашихъ рѣчей. Я надѣялся найдти въ васъ то участіе, котораго такъ усердно добивались всѣ; но вы приняли меня такъ холодно, что ни гордость, ни скромность не позволили мнѣ продолжать искать вашего покровительства.

«Вниманіе, которое вы теперь такъ милостиво оказываете трудамъ моимъ, если бы оно не такъ запоздало, тронуло бы меня, какъ доказательство симпатіи, но—*вы слишкомъ-долго ждали.*»

Такъ отвѣчалъ Джонсонъ, и это письмо, котораго мы приводимъ только часть, исполнено независимости и достоинства. Немного писателей, которые скажутъ знатному человѣку такъ же смѣло, какъ Джонсонъ, то, что они чувствуютъ.

Г. Альфредъ Мишьель, во всѣхъ сочиненіяхъ котораго видно высокое понятіе о достоинствѣ литератора, отдаетъ должную справедливость характеру Джонсона. Вообще, прекрасно написана біографія автора «Расселаса». Это небольшое образцовое произведеніе «Rasselas» напоминаетъ горестное событіе въ жизни Джонсона. Живя въ крайней бѣдности, онъ въ недѣлю написалъ исторію молодаго абиссинскаго принца, чтобъ уплатить издержки на погребеніе матери. Джонсонъ зналъ несчастнаго поэта Саведжа; онъ раздѣлялъ его бѣдную, скитальческую жизнь; онъ отмстилъ графинѣ Мэкльсфильдъ за забвеніе сына и первый напечаталъ на челѣ злой матери страшный знакъ отверженія.

Любопытны изслѣдованія Мишьеля объ англійской литературѣ; прекрасная баллада, названная «Политика Дамъ», переведенная имъ въ стихахъ, нѣсколько стихотвореній Іакова I шотландскаго и трогательная исторія этого монарха придаютъ большую цѣну его сочиненію. Замѣтимъ здѣсь, что г. Мишьель не новичокъ на поприщѣ литературномъ; ему принадлежитъ превосходная книга о Германіи и «Исторія Литературныхъ Идей во Франціи».

Заключимъ этотъ рядъ важнѣйшихъ книгъ историческихъ и сочиненій путешественниковъ извѣстіемъ о предпріятіи замѣчательномъ: г. Фредерикъ Лакруа задумалъ ежегодно представлять публикѣ отчетъ о путешествіяхъ и географическихъ трудахъ, совершенныхъ въ-теченіе года. Первый томъ этого полезнаго и любопытнаго изданія вышелъ. Вотъ его заглавіе: ANNUAIRE DES VOYAGES ET DE LA GÉOGRAPHIE POUR L'ANNÉE 1844, *par une réunion de géographes et de voyageurs, sous la direction de* M. Fréderic Lacroix. *Première année.* Книга начинается введеніемъ, въ которомъ г. Лакруа представляетъ обзоръ всѣхъ географическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ или окон-

Digitized by Google

ченныхъ въ 1843 году и тѣхъ, которыя еще производятся. За тѣмъ идутъ разныя статьи, составленныя нарочно для «Annuaire» покойнымъ Дюмонд'Юрвилемъ, г. и г-жею Омер-дю-Гелль, виконтомъ Сантаремомъ, гг. Альсидомъ д'Орбиньи, Мармьѣ, Венсандон-Дюмуленомъ, В. Щёльхеромъ, Дегразомъ, Фердинандомъ Дени, Себастіаномъ Альбеномъ, маіоромъ Пуссеномъ и др. За разборомъ важнѣйшихъ географическихъ книгъ и путешествій, изданныхъ въ 1843 году, слѣдуютъ географическія извѣстія, сообщенныя Академіи Наукъ, таблицы измѣренныхъ высотъ и списокъ важнѣйшихъ картъ.

Въ статьѣ о Соединенныхъ-Штатахъ мы находимъ забавный анекдотъ. Бугенвиль, тотъ самый, который сдѣлался въ-послѣдствіи знаменитымъ мореплавателемъ, посланъ былъ французскимъ губернаторомъ Канады ко двору Людовика XV съ просьбою прислать на помощь провинціи, боровшейся съ Англичанами, денегъ и людей. Министръ Людовика, озабоченный войной, происходившею въ самой Европѣ, спросилъ его:—Какъ? если домъ въ огнѣ, неуже-ли вы станете думать о конюшнѣ?

— Parbleu, отвѣчалъ остроумный офицеръ: — on ne dira pas, que votre excellence parle comme un cheval.

Изъ числа книгъ чисто-философскаго содержанія, можемъ указать на Hegel et la Philosophie Allemande, *ou exposé et examen critique des principaux systèmes de la philosophie allemande depuis Kant, et spécialement de celui de Hegel, par* A. Ott, *docteur en droit* (Гегель и Германская Философія, *или изложеніе и критическій разборъ главныхъ системъ германской философіи со времень Канта, особенно системы Гегеля, соч. доктора правъ* Отта).

«Наконецъ, философія Гегеля проникаетъ и во Францію! «Наше намѣреніе» говоритъ г. Оттъ: состоитъ не въ томъ, чтобъ распространить во Франціи германскую философію, а въ томъ только, чтобъ познакомить съ нею читателей. Мы ни мало не хотимъ унижать ученыхъ трудовъ Германіи, ни отвергать силы ея мыслителей, — но иное дѣло удивляться смѣлости системы, умственному усилію, произведшему ее, строгому сцѣпленію идей,—иное дѣло принять ея исходный пунктъ, ея методу, ея результаты. Философія германская не есть изолированный фактъ въ новѣйшей исторіи; она есть выраженіе самого духа германскаго народа, его религіозныхъ вѣрованій, его нравственныхъ направленій. Чужды эти направленія Франціи. Франція — нація католическая; у ней преобладаютъ чувство единства, идеи соціальныя. Во французскихъ вѣрованіяхъ, недѣлимое подчинено обществу; *я* — есть только одинъ пунктъ окружности; разумъ каждаго долженъ покоряться разуму всѣхъ. Германія, напротивъ, есть страна протестантизма, духа раздѣльности; въ ней *я* становится центромъ, разумъ индивидуальный не признаетъ никакой высшей власти, индивидуальная точка взгляда господствуетъ надъ точкою взгляда соціальнаго. Этимъ двумъ направленіямъ соотвѣтствуютъ объ философіи,—философіи противоположныя, противорѣчащія, которыхъ никогда не успѣютъ примирить. Будущность рѣшитъ, какое направленіе возьметъ верхъ, французское или германское. То или другое, но ужь никакъ не оба вмѣстѣ. Что касается до насъ, думая, что наше отечество стоитъ на хорошей дорогѣ, мы желаемъ ему оставаться на ней, оставаться вѣрнымъ своему преданію, потому-что уклоненіе отъ этой дороги было бы отреченіемъ отъ основнаго начала національности.»

Такимъ образомъ, г. Оттъ показываетъ самъ цѣль и духъ своего сочиненія; скажемъ теперь, какой слѣдовалъ онъ методѣ, чтобъ познакомить читателей съ германской философіей. По словамъ его, ему ненадобно было писать исторіи этой философіи и съ одинакимъ тщаніемъ анализировать всѣ системы, явившіяся со времени Канта

Digitized by Google

Большая часть этихъ системъ, представляетъ только интересъ чисто-историческій. Вождей германской философіи, которые довели ее до того пункта, гдѣ она теперь находится, — немного; это Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель. «Оставивъ въ сторонѣ» говоритъ г. Оттъ: «личное достоинство этихъ людей, ученія ихъ въ настоящее время не имѣютъ равной важности. Отъ Канта и Фихте остались только общія начала, данныя, послужившія ихъ преемникамъ. Шеллингъ вполнѣ измѣнилъ свою систему. Гегель только одинъ стоитъ теперь; только его школа обнаруживаетъ еще жизнь и дѣятельность, и только его идеи производятъ прямое вліяніе на настоящее движеніе философіи. Потому, система Гегеля составляетъ главный предметъ нашего труда.»

Сочиненіе г. Отта раздѣляется на три части, къ которымъ присоединены введеніе и заключеніе. Въ введеніи, г. Оттъ излагаетъ сначала существенную часть ученій Канта, Фихте и Шеллинга,—то, что осталось отъ нихъ въ германской философіи; за тѣмъ, онъ дѣлаетъ общій взглядъ на начала Гегеля, стараясь дать читателямъ общее понятіе о системѣ его, и приготовить къ подробному разбору его сочиненій. Этотъ разборъ составляетъ три части книги, которыя называются «Логика, Философія-Природы и Философія-Духа». Такимъ образомъ, г. Оттъ слѣдуетъ раздѣленію, принятому Гегелемъ въ его «Энциклопедіи». Заключеніе носитъ заглавіе: «Настоящее Состояніе Философіи въ Германіи». Сказавъ, что система Гегеля заключила собою рядъ философическихъ ученій, порожденныхъ германскимъ протестантизмомъ, г. Оттъ задаетъ себѣ вопросъ: какой плодъ этого столь превознесеннаго ученія, къ какому результату ведетъ это развитіе, нашедшее себѣ такъ много почитателей? По мнѣнію его, «результатъ состоитъ во всеобщей путаницѣ. Всѣ теоріи, всѣ ученія, всѣ системы, со временъ Канта появлявшіяся въ Германіи, смѣшались въ словопреніи. Идеи потеряли свою цѣнность, слова потеряли свой смыслъ; говорятъ, спорятъ, не понимаютъ другъ друга, и тщетно каждый силится перекричать другихъ и заставить ихъ молчать. Вездѣ разсужденія и споры; безчисленныя брошюры безпрестанно питаютъ эту страсть къ преніямъ, овладѣвшую всѣми. Изъ этого столкновенія противорѣчащихъ мнѣній выходитъ то, что не можетъ основаться никакое общее убѣжденіе, и что въ удѣлъ публикѣ остаются сомнѣніе и неизвѣстность. Вотъ въ какое положеніе» говоритъ г. Оттъ въ концѣ книги: «протестантская философія поставила ученую Германію. Достаточно только узнать его и оцѣнить причины, чтобъ отвергнуть идеи, произведшія его, идеи, внесеніе которыхъ во Францію принесло бы ей такъ жемало пользы, какъ и чести».

Таково сочиненіе г. Отта. Здѣсь не мѣсто входить въ споръ съ его убѣжденіями. Гегеля не понимаютъ Французы, и не понимаютъ потому, что не изучаютъ. Да это и не ихъ дѣло! Довольно, если они хоть станутъ знакомиться съ нимъ теперь посредствомъ переводовъ.

Другихъ замѣчательныхъ философскихъ сочиненій между новыми французскими книгами мы не знаемъ. — Исторія публичнаго права обогатилась изданіемъ хотя не новаго, но, по рѣдкости своей, почти-новаго сочиненія. Это —

THÉORIE DES LOIS POLITIQUES DE LA MONARCHIE FRANÇAISE, *par* mademoiselle de Lezardière; *nouvelle édition par le vicomte de Lezardière* (ТЕОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ЗАКОНОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХІИ).

Г-жа де-Лезардьеръ родилась въ 1754 году, въ провинціи Пуату. Съ ранней молодости, начала она изучать исторію отечественную. «Свидѣтельница несчастій Франціи въ эту постыдную эпоху» (конецъ царствованія Лудовика XV), говоритъ виконтъ де-Лезардьеръ, «она приписывала большую часть ихъ общему незнанію отече-

Digitized by Google

«ственныхъ учрежденій и публичнаго «права; она задумала открыть и пока- «зать, каковы были эти учрежденія въ «началѣ монархіи и какъ они измѣня- «лись съ теченіемъ времени. Положи- «тельный умъ барона де-Лезардьера, «отца ея, испугался такого направле- «нія занятій дочери; онъ долго старал- «ся отклонить ее отъ необыкновеннаго «пути, избраннаго ею. Пораженный «наконецъ ея настойчивостію и ха- «рактеромъ ея труда, онъ сообщилъ «первые опыты ея искреннему своему «другу, Малербу. Малербъ показалъ «ихъ другимъ образованнымъ людямъ. «Всѣ стали поощрять молодую ученую «и отдали въ ея распоряженіе истори- «ческіе документы, находившіеся въ «ихъ рукахъ».

«Теорія Политическихъ Законовъ» издана была безъ имени автора, въ 1792 году. Но въ то время нѣкогда было читать и спорить о теоріяхъ. Мысли г-жи де-Лезардьеръ, казавшіяся смѣлыми Малербу, казались отсталыми отъ вѣка и слишкомъ-робкими членамъ Конвента. Книга ея не была распродана. Только-что она была издана, магазинъ книгопродавца былъ разграбленъ въ мятежѣ; уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ; тщательно хранимые въ немногихъ библіотекахъ, они оказали много услугъ историкамъ девятнадцатаго вѣка.

Дворянка и Вандеянка, г-жа де-Лезардьеръ принуждена была, во время республики, покинуть Францію и воротилась на родину въ эпоху консульства. Но во время этого изгнанія, прекрасная библіотека отца ея сгорѣла вмѣстѣ съ замкомъ, въ которомъ онъ жилъ. Рукописи ея погибли; она не нашла матеріаловъ, собранныхъ ею для продолженія труда. Какъ вознаградить такую потерю? Фамилія ея разорилась. «Она должна была», говоритъ виконтъ де-Лезардьеръ, «въ пол- «ной силѣ лѣтъ и ума, покинуть тру- «ды, которымъ отдала всю свою жизнь, «и съ-тѣхъ-поръ она вполнѣ посвяти- «ла себя попеченіямъ о родныхъ и «бѣдныхъ».

Г-жа де-Лезардьеръ умерла въ Вандеѣ въ 1835 году, восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія. Имя ея было такъ мало извѣстно, что г. Барбьѣ, въ своемъ «Dictionnaire des auteurs anonymes», сказалъ, что она умерла въ 1814 году. Никогда не жаловалась она на забвеніе, на которое свѣтъ такъ-несправедливо осудилъ труды ея, — тогда какъ знаменитѣйшіе историки Франціи и Германіи дѣлали большіе займы изъ ея «Теоріи Политическихъ Законовъ». Такъ-какъ книги въ продажѣ не было, то они считали себя въ правѣ не указывать на источникъ. Г. Гизо, *многое* взявшій у г-жи де-Лезардьеръ, говоритъ о ней только въ примѣчаніяхъ. Г. Огюстенъ Тьерри былъ справедливѣе къ ней: «слава Мабли» говоритъ онъ, «наслѣдство этого вѣка, продол- «жала господствовать надъ всѣми дру- «гими; только сочиненіе г-жи де-Ле- «зардьеръ, мало-извѣстное въ публикѣ, «но уважаемое людьми учеными, сто- «яло въ мнѣніи ихъ подлѣ и даже вы- «ше Мабли. Это сочиненіе обратило къ «вѣрованію въ тексты мыслителей, ко- «торыхъ неограниченное царствова- «ніе философіи пріучило вѣрить только «въ идеи.»

Новое изданіе «Теоріи Политическихъ Законовъ» составляетъ четыре тома. Гг. Гизо и Вильменъ своимъ министерскимъ пособіемъ облегчили выходъ этого важнаго труда. Г-жа де-Лезардьеръ раздѣлила свой трудъ на три эпохи: 1) политическіе законы Галловъ до утвержденія монархіи; 2) отъ Кловиса до конца царствованія Карла-Лысаго; 3) отъ Карла-Лысаго до четырнадцатаго вѣка.

Мнѣніе Тьерри, заимствованія историковъ изъ «Теоріи Политическихъ Законовъ», увольняютъ насъ отъ дальнѣйшихъ сужденій о трудѣ г-жи де-Лезардьеръ.

Съ постепеннымъ развитіемъ знанія, должны измѣняться и энциклопедіи. Почти по прошествіи каждаго вѣка, идеи переставляютъ свои границы; сомнительное повѣряется, неизвѣстное познается. Въ безпрерывномъ кипѣніи

Digitized by Google

умовъ, заблужденіе осаждается на дно сосуда; вѣчная и драгоцѣнная жидкость очищается.

Есть два рода энциклопедическихъ словарей. Одни, какъ энциклопедія девятнадцатаго столѣтія, служатъ орудіями пропаганды идей. Таковы въ наше время «Encyclopédie pittoresque», «Encyclopédie nouvelle», «Encyclopédie catholique». Но энциклопедія, — если смотрѣть на нее только какъ на справочную книгу — чтобъ имѣть успѣхъ въ наше время, чтобъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ умственнымъ потребностямъ, должна поставить себя внѣ всякой полемики, внѣ всякой пропаганды. Такова «ENCYCLOPÉDIE DU XIX SIÈCLE». Тутъ участвуетъ большая часть французскихъ писателей, которые составили или хотятъ составить себѣ имя въ литературѣ и наукѣ. Тутъ г. Бришъ, ученый историкъ, Шарль Ленорманъ, археологъ, объясняющій нравы и искусства древности, Жюль Жаненъ, Филаретъ Шаль, Д'Орбиньи, неутомимый путешественникъ, сдѣлавшій двѣнадцать тысячъ километровъ пѣшкомъ и на мулѣ по горамъ и дѣвственнымъ лѣсамъ Америки, Эдвардсъ, преемникъ Кювьѣ, Жоффруа Сент-Илеръ, котораго кончину въ прошломъ мѣсяцѣ оплакивалъ ученый міръ, географъ Авезакъ, профессоръ Ройѣ-Колларъ, Сансонъ, Летронъ, и множество другихъ. Эта энциклопедія, стоящая въ уровнѣ съ современнымъ знаніемъ, должна имѣть огромный успѣхъ.

По части медицинской литературы, богатой, но по спеціальности ея недоступной для всѣхъ читателей, укажемъ только на DICTIONNAIRE ABRÉGÉ DE THÉRAPEUTIQUE, *ou exposé des moyens curatifs employés par les practiciens les plus distingués, par* L. A. Szerlecki. (КРАТКІЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ, *или изложеніе врачебныхъ средствъ, употребляемыхъ отличнѣйшими практикантами, составленный* г. Шерлецкимъ).

Вотъ также произведеніе врача, но относящееся къ исторіи медицины и потому доступное для всѣхъ читателей: ILLUSTRES MEDECINS ET NATURALISTES DES TEMPS MODERNES, *par* M. Isid Bourdon. (ЗНАМЕНИТЫЕ ВРАЧИ И НАТУРАЛИСТЫ НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ, *соч.* Изида Бурдона).—Это собраніе двадцати біографій знаменитыхъ врачей и натуралистовъ, принадлежащихъ къ разнымъ періодамъ исторіи, отъ шестнадцатаго до настоящаго столѣтія. Біографіи эти представляютъ двоякій интересъ, — интересъ, какой имѣютъ превратности и жизни знаменитыхъ людей, и интересъ, возбуждаемый превратностями судьбы истинныхъ и ложныхъ теорій. Любопытно видѣть ученыхъ, силящихся пустить въ ходъ новую теорію, непонимаемую современниками.

Факты серьёзные г. Бурдонъ разнообразитъ анекдотами и остротами.

Самыя важныя статьи въ этомъ сборникѣ — Кювьѣ и Дюпюитренъ.

По отдѣлу естествознанія можно рекомендовать «LEÇONS ÉLEMENTAIRES DE BOTANIQUE, *fondées sur l'analyse de 50 plantes vulgaires, par* M. D. Lemaout, *docteur-medecin* (НАЧАЛЬНЫЕ УРОКИ БОТАНИКИ, *основанные на разсмотрѣніи 50 обыкновенныхъ растеній, соч.* Лемау). Это одинъ изъ лучшихъ элементарныхъ учебниковъ ботаники, вышедшихъ въ послѣдніе годы. По немъ можно учиться ботаникѣ безъ учителя. Взявъ пятьдесятъ обыкновенныхъ растеній, г. Лемау даетъ понятія объ органахъ, физіологіи и классификаціи, —понятія, достаточныя для того, чтобъ ученикъ или читатель могъ уже самъ изучать царство растительное во всей его обширности.

Знаменитый изслѣдователь физіономіи человѣческой, Лафатеръ, принадлежитъ также къ числу естествоиспытателей: потому мы въ этомъ отдѣлѣ и упомянемъ объ изданной недавно біографіи его: ESSAY SUR LA VIE DE J. G. LAVATER. Лафатера считали изобрѣ-

Digitized by Google

тателемъ новой системы, съ помощію которой будто-бы можно узнавать характеръ человѣка и даже малѣйшія его наклонности, взглянувъ на черты его лица. Но Лафатеръ никогда не думалъ приводить въ систему фактовъ, какіе доставило ему неутомимое изученіе физіономій человѣческихъ. Онъ руководствовался болѣе инстинктомъ, повинуясь первому впечатлѣнію, какое испытывалъ, не ожидая, чтобъ оно подтверждено было правилами науки. Потому онъ великій трудъ свой издалъ подъ скромнымъ названіемъ *Fragments*, и уже послѣдователи его постарались дать его наблюденіямъ форму системы.

Біографія написана г-жею Шеваннъ. Она доказываетъ, что если Лафатеръ былъ искуснымъ физіономомъ, то этимъ онъ особенно обязанъ глубокому знанію сердца человѣческаго и привычкѣ изучать людей, чтобъ содѣйствовать ихъ нравственному улучшенію. Лафатеръ принадлежалъ къ духовному сословію. Онъ хотѣлъ достойно исполнять это прекрасное призваніе, которое избралъ по расположенію души, и которому посвящалъ себя всего съ примѣрною ревностію. Физіономонія, къ которой онъ имѣлъ наклонность съ дѣтства, была въ его глазахъ средствомъ, могшимъ облегчить ему исполненіе его обязанностей.

Выраженіе лица было для него зеркаломъ души. Наука его не была предметомъ пустаго любопытства. Когда результатъ его наблюденій былъ неблагопріятенъ, онъ молчалъ, не стараясь выказать свое знаніе и оскорбить имъ кого бы то ни было. Большихъ трудовъ стóило Мирабó получить отъ него слѣдующій жестокій, но справедливый отвѣтъ:

— Вы — человѣкъ, имѣющій всѣ пороки и несдѣлавшій ничего, чтобъ обуздать ихъ.

Во многихъ случаяхъ, Лафатеръ показалъ удивительно-быстрый и вѣрный взглядъ. Одна дама изъ Цюриха имѣла дочь, здоровье которой возбуждало въ ней сильное безпокойство; она пришла къ пастору. Лафатеръ, глубоко-тронутый, старался дать уклончивый отвѣтъ; мать упрашивала сказать всю правду. — Ну, хорошо, отвѣчалъ онъ:—я вамъ дамъ записку; но обѣщайте мнѣ прочитать ее не раньше, какъ чрезъ полгода.—Дама даетъ слово. Въ концѣ пятаго мѣсяца, она оплакивала кончину дочери. Когда пришелъ назначенный срокъ, она развертываетъ записку Лафатера и читаетъ: «жалѣю «о васъ и плачу съ вами; когда вы про«чтете эти строки, вы будете несчаст«нѣйшею изъ матерей...»

Но Лафатеръ не всегда угадывалъ такъ удачно. Иногда онъ дѣлалъ большіе промахи, и разъ принялъ профиль какого-то злодѣя за профиль знаменитаго Гердера.

Среди критическихъ обстоятельствъ, въ которыя французская революція поставила, въ 1798 г., Швейцарію, Лафатеръ обнаружилъ патріотизмъ, достойный древнихъ временъ, мужество истинно-геройское. Тогда-какъ всѣ упали духомъ и все сгибалось подъ ярмомъ революціонной Франціи, Лафатеръ осмѣлился написать французскому начальнику письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вы, Французы, пришли въ Швей«царію, какъ разбойники, какъ деспо«ты. Вы внесли войну въ страну, кото«рая не оскорбляла васъ. Вы отняли у «насъ наши имущества, большую часть «нашихъ силъ, стараетесь отнять у «насъ возможность защищать нашу «независимость» и проч.

Его усилія пробудить національный духъ привели его въ подозрѣніе у французской полиціи. Онъ преданъ былъ суду, но не найдено было никакихъ причинъ, чтобъ осудить его. Когда Цюрихъ взятъ былъ Французами, грубые солдаты доставили врагамъ Лафатера удовлетвореніе, котораго они не могли получить отъ суда. Лафатеръ, угрожаемый солдатомъ, который, поднявъ саблю, требовалъ у него денегъ, кликнулъ на помощь нѣсколькихъ гренадеровъ. Они тотчасъ явились, но заступились за товарища; одинъ изъ нихъ спустилъ курокъ ружья; пуля ра-

Digitized by Google

нила Лафатера въ бокъ; этотъ случай окончательно разстроилъ уже слабое здоровье его, и два года спустя, онъ скончался.

—

Довольно о книгахъ содержанія серьёзнаго, ученаго, поучительнаго. Дадимъ мѣстечко и изящной литературѣ.

Поэтовъ довольно, но поэзіи мало. Изъ новыхъ поэтовъ, обращаетъ на себя вниманіе Викторъ Лапрадъ (Laprade), издавшій Odes et Poëmes. Стихотворенія Лапрада отличаются чистотою и благородствомъ выраженія; онъ не слишкомъ щедръ на картины, мало украшаетъ фразу и любитъ простоту. Относительно мыслей, онъ не замыкается въ тѣсной сферѣ индивидуальности, не обращается постоянно къ самому-себѣ, какъ къ единственному предмету, достойному пѣснопѣнія. Отношенія человѣка къ природѣ, удивленіе, жажда знанія, которая овладѣваетъ имъ при видѣ дивныхъ ея явленій и болѣзненное чувство своей слабости, — вотъ тэма его поэтическихъ размышленій. Лапрадъ, кажется, наклоненъ къ пантеизму; землю представляетъ онъ нѣжною матерью, которая осыпаетъ человѣка своими дарами, и которую онъ долженъ любить и благословлять; онъ любитъ одарять душою растенія и скалы, слышать повсюду дружескіе голоса, которые что-то говорятъ ему и которые ему хотѣлось бы понять...

Нельзя пропустить также поэта-бочара Гривэ, издавшаго свои стихотворенія подъ заглавіемъ: Une Lyre à l'Atelier и подъ псевдонимомъ *Поля Жерминьи* (Germigny). Поэтъ Беранжэ, въ письмѣ къ этому простому бочару, между-прочимъ, говоритъ: «Вы поэтъ, милостивый государь, и поэтъ «изъ самыхъ вдохновенныхъ... Скажи«те мнѣ, какъ вы, простой ремесленникъ, безъ образованія, угадали тайны нашей версификаціи? Какъ вы «дошли до чистоты языка, столь рѣдкой въ наше время?»

Поэты изъ простонародья во Франціи теперь не рѣдкость.

Въ послѣдніе мѣсяцы, французская литература обогатилась нѣсколькими переводами образцовыхъ поэтическихъ произведеній иностранныхъ литературъ.

Эмиль Дешанъ перевелъ въ стихахъ двѣ трагедіи Шекспира: «Макбетъ» и «Ромео и Джульетта» (Macbet et Romeo et Juliette, *tragédies de Shakespeare, traduites en vers français par Mr.* Emile Deschamps). Дешанъ ловко владѣетъ стихомъ и искусно передаетъ поэтическія фразы Шекспира.

Г. Мармьѐ перевелъ лирическія стихотворенія Шиллера (Poésies de Schiller, *traduites par Mr.* X. Marmier). Лирическія стихотворенія Шиллера не были еще до-сихъ-поръ переведены на французскій языкъ. «Вообще» говоритъ Мармьѐ: «чрезвычайно «трудно передавать произведенія лирическія, ибо въ самомъ вѣрномъ переводѣ они теряютъ бо́льшею частію «гармонію, которая составляетъ одно «изъ существенныхъ ихъ качествъ. «Еще труднѣе переводить стихотворенія Шиллера, по свойству нѣмецкаго «языка и по особенности генія поэта, «генія мечтательнаго и философическаго, который, въ своихъ лирическихъ созданіяхъ, часто облекаетъ «мысль въ форму отвлеченную». Не смотря на всѣ эти затрудненія, Мармьѐ сладилъ съ Шиллеромъ.

Въ нынѣшнемъ году, Шиллеру посчастливилось болѣе всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Во Франціи перевелъ его лирическія стихотворенія Мармьѐ, а въ Англіи явились даже два переводчика, Больверъ и Меривэль.

Г. Анри Блазъ перевелъ стихами лирическія стихотворенія Гёте, которыя также до-сихъ-поръ во французскомъ переводѣ не были извѣстны (Poésies de Goethe, *traduites par* Henri Blaze).

Послѣ стиховъ, слѣдовало бы говорить о романахъ; но что́ говорить о нихъ? Пересчитывать ихъ всѣ — лишній трудъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ

Digitized by Google

вы читаете или прочтете въ нашихъ Сольшихъ журналахъ. Жоржъ Зандъ, кончивъ въ своемъ «Revue Indépendante» «Графиню Рудольштадтъ», напечатала въ переродившейся, то-есть измѣнившей редакцію газетѣ «Constitutionnel» новый романъ «Жанна» (Jeanne), полный высокой поэзіи и религіознаго мистицизма, какими отличаются «Консюэло» и «Графиня Рудольштадтъ».

За «Жанной» слѣдуетъ въ «Constitutionnel» «Вѣчный Жидъ» (le Juif Errant) Эжена Сю, за который издатель газеты заплатилъ автору сто тысячь франковъ. Романъ будетъ тянуться въ фёльетонѣ долго, потому-что онъ будетъ состоять изъ десяти томовъ; не скоро можно будетъ рѣшить, поддержитъ ли онъ автора на той степени популярности и европейской знаменитости, на которую поставили его нелѣпыя «Тайны».

Читателямъ нашимъ памятенъ, вѣроятно, Низамъ, слуга Джонатеновъ, вѣчно толкующій, въ недавно-напечатанной нами повѣсти «Флорида», о Гайдерабадѣ и войнѣ низамской. Даровитый авторъ «Флориды», г. Мери, пишетъ новый романъ «La Guerre de Nizam», который будетъ, разумѣется, напечатанъ въ фёльетонѣ какой-нибудь газеты. «Низамская Война», «Гэва» и «Флорида» составляютъ части одного великаго индійскаго романа. Мало писателей, которые бы такъ мастерски, такъ увлекательно рисовали природу и жизнь странъ тропическихъ, какъ Мери.

Г. Александръ Дюма, печатающій теперь въ газетѣ «Siècle» романъ «Les Trois Mousquetaires», скоро начнетъ печатать новый романъ «Les Mémoires d'un Medecin».

Извѣстный театральный критикъ и нувеллистъ, Теофиль Готьѐ, приготовляетъ два романа: «Le Roi Candaule» и «Senange et Lucinde, ou les Roués innocens».

Г. Леонъ Гозланъ пишетъ «Les Invisibles».

Г. Жюль Зандо — «Valeureuse».

Г-жа Софія Гэ — «Comte de Guiche», романъ историческій.

Г-жа Шарль-Ребо — «Les Deux Marguerites».

Г. Мишель Массонъ — «Charity».

Всѣ эти романы будутъ печататься въ фёльетонахъ.

—

Изъ множества иллюстрованныхъ изданій, можемъ указать особенно на «le Diable à Paris». Цѣль изданія — изобразить Парижъ во всѣхъ отношеніяхъ, его исторію, памятники, жизнь парижскую. Лучшіе художники украшаютъ это изданіе своими гравюрами; всѣ знаменитые литераторы, Жоржъ Зандъ, Эженъ Сю, Жюль Жаненъ, Бальзакъ и другіе, пишутъ статьи. Жоржъ-Зандъ написала «Общій взглядъ на Парижъ». Изданіе выходитъ выпусками. «Дьяволъ въ Парижѣ», вѣроятно, будетъ имѣть такой же огромный успѣхъ, какъ и «Français peints par eux-mêmes».

Digitized by Google

VIII.

СМѢСЬ.

БІОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Графиня Ида Ганъ-Ганъ.

Ида, графиня Ганъ-Ганъ, по рожденію и по замужству, принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ мекленбургскихъ фамилій, происхожденіе которой теряется во мракѣ вѣковъ. Будучи еще весьма-молода, она вышла за двоюроднаго своего брата, но скоро развелась съ нимъ; причиной развода была невѣрность мужа. Съ-тѣхъ-поръ, она почти-всегда вела жизнь кочевую, жила въ разныхъ столицахъ Германіи и путешествовала по главнымъ странамъ Европы. Судя по лѣтамъ ея дочери, которой теперь шестнадцатый годъ, графинѣ Идѣ нельзя полагать менѣе тридцати-четырехъ или тридцати-пяти лѣтъ.

Природа нѣсколько обидѣла графиню Иду; даровитая писательница родилась съ тѣлеснымъ недостаткомъ, который отнималъ часть прелести у ея вдохновенныхъ глазъ: она была коса. Но современная оперативная медицина исцѣляетъ косоглазіе. Графиня прибѣгла къ знаменитому хирургу Диффенбаху. Диффенбахъ взялся исправить глазъ графини, и ей скоро не было никакого повода жаловаться на неправильность зрительныхъ органовъ: чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ ввѣрилась знаменитому доктору, графиня лишилась совершенно и навсегда употребленія глаза; поэтъ, какъ Гомеръ, она едва не сдѣлалась такъ же слѣпа, какъ онъ.

Диффенбахъ принялъ на себя трудъ объяснить этотъ результатъ, не лестный ни для него, ни для больной; онъ доказывалъ, что она сама была причиною неудачи операціи, потому-что писала и читала вечеромъ въ тотъ самый день, какъ сдѣлана была операція. Графиня, напротивъ, положительно утверждала, что вся бѣда произошла отъ небрежности помощника хирурга. Берлинъ еще не знаетъ навѣрное, кто правъ, кто виноватъ въ этомъ важномъ спорѣ.

Какъ бы то ни было, можетъ-быть для того, чтобъ утѣшиться въ потерѣ глаза, можетъ-быть и для поправленія здоровья, графиня, осенью 1840 года, поѣхала въ Ниццу. Она пробыла тамъ цѣлую зиму, весною объѣхала Южную-Францію и отправилась въ Барселону; оттуда на пароходѣ объѣхала моремъ берега Испаніи, останавливалась на всѣхъ пунктахъ, достойныхъ вниманія и проникала даже внутрь Испаніи, чтобъ взглянуть на дивную Севилью, Гранаду, и проч. Такъ добралась она до Лиссабона.

Съ дороги писала она матери, се-

Digitized by Google

стрѣ, брату, одной изъ пріятельницъ (графинѣ Шомбургъ - Вехсельбургъ) письма, которыя напечатаны потомъ безъ малѣйшаго измѣненія подъ заглавіемъ «Reisebriefe».

Вотъ нѣсколько образчиковъ, взятыхъ наудачу. Въ первыхъ письмахъ изъ Ниццы, находимъ довольно-жестокую сатиру на этотъ городъ-госпиталь.

«По пріѣздѣ» говоритъ графиня: «первымъ восклицаніемъ моимъ было: «—здѣсь мнѣ нравится одно: тутъ конецъ моему путешествію.—Проживъ «мѣсяцъ, я мало могу измѣнить эту «эпиграмму. Безъ сомнѣнія, мнѣ отчасти продиктовали ее усталость и скука, — но тутъ имѣлъ вліяніе также и «наружный видъ Ниццы. Ниццу нельзя назвать совершеннымъ городомъ; «это зародышъ города, грубый планъ «полу-осуществленный. Сверхъ того, «въ ней соединены всѣ неудобства, изъ «которыхъ каждое поодиначкѣ приводитъ меня въ отчаяніе: пыль, безпорядокъ, ослы, каменьщики, все, что́ «производитъ шумъ, и все, что̀ я ненавижу. Иностранцу, ищущему мирнаго пріюта, каждая изъ обширныхъ «казармъ, называемыхъ *hôtels garnis*, «предлагаетъ пятьдесятъ публичныхъ «квартиръ. Туземцы хотятъ, чтобъ у «нихъ стояли цѣлые полки пріѣзжихъ, «и съ этою цѣлью строятъ казармы. «Ихъ честолюбивыя надежды мало осуществляются въ настоящемъ году. «Боятся войны и опаснаго сосѣдства «французской границы. Ничего не можетъ быть скучнѣе, какъ видѣть, что «въ-слѣдствіе этихъ опасеній, въ обширныхъ гостинницахъ двѣ трети «ставней закрыты. Печально это зрѣлище, и непріятное впечатлѣніе, производимое имъ, увеличивается еще «видомъ окрестныхъ мѣстъ, приготовленныхъ для построекъ, занятыхъ «недоконченными стѣнами, грязными «заборами, озерами извести, песчаными рвами. Вы мнѣ скажете, что въ «Ниццѣ—море. Не могу отвергать этого; но не люблю я быть въ незнакомой толпѣ, слушать, какъ надо мной и «подо мною танцуютъ, вальсируютъ, «поютъ, какъ дурачатся въ комнатѣ «смежной съ тою, гдѣ я работаю, не люблю я, волею-неволею, участвовать въ «развлеченіяхъ моихъ сожильцовъ. Я «похожа на лѣсную птичку, которая поетъ въ тѣни, не заботясь о томъ, слушаетъ ли ея пѣніе скромный пѣшеходъ, которая живетъ для самой-себя «и прячется отъ взоровъ всѣхъ. Сверхъ «того, я принуждена была отказаться «отъ сосѣдства съ моремъ, потому-что «бѣдные глаза мои не могутъ выносить ослѣпительнаго его блеска. Когда солнце бросаетъ свои лучи на свѣтлыя, какъ зеркало, волны, на блестящую и струистую лазурь пѣны, которая, кажется, усѣяна мильйономъ «блестокъ, ни на секунду не могу я «безъ невыносимой боли остановить на «морѣ зрѣнія. Потому, въ эти золотые «дни, когда солнце, земля и вода, кажется, соперничаютъ въ блескѣ, я «ищу въ равнинѣ дорогъ, идущихъ «между холмами, ложа высохшихъ ручьевъ, и перехожу изъ сада въ садъ, «не покидая тѣни цвѣтущихъ оградъ. «Къ-счастію, время-отъ-времени, наступаетъ перламутровый день, что̀ у «насъ день свинцовый—и я могу тогда «предаваться моей любви къ Средизе-«мному-Морю. Тогда влажный и парúстый вѣтерокъ полупогашаетъ сіяніе «неба; не видно солнца и ощутительна «только теплота его. Это лампа, скрытая въ алебастровомъ шарѣ. Она слегка серебритъ контуры и разбрасываетъ слабые цвѣта призмы на обыщность пейзажа. Въ эти дни, иногда «перепадаетъ дождикъ, но въ такомъ случаѣ, здѣсь, какъ и вездѣ, нѣчего дѣлать, какъ только свертывать-«ся, подобно птичкѣ въ гнѣздѣ».

Въ Ниццѣ графиня провела полгода; она написала въ этомъ городѣ романъ, выучилась по-испански, прочла двадцать историческихъ твореній и — чего никогда не забываетъ добрая нѣмецкая хозяйка—связала двѣнадцать паръ чулковъ. Все это не мѣшало ей каждый день, гуляя, дѣлать по нѣсколько миль, и мы должны вычесть изъ времени, употребленнаго на всѣ эти заня-

Digitized by Google

тія, полтора мѣсяца; въ-теченіи которыхъ слабость зрѣнія не дозволяла графинѣ никакой работы.

Весна, какъ говоритъ она, внушила ей неодолимую потребность перемѣнить воздухъ, увеличить сферу своей нравственной жизни. Такъ бываетъ каждый годъ. Мѣсяцъ апрѣль наводитъ на сантиментальную Германію настоящую тоску, что она остается одною и тою же. Она дивится, что не выростаетъ на нѣсколько дюймовъ каждый разъ, какъ весенній порывъ влечетъ ее въ воздушныя страны.

Графиня поѣхала во Францію, въ Марсель. Надо замѣтить, что она не любитъ Франціи.

«Итакъ, я во Франціи!» горестно восклицаетъ галло-ненавистница: «Богъ-«знаетъ, что̀ изъ этого будетъ, потому-«что я ненавижу Францію, ненавижу «ея тщеславный, хвастливый, дерз-«кій, поверхностный умъ; однимъ сло-«вомъ, ненавижу національный харак-«теръ Французовъ. У меня характеръ «тихій и человѣколюбивый; но любовь «и ненависть берутъ у меня преиму-«щество надъ всѣмъ прочимъ.

Steht mir das Lieben und Hassen nicht frei,
So ist es mit meinem Leben vorbei.

«Можетъ-быть, вы этого и не подозрѣ-«ваете, но, повѣрьте мнѣ, я очень со-«страдательна и человѣколюбива. Че-«ловѣкъ, кто бы онъ ни былъ, отуда «бы онъ ни былъ, всегда будетъ имѣть «въ моихъ глазахъ свою индивидуаль-«ную цѣнность. Если нѣтъ между нами «никакого сочувствія, то, конечно, онъ «не будетъ другомъ моимъ, но тѣмъ «не менѣе стану я уважать его мнѣ-«нія и виды. Не говоря объ уваженіи, «которое я всегда имѣю къ человѣку, «представляя себѣ, что въ немъ части-«ца божества, я не могу опустить изъ «вида, что много еще познаній не досте-«етъ мнѣ, что въ извѣстномъ случаѣ ихъ «могутъ доставить мнѣ люди самые не-«вѣжественные. Если вы, напротивъ, «говорите мнѣ о собраніи людей, о на-«ціи, обществѣ, партіи, я считаю не-«возможнымъ не имѣть къ нимъ самое «тіи или антипатіи. Всѣ люди — самые «могущественные, самые умные, са-«мые великіе — должны думать, въ «этомъ отношеніи, такъ же, какъ я, хотя «иногда и скрываютъ это. Мать не по-«кажетъ, что она предпочитаетъ сына «дочери; царь не покажетъ, что вѣр-«ные его подданные занимаютъ въ его «сердцѣ первое мѣсто, и что онъ не «считаетъ ихъ въ правахъ равными «подданнымъ, безпрерывно-враждую-«щимъ. Мать и король хорошо дѣла-«ютъ, что скрываютъ свою тайную на-«клонность...

«...Французы знаютъ, какъ пріобрѣ-«тается слава; нелѣпо было бы отвер-«гать это; но слава — не честь. Подъ «послѣднимъ словомъ разумѣю я дѣй-«ствительное достоинство, нравствен-«ную силу, уваженіе къ правамъ дру-«гаго, твердость въ несчастіи. Знаютъ «ли они эту честь?»

Этотъ вопросъ сопровождается нѣсколькими несвязными замѣчаніями относительно исторіи Франціи,—и потомъ графиня трактуетъ—кто бы могъ этого ожидать?—объ укрѣпленіи Парижа... Вотъ образчикъ ея политическихъ мнѣній:

«Въ-теченіе слишкомъ двадцати-пя-«ти-лѣтъ» говоритъ она: «міръ то и дѣ-«лалъ, что работалъ конституціи, скрѣ-«пляя ихъ *кровью и потомъ*, разбрасы-«вая ихъ во всѣ стороны и вкось и «вкривь, но никогда не давая растенію «времени принести плоды. Указыва-«ютъ на Англію! Англія была аристо-«кратической республикой, сердце и «нервы которой находились въ пала-«тѣ лордовъ. А эта аристократія была «всегда такъ разсудительна и пред-«усмотрительна, что впускала въ свои «вены для того, чтобъ въ нихъ текла «кровь благороднѣйшая, все, что̀ стра-«на производила блестящаго. Но для «такихъ учрежденій нужно воспитаніе «народное; надо, кромѣ того, чтобъ они «возникли изъ самыхъ потребностей «и желаній народа, надо, наконецъ, «время, чтобъ они созрѣли и пустили «корень. Ихъ нельзя надѣть, какъ но-«вое платье, въ одинъ день, когда прій-

Digitized by Google

«дать фантазіи какимъ-нибудь законо-
«дателямъ. Дайте палаты странѣ, ко-
«торая должна стремиться къ вліянію
«на европейскую политику, и вы уви-
«дите, что онѣ, на подобіе палатъ
«французскихъ, составятся изъ людей,
«которые всѣ хотятъ быть королями и
«изъ которыхъ каждый дѣлаетъ изъ
«своей трости скипетръ. Развѣ это не
«деспотизмъ? Гдѣ же успѣхъ? Гдѣ
«польза? Могутъ ли подобныя палаты
«удерживаться въ своей законной сфе-
«рѣ? Представляютъ ли онѣ дѣйстви-
«тельно интересы, потребности, жела-
«нія націи? Напримѣръ, современный
«вопросъ — объ укрѣпленіяхъ, воздви-
«гаемыхъ вокругъ Парижа. Поговори-
«те о нихъ съ Французами всѣхъ мнѣ-
«ній, всѣхъ оттѣнковъ мнѣній,—ни од-
«ного не найдете приверженца этой
«мѣры, ни одного, развѣ какого-нибудь
«сумасброднаго офицера, который гре-
«зитъ о войнѣ и повышеніи. Тѣ, кото-
«рые не любятъ въ-слухъ порицать
«дѣйствій правительства, пожимаютъ
«плечами и молчатъ. Теперь, скажите
«мнѣ на милость, что значитъ собраніе
«представителей народныхъ, которое
«сотнями ассигнуетъ милліоны — точ-
«но какъ-будто милліоны падаютъ съ
«неба дождемъ—и на что же? на пред-
«пріятіе, которое ни мало не нужно для
«выгодъ страны. Сдѣлайте изъ Пари-
«жа крѣпость, и правительство станетъ
«диктаторствомъ, — будетъ ли тамъ
«республика держать сенатъ свой, или
«монархія царствовать на тронѣ сво-
«емъ.»

Мы видѣли портретъ Ниццы; вотъ портретъ Авиньйона, набросанный тою же злою рукой. Кажется, однакожь, часть картины вѣрна. Со времени изгнанія папскаго легата (въ 1791 году), Авиньйонъ, хоть и сдѣлался главнымъ городомъ департамента, однакожь никогда не возвращался къ прежнему своему блеску. Жилища въ развалинахъ и большею частью необитаемы; дворцы превратились въ складочныя мѣста, церкви — въ казармы.

«Вчера вечеромъ гуляли мы по горо-
«ду. Въ жизни моей не видала я такой
«полной картины разложенія, тихо,
«медленно подрывающаго городъ, нѣ-
«когда-цвѣтущій. На каждомъ шагу
«встрѣчаются домики безъ оконъ и
«большія зданія съ забитыми, заложен-
«ными камнемъ дверьми. Вѣтеръ, набѣ-
«гая на старыя, оборванныя башни, от-
«рываетъ каменья, и съ шумомъ падаютъ
«они на жалкія избушки, прислонившія-
«ся къ феодальнымъ башнямъ. Магази-
«ны представляютъ возмущающую ду-
«шу неопрятность; все имѣетъ видъ и,
«такъ-сказать, запахъ привидѣній. Я
«остановилась предъ лавочкой книго-
«продавца, чтобъ отыскать старинное
«изданіе св. Августина, котораго,—ска-
«зать мимоходомъ,—не нашла; но, въ-
«продолженіе этого поиска, наступила
«ночь и ни одинъ огонекъ не блеснулъ
«въ окнахъ, окружавшихъ насъ. Про-
«хожіе попадались рѣдко и были дурно
«одѣты. На углу каждой улицы встрѣ-
«чали мы женщинъ, просившихъ у насъ
«милостыни. Я поспѣшила въ гости-
«ницу. Тамъ, въ большомъ каминѣ изъ
«чернаго мрамора, сверкалъ огонь, ко-
«торый не погасъ еще въ то время, какъ
«я легла въ постель. Онъ посылалъ ко
«мнѣ подъ малиновыя занавѣси черныя
«тѣни и кровавые лучи, которые помо-
«гали мнѣ вызывать образъ костровъ,
«гдѣ погибло въ мукахъ столько еретиковъ, столько колдуновъ. Потомъ пред-
«ставила я себѣ, сколько крови проли-
«то на улицахъ Авиньйона во времена
«республики, и наконецъ — послѣдній
«призракъ этой печальной процессіи,
«— представился мнѣ маршалъ Брюнъ,
«убитый въ 1815 году въ домѣ насу-
«противъ моихъ оконъ.»

Дѣйствительно, лѣтописи Авиньйона вызываютъ такія печальныя воспоминанія. Инквизиція царствовала тамъ нѣсколько столѣтій, и когда духъ свободы разрушилъ ея дворецъ — останки котораго, закопченные порохомъ якобинскихъ саперовъ, лежатъ все на томъ же мѣстѣ — то можно было сказать, что и онъ ревниво хотѣлъ сравниться съ нею въ жестокости и въ количествѣ жертвъ. Въ одной улицѣ — вѣрнѣе въ переулкѣ — Журдэнъ голо-

Digitized by Google

коръзъ (coupe-tête) разстрѣлялъ въ одинъ день триста *подозрительныхъ*. Въ то же время, работала гильйотина недалеко оттуда, въ башнѣ папскаго дворца, и двѣсти несчастныхъ окрасили стѣны своей кровью, которая переливалась за зубцы. Еще видны слѣды, и путешественникъ вздрагиваетъ, когда объясняютъ ему эту длинную темную полосу на гранитной башнѣ. Она перешла въ число историческихъ достопримѣчательностей и, можетъ-быть, ее сохраняютъ съ тѣмъ же тщаніемъ, какъ въ Голирудскомъ-Замкѣ доску, на которой Рицціо оставилъ по себѣ трагическое воспоминаніе.

Авиньйонскіе чичероне показываютъ также туристамъ большую полу-развалившуюся башню, которая, по преданію, была тюрьмою Кола-Ріэнци; не трудно убѣдиться, истинно ли это преданіе. Объ этомъ нѣчего спрашивать графиню. Путешествуя по Франціи, она не столько изучаетъ прошедшее, сколько злословитъ настоящее. Она на каждомъ шагу изъявляетъ сожалѣніе на-счетъ этого бѣднаго народа, которому, вмѣсто хлѣба, даютъ журналы. Непріятно поражаетъ ее все, что̀ она видитъ, слышитъ, читаетъ. Вѣрная своимъ предубѣжденіямъ, она приписываетъ паденіе папскаго города — цивилизаціи, либеральнымъ идеямъ, журналистамъ и пр.

По Авиньйону нельзя судить объ администраціи во всѣхъ французскихъ департаментахъ и заключать, приноситъ ли она пользу городамъ или нѣтъ. Пока этотъ городъ управлялся отъ имени римскаго первосвященника, онъ не только былъ мѣстопребываніемъ многочисленнаго и богатаго духовенства, но и неприкосновеннымъ убѣжищемъ неоплатныхъ должниковъ и людей, поссорившихся съ французской полиціей. Авиньйонъ принималъ только тѣхъ бѣглецовъ, которые могли платить за пребываніе въ немъ и обогащался этой болѣе или менѣе законной добычей. Теперь все измѣнилось. Вольный городъ сдѣлался просто провинціяльнымъ городомъ. Ѣдущіе изъ Ліона въ Марсель только на нѣсколько часовъ останавливаются въ его гостинницахъ. Нѣтъ у него старинныхъ источниковъ обогащенія, и, къ-несчастію, по положенію своему, онъ не можетъ создать себѣ новыхъ. Какъ же за этотъ городъ бранить вообще всю административную систему, при которой столько другихъ городовъ цвѣтетъ и благоденствуетъ?

Кто не любитъ Франціи, въ томъ можно предполагать любовь къ Испаніи. Надо ожидать, что графиня сильно предубѣждена въ пользу поддан-ныхъ Изабеллы II. Но большія дороги изумили ее. Она не могла объяснить себѣ, какъ правительство можетъ до такой степени забывать про пути сообщенія, и по какому предлогу заставляетъ оно почту ѣздить по полямъ, рвамъ, болотамъ, виноградникамъ, лугамъ. Въ Барселонѣ ничто ее такъ сильно не поразило, какъ совершенное отсутствіе той набожности, которую готовилась она встрѣтить во всемъ чисто-католическомъ королевствѣ.

Пріятно было бы послѣдовать за благородной путешественницей въ Валенсію, Аликанте, Картагену, Алмерію, Гибралтаръ и Кадикесъ, — но мы пойдемъ лучше за ней въ область вымысла: тамъ она преимущественно достойна серьёзнаго изученія.

Замѣтимъ сначала странный фактъ: изъ четырнадцати или пятнадцати тысячъ писателей, подвизающихся теперь въ Германіи, ни одинъ (исключить можно развѣ Людвига Тика, — но онъ принадлежитъ къ послѣднему поколѣнію), ни одинъ не пріобрѣлъ репутаціи, которую можно бы назвать европейскою, — ни одинъ не явился оригинальнымъ романистомъ. Богатая историками, критиками, метафизиками, мыслителями, т. е. честными людьми, которые думаютъ, что они мыслятъ, — цѣлая германская конфедерація въ-теченіе четверти вѣка не могла произвести ни одного нувеллиста, въ которомъ вдохновеніе не было бы рабскимъ припоминаніемъ, который не принадлежалъ бы къ одной изъ извѣстныхъ уже

Digitized by Google

школъ, метафизической, исторической или романтической! Девять разъ изъ десяти, послѣ зрѣлаго разбора новѣйшихъ романовъ, вы встрѣчаете Вальтера Скотта или Гёте, болѣе или менѣе переодѣтаго, въ какомъ-нибудь контрабандномъ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», въ контрабандномъ «Вавэрлеѣ».

Графиня Ганъ-Ганъ составляетъ исключеніе изъ этого правила. Она не признаетъ образцовъ; по-крайней-мѣрѣ среди своихъ соотечественниковъ, она пренебрегаетъ примѣрами прошедшаго, совѣтами настоящаго, презираетъ критиковъ, и, сколько мы можемъ судить, не имѣетъ другаго руководителя, кромѣ самой-себя, и не похожа ни на одного, ни на одну изъ современныхъ писателей и писательницъ.

Она написала шесть романовъ: «Aus der Gesellschaft», «der Rechte», «Gräfin Faustine», «Ulrich», «Sigismund Forster», «Cecil». Она не называетъ ихъ романами и, кажется, имѣетъ притязаніе на изобрѣтеніе новаго рода. Впрочемъ, устранивъ ихъ внутреннее достоинство, о которомъ мы поговоримъ послѣ, въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего, по чему ихъ должно бы поставить внѣ разряда романовъ, развѣ только то, что графиня пренебрегаетъ составленіемъ или исполненіемъ во всѣхъ частяхъ плана разсказа. Но это едва-ли не есть чисто-индивидуальный недостатокъ графини.

Впрочемъ, что привязываться къ заглавію? Называйте ихъ, какъ хотите,—сценами, эскизами, картинами, это неважно; въ этихъ книгахъ, очень-похожихъ на романы, есть этюды чувства, рисунки нравовъ, анализы характеровъ или страстей, въ которыхъ рѣшаются нѣкоторыя проблемы жизни домашней, изображаются ея горести, удовольствія, превратности, обманы, — показывается, какъ прихотлива привязанность однихъ, непостоянно, измѣнчиво воображаніе другихъ, какъ мало всѣ дѣла человѣческія удовлетворяютъ вѣчное честолюбіе сердца. Смотрите на нихъ съ этой точки, чтобъ не ошибиться на ихъ счетъ и не слишкомъ ихъ унизить; вы узнаете тогда, почему въ каждой картинѣ такъ много лицъ, группы немножко-однообразны, почему лица, неизмѣнно-поставленныя въ извѣстныя отношенія, имѣютъ всегда вліяніе на ихъ взаимное счастіе, но никогда не становятся счастливыми или несчастными въ-силу однихъ и тѣхъ же побужденій. Не станемъ норицать графиню, относительно героевъ и героинь; она и не дорожитъ ими. Не будемъ требовать у нея драматическаго интереса, за которымъ она, очевидно, и не гоняется. Въ концѣ только книги, когда является потребность дать ей какое-нибудь единство, графиня старается кое-какъ уладить свой разсказъ и расположить дѣйствующія лица сообразно съ законами драмы. Но и тутъ они гораздо-болѣе говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ, — и разсуждаютъ и чувствуютъ еще болѣе, чѣмъ говорятъ; великій талантъ писательницы, дающій имъ бытіе, состоитъ именно въ мелочномъ изображеніи вліянія времени, внѣшнихъ предметовъ, ежедневныхъ случаевъ на наши слабыя сердца, на наши великіе помыслы, такъ-легко забываемые. Главная идея, которой повинуется графиня, составляетъ совершенную противоположность той идеѣ, которая приписываетъ нашей волѣ дѣйствительное вліяніе на наши привязанности. Она безпрерывно борется съ преувеличеннымъ понятіемъ о свободномъ произволѣ и нигдѣ такъ не бываетъ краснорѣчива, какъ тамъ, гдѣ открываетъ роковую причину нравственной перемѣны, безпрекословное извиненіе отступничества сердца.

Есть люди, которые даютъ графинѣ Ганъ-Ганъ прозваніе нѣмецкой Жоржъ-Зандъ. Ищутъ сходства между ея талантомъ и талантомъ г-жи Дюдеванъ. Любители сравненій рѣдко строили свои системы на такихъ невѣрныхъ основаніяхъ. Г-жа Дюдеванъ писала, какъ и графиня Ганъ-Ганъ, путешествія и повѣсти; графиня была несчастна въ семейномъ быту, какъ несчастна была и Жоржъ-Зандъ, — но тутъ

Digitized by Google

сходство и кончается, и если вы станете изслѣдовать творенія ихъ, то, вмѣсто сходныхъ чертъ, вамъ прійдется отмѣчать только контрасты.

Девизомъ графинѣ Ганъ-Ганъ могло бы служить слѣдующее двустишіе одного французскаго поэта:

Combien peu tous ces maux dont nos coeurs sont flétris,
Par les rois et les lois sont causés ou gueris!

Это не мѣшаетъ ей понимать недостатки общественнаго мнѣнія и возставать съ криками отчаянія противъ однообразія судьбы человѣческой. Но она убѣждена, что этотъ міръ есть мѣсто испытанія, родъ арены, гдѣ лучшіе и мудрѣйшіе люди только играютъ своими проектами, какъ дѣти мячикомъ. Графиня ставитъ счастіе человѣка въ разрядъ тѣхъ химеръ, которыя мы надѣемся поймать каждый день, и которыя безпрестанно отъ насъ убѣгаютъ. Молодой человѣкъ жалокъ, потому-что не можетъ упредить будущаго; человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ — потому-что не можетъ воротить прошедшаго. Провидѣнію угодно было, чтобъ дѣйствительность всегда обманывала надежду и чтобъ живѣйшія радости угасали въ пресыщеніи. Графиня не говоритъ, что наши сердца крайне-дурны, но что они крайне-измѣнчивы; заключеніе ея состоитъ не въ томъ, что надо уступать прихотливымъ побужденіямъ ихъ; напротивъ, она совѣтуетъ обуздывать ихъ, и для этого знаетъ только одно дѣйствительное средство — исполненіе внутреннихъ обязанностей, которое она справедливо называетъ лучшимъ нравственнымъ успокоивающимъ средствомъ.

Одно изъ самыхъ эксцентрическихъ лицъ ея романовъ — Ульрихъ пишетъ къ другу:

«Вы говорили мнѣ, что испытали «страсть; но скажите, преслѣдовали ли «вы ее, или, лучше сказать, преслѣдовала ли она васъ до разстройства всего вашего нравственнаго существа? «Скажите, моя ли это только несчастная доля, или доля всѣхъ людей, «имѣющихъ сердце, быть охваченными и раздавленными этимъ удавомъ? «Бываютъ минуты, когда я возстаю «противъ самого-себя, когда я хочу, «во что бы то ни стало, сбросить иго, «наложенное на меня моею слабостью, — «слабостью, говорю я, потому-что другіе, поносивъ недолго, сбрасываютъ съ «себя это иго; таково и теперешнее расположеніе моего духа. Вообще, мое «поведеніе кажется мнѣ недостойнымъ «человѣка, который заслуживаетъ имени человѣка. Я спрашиваю себя: развѣ нѣтъ уже болѣе ни заслугъ, ни отличій? Развѣ нѣтъ уже ни друзей, «ни подругъ, съ которыми и для которыхъ жизнь можетъ имѣть свою пользу, свои вознагражденія, можетъ-быть «даже прелесть? Развѣ нѣтъ у меня «прекраснаго Маланса (загородный «домъ) на берегу Рейна, и этого очаровательнаго помѣстья развѣ недостаточно для потребностей домашней «жизни, для утонченныхъ требованій «жизни внѣшней? Не полонъ ли мой «Малансъ воспоминаній объ отцѣ, любившемъ этотъ пріютъ, старавшемся «украсить его, въ память счастливыхъ «дней, проведенныхъ въ немъ съ превосходной женщиной, которая дарувала мнѣ жизнь? У меня-самого развѣ «нѣтъ любезной и прекрасной подруги, которую, при нѣкоторой заботливости, я могу сдѣлать лучшею изъ «женъ, нѣжнѣйшею изъ матерей? Какое преступное ослѣпленіе надо имѣть «для того, чтобъ пренебречь столько «счастія и не приготовить себѣ будущности, защищенной отъ всякихъ «бурь! Не долженъ ли я разъ-навсегда «взять власть надъ собою и надъ своимъ сердцемъ, призвать назадъ блуждающія и разсѣянныя желанія, промѣнять на покойную дѣйствительность «обманчивыя мечты, и съ равнины Дона воротиться на Рейнъ, воротиться «домой? Домой! мой другъ...

«...Да, какъ попечительный и нѣжный отецъ, устроилъ Богъ судьбу человѣческую; Онъ ставитъ каждаго изъ «насъ у входа въ волшебный кругъ, «столь могучій и столь прекрасный, что

Digitized by Google

«даже эгоизмъ, входя въ этотъ кругъ, «кажется, теряетъ свое безобразіе, и «любовь къ *себѣ* становится любовью «къ *своимъ*. Тамъ человѣкъ находитъ «полныя радости, за всякое пожертво- «ваніе — награду, рядомъ съ каждымъ «трудомъ — счастіе, подлѣ каждой за- «боты — утѣшеніе. И что же? вмѣсто «того, чтобъ безъ шума и бунта всту- «пить въ обладаніе этой благословен- «ной долей, мы безпокоимся о томъ, «какая Евва раздѣлитъ съ нами рай! «Мы составляемъ себѣ о ней понятіе «мечтательное и требуемъ, чтобъ она «была такова въ дѣйствительности, ка- «кой представлялась намъ въ мечтахъ, «— что же выходитъ? То, что эти по- «иски удаляютъ насъ отъ двери, кото- «рая готова была раствориться передъ «нами. Съ этой минуты, все измѣ- «няется: насъ окружаютъ невыразимыя «бѣдствія, нестерпимыя мученія — и «все это потому, что мы никогда не «встрѣчаемъ, или потому-что встрѣча- «емъ слишкомъ-поздно женщину из- «бранную, съ которою намъ хотѣлось «бы пройдти путь жизни. Дай намъ «Богъ здравый умъ, сердце твердое и «прямое — ничего этого не вышло бы. «Всякая милая и одаренная чувстви- «тельнымъ сердцемъ женщина соот- «вѣтствовала бы нашимъ ожиданіямъ «и удовлетворяла бы нашимъ желані- «ямъ. Наше черезъ-чуръ-честолюбивое «сердце противится этому легкому сча- «стію; въ безразсудномъ упрямствѣ, оно «отказывается отъ насущнаго хлѣба, «подъ предлогомъ, что хочетъ питать- «ся амброзіей. Наконецъ, голодъ его, «нигдѣ ненаходящій себѣ ниши, самъ «собою ослабѣваетъ; истомленіе серд- «ца парализуетъ всю жизнь. Таково «именно мое состояніе: понимаете ли «вы его? И поймите хорошенько смыслъ «моего вопроса: не мысленно ли толь- «ко знаете вы это странное состояніе? «Ознакомилъ ли васъ съ нимъ печаль- «ный опытъ?»

Изъ этого отрывка, — а подобныхъ можно представить десятка два,—можно убѣдиться, что въ сочиненіяхъ графини Ганъ-Ганъ духъ преданности судьбѣ всегда утишаетъ стремленіе къ ропоту. Мучась, герои обвиняютъ самихъ-себя, не винятъ ни неба, ни свѣта. Они не сваливаютъ на другихъ отвѣтственности за свои бѣдствія, бѣдствія даже побочныя. Эти бѣдствія, по мнѣнію графини, исчезли бы, еслибъ только мы подвергали ихъ обдуманному и искреннему разбору. Вы безпокойны, печальны, недовольны и сами не можете опредѣлить почему; для васъ настала одна изъ тѣхъ минутъ горести и сомнѣнія, когда вамъ кажется, будто всѣ друзья забываютъ васъ и покидаютъ? Обратитесь къ самимъ-себѣ: не имѣютъ ли и они такихъ же причинъ, какъ и вы, считать себя жертвами вашего забвенія? Постарайтесь узнать, не хроническая ли какая болѣзнь, тѣлесная или душевная, служитъ тайной причиной вашей грусти.

Графиня не даетъ намъ свободы быть по-произволу довольными и постоянными, за то требуетъ полной искренности, которая всегда зависитъ отъ насъ; она не допускаетъ, она не терпитъ неискренности ни въ дѣлахъ, ни въ чувствѣ.

This, above all, to thine own self be true;
And it must follow, as the light the day,
Thou canst not then be false to any man.

(Прежде всего, будь вѣренъ самому-себѣ, и за этой вѣрностью, какъ свѣтъ за днемъ, послѣдуетъ то, что ты будешь вѣренъ и другимъ.)

О строгости графини въ этомъ отношеніи можно судить по слѣдующему разговору между молодымъ живописцемъ Полидоромъ и графинею Шонгольмъ, покровительницею его, въ сборникѣ повѣстей, носящемъ заглавіе «Aus der Gesellschaft»:

«...По-крайней-мѣрѣ, вы будете писать ко мнѣ часто, не такъ ли?

— Можетъ-быть; не обѣщаю вамъ ничего заранѣе, потому-что не знаю, буду ли имѣть возможность сдержать слово.

— Какъ, вы не знаете?

— Да, я не знаю, что будетъ со мной.

— Такъ, видно, вы считаете очень-

Digitized by Google

возможнымъ такое событіе, такую новую идею, которая изгладитъ меня совершенно изъ вашихъ воспоминаній?

— Совершенно—этого не скажу; но можетъ случиться, что въ моихъ воспоминаніяхъ вы, вмѣсто первой роли, займете смиренную роль статиста.

— Графиня, вы ужасно откровенны!

— Послушайте, еслибъ вы говорили правду, вы сказали бы точно то же.

— Будетъ ли такъ, или нѣтъ, но я не сталъ бы огорчать васъ тяжкими истинами.

— А я нарочно открываю ихъ вамъ, изъ опасенія, чтобъ, какъ пылкій юноша, вы не забрали себѣ въ голову, что вы мнѣ дороже, чѣмъ на-самомъ-дѣлѣ.

— Графиня, зачѣмъ осыпать меня такими жестокими словами?

— Затѣмъ, что вы человѣкъ, мой бѣдный Полидоръ,— а человѣкъ — существо мечтательное и довѣрчивое. Во всякой связи между мужчиной и женщиной и для него и для нея лучше всего знать какъ-можно-опредѣлительнѣе, какъ-можно-точнѣе, въ чемъ состоитъ взаимность ихъ чувствъ. Недоразумѣнія, въ подобномъ дѣлѣ, весьма-легки и причиняютъ большое зло...»

Графиня дѣлаетъ нѣкоторыя уступки неодолимой власти страстей. Не надо думать, что эти уступки многочисленны и важны. Она допускаетъ только незамѣтное рожденіе, безмолвное возрастаніе чувствъ, которое само не сознаетъ себя. Какъ-скоро влюбленный или влюбленная открываютъ въ себѣ преступное желаніе, нѣжность, преступающую законные предѣлы, они бѣгутъ, немедленно бѣгутъ отъ соблазна. Нѣчего играть съ совѣстью, договариваться съ долгомъ; разлука необходима. Отто покидаетъ Иду (въ «Aus der Gesellschaft»); Маргарита покидаетъ Генриха (въ романѣ «Ulrich»), Оленъ (въ «der Rechte») оставляетъ Винченцу, какъ-скоро она проситъ его о томъ; Рената (въ «Cecil») благородно противится искушенію. Когда случится,—впрочемъ, это бываетъ рѣдко, — что нарушены законы долга, это нарушеніе никогда не извиняется; почти-всегда (какъ, напр., въ «Gräfin Faustine») оно есть дѣло характера двусмысленнаго. И если графиня Ганъ-Ганъ уважаетъ, такъ-сказать, и оправдываетъ иногда непостоянство, то потому-что считаетъ его роковымъ удѣломъ натуръ самыхъ возвышенныхъ, воображеній живыхъ, характеровъ воспріимчивыхъ къ впечатлѣніямъ. По ея убѣжденію, эти особенныя организаціи, оказываясь неспособными къ покою, постоянству, наслажденіямъ мирнымъ и умѣреннымъ, слѣдуютъ закону своего бытія.

Но довольно. Не видно ли изъ этого, что между графиней Ганъ-Ганъ и Жоржемъ-Зандомъ не можетъ быть никакого сравненія? Замѣтимъ еще, что нѣкоторыя даровитыя писательницы хлопотали объ эманципаціи женщинъ, и что во главѣ этихъ писательницъ можно поставить г-жу Дюдеванъ. Графиня Ганъ-Ганъ чужда такого стремленія, и въ этомъ пунктѣ снова расходится съ Жоржемъ-Зандомъ.

Приступимъ теперь къ разбору главныхъ ея романовъ. Пропускаемъ два первые («Aus der Gesellschaft» и «der Rechte») и начинаемъ съ романа «Gräfin Faustine», который важнѣе въ нашихъ глазахъ и по своему литературному достоинству и потому, что въ немъ, если вѣрить свѣтской хроникѣ, много воспоминаній и чувствъ индивидуальныхъ. Утверждали даже, будто графиня Фаустина и графиня Ганъ-Ганъ — одна и та же героиня. Графиня Ида сочла необходимымъ протестовать, въ одномъ изъ послѣдующихъ романовъ, противъ такихъ толковъ. Она выводитъ на сцену женщину-писательницу, обвиняемую публикой въ томъ, будто она изобразила себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ея романа, и выражаетъ негодованіе на эти предположенія, напоминающія ей Чайльдъ-Гарольда и лорда Байрона, Коринну и г-жу Сталь.

Фаустина въ первый разъ является въ Дрезденѣ, на террасѣ, господствующей надъ рѣкой; она рисуетъ пейзажъ. Праздные горожане, гуляю-

Digitized by Google

щіе по террасѣ и привыкшіе видѣть ее, не стали бы толковать о ней, еслибъ молодой секретарь посольства, недавно-пріѣхавшій въ Дрезденъ, не началъ разспрашивать ихъ о прекрасной незнакомкѣ. Графу Маріо Менгену разсказываютъ, что она связана какими-то неопредѣлительно-извѣстными узами съ благороднымъ путешественникомъ, барономъ Андлау. Самые снисходительные вѣрятъ въ тайный бракъ. Соблазнительная хроника называетъ эту связь преступною. А на-самомъ-дѣлѣ вотъ что было: выданная слишкомъ-рано замужъ за человѣка съ умомъ и душой самыми обыкновенными, за графа Обернау, Фаустина скоро получила тягостное убѣжденіе, что никогда не можетъ полюбить его. Все въ немъ противно было возвышеннымъ инстинктамъ его жены, и это отвращеніе беззащитно влекло ее къ страсти незаконной. Барона Андлау перваго сочла она достойнымъ любви. Связь ихъ сначала была почти терпима графомъ, которому жена немножко надоѣла: не успѣвъ заставить ее полюбить себя, онъ заключилъ, что она вовсе недоступна для любви. Потомъ, по внушенію сестры, онъ сталъ подозрѣвать, началъ наблюдать за любовниками и засталъ ихъ въ такомъ нѣжномъ положеніи, которое хоть и не доказывало еще, что невѣрность уже совершена, но должно было возбудить безпокойство въ сердцѣ самаго хладнокровнаго мужа. Графъ вызвалъ барона на дуэль... Но пусть сама Фаустина разскажетъ это трагическое происшествіе:

«....Андлау, сохраняя хладнокровіе, «заклиналъ графа не отдавать меня на «жертву общественнымъ толкамъ; я «стояла неподвижная, какъ статуя, ли«шенная языка, мыслей, и опомнилась «только при звукѣ выстрѣла, послѣ ко«тораго Андлау палъ къ ногамъ моимъ. «Тутъ уже я знала, что мнѣ надлежало «дѣлать. Я потребовала коляску, от«везла раненнаго къ нему на домъ, по«слала за докторами... и осталась подлѣ него. Обернау, цѣлый свѣтъ — ни«чего не значили въ глазахъ моихъ.»

Обернау хотѣлъ взять ее назадъ къ себѣ, но получилъ презрительный отказъ жить съ человѣкомъ, непобоявшимся обезчестить и жену и себя. Въ свою очередь, онъ отказалъ въ согласіи на разводъ, котораго она просила, и когда онъ умеръ, два года спустя послѣ разлуки, и навсегда рушились узы, дѣлавшія ее несчастною, она не захотѣла освятить бракомъ правъ, которыя дала своему любовнику.

Баронъ Андлау былъ для нея снисходительнымъ и кроткимъ отцомъ, умѣрявшимъ благоразумными совѣтами порывы ея безпорядочнаго воображенія. Необходимо въ точности узнать отношенія ихъ, чтобъ судить о цѣломъ романѣ, и мы возвращаемся съ Фаустиной съ дрезденской террассы въ домъ ея, гдѣ ждетъ ее съ безпокойствомъ баронъ Андлау.

«Что это она такъ долго не йдетъ? Ужь не случилось ли чего-нибудь? Зачѣмъ я не пошелъ вмѣстѣ съ ней! Моей больной головѣ не сдѣлалось бы отъ того хуже. И что мнѣ вздумалось отпустить ее въ такую пору?

«Взявъ шляпу, онъ хотѣлъ идти отъискивать ее. Вдругъ послышались легкіе шаги ея по ступенькамъ. Онъ торопливо отворилъ дверь. Комната, наполненная мглою, казалось, освѣтилась въ ту минуту, какъ она входила. Фаустина кинула шляпку на одинъ столъ, альбомъ на другой, бросилась сама на диванъ и сказала прерывистымъ голосомъ:

— Эскизъ будетъ чудесный, мой милый Анастасъ... но я устала.., устала до смерти!

— Зачѣмъ же такъ изнурять себя? Не-уже-ли рѣшительно нужно, чтобъ этотъ пейзажъ былъ такъ сильно освѣщенъ?

— Нужно, нужно, отвѣчала она. — Ну, вотъ я уже отдохнула, и сегодня же вечеромъ ты проводишь меня въ Нейштадтъ. Я хочу составить себѣ точное понятіе о рѣкѣ и церквахъ при свѣтѣ луны.

Андлау, не говоря ни слова, подалъ ей письмо отъ одной ея родственницы,

Digitized by Google

которымъ она прик[illegible]ее къ себѣ.

— Ну, что жь? с[illegible]графиня: — отправимся послѣзав[illegible] Мы поѣдемъ вмѣстѣ до Кобурга. Оттуда ты поѣдешь въ Киссингенъ, я въ Обервальдорфъ. Въ первыхъ числахъ іюля я пріѣду къ тебѣ, и мы отправимся въ Бельгію.»

Планъ этотъ былъ принятъ безъ возраженія. Андлау старался дѣлать все, что могло быть ей пріятнымъ, и такъ-какъ обыкновенно она заботилась только о немъ, то мы должны вмѣнить ему въ заслугу, что онъ былъ такъ покоренъ ей. Многимъ мужчинамъ скоро надоѣдаетъ роль идоловъ. Въ эту минуту, она сидѣла подлѣ него на диванѣ. Онъ напечатлѣлъ поцалуй на челѣ ея и остановилъ на ней взоръ, полный невыразимой нѣжности, невыразимой преданности, невыразимаго счастія. Фаустина одна видѣла эту улыбку, въ которой отражалось глубокое довольство, исходившее изъ сердца. Онъ чувствовалъ, что онъ для нея — все; смотря по тому, въ совѣтахъ ли имѣла она нужду, или въ нѣжности, онъ былъ ея отцомъ, другомъ, господиномъ, любовникомъ. Она вполнѣ полагалась на него, покоряла его высокому разсудку порывы своей фантазіи; его всегдашнему спокойствію — свою вѣчно-безпокойную раздражительность. Разъ, улыбаясь, сравнивала она себя съ восточными невольницами, которыя единственнымъ символомъ рабства носятъ на рукѣ золотую цѣпочку, служащую болѣе украшеніемъ, чѣмъ знакомъ невольничества. «Твоя любовь» улыбаясь говорила она ему: «также украшаетъ меня, но она меня порабощаетъ.»

—Правда, это цѣпь, отвѣчалъ онъ:— но безъ нея всякій вѣтеръ могъ бы унести тебя.

— Ну, ну, я не жалуюсь, продолжала Фаустина.—Я отъ природы невольница и люблю того господина, который умѣетъ держать меня въ рукахъ.»

Чтобы узнать, какъ судилъ о нихъ свѣтъ, надо взглянуть на портретъ Фаустины:

«... Почти всѣ женщины любили ее, никогда не считая своей соперницей. Она не завидовала имъ ни въ побѣдахъ, ни въ нарядахъ, ни въ обожателяхъ, и какъ-нельзя-лучше обходилась безъ всѣхъ этихъ условій ихъ счастія. Правду сказать, красота и умъ ея затмѣвали самыхъ блестящихъ красавицъ и умницъ, но большая часть ихъ не замѣчала этого. Красавицы говорили: у ней замѣчательный умъ, но она вовсе не красавица.—Умницы говорили: у ней нѣтъ здраваго смысла, но она красавица. И ни одна изъ нихъ не думала сравнивать себя съ нею, точно такъ же, какъ прекрасная оранжерейная роза не стала бы соперничать съ дикими цвѣтами, сорванными на Альпахъ. Увидѣвъ портретъ ангела, одинъ краснокожій Индіецъ воскликнулъ: «онъ изъ моей породы!» — Люди, испорченные цивилизаціей, теряютъ этотъ божественный инстинктъ.

«...Толпа мужчинъ не собиралась вокругъ ея» продолжаетъ романистка; «не любила она ихъ пошлой лести, не прощала имъ глупаго тщеславія... Съ ней болѣе любили бесѣдовать люди пожилые, потому-что она обнаруживала къ нимъ болѣе привязанности, чѣмъ къ другимъ, отчасти и отъ-того, что она тутъ менѣе рисковала — не влюбиться, — этого она не опасалась, — а быть подозрѣваемою въ любви; что, какъ извѣстно, сопряжено всегда съ непріятностями. Она была безъ состоянія, безъ вліянія на мнѣніе общественное, безъ узъ семейныхъ или общественныхъ. И однакожь, личныя качества ставили ее такъ высоко, что свѣтъ безмолвно допускалъ законность ея связи съ барономъ Андлау. Свѣтъ старался извинить такую снисходительность, принималъ видъ, будто вѣритъ, что они тайно женаты.»

Фаустина ѣдетъ къ своей родственницѣ, гдѣ съ ней не случилось ничего особенно-замѣчательнаго, кромѣ того, что молодой энтузіастъ, Климентъ Вальсдорфъ, принятый какъ другъ дома у ея родныхъ, безумно влюбляется въ нее, не смотря на то, что она старается отнять у него всякую надежду. Андлау, когда они опять свидѣлись,

Digitized by Google

испугался лихорадочнаго жара первыхъ ласкъ Фаустины.

«...Выше всякаго выраженія была она прекрасна и очаровательна въ бурномъ изліяніи чувительности. Но Андлау такъ любилъ Фаустину, что съ трепетомъ наслаждался этими пышными молніями любви. Онъ дрожалъ, видя ее столь прекрасною; его пугали эти лихорадочные порывы и казалось ему, что, придавая блескъ прелестямъ его возлюбленной, они истощаютъ ея слабыя силы.

— Зачѣмъ же ты плачешь, Ини? спрашивалъ ее Андлау.—Положимъ, ты могла плакать, пока мы не видались,— а теперь?

— Такъ знай же, воскликнула она:— ты педантъ, вотъ и все. Развѣ счастіе бываетъ по заказу? Развѣ есть для него правила? Развѣ наблюдаетъ оно какіе-нибудь обряды? Когда радость, поцалуи, ласки недостаточны ему, развѣ ты запретишь ему выражаться слезами и грустнымъ воспоминаніемъ о собственномъ его безсиліи?..»

Скоро потомъ умерла мать Андлау. Необходима новая разлука. Какъ водится, любовники мѣняются обѣтами въ вѣчномъ постоянствѣ.

— Ини, пусть это слово будетъ послѣднимъ: не забывай меня!

— Какая старая шутка, Анастасъ!

— Нѣтъ. Ничего не можетъ быть серьёзнѣе. Ты не знаешь сама, до какой степени можешь забыть все...

— Все, можетъ-быть, мой другъ, — всѣхъ и все... но тебя — никогда! «И страстно сжала она его въ своихъ объятіяхъ и когда онъ вырвался изъ рукъ ея, и когда дверь затворилась за нимъ, она почувствовала, будто ангелъ-хранитель покинулъ ее. «Онъ уѣхалъ! уѣхалъ!» воскликнула она, падая на колѣни: —Боже мой, Боже! теперь Ты охраняй меня!»

Проходятъ два мѣсяца; графиня рѣдко выѣзжаетъ, почти никого не принимаетъ. Въ Дрезденъ пріѣзжаетъ молодой обожатель ея, Климентъ Вальсдорфъ, и чтобы избѣжать слишкомъ частыхъ свиданій съ нимъ на-единѣ, она рѣшается чаще показываться въ свѣтѣ. У одной пріятельницы встрѣчаетъ она графа Маріо Менгена, того иностранца, который на дрезденской террасѣ съ такимъ участіемъ разспрашивалъ про нее. Онъ остроуменъ, образованъ, и обладаетъ независимостью идей, отъ которой тотчасъ рождается между имъ и Фаустиной довольно-замѣтная симпатія. Въ нѣсколько дней, онъ становится для ней дорогимъ собесѣдникомъ. День, который проводитъ она, не видавъ его, кажется ей днемъ потеряннымъ или по-крайней-мѣрѣ неполнымъ. Она гораздо-лучше переноситъ отсутствіе человѣка, котораго предпочитаетъ всему.

Съ большимъ искусствомъ описаны нечувствительные успѣхи раждающейся привязанности; но мы не можемъ останавливаться на главахъ, посвященныхъ мелочнымъ описаніямъ этихъ успѣховъ, и спѣшимъ къ тому моменту, когда новая любовь перестаетъ быть тайною и для невѣрной Фаустины и для счастливаго Менгена. Разъ вечеромъ, пріѣхавъ къ ней, онъ застаетъ ее за географическими картами и спрашиваетъ, чѣмъ она занимается.

«...Путешествіемъ моимъ на востокъ», отвѣчала она. За тѣмъ она разсказала ему планъ путешествія, и спросила, не хочетъ ли онъ ѣхать вмѣстѣ съ нею. Разумѣется, онъ тотчасъ съ радостью согласился на предложеніе. Она продолжала говорить, вызывая воспоминанія, какія исторія и поэзія могли доставить будущимъ путешественникамъ. Вдругъ она сказала:

— Одинъ пріятель Андлау назначенъ консуломъ въ Александрію; объ этомъ пишетъ мнѣ самъ баронъ, и на этомъ извѣстіи строю я цѣлую пирамиду надеждъ.

— Если баронъ Андлау ѣдетъ съ вами, прервалъ ее Менгенъ холоднымъ тономъ:—я буду лишній. Я думаю, вы охотно уволите меня.

— Зачѣмъ, кротко возразила она:— лишать васъ удовольствія, которое сейчасъ вамъ улыбалось? Другъ никогда не можетъ быть лишнимъ человѣкомъ.

Digitized by Google

—Вы сдѣлали меня своимъ рабомъ!.. вашимъ другомъ — я никогда не буду.

— Если такъ, разбейте ваши оковы... но признаюсь, я не знала своей власти надъ вами. . . . . .

. . . . . Ступайте же, графъ Менгенъ, ступайте!.. если я похитила вашу свободу, то не думаю удерживать ее навсегда въ плѣну.

— Вы сказали, что сами не сознаете своей власти надо мною?

— Жалоба!.. Согласитесь, что она лишняя. Если вы разбиваете свои оковы, то теряете право проклинать ихъ».

Потомъ, какъ-бы предчувствуя, что сила души графа скоро подвергнется испытанію, полу-смѣясь, полу-серьёзно, потребовала у него обѣщанія, что онъ никогда не измѣнитъ самому-себѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Менгенъ, давъ требуемую клятву: — но я желалъ бы получить отъ васъ залогъ, который могъ бы безпрестанно напоминать мнѣ мое вѣроломство, залогъ, который не покидалъ бы меня никогда.

— Требованіе совершенно-справедливое, сказала она:—герцогъ Христіанъ-Брауншвейгскій всегда носилъ на каскѣ перчатку, данную Елизаветой-Пфальцской. Моя желтая перчатка какъ нельзя-лучше пристаетъ къ черной вашей шляпѣ.

Маріо, не говоря ни слова, пошелъ къ бюро Фаустины, гдѣ замѣтилъ этрусскую вазу, наполненную перстнями и перчатками. Онъ взялъ ее и молча подалъ графинѣ. Она кинула быстрый взглядъ на то, что лежало въ вазѣ и выбрала золотой перстень съ большой жемчужиной и съ девизомъ: *qui me cherche me trouve.*

— Нравится ли вамъ этотъ перстень?

— Менгенъ протянулъ къ ней руку и жестомъ просилъ Фаустину дать этому подарку характеръ торжественнаго союза. Она готова была уступить, и уже перстень готовъ былъ перейдти изъ руки ея на палецъ, назначенный для символовъ брака, какъ вдругъ она задумалась, и медленно сказала:

— Нѣтъ, этотъ палецъ когда-нибудь будетъ носить другой перстень, подлѣ котораго моему перстню нельзя будетъ оставаться. Дайте ему мѣсто, которое осталось бы за нимъ навсегда... Не возражайте, продолжала она болѣе одушевленнымъ тономъ:—это моя прихоть. Пусть будетъ мѣсто и для меня, — крошечное мѣстечко, — только бы оно было мое; иначе я рѣшительно отказываюсь; выбирайте!

— Приказывайте, возразилъ Менгенъ. Я хотѣлъ только замѣтить вамъ, что всякое мѣсто, разъ выбранное вами, безвозвратно будетъ принадлежать вамъ.

— Вѣрю... но смотрите: этотъ перстень совершенно приходится на вашъ мизинецъ... И не прибавивъ ни слова, она надѣла его на мизинецъ.

Какъ-скоро онъ ушелъ, Фаустинѣ представился вопросъ, понравится ли барону этотъ подарокъ. Будь онъ здѣсь, онъ хладнокровно смотрѣлъ бы на эту шутку и, безъ просьбы, утвердилъ бы ее нѣмымъ согласіемъ; но въ его отсутствіи... И чтобъ успокоить себя, она рѣшилась на другой день описать ему все, что было.

Не надо имѣть большой проницательности, чтобъ угадать, что она этого не сдѣлала. Романистка всѣми силами старается убѣдить насъ, что въ этомъ поведеніи не было ни кокетства, ни эгоизма, ни намѣренія играть чувствами, возбужденными съ умысломъ. Жертвы Фаустины несправедливо стали бы упрекать ее въ измѣнчивости; если судьба ихъ сплетена была съ ея судьбою, это была ихъ вина или ихъ несчастіе.

«Я не могу жить одна... и не будь здѣсь Менгена... къ-счастію, онъ здѣсь!.. Таково было чувство, господствовавшее въ графинѣ; она не спрашивала себя, будетъ ли свиданіе съ Маріо доставлять ей такое же удовольствіе, когда возвратится баронъ, и, въ противномъ случаѣ, не будетъ ли Маріо имѣть причины жаловаться на нее. Она не привыкла разбирать законность склонностей, которымъ предавалась, какъ дитя, не предвидя ника-

Digitized by Google

кой опасности. Хотя въ ней было все, что обыкновенно производитъ легкомысліе, но несправедливо было бы поставить ее въ разрядъ женщинъ легкомысленныхъ, вѣтреныхъ; она считала задачею жизни достиженіе возможно-большаго совершенства и каждое приключеніе было для нея какъ-бы ударомъ рѣзца, обтесывающимъ изъ глыбы божественную статую. Всѣ счастливыя, всѣ несчастныя событія, случавшіяся съ ней, она считала даромъ неба, ниспадшимъ на дорогу ея, которымъ она должна пользоваться для своего умственнаго и нравственнаго успѣха, не думая дѣлать вреда никому. Но чья судьба могла удержаться въ такомъ совершенномъ отчужденіи, чтобъ къ этой одинокой нити насильственно не приплелись другія нити?»

Чувство критическаго положенія пробудилось въ ея ослѣпленной душѣ. Сойдутся ли мирно Андлау и Менгенъ? Можно ли ей будетъ оставаться въ одинаковомъ отношеніи и къ тому и къ другому? Она чувствовала, что нѣтъ; она чувствовала, что нужно объяснить Менгену отношенія свои къ Андлау, но такое признаніе удалило бы отъ нея Маріо, и такая жертва была выше силъ ея. Пока она еще колебалась, Менгенъ принужденъ былъ покинуть Дрезденъ. На послѣдній вечеръ, который они должны были провести вмѣстѣ, она назвала къ себѣ много гостей; но онъ выждалъ всѣхъ, и они остались наединѣ.

«Безмолвно, скрестивъ руки на груди, онъ стоялъ нѣсколько минутъ передъ нею; сердце его было такъ полно, что слова не доходили до устъ. Она встала и взяла руку печальнаго путешественника.

— До близкаго свиданія, мой другъ! сказала она ему.

И онъ, сжавъ въ своей рукѣ обѣ ея руки, сказалъ ей такимъ же тихимъ и дрожащимъ голосомъ:

— Могу ли я такъ проститься съ вами, Фаустина?.. Уже-ли вы думаете, что это возможно?

Онъ прижалъ ее къ груди своей.

— Это нехорошо, сказала графиня.

— Простите, Фаустина, и рука его играла волосами ея и соскользнула на ея щечки... простите, я васъ люблю...

Она тотчасъ подняла голову, высвободилась изъ объятій его, и подняла руки къ небу.

— Онъ любитъ меня! воскликнула она. Голосъ ея обличалъ глубокій восторгъ.

— Отъ-чего это смущеніе, отъ-чего этотъ румянецъ? спросилъ Маріо, и охватилъ ее руками, чтобъ привлечь къ себѣ.

— Онъ любитъ меня! повторила она, увлекаемая внутреннимъ восторомъ. Она взяла въ обѣ руки благородную голову Маріо, нѣсколько минутъ смотрѣла на нее съ какимъ-то упоеніемъ, тихо покачала своей головой, и, какъ-бы во снѣ, проговорила:

— Но это неправда.

— Это неправда, Фаустина? Но развѣ вы не чувствовали, какъ постепенно жизнь моя дѣлалась вашей, какъ сердце мое пріучалось биться въ вашей груди, какъ умъ, душа моя сливались съ вашимъ умомъ, съ вашей душей? Фаустина! Не любовь ли это?

— Но это ужасно... ужасно!

— Отъ-чего же, Фаустина? отъ-чего? Вы любите меня...

— Я! воскликнула она, проведя рукой по челу своему, какъ-будто желая убѣдиться, что все это не сонъ:—я... васъ... Вы ошибаетесь, графъ Менгенъ...

Страшныя судороги исказили лицо Маріо. Онъ грубо оттолкнулъ отъ себя графиню и угрожающимъ голосомъ произнесъ:

— Фаустина!

Она упала въ кресла; ручьемъ полились ея слезы, и все обнаруживало въ ней невыразимое страданіе... Маріо, сдѣлавшій уже нѣсколько шаговъ къ двери, почувствовалъ себя не въ-силахъ покинуть ее; онъ воротился, сталъ подлѣ нея на колѣни.

— Фаустина, сказалъ онъ: — зачѣмъ эта ложь?

Digitized by Google

— Я не лгу, отвѣчала она, не смѣя взглянуть ему въ лицо.

— Поднимите глаза, отвѣчалъ онъ:— поднимите ихъ спокойно и твердо. Отвѣчайте мнѣ теперь: Фаустина, правда ли, что вы меня не любите?

— *Нѣтъ*, отвѣчала она голосомъ, который едва былъ слышенъ. Но невольно глаза ея прикованы были къ глазамъ графа, и небесная нѣжность, которой они были проникнуты, какъ бальзамъ, текла на рану его.

— Они лгутъ, воскликнулъ Маріо, упоенный счастіемъ: — они лгутъ... лгутъ ваши прекрасныя и обманчивыя уста... Ваши глаза сказали *да;* я имъ вѣрю.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила она, и на этотъ разъ ея руки закрывали измѣну ея глазъ: — не вѣрьте обманчивымъ глазамъ; я говорю правду.

— Фаустина! воскликнулъ, поднявшись, Маріо, и дрожаніе голоса придавало его гнѣву страшное выраженіе. — Если вы меня не любите, если все это была шутка, забава праздности, если всѣ очарованія, которыми одарило васъ небо, употребили вы на службу кокетству, если привычка такъ пріучила васъ къ страданіямъ другаго, что вы изъ любопытства можете разсѣкать живыя, трепещущія сердца, которыя обливаются кровью подъ вашимъ скальпелемъ... я не могу найдти слова, чтобъ выразить презрѣніе, которое вы внушаете мнѣ.

— Маріо! воскликнула Фаустина, падая на колѣни: — Маріо, не вѣрьте мнѣ... я васъ люблю... »

И за тѣмъ посвящаетъ она его въ тайны минувшей своей жизни, которой главныя событія мы представили выше. Когда она кончила свою исповѣдь, Маріо сказалъ:

— Благодарю васъ за искренность признанія. Благодарю вдвойнѣ, потому-что изъ него не вижу я ничего, почему мы должны были навсегда разстаться.

Фаустина смотрѣла на него, не говоря ни слова, она все еще считала это какъ-бы сновидѣніемъ.

— Ничего... продолжалъ онъ: — вы любите меня и не любите Андлау. Если бы вы еще любили его, то смотрѣли бы на меня равнодушно, какъ смотрятъ на каждаго встрѣчнаго.

. . . . . .

— Въ такомъ случаѣ, сказала она:— я низко-вѣроломна!

— А какъ назвали бы вы свое поведеніе, еслибъ остались между нами обоими, обоими обольщенными, очарованными, владѣющими половиной васъ, и немогущими назвать васъ своею? И что бы были вы въ собственныхъ вашихъ глазахъ, если бы, принося тому, кого вы любили, сердце уже раздѣленное, сказали ему: — я люблю другаго, но останусь вамъ вѣрна? Вы любите все доброе, все прекрасное, все возвышенное, гдѣ ни найдете его: вотъ почему, Фаустина, вы такъ опасны. Вы такъ предаетесь впечатлѣніямъ настоящимъ, что воспоминаніе прошедшаго не можетъ навсегда васъ сковывать: вотъ что дѣлаетъ васъ слабою. Не буду оправдывать этой слабости, потому-что вы обвинили бы меня въ сомнѣ, и, что еще хуже, стали бы подозрѣвать мое безкорыстіе. Но, повѣрьте мнѣ, еслибъ вы были моей сестрой, я сказалъ бы то же самое. Не надо лгать самому-себѣ. Обманывая себя, мы осуждаемъ себя на жизнь мучительную. Плохая шутка — лгать душѣ своей. Не йдите далѣе по этой дорогѣ; сойдите съ нея рѣшительнымъ и невозвратнымъ движеніемъ. Рѣшите, Фаустина, рѣшите выборъ навсегда, не сходя съ этого мѣста. Чрезъ полчаса я уйду изъ этой комнаты... рѣшите, должно ли мнѣ когда-нибудь воротиться въ нее. Намъ нельзя болѣе оставаться тѣмъ, чѣмъ были мы другъ для друга.

Она колеблется еще, не смотря на его настойчивыя просьбы; но такъ-какъ ея воля всегда уступала волѣ, которая была тверже ея, то она подходитъ съ Маріо къ письменному столу.

— ...Теперь, Фаустина, надо написать письмо.

— Великій Боже, тихо сказала она,

Digitized by Google

опускаясь въ кресло:—этого я не могу сдѣлать.

— Ну, такъ я сдѣлаю за васъ, сказалъ Маріо самымъ спокойнымъ тономъ.

— Съ ума что ли вы сошли? вскричала она внѣ себѣ:—ни чья рука, кромѣ моей, не вонзитъ этого кинжала въ его сердце. Знаете ли вы — я, я это знаю — знаете ли вы, что требуете у меня его жизни?

— Безъ сомнѣнія, возразилъ Маріо. Я требую его жизни, чтобъ спасти свою.

. . . . . .

Видите, думать болѣе нечего. Положимъ, вмѣсто его, вы осудили бы на смерть меня, что бы сдѣлали вы потомъ? Хранили ли бы вы передъ Андлау высокое молчаніе? Такое усиліе было бы выше вашего мужества. Притомъ, онъ отгадалъ бы, что вы для него уже не то, что были прежде, и если бы потребовалъ онъ у васъ объясненія этой перемѣны, не-уже-ли вы стали бы обманывать его лицемѣрной наружностью? Не-уже-ли вы съумѣли бы солгать? Допустимъ, напротивъ, что онъ узнаетъ отъ васъ все. Не думаете ли вы, что это впечатлѣніе когда-нибудь изгладится? Еслибъ съ вашей стороны это была просто прихоть, шутка, которой я сдѣлался жертвою, конечно, онъ посмѣялся бы и утѣшился. Но теперь, можетъ ли онъ?..

— Ни теперь, ни никогда... И, говоря это, она взяла перо. Вотъ что написала она:

«Анастасъ, ваше послѣднее слово «сбылось. Я забыла васъ... Нѣтъ, нѣтъ, «я сама себя забыла. Я забыла, что мо«гу, что должна жить только вами од«нимъ. Мы никогда не увидимся, мой «другъ. Знаю, что этими словами под«писываю вашъ смертный приговоръ, и «не прошу у васъ прощенія. Вы луч«ше знаете теперь, что должны думать «о Фаустинѣ.»

Когда-то Фаустина просила барона, чтобъ онъ былъ ревнивъ къ ней, и онъ серьёзно отвѣчалъ на эту просьбу, высказанную съ улыбкою: «Вы знаете, что «ревности съ моей стороны быть не мо«жетъ, потому-что я не знаю соперни«ковъ. Я не такой человѣкъ, чтобъ сталъ «защищать добро, которое у меня оспо«риваетъ другой». Вѣрный этому правилу, онъ нѣсколько мѣсяцевъ не отвѣчалъ на роковое письмо, на этотъ «смертный приговоръ», такъ хорошо названный графинею.

Въ-теченіе этого времени, Менгенъ употреблялъ всѣ доводы любовной логики, чтобъ побѣдить отвращеніе графини къ брачнымъ узамъ. Уступая его просьбамъ, она обѣщаетъ наконецъ выйдти за него замужъ, какъскоро онъ получитъ согласіе своихъ родныхъ, и онъ уѣзжаетъ съ этою цѣлью. Пока онъ былъ въ отсутствіи, Клементъ Вальсдорфъ начинаетъ снова ѣздить къ Фаустинѣ, и, находя ее попрежнему нечуствительною, застрѣливается въ ея глазахъ. Маріо возвращается, отрываетъ графиню отъ этой ужасной сцены и наконецъ становится ея мужемъ.

Пять лѣтъ они были счастливы. Фаустина была гордостью и радостью новой ея родни. Умственное превосходство, — дѣлающее несносными женщинъ достоинства второстепеннаго, — казалось, дано было ей для того, чтобъ доказать, что самая умная и самая отличная женщина можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и самою любезною. «Она умѣла складывать свои крылья, чтобъ другія не видѣли съ досадой, что лишены ихъ,—но какъ-скоро находила поощреніе, то развертывала ихъ, поднималась въ высоту, и бросала намъ полными руками блестящіе лучи и благовоніе новой страны, гдѣ носилась она.»

Но пожирающій червь гнѣздился въ благородномъ цвѣткѣ. Фаустина, незная почему, чувствовала въ себѣ безпокойство и какъ-бы усталость отъ слишкомъ-продолжительнаго покоя. «*На свѣтѣ находятъ удовлетвореніе только души полныя любви къ Богу*», восклицала она, и мысль ея стремилась къ жизни монастырской. «Вѣчная любовь, вѣчное обожаніе вѣчнаго существа... Вотъ что можетъ сдѣлать меня навсегда сча-

Digitized by Google

стливою!» Страсть къ живописи, и, вѣтеченіе нѣкотораго времени, страсть къ знаменитости, были для нея недостаточнымъ развлеченіемъ. Съ справедливою гордостью, какую даетъ сознаніе генія, говорила она: «Меня мучитъ мысль, что мои портреты могутъ «нравиться моимъ современникамъ, и «въ-послѣдствіи будутъ презираемы. Я «обладаю кладомъ, но что̀ извлекаю «изъ него, золото ли? алмазы ли? вотъ «чего я не знаю, по-крайней-мѣрѣ не «знаю положительно. Мы обманываемся «на счетъ достоинства нашихъ произведеній, какъ матери на-счетъ красоты «дѣтей. Петрарка думалъ, что его поэма «Африка» будетъ безсмертна, а «безсмертья достигъ онъ сонетами. «Что̀ если я оставлю только «Африку?»

Чтобы развлечь жену, Маріо возвращается къ мысли о путешествіи на Востокъ, и пока это путешествіе имѣетъ прелесть новости, оно дѣйствительно успокоиваетъ или, лучше сказать, усыпляетъ воображеніе Фаустины. Но потомъ безпокойство снова овладѣваетъ ею: — «не хочу болѣе путешествовать; я знаю теперь, что страны и люди вездѣ одни и тѣ же; измѣняется только поверхность, т. е. климатъ однихъ, темпераментъ другаго. То, что̀ даютъ намъ за новое, всегда немножко-старо; то̀, что̀ кажется оригинальнымъ, если посмотрѣть поближе, вовсе неоригинально.»

Тщетно Менгенъ напоминаетъ ей, что на свѣтѣ не должно ожидать полнаго удовлетворенія, для котораго мы и не рождены, что еслибъ какимъ-нибудь чудомъ, она достигла полнаго осуществленія своихъ желаній, то стала бы плакать, какъ Александръ, что не можетъ завоевать міровъ неизвѣстныхъ; тщетно пытается онъ вдохнуть ей прежнюю страсть къ живописи, къ поэзіи, къ славѣ.

«Къ чему это? отвѣчала она; сказать правду, все не первостепенное не существуетъ; первостепенныхъ не наберешь болѣе двухъ-трехъ книгъ, двухъ-трехъ статуй, двухъ-трехъ картинъ. Каждая изъ нихъ означила эру, открыла дорогу, дала толчокъ; это не зависѣло отъ человѣка, изъ рукъ котораго вышли эти образцовыя созданія, а отъ воли божественной, пославшей его для этой цѣли на землю. . . . . .

— Ты меня уже не любишь, съ горестію воскликнулъ онъ.

— Безумный! отвѣчала она, сопровождая это слово восторженною улыбкою... Не открылъ ли ты святилища моего сердца? мой сынъ не твой ли сынъ? Нѣтъ, Маріо, я люблю тебя; я никогда ничего не любила такъ, какъ тебя, я ничего не буду любить ни *послѣ* тебя, ни *выше* тебя... кромѣ Бога. Впрочемъ, моя душа предавалась съ твоей душею такимъ восторгамъ любви и вдохновенія, что тамъ, гдѣ мы оба блуждали, нѣтъ уже для меня неизвѣстнаго... Ища клада въ моемъ сердцѣ, въ немъ сдѣлали столько развалинъ, что этотъ плодоносный рудникъ, можетъ-быть, уже истощенъ. Возлюбленный Маріо! не завидуй кратковременному покою моему на краю могилы. Еслибъ ты зналъ, какъ я утомлена, ты бы самъ проводилъ меня на стезю не столь суровую.

— Стезя, на которой ты находишься, не приведетъ тебя къ счастію, потому-что удаляетъ отъ всѣхъ твоихъ обязанностей. Не клялась ли ты передъ Богомъ, что будешь дѣлить со мной всѣ добрые и дурные дни? Не лежитъ ли на тебѣ обязанность заботиться о малюткѣ-сынѣ? И не должна ли ты дать отчетъ Богу въ геніи, который онъ даровалъ тебѣ? Для чего облекъ Онъ тебя силою поучать и утѣшать человѣчество? Не забывай, Фаустина, что вѣнецъ терновый и вѣнецъ славы—нераздѣльны. Величайшіе геніи суть дѣти жесточайшихъ страданій. По какому праву требуешь ты награды, не выдержавъ испытанія?»

Медлительная болѣзнь убила Андлау. Фаустина прибыла во̀-время, чтобъ проститься съ своимъ другомъ. Слабымъ голосомъ, который другой едва-ли разслышалъ бы, она прощеп-

Digitized by Google

тала одно слово: *Анастасъ*, и онъ, уже почти-нечувствительный къ впечатлѣніямъ внѣшнимъ, раскрылъ глаза, тихо улыбнулся, протянулъ къ ней холодѣющую руку, и не въ силахъ будучи произнести ничего, кромѣ сокращеннаго имени Фаустины, умеръ съ словомъ:—*Ини..!*»

Фаустина вступила въ монастырь *Vive Sepolte*, въ Римѣ, и, мѣсяцевъ пять бывъ образцомъ христіанскаго смиренія, отдала Богу свою душу.

Мы анализировали созданіе, конечно, неправдоподобное, но не смотря на то замѣчательное. Даже среди Нѣмокъ, которыя представляютъ такое множество разнообразныхъ женскихъ типовъ, не найдете фигуры, которая напоминала бы вамъ фигуру Фаустины. По-этому, не должно заниматься истинностью этого характера чисто-идеальнаго, ни вымысломъ, совершенно-фантастическимъ, въ которомъ онъ движется. Критика должна смотрѣть на этотъ романъ съ другой точки.

Графиня Ганъ-Ганъ хотѣла развить свою теорію жизни человѣческой; для этого, ей нужно было лицо, въ которомъ соединены были бы всѣ помыслы генія, всѣ странности ума, всѣ прихоти сердца; она дала ему и страсть, и высокій умъ, и ангельскую прелесть, не заботясь о противорѣчіяхъ между качествами, которыми она полными руками надѣлила его. Поэтому, въ Фаустинѣ видите вы и глубокомысліе и легкомысліе, самолюбіе и скромность, вѣроломство и благородство, чувствительность, воображеніе, ученость, красоту, геній, видите, что въ ней соединены всѣ условія физическаго и нравственнаго совершенства, точно такъ же, какъ греческимъ художникомъ сосредоточены были нѣкогда въ Венерѣ разсѣянныя красоты пластическаго идеала.

Какова же была цѣль ея? Не можемъ пропустить безъ вниманія слѣдующихъ словъ графини Ганъ-Ганъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги и обращенныхъ къ одному ея другу: «Женщины, подобныя Фаустинѣ, суть ангелы, которымъ правосудное Провидѣніе поручаетъ мстить за нашъ полъ, и которыя низходятъ на землю, увы! слишкомъ-рѣдко, чтобы дѣлать своей добычей лучшихъ изъ васъ. Лучшихъ, говорю я, потому-что только лучшіе изъ васъ могутъ отдавать все сердце въ замѣнъ другаго сердца, жизнь за жизнь. О, мой другъ, берегитесь Фаустинъ!»

Подъ перомъ женщины, эти слова значатъ почти то же, что: *берегитесь меня!* И люди подозрительные не пропустили этого случая; они замѣтили, что графиня Ида и графиня Фаустина —одно лицо. Мы уже сказали, что графиня Ида протестовала противъ этого толкованія; но могла ли она поступить иначе?

Въ сочиненіи, въ которомъ помѣщенъ этотъ протестъ («Ulrich»), замѣчательно еще слѣдующее мѣсто: «Не одарена ли большая часть женщинъ, соразмѣрно съ ихъ достоинствомъ, нѣкоторымъ сходствомъ съ Фаустиною? Не сходны ли онѣ съ нею особенно жадностію къ ощущеніямъ? Намъ—мужчинамъ, часто надоѣдаетъ доброе и простое созданіе, родъ общаго мѣста въ юбкѣ, которое умѣетъ любить только своихъ дѣтей. За то женщинѣ съ умомъ и талантомъ, прихотливой, обольстительной, очаровательной... такой женщинѣ часто наскучаемъ мы.»

Другими словами, главная аксіома механики удобопримѣнима къ чувству, и можно сказать, что страсть, по мѣрѣ времени или продолженія, теряетъ свою напряженность или силу. Мы не можемъ сохранять и издерживать ее въ одно и то же время, или, говоря возвышеннымъ языкомъ поэзіи, тѣ, которые счастіемъ считаютъ непрерывный рядъ восторженныхъ ощущеній, осуждены на безпрестанное колебаніе, какъ сказалъ Байронъ, «между горемъ неудачи и горемъ пресыщенія».

«Ульрихъ» не такая простая драма, какъ «Фаустина»; интересъ дробится въ немъ на нѣсколько лицъ. Графиня Ганъ-Ганъ беретъ трехъ дѣвушекъ при

Digitized by Google

выходѣ ихъ изъ знаменитаго гейдельбергскаго института, и шагъ-за-шагомъ слѣдуетъ за ними въ жизни. Первая—Уника, дочь графа Эрберга, жена Ульриха, героя романа; вторая — Маргарита, дочь благородной и бѣдной вдовы, выходитъ замужъ за князя Тирштейна, изъ уваженія къ волѣ матери; третья — Клотильда, становится женою графа Оствальда изъ желанія быть графинею. Клотильда — дочь франкфуртскаго банкира.

Вступая въ бракъ съ Ульрихомъ, Уника объявляетъ, что хочетъ жить независимо, и тѣмъ отнимаетъ у мужа самыя драгоцѣнныя права его. Ульрихъ, гордость котораго глубоко оскорблена, клянется, что принимаетъ этотъ приговоръ, произнесенный на порогѣ брачной комнаты. Такая рѣшимость не тягостна для него, потому что онъ питаетъ къ женѣ только довольно-холодную дружбу. Уника, напротивъ, своимъ страннымъ отказомъ хотѣла только привлечь къ себѣ сердце мужа. Къ несчастію для нея, она не сообразила слѣдствій первой страсти, которая оставила неизгладимые слѣды въ сердцѣ Ульриха.

Однажды, встрѣтилъ онъ на Комскомъ-Озерѣ прекрасную незнакомку, по имени Мелюзину, влюбился въ нее и встрѣтилъ пылкую взаимность. Черезъ мѣсяцъ, эта взаимная страсть вдругъ кончилась, какъ сладостный сонъ. Мелюзина исчезла, запретивъ Ульриху развѣдывать, кто она, или слѣдовать за ней.

Онъ послушался и встрѣтился съ ней не ранѣе, какъ четыре года спустя, на улицахъ Берлина. Только тогда онъ узналъ, что идолъ его сердца просто любовница одного дипломата.

Такое разочарованіе оставило въ сердцѣ его грусть, и Уника, вмѣсто того, чтобъ отталкивать его ложнымъ равнодушіемъ, должна бы исцѣлить его сердце нѣжностью. Она замѣчаетъ это и раскаивается. Впрочемъ, все идетъ довольно-хорошо до той минуты, когда она пріѣзжаетъ съ мужемъ къ князю Тирштейну, гдѣ онъ встрѣчается съ Маргаритой. Судите объ изумленіи его: въ этой молодой и блестящей княгинѣ видитъ онъ живой портретъ Мелюзины, видитъ Мелюзину, но чистую, непорочную, прекрасную, очаровательную, уважаемую.

Нѣсколько мѣсяцевъ между ними существуетъ дружба, скажемъ вѣрнѣе, настоящая любовь, подробности которой наполняютъ большую часть книги; наконецъ, они чувствуютъ, что имъ надо разстаться, чтобъ не совершить двойной измѣны, двойнаго преступленія. Маргарита удаляетъ Ульриха и приказываетъ ему дожидаться, пока она позволитъ ему снова бывать у ней. Ульрихъ пишетъ къ ней письмо; письмо попадаетъ въ руки князя; князь удаляетъ отъ себя жену. Марія съ своимъ-малюткой удаляется въ одну швейцарскую хижину.

Ульрихъ, не зная роковыхъ слѣдствій своего безразсуднаго поступка, и раздраженный молчаніемъ Маргариты, отправляется въ путешествіе на нѣсколько лѣтъ; но передъ отъѣздомъ, предлагаетъ Уникѣ разводъ. Уника отвѣчаетъ, что если чрезъ три года мужъ ея не перемѣнитъ намѣренія, она не будетъ противиться разводу. Ульрихъ уѣзжаетъ, и чтобъ изгнать изъ головы своей воспоминаніе о Маргаритѣ, становится любовникомъ одной пѣвицы; потомъ проводитъ нѣсколько времени у графини Ильды Шонгольмъ.

Въ то время, какъ пѣвица уже наскучила Ульриху, онъ узнаетъ изъ письма съ подписью *Мелюзина*, что Маргарита, по его винѣ покинутая мужемъ, живетъ теперь близъ Вевѣ. Тогда открывается, что Маргарита и Мелюзина — сестры; Мелюзина, когда первая любовь ея награждена была низкою измѣной, низошла на степень женщины, находящейся на содержаніи. Она живетъ теперь съ сестрой, и Ульрихъ не теряетъ ни минуты. Онъ покидаетъ Стокгольмъ, спѣшитъ къ Уникѣ, получаетъ согласіе ея на разводъ, скачетъ на почтовыхъ въ Вевѣ, и пріѣзжаетъ въ ту минуту, какъ Маргарита собиралась закрыть глаза уми-

Digitized by Google

рающей Мелюзинѣ. Передъ смертію, первая любовница Ульриха соединяетъ его руку съ рукою Маргариты и такимъ-образомъ благословляетъ ихъ будущій союзъ.

Послѣдній поступокъ Мелюзины, противный нашимъ идеямъ, оправдываютъ обычаи и законы германскіе, которые дозволяютъ мужу, по смерти первой жены, жениться на сестрѣ ея. Отсюда происходитъ то, что любовь, поочередно чувствуемая къ обѣимъ сестрамъ, не имѣетъ въ Германіи характера преступнаго, какъ въ другихъ странахъ. То же должно сказать и о разводѣ. Въ государствахъ Германскаго-Союза, онъ — дѣло обыкновенное. Прусскій кодексъ допускаетъ *пятнадцать* причинъ, по которымъ можно требовать уничтоженія брачныхъ узъ. Достаточно одной причины, и въ числѣ ихъ находятся: невѣрность мужа или жены, несообразность характеровъ, взаимное согласіе, и пр.

—

Статья наша перешла свои предѣлы: изъ біографіи превратилась она въ критику, изъ критики перешла въ подробный анализъ сочиненій графини Ганъ-Ганъ. Довольно на этотъ разъ. Будетъ время—поговоримъ объ остальныхъ сочиненіяхъ; не будетъ — предоставляемъ разбирать и оцѣнивать ихъ самимъ читателямъ. Мы думаемъ, что достаточно изобразили главныя черты литературнаго характера этой писательницы.

Въ заключеніе присовокупимъ послѣднюю біографическую черту графини Ганъ-Ганъ. Въ апрѣлѣ прошлаго года, она покинула Вѣну, мѣсяцъ сентябрь провела въ Константинополѣ, потомъ, черезъ Родосъ и Кипръ, отправилась въ Бейрутъ, посѣтила Палестину, берега Сиріи и Дамаска, 1-го декабря была она въ Кипрѣ и затѣмъ пустилась вверхъ по Нилу. Теперь она опять въ Германіи, и опять кочуетъ по многочисленнымъ столицамъ Германскаго-Союза. Быть можетъ, скоро увидимъ мы новыя ея «Reisebriefe».

*

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ РУССКАГО НА ВОСТОКѢ ВЪ 1842 и 1843 ГОДАХЪ.—*(Османъ Ага, начальникъ каирскаго военнаго госпиталя.—Истребленіе Мамлюковъ и нѣкоторыя мѣстныя черты Египта).*

Египетъ управляется чужеземцами и управлялся ими съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ для исторіи. Бѣдный народъ этой страны, будучи всегда подъ гнетомъ деспотовъ, еще не имѣлъ своего собственнаго государя; онъ какъ-бы свыше осужденъ былъ находиться въ вѣчномъ рабствѣ. Наслѣдіе фараоновъ, пришедшихъ сюда съ юга, постоянно съ-тѣхъ-поръ до нашего времени имѣло своими властителями пришельцевъ, смѣнявшихъ другъ друга: Персовъ, Грековъ, Римлянъ, Арабовъ, Турковъ и, на короткое время, Мамлюковъ и Французовъ. Кромѣ Арабовъ, всѣ прочіе пришли съ сѣвера; кромѣ однихъ только ихъ, всѣ эти завоеватели, съ окончаніемъ ихъ владычества, исчезали, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ лица земли египетской. Вы не найдете ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ сѣверныхъ гостей ни въ языкѣ, ни въ наружномъ видѣ жителей. Не такъ было въ другихъ мѣстахъ земнаго шара и особенно въ Европѣ, гдѣ завоеватели прирастали къ землѣ завоеванной и смѣшивали нравы свои и языкъ съ нравами и языкомъ мѣстныхъ обитателей. Одни только Арабы и, конечно, по сходству климата и сосѣдству, успѣли утвердить въ Египтѣ свою вѣру и языкъ свой, и это уже достаточно свидѣтельствуетъ, что Египетъ есть какъ-бы ихъ достояніе.

Digitized by Google

Сколько Турки ни стараются водворить здѣсь свое поколѣніе, оклиматизировать его, но эти пересадки весьма плохо принимаются на почвѣ египетской и потомъ совсѣмъ исчезаютъ. Почти всѣ Турки, которыхъ вы тамъ встрѣтите,—переселенцы изъ другихъ мѣстъ, и едва-ли сотый изъ нихъ мѣстный уроженецъ; едва-ли у десятаго изъ нихъ есть живой сынъ, хотя у каждаго навѣрное ежегодно родятся дѣти отъ женъ и невольницъ. Европейская колонія идетъ такимъ же точно образомъ, и дѣти переселенцевъ мрутъ, какъ мухи.

У Мехмеда-Али, имѣющаго всѣ медицинскія средства и имъ вполнѣ довѣряющаго, изъ тридцати-четырехъ дѣтей достигли совершеннолѣтія только семь сыновей, изъ которыхъ теперь остались въ живыхъ только пять, и, сверхъ-того, двѣ дочери. Меньшая еще дѣвица, шестьнадцати лѣтъ, и, говорятъ, красавица. По метрическимъ книгамъ каирскаго католическаго монастыря видно, что изъ ста новорожденныхъ католиковъ къ концу года остается въ живыхъ едва-ли двадцать, а къ пяти годамъ менѣе десяти. И поэтому Европейцы, имѣющіе средства, отправляютъ дѣтей своихъ въ Европу, чтобъ сохранить ихъ отъ преждевременной смерти. Клотъ-Бэй сказывалъ мнѣ, что изъ числа восьмнадцати дѣтей, родившихся въ одни мѣсяцы 1840 года съ его дочерью, которую онъ отправилъ въ Европу, къ концу трехъ лѣтъ остались въ живыхъ только двое. Между-тѣмъ, дѣти мѣстныхъ жителей остаются въ живыхъ въ пропорціи несравненно-большей и иногда даже почти такой же, какъ и въ Европѣ. Что же касается до рожденія дѣтей, то природа, стараясь восполнить убыль народонаселенія, происходящую періодически отъ чумы и политическихъ переворотовъ, и какъ-бы въ параллель самой странѣ, дѣлаетъ женщинъ чрезвычайно-плодоносными: и нерѣдко можно видѣть, какъ за молодой матерью идутъ сзади, уцѣпившись за ея рубашку, двое дѣтей, изъ которыхъ старшему не болѣе трехъ лѣтъ, третій сидитъ верхомъ на ея плечѣ, а четвертый—«въ дорогѣ».

Мехмедъ-Али, желая усилить свою партію, постоянно старается привлекать Турковъ въ Египетъ, даетъ имъ большія преимущества, выгодныя должности, и даже производитъ многимъ изъ нихъ значительные пенсіоны безъ всякихъ съ ихъ стороны заслугъ, единственно за то только, что они Турки или Черкесы, и пришли искать у него пріюта и хлѣба. Множество такихъ пенсіонеровъ встрѣчалъ я тамъ, и въ числѣ ихъ многихъ, набивавшихся мнѣ въ земляки—по тому поводу, что отечественная страна ихъ, при ихъ выходѣ или послѣ того, занята была русскимъ оружіемъ. Почти всѣ они самой почтенной и нерѣдко замѣчательной наружности, и большая часть родомъ изъ Грузіи или съ Кавказа.

Судьба поставила меня въ самыя близкія отношенія съ однимъ изъ такихъ моихъ земляковъ, занимавшимъ порядочный постъ, будучи на которомъ онъ имѣлъ полное право ничего не дѣлать и безъ толку кричать на всѣхъ и каждаго изъ своихъ подчиненныхъ,—а ихъ было у него достаточное количество. Онъ былъ назиромъ, т. е. начальникомъ каирскаго военнаго госпиталя, Касръ эль-Айни (*). Имя его Османъ, къ которому добавляли почетное титло Али; а за-глаза въ-частую называли Дилли-Османомъ (отчаяннымъ Османомъ). Помощникомъ его былъ одинъ очень-хорошій, толковитый Турокъ, поручикъ въ отставкѣ, Абдуррахманъ-Ага, которымъ держался весь порядокъ и благоустройство въ госпиталѣ.

Почтенная наружность Османа-Аги, которому придавали также прилагательное *ихтіяръ*, т. е. старецъ (въ по-

(*) Касръ—дворецъ, палаты; эль-Айни—имя извѣстнаго арабскаго историка, писавшаго о династіи калифовъ. На этомъ мѣстѣ возвышался нѣкогда его загородный домъ.

Digitized by Google

чтительномъ смыслѣ), съ перваго раза обратила на себя мое вниманіе. Роста онъ хотя менѣе средняго, но плотенъ, сложенъ хорошо, въ движеніяхъ быстръ, лицомъ смуглъ, съ румянцемъ; глаза маленькіе, черные, быстрые, живые и вооруженные большими серебряными очками; борода густая, окладистая и бѣлая, какъ лунь. Ему уже восьмой десятокъ; но быстроту въ движеніяхъ и проворство онъ сохранилъ двадцати-лѣтняго возраста. Одѣтъ онъ очень-прилично въ платье египетскаго назима (*). На правой сторонѣ груди небольшая серебряная луна съ золотой звѣздочкой въ срединѣ—знакъ капитанскаго чина; въ рукахъ почти всегда трубка съ длиннымъ чубукомъ. Говоритъ онъ всегда скоро, громко, большею частію кричитъ и почти-всегда, если не безъ толку, то о пустякахъ, какъ-бы о дѣлѣ важнѣйшемъ; и поэтому младшій назимъ Абдурраханъ-Ага его удерживаетъ, и тотъ его слушаетъ.

Османъ-Ага родился въ Измаилѣ. Когда Суворовъ взялъ этотъ городъ, ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ Русскіе, съ ружьями на перевѣсъ, съ примкнутыми штыками шли на приступъ и потомъ били Турковъ. Въ эту катастрофу онъ оставилъ родину вмѣстѣ со многими другими Турками и перешелъ въ Константинополь. Здѣсь онъ поступилъ въ янычары и показывалъ мнѣ на рукѣ знаки оджаки, къ которому принадлежалъ. Прослуживъ въ этомъ буйномъ войскѣ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ брошенъ судьбою на берега Египта и попалъ въ службу къ одному изъ сильнѣйшихъ въ то время Мамлюковъ, Мурату-Бэю, топчіемъ, т. е. начальникомъ надъ пушками. Нѣсколько лѣтъ послѣ вѣроломнаго убіенія нѣсколькихъ мамлюкскихъ бэевъ, и въ числѣ ихъ Мурата-Бэя, при Абукирѣ, въ 1801 году, первый министръ и первый наперсникъ Мехмеда-Али, Махмудъ-Бэй Лазъ-Оглу, замѣтивъ проворство и смышленность Дилли-Османа (отчаяннаго Османа), взялъ его къ себѣ и не ошибся въ выборѣ, ибо Османъ оказалъ ему много услугъ и былъ однимъ, если не первымъ, изъ его избранныхъ, надежныхъ, смѣлыхъ и неустрашимыхъ слугъ, за что и пользовался его милостями; «даже и теперь», какъ выразился Османъ-Ага: «ѣстъ его же хлѣбъ». Въ особенности этотъ мой пріятель былъ полезенъ Лазу-Оглу (т. е. сыну Лаза—имя, подъ которымъ Махмудъ-Бэй былъ болѣе извѣстенъ) по части отсѣченія головъ врагамъ его собственнымъ или его властителя, Мехмеда-Али; т. е. Османъ нашъ былъ при министрѣ просто первымъ палачомъ.

Впрочемъ, обязанность эта на Востокѣ не считается постыдною, и первый попавшійся и носящій саблю рубитъ голову всякому, кому велитъ имѣющій на то власть. Однажды, Ибрагимъ-Паша, играя съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ сановниковъ въ шахматы, заспорилъ. Этотъ ему не уступалъ и, можетъ-быть, позволилъ себѣ сказать лишнее. Паша выхватилъ пистолетъ и тутъ же положилъ противника своего на мѣстѣ. Бывшій при этомъ одинъ изъ его приближенныхъ въ ту же минуту обнажилъ саблю и отсѣкъ голову у трепетавшаго тѣла, принявъ такимъ образомъ добровольно на себя

(*) Состоящее изъ широкихъ шароваровъ, въ видѣ юбки, до икры; здѣсь подвязка, а отсюда до косточекъ въ обтяжку, вплотную, и затянуто пуговицами; нога въ красномъ башмакѣ. Грудь закрыта турецкимъ жилетомъ, застегнутымъ безчисленными пуговицами отъ шеи до пояса. Поясъ широко обвитъ шалью. Сверхъ жилета маленькая, незастегивающаяся куртка съ разрѣзными рукавами, и рука обнажена почти по-локоть, будучи прикрыта прозрачнымъ рукавомъ тонкой сорочки. Шея голая. На головѣ маленькая шерстяная красная феска, носящая имя тарбуша, съ большою шелковою кистью. Щеголи надѣваютъ тарбушъ на лѣвое ухо; кисть у нихъ виситъ на эту сторону и касается задней стороны плеча. Верхнее платье у офицеровъ суконное и широко обшито шелковыми снурками. При бедрѣ всегда сабля.

Digitized by Google

обязанность палача. Нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Александріи, одному пашѣ, кажется, какъ мнѣ говорили—Ахмеду-Пашѣ, теперешнему военному министру,— случилось быть при Мехмедѣ-Али въ то время, когда Мехмедъ-Али, обратившись къ нему, велѣлъ срубить кому-то голову. Паша тотчасъ взялся за саблю; но на его счастье тутъ былъ одинъ изъ кавассовъ (разсыльныхъ), который предупредилъ его; не будь тутъ кавасса, онъ бы долженъ былъ исполнить обязанность палача.

Абдуррахманъ-Ага и дежурный офицеръ госпиталя сказывали мнѣ, между-прочимъ, что Османъ-Ага на своемъ вѣку отрубилъ по-крайней-мѣрѣ 300 или 400 головъ. Но молва вездѣ, въ-особенности на Востокѣ, распространяясь, растетъ непомѣрно; и потому, конечно, число это преувеличено. Мнѣ хотѣлось поразспросить объ этомъ самого Османа, и я выжидалъ удобнаго къ тому случая.

Часто по утрамъ приходилъ онъ ко мнѣ, когда я по обстоятельствамъ службы долженъ былъ жить въ военномъ госпиталѣ Касръ эль-Айни. Хоть я и не курю табака, но для гостей своихъ завелъ трубки съ длинными чубуками и янтарными мундштуками, равно мокскій кофе и турецкіе фельджаны (чашки). Трубки и кофе на Востокѣ такъ же необходимы для пріема гостей, какъ у насъ привѣтливое обращеніе. По трубкѣ и кофе, подаваемымъ гостю тотчасъ послѣ того, какъ онъ прійдетъ, узнается степень уваженія, съ которымъ его принимаютъ. Подать одинъ кофе—угощеніе самое простое, дѣлаемое младшимъ. Посѣтителю, котораго хотятъ принять учтиво, подаютъ трубку, которой непремѣннымъ спутникомъ—кофе. Смотря по достоинству гостя и обстоятельствамъ, при которыхъ дѣлается посѣщеніе, подаютъ чашки и чубуки богаче или проще. Если хозяинъ получилъ визитъ отъ старшаго, онъ предлагаетъ ему приказывать подавать себѣ что угодно,—говоря, что онъ, т. е. гость, есть господинъ дома. Равный равному долженъ непремѣнно подать и трубку и кофе. Если прійдетъ нѣсколько особъ вмѣстѣ, то подносятъ эти угощенія непремѣнно по чинамъ. Если хозяинъ захочетъ приласкать младшаго, то послѣ кофе предложитъ ему трубку; но еслибъ онъ далъ трубку прежде кофе, то для гостя это было бы большимъ почетомъ: это значило бы, что хозяинъ принимаетъ его, какъ равнаго. И потому, если говорятъ объ учтивомъ и радушномъ хозяинѣ за глаза, то нерѣдко добавляютъ: «какой онъ добрый человѣкъ! какъ онъ принялъ насъ! далъ трубки, кофе, потомъ еще трубки; право, какой славной человѣкъ!» За вашими разговорами при пріемѣ гостя гонятся не станутъ: послѣ обыкновеннаго вопроса о здоровьѣ, если хотите—нѣсколько разъ и въ разныхъ выраженіяхъ—тѣмъ лучше, вы можете, куря табакъ, молчать сколько угодно, и гость на васъ не гнѣвается, будучи увѣренъ по собственному опыту, что при дымѣ изъ трубки вы вполнѣ наслаждаетесь кейфомъ и заняты самыми пріятными размышленіями. Но за то, отказаться отъ предлагаемаго угощенія, значитъ обидѣть хозяина, и если кто не куритъ табака и не пьетъ кофе, тотъ долженъ принять ихъ и дѣлать по-крайней-мѣрѣ видъ, что пьетъ и куритъ, какъ я всегда и дѣлывалъ. Когда подаютъ чубуки, то было бъ неуваженіемъ къ лицу, съ которымъ говоришь, если чубукъ свой поставишь въ его сторону: учтивость требуетъ ставить трубку свою отъ собесѣдника въ другую сторону, такъ, чтобъ дымъ изъ трубки не достигалъ его. Трубку надобно держать у себя до-тѣхъ поръ, пока остаетесь въ гостяхъ. При привѣтливомъ пріемѣ, прислуга у васъ беретъ трубку, когда замѣтитъ, что вы ее кончили, и накладываетъ снова; во всякомъ случаѣ трубка остается у васъ во все время визита. Самому же отдать трубку, значитъ обнаружить намѣреніе уйдти. Если бы гость получилъ отъ васъ кофе безъ трубки и этимъ обидѣлся, то онъ не возьметъ кофе, и когда вы его спросите о причинѣ, онъ

Digitized by Google

вамъ скажетъ, что кофе безъ трубки не пьетъ. Не поднести гостю ни трубки, ни кофе, значитъ—принять его весьма-грубо; повторить это при второмъ и третьемъ его визитѣ, было бы все равно, что̀ вытолкать его въ шею. Сюда не относится посѣщеніе младшихъ и равныхъ собственно по службѣ или по дѣлу, когда они, послѣ нѣсколькихъ словесныхъ объясненій съ хозяиномъ, уходятъ, не получивъ ни одного изъ угощеній; тогда это въ вину хозяину не ставится. Истинные, коренные мусульмане предпочитаютъ кофе безъ сахара, какъ пьютъ въ Меккѣ и во всей Аравіи, и еслибъ у хозяина-мусульманина поднесли имъ его съ сахаромъ, то это почлось бы неуваженіемъ къ ихъ національному достоинству, т. е. что считаютъ ихъ какъ-бы за Франка, которымъ подается онъ почти всегда съ сахаромъ. Таковъ обычай, пріемъ въ Египтѣ, даже на службѣ и въ судахъ, гдѣ всегда имѣется и кофе и трубка. Къ этому добавлю еще нѣсколько строкъ собственно о чубукахъ. Чубуки бываютъ лѣтніе и зимніе; лѣтніе—резедовые, обтянутые черною шелковою матеріею, которую отъ времени-до-времени поливаютъ водою; дымъ изъ нихъ идетъ прохладный. Черешневые чубуки — чубуки зимніе; дымъ изъ нихъ выходитъ теплый. Наргиле и шишъ, въ которыхъ дымъ идетъ чрезъ воду, обыкновенно куритъ самъ хозяинъ, когда одинъ дома; при гостяхъ же куритъ онъ изъ однихъ чубуковъ съ ними.

Но пора обратиться къ моему пріятелю Осману-Агѣ. Однажны утромъ, часу въ седьмомъ, сидѣли у меня Абдуррахманъ-Ага и дежурный офицеръ госпиталя. Вскорѣ пришелъ и Османъ. «А! Османъ-Ага, саба эль хаиръ! таибинъ?» (добраго утра! здоровъ ли?). «Таибинъ, таибинъ» отвѣчалъ онъ скороговоркою, подходя быстро и потрясая при этомъ кулакомъ протянутой впередъ правой руки съ поднятымъ вверхъ большимъ пальцемъ, — движеніе, обыкновенно дѣлаемое Арабами, когда они отвѣчаютъ, что *весьма-здоровы*. «Таибинъ» еще разъ сказалъ онъ, садясь на предложенный ему стулъ. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ драгоманъ нашъ, Якубъ, Армянинъ, родомъ изъ Тифлиса, уже поднесъ ему трубку съ лучшимъ чубукомъ и скоро за тѣмъ кофе. По обычаю своему, при разговорѣ о здоровьѣ, Османъ-Ага хвалился своими подвигами въ гаремѣ. Однажды пріѣхалъ сюда военный министръ и, знавъ Османа при Лазѣ-Оглу, привѣтствовалъ его и спросилъ о здоровьѣ. Османъ не сробѣлъ, отвѣчалъ такъ же точно, какъ и мнѣ, такъ же похвасталъ и прибавилъ, что только въ гаремѣ у него не совсѣмъ-ладно: жена стара, одна невольница беременна, а другая — любимая, недавно померла. «Дать ему 10 кошельковъ (болѣе 1200 руб. ассиг.) на покупку новой невольницы!» сказалъ министръ. Османъ поцаловалъ полу платья щедраго вельможи и купилъ невольницу.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я старался склонить разговоръ на предметъ рѣзни головъ. Османъ-Ага не признавался; потомъ, когда я замѣтилъ ему, что Гайтани-Бэй (медикъ, состоящій при особѣ Мехмеда-Али) сказывалъ мнѣ, будто онъ, т. е. Османъ, отрубилъ голову какому-то важному пашѣ, присланному изъ Константинополя, — онъ отвѣчалъ, что точно срубилъ голову какому-то Турку, оттуда пріѣхавшему, который схватилъ было за грудь его покровителя, Лаза-Оглу, и настоятельно требовалъ отвѣта, зачѣмъ его удерживаютъ здѣсь, какъ-бы въ неволѣ. Находясь въ такомъ положеніи, Лазъ-Оглу обратился къ Осману, бывшему вблизи, и сказалъ: «Что̀ стоишь? не знаешь своего дѣла?» Османъ догадался, и голова этого Турка, стоявшаго къ нему спиной, покатилась на полъ. При этомъ и самому Лазу-Оглу концомъ сабли Османа также досталось по плечу у шеи. Чрезъ полчаса разговора, Османъ вспомнилъ, что Турокъ этотъ былъ Шаганъ-Бэй.

Мало-по-малу, я порасшевелилъ моего гостя, и онъ поразсказалъ мнѣ въ

Digitized by Google

этотъ и на другой день ужасныя вещи, которыхъ былъ или дѣйствующимъ лицомъ, или очевидцемъ. Главнѣйшее изъ нихъ — казнь Латифа-Паши и послѣднее истребленіе Мамлюковъ.

Одинъ изъ подаренныхъ Мехмеду-Али Черкесовъ, молодой Мамлюкъ Латифъ, былъ возведенъ имъ, за смѣлость, умъ и расторопность, въ высшія достоинства, и его уже называли не иначе, какъ Латифомъ-Агою. Потомъ паша назначилъ его анахтаремъ-агасы (хранителемъ ключа отъ главнаго казначейства) — мѣсто, на которое назначаются люди самые довѣренные и на которомъ Латифъ еще болѣе вошелъ въ милость своего повелителя. Когда войска оттоманскія вступили въ Медину, онъ, какъ избранникъ, былъ посланъ въ Константинополь къ султану съ увѣдомленіемъ объ этомъ важномъ событіи. Видя самостоятельность Мехмеда-Али и желая имѣть правителемъ Египта *своего человѣка*, Турки вскружили голову бѣдному Латифу, возвели его въ санъ паши и дали ему, какъ утверждаютъ, фирманъ на титло паши египетскаго, съ тѣмъ, чтобъ при случаѣ онъ имъ воспользовался. Хотя Манженъ въ своей «Исторіи Египта подъ управленіемъ Мехмеда-Али» ничего не говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ, однако многія лица въ Каирѣ, вполнѣ заслуживающія довѣріе, отзывались на мои вопросы, что фирманъ былъ данъ дѣйствительно. Мехмеду-Али было непріятно возведеніе его любимца въ санъ паши мимо его вѣдома, и онъ не оказывалъ уже ему прежняго расположенія. Придворные воспользовались этимъ и старались еще болѣе очернить Латифа въ глазахъ паши. Междутѣмъ, паша отправился въ Геджасъ воевать противъ Веххабитовъ, оставивъ въ Египтѣ, вмѣсто себя, перваго своего вѣрнаго слугу, Махмуда-Бэя Лаза-Оглу, съ полною властію правителя. Въ это время, Латифъ началъ надоѣдать неотступными требованіями денегъ изъ казны, склонять на свою сторону наиболѣе-сильныхъ бэевъ и войска, и распространять слухъ, будто Мехмедъ-Али умеръ въ Геджасѣ. Все это не могло не быть извѣстно Лазу-Оглу, по которому, какъ говоритъ Османъ-Ага, въ одной изъ улицъ Каира былъ сдѣланъ и выстрѣлъ, направленный, безъ сомнѣнія, по желанію Латифа-Паши. Лазъ-Оглу собралъ *диванъ*, созвалъ въ него всѣхъ наличныхъ высшихъ сановниковъ, объявилъ имъ напрямикъ въ чемъ дѣло и спрашивалъ берутъ ли они сторону Латифа-Паши, или же остаются вѣрными Мехмеду-Али, который, по недавно-полученнымъ свѣдѣніямъ, живъ и здравъ. Всѣ приняли сторону послѣдняго. Въ-слѣдствіе этого, по приказу Лаза-Оглу, Латифъ-Паша, котораго всѣ приверженцы отъ страха разбѣжались, былъ, послѣ двухдневныхъ поисковъ, схваченъ, приведенъ съ связанными назадъ руками въ цитадель, и тамъ, говоря словами Османа, зарѣзанъ, какъ баранъ. Въ этомъ происшествіи, Османъ-Ага былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Потомъ я началъ допытывать моего гостя о другихъ его жертвахъ. Онъ отказывался, и это хорошій знакъ: совѣсть въ немъ не совсѣмъ еще замерла, хотя Абдуррахманъ-Ага и сказывалъ мнѣ, что «ихтіяръ нашъ ни *Франкъ*, ни «*мусульманъ:* въ мечеть не ходитъ и Богу «никогда не молится, а называетъ еще «себя мусульманиномъ». Османъ-Ага на вопросы мои сперва хотя и отнѣкивался, но потомъ, подобно тому, какъ охотникъ припоминаетъ о застрѣленныхъ имъ зайцахъ, началъ признаваться и припоминать жертвы, которыхъ головы свалились отъ его же руки. Сначала онъ признался, что, по приговору Лаза-Оглу, въ одинъ и тотъ же день отсѣкъ головы двадцати-шести Анатольцамъ за то, что они стрѣляли въ него, Османа, изъ пистолетовъ и ружей, при чемъ онъ получилъ одну или двѣ легкія раны, и много пуль осталось въ его чалмѣ, которую онъ тогда носилъ и которой шаль была вся изрѣшетчена. Вѣроятно, онъ былъ посланъ отъ Лаза-Оглу, чтобъ привесть

Digitized by Google

или схватить этихъ Анатольцевъ. О! «съ какимъ наслажденіемъ отсѣкъ «я головы врагамъ моимъ, искавшимъ «моей гибели!» добавилъ Османъ.

Но болѣе всего я хотѣлъ заставить говорить моего старика объ истребленіи Мамлюковъ, — происшествіи, при которомъ былъ онъ и очевидцемъ, и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Когда я начиналъ завлекать его въ разсказъ, онъ отозвался, что «въ то время спалъ». Не можетъ быть, возразилъ я, чтобъ Лавъ-Оглу допустилъ своего вѣрнаго слугу спать въ такое важное время, при такихъ горячихъ обстоятельствахъ!

Замѣчаніе мое попало въ цѣль: самолюбіе старика было задѣто.

«Правда твоя» отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой: «мнѣ бы не дали спать въ «это время!» И рѣчь его полилась съ быстротою и шумомъ потока. Разсказъ его глубоко врѣзался мнѣ въ память, и я какъ теперь вижу его глаза, блестящіе огнемъ, его одушевленную физіономію, его выразительные жесты. Трубка почти гасла въ рукахъ его, когда онъ увлекался; но за то, во время перевода мнѣ рѣчей его, онъ тонулъ въ облакахъ дыма и какъ-бы, глотая его, старался потушить волканъ въ груди своей. Почти ни одного раза онъ не далъ моему Якубу окончить перевода; видно было, что въ груди у него слишкомъ кипѣло, и онъ торопился вылить въ словахъ свои чувства и воспоминанія юности. При этомъ разсказѣ, онъ какъ-бы помолодѣлъ тридцатью годами, какъ-бы опять воротился къ 1811 году—времени кроваваго происшествія, о которомъ повѣствовалъ мнѣ.

Желающіе знать вполнѣ обстоятельства, предшествовавшія этому важному происшествію, могутъ прочесть о нихъ въ «Путешествіи по Египту и Нубіи» г. Норова, написанномъ съ такою отчетливостію. Я же изложу здѣсь обстоятельства эти вкратцѣ; далѣе, приведу разсказъ Манжена объ истребленіи Мамлюковъ во всей подробности и заключу свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Османомъ-Оглою.

Извѣстно, что Порта употребляла всѣ возможныя средства, чтобъ сбыть съ рукъ Мехмеда-Али. Бунтъ Веххабитовъ въ Аравіи, овладѣвшихъ даже Меккою, представилъ тому одинъ изъ случаевъ. Порта поручила ему важную экспедицію—усмиреніе Аравіи и освобожденіе святаго города. По собственнымъ разсчетамъ, Мехмедъ-Али находилъ экспедицію эту для себя весьма-важною и особенно по вліянію ея на умы народа, ибо цѣль ея была—защита святаго дѣла. Но онъ опасался Мамлюковъ, которые, при отсутствіи его съ войскомъ, всѣмъ бы завладѣли. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, онъ обдумалъ вѣрное для себя средство — истребленіе Мамлюковъ. Тусеунъ, сынъ Мехмеда, возведенный предъ тѣмъ Портою въ званіе бунчужнаго паши, долженъ былъ открыть предстоявшую кампанію. Астрологи назначили день, счастливый для облаченія его въ почетную на это званіе шубу. Въ этой шубѣ онъ долженъ былъ съ большою церемоніею проѣхать чрезъ весь городъ за «Врата-Побѣдъ», Баб-эль-Насыръ, на поле,—къ расположеннымъ тамъ войскамъ, готовымъ въ походъ. Всѣ власти гражданскія и военныя и всѣ значительныя лица были извѣщены о времени начала церемоніи; по городу ходили крикуны и извѣщали объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе. Мамлюки и ихъ начальники были наканунѣ въ особенности приглашены участвовать при этомъ торжествѣ во всемъ нарядѣ.

Далѣе буду говорить словами г. Манжена, бывшаго въ то время въ Каирѣ и отчасти очевидца тогдашнихъ смутъ въ городѣ. (См. его «Исторію Египта подъ управленіемъ Мехмеда-Али».)

«Утромъ 1 марта 1811 года, всѣ Ма«млюки верхами отправились въ цита«дель. Шагинъ-Бэй, какъ родоначаль«никъ, былъ впереди бевъ своего до«ма. Въ сопровожденіи прочихъ, онъ «явился съ поклономъ къ пашѣ, кото«рый ожидалъ ихъ въ большой пріем«ной залѣ. Паша приказалъ подать имъ

Digitized by Google

«кофе (*) и ласково разговаривалъ съ «ними. Когда весь поѣздъ собрался, «онъ далъ знакъ къ отъѣзду; всякій «сталъ на мѣсто, ему назначенное рас«порядителемъ торжества. Отрядъ дил«ли (отчаянныхъ), предводительствуе«мый Узуномъ-Али, открывалъ шес«твіе; за ними ѣхали Уали, ага яны«чаровъ и ага фуражировъ оджаклы и «йолдаши; далѣе Салехъ-Кошъ съ Ал«банцами, а потомъ Мамлюки, предше«ствуемые Солиманъ-Бэемъ эль Бауа«бомъ; за ними слѣдовали пѣшія вой«ска, кавалерія и начальники разныхъ «управленій. Глава колонны получилъ «приказъ направиться къ воротамъ «Эль-Азабъ, выходящимъ на Румелій«скую-Площадь. Дорога, ведущая къ «этимъ воротамъ, изсѣчена въ скалѣ, «узка, крута и къ ѣздѣ весьма-затрудни«тельна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вы«дающіеся углы скалъ не даютъ мѣста «проѣхать рядомъ двумъ всадникамъ. «Какъ-только дилли и аги проѣхали «ворота, Салехъ-Кошъ приказалъ запе«реть ихъ и сообщилъ своему отряду «повелѣніе вице-короля — истребить «всѣхъ Мамлюковъ. Албанцы въ-мину«ту повернули назадъ, взлѣзли на вы«соты скалъ, господствовавшія надъ «дорогою, чтобъ поставить себя въ без«опасное положеніе отъ противниковъ «и чтобъ поражать ихъ съ бо́льшею «вѣрностію, а послѣ этого тотчасъ от«крыли по нимъ огонь изъ ружей и пи«столетовъ.

«Войска, бывшія сзади, услышавъ «ружейные выстрѣлы, начали стрѣ«лять съ высоты стѣнъ, гдѣ они были «совершенно закрыты. Когда Мамлюки «достигали первыхъ воротъ, то хотѣли «взять другую дорогу, чтобъ возвра«титься въ цитадель; но, не могши вла«дѣть лошадьми, по причинѣ затруд«нительнаго положенія, въ которое бы«ли поставлены, и видя, что многіе изъ «числа ихъ уже пали мертвыми и ра«неными,— спѣшились, оставили ло«шадей своихъ и сбросили свои верх«нія одежды. Въ этомъ отчаянномъ по«ложеніи, съ мечомъ въ рукахъ, они «направились назадъ: никто имъ не «встрѣчался, но по нимъ стрѣляли изъ «внутренности домовъ. Шагинъ-Бэй «палъ, пронзенный пулями, передъ «дверью дворца Саладина. Солиманъ-Бэй эль-Бауабъ, полунагой, въ испу«гѣ, прибѣжалъ умолять защиты у две«рей гарема (*) Мехмеда-Али, но на«прасно: онъ былъ приведенъ во дво«рецъ, гдѣ паша приказалъ отрубить «ему голову. Прочіе обратились про«сить пощады у Тусула-Паши, но онъ «отозвался, что не принимаетъ никако«го участія во всемъ происходящемъ.

«Тотчасъ войска получили приказъ «—задерживать повсюду Мамлюковъ; «всѣ, кого только ни схватывали, были «приводимы къ Каіѣ-Бэю (**) и тотчасъ «обезглавливаемы. Много людей посто«ронннихъ погибло совершенно безвин«но: такъ солдаты одушевлены были «рѣзнею! Трупъ Шагина-Бэя съ верев«кою на шеѣ былъ влачимъ по раз«нымъ мѣстамъ. Цитадель походила на «окровавленную арену: проходы зава«лены изуродованными; повсюду бро«сались въ глаза лошади въ богатой «сбруѣ, распростертыя подлѣ своихъ «хозяевъ; саисы (***), пронзенные пу«лями, оружіе изломанное, платье по«крытое кровью; все, что̀ можно было

(*) Трубокъ Мехмедъ-Али никому не подаетъ, даже и консуламъ европейскихъ державъ, исключая, впрочемъ, весьма-рѣдкихъ случаевъ.

(*) У Мамлюковъ былъ обычай: какъ-только преслѣдуемый успѣетъ достигнуть двери, ведущей въ женское отдѣленіе и закричитъ: *фи ардъ эль-гарамъ* (подъ покровительствомъ женщинъ), жизнь его спасена.

(**) Которымъ былъ Махмудъ-Бэй Лазъ-Оглу, патронъ нашего Османа-Аги.

(***) Конюхи, слуги, которые бѣгутъ впереди, имѣя въ рукахъ длинный хлыстъ или палку, и очищаютъ въ толпѣ дорогу для господъ своихъ, ѣдущихъ верхомъ за ними. Они слѣдуютъ всѣмъ движеніямъ своихъ господъ и никогда не оставляютъ ихъ, даже во время опасности.

Digitized by Google

«снять, дѣлалось добычею солдатъ. «Утромъ было на конѣ четыреста-семь- «десятъ Мамлюковъ, и ни одинъ изъ «нихъ не остался въ живыхъ.

«Никто изъ Мамлюковъ-Француз- «зовъ (*) не попалъ въ это число; на- «ходившіеся въ услуженіи у паши въ «цитадели, были предварены Каіею- «Бэемъ, приказавшимъ запереть ихъ «въ особую комнату, примыкавшую «къ его покоямъ, чтобъ поставить ихъ «внѣ всякой обиды. Мурадъ-Бэй, изъ «Эльфи, имѣлъ у себя съ давняго вре- «мени въ услуженіи трехъ такихъ Ма- «млюковъ; по счастію, они остались въ «этотъ день дома.

«Аминъ-Бэй не раздѣлилъ несчаст- «ной участи своихъ товарищей. Онъ «не былъ на церемоніи, будучи задер- «жанъ дома по какимъ-то дѣламъ, не- «терпѣвшимъ отлагательства. Онъ при- «былъ къ цитадели уже тогда, когда «дилли начали выходить на площадь «изъ воротъ Эль-Азабъ. Это задержало «его снаружи, и онъ ожидалъ, пока от- «рядъ выйдетъ; но когда увидалъ, что «ворота за ними заперлись и услы- «халъ почти тотчасъ выстрѣлы изъ «ружей, то поскакалъ домой, немед- «ленно убѣжалъ съ своею свитою въ «Басатанъ и, при покровительствѣ «арабскаго шейха провинціи Шаркіэ, «перебрался оттуда въ Сирію.

«Лишь-только поѣздъ началъ дефи- «лировать, паша сталъ безпокоиться: «движенія обнаруживали его волненіе. «Когда услыхалъ онъ первые залпы «выстрѣловъ, безпокойство его удвои- «лось и онъ поблѣднѣлъ: онъ боялся, «чтобъ приказанія его не были неточ- «но выполнены. Онъ не слѣдовалъ за «боемъ, который подвергалъ опасности «его приверженцевъ и собственную его «жизнь. Видъ плѣнниковъ и головъ «остановилъ его безпокойство, но не «возвратилъ веселости лицу его и не «успокоилъ внутренняго волненія, «его терзавшаго. Нѣсколько времени «послѣ, Генуэзецъ Мендричи, одинъ «изъ его медиковъ, вошелъ въ комна- «ту, гдѣ онъ находился; приближаясь «къ его особѣ, онъ сказалъ ему съ ве- «селымъ видомъ:—дѣло кончено; день «этотъ праздникъ для вашей свѣтло- «сти. Мехмедъ-Али ничего не отвѣтилъ «на это; но молчаніе его было выраз- «тельно: онъ потребовалъ подать себѣ «пить...

«Между-тѣмъ, въ городѣ ожидали «явленія поѣзда; всѣ жители собрались «на улицахъ, чтобъ также принять «участіе въ торжествѣ, о которомъ имъ «объявили; толпа заняла всѣ мѣста пе- «редъ лавками. Послѣ долгаго ожида- «нія, показались дилли, аги и ихъ сви- «та. Мертвое молчаніе, какъ-бы пред- «шественникъ того гибельнаго про- «исшествія, о которомъ узнали они из- «слѣдъ за тѣмъ, шло по стопамъ отря- «да. Вскорѣ послѣ, испуганные саисы «пробѣгали отъ-времени-до-времени по «улицамъ, не произнося ни слова (*). «Это внезапное бѣгство произвело ты- «сячу предположеній; глухой говоръ «послышался вездѣ. Вдругъ въ толпѣ «кто-то закричалъ: — Шагинъ-Бэй «убитъ! Въ ту же минуту торговцы «бросились запирать свои лавки и вся- «кій торопился поскорѣе уйдти къ се- «бѣ. Улицы тотчасъ опустѣли. Только «появлялись шайки солдатъ, въ безпо- «рядкѣ бросавшіяся въ домы казна- «ныхъ и дѣлившія между собою добы- «чу. Эти изступленные производили «ужасы: безчестили женщинъ, срыва- «ли даже одежды съ нихъ; одинъ сол- «датъ, торопясь овладѣть браслетами, «бывшими у женщины, отрубилъ ей «кисть руки.»

Далѣе авторъ говоритъ, что Турки имѣли низость мстить, при этомъ слу-

(*) Имъ дали имя Мамлюковъ по тому поводу, что они носили мамлюкское вооруженіе и платье.

(*) «Я говорю» добавляетъ Манженъ: «о большомъ базарѣ Эль-Гуріэ, гдѣ я на- «ходился съ прочими любопытствовавши- «ми. Оттуда, по причинѣ шума, произво- «димаго толпою, было невозможно слы- «шать ружейныхъ выстрѣловъ, произво- «денныхъ во внутренности цитадели.»

Digitized by Google

чаѣ, слабому, беззащитному полу за то, что особы этого пола, и особенно высшаго званія, пренебрегали союзъ съ ними и съ радостію выходили замужъ за Мамлюковъ. Грабежъ былъ необыкновенный. Не только домы жертвъ были разграблены, но и домы ихъ сосѣдей,—и весь городъ походилъ на мѣсто, взятое приступомъ.

«Грабежъ и буйства» продолжаетъ Манженъ: «возобновились и на другой день. Тогда Мехмедъ-Али счелъ обязанностію выйдти изъ цитадели; съ нимъ была большая свита вооруженныхъ людей; всѣ были въ парадныхъ одеждахъ и шли пѣшкомъ. Паша обошелъ многіе кварталы. На каждомъ постѣ дѣлалъ онъ сильные упреки начальникамъ за *допущеніе* такихъ безпорядковъ; начальники же эти не только не останавливали ихъ, но еще первые давали примѣръ къ грабежу. Близъ воротъ Эль-Зуейле, Мехмедъ-Али встрѣтилъ одного мограбина, который жаловался на разграбленіе его дома, божась, что онъ ни солдатъ, ни Мамлюкъ. Паша его подозвалъ, разспросилъ въ чемъ дѣло и послалъ къ нему нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей стражи, которые задержали тамъ одного Турка и одного Феллаха; задержаннымъ приказано было немедленно отрубить головы.

«На слѣдующій день, Туссунъ-Паша разъѣзжалъ по городу въ сопровожденіи многочисленной стражи, приказывая рубить головы всѣмъ, кого ловили на грабежѣ. Было крайне-необходимо принять самыя строгія мѣры; иначе, весь городъ былъ бы опустошенъ. Болѣе пяти сотъ домовъ было совершенно ограбленныхъ. Между-тѣмъ, розъисканія Мамлюковъ продолжались тайнымъ образомъ. Каія-Бэй былъ ихъ заклятой врагъ, и у него никому изъ нихъ не было пощады. Однакоже, не смотря на всѣ розъиски, много Мамлюковъ спаслось: одни убѣжали къ дилли и приняли ихъ костюмъ, другіе въ женскомъ платьѣ скрылись въ Верхній-Египетъ.

«Вице-король сообщилъ секретъ свой Гассану-Пашѣ, Салеху-Кошу, Каіѣ-Бэю и Солиману-Агѣ—своему секретарю. Чрезъ своего диван-эффенди, онъ предписалъ начальникамъ провинцій задерживать и казнить Мамлюковъ, разсыпавшихся по деревнямъ. Имѣя въ рукахъ приказъ своего властелина, кашефы приказывали рубить безъ различія всѣхъ, отъ кого только хотѣли избавиться; головы были отправлены въ Каиръ, гдѣ ихъ выставили на-показъ публикѣ. При этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, ненависть, уснувшая-было, снова пробудилась, и мщеніе продиктовало новые смертные приговоры. Омаръ-Бэй Эльфи, былъ схваченъ въ Файумѣ, куда онъ скрылся; головы пятнадцати Мамлюковъ и этого бэя показались на мѣстѣ выставки. Головы старшихъ бэевъ были посланы въ Константинополь, а тѣла брошены во рвы, нарочно-ископанные для этого въ цитадели. Всего же вообще погибло при этихъ обстоятельствахъ болѣе тысячи человѣкъ».

Мамлюкскіе бэи Верхняго-Египта просили пощады и назначенія мѣста, гдѣ бы они могли жить спокойно. Вмѣсто отвѣта, правитель Египта послалъ туда Мустафу-Бэя, своего шурина, для преслѣдованія ихъ. Приказаніе это было исполнено. Шестьдесятъ-четыре Мамлюка были взяты въ провинціяхъ и приведены въ Каиръ; ночью, при свѣтѣ факеловъ, они были умерщвлены; головы ихъ были выставлены народу, а тѣла брошены въ Нилъ.

«Такова была» заключаетъ Манженъ: «трагическая сцена, долженствовавшая развязать великую драму. Такимъ-то образомъ Мехмедъ-Али могъ наконецъ достигнуть цѣли, къ которой всѣ его дѣйствія были постоянно направлены: истребленія Мамлюковъ».

Окончивъ это дѣло, онъ озаботился отправленіемъ экспедиціи въ Аравію, и церемонія, которая была назначена 1-го марта, совершена 2-го апрѣля.

Многія обстоятельства, приведенныя здѣсь изъ книги Манжена, были разсказаны мнѣ моимъ собесѣдникомъ

Digitized by Google

Османомъ-Агою; повторять ихъ послѣ Манжена было бы излишне, и я изложу только тѣ свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у этого писателя, и которыя могутъ быть интересны.

Въ 1811 году еще не было въ крѣпости ни верхнихъ воротъ, ведущихъ наверхъ отъ площади бывшаго дворца саладинова, ни Баб-эль-Карафе (Воротъ-Кладбища), ведущихъ изъ нижней части крѣпости на востокъ, по направленію къ кладбищу калифовъ; были одни только ворота Эль-Азабъ, ведущія на Площадь-Румелійскую. Какъ другаго выхода изъ крѣпости не было, то поѣздъ двинулся къ нимъ. Еще прежде, чѣмъ онъ тронулся, Лазъ-Оглу отправилъ Османа-Агу къ этимъ воротамъ съ приказомъ—запереть ихъ, по первому приказу Салехъ-Коша, и такъ распорядиться тамъ, чтобъ въ этомъ не было на мѣстѣ ни малѣйшаго промедленія времени, и чтобъ ни одинъ Мамлюкъ не былъ выпущенъ на Румелійскую-Площадь. Приказаніе исполнилъ Османъ съ полнымъ успѣхомъ; ключъ отъ воротъ взялъ къ себѣ, для доставленія своему патрону, а между-тѣмъ не могъ остаться праздными при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ и дѣйствовалъ, если не лучше всѣхъ, то навѣрное не хуже каждаго изъ Албанцевъ. Впереди Мамлюковъ ѣхалъ одинъ изъ главныхъ бэевъ, имени котораго Османъ-Ага не припомнитъ: онъ первый покатился съ лошади, пронзенный пулею насквозь изъ пистолета въ нѣсколькихъ шагахъ. Солиманъ-Бэй эль-Бауабъ былъ тутъ же; онъ пробился назадъ и достигъ дворца паши. Здѣсь голова его слетѣла почти въ глазахъ самого Мехмеда-Али. Въ дефилеяхъ цитадели началась жаркая стрѣльба изъ засадъ съ обѣихъ сторонъ, и Османъ думаетъ, что часть Албанцевъ, для большаго успѣха въ дѣлѣ, была поставлена туда за нѣкоторое время предъ тѣмъ, какъ поѣздъ двинулся сверху; всѣ прочіе, послѣ приказа Салехъ-Коша, туда же бросились. Послѣ того, какъ ѣхавшій впереди бэй покатился съ лошади и какъ послышались приказанія Салехъ-Коша, Мамлюки потерялись: не ожидая такой встрѣчи, они не приготовились къ отпору; большая часть ихъ, видя ворота запертыми и невозможность, по причинѣ тѣсноты, подняться вверхъ, сошли съ сѣдла и прятались отъ выстрѣловъ за лошадей своихъ; но это не спасло ихъ: стрѣльба усилилась, рѣзня сдѣлалась самою кровопролитною, и Мамлюки валились десятками. Они погибли, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, можетъ-быть, даже не обнаживъ сабли.

Какъ ни тайно было намѣреніе паши истребить Мамлюковъ въ этотъ день, однакожь оно было нѣкоторыми изъ обреченныхъ жертвъ или узнано, или предугадано. Не говоря уже о томъ, что никто изъ французскихъ Мамлюковъ не погибъ, хотя было ихъ достаточное количество и съ первыми были они въ тѣсной связи, много простыхъ Мамлюковъ-мусульманъ скрылось и разбѣжалось; кромѣ того, двое изъ Мамлюковъ высшаго званія ускользнули изъ самыхъ, такъ-сказать, челюстей смерти. Эти два Мамлюка: Эминъ-Бэй и Солейманъ-Ага.

Когда Мамлюки были угощаемы въ цитадели, во дворцѣ паши, одинъ изъ нихъ, Эминъ-Бэй, сидѣвшій въ ряду съ прочими бэями, уронилъ изъ фельджана нѣсколько капель кофе на платье. Принявъ это за самое дурное предзнаменованіе, онъ вышелъ на дворъ, обмѣнялся платьемъ съ своимъ саисомъ и пѣшкомъ вышелъ изъ крѣпости. Когда же началось истребленіе Мамлюковъ, послѣ того, можетъ-быть, чрезъ полчаса, Эминъ-Бэй запасся деньгами дома и скрылся изъ города. Онъ ушелъ въ Сирію и потомъ жилъ въ Константинополѣ, гдѣ и умеръ.

Манженъ приписываетъ Эмину-Бэю (или, какъ онъ пишетъ, Амину-Бэю) другой способъ спасенія, который, по словамъ нашего очевидца, послужилъ почетному Мамлюку, Солейманъ-Агѣ. Онъ говоритъ, что Солейманъ-Ага, будучи услужливъ, ласковъ и ума природнаго, всегда пользовался особен-

Digitized by Google

ным расположеніемъ къ себѣ всѣхъ старшинъ египетскаго управленія и, при посольствахъ въ Константинополь, былъ употребляемъ въ качествѣ драгомана. Должно думать, что онъ былъ предувѣдомленъ объ участи, приготовляемой его товарищамъ, или по-крайней-мѣрѣ предугадалъ ее. Хотя вмѣстѣ съ прочими онъ отправился въ блестящемъ костюмѣ чрезъ городъ по направленію къ крѣпости, но въ крѣпость не въѣхалъ за другими, а подъ нѣкоторымъ незначительнымъ предлогомъ остановился у ближайшей къ воротамъ мечети, что̀ на Румелійской-Площади, налѣво отъ Мечети-Султана-Гассана. Долго онъ тамъ оставался и когда началась стрѣльба, саисъ его бѣжалъ съ лошадью, а онъ скрылся въ тюрбѣ (народной часовенькѣ), бывшей на дворѣ, и остался въ ней до другаго дня. Спасся ли онъ бѣгствомъ изъ Египта, или былъ пощаженъ пашею, — Османъ-Ага не припомнитъ, а знаетъ только, что вскорѣ послѣ того этотъ почетный Мамлюкъ началъ показываться въ Каирѣ, гдѣ живетъ и досихъ-поръ.

Пишущій статью эту часто встрѣчалъ, въ прошломъ 1843 году, на улицахъ Каира Солеймана-Агу, въ красной чалмѣ, въ красномъ широкомъ, самаго тонкаго сукна, бурнусѣ, съ серебряною саблею у бедра, верхомъ на бѣлой кровной арабской лошади, въ сѣдлѣ, шитомъ золотомъ по красному бархату; нагрудникъ и мундштукъ его были также шитые. Сбруя, лошадь и платье, говорятъ, даръ паши. Въ особѣ Солеймана-Аги вы встрѣтите красавца Черкеса, роста по-видимому болѣе средняго; большіе закрученные усы и борода бѣлые, какъ снѣгъ; глаза блестящіе, веселые; лицо свѣжее, румяное, привѣтливое, и привѣтливое особенно для Европейцевъ, изъ которыхъ каждый, прилично-одѣтый, навѣрно встрѣтитъ его улыбку и ласковое *селямъ алейкюмъ*. Вообще, этотъ почтенный Черкесъ непремѣнно обратитъ на себя вниманіе ваше, и вы навѣрное заинтересуетесь узнать о его имени.

«Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздниковъ» говоритъ г. Норовъ въ своемъ путешествіи: «доскакавъ на окровавленномъ конѣ до самой вершины обрывистой скалы, вонзилъ оба острыя стремена въ бока разъяреннаго коня и низвергся съ страшной высоты. Конь разбился, а онъ самъ убѣжалъ въ пустыню». Я спросилъ объ этомъ случаѣ моего Османа-Агу, и онъ подтвердилъ справедливость его, добавивъ, что это былъ простой Мамлюкъ Гассанъ, котораго онъ коротко зналъ. Когда Гассанъ пробился наверхъ къ самому дворцу паши, то былъ преслѣдуемъ десяткомъ вооруженныхъ рукъ; пули свистѣли вокругъ его, и онъ былъ притиснутъ къ самому краю обрыва; не видя возможности спастись, онъ далъ шпоры своему неджскому жеребцу. Ужасная стремнина не устрашила благороднаго животнаго, и оно смертію своею выкупило жизнь своего всадника. Самое мѣсто это—между дворцомъ паши и нововоздвигаемою великолѣпною мечетію. Внизу Кара-Мейданъ, — Черная-Площадь (*): Отважность Гассана не могла не удивить паши и вмѣстѣ не понравиться ему; когда доложили ему объ этомъ случаѣ, онъ сказалъ только: *Маш-аллахъ!* обыкновенное восклицаніе у Турковъ;—а когда Гассана схватили, онъ пощадилъ его и взялъ въ свои войска. Черезъ годъ или два, Гассанъ умеръ.

— Сколько же ты зарѣзалъ Мамлюковъ?—спросилъ я Османа-Агу, когда онъ окончилъ разсказъ свой.

«Валлага, биллага! — не считалъ», отозвался онъ.

— Однакожъ?—возразилъ я.

«Да, можетъ-быть» отвѣчалъ онъ: «и будетъ штукъ сорокъ или пятьдесятъ. Я былъ одѣтъ въ платье албанское; бѣлая моя юбка и куртка были всѣ въ крови,—какъ-будто я въ крови

(*) Видъ этого мѣста съ дворцемъ и площадью внизу, въ числѣ прочихъ видовъ, снятъ мною посредствомъ дагерротипа.

Digitized by Google

вмѣшался. Когда придворные доложили объ этомъ пашѣ, то онъ велѣлъ позвать меня, какъ я былъ, къ себѣ во дворецъ и спрашивалъ—отъ-чего я весь въ крови. Замѣтно было, что въ этомъ видѣ я ему понравился. — «Да за тебя, эффендина (т. е. государь), зарѣзалъ сорокъ или пятьдесятъ барановъ». Паша приказалъ дать мнѣ въ награду богатое, золотомъ-шитое платье, которое потомъ продалъ я за пять тысячъ піастровъ (*)».

Скоро пришли доложить Осману-Агѣ, что желаетъ его видѣть какой-то бей, пріѣхавшій въ Касръ эль-Айни. Онъ простился со мной и поспѣшилъ внизъ. Когда онъ вышелъ, то бывшій здѣсь во все время разсказа и оставшійся со мной Абдуррахманъ-Ага обратился ко мнѣ таинственно и сказалъ: «Яланъ сойле ихтіяръ (старикъ не правду говоритъ)! Если онъ признался въ пятидесяти зарѣзанныхъ Мамлюкахъ, то навѣрно зарѣзалъ ихъ цѣлую сотню, а можетъ-быть и болѣе. Конечно, въ немъ не было смѣлости—нападать на нихъ открытою силою; но мы знаемъ, что онъ рѣзалъ всѣхъ, кого приводили къ Лазу-Оглу, и потомъ обшаривалъ ихъ карманы, да бралъ себѣ ихъ платье, лошадь и оружіе. Вотъ въ этомъ-то наиболѣе и заключается тотъ хлѣбъ Лазы-Оглу, который,—какъ говоритъ,—ѣстъ онъ и досихъ-поръ!»

Для полноты разсказа объ истребленіи Мамлюковъ, приведу замѣчаніе Жомара, извѣстнаго французскаго писателя:

«Еслибъ можно было вырвать эту кровавую страницу изъ исторіи Египта» говоритъ онъ: «слава Мехмеда-Али мало бы страшилась неумолимаго суда потомства. Правда, мусульмане идею о славѣ не представляютъ себѣ такою, какъ мы: они воспитываются вовсе не въ духѣ филантропіи. Привыкнувъ съ самаго дѣтства видѣть кровь, несправедливо-пролитую, они проливаютъ ее въ свою очередь для собственнаго благополучія, вовсе не слыша жестокими, не боясь упрековъ въ варварствѣ, не обвиняя другъ друга въ свирѣпости. Такова религія Мухаммеда: основанная мечомъ, она освятила власть, насильство и могущество побѣдителя. Притворство мухаммеданское есть не что иное, какъ разсчетъ слабости, которая хочетъ захватить силу, достаточную для погубленія непріятеля.

«Между-тѣмъ, на Востокѣ, какъ и вездѣ, гнушаются измѣной, и вѣроломный убійца перестаетъ быть невиннымъ. Но здѣсь правитель Египта былъ видимымъ орудіемъ Порты-Оттоманской. Если первая катастрофа Мамлюковъ въ Абукирѣ (*) была дѣломъ дивана,—какъ не приписать ему же и послѣдней? Духъ мщенія, неумолимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливый, характеризовалъ всегда дворъ константинопольскій. Онъ умѣетъ золотить цѣпи, которыя приготовляетъ своимъ непріятелямъ и украшаетъ цвѣтами головы жертвъ своихъ; горе тому, кому достанется обязанность жреца: вся ненависть на него обрушивается!»

Хотя въ этой выпискѣ, замѣчательной своимъ взглядомъ, Жомаръ и старается сложить вину всего дѣла на константинопольскій диванъ; но, вспомнивъ отношенія, въ которыхъ находился правитель Египта къ Стамбулу и самостоятельность его на мѣстѣ, котораго достигнулъ съ такими трудностями единственно своимъ тонкимъ и хитрымъ умомъ, нельзя не согласиться съ заключеніемъ Манжена и г. Норова,—что послѣднее истребленіе Мам-

(*) Подразумѣвается турецкихъ, нынѣче стоящихъ до 6¼ коп. сереб. Но прежде они были дороже и стоили иногда отъ 10 до 15 коп. сереб.

(*) Въ 1801 году капитанъ-паша, какъ извѣстно, самымъ вѣроломнымъ образомъ вырѣзалъ многихъ мамлюкскихъ бэевъ съ ихъ свитами, въ Абукирѣ, въ глазахъ англійскаго флота.

Digitized by Google

люковъ устроено Мехмедомъ-Али вовсе не изъ угожденія Портѣ, а чисто изъ собственныхъ видовъ и для личной безопасности въ управленіи захваченною имъ страною.

А. У—цъ.

*

ОБЪ ОТОПЛЕНІИ И ПРОВѢТРИВАНІИ БОЛЬНИЦЪ.—Хотя отопленіе больницъ, говоритъ Пеклѐ (въ Traité de la Chaleur considerée dans ses applications. 1843) и здоровое содержаніе воздуха, составляетъ предметъ величайшей важности, однакожъ имъ всегда мало занимались, обращая болѣе вниманіе на опрятность зданія, на мѣбель и т. п. Не говоря уже объ архитекторахъ, которые, въ сказанномъ отношеніи, должны быть только исполнителями чужихъ предположеній, мы видимъ, что и медики, съ необходимыми для ихъ профессіи свѣдѣніями въ физикѣ и химіи, не совсѣмъ-привѣтливо допускаютъ улучшенія, основанныя на законахъ тѣхъ наукъ и оправданныя уже опытами, не вникая въ сущность этихъ улучшеній, введенныхъ по части отопленія и провѣтриванія зданій, довольствуются старыми, весьма-несовершенными нагрѣвателями, или стараются ихъ усовершенствовать. По-крайней-мѣрѣ, намъ извѣстно одно изъ этихъ улучшеній, которое состоитъ въ томъ, чтобъ топки или горнила у голландскихъ печей дѣлать въ самомъ верху ихъ, а для накладыванія дровъ пристроивать къ печи винтообразныя лѣстницы! Такимъ образомъ—печь, перевернутая вверхъ ногами, будетъ очищать и верхніе слои воздуха, которые, будто-бы, застаиваются при обыкновенномъ устройствѣ печей!..

Но какъ этотъ замысловатый проектъ, кажется, не приведенъ еще въ исполненіе, то, для содержанія въ больницахъ воздуха въ возможной чистотѣ, пока ограничиваются устройствомъ только палатъ излишне-высокими и помѣщеніемъ въ нихъ каминовъ и форточекъ. Какъ-скоро въ окнѣ есть форточка, то дѣло кончено: мы остаемся увѣренными въ благорастворенности комнатнаго воздуха, и не краснѣя открываемъ форточку въ случаѣ надобности, а между-тѣмъ смѣемся надъ мужикомъ, который въ морозъ отворяетъ въ избѣ дверь для прохлады! Относительно больницъ, г Пеклѐ находитъ неудобнымъ даже открываніе оконъ въ лѣтнее время, по причинѣ вѣтра, пыли, дождя и уличнаго шума, не говоря уже объ опасныхъ слѣдствіяхъ сквознаго теченія воздуха, отъ-чего здоровые дѣлаются больными, а больные умираютъ, какъ отъ стрѣлы, напитанной ядомъ, по выраженію Франклина.

Если для здороваго человѣка необходимо, какъ полагаетъ Пеклѐ, до 150 куб. метровъ свѣжаго воздуха въ день (около $15\frac{1}{2}$ куб. саженъ), то для больнаго, по причинѣ особыхъ обстоятельствъ, потребуется гораздо-болѣе. Можно доказать математически, что знаменитыя форточки никакъ не въ состояніи пропустить потребнаго количества свѣжаго воздуха зимою, безъ ощутительнаго пониженія комнатной температуры. А если средства эти недостаточны для надлежащаго освѣженія внутренняго воздуха, то понятно—какое долженъ производить вліяніе на больнаго застоявшійся и испорченный дыханіемъ и разными испареніями воздухъ. Поэтому, и неудивительно, что свойственныя госпиталямъ болѣзни принимаютъ особый характеръ и такъ трудно исцѣляются, не смотря на врачебныя пособія и всѣ попеченія правительства о надлежащемъ содержаніи больныхъ. Постигая всю важность хорошаго отопленія и провѣтриванія больницъ, Пеклѐ, для достиже-

Digitized by Google

нія этой благодѣтельной цѣли, предлагаетъ слѣдующія мѣры:

a) Постоянное возобновленіе воздуха въ-продолженіе цѣлаго года, днемъ и особенно ночью, когда внутренній воздухъ наиболѣе застаивается.

b) Какъ всѣ механическія средства невыгодны и не производятъ правильнаго и постояннаго дѣйствія, то истеченіе испорченнаго воздуха должно происходить само-собою отъ неравенства только температуръ.

c) Провѣтриваніе палатъ признавать тогда только достаточнымъ, когда атмосфернаго воздуха притекаетъ въ часъ отъ десяти до пятнадцати кубическихъ метровъ (отъ одного до $1\frac{1}{2}$ куб. саженъ), а въ случаѣ малѣйшаго запаха и болѣе.

d) Равномѣрное и постоянное нагрѣваніе внутренняго воздуха. Въ этомъ отношеніи, водяные калориферы Пекле́ предпочитаетъ всѣмъ другимъ, но для большихъ зданій признаетъ онъ болѣе-выгодными паровые калориферы.

Онъ предполагаетъ нагрѣвать больницы горячею водою такимъ образомъ:

Водогрѣйный котелъ помѣщается въ подвалѣ. Въ каждой палатѣ устроить металлическій резервуаръ и сообщить его съ котломъ посредствомъ трубъ. Для возмѣщенія истекающаго комнатнаго воздуха, нагрѣвается тѣмъ же котломъ въ подвалѣ атмосферный воздухъ, проводимый въ каждую палату вертикальными каналами, которые сообщаются съ горизонтальными трубами. Изъ нихъ, посредствомъ особыхъ трубъ, проводится воздухъ подъ кровати, гдѣ и выходитъ черезъ нѣсколько малыхъ отверстій. Въ верхней части комнаты, устроить каналы для истеченія испорченнаго комнатнаго воздуха, приводимаго въ движеніе особымъ вытяжнымъ очагомъ (le foyer d'appel). Вмѣсто его, прибавляетъ Пекле́, можно произвести движеніе воздуха тѣмъ же нагрѣвательнымъ приборомъ, который устроенъ въ подвалѣ.

Вотъ все, что говоритъ Пекле объ отопленіи и провѣтриваніи больницъ; но сказаннаго имъ достаточно для того, чтобъ развить дальнѣйшія подробности по этому предмету и вывести слѣдующіе законы и условія:

1) Температура въ палатахъ должна быть въ потребной степени постоянная, и, кромѣ того, въ особыхъ случаяхъ, удобно-возвышаемая и понижаемая по мѣрѣ надобности, но равномѣрно во всѣхъ точкахъ палаты.

2) При необходимомъ и постоянномъ возобновленіи воздуха, надобно имѣть еще возможность перемѣнять его, въ случаѣ потребности, въ кратчайшее время.

3) Независимо отъ состоянія погоды, отъ вѣтра, снѣга, дождя и пыли, свѣжій атмосферный воздухъ долженъ втекать въ палаты безопасными путями, нисколько не охлаждая внутренняго воздуха, если нѣтъ въ томъ надобности и не производя сколько-либо замѣтнаго сквознаго теченія.

4) Совершенная безопасность отъ дыма, угара, пригари и вообще отъ всякаго запаха, измѣняющаго естественную чистоту воздуха.

5) Шумъ, происходящій отъ горѣнія дровъ съ трескомъ, отъ укладыванія и перемѣшиванія ихъ въ печи, отъ закрыванія вьюшки, выгребанія сажи и золы и сопряженная съ тѣмъ неопрятность, не должны быть терпимы въ комнатахъ больницъ.

6) Возможно-меньшій надзоръ за топкою и управленіемъ нагрѣвательныхъ приборовъ.

Если условія эти проистекаютъ изъ самой потребности дѣла и основаны на законахъ здраваго разсудка, то, скажите по совѣсти, могутъ ли быть допускаемы въ порядочныхъ больницахъ печи такъ-называемыя голландскія, шведскія, утермарскія, каминны и т. п. нагрѣвательные приборы? Защитники ихъ обыкновенно утверждаютъ, что посредствомъ этихъ печей очищается комнатный воздухъ гораздо-лучше, чѣмъ всякимъ другимъ приборомъ, особенно посредствомъ шведскихъ печей и каминовъ, имѣющихъ

Digitized by Google

широкія устья для истеченія испорченнаго воздуха. Полно, такъ ли? — Посмотримъ.

Безспорно, что истеченіе комнатнаго воздуха во время топки печей, по причинѣ высокой температуры и происходящей отъ-того сильной тяги, весьма-дѣйствительно, но продолжительно ли оно бываетъ? Часъ-два въ сутки, не болѣе, какъ топится печь! А въ остальные 22 часа, какъ перемѣняется воздухъ, и откуда притекаетъ свѣжій атмосферный воздухъ, для восполненія истекшаго черезъ трубу! Если черезъ форточку,— это все равно, что̀ черезъ дверь: одно стоитъ другаго на счетъ неудобства и опасности отъ простуды! Припомнимъ, что въ зимнее время мы остерегаемся сидѣть у окна, чувствуя притеченіе въ комнату холоднаго воздуха, проникающаго черезъ двойныя рамы, плотно закупоренныя и замазанныя. Это явно доказываетъ недостатокъ воздуха, который проникаетъ снаружи въ комнату, гдѣ и какъ только можетъ!..

Часто случается, что иное мнѣніе переходитъ въ наслѣдство изъ рода въ родъ, тогда-какъ поводъ, въ-слѣдствіе котораго возникло это мнѣніе, давно уже не существуетъ. То же самое случилось съ каминами и шведскими печами. Смотря на ихъ большое, открытое *чело*, все еще думаешь, что они удивительно какъ умны и очень-полезны для очищенія воздуха. Да; когда-то они были полезны, но время это давно миновалось, и съ-тѣхъ-поръ, какъ трубочисты перестали лазить въ трубы, шведскія печи и камины стали въ-уровень съ голландскими печами, потому-что въ настоящее время для всѣхъ ихъ трубы дѣлаются равной ширины. Въ этомъ случаѣ — какое бы мы ни дѣлали отверстіе для притеченія въ печь воздуха, — притеченіе и истеченіе его не можетъ быть ни больше, ни меньше, сколько дозволитъ труба, или, точнѣе, вьюшка, а черезъ вьюшку шведской печи не болѣе пройдетъ воздуха, какъ и черезъ вьюшку голландской печи. Теперь, вся польза широкихъ устьевъ въ топкахъ ограничивается нагрѣваніемъ комнатъ дѣйствіемъ лучистой теплоты, непосредственно истекающей отъ горящаго топлива. Полезно ли такого рода нагрѣваніе, всякій знаетъ, кому случалось простуживаться отъ каминовъ, и намъ кажется достовѣрнымъ, что если тѣло больнаго подвергается нагрѣванію съ одной стороны, что̀ очень можетъ случиться, если кровать находится близко отъ нагрѣвателя, то больному отъ этого нисколько не будетъ легче. Болѣе пугать я не могу, потому-что не медикъ, и нахожу болѣе для себя приличнымъ обратиться къ вопросу — что̀ за приборъ шведская печь, о которой многіе почтенные медики имѣютъ самое почетное мнѣніе?

Шведская печь есть сложный нагрѣвательный приборъ, который составленъ изъ смѣси другаго, взятаго на-прокатъ у камина и голландской печи, т. е. изъ открытой топки, какъ у камина, только съ дверцами, и изъ такихъ же оборотовъ, какъ у голландской печи. Слѣдовательно, шведская печь нагрѣваетъ и лучистою теплотой открытаго пламени, и потомъ нагрѣтою кирпичною массою оборотовъ. О неудобности лучистой теплоты для больныхъ, мы замѣтили выше; теперь поговоримъ о нагрѣтой массѣ.

Всякую печь, которую топятъ одинъ разъ въ сутки, не болѣе двухъ часовъ, надобно прогрѣть порядочно, чтобъ она содержала теплоту на цѣлыя сутки. Но единожды-нагрѣтое тѣло издаетъ изъ себя теплоту неравномѣрно: въ первое время болѣе, а въ послѣдующее менѣе, и тѣмъ менѣе, чѣмъ температура тѣла болѣе понижается. То же самое происходитъ и съ нашими печами. Если печь натоплена хорошо, то въ первое время около нея бываетъ нестерпимо-жарко, а на другой день довольно-прохладно, особенно въ отдаленныхъ отъ печи углахъ комнаты. Разумѣется, что здѣсь грѣшно и думать о равномѣрной и постоянной температурѣ; поэтому легко можетъ слу-

Digitized by Google

читься, что ближайшіе къ печи больные будутъ пользоваться теплом въ 16°, а отдаленные въ 12° и менѣе. Управлять же температурою по произволу нѣтъ никакой возможности при обычномъ устройствѣ печей.

Далѣе, замѣчаемъ также весьма-важное неудобство кирпичныхъ печей, состоящее въ крайней ихъ медленности и неподвижности въ отправленіи своей обязанности. Чтобъ заставить ихъ дѣйствовать, надобно ихъ *распечь*, а это продолжается иногда часовъ до пяти, т. е. спустя нѣсколько часовъ послѣ закрытія трубы вьюшкой. Было нѣсколько дней тепло — печи топили умѣренно; вдругъ стало холодно — извольте дождаться, пока ваша печь прогрѣется, а между-тѣмъ труба охладилась и дымъ обращается въ комнату! Кромѣ этой причины дымленія печей, топимыхъ въ самомъ нагрѣваемомъ пространствѣ, есть много другихъ, которыхъ ни предвидѣть, ни отвратить невозможно; но чѣмъ шире отверстіе топки, какъ у каминовъ и шведскихъ печей, тѣмъ труднѣе избѣжать дымленія. А если принять еще въ соображеніе обыкновенную небрежность нашихъ истопниковъ, то удивляться надобно, какъ мы не задохлись еще отъ дыма и угара. Для нихъ, для этихъ почтенныхъ нашихъ истопниковъ, ровно ни-почемъ: затопить печь, не открывъ трубы; закрыть трубу, не давъ прогорѣть головѣшкамъ, поставить каленую кочергу на деревянный полъ, и многое т. п. Наконецъ, согласимся, что пока не придумаемъ мы дѣлать комнатныя печи теплыми безъ остатка въ нихъ горячихъ угольевъ, до-тѣхъ-поръ не можемъ быть увѣренными въ надлежащей чистотѣ воздуха.

Послѣ всего сказаннаго нами, становится очевиднымъ, что Пекле не безъ основанія признаётъ водяные и паровые калориферы лучшими нагрѣвателями для больницъ. Но и воздушные калориферы, если они будутъ устроены на хорошихъ началахъ и сообразно потребностямъ больницы, могутъ быть равно полезными. Два важныя ихъ неудобства: раскалъ и прониканіе иногда дыма въ тепловую камеру—отвратить возможно. Для предупрежденія раскала и излишней сухости воздуха, надобно увеличить только количество нагрѣвательныхъ плоскостей, а чтобъ черезъ сопряженія ихъ не проходилъ дымъ — стóитъ только чаще осматривать приборъ и тотчасъ замазывать щели, гдѣ окажется дымъ, что̀ весьма-легко сдѣлать въ калориферахъ и очень-трудно въ комнатныхъ печахъ, когда дымъ покажется въ пространствѣ между стѣной и печью *(отступъ)*, куда и попасть нельзя.

Мнѣніе, что будто-бы воздушные калориферы не могутъ доставлять атмосфернаго воздуха въ такой степени чистоты, какъ форточки, будетъ имѣть нѣкоторое основаніе, если допустить треніе быстро-движущагося воздуха о кирпичныя плоскости, обмазанныя глиной. Но это неудобство отвратить не трудно: надобно только обложить изразцами всѣ кирпичныя плоскости прибора, а каналы для проведенія атмосфернаго и теплаго воздуха устроить изъ глиняныхъ муравленыхъ трубъ. За тѣмъ устранится всякое опасеніе на счетъ чистоты воздуха, доставляемаго калориферами, если этотъ воздухъ, разъ-употребленный на дыханіе, будетъ вытекать въ атмосферу, а не возвращаться въ тепловую камеру, какъ предложилъ вѣнскій профессоръ Мейснеръ для сбереженія топлива. Но такого рода сбереженіе, не совсѣмъ-безопасное для здоровья, рѣшительно не должно имѣть мѣста въ больницѣ, гдѣ нѣсколько полѣнъ, излишне-сожженныхъ для благорастворенности воздуха, замѣнятъ десятокъ банокъ съ лекарствами.

Какъ по системѣ профессора Мейснера тепловые душники, доставляющіе нагрѣтый атмосферный воздухъ, помѣщаются отъ пола до двухъ съ половиною аршинъ, а вытяжныя дверцы (вентиляторы), для исхода въ атмосферу внутренняго испорченнаго воздуха, въ самомъ низу комнаты, то и полага-

Digitized by Google

ютъ нѣкоторые, что, при такомъ расположеніи входныхъ и исходныхъ отверстій для воздуха, верхніе его слои въ комнатѣ остаются безъ всякаго движенія; но это требуетъ, какъ говорятъ ученые, «особаго разсмотрѣнія».

Представимъ себѣ сосудъ, наполненный водою. Посерединѣ высоты его впущена особою трубочкой горячая вода; внизу сдѣлано почти-равное трубочкѣ отверстіе для истеченія воды изъ сосуда. По мѣрѣ истеченія отсюда холодной воды, горячая вода втекаетъ по трубочкѣ и стремится занять верхнюю часть сосуда. На этомъ пути, она смѣшивается съ холодною водою, передаетъ ей свой теплородъ, становится тяжеле новой горячей струи, уступаетъ ей свое мѣсто и постепенно опускается на дно сосуда. Понятно, что при постоянномъ вытеканіи воды черезъ нижнее отверстіе, вся масса воды, не исключая и самаго верхняго слоя, стремясь прійдти къ равновѣсію, будетъ находиться въ непрерывномъ движеніи и перемѣняться со скоростію, равною истеченію воды. То же самое происходитъ и въ комнатѣ, въ которую горячій воздухъ впущенъ черезъ душникъ, поставленный нѣсколько-выше роста человѣческаго, а охладившійся и испорченный воздухъ выпущенъ черезъ каналъ, начинающійся отъ пола комнаты и выведенный на чердакъ, или сверхъ крыши строенія. Чѣмъ больше въ комнату впущено горячаго воздуха, или чѣмъ выше его температура, тѣмъ скорѣе нагрѣвается и перемѣняется комнатный воздухъ.

Такое расположеніе входныхъ и исходныхъ отверстій для воздуха противорѣчитъ системѣ Пекле, по которой, какъ выше сказано, тепловые душники въ больницахъ должны быть поставлены внизу комнаты, а вытяжные вверху. Но въ этомъ случаѣ, равномѣрность температуры не можетъ быть достигнута, и, кромѣ того, употребится бо́льшее количество горючаго матеріала для нагрѣванія и провѣтриванія палатъ, да и самъ Пекле, въ статьѣ о сушеніи грѣтымъ воздухомъ, вотъ что говоритъ:

«Обыкновенно, сушильни устроиваютъ такъ, что притокъ въ нихъ теплаго воздуха бываетъ внизу, а выходъ вверху, что́ весьма-неправильно. Теплый воздухъ, выходя изъ душника при высокой температурѣ, тотчасъ устремляется кверху, мало распространяется въ стороны и выходитъ въ вытяжную трубу, не будучи насыщенъ парами. Если душниковъ для теплаго воздуха недостаточно, и если они неравномѣрно размѣщены по сушильнѣ, то нѣкоторая часть воздуха остается безъ движенія и, охлаждаясь, приближаетъ паръ къ капельному состоянію, отъ-чего воздухъ становится тяжелѣе, чѣмъ тотъ, который пресыщенъ парами при той же температурѣ. Въ этомъ случаѣ, втекающій въ сушильню теплый воздухъ стремится кратчайшимъ путемъ вверхъ къ вытяжной трубѣ и выходитъ въ атмосферу насыщенный парами. Тотъ же воздухъ, который не можетъ принять такого направленія, насыщается сгущенными парами, становится тяжеле, чѣмъ атмосферный воздухъ, и остается безъ движенія, и потому исходъ паровъ долженъ быть на самомъ полу сушильни посредствомъ трубы достаточной вышины.

«Я имѣлъ нѣсколько случаевъ удостовѣряться въ величайшей разности въ дѣйствіи сушильни, устроенной съ вытяжными отверстіями сначала вверху, а потомъ внизу. При производствѣ опытовъ надъ сушеніемъ вермичелли у г. Терно́, количество освободившихся паровъ въ первомъ случаѣ было 144, а въ послѣднемъ 247 килограммовъ, при употребленіи топлива въ гораздо-меньшемъ количествѣ.

«Итакъ, первое и весьма-важное условіе въ устройствѣ сушилень состоитъ именно въ томъ, чтобъ вытяжные душники помѣщать непремѣнно внизу. Это отвращаетъ застой и благопріятствуетъ насыщенію парами теплаго воздуха, который вверхъ дви-

Digitized by Google

«гается быстро, а книзу опускается «медленно, что и способствуетъ одно«образному и равномѣрному его раз«дѣленію» (*).

И. Свіязевъ.

*

НОВОСТИ УЧЕНЫЯ.

НОВАЯ ДВИГАЮЩАЯ СИЛА, ЗАМѢНЯЮЩАЯ ПАРЪ. — Паровая машина, вѣроятно, стоитъ въ главѣ всѣхъ изобрѣтеній ума человѣческаго и собственно по своему устройству и по пользѣ, которую доставляетъ она человѣчеству. Въ-самомъ-дѣлѣ, паръ въ наше время рѣшительно вытѣснилъ воду и вѣтеръ изъ механической дѣятельности, и теперь смѣло можно сказать, что ни одна отрасль фабричной промышленности не идетъ безъ содѣйствія паровой машины.

Но исторія фортуны и нищаго, разсказанная такъ превосходно въ апологѣ нашего баснописца И. А. Крылова, — живое олицетвореніе человѣчества. Подобно нищему, мы непремѣнно хотимъ, требуемъ всего, очень-часто даже невозможнаго отъ каждаго дѣльнаго изобрѣтенія, которое посылаетъ намъ фортуна; и потомъ гонимъ, унижаемъ это изобрѣтеніе, забывая его услуги и пользу, если оно только не совершенно отвѣчаетъ нашимъ ожиданіямъ.

Фабрика, мануфактура, заводъ—настоящее мѣсто паровой машины; она также можетъ быть употреблена съ пользою какъ двигатель и по желѣзнымъ дорогамъ и на водѣ, но только не для громадныхъ судовъ и не на очень-большія разстоянія. Въ послѣднее время, въ Англіи и во Франціи вздумали огромные фрегаты, военные и купеческіе корабли, назначенные для долговременныхъ путешествій по океанамъ, приводить также въ движеніе посредствомъ паровой машины. Разумѣется, попытка эта имѣла неудачные результаты, и понятно почему. Суда этого рода, по своимъ размѣрамъ, требовали машинъ необыкновенно-сильныхъ, которыя, необходимо, должны были пожирать огромное количество топлива; а есть-ли какая-нибудь возможность сохранять значительные запасы каменнаго угля на этихъ судахъ, гдѣ должны помѣщаться еще и пассажиры и товары?

Это неудобство и взрывы — единственныя причины гоненій, которыя поднялись въ послѣднее время на паровую машину.

Всѣ механики хлопочутъ теперь, чтобъ изгнать паръ изъ области промышленой дѣятельности и замѣнить его другимъ болѣе-всеобщимъ двигателемъ. Мы имѣли уже случай нѣсколько разъ говорить о многихъ подобныхъ попыткахъ, каковы, напр. машина, дѣйствующая углекислотою, Исгэна Бэнкса, воздушная машина Левицкаго и проч. и проч., и показали выгоды и невыгоды этихъ полудѣтскихъ опытовъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, нѣкто г. Селлигъ (Selligue), представилъ Парижской Академіи Наукъ новый приборъ, приноровленный преимущественно къ движенію судовъ всѣхъ размѣровъ, и въ которомъ двигатель представляетъ расширительная сила воздуха гремучаго, то-есть смѣси углеводороднаго газа для освѣщенія и воздуха обыкновеннаго. Углеводородный газъ получаетъ г. Селлигъ изъ воды,

(*) Объ устройствѣ воздушныхъ калориферовъ, намъ кажется, всего лучше можно узнать изъ втораго изданія «Руководства къ Архитектурѣ», сочиненія почтеннаго автора этой статьи, г-на Свіязева (часть III, § 228 и послѣдующіе). *Ред.*

Digitized by Google

которую разлагаетъ онъ раскаленными древесными углями.

Главныя части прибора — двѣ колѣнчатыя трубки, длиною около девяти аршинъ, изогнутыя подъ прямымъ угломъ; верхнее колѣно ихъ, длиною слишкомъ три аршина, на концѣ закрыто; оно снабжено тремя кранами, назначеніе которыхъ объяснимъ послѣ; нижнее колѣно открыто на концѣ, и въ немъ движется поршень.

Трубки эти, или пріемники, какъ ихъ называетъ самъ изобрѣтатель, прикрѣпляются къ задней кормовой части корабля, по обѣимъ сторонамъ его, какъ-можно-ближе къ основанію, которое сидитъ въ водѣ; верхнему колѣну при этомъ дается вертикальное направленіе, а нижнее колѣно, погруженное въ воду, ложится уже горизонтально.

Два насоса накачиваютъ въ эти пріемники воздухъ и углеродный газъ, получаемый тутъ же, какъ мы сказали, изъ воды, дѣйствіемъ на нее раскаленныхъ углей. Эти элементы проводятся именно въ такой пропорціи, чтобъ составить гремучую смѣсь, которая воспламеняется и производитъ взрывъ; также посредствомъ углеводороднаго газа. Онъ выходитъ двумя небольшими струйками черезъ ключъ самаго нижняго изъ трехъ крановъ, которые, какъ мы сказали, находятся на верхнемъ вертикальномъ колѣнѣ пріемника; одна струйка воспламеняетъ гремучую смѣсь; другая зажигаетъ эту первую, потому-что та, исполнивъ свое назначеніе, тутъ же тотчасъ тухнетъ. Этотъ нижній кранъ, слѣдственно, служитъ собственно для произведенія взрыва; слѣдующій за нимъ приводитъ въ пріемникъ углеводородный газъ и воздухъ; а самый верхній открывается послѣ каждаго взрыва и выпускаетъ азотъ, образующійся при взрывѣ гремучей смѣси; азотъ же замѣщается водою, которая восходитъ до своего настоящаго уровня.

Особый механизмъ приводитъ въ движеніе и насосы и краны.

По этому, хотя и несовсѣмъ-полному описанію, легко отчасти уже себѣ представить самое дѣйствіе машины.

Возьмемъ именно тотъ моментъ, когда взрывъ конченъ, когда верхній кранъ открытъ и вода поднялась въ пріемникъ: тогда всѣ части прибора кончили кругъ своей дѣятельности и пришли въ спокойное состояніе.

Дѣятельность машины начинается закрытіемъ верхняго крана и открытіемъ втораго срединнаго; черезъ него изъ насосовъ устремляется въ пріемники, именно въ ихъ верхнее колѣно, углеродный газъ и воздухъ, которые, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ гремучую смѣсь; тогда открывается только въ четверть оборота третій нижній кранъ, и одна струйка того же горючаго газа воспламеняетъ эту смѣсь, образуется взрывъ, и газы своею расширительною силою выдавливаютъ столбъ поднявшейся воды; но вотъ верхній кранъ открывается, выпускаетъ азотъ, въ пріемникѣ образуется пустота, и вода снова поднимается; настаетъ опять минута покоя, который нарушается и возобновляется въ свою очередь тѣмъ же самымъ путемъ, какъ мы сейчасъ сказали.

Это постоянное попеременное движеніе водянаго столба въ пріемникахъ, которое мы сейчасъ увидимъ, происходитъ съ необыкновенною быстротою, и заставляетъ корабль идти въ противоположную сторону; въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь водяные столбы дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ обыкновенныя весла, какъ колеса пароходовъ, отодвигая назади отъ кормы соотвѣтствующую массу воды. Скорость движенія корабля будетъ здѣсь пропорціональна силѣ и количеству взрывовъ, то-есть, говоря другими словами, будетъ зависѣть отъ этихъ элементовъ. А вотъ какъ значительны эти элементы, по словамъ самого изобрѣтателя.

«Взрывы эти» говоритъ онъ «могутъ возобновляться каждыя три секунды; слѣдственно, продолжаться они будутъ не болѣе полуторы секунды. Такимъ образомъ, въ минуту можно произвести

Digitized by Google

сорокъ взрывовъ, въ часъ — 2,400, т. е. сжечь 54,600 штофовъ гремучей смѣси (полагая на каждый взрывъ 22,75 штофа углеводороднаго газа и 182 штофа воздуха). А расширительная сила гремучей смѣси при каждомъ взрывѣ равняется 61,000 фунтамъ.»

Вотъ сравнительный разсчетъ издержекъ для новаго прибора Селлига и паровой машины, по французскимъ цѣнамъ.

Газовыя печи, въ которыхъ добывается горючій углеводородный газъ, потребляютъ, въ-продолженіе двадцати-четырехъ часовъ, топлива 9 четвертей каменнаго угля.

Собственно для полученія газа въ-продолженіе двадцати-четырехъ часовъ идетъ 35 пудовъ древеснаго угля.

9 четвертей каменнаго угля стоятъ. . . . . 70 фр.
35 п. древеснаго угля . 57 фр. 60 коп.
Вода даромъ.

Итого 127 фр. 60 коп.

И за такую умѣренную цѣну цѣлые сутки дѣйствуетъ приборъ силою въ 61,000 фунтовъ, или въ 222 паровыя лошади.

Паровая машина въ двадцать-четыре часа на каждую паровую лошадь потребляетъ, въ-продолженіе часа, двѣнадцать фунтовъ каменнаго угля; слѣдственно, суточное дѣйствіе машины силою въ двѣсти лошадей будетъ стоять слишкомъ 800 франковъ.

Какова разница?

Что касается до уютности и цѣнности самаго прибора, въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможно и сравнивать его съ паровою машиною; онъ вѣситъ никакъ-небольше двадцати тоннъ, а вооружить имъ линейный корабль обойдется не дороже 100,000 фр.

ЭЛЕКТРОПРОВОДИМОСТЬ ЗЕМЛИ.—Земля наша есть ли проводникъ, и притомъ хорошій, электричества? Вопросъ этотъ очень-важенъ въ отношеніи практическомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если земля проводитъ струю электрическую, тогда построеніе электро-магнитныхъ телеграфовъ, которыми теперь, какъ наиболѣе-удобными, стараются замѣнить повсюду простые, обыкновенные телеграфы, обойдется гораздо-дешевле, потому-что, вмѣсто металлическаго проводника, вмѣсто мѣдной проволоки, можно, въ такомъ случаѣ, употребить самую почву, землю, какъ проводникъ.

Фехнеръ, Якоби, Погендорфъ, Пульѐ, кажется, первые стали подозрѣвать, что земля имѣетъ способность проводить электрическую струю; Уитстонъ подкрѣпилъ опытами довольно-строгими ихъ полугипотетическія заключенія; но эти опыты никто не повторялъ, и электро-проводимость земли до-сихъ-поръ оставалась спорнымъ, нерѣшеннымъ пунктомъ въ физикѣ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, извѣстный итальянскій физикъ Маттеучи представилъ Парижской Академіи Наукъ свои новыя изслѣдованія надъ электро-проводимостью земли; опыты его, произведенные въ большихъ размѣрахъ, рѣшительно подтверждаются заключеніями Фехнера, Якоби, Погендорфа, Пульѐ и Уитстона, и теперь электро-магнитные телеграфы, даже по простотѣ своего устройства, возьмутъ непремѣнно перевѣсъ надъ простыми телеграфами.

Маттеучи, чтобъ изслѣдовать электропроводимость земли, погружалъ въ два колодца, находящіеся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, желѣзныя пластинки и соединялъ ихъ чистою мѣдною проволокою, непокрытою шелкомъ, которая утверждена была на сухихъ деревянныхъ лакированныхъ подставкахъ. Въ этотъ незамкнутый кругъ (мы называемъ его незамкнутымъ потому, что полоса земли раздѣляла оба колодца) вводилъ онъ элементъ бунзеновской батареи, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ глиняной банки, угля и амальгамированнаго цинка. Стрѣлка гальванометра отклонялась, — ясный знакъ, что здѣсь возбуждался непрерывный токъ, пробѣгая и по мѣднымъ проволокамъ и чрезъ земляную поло-

Digitized by Google

су, которая играла здѣсь роль проводника.

Чтобъ опредѣлить дѣйствіе этого тока на различныхъ разстояніяхъ, Маттеучи дѣлалъ опыты надъ нѣсколькими колодцами, различно удаленными другъ отъ друга, и во всѣхъ этихъ опытахъ сила получаемаго тока была одинакова.

Изъ всего этого непремѣнно слѣдуетъ, что земля превосходно проводитъ электрическую струю и не оказываетъ совершенно-никакого сопротивленія на малыхъ и на большихъ протяженіяхъ.

Открытіе очень-важное въ практическомъ отношеніи. Теперь смѣло можно электро-магнитные телеграфы соединять, вмѣсто двухъ, только одною проволокою, потому-что другая совершенно замѣнится землею, а это значитъ уменьшить издержки построенія по-крайней-мѣрѣ вдвое.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РАЗЛОЖЕНІЯ ЗОЛОТИЛЬНЫХЪ РАСТВОРОВЪ Г. ЧЕРУХИНА.—Гальваническое золоченіе въ настоящее время составляетъ весьма-важную задачу и для промышлености; оно доставитъ возможность замѣнить опасный способъ золоченія и серебренія черезъ огонь способомъ безвреднымъ и гораздо-болѣе представляющимъ выгодъ экономическихъ. Весьма-часто случается слышать, что и при первомъ способѣ можно принять надлежащія предосторожности, чтобъ устранить вредное дѣйствіе ртутныхъ паровъ; но производитель, короче-знакомый съ ртутными парами, этого не скажетъ. Да и зачѣмъ много хлопотать, чтобъ доказывать ихъ вредъ? стоитъ только взглянуть на мастера, который лѣтъ двадцать или тридцать занимался этой работой, чтобъ совершенно убѣдиться, что не любовь, а нужда заставляла человѣка подвергать себя этому губительному ремеслу. Противники гальваническаго золоченія найдутъ и въ немъ также вредное дѣйствіе, если обратятъ вниманіе на ядовитость синеродистыхъ соединеній; но намъ кажется, что небольшой предосторожности достаточно для того, чтобъ предохранить себя отъ этого вреда, а именно должно опасаться, чтобъ растворъ золотильный не попалъ на порѣзанныя части рукъ. Что же касается до экономіи собственно, то тутъ дѣло совершенно-ясное и трудно будетъ противъ него возражать.

Любители производства электротипическихъ работъ такъ много рекомендуютъ различныхъ рецептовъ для приготовленія золотильныхъ растворовъ и такъ радушно расхваливаютъ ихъ дѣйствіе, что, право, не знаешь, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе; каждый желающій заниматься этимъ предметомъ, почти въ необходимости находится всѣ ихъ перепробовать, и тратить на одни первоначальные опыты такой дорогой матеріалъ, каково золото. По-этому, очень-важно въ экономическомъ отношеніи было бы найдти способъ, какъ бы скорѣе и выгоднѣе разложить тѣ растворы, которые не даютъ хорошихъ результатовъ, и получить изъ нихъ золото химически-чистое, годное для другихъ операцій.

Самый простѣйшій способъ есть выпариваніе до-суха всей жидкости и потомъ прокаливаніе оставшагося осадка, при чемъ синеродистое золото разлагается, и золото получается въ металлическомъ видѣ; эта масса снова растворяется, фильтруется и золото все остается на фильтрѣ. Но это работа не легкая и продолжительная; если кто дѣйствительно занимался производствомъ самаго дѣла, тотъ знаетъ, какихъ трудовъ стоитъ выпарить до-суха фунтовъ пять, нетолько десять или пятнадцать жидкости.

Вотъ способъ, который сообщилъ намъ г. Черухинъ, студентъ Санктпетербургскаго-Университета. Всякій, кто только знакомъ съ сущностью дѣла, увидитъ, что онъ легокъ, простъ и дешевъ; въ немъ вовсе не нужно прибѣгать къ продолжительнымъ выпариваніямъ и стоитъ только жидкость

Digitized by Google

нагрѣть и два раза процѣдить—работа вовсе незатруднительная.

Способъ г. Черухина основывается на извѣстномъ свойствѣ щавелевой кислоты и ея солей возстановлять золото изъ соляныхъ растворовъ; щавелевая кислота—вещество вовсе недорогое, и ее можно получить во всякой аптекѣ; сверхъ-того, количество ея идетъ весьма-незначительное. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ: къ золотильному раствору, какой бы онъ крѣпости ни былъ, прибавляется щавелевая кислота въ порошкѣ; растворъ нѣсколько должно нагрѣть; при этомъ, изъ жидкости отдѣляется углекислота и синеродисто-водородная кислота, которая очень-ощутительна по запаху горькихъ миндалей, а металлическое золото возстановляется. Щавелевая кислота здѣсь можетъ быть прибавлена въ избыткѣ для совершеннаго разложенія раствора; потомъ жидкость тотчасъ процѣживается сквозь пропускную бумагу, и золото химически-чистое остается на цѣдилкѣ и промывается. Процѣженную жидкость также не должно бросать, потому-что она заключаетъ въ себѣ синеродистый потассій и синеродно-кислое кали,—вещества довольно-цѣнныя; ихъ можно снова употребить въ дѣло, но только для этого нужно отдѣлить избытокъ щавелевой кислоты, которая будетъ мѣшать операціи. Итакъ, къ этому раствору прибавляется углекислая известь (мѣлъ) до-тѣхъ-поръ, пока жидкость не вскипаетъ болѣе, т. е. углекислота не отдѣляется; при этомъ щавелевая кислота соединяется съ известью, образуетъ нерастворимую соль, и жидкость останется совершенно-чистою; получается только ее профильтровать: тогда этотъ растворъ уже совершенно-годенъ къ другимъ новымъ операціямъ. Такимъ образомъ, можно разложить всѣ негодные растворы безъ особеннаго труда и значительныхъ издержекъ.

Употребленіе бромистыхъ соединеній въ свѣтописи.— Вниманіе всѣхъ свѣтописцевъ обращено теперь преимущественно на то, чтобъ увеличить какъ-можно-болѣе чувствительность серебряныхъ пластинокъ, которыя обыкновенно употребляются въ дагерровомъ процессѣ. Очень-понятно, на какой конецъ непремѣнно хотѣли они достигнуть этой цѣли. Въ природѣ все живетъ, все движется, все измѣняется; листья на деревѣ въ самую тихую погоду, въ безвѣтріе, секунды не сохраняютъ одинаковаго положенія; еще поразительнѣе по своей быстротѣ перемѣны выраженія въ нашей физіономіи, и свѣтописныя дощечки, которыя, слѣдственно, такимъ образомъ назначены схватывать моментальные образы, должны непремѣнно измѣняться почти-мгновенно, чтобъ передать ихъ во всей отчетливости и ясности. По этому-то пластинки, приготовляемыя съ іодомъ, по первоначальному способу Дагерра, обыкновенно рѣдко хорошо удаются; по своей малой чувствительности, онѣ подвергаются долгое время въ камер-обскурѣ дѣйствію свѣта.

Бромистое серебро измѣняется гораздо-быстрѣе отъ вліянія свѣта, нежели серебро іодистое: это фактъ давно-извѣстный; на этомъ основаніи первоначально и стали употреблять въ свѣтописи бромъ; но это тѣло необыкновенно-быстро испаряется, и пары неровно дѣйствуютъ на серебряную пластинку, которая, въ такомъ случаѣ, покрывается неровнымъ чувствительнымъ слоемъ и никогда не даетъ по-этому хорошаго отчетливаго изображенія. Кромѣ того, бромъ здѣсь не вытѣсняетъ совершенно употребленія іода въ свѣтописи; онъ здѣсь только служитъ ускоряющимъ, акселерирующимъ веществомъ; а іодированіе все-таки совершается своимъ чередомъ. Эта двойная операція значительно замедляетъ и затрудняетъ фотографическій процессъ, и безъ того уже сопряженный съ необыкновенными трудностями.

По этимъ двумъ важнымъ причинамъ, теперь свѣтописцы не употребляютъ уже болѣе чистаго брома, а на-

Digitized by Google

мѣняютъ его соединеніями брома съ іодомъ, которыя отлагаютъ вдругъ разомъ на дощечку и іодъ — вещество главно-дѣйствующее, и бромъ—вещество ускоряющее, и такимъ образомъ связываютъ двѣ отдѣльныя операціи—бромированіе и іодированіе—въ одну.

Вотъ новый способъ приготовленія одного такого бромистаго соединенія, именно бромистаго іода (bromure iodeux), придуманный г. Фортеномъ. Мы предлагаемъ здѣсь это спеціальное извѣстіе собственно потому, что подобныя вещества по своей малоупотребительности нигдѣ нельзя найдти готовыми, и любители свѣтописи, которыхъ число у насъ распространилось значительно, по-необходимости должны сами приготовлять ихъ.

Приготовленіе бромистаго іода очень легко: сухой зернистый іодъ бросается въ жидкій чистый бромъ, и до-тѣхъ-поръ, пока вся жидкая его масса не застынетъ, не пріиметъ совершенно-твердаго вида. Это твердое вещество и есть бромистый іодъ; его растворяютъ въ 200 частяхъ воды (по вѣсу). Растворъ этотъ употребляется обыкновенно для приготовленія дагерровскихъ дощечекъ, которыя уже не надобно предварительно іодировать. Картины свѣтописныя выходятъ здѣсь съ розоватымъ оттѣнкомъ и никогда не покрываются черными пятнами—обыкновенные результаты сильнаго іодированія.

ЭНЕРГІАТИПЪ. — Робертъ Гунтъ подъ этимъ страннымъ названіемъ, которое предлагаетъ онъ, какъ общее для всѣхъ фотографическихъ процессовъ, представилъ, мѣсяцъ тому назадъ, Лондонскому Королевскому Обществу новый способъ приготовленія свѣтописной бумаги.

Способъ этотъ по своей удобоисполнительности и дѣйствительности, рѣшительно превосходитъ всѣ доселѣ извѣстные; по-крайней-мѣрѣ такъ рекомендуетъ его ученый его изобрѣтатель.

Вотъ собственно приготовленіе бумаги:

Берется хорошая, чистая, ровная писчая бумага, безъ всякихъ внутреннихъ пороковъ, какъ-то пятенъ, волосковъ и пр., и покрывается особою жидкостью, которая состоитъ изъ двухъ драхмъ насыщеннаго раствора янтарной кислоты, изъ полудрахмы аравійской камеди и полутора драхмъ воды.

Когда бумага послѣ этой первой операціи совершенно высохнетъ, ее покрываютъ растворомъ одной драхмы азотно-кислаго серебра въ унціи дистилированной воды, еще сушатъ въ темномъ мѣстѣ и тогда уже кладутъ въ камеръ-обскуру, гдѣ она должна оставаться, однако, не болѣе восьми секундъ. Свѣтописный рисунокъ, обыкновенно, бываетъ невидимъ въ-началѣ, когда только вынутъ его изъ камеръ-обскуры; надобно еще его воспроизвести и фиксировать. Для этого покрываютъ бумагу тотчасъ смѣсью одной драхмы насыщеннаго раствора желѣзнаго купороса съ двумя или тремя драхмами аравійской камеди, и тогда, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, получается уже превосходный негативный, то-есть обратный свѣтописный рисунокъ, который, чтобъ фиксировать, укрѣпить, стоитъ только погрузить въ растворъ сѣрновато-кислаго натра, и вся операція кончена.

ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. — Видимая постепенность въ распространеніи органическихъ остатковъ въ корѣ земной—составляетъ главное основаніе остроумной теоріи постепеннаго развитія нашей планеты,—теоріи, созданной великимъ Кювье. Въ-самомъ-дѣлѣ, до-сихъ-поръ находили и находятъ, что остатки коралловъ, лучистыхъ животныхъ, слизней, преимущественно занимаютъ нижніе ярусы коры земнаго шара; выше встрѣчаются животныя болѣе-совершенныя, каковы рыбы, амфибіи; но самые верхніе ярусы занимаютъ животныя млекопитающія. Остатковъ человѣка не встрѣчали нигдѣ ниже послѣпотопной формаціи. Изъ этой градаціи непремѣнно надобно заключить,

Digitized by Google

по-видимому, что первоначально на земномъ шарѣ существовали только простыя животныя; неизвѣстный сильный переворотъ уничтожилъ ихъ и похоронилъ въ нижнихъ пластахъ земной коры; потомъ постепенно создавались и уничтожались также другіе отдѣлы животнаго царства и въ такой точно строгой послѣдовательности, въ какой располагаемъ мы ихъ въ нашихъ полуискусственныхъ, полуестественныхъ системахъ. Это близорукое заключеніе, которое, мы сказали, непремѣнно представляется при первомъ взглядѣ на распространеніе остатковъ въ корѣ земной,—составляетъ собственно теорію постепеннаго развитія, придуманную Кювьѣ.

Мы уже говорили нѣсколько разъ въ нашемъ журналѣ противъ этой теоріи, и, кажется, довольно-убѣдительно доказали несообразность ея съ современными открытіями въ области естественныхъ наукъ; поэтому, мы болѣе не будемъ здѣсь распространяться о ней и перейдемъ прямо къ новому открытію г. Робера, какъ къ послѣднему конечному аргументу, уничтожающему эту теорію.

Г. Роберъ нашелъ близъ маленькаго городка Аллэ (во Франціи, въ Гардскомъ-Департаментѣ), въ ломняхъ мергельнаго известняка, ископаемые остатки человѣка, — именно, довольно-значительную часть черепа и зубы коренные, рѣзцы и клыки.

Почва, въ которой заключены эти остатки, есть осадочный известковый пластъ желтаго цвѣта, толщиною около аршина; онъ лежитъ непосредственно на другихъ слояхъ плотнаго известняка, цвѣтовъ чернаго и бѣлаго, съ раковистымъ изломомъ, который мѣстами пересѣкаютъ жилы углекислой извести. Верхнюю покрышку всей этой формаціи составляетъ пластъ конгломератовый, уже послѣпотопнаго образованія. Характеры этого мѣстонахожденія лучше всего доказываютъ отдаленность эпохи происхожденія цѣлой формаціи и эпохи существованія организма, которому принадлежатъ найденные остатки.

Интересно бы знать размѣры этихъ остатковъ, чтобъ судить по нимъ о величинѣ цѣлаго антрополита (ископаемаго человѣка). Г. Роберъ не упоминаетъ ничего объ этомъ важномъ пунктѣ.

Парижская Академія Наукъ нарядила особую коммиссію, чтобъ повѣрить на мѣстѣ открытіе г. Робера.

САМЫЙ ОГРОМНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. —Крайняя величина человѣческаго роста, какъ обыкновенно полагаютъ антропологи, никогда не превышаетъ восьми футовъ шести дюймовъ, и досихъ-поръ приводятъ только два примѣра такого гигантскаго роста—тѣлохранителя какого-то неизвѣстнаго ганноверскаго герцога, жившаго въ семнадцатомъ вѣкѣ, и потсдамскаго гренадера, находившагося въ службѣ у короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма I; но эти два рѣдкіе примѣра, кажется, не заслуживаютъ полнаго вѣроятія. Гутейнъ, едва-ли не первый началъ говорить о ганноверскомъ великанѣ, но онъ жилъ почти сто лѣтъ послѣ него, а въ опредѣленіи величины ссылается на его надгробную надпись—источникъ не слишкомъ-достовѣрный, когда, особенно, о такой диковинѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ современниковъ. О гренадерѣ потсдамскомъ находятся только извѣстія въ брошюрѣ какого-то медика Штеллера; но и этому свидѣтелю такъ же мало можно вѣрить, потому-что онъ далѣе тутъ же разсказываетъ многія совершенно-невѣроятныя вещи, которыя непремѣнно хочетъ выдать за истину.

Недавно г. Бэръ представилъ въ Императорскую Санктпетербургскую Академію Наукъ кости ногъ гигантскихъ размѣровъ, которыя получилъ онъ отъ г. Доброхотова, доктора при больницѣ Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи; кости эти привезены съ Кавказа, но тамъ, вѣроятно, найдены онѣ не въ ископаемомъ состояніи,

Digitized by Google

потому-что содержатъ въ себѣ значительное количество жирныхъ частей.

Вотъ величина этихъ костей: бедро (femur)—26,45 англійскихъ дюймовъ, дудка (fibula) — 21,85 англ. дюйм., голень (tibia)—22,9 англійскихъ дюймовъ.

Судя по этимъ размѣрамъ, человѣкъ, которому принадлежали эти кости, былъ ростомъ девять англійскихъ футовъ, что̀ составляетъ на нашу мѣру сажень и тринадцать вершковъ.

Вотъ настоящій гигантъ!..

УЧАСТІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ ВЪ ПРОЦЕССѢ ПИЩЕВАРЕНІЯ. — Въ прошедшемъ году мы имѣли случай познакомить читателей съ остроумными изслѣдованіями г. Блондло̀ надъ процессомъ пищеваренія (см. «Отеч. Записки», томъ XXXI, книжка 12, декабрь, Смѣсь, стр. 77). Г. Бландло̀, какъ мы видѣли тамъ, имѣлъ цѣлью наблюдать собственно химическое дѣйствіе этого процесса; организмъ животный для него былъ не болѣе какъ колба, реторта, куда погружалъ онъ различныя питательныя вещества, чтобъ изучить одни только химическія измѣненія, которыя производилъ въ нихъ желудочный сокъ, и эта химическая часть процесса пищеваренія обработана имъ превосходно. Жаль только, что ученый физіологъ не наблюдалъ тогда этого процесса въ связи съ жизненными аппаратами—съ нервною системою, чтобъ опредѣлить, какую играетъ здѣсь родю этотъ постоянный проводникъ между нравственною и физическою стороною животнаго организма. А это очень-важная физіологическая и вмѣстѣ медицинская задача.

Опыты г. Бернара надъ участіемъ нервовъ восьмой пары въ химическихъ явленіяхъ пищеваренія, представленные имъ Парижской Академіи Наукъ, составляютъ важное дополненіе, въ этомъ отношеніи, къ изслѣдованіямъ Блондло̀.

Бернаръ, въ своихъ наблюденіяхъ, совершенно слѣдовалъ способу, принятому г. Блондло̀; подобно ему, онъ также производилъ всѣ опыты черезъ искусственное отверстіе, сдѣланное въ желудкѣ съ наружной его стороны.

Вотъ результаты его опытовъ.

1) Разрѣзъ нервовъ пневмо-гастрическихъ (восьмой пары) уничтожаетъ не только чувствительность и движимость въ оболочкахъ желудка, но еще останавливаетъ почти мгновенно и отдѣленіе гастрическаго (желудочнаго) сока.

2) Послѣ этой операціи, процессъ пищеваренія прекращается, какъ можно заключить изъ того, что куски мяса, введенные во внутреннюю полость желудка черезъ наружное искусственное отверстіе, въ-продолженіи двадцати-четырехъ часовъ нисколько не измѣнили ни своего вида, ни состава.

3) Но нѣкоторыя жидкія питательныя вещества разлагаются самопроизвольно и подвергаются извѣстнымъ химическимъ превращеніямъ.

Итакъ, въ желудкѣ только при содѣйствіи пневмо-гастрическихъ нервовъ отдѣляется желудочный сокъ и совершается процессъ пищеваренія; но если хоть одинъ разъ это содѣйствіе, это вліяніе уничтожено, нервы перерѣзаны, — пищеварительный процессъ останавливается, и питательныя вещества, не измѣненныя этимъ сокомъ, начинаютъ дѣйствовать взаимно одно на другое по обыкновеннымъ химическимъ законамъ. Однимъ словомъ, желудокъ тогда представляетъ безчувственный сосудъ, реторту, колбу, какимъ обыкновенно воображали его себѣ физіологи-химики и въ нормальномъ состояніи въ живомъ, здоровомъ организмѣ.

Слѣдующій опытъ еще лучше подтверждаетъ подобное заключеніе.

Извѣстно, что эмульзинъ и амигдалинъ,—вещества совершенно-безвредныя, если принять ихъ внутрь отдѣльно; но смѣсь ихъ почти мгновенно убиваетъ организмъ, потому-что здѣсь образуется синильная кислота и эссен-

Digitized by Google

ція горькихъ миндалей — самые сильные яды между всѣми извѣстными.

Бернаръ взялъ двухъ молодыхъ собакъ; у одной перерѣзалъ пневмогастрическій нервъ, и положилъ въ желудокъ ея, черезъ искусственное наружное отверстіе, одинаковое количество эмульзина; потомъ черезъ полчаса ввелъ туда же и амигдалинъ. Собака, у которой пневмо-гастрическій нервъ былъ перерѣзанъ, умерла черезъ четверть часа со всѣми признаками отравы синильной кислоты; другая, напротивъ, осталась жива.

Легко объяснить этотъ фактъ; у живой собаки, у которой нервъ былъ нетронутъ, эмульзинъ совершенно измѣнился, разложился дѣйствіемъ желудочнаго сока, и амигдалинъ уже нисколько не дѣйствовалъ на него; напротивъ, у другой собаки съ нервомъ перерѣзаннымъ отдѣленіе желудочнаго сока прекратилось, эмульзинъ остался неизмѣненнымъ, и образовалъ, при дѣйствіи на него амигдалина, синильную кислоту, которая и была причиною смерти.

ПРОДОЛЖЕНІЕ БЕРЕМЕННОСТИ. — Время беременности считаютъ или начиная со дня совокупленія, или со дня начала послѣдняго очищенія кровей (менструаціи) или со дня ихъ окончанія. Странно, что, не смотря на это ужасное различіе терминовъ, медики и физіологи принимаютъ время беременности во всѣхъ трехъ случаяхъ постоянно-равнымъ двумъ-стамъ-восьмидесяти днямъ, или девяти съ небольшимъ мѣсяцамъ. Ясно, что число 280 выбрано потому, что оно соотвѣтствуетъ десяти періодамъ мѣсячнаго очищенія, которые, какъ обыкновенно полагаютъ медики, въ нормальномъ состояніи длятся 28 дней; но этотъ терминъ также, въ свою очередь, измѣняется и у здоровыхъ женщинъ, безъ всякихъ особенныхъ причинъ, — и его, слѣдственно, нельзя принять въ этомъ случаѣ за мѣритель.

Въ концѣ прошедшаго мѣсяца, Бертольдъ, профессоръ Геттингенскаго Университета, представилъ Парижской Академіи Наукъ цѣлый рядъ наблюденій надъ періодомъ беременности у различныхъ субъектовъ.

Изъ этихъ наблюденій видно:

1) Что точно роды находятся въ тѣсной связи съ періодами мѣсячнаго очищенія.

2) Что они обыкновенно происходятъ, по истеченіи уже девяти этихъ періодовъ, когда въ яичникѣ приготовляется десятая менструація, и, слѣдственно, весь циклъ беременнаго состоянія заключаетъ въ себѣ почти десять періодовъ мѣсячнаго очищенія безъ нѣсколькихъ дней, которые составляютъ промежутокъ отъ родовъ и десятою менструаціею.

3) Что срокъ двухъ-сотъ-восьмидесяти-дневный, которымъ обыкновенно опредѣляютъ циклъ беременности, совершенно-произвольный; этотъ циклъ состоитъ, правда, изъ десяти мѣсячныхъ періодовъ; но самые эти періоды, какъ мы сказали, не только бываютъ различны у разныхъ индивидуаловъ, но что они даже измѣняются у одного и того же субъекта; *слѣдственно, продолженіе беременности нѣтъ никакой возможности подвести подъ одинъ законъ для всей половины рода человѣческаго*; но

4) Каждая женщина легко можетъ сама вычислить для себя время своего беременнаго состоянія, и вотъ какимъ образомъ. Предварительно она должна изъ собственнаго наблюденія опредѣлить время своего мѣсячнаго періода; помножить это число дней на десять и вычесть еще промежуточные дни между родами и десятою менструаціею. Бертольдъ нашелъ изъ своихъ наблюденій, что число ихъ постоянно равно двѣнадцати.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ СУМАСШЕСТВІЯ. — Сумасшествіе переходитъ къ дѣтямъ отъ родителей, подобно прочимъ физическихъ недугамъ; это фактъ неоспоримый, давно извѣстный. Интересно бы только опредѣлить, какъ,

Digitized by Google

какимъ-образомъ, на какихъ законахъ совершается передача этого ужаснаго наслѣдства, чтобъ по-возможности остановить, если не совершенно пресѣчь зло.

Докторъ Байльягеръ представилъ Парижской Медицинской Академіи шестьсотъ наблюденій надъ различными случаями наслѣдственнаго сумасшествія. Результаты, полученные имъ, въ высшей степени интересны.

Рѣшеніе двухъ важныхъ вопросовъ особенно занимало ученаго доктора.

Онъ хотѣлъ опредѣлить:

1) Чаще ли передается сумасшествіе дѣтямъ отъ отца, или отъ матери? и

2) Слѣдуетъ ли какому-нибудь опредѣленному закону эта передача?

Вотъ числовой отвѣтъ на первый вопросъ:

Изъ 453 сумасшедшихъ по наслѣдству, по прямой линіи, болѣзнь была передана:

чрезъ мать.	271
чрезъ отца.	182
разность	89.

Слѣдственно, перевѣсъ, и значительный, на сторонѣ матери.

Данныя для втораго вопроса явно свидѣтельствуютъ, что передача сумасшествія происходитъ по опредѣленнымъ законамъ, именно: отъ отца этотъ нравственный недугъ переходитъ къ мужской линіи, а женская линія преимущественно (почти треть) получаетъ его черезъ мать.

Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ 346 дѣтей, наслѣдовавшихъ сумасшествіе отъ матери, было 197 дѣвочекъ и 149 мальчиковъ.

Разность 48. Въ числѣ 215 дѣтей, наслѣдовавшихъ сумасшествіе отъ отца, было 128 мальчиковъ и 87 дѣвочекъ. Разность 41.

РАЗДѢЛЕНІЕ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО НА ПЛЕМЕНА. — Раздѣленіе людей до-сихъ-поръ еще представляетъ спорный пунктъ въ области естественныхъ наукъ: одни антропологи принимаютъ родъ человѣческій за одну совершенно-недѣлимую группу, основываясь на томъ, что нѣтъ постоянныхъ признаковъ, которые могли бы служить видовыми отличіями въ классификаціи этой группы; другіе натуралисты, и ихъ большее число, допускаютъ, напротивъ, и, какъ кажется, совершенно-справедливо, возможность раздѣленія рода человѣческаго на виды, которые именуются племенами.

Что классификація рода человѣческаго возможна, и притомъ на основаніи точныхъ, неизмѣнныхъ признаковъ, въ этомъ нѣчего сомнѣваться. Различіе группъ, составляющихъ этотъ родъ, такъ-рѣзко, что нельзя видѣть здѣсь только одно дѣйствіе внѣшнихъ постороннихъ причинъ. Нѣтъ, въ этихъ группахъ повторяются тѣ же самые постоянные характеры, которые принадлежали первымъ типамъ-основателямъ рода человѣческаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, если предположить, что жаркій климатъ вытянулъ въ морду лицо негра и закрутилъ его волосы, почему же эти самыя формы не проявились въ другихъ такихъ же теплыхъ странахъ? Если холодный климатъ главная причина бѣлаго цвѣта лица и волосъ Скандинавовъ, почему Лапландцы, которые живутъ совершенно возлѣ нихъ, имѣютъ цвѣтъ лица смуглый и волосы черные?.. Всѣ положительныя, точныя наблюденія рѣшительно опровергаютъ нелѣпое положеніе, что климатъ, пища, нравы могутъ произвести въ человѣкѣ тѣ же измѣненія, которыми характеризуются различныя группы рода человѣческаго.

Существуетъ нѣсколько раздѣленій человѣческаго рода: Притчардъ разбиваетъ его на двѣ группы, Кювье на три, Блуменбахъ на четыре; наконецъ, недавно, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, д'Омаліусъ д'Аллуа (d'Omalius d'Halloy) представилъ Брюссельской Академіи Наукъ новое раздѣленіе на пять группъ, именно: бѣлая, желтая, бурая, красная и черная.

Не станемъ разсматривать критически эти различныя системы — это

Digitized by Google

завело бы насъ слишкомъ - далеко; представимъ только послѣднюю классификацію г. д'Омаліуса д'Аллуа. Вотъ его —

ТАБЛИЦА РАЗДѢЛЕНІЯ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО НА ПЛЕМЕНА, ВѢТВИ И НАРОДЫ, СЪ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ЧИСЛА ДУШЪ.

I. *Раздѣленіе на племена и вѣтви.*

Племя бѣлое	Вѣтвь европейская	260,000,000	330,000,000
	—— арамейская	26,000,000	
	—— персидская	23,000,000	
	—— скиѳская	21,000,000	
Племя желтое	Вѣтвь гиперборейская	250,000	218,000,000
	—— монгольская	2,000,000	
	—— синическая	216,000,000	
Племя бурое	Вѣтвь гиндусская	124,000,000	146,000,000
	—— эѳіопская	6,000,000	
	—— малайская	16,000,000	
Племя красное	Вѣтвь сѣверная	500,000	5,000,000
	—— южная	4,500,000	
Племя черное	Вѣтвь западная	40,000,000	41,000,000
	—— восточная	1,000,000	
Помѣси	Метисы, Мулаты, Замбо и пр.		10,000,000
		Итого	750,090,000

II. *Подраздѣленіе вѣтви европейской на семейства и народы.*

Семейство тевтонское	Скандинавы	Шведы	3,000,000	82,500,000
		Норвежцы	1,000,000	
		Датчане	1,500,000	
	Германцы	Нѣмцы и Норманны	45,500,000	
	Англичане	Англичане (собственно) и Шотландцы	31,500,000	
Семейство цельтическое.	Кимры	Валлисцы	500,000	10,000,000
		Нижніе-Бретонцы	1,000,000	
	Галійцы (Galles)	Ирландцы	8,000,000	
		Шотландскіе горцы	500,000	
Семейство латинское.	Французы	Французы (собственно) Валлонцы (Wallons) Романцы (Romans)	35,000,000	86,500,000
	Испанцы	Испанцы (собственно) Португальцы	22,500,000	
	Итальянцы		22,500,000	
	Валахи		6,500,000	
Семейство греческое.	Греки		2,500,000	[illegible]
	Албанцы		1,500,000	

Digitized by Google

Семейство славянское.	Русскіе	Русскіе (собственно)	47,000,000	76,600,000
		Русняки		
		Казаки		
	Булгары		4,000,000	
	Сербы	Сербы	3,500,000	
		Босняки		
		Далматы		
	Карпійцы		2,000,000	
	Венды		200,000	
	Чехи	Богемцы	8,500,000	
		Словаки		
		Ганаки		
	Поляки		9,000,000	
	Литовцы	Литовцы (собственно)	2,400,000	
		Латыши		
Семейство Басковъ	Баски			400,000
			Итого	260,000,000

III. *Подраздѣленіе вѣтви арамейской на семейства и народы.*

Семейство семитическое.	Арабы		16,000,000	20,500,000
	Жиды		4,000,000	
	Сирійцы		500,000	
Семейство атлантическое.	Берберы	Кабилы	1,000,000	5,500,000
		Амазирги	4,000,000	
		Туарики	300,000	
		Тиббу	100,000	
	Копты		150,000	
			Итого	26,000,000

IV. *Подраздѣленіе вѣтви персидской на семейства и народы.*

Семейство персидское.	Теджики		9,500,000	22,500,000
	Афганцы	Афганцы (собственно)	3,500,000	
		Белуджи, Брагуи	2,000,000	
		Богилья, Патаны	5,000,000	
	Курды	Курды (собственно), Луры	1,500,000	
	Армяне		1,000,000	
	Осетины		50,000	
Семейство грузинское.	Грузины, Мингрельцы, Лазы			500,000
			Итого	23,000,000

Digitized by Google

V. *Подраздѣленіе скиѳскаго племени на семейства и народы.*

Семейство черкесское.	Черкесы		600,000	1,200,000
	Чеченцы		200,000	
	Лезгины		400,000	
Семейство маджарское.	Маджары			1,500,000
	Шекеры (Szecklers)			
Семейство турецкое.	Османлисы		4,000,000	12,200,000
	Туркоманы		1,600,000	
	Резбеки, Каракалпаки		3,000,000	
	Киргизы		2,000,000	
	Кумыки, Вассіянцы, Тураньцы, Ногайцы		1,600,000	
Семейство финское.	Финны сибирскіе.	Телеуты, Сагаитсы, Качинцы, Вогулы, Остяки	120,000	3,100,000
	Финны Восточной Россіи.	Башкиры 140,000	1,110,000	
		Тептяры 103,000		
		Мещеряки 10,000		
		Чуваши 370,000		
		Черемисы 190,000		
		Мордва 90,000		
		Пермяки 34,000		
		Зыряне 30,000		
		Вотяки 141,000		
	Финны балтійскіе.	Ливы, Эсты, Ижоры, Карелы, Ымы	1,870,000	
			Итого . . .	21,000,000

VI. *Подраздѣленіе жолтаго племени на вѣтви, семейства и народы.*

Вѣтвь гиперборейская.	Семейство лапландское	Лапландцы	160,000
	— — самоѣдское	Самоѣды	20,000
	— — енисейское	Енисейцы	68,000
	— — якутское	Якуты	88,000
	— — камчадальское	Камчадалы	9,000
	— — корякское	Коряки	8,000
	— — юкагирское	Юкагиры	3,000
	— — эскимосское	Чукчи, Чагаши, Алеуты, Эскимосы	50,000
	— — айносское	Айносы	50,000

Digitized by Google

Вѣтвь монгольская.	— —	монгольское	Монголы	1,500,000	2,220,000
			Буряты	120,000	
	— —	тунгузское	Тунгузы	60,000	
			Маньджуры	600,000	
Вѣтвь сѣверная.	— —	китайское	Китайцы	160,000,000	216,000,000
	— —	корейское	Корейцы	8,000,000	
	— —	японское	Японцы	25,000,000	
	— —	индокитайское	Аннамиты	12,000,000	
			Сіамцы	4,000,000	
			Пегуаны	5,000,000	
			Бирманы		
	— —	тибетское	Тибетцы	2,000,000	
			Итого		218,000,000

VII. *Подраздѣленіе бурано племени на вѣтви, семейства и народы.*

Вѣдвь гиндусская.	Семейство гиндусское		Сейки	74,000,000	124,000,000
			Раджапуты		
			Мараты		
			Бенгалы		
			и пр. и пр.		
	— —	малабарское	Малабары	50,000,000	
			Тамулы		
			Телинга		
			и пр. и пр.		
Вѣтвь эѳіопская.	— —	абиссинское	Барбарисы	5,000,000	8,000,000
			Абиссинцы		
			Гапины		
			и пр. и пр.		
	— —	феллаиское	Феллаиы	3,000,000	
			Овасы		
			и пр. и пр.		
Вѣтвь малайская.	— —	малайское	Малайцы	15,000,000	16,100,000
			Баттасы		
			Яванцы		
			Макассарцы		
			Буги		
			Дайяки		
			Бинайосы		
			Тагаллы		
			и пр. и пр.		
	— —	микронезское	Маріанцы	100,000	
			Каролинцы		
			Мулгравійцы		
	Семейство тонганское		Новозеландцы	1,000,000	
			Тонгижители		
			Остр. Бугенвиля		
			— — Кука		
			— — Отаити		
			— — Маркизскихъ		
			— — Сандвичевыхъ		
			Итого		148,000,000

Digitized by Google

VIII. *Подраздѣленіе краснаго племени на вѣтви, семейства и народы.*

Вѣтвь сѣверная.	Семейство коліугское	Коліуги, Гайдасы и пр. пр.	500,000
	— — ленапское	Кинстеносцы, Чипевайсы, Алгонкинцы и пр. и пр.	
	— — ирокезское	Гуроны и пр.	
	— — сіусское и пр. и пр.	Дакоты, Ассинибуйцы, Озаги и пр. и пр.	
Вѣтвь южная.	— — астецкое	Астеки и пр. и пр.	4,500,000
	— — кихское	Майасы, Кихи и пр. и пр.	
	— — кихуасское	Кихуасы, Аймарасы и пр. и пр.	
	— — аракуанское	Аукосы, Фуэгійцы	
	— — пампейское	Патагонцы, Мокоби и пр. и пр.	
	— — гуаранское и пр. и пр.	Гуараны, Боткеуды и пр. и пр.	
		Итого	5,000,000

IX. *Подраздѣленіе чернаго племени на вѣтви, семейства и народы.*

Вѣтвь западная.	Семейство кафрское	Множество народовъ почти неизвѣстныхъ.	40,000,000
	— — готтентотское		
	— — негрское		
Вѣтвь восточная.	Семейство папуйское	Фиджійцы, Ново-Каледонцы, Ново-Гебридцы, Папусы	1,000,000
	— — андаманское	Андамійцы, Ново-Гвинейцы, Ново-Голландцы, Жители Вандименовой-Земли	
		Итого	41,000,000

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новая система телеграфовъ занимаетъ нынѣче въ Парижѣ дипломатовъ и ученыхъ. Телеграфическая машина новаго устройства можетъ работать день и ночь безпрерывно, и превосходитъ обыкновенные телеграфы тѣмъ, что сообщаетъ извѣстія въ десять разъ скорѣе. Въ-теченіе сутокъ, по новой системѣ можно сообщать 155 тысячь словъ. Подвижной и постоянный яркій свѣтъ освѣщаетъ телеграфъ ночью, такъ-что крыши сосѣднихъ зданій облекаются въ какой-то дивный ослѣпляющій глаза свѣтъ. Изобрѣтатель новой системы телеграфовъ — нѣкто Анвремонъ Гононъ.

— Англійское правительство недавно приказало сдѣлать пробу новоизобрѣтеннымъ бомбамъ въ болотахъ Улича. Мы говорили уже, что нѣкто Варнеръ предложилъ англійскому правительству бомбы своего изобрѣтенія, которыя, какъ онъ утверждалъ, должны сдѣлать всеобщій переворотъ въ артиллеріи. Правительство хотѣло купить у него секретъ, съ условіемъ предварительнаго испытанія новаго снаряда въ Уличѣ, но Варнеръ на это не согласился. Наконецъ, нѣкто Бокингэмъ, предложилъ правительству бомбы, которыхъ выстрѣлы производятся посредствомъ гальванической баттареи. Артиллеристы выстрѣлили сперва въ цѣль нѣсколько 32-фунтовыхъ бомбъ изъ гаубицы на 380 метровъ. Первыя двѣ бомбы ударили въ самую цѣль, третья пробила земляной валъ, прочія также дѣйствовали и всѣ лопнули въ самую секунду ихъ паденія въ цѣль. И такъ, этотъ разрушительный снарядъ оказался весьма-удовлетворительнымъ, потому-что бомбы разрывало въ надлежащемъ мѣстѣ у самой цѣли. При прежнихъ опытахъ съ такими бомбами, нерѣдко разрывало ихъ при самомъ вылетѣ изъ орудія, что могло причинить вредъ самимъ артиллеристамъ, а не непріятелю, въ котораго направленъ былъ выстрѣлъ.

— Г-нъ Гарднеръ, въ Нью-Йоркѣ, дѣлалъ опыты надъ желтыми и красными солнечными лучами призмы, для разрѣшенія вопроса о вліяніи ихъ на растенія. Онъ нашелъ, что желтый лучъ солнца производитъ зеленый цвѣтъ растеній, но что растенія направляютъ свой ростъ всегда по синему лучу. Такъ-какъ голубой или синій цвѣтъ атмосферы въ-отношеніи къ свѣту солнца имѣетъ весьма-сильное вліяніе на всѣ растенія, то вотъ причина, почему растенія ростутъ большею частію прямо по направленію къ небу.

— Одинъ искусный германскій врачъ, на вопросъ, какія нужно употреблять средства для сбереженія волосъ, отвѣчалъ: всякое тепло очень-вредно для волосъ, а потому не должно никогда носить теплыхъ шапокъ и фуражекъ. Лучшее средство, чтобъ не сѣдѣли волосы — всегдашняя опрятность головы. Волосы каждое утро надобно чесать частымъ и рѣдкимъ гребнемъ, и потомъ приглаживать щеткою. Сухіе или вихроватые волосы надобно разъ въ недѣлю намазывать яичнымъ желткомъ, потомъ вымыть волосы теплой водою и вытереть ихъ сухимъ полотенцемъ. Всѣ прочія средства для рощенія и умягченія волосъ, всякаго рода душистыя помады и масла не годны къ употребленію, ибо такія снадобья не только грязнятъ волосы, но и производятъ въ нихъ преждевременную сѣдину.

— На лондонскихъ рынкахъ нынѣче на-подхватъ покупаютъ спаржу, которая сдѣлалась необходимою принадлежностію обѣда всѣхъ богатыхъ людей Лондона. Спаржа славою своею обязана одному лондонскому врачу, который объявилъ печатно, что она излечиваетъ въ нѣсколько дней самыя застарѣлыя ревматическія боли, причемъ однако нужно удерживаться отъ всякой соленой и кислой пищи. Этотъ новый родъ леченія напоминаетъ о лекарственномъ свойствѣ земляники, которая, говорятъ, прежде дѣлала чуде-

Digitized by Google

ся въ медицинѣ: земляникою вылечился знаменитый Линней отъ жестокой подагры.

— Вѣнскій механикъ Штёреръ сдѣлалъ металлическій термометръ, который основанъ на разности расширенія разныхъ металловъ — стальная и свинцовая полоска связанныя между собою ровно, въ сухое хорошее время начинаютъ коробиться при перемѣнной погодѣ; ибо свинецъ при разной температурѣ воздуха вытягивается или съуживается гораздо-болѣе, чѣмъ сталь. Скорчиваніе свинцовой полоски дѣйствуетъ на нитку, которая въ свою очередь приводитъ въ движеніе стрѣлку, показывающую градусы температуры.

— «Настоящія Парижскія Тайны», сочиненіе извѣстнаго французскаго сыщика Видока, переведены уже на нѣмецкій языкъ, и очень интересуютъ германскую публику. Во второмъ, вышедшей особенно интересна 8-я глава подъ названіемъ «le tapis de Grands Bohemiens» (этимъ словомъ называются вообще плуты или chevaliers d'industrie). Къ этому классу людей причисляются фальшивые игроки, шулеры, искусные обманщики всякаго рода, т. е. парижскіе цыгане, которые, разумѣется, гораздо-опаснѣе отъявленныхъ мошенниковъ, ибо первые всегда умѣютъ искусно обходить и увертываться отъ справедливой кары закона. Къ разряду chevaliers d'industrie, Видокъ причисляетъ журналистовъ, которые за извѣстную контрибуцію съ книгопродавцевъ, ламповщиковъ и пр., хвалятъ, или ругаютъ ихъ въ своихъ газетахъ, смотря по обстоятельствамъ, и которые подъ угрозою напечатать въ своей газетѣ скандальную статью—безсовѣстно вымогаютъ у насъ деньги. Стихотворецъ, пишущій по заказу стихи на разные случаи, есть тоже литературный цыганъ. Директоры разныхъ ученыхъ предпріятій, которые собираютъ въ свою кассу все, что имъ дадутъ, но не платятъ вовсе занятыхъ денегъ—также цыгане, и пр.

— Въ Прагѣ на-дняхъ появилось изданіе славянскихъ духовныхъ и свѣтскихъ пѣсень, изданныхъ Везакомъ (Wäsak). Издатель извѣстенъ въ Прагѣ сочиненіемъ многихъ народныхъ пѣсень, съ текстомъ Целаковскаго — напечатанныхъ частію особо, а частію въ богемскомъ альманахѣ, *Вѣнецъ*. Въ означенномъ сборникѣ, Везакъ обѣщаетъ славянской публикѣ сообщить еще сборникъ пѣсень съ музыкою, подслушанныхъ имъ въ Украйнѣ и въ Богеміи. Все изданіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ, изъ которыхъ первый уже печатается; въ немъ помѣщены народныя пѣсни; во второмъ напечатаются церковные гимны; въ третьемъ описаніе славянскихъ плясокъ съ музыкою. Каждый мѣсяцъ выходитъ по тетради этого изданія. Г. Везакъ рекомендуетъ свой сборникъ всѣмъ славянскимъ народамъ, ибо (по увѣренію издателя) славянскія пѣсни и мелодіи ничѣмъ не хуже итальянскихъ и французскихъ. Славяне и Ирландцы—настоящіе соловьи Европы.

— Въ Гейдельбергѣ недавно умеръ весьма-замѣчательный человѣкъ, докторъ Гофакеръ, необходимое существо при всѣхъ студенческихъ дуэляхъ. Сколько есть въ Германіи людей, достигшихъ нынѣче высшихъ званій въ государственной службѣ, которые, во время своей молодости, дрались на поединкахъ, и послѣ, раны ихъ лечилъ докторъ Гофакеръ! Сколько поставилъ онъ отрубленныхъ носовъ на прежнее мѣсто, сколько перерѣзалъ артерій и зашилъ ранъ порубленныхъ! Говорятъ, что, во время своей тридцатилѣтней практики, докторъ Гофакеръ присутствовалъ по-крайней-мѣрѣ при 20,000 дуэляхъ. Еслибъ онъ написалъ свои мемуары, какъ были бы они интересны! но такая литературная спекуляція никогда не приходила въ голову ученому доктору.

—

— Въ Берлинѣ, гальванопластика такъ совершенствуется, что по новоизобрѣтенной методѣ можно придавать ме-

Digitized by Google

талламъ разные цвѣта радуги, весьма-пріятной для глазъ. Подъ этимъ не должно разумѣть, что одна штука металла сдѣлается розовою, другая зеленою и т. д., но одинъ и тотъ же кусокъ металла можетъ принять на себя вдругъ всѣ цвѣта призмы. Опытные археологи говорятъ, что древніе весьма-искусно умѣли окрашивать бронзу въ разные цвѣта; но новѣйшему изобрѣтенію надобно дать преимущество предъ древнимъ искусствомъ, потому-что древніе, не зная гальванопластики, не могли съ такою прочностію, какъ новѣйшіе, окрашивать металлы. Разноцвѣтная бронза сдѣлаетъ эпоху на предстоящей выставкѣ разныхъ издѣлій въ Берлинѣ, и изобрѣтатель этого способа, конечно, получитъ привилегію отъ правительства.

— Извѣстный геометръ фон-Легерштремъ, въ Магдебургѣ, изобрѣлъ новое средство пересылки писемъ не съ почтою, но черезъ воздушные насосы, что было прежде испытываемо въ Англіи, — извѣстно, съ какимъ успѣхомъ. Письма должно свертывать въ трубочки въ три четверти дюйма толщины; длина же можетъ быть произвольная. Они вкладываются въ футляры, наподобіе ружейнаго ствола, и потомъ пускаются въ большія трубы, изъ которыхъ вытянутъ воздухъ паровою машиною. Корреспонденція въ этихъ безвоздушныхъ цилиндрахъ будетъ проходить въ каждую минуту нѣмецкую милю, включая въ это время и разныя остановки на станціяхъ. При этомъ, въ каждую секунду можно пересылать черезъ означенную трубу одно или нѣсколько писемъ въ догонку уже посланной почтѣ. Такимъ-образомъ, можетъ образоваться настоящая телеграфическая корреспонденція. Разумѣется, что при такомъ образѣ пересылки писемъ, надобно на каждыхъ трехъ миляхъ устроить паровую машину въ шесть лошадиныхъ силъ, что обойдется не болѣе 20,000 талеровъ на милю. Изобрѣтатель увѣряетъ, что его средство пересылки писемъ обойдется гораздо-дешевле прусскихъ почтъ, которыя на нѣкоторыхъ главныхъ трактахъ сбираютъ порта за письма до 6,000 талеровъ на милю.

— На одной прядильной бумажной фабрикѣ сдѣлался пожаръ, и отъ сильнаго жара лопнулъ котелъ паровой машины. Густой паръ въ-минуту распространился во всѣ этажи и пламя исчезло, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Этотъ случай подалъ поводъ къ тушенію огня посредствомъ пара. Въ Ливерпулѣ, большой подвалъ нижняго жилья нарочно наполнили разными горючими матеріалами, пустили туда большое количество свѣжаго воздуха, зажгли дерево, солому, и пламя тотчасъ обхватило всю внутренность зданія. Въ эту минуту, закрывъ окна и двери погреба, пустили туда сильную струю пара, и огонь погасъ совершенно. Теперь на опытѣ дознано, что паръ есть лучшее средство для тушенія пожара во внутренности зданій, а потому совѣтуютъ всѣмъ фабрикантамъ, у которыхъ дѣйствуютъ паровыя машины, провести по всѣмъ рабочимъ палатамъ трубы отъ паровика. И такъ, въ случаѣ внутренняго пожара, стоитъ только отворить кранъ у паровой трубы, выпустить паръ, и пламя исчезнетъ. Притомъ же, паръ не можетъ столько нанести вреда заготовленнымъ на фабрикѣ матеріаламъ и товарамъ, какъ заливныя трубы; слѣдовательно, фабрика, на которой дѣйствуетъ большая паровая машина, въ собственномъ смыслѣ никогда совершенно сгорѣть не можетъ.

— Во многихъ кантонахъ Швейцаріи, жители тщательно занимаются сборомъ и ловлею майскихъ жуковъ, которые наностятъ большой вредъ разнымъ растеніямъ полевымъ и огороднымъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ, наловлено этихъ насѣкомыхъ 114,304 мѣры, т. е., 729 милліоновъ жуковъ. Въ засѣданіи Общества Аргаускихъ Сельскихъ Хозяевъ, бывшемъ 8 мая, артиллерійскій майоръ, Гюнервадель, представилъ образчики превосходной берлинской синей краски (Berlinerblau),

Digitized by Google

добытой имъ изъ майскихъ жуковъ. Онъ также приготовилъ изъ этого рода насѣкомыхъ нашатырь, и старался доказать обществу, что майскіе жуки, вмѣсто вреда, могутъ приносить чрезвычайную пользу въ сельскомъ хозяйствѣ. Означенное общество единогласно рѣшило: отдать, для изслѣдованія, извѣстнымъ швейцарскимъ химикамъ берлинскую краску и нашатырь, приготовленные г. Гюнерваделемъ, чтобъ доказать на опытѣ, выгодна ли фабрикація этихъ веществъ, и расходы, потребные на нее, могутъ ли вполнѣ вознаграждаться хорошей прибылью.

— Въ Бельгіи, нѣкто Феликсъ де-Витте разрѣшилъ, говорятъ, вопросъ о предупрежденіи несчастій на желѣзныхъ дорогахъ,— несчастій, происходящихъ часто отъ ломки осей и колесъ въ вагонахъ и отъ опаснаго столкновенія вагоновъ и машинъ между собою. Онъ изобрѣлъ весьма-замысловатый снарядъ на этотъ предметъ, который тѣмъ болѣе будетъ полезенъ, что не заставитъ дѣлать никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ паровозовъ, вагоновъ и самыхъ желѣзныхъ дорогъ. Противъ пожаровъ, случающихся нерѣдко на желѣзныхъ дорогахъ, де-Витте также выдумалъ вѣрное средство тушить въ минуту огонь. Бельгійскій министръ публичныхъ работъ заключилъ уже съ де Виттомъ условіе на-счетъ перваго его снаряда, и онъ ожидаетъ только повелѣнія правительства, чтобъ показать на опытѣ пользу своего изобрѣтенія и, послѣ, сообщить секретъ всей европейской публикѣ.

— Берлинскій пивоваръ Циммерманъ изобрѣлъ новое средство для приготовленія изъ картофеля лучшаго баварскаго пива по самой низкой цѣнѣ (по 6 пфенниговъ за кварту). Онъ напередъ предложитъ свой секретъ прусскому правительству, чтобъ оно устроило на свой счетъ большую образцовую пивоварню, для обученія молодыхъ пивоваровъ, и тѣмъ мало-помалу отучило простой народъ отъ вреднаго употребленія крѣпкихъ и горячихъ напитковъ.

— Въ Глочестерѣ, бумажный фабрикантъ сдѣлалъ новое открытіе для выдѣлки отличнаго сорта бумаги изъ такого матеріала, котораго доселѣ никто не употреблялъ на этотъ предметъ. Онъ получилъ уже привилегію отъ правительства, и надѣется, что въ Европѣ скоро оставятъ тряпки въ покоѣ, когда узнаютъ новый матеріалъ для выдѣлки по его способу бумаги, которая равняется лучшей индійской и бристольской, а стоитъ вчетверо дешевле послѣдней.

— Лучшій составъ для чистки краснаго дерева и для наведенія на него глянца — слѣдующій: надобно взять 1 лотъ алькапелеваго корня (Alcaneel Wurzel), который находится въ каждой аптекѣ, положить его въ новый глиняный горшечекъ, влить туда также отъ 5 до 6 ложекъ конопляного масла, и эту смѣсь варить на умѣренномъ огнѣ. Простудивъ составъ, надобно въ него обмокнуть тонкій кусочекъ холстины, и тереть имъ мѣбель, которую послѣ слегка вытереть мягкою шерстяною тряпкою. Мѣбель отъ того получитъ чистый и блестящій лоскъ. Каждую недѣлю одинъ разъ слѣдуетъ дѣлать такую операцію съ мѣбелью, которая будетъ отъ-того всегда какъ новая; но описанный составъ надобно варить снова каждый мѣсяцъ.

— Какой-то чистоплотный Голландецъ, житель Мыса-Доброй-Надежды, совѣтуетъ всѣмъ любителямъ кофе не иначе употреблять его, какъ покуда зерна не будутъ вымыты чистою водою, ибо всѣмъ извѣстно, какъ неопрятно обращаются негры на плантаціяхъ при собираніи кофе и какая на зернахъ остается грязь отъ потныхъ и часто прокаженныхъ рукъ ихъ. Притомъ же, надо замѣтить, что одинъ лотъ чисто-вымытаго кофе имѣетъ болѣе крѣпости и вкуса, чѣмъ полтора лота немытаго. Выбравъ изъ кофе худыя зерна и мелкіе камешки, надо его выполоскать, одинъ или два раза, въ теплой водѣ и потомъ высыпать на чистую салфетку или листъ бумаги. Въ большомъ количествѣ, кофе мыть не со-

Digitized by Google

мѣтуется, ибо онъ можетъ втянуть въ себя сырость и покрыться плесенью; всего лучше это дѣлать съ малыми ежедневными порціями. При этомъ, каждая хозяйка замѣтитъ, что кофе, особенно лучшихъ сортовъ, поступаетъ въ продажу почти всегда подкрашеннымъ: послѣ него остаются на бумагѣ зеленоватыя пятна. Безъ всякаго сомнѣнія, эти подкраски кофе вредны для здоровья; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи невыгодна будетъ промывка сыраго кофе въ зернѣ.

—Въ Америкѣ (въ Цинциннати) приготовляется отличнаго сорта масло изъ свинаго жира, которое такъ сильно требуется, что три завода едва успѣваютъ дѣлать его. Это масло не такъ противно для обоняніи, какъ ворвань, и обходится гораздо-дешевле ея. Для добыванія такого рода масла, надобно нѣсколько мѣсяцевъ откармливать свиней въ лѣсахъ миндомъ; потомъ, заколовъ ихъ, вываривать изъ мяса весь жиръ, растоплять на винномъ спиртѣ и отдѣлить стеаринъ отъ олеина. Стеаринъ, разумѣется, пойдетъ на приготовленіе свѣчей, а олеинъ употребляется, какъ масло для фонарей, и проч.

— Одинъ швейцарскій сельскій экономъ, для плодородія своихъ обширныхъ пашень и луговъ, употребляетъ слѣдующее средство, которое чрезвычайно споспѣшествуетъ растительности и прозябенію всякаго рода хлѣба и кормовыхъ травъ. Онъ беретъ центнеръ костяной муки или порошка, и потомъ три фунта поваренной соли; распустивъ въ водѣ, спрыскиваетъ костяной порошокъ, который послѣ того складываетъ въ мелкія кучки, чтобъ онъ согрѣлся отъ собственной теплоты, какъ навозъ. Приготовленный такимъ-образомъ порошокъ разсыпается потомъ на нивахъ и пашняхъ, что въ высшей степени помогаетъ растительности.

— Во Франціи, для успѣшнѣйшаго разведенія свекловицы, садятъ ее сперва въ декабрѣ, въ парники, подъ стеклянныя рамы, обращенныя къ югу, а потомъ уже, когда свекла выростетъ въ палецъ толщиною, т. е. въ мартѣ, разсаживаютъ ее въ гряды. Отъ этого, свекловица поспѣваетъ двумя мѣсяцами раньше и дѣлается толще и выше. Кехлинъ, сельскій экономъ въ Мюльгаузенѣ, получилъ такимъ-образомъ свеклу въ 30 фунтовъ вѣсомъ, и съ каждаго гектара земли собиралъ до 600,000 фунтовъ свекловицы, между-тѣмъ, какъ на поляхъ Сѣверной-Франціи съ гектара обыкновенно собираютъ только 150,000 ф. свекловицы. Такая метода для разведенія этого продукта уже принята вездѣ въ Южной-Франціи, что составляетъ весьма-важную статью для туземныхъ заводчиковъ свекловичнаго сахара, а также и для корма рабочаго скота.

— Всѣмъ извѣстно, что сибирскіе инородцы въ чай примѣшиваютъ муку и масло и услаждаютъ свой вкусъ такою чайною похлебкою. Англичане, какъ-будто въ подражаніе Сибирякамъ, выдумали свой чайный супъ, который составляется слѣдующимъ образомъ: надобно взять три щепотки чая, три яичные желтка, четверть фунта сахара, полтора лота корицы, пятнадцать штукъ гвоздичныхъ головокъ, и всю эту смѣсь сварить въ полуторѣ кварты молока. Чай, однакоже, надобно заварить въ кипяткѣ особо и поставить его на горячую плиту, чтобъ порядочно настоялся. Проваривъ молоко около четверти часа, надобно смѣшать его съ чайнымъ настоемъ и прибавить туда мелкаго сахара, взбитаго съ яичнымъ желткомъ. Потомъ, взбивъ пѣною три яичные бѣлка, влить туда же, —и похлебка готова.

— Чернильныя пятна съ печатной бумаги можно выводить слѣдующимъ образомъ: надобно взять одну часть сѣрной кислоты и двѣ части лимоннаго сока, помазать этой смѣсью чернильное пятно, и послѣ смочить бумагу чистою водою.

— Замѣчено, что кушанье, положенное въ судкахъ, сдѣланныхъ изъ желѣза и жести, также приготовленное въ чугунныхъ горшкахъ, принимаетъ черный или синій цвѣтъ, что весьма-

Digitized by Google

вредно для здоровья. Для избѣжанія этого, надобно сперва въ такой посудѣ жарить кофе, и порядочно перемѣшать его въ посудѣ, какъ на сковородѣ. Эту операцію съ желѣзною посудою надобно повторять разъ въ мѣсяцъ.

— Въ Англіи, чтобъ избавиться отъ крысъ и мышей, кладутъ въ ихъ норки стриженые человѣческіе волосы. Увѣряютъ, что запахъ отъ такихъ волосъ нестерпимъ для крысъ, и онѣ тотчасъ удаляются отъ того мѣста, гдѣ положены волосы. Во всякомъ случаѣ, это средство не худо испытать на дѣлѣ.

—

— Извѣстный нѣмецкій писатель Мютге говоритъ въ своихъ «Очеркахъ Сѣвера» (Skizzen aus dem Norden) слѣдующее: «Особенно замѣчательно, что «въ Норвегіи вовсе нѣтъ дуэлей, хотя «эта земля и наполнена военными, студентами, чиновниками разныхъ званій, писателями и пр. Противъ клеветы и личныхъ обидъ Норвежцы всегда прибѣгаютъ подъ защиту закона и общественнаго мнѣнія. Кто захочетъ «причиненную ему обиду смыть кровью, тотъ подвергается неумолимой «карѣ закона и казни. Въ прежнее время, до начала XVIII столѣтія, въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ Норвегіи «были въ употребленіи поединки. Соперники выходили на бой совершенно-голые; ихъ привязывали одного къ «другому крѣпко ремнями. Въ правой «рукѣ у нихъ былъ острый ножъ, а «лѣвая служила для отклоненія ударовъ. Поединщики до-тѣхъ-поръ разились, покуда одинъ изъ нихъ дѣлался къ бою совершенно-неспособнымъ. Нынѣ, въ Норвегіи только въ «музеумахъ показываютъ любопытнымъ поединочные ремни, и съ ужасомъ говорятъ о прошедшихъ временахъ варварства и самоуправства.»

— Въ Аракканѣ, у индійскихъ племенъ Mughs и Kenghs, никакая дѣвица не имѣетъ надежды когда-либо выйти замужъ, если до замужства не произведетъ на свѣтъ нѣсколькихъ дѣтей — чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше — отъ разныхъ отцовъ. Дѣвушки такого разряда весьма уважаются женихами, которые ихъ разбираютъ на-подхватъ. Владѣтель Аракана, однакожъ, не слѣдуетъ обычаямъ своего народа, и въ сералѣ его предпочитается невинность.

— Англійская сухопутная армія состоитъ изъ 109,000 человѣкъ, навербованныхъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ; изъ этого войска 50,000 человѣкъ находятся въ Европѣ, а 59,000 въ колоніяхъ и въ Остиндіи. Въ конницѣ считается 11,500 чел. и 9,000 лошадей; конная гвардія королевы состоитъ изъ 1,300 чел. съ 96 офицерами, 159 унтер-офицерами и трубачами. Въ Остиндіи стоятъ 4 полка Англичанъ изъ 3,200 человѣкъ, которые тамъ живутъ отъ 15 до 20 лѣтъ. Пѣшая гвардія состоитъ изъ 7 батальйоновъ, въ которыхъ считается 5,200 чел. съ 218 офицерами; прочую пѣхоту составляютъ 105 полковъ, изъ которыхъ 79 размѣщены въ колоніяхъ. Въ Индіи, пѣхота должна нести гарнизонную и полевую службу отъ 18 до 20 лѣтъ; въ прочихъ же колоніяхъ полки смѣняются чрезъ каждыя 10 лѣтъ. Кто въ Англіи завербуется въ армію, тотъ три четверти своей жизни непремѣнно долженъ прослужить внѣ Европы. Англійскія войска въ Индіи содержатся на-счетъ Остиндской-Компаніи. Сверхъ помянутаго войска, Компанія на свой счетъ вербуетъ нѣсколько англійскихъ полковъ для индійской службы, и также содержитъ на своемъ иждивеніи многочисленный полкъ сипаевъ. Компанія могла бы легко обойдтись въ Индіи безъ королевскихъ войскъ, и набрать свои собственныя; но замѣчено, что колоніяльные полки далеко уступаютъ въ превосходствѣ и военной выправкѣ природнымъ англійскимъ солдатамъ.

— Начало новаго года у разныхъ народовъ весьма-неодинаково. Египтяне и Халдеи начинали свой новый годъ съ осенняго равноденствія. Духовный годъ Іудеевъ начинается съ

Digitized by Google

лесны, а въ дѣлахъ гражданскихъ, общественный годъ ихъ такъ же начинается, какъ у Халдеевъ и Египтянъ. Древніе Китайцы считали свой годъ съ перваго новолунія. Ромулъ началъ годъ съ 1-го марта, а Нума съ 1-го января. У Турковъ и Аравитянъ, годъ начинается съ 16-го іюля. До царствованія персидскаго шаха Дремшида или Гершида, Персы начинали свой годъ подобно Халдеямъ и Египтянамъ. Но этотъ государь повелѣлъ считать начало года съ весенняго равноденствія, когда солнце вступило въ знакъ овна, и когда Дремшидъ въѣхалъ въ Персеполь. Годъ Брамановъ начинается съ апрѣльскаго новолунія; у Мексиканцевъ съ февраля, съ первымъ появленіемъ травы и листьевъ (годъ ихъ состоитъ изъ восьмнадцати мѣсяцевъ, каждый въ двадцать дней). Годъ Абиссинцевъ начинается съ 26-го августа; у американскихъ Индійцевъ—съ перваго новолунія весенняго равноденствія; у мухамеданъ со вступленія солнца въ знакъ овна; Венеціяне, Флорентинцы и Пизанцы начинаютъ годъ съ весенняго равноденствія. При королях меровингской линіи, французскій годъ начинался съ 1-го марта; при королях изъ дома Карловинговъ, съ праздника Рождества Христова, а при Капетахъ съ праздника Воскренія-Господня. По повелѣнію французскаго короля Карла IX (съ 1564), гражданскій годъ начинался съ 1-го января, когда юліанскій-календарь замѣненъ былъ грегоріанскимъ (1582); голландскіе и нѣмецкіе протестанты ввели свой новый стиль лѣтосчисленія съ 1700, а Англичане съ 1752 года.

— Знаменитый французскій живописецъ Жироде очень-лѣниво работалъ днемъ, но зато прилежно писалъ картины ночью, при свѣтѣ огня. Въ самую полночь, онъ вставалъ обыкновенно съ постели и приказывалъ зажигать люстру съ нѣсколькими свѣчами, потомъ, надѣвъ на голову шляпу съ широкими полями и всю уставленную свѣчами, принимался за работу. Въ-послѣдствіи времени, Жироде отъ ночной работы такъ истомился, что походилъ болѣе на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка.

— Наполеонъ, вышедъ изъ Бріенской-Школы и отправившись въ Парижъ, чтобъ продолжать тамъ курсъ, получилъ изъ школы слѣдующій аттестатъ: «Буонапарте (Наполеонъ) родившійся въ 1769 году, августа 15-го, «ростомъ четыре фута десять вершковъ и десять линій, кончилъ четырех-годичный курсъ наукъ, въ Бріенскомъ-Училищѣ. Онъ крѣпокъ тѣломъ «и здоровьемъ, застѣнчиваго нрава, «черты лица выразительныя и благородныя. Буонапарте особенно отличался въ математикѣ; въ исторіи и «географіи сдѣлалъ порядочные успѣхи; но слабъ въ латинскомъ языкѣ, «которому онъ только обучался въ 4-мъ «классѣ. Этотъ воспитанникъ можетъ «быть современемъ хорошимъ моряком».

— Леди Дури, статс-дама королевы Екатерины-аррагонской, супруги Генриха VIII, короля англійскаго, можетъ стать на ряду со всѣми извѣстными ѣдоками древнихъ и среднихъ вѣковъ. Ей подавали каждый день на завтракъ: семь фунтовъ жареной говядины и четырех-фунтовой бѣлый хлѣбъ; четыре бутылки портера и пуддингъ, приготовленный изъ муки и разныхъ плодовъ; къ обѣду: шесть фунтовъ ветчины, курицу, голубя и блюдо фрикассе изъ телятины, кусокъ ростбифа въ три фунта, булку въ четыре фунта и 4½ бутылки эля; на полдникъ: 2½ бутылки портера и пуддингъ; къ ужину: четверть телятины, блюдо картофеля съ распущеннымъ масломъ, трех-фунтовый бѣлый хлѣбъ, тарелку сладкихъ закусокъ и 4½ бутылки эля. Этого огромнаго количества яствъ и питья было ей еще мало. Ложась спать, она съѣдала еще двух-фунтовой хлѣбъ, 1½ фунта честерскаго сыра, пирогъ или миндальный тортъ, залив эту порцію кушанья 2½ бутылками сэкта (крѣпкое испанское вино), которое выдавалось ей ежедневно изъ королевскаго погреба.

— Одинъ англійскій туристъ зака-

Digitized by Google

залъ извѣстному живописцу Прадеру написать свой портретъ. Туристъ былъ очень-доволенъ работою живописца, и объявилъ ему при этомъ случаѣ, что онъ съ 1812 года безпрестанно путешествуетъ по Европѣ съ тою только цѣлью, чтобъ въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ бывалъ, списывали съ него портретъ. Такимъ-образомъ, онъ уже имѣетъ 300 портретовъ собственной своей персоны, писанныхъ всѣми знаменитыми художниками Европы; но ему хочется составить музеумъ изъ 1000 портретовъ, хотя бы цѣна ихъ доходила до двухъ съ половиною милліоновъ франковъ.

— Въ музеумѣ натуральной исторіи въ Манчестерѣ находится между разными египетскими муміями и англійская, а именно: тѣло миссъ Бесуикъ (Beswik), которая завѣщала въ своей духовной, чтобы ее не хоронили обыкновеннымъ образомъ, но отдали анатомированный трупъ ея доктору Уайту на сбереженіе. За эту услугу, миссъ Бесуикъ отказала доктору пожизненный доходъ въ 500 ф. стер. Наслѣдники передали англійскую мумію другому доктору, а этотъ подарилъ ее въ манчестерскій музеумъ, гдѣ она и находится вмѣстѣ съ египетскими и перувіанскими муміями.

— Докторъ Трустъ (въ Тенессе (почитается однимъ изъ лучшихъ натуралистовъ въ Америкѣ. Онъ почти до безумія пристрастился къ змѣямъ всякого рода и носитъ ихъ съ собою въ карманахъ и въ шляпѣ иногда по десятку вдругъ. Самая пріятная его забава состоитъ въ качаніи на эластическихъ креслахъ, въ разговорѣ о геологіи, при чемъ онъ безпрестанно гладитъ по головѣ двухъ гремучихъ змѣй, которыя кольцами обвиваютъ его туловище и шею. Однажды этотъ чудакъ отправился въ почтовомъ дилижансѣ въ Вашингтонъ и взялъ съ собою круглую корзину, которой крышка неплотно была закрыта. Съ докторомъ сидѣли въ каретѣ пасторъ и два члена законодательнаго конгресса. Пасторъ съ ужасомъ замѣтилъ, что изъ корзины высунули головы двѣ гремучія змѣи. Онъ въ ту же минуту выскочилъ изъ экипажа; примѣру его послѣдовали другіе пассажиры и почтальйонъ; въ дилижансѣ остался одинъ докторъ Трустъ съ своими подругами. Онъ накрылъ корзину плащемъ и, обвязавъ ее веревкою, сказалъ своимъ спутникамъ: «Не бойтесь, господа; сядьте; эти бѣдныя ползуньи ниего вамъ не сдѣлаютъ; только берегитесь немного, и не давайте имъ повода укусить себѣ ноги».

— Карлъ Смитъ, въ Прагѣ, для безопасности отъ воровъ особенно въ загородныхъ дачахъ, предлагаетъ ставни оконъ и двери соединить проволокою, которая прикасается къ гальванической баттареѣ. Если воръ попытается ночью отпереть ставню или дверь, то электромагнитная сила дергаетъ за курокъ перкинсово ружье, заряженное пулями, трубитъ въ трубу или производитъ пронзительный свистъ чтобъ во-время предупредить хозяевъ или сторожей дома объ опасности.

— Въ примѣръ, чрезвычайной смышлености обезьянъ, въ которыхъ, конечно, можно найдти и порядочную порцію ума, приводитъ одинъ нѣмецкій журналъ слѣдующій анекдотъ, за достовѣрность котораго ручается. Какой-то поваръ пріучилъ свою обезьяну щипать дичь на кухнѣ, и животное занималось этимъ дѣломъ не хуже самаго ловкаго поваренка. Однажды, обезьяна, ощипавъ тетерева, положила его на растворенное окно, и хотѣла уже приняться за другую птицу, какъ вдругъ откуда ни возьмись ястребъ, который схватилъ съ окна тетерева и унесъ его въ поднебесье. Обезьяна знала, какую она получитъ награду отъ повара за свою оплошность и, чтобъ отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, воспользовалась лакомымъ кускомъ, вздумала поймать въ свои силки вора-ястреба. Обезьяна ощипала другаго тетерева и положила его также на окно. Ястребъ спустился опять на свою добычу, но обезьяна ловко поймала хищника, и, не смотря на отчаянное

Digitized by Google

его сопротивленіе, свернула ему голову, а потомъ общипала какъ курицу. Когда пришелъ поваръ, обезьяна съ хитрою гримасою кинула ему подъ ноги ощипаннаго ястреба, и поваръ въминуту догадался въ чемъ было дѣло.

— Въ Брюсселѣ строится новый театръ, въ которомъ декораціи и прочія машины будутъ передвигаться посредствомъ паровой машины силою въ пять лошадей. Зала будетъ освѣщаться газовыми рожками у каждой колонны ложъ, а вмѣсто большой люстры устроится круглое отверстіе на потолкѣ и покроется толстымъ прозрачнымъ стекломъ, сквозь которое сильный газовый свѣтъ будетъ падать сверху.

— Въ Лондонѣ всѣ теперь помѣшались на китайскихъ модахъ. Мебели, чайные приборы и прочая домашняя посуда должны непремѣнно быть китайской формы и расписаны по китайскому манеру. За богатую вещь, сдѣланную въ китайскомъ вкусѣ, Англичанинъ не поскупится заплатить 40 гиней. Особенно вещи, сдѣланныя въ китайскомъ вкусѣ изъ papier-maché, быстро раскупаются. Лондонскіе дэнди ѣздятъ на охоту въ красныхъ фракахъ, украшенныхъ китайскими пуговицами. На каждой пуговицѣ должно быть рельефное изображеніе дракона, птицы, или какого-нибудь китайскаго урода. Такія пуговицы продаются почти на вѣсъ золота, по десяти шиллинговъ за штуку. Разумѣется, и дамы придерживаются той же моды въ шитьяхъ. Онѣ одѣваются только въ чжеусанскія, или, какъ у насъ пишутъ, чусанскія, шелковыя матеріи или тонкій нанкинъ.

— Вовсе не ходить въ театръ — теперь въ Лондонѣ считается «хорошимъ тономъ». Королевскій дворъ также слѣдуетъ этому примѣру и очень-рѣдко бываетъ въ театрѣ, исключая оперы. Причиною тому позднее время обѣда богатой лондонской публики. Если театры хотятъ имѣть въ своихъ стѣнахъ аристократическій блестящій кругъ, то должны начинать представленія не ранѣе десяти часовъ вечера, но тогда не пойдетъ въ театръ средній классъ народа, который обѣдаетъ въ два или три часа и ложится спать въ десять. Англійская знать читаетъ большею частію дома пьесы, которыя съ успѣхомъ даются на театрахъ Друриленскомъ и Ковентгарденскомъ. Итакъ, отвращеніе высшаго лондонскаго общества отъ театровъ есть главная причина упадка театральнаго искусства и литературы въ Англіи. Къ-сожалѣнію, надобно сказать, что знать и другихъ европейскихъ націй также начинаетъ подражать англійской, преоставивъ театральныя зрѣлища среднему и низшему классу народа.

— Въ Парижѣ, извѣстный своими многочисленными предпріятіями графъ Кастеланъ, учредитель театра для любителей драматическаго искусства, Атенеума и Женской-Академіи, намѣренъ нынѣче, для облагороженія породы людей, завести въ столицѣ Франціи выставку человѣческой красоты. Подъ его предсѣдательствомъ составленъ будетъ комитетъ изъ двѣнадцати судей обоего пола для сортированія человѣческой красоты. Чрезъ каждые пять лѣтъ, всѣ департаменты Франціи обязаны выбрать изъ жителей своего округа трехъ прелестнѣйшихъ дѣвицъ и трехъ красивыхъ и статныхъ парней для парижской выставки и послать ихъ туда на счетъ общественныхъ доходовъ. Комитетъ долженъ выбрать большинствомъ голосовъ двѣнадцать паръ изъ присланныхъ на выставку людей, изъ которыхъ первая пара по своему наружному превосходству будетъ провозглашена королемъ и королевой красоты; прочія одиннадцать паръ второстепенной красоты получатъ соотвѣтствующія имъ достоинства въ этомъ новомъ королевскомъ штатѣ. Король и королева красоты съ своими придворными будутъ возимы въ тріумфѣ по Парижу. Хвостъ этого церемоніальнаго шествія составятъ прочіе 486 человѣкъ статныхъ молодцовъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, которые не попали въ число двѣнадцати прелестнѣйшихъ паръ. Послѣ этого, первыя двѣнадцать паръ соединятся закон-

Digitized by Google

ным бракомъ на счетъ означеннаго комитета, который дастъ имъ всѣмъ приличное приданое. Дѣти отъ этихъ молодыхъ супруговъ будутъ также воспитываться на счетъ Комитета-Красоты. Жены, которыя будутъ отличаться особымъ плодородіемъ, получатъ соразмѣрное достоинствамъ ихъ вознагражденіе.

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ предшедшей книжкѣ (іюнь, кн. 6, том. XXXIV), въ статьѣ «Послѣдняя Сцена первой части Фауста», вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.	*строка.*	*Вмѣсто:*	*Должно быть:*
222	9 сверху:	Вдругъ среди водъ и адскаго плеска,	Вдругъ среди волъ и адскаго плеска,
224	22 снизу:	На лѣво ужь доска лежитъ	На лѣво, гдѣ доска лежитъ;
225	17 снизу:	Зачѣмъ онъ въ святое мѣсто, зашолъ;	Зачѣмъ онъ въ святое мѣсто зашолъ?

Digitized by Google

НОВЫЯ
МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина.

(Цѣны на серебро.)

	R. K.
Для двухъ фортепіано.	
Herz: Second grand duo pour deux piano.	3
— Grand duo du couronnement.	2 30
— Quatrième concerto, avec accompagnement d'un second piano.	3
Kalkbrenner: Grand concerto, pour deux pianos.	4
— Grand duo op. 128.	2 15
Pixis: Grandes variations militaires avec accompagnement d'orchestre.	3
— Les mêmes, sans accompagnement.	1 43
— Grand duo sur les Hugenots de Meyerbeer.	2 75
Thalberg. Grand duo sur la Norma.	3 43
Оперы для квартета (двѣ скрипки, альта и віолончель).	
Adam. Le postillon de Lonjumeau.	3 40
Auber. L'ambassadrice (6 p. 30 c.) Fra Diavolo (8 p.) Le maçon.	6
Beethoven. Fidelio.	6
Donizetti. Lucia di Lammermoor, Anna Bolena, каждая.	3 58
Bellini. Norma; Il Pirata; La Straniera. Каждая.	3 58
Halevy: Le guitarrero (6 p. 85). La Juive (8 p. 50 c.).	
Увертюры для квартета:	
Auber. Fenella, Le maçon, la fiancée; Fra Diavolo, la neige, кажд.	1 15
Herold. Zampa, Marie, chaque.	1 15
Meyerbeer. Il crociato.	1 15
Rossini. Othello; donna del lago, Armida, Tancred, Elisabeth. каж.	1 15
Mozart: La flûte enchantée, Don Juan, la noce de Figaro, каждая.	1 15
Bellini. Norma.	1 15
Cherubini. Les deux journées, Medea, Faniska, Elise, каждая.	1 15
Увертюры для одного фортепіано.	
Auber. Les diamans de la couronne, Zanetta, Le philtre, каждая.	85
Bellini. Norma, Puritani, Il pirata; Capuleti, Straniera, каждая.	85
Donizetti. Anna Bolena, Belisario, la favorite, la fille du Régiment, Fausta, Marino falliero, Parisina, Robert Devereux, chaque.	85
Halevy. Les treize, la reine de Chypre, il guitarrero, каждая.	1
— La Juive, l'eclair, chaque.	1 30
Mendelssohn Bartholdy. Die Hebriden, les noces de Gamacho, Meeresstille, Sommernachtstraum, Paulus, chaque.	85
Mercandante. Elisa e Claudio	1 30
Meyerbeer. Les Huguenots	1 15
— Robert le diable	90
Reissiger. Libella, Yelva, каждая.	75
Ricci. Chiara di Rosenberg.	85
Rossini. Guillaume Tell.	85
Thomas. La double echelle.	50
Для фортепіано въ четыре руки.	
Abt. Album musical des jeunes pianistes: 6 rondinos d'après des poésas.	3 15

Digitized by Google

	R.	K.
...o. Deux petits rondeaux sur la Norma.	1	43
...er. Deux divertissements militaires, op. 69, каждая.	1	
Burgmueller. La fête aux champs, quadrille.	1	
— La fête au couvent, quadrille.	1	
Diabelli. La fête domestique, six petits rondeaux, каждая.		86
Doehler. Morceau de salon, deux études.	1	29
— Petite fantaisie sur la Norma.	1	15
Fesca. Souvenir à Henselt, trois morceaux de salon.	2	
Heller. La chasse, op. 29.	1	
Herz. Air montagnard.	1	43
Huenten. Quatre airs de la favorite, op. 120, каждая.	1	
Louis. Variations brillantes sur Don Pasquale.	1	29
Marks. Trois fantaisies sur des opéras de Donizetti, каждая.	1	29
Mendelssohn. Psalm op. 51.	1	72
Rosellen. Cavatine de Torquato Tasso.	1	15
Rosenhain. Trois petits duos, chaque.		85
Rummel. Galop de la fille du régiment.		72
Schwenke. Six divertissements en forme de marches, 2 cahiers, каж.	1	72
Thalberg. Fantaisie sur Don Juan.	2	85
— Andante final de la Lucia.	1	43
Wolff. Grand duo sur le ballet Giselle.	2	
— do. sur la Juive, do. sur les Huguenots, каждая.	2	29
— do. sur la favorite.	2	
Bernard. Contredanses françaises à quatre mains.		85
Podabedoff. do. sur la Gitana.		75
Czerny. Deux contredanses favorites à 4 mains, каждая		85

Для одного фортепіано.

Bernard. Repertoire de l'opera italien à St. Pétersbourg, contenant:		
N° 1. Quintetto de la Sonnambula de Bellini.		50
N° 2. Canzonetta du Barbier de Rossini.		30
N° 3. Air final de la Lucia.		75
N° 4. Sextetto de la Lucia.		50
Henselt. Chanson de printemps.	1	
Haberbier. La cascade, étude.		85
Liszt. Galop favori de Bulgakoff, arrangé.		75
Schiller. L'écho du Passé, rêverie.		85
— L'aurore, second Rêverie.	1	15
Thalberg. Un soupir, mélodie variée.		43
— Grande fantaisie sur Lucrezia Borgia.	1	72
— do. sur la Sémiramide.	2	29
Tscherlitzky. Romance de Rossini, transcrite.		85
Vollweiler. Любила я, romance du comte M. Wielhorsky, transcrite.		75

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго іюля седьмая тетрадь музыкальнаго журнала НУВЕЛИСТЪ, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

Herz. Thême arabe, varié. — Mendelssohn. Chanson sans paroles. — Doehler. L'inconstante, valse. — Bertini. Un rien. — Labitzky. Polka. Осиповъ. Не вѣрьте мнѣ, романсъ. — Masini. Rose-Marie, romance. — Литературное Прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 50к. сер.

Digitized by Google

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. А. Исакова.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны на серебро.)

РОСКОШНЫЯ ИЗДАНІЯ.

	Р. К.
La Chine ouverte. Aventures d'un Fan-Kouei dans le pays de Tsin, par Old Nick, ouvrage illustré par Aug. Borget. Un vol. gr. in 8. Paris. 1844 . .	4
Les Environs de Paris paysages, histoires, monuments, mœurs, chroniques et traditions, ouvrage rédigé par l'élite de la litterature contemporaine sous la direction de MM. Ch. Nodier et L. Lurine. Un vol gr. 8, illustré de 200 dessins. Paris. 1844.	4
Les Etrangers à Paris, texte par MM. Janin, Old Nick, Gozlan, Royer, Mery, St. Hilaire, etc.; illustrations de MM. Gavarni, Th. Guerin, Emy, Lorsay etc. Un magnifique vol gr. in 8, publié en 50 livrais. Paris. 1844.	4
La Nouvelle Heloïse, édition illustrée par MM. T. Johannot, Em. Vattier, Girardet etc. de 250 beaux dessins, dont 25 à 30 tirés à part sur papier de chine gr. in 8. Paris. 1844	7
Cent proverbes par Grandville et par trois têtes dans un bonnet. Un vol. gr. in 8, illustré de 50 dessins à part. Paris. 1844	4
La Bretagne ancienne et moderne par Pitre Chevalier, illustré par MM. A. Leleu et Penguilly. Un vol. gr. in 8, orné de gravures sur acier. Paris. 1844.	5 72
Arioste. Roland Furieux, traduction nouvelle par M. V. Philipon de la Madeleine; illustré par T. Johannot, Baron etc. Un gros vol in 8. Paris. 1844 . .	4 50
Contes du temps passé, par Ch. Perrault, illustrés, par Pauquet, Marry Jeanson Jacques etc. texte gravé par Blanchard. Un vol. gr. in 8. Paris. 1843 .	4
Vies des Saints pères et martyrs par Godescard. Ornées de 30 superbes vignettes d'après Leloir. Un beau vol. gr. in 8. Paris. 1844.	5 15
Encyclopedie des chemins de fer et des machines à vapeur à l'usage des praticiens et des	

Digitized by Google

P. K.

par F. Tour-
. in 12, avec 12
Paris. 1844. . . . 1 43
NAIRE du constructeur
Vademecum des architec-
ces, propriétaires, entrepre-
neurs, etc., 3 edit. Un vol. in
12. Paris. 1844. . . . . 1 15

MANUEL DU DROIT PUBLIQUE ecclesiastique français, par M. Dupin. Un vol. in 18. Paris. 1844 . . . . . 1 43

AIDE-MEMOIRE portatif d'art militaire et de fortification, par Lebas. 2 édit. Un vol. in 18, avec planches. Paris. 1843 . . 1 43

PROPOSITIONS et expériences relatives au pointage des bouches à feu en usage dans l'artillerie navale. Par E. Cornulier. Un vol. in 8, avec planches. Paris. 1843 . . . . . 2 15

PROJET d'un modèle de magasin à poudre à l'abri de la bombe, par Merkes, in 8, avec pl. Paris. 1843. 85

HISTOIRE DE LA GUERRE DE LA PENINSULE et dans le midi de la France par le General Navier, trad. par le G. Dumas, tomes 11, 12 et 13, in 8, avec 2 atlas folio. Paris. 1844 . 10

PROJET d'une nouvelle fortification, ou tentatives d'améliorations dans le système bastionné par Merkes, in folio cart. Paris. 1843 . . . . . 1 72

COURS élementaire de fortification fait a l'École speciale militaire, par A. R. Emy. Un vol. in 8 et atlas de 16 planches in 4. Paris. 1843 . . . . . 4 30

ANNUAIRE des voyages et de la Geographie pour l'année 1844, par une réunion des Géographes et des Voyageurs in 18. Paris. 1844 43

ENSEIGNEMENT élementaire universel ou Encyclopedie de la Jeunesse; illustré de 400 grav. ouvrage également utile aux jeunes gens, aux mères de famille, aus instituteurs et aux gens du monde, par une société de savants et de gens de lettres. Un gros vol. petit in 8, avec fig. dans le texte. Paris. 1844 . . . . . 2 85

ANALISE DU JEU DES ECHECS par Philidor, avec une nouvelle notation abregée, et 42 planches; nouv. edit. in 18. Paris. 1844 85

APHORISMES D'HIPPOCRATE, traduits en francais avec le texte en regard, par Littré, in 12. Paris. 1844 85

DES FALSIFICATIONS des substances alimentaires et des moyens chimiques de les reconnaitre, par MM. J. Garnier et Ch. Harel. Un vol. in 12. Paris. 1844. . . . . 1 30

HISTOIRE DE LA REVOLUTION française, de l'Empire et de la Restauration, par MM. Burette et Ladet. 1-re partie. Preliminaires, Assemblée Constituante. 1789–1791 in 12. Paris. 1843 . 1

LE BON JARDINIER, Almanach pour l'annee 1844. Un gros vol. in 8, de 1194 pages avec 39 fig. dans le texte. Paris . . . 2

LA MEDICINE DES PASSIONS, ou les passions considerées dans leurs rapports avec les maladies etc., par Descuret. 2-e edit. augmentée. Un vol. in 8. Paris. 1844 . . . . . 2 30

PETIT ATLAS complet d'anatomie descriptive du corps humain, ouvrage destiné à completer tous le traités d'anatomie descriptive; par Masse. 112 planches, in 8, avec le texte explicatif. Paris. 1843, cartonné . 5 72

RECHERCHES HISTORIQUES sur l'exercice de la Medicine dans les temples chez les peuples de l'antiquité, par A. Gaulier. 1 vol. in 12 Paris. 1844 . . . 1

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE d'histoi-

Digitized by Google

re naturelle pharmaceutique et medicale, par Favrot. 2 vol. in 8, avec 500 fig. dans le texte. Paris. 1843. . . . . 4 85

Melanges de Chirurgie et comptes rendus de la pratique chirurgicale de l'hotel Dieu de Lyon, par Janson. Un vol. in 8. Paris. 1844. 2

Theorie élementaire de la Botanique ou exposition des principes de la classification naturelle et de l'art de décrire et d'étudier les végéteaux; par Aug. de Candolle, 3-e edit. Un vol. in 8. Paris. 1844. . . . 2 30

Cours d'Agriculture, par le Comte de Gasparin, tome 1-r, in 8. Paris. 1844. . . . . 2 15

Traité de l'éducation des abeilles, par M. de Frarière, 1 vol. in 12. Paris. 1843. 1

Memoires sur les developpements des végéteaux, par M. Payen. Un vol. in 4, avec 16 planches. Paris 1844 . . . 6 85

Histoire des insectes nuisibles à la vigne et particulièrement de la Pyrale, par V. Audoin. Un fort vol. in 4, avec 25 planches, toutes éxecutées d'après nature. Paris . 20 57

Traité des maladies chirurgicales et des opérations qui leur conviennent, par le Baron de Boyer, 5 édition, 6 vol. in 8. Paris. 1844. . . . . 13 72

Methode d'Equitation, basée sur de nouveaux principes, par Baucher, 6 edit. Un vol. in 8, avec planches. Paris. 1844 . 1 72

Traité d'Equitation, suivi d'un appendice sur le jeune cheval, par le V-te d'Aure, 2-e edit. Un vol. in 8, avec planches. Paris. 1844 . . . . . 4 30

Traité d'Equitation sur des bases Geometriques, par Carisot. Un vol. gr. in 8, orné de 74 fig. Paris. 1843 . . . . . 2 85

Cours d'Esthetique, par Jouffroy. Un vol. in 8. Paris. 1843. 2 15

Oeuvres de Turgot, nouv. edit. avec des notes et des lettres inédites. 2 vol. in 8. Paris. 1844 . . . . . 5 72

Traité théorique et pratique de la fabrication du fer avec un éxposé des ameliorations. Un vol. gr. in 8 et atlas in 4. Brux. 1844 . . . . . 9 15

L'Inde Anglaise en 1843, par le comte E. de Warren, 3 vol. Brux. 1844 . . . . . 2 10

La Havane, par M-me la Comtessé Merlin, 3 vol. Brux. 1844. 2 10

George, Moreau, Pichegru, par Marco de St.-Hilaire. Un vol. Brux. 1844 70

Le Duc d'Enghien, épisode historique des temps du Consulat, par M. de St.-Hilaire. 1 vol. . 70

Cours de Droit naturel, par Ahrens. 2-e edit. augmentée. Un vol. in 8, Brux. 1844. . . . 2 50

Soulevement national de l'armenie chretienne au 5 siècle contre la loi de Zoroastre, ouvrage écrit par E. Vartabed, trad. en français par Kabaragy Garabet. Un vol. in 8. Paris. 1844. . . . . 2 15

De l'Influence du Christianisme sur le droit civil des Romains, par Troplong. Un vol. in 8. Paris. 1843 . . . . . 2 57

Etudes sur les machines locomotives de Sparp et Roberts, comparées à celles d'autres constructeurs. Un vol. et atlas in 4. Paris. 1844.

Annuaire de l'Economie politique pour 1844, par MM. Blanqui, Chevalier, Moreau Jones, etc. in 18. Paris. 1844 . . 36

Conseils aux mères sur l'éducation physique des enfants, par Huffland. Un vol. in 18. Brux. 50

Essai d'Hermatologie patholo-

Digitized by Google

	P.	K.
gique, par Andral, in 18. Bruxelles 1843.		70
Elements d'Electro-chimie appliquée aux sciènces naturelles et aux arts, par Becquerel. Un vol. in 8. Paris. 1843 . .	2	15
Memoires de Chimie, par M. Dumas. Un vol. in 8. Paris. 1843	2	15
Supplement au Dictionnaire de la Conversation et de la lecture, tome 1-r, in 8, à 2 col. Paris. 1844	1	43
(L'ouvrage aura 9 volumes.)		
Recherches théoriques et experimentales sur les roues à réaction ou à tuyaux, par M. Combes, in 4, avec planches. Paris. 1843	2	85
Théorèmes et problèmes de Geométrie élémentaire, par Ch. de-Laffremoire. Un vol. in 8. Paris. 1844, avec planches . .	1	72
Souvenirs de la Guerre civile en Espagne, par le General Prince Lichnowsky, 2 vol. in 8. Paris. 1844	4	30
Histoire de Saint Pie V Pape de l'ordre des frères precheurs, par le V-te de Falloux. 2 vol. in 8. Paris. 1844 . . .	3	43
Le Glacier Royal, ou art de donner des Bals et Soirées, par Bernardi. Un vol. in 12, avec planches. Paris. 1844. . . .	1	
Histoire des expeditions maritimes des Normands et de leur établissement en France, par Depping, nouv. edit. entièrement refondue, 1 vol. in 12. Paris. 1844.	1	
Cours de litterature dramatique, ou de l'usage des passions dans le drame; par M. Girardin. Un vol. in 12. Paris. 1843	1	
Oeuvres morales de Plutarque traduits du Grec, par Ricard. 5 vol. in 12. Paris. 1844.	4	30
Souvenirs Intimes de M. le Comte de Mesnard. Premier écuyer et chevalier d'honneur de M-me la duchesse de Berri. 3 vol. in 8. Paris. 1844 . . .	6	
Histoire des Institutions Carolingiennes et du Gouvernement des Carolingiens, par Lehuërou, 1 vol. in 8. Paris. 1843.	2	30
Les Etrangers en France sous l'ancien droit et les nouveaux droits, par M. Sapey. Un vol. in 8. Paris. 1843	1	15

Печатать позволяется, 25 іюня 1844. Старшій цензоръ Рочфортъ.

4475

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google